

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

PALESTINE PLAN OF PARTITION WITH ECONOMIC UNION PROPOSED BY THE AD HOC COMMITTEE ON THE PALESTINIAN QUESTION

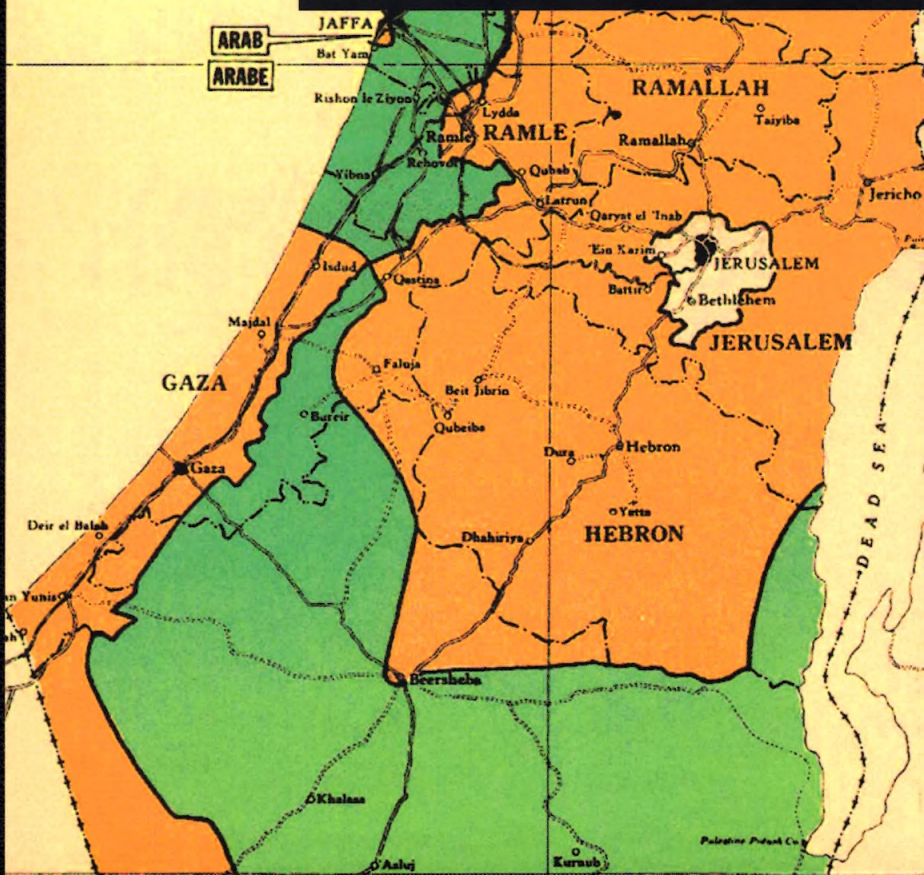
- Arab State
- Jewish State
- City of Jerusalem

ГОВАРД М. САКЕР

История Израиля

ТОМ II
1952-1978

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

Серия основана издательством
КНИЖНИКИ В 2010

издательская программа
СЕМЬИ АМИНОВЫХ

HOWARD M. SACHAR

A History of Israel

From the Rise
of Zionism
to Our Time

volume II

1952-1978

ГОВАРД М.САКЕР

История Израиля

От зарождения
сионизма
до наших дней

ТОМ II

1952–1978

При поддержке
семьи Аминовых и Фонда Ави Хай

МОСКВА, 2011

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ СИОНИЗМА
ДО НАШИХ ДНЕЙ. ТОМ 2. 1952–1978

Говард М. Сакер

Первое издание на русском языке

Главный редактор БОРУХ ГОРИН
Руководитель проекта МЕНАХЕМ ЯГЛОМ
Ответственный редактор МАРИНА ГУТГАРЦ
Перевод ВИКТОР ГОПМАН
Научный редактор ЛЕОНИД ПРАЙСМАН
Литературные редакторы КСЕНИЯ АГАЛЛИ,
КОНСТАНТИН КЛЮШНИКОВ
Корректор ВИКТОРИЯ РЯБЦЕВА
Координатор РЕГИНА-РАХЕЛЬ ШКОЛЬНИК
Художественное оформление АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО
Верстка АЛЕКСЕЙ ТУБОЛЬЦЕВ
Ответственный за выпуск ЯКОВ РАТНЕР

Издательство благодарит ДАВИДА РОЗЕНСОНА
за участие в разработке этой серии

Говард М. Сакер

С15 История Израиля : в 3 томах. : Перевод с английского Виктора Гопмана / Говард Морли Сакер — М: Книжники; Текст; 2011 — (История евреев)

ISBN 978-5-9953-0124-0 (“Книжники”)

ISBN 978-5-7516-0972-6 (“Текст”)

Том 2: От зарождения сионизма до наших дней : 1952–1978. — 2011. — 622[2] с.

ISBN 978-5-9953-0146-2 (“Книжники”)

ISBN 978-5-7516-0174-0 (“Текст”)

Второй том “Истории Израиля. От зарождения сионизма до наших дней” Говарда М. Сакера, видного американского ученого, рассказывает об истории Государства Израиль с середины 1950-х до середины 1970-х годов – о развитии страны, происходившем в обстановке непрерывной борьбы с арабскими государствами, которых активно поддерживал Советский Союз. Описаны выдающиеся победы израильской армии в 1967 и 1973 гг., сложные процессы, которые, в конечном итоге, привели к заключению мирного договора с Египтом.

© Текст. Говард Морли Сакер. 2007

© Издание на русском языке. “Книжники”, “Текст”. 2011

© Издание на русском языке. Фонд Ави Хай. 2011

Эта книга
посвящается благословенной памяти
ЗАЛМАНА-ХАИМА БЕРНСТАЙНА ז"ל
и управляющим основанного им Фонда Ави Хай —
за их энтузиазм, попечение и озабоченность жизнью еврейского народа
в Израиле, США и странах бывшего СССР.
Пусть Всевышний, как и раньше, всегда дарует им силы
и успех во всех делах и начинаниях!

*Семья Аминовых,
Москва, Россия*

This Book is Dedicated to the Memory of
ZALMAN CHAIM BERNSTEIN O.V.M.
and the Trustees of the AVI CHAI Foundation that he established
For their ongoing passion, care and concern for the Jewish People in Israel,
the United States and the former Soviet Union.
May the Al-mighty grant them strength
and continued success in all.

*The Aminov Family
Moscow, Russia*

Содержание

Глава XVII. Синай и Суэц

В тени Насера	11
Израиль в изоляции	16
Даян создает боевые части	22
В поисках союзника	29
Вызов Насера	34
Израиль выходит на сцену	39
Начало операции “Кадеш”	45
“Разъединение участников боевых действий”	51
Завершение операции “Кадеш”	54
Мир вне себя	58
Израиль добивается гарантий безопасности	65
Формулировка найдена	69

Глава XVIII. Годы экономического роста и социального развития

Становление государства	77
Покорение земли и воды	80
Открытие пустыни, открытие морских путей	86
Точка взлета	94
Арабское меньшинство	100
“Другая половина” израильского еврейства	109

Глава XIX. Десятилетие политических и дипломатических достижений

Кризис в системе верховной власти Израиля: “дело Лавона”	116
Последствия и отголоски: перестройка политических партий	122

Процесс Эйхмана	130
Улучшение отношений с Германией	143
Оружие и дипломатия	147
Израиль, Франция и Европейское экономическое сообщество	155
Израиль и развивающиеся страны	162
Израиль—Африка: медовый месяц	167

Глава XX. События культурного и идеологического характера

Становление арабской интеллигенции	177
Развитие культуры еврейского большинства: образование и наука ..	182
В поисках самоидентификации и стиля	192
Новая ивритская литература	198
Поколение “Палмаха”	203
Духовный кризис	209
Конфронтация с ортодоксами	215
Кого считать евреем?	222
Стремление к гибкости внутри ортодоксальной общины	232
В поисках духовных альтернатив	239

Глава XXI. Шестидневная война

Превратности фортуны Насера	246
Сирийский тигр вырвался на свободу	251
Москва оседлала тигра	258
Насер возвращается в Газу и Шарм-аш-Шейх	261
Возобновление блокады	267
Дипломатическая борьба, политический кризис	272
Наращивание арабских сил	278
Источники израильской военной мощи	281
Принято решение атаковать	286
Гром с небес, бронированный кулак	289
Арабы в замешательстве	293
Мир в шоке	296
Израиль завоевывает Синай	299
“Золотой Иерусалим”	303
Возмездие на Голанских высотах	310
Объединение дипломатических усилий	319

Глава XXII. Израиль — империя

Объединенная столица	326
Западный берег	330
Израиль ждет “телефонного звонка”	334
Израиль закручивает гайки	340
Усиление арабского сопротивления	347
Экономические итоги израильской оккупации	353
Война на истощение	356
Советский Союз наращивает свое присутствие	363
Изменение тактики арабских боевиков	369
Цена процветания	379
Израильский “общий рынок” на контролируемых территориях	382
Противоречивые мнения относительно территориального будущего Израиля	388

Глава XXIII. Израиль и мировое еврейство

Мобилизация диаспоры	397
Израиль: новое понимание сионизма	402
Кризис американского сионизма	407
Диаспора вносит свой вклад	412
Перестройка Еврейского агентства	418
“Евреи молчания”	422

Глава XXIV. Война Судного дня

Политика самоуспокоенности	437
Переоценка военной стратегии	442
Садат принимает решение	447
Садат завершил свою подготовку	452
Провал израильской разведки	457
Лавина с севера	462
Приливная волна захлестнула берег Суэцкого канала	467
Переоценка приоритетов	473
Схватка покровителей	479
Стабилизация ситуации и контрнаступление	485
Перемена ситуации на Южном фронте	490
В СССР проявляют беспокойство	496
Израиль склоняется к уступкам	504

Глава XXV. После землетрясения

Израиль снова в изоляции	509
Челночная дипломатия и первая стадия разъединения	516
Политическая жизнь: смена караула	525
Цена неокончательной победы	536
Кризис челночной дипломатии	544
Разъединение и передышка	551
Опасность не миновала	561
Рабин: годы терпеливого ожидания	567

Глава XXVI. Начало эры Ликуда

Эпитафия Партии труда	571
Электоральный переворот	576
Израиль уходит вправо	579
“Внутренний враг”	585

Глава XXVII. Примирение с Египтом

Садат в поисках мира	592
Хиджра в Иерусалим	597
Холодный свет зари	603
Отход и прорыв	608
Основы соглашений	610
Садат маневрирует, Картер играет свою игру	613
Паломничество на Ближний Восток	616

Глава XVII.

Синай и Суэц

В тени Насера

Начиная с лета 1952 г. и до осени 1970 г., на протяжении практически двух десятилетий, история арабского мира в значительной степени зависела от Гамалея Абделя Насера, самой харизматичной фигуры Ближнего Востока со времен Мухаммеда Али¹, правившего Египтом за век с четвертью до времен Насера. Высокий, горбоносый, тридцати четырех лет от роду (в 1952 г.), полковник Насер был сыном почтового работника в Верхнем Египте. С молодых лет являлся активным противником британского режима и принадлежал к неофашистской организации “Зеленые рубашки”. В годы Второй мировой войны тщетно пытался наладить сотрудничество с нацистами. Не-

¹ Мухаммед Али (1769–1849) — египетский государственный и военный деятель, правитель Египта (1805–1842). Сын мелкого албанского помещика в Македонии. В 1802 г. был отправлен по приказу турецких властей в Египет как помощник командира албанского отряда для борьбы с войсками мамелюков. В 1805 г. возглавил восстание египтян, недовольных как мамелюками, так и турецким владычеством. В мае 1805 г. собрание шейхов провозгласило Мухаммеда Али правителем Египта. Отразил вторжение турок. Провел аграрную реформу, отдав крестьянам землю феодалов-мамелюков, создал египетскую современную армию, насчитывавшую в 1830-х гг. около 130 тыс. человек, и построил флот. Впервые в истории Египта были созданы светские школы. Присоединил к Египту Аравию, Судан, Сирию, Палестину, Ливан. В 1831 г. вспыхнула война между Египтом и Турцией. В июле 1832 г. египетская армия под командованием сына Мухаммеда Али Ибрахим-паши разгромила турецкую армию и вступила в Анатолию. Только вмешательство России и Великобритании, отправивших на помощь султану войска и флот, спасло Турцию. В 1833 г. был заключен мирный договор. В 1839 г. началась новая война, английские войска разбили египетскую армию, и в результате договора 1841 г. Мухаммед Али сохранил в своем владении только Египет и Судан.

ненависть к британскому режиму усугубилась позором военного поражения в Палестине, нанесенного евреями. Насер, как и другие офицеры его поколения, считал, что разгром палестинских сил стал следствием не стойкости и отваги еврейского народа, а бездарности и коррупции режима Фарука². Решительные и далеко идущие политические перемены представлялись ему единственным способом решения проблем, стоящих перед страной. По возвращении в Египет Насер и его единомышленники — в том числе Анвар Садат³, Абдель Хаким Амир, Салах Салим, Захария Мухи аль-Дин — пополнили свои ряды сторонниками из числа египетских офицеров, и 23 июля 1952 г. взяли власть в свои руки в результате бескровного переворота. Буквально в последний момент они пригласили к участию генерал-майора Мухаммеда Нагиба⁴ — с тем, чтобы тот номинально возглавил восстание.

- 2 Фарук (1920–1965) — египетский король в 1936–1952 гг. (до июля 1937 г. правил регентский совет). Проводил крайне непопулярную в стране политику, полностью завися от властей Великобритании. Всеобщая ненависть к возглавляемому им режиму и к самой личности монарха резко усилилась после поражения египетской армии в Войне за независимость. В июле 1952 г. организация “Свободные офицеры” осуществила в стране государственный переворот и свергла монархию. Фарук был выслан из Египта. В 1959 г. принял гражданство Монако, умер в Риме.
- 3 Ас-Садат Мухаммед Анвар (1918–1981) — египетский государственный, политический и военный деятель. В 1938 г. окончил военный колледж в Каире. Был близок к идеологии “Братьев-мусульман”. Во время Второй мировой войны возглавил подпольную группу антибритански настроенных офицеров, которая установила контакты с командованием немецко-итальянских войск в Северной Африке. В 1942 г. был арестован, пробыл в заключении до 1945 г. В 1949 г. вступил в организацию “Свободные офицеры”; из-за своей идеологической близости к “Братьям-мусульманам” до 1957 г. не назначался на ответственные посты. С 1957 г. — депутат Национального собрания. В 1960–1961 гг. и в 1964–1968 гг. — председатель Национального собрания. В 1967–1970 гг. — вице-президент, а с октября 1970 г. — президент Египта. Сразу же после прихода к власти Садат выступил против проводившегося Насером социалистического курса. Начал политику, направленную на сближение с США. В 1972 г. по его распоряжению были высланы советские военные советники. Садат решил, что для восстановления престижа Египта необходима победоносная война против Израиля с ограниченными военными целями. После Войны Судного дня 1973 г. Садат решил, что он может вернуть Синайский полуостров и установить дружеские отношения с США, заключив мирный договор с Израилем. Исторический визит А. Садата в Иерусалим в ноябре 1977 г. привел к заключению мирного договора между Израилем и Египтом 26 марта 1979 г. В 1978 г. А. Садату и М. Бегину была присуждена Нобелевская премия мира. В 1981 г. Садат был убит террористами из организации “Братья-мусульмане”.
- 4 Нагиб Мухаммед (1901–1984) — египетский военный и государственный деятель, окончил английский колледж в Хартуме и Королевскую военную академию в Каире. В 1924 г. ему был присвоен первый офицерский чин. С 1948 г. — генерал-майор, участвовал в Войне за независимость. После государственного переворота 23 июля 1952 г. — главнокомандующий египетской армией, председатель Совета руководства

Король Фарук был отправлен в изгнание, и победившие офицеры принялись претворять в жизнь свои планы. Были отменены титулы “бей” и “паша”. Были экспропрированы земельные владения площадью более 200 акров (впрочем, этот декрет скорее существовал на бумаге, чем претворялся в жизнь). Из государственных учреждений были уволены коррумпированные и бесчестные чиновники. В июне 1953 г. Египет был провозглашен республикой. Впрочем, через несколько месяцев пришедшие к власти офицеры приступили к реализации более радикальных и, в конечном итоге, более репрессивных программ. Была отменена конституция, распущены политические партии, а аресты по политическим мотивам стали более частыми. На протяжении последующих полутора лет шла междоусобная война Насера с Нагибом, пока наконец, в марте 1954 г., Насер не вытеснил Нагиба с поста премьер-министра. Впоследствии Насер стал президентом страны.

С тех пор основными задачами Насера, помимо сохранения своего поста, стали освобождение от британской оккупации и борьба с бедностью и социальным застоём. Ранее и англичане, и египтяне предпочитали достигать своих целей путем взаимного согласия. Возобновились переговоры по Суэцу и по Судану, и в июле 1954 г. удалось достигнуть соглашения об отходе Великобритании из зоны Суэцкого канала; предполагалось, что процесс отхода завершится по прошествии следующих 12 месяцев. Соглашение о судьбе Суэцкого канала вызвало ликование в стране, а точнее говоря, во всем арабском мире — похоже было, что достигнута основная цель внешней политики Египта. Однако в начале 1955 г., будучи не в силах решить самые серьезные внутренние проблемы, Насер отошел от традиционной египетской политики антиколониализма. Создавая в стране все более строгий полицейский режим, он предложил народу, в качестве компенсации и для отвлечения внимания от трудностей, новую воинственную программу мирового лидерства. Насер начал заявлять в своих публичных выступлениях, что судьба Египта — возглавить борьбу против империализма по всему Ближнему Востоку, объединив для этого арабские страны в Панарабское содружество наций. Идеи Насера стали обретать форму, когда Ирак согласился на создание Багдадского пакта — обновленного варианта организации “Ближневосточный оборонительный союз”, идея создания которой была отвергнута Египтом в 1951 г. Поскольку Великобритания стала

революцией (с августа 1952 г.). Президент Египта (1953 г.). Разногласия с членами Совета руководства революцией и в первую очередь с Гамалем Абделем Насером, по поводу дальнейших преобразований и борьба Нагиба против крепнущей диктаторской власти Насера привели его к отставке со всех занимаемых постов (ноябрь 1954 г.). Был заключен под домашний арест. Никогда больше не принимал участия в политической жизни.

государством-членом Пакта, а США впоследствии стали членом военного комитета Пакта, у Насера не осталось сомнений, что западные страны, совсем недавно покинувшие Ближний Восток, возвращаются — через северный “черный ход”. Более того, Насер ощутил, что под угрозой оказалась его заветная мечта о лидерстве в арабском мире.

Молодой полковник принял этот вызов с присущими ему находчивостью и безжалостностью. Были использованы все возможные национальные ресурсы — дипломатия, подкуп, подрывная деятельность, а также личные качества самого Насера, его умение убеждать и воздействовать на собеседников, с тем чтобы возбудить националистические чувства арабских стран и настроить их против создаваемого Пакта. Именно в ходе этой кампании египетский правитель укрепился в своих намерениях стать главным поборником панарабизма, и с этой целью он принялся наращивать свой военный потенциал, заключать соглашения с другими арабскими странами, подрывать влияние стран Запада в средиземноморском регионе путем пропаганды и саботажа, а также расширять диверсионную войну против Израиля. Однако на первых порах Насеру не удалось приобрести современное оружие ни в США, ни в Великобритании, ни во Франции, поскольку эти страны продолжали придерживаться положений Трехсторонней декларации (май 1950 г.), предусматривавшей замораживание продажи оружия в ближневосточном регионе. Тем не менее вскоре ему представились новые возможности. В апреле 1955 г. Насер отправился в Бандунг на Афро-азиатскую конференцию, где увидел, какой престиж и влияние можно обрести среди “нейтральных” стран. Там же по рекомендации Чжоу Эньлая, премьера Государственного совета КНР, Насер принялся изучать возможности приобретения вооружений в странах советского блока.

Москва с готовностью откликнулась на просьбу. Стремясь отреагировать на создание Багдадского пакта, СССР был согласен рассмотреть любые возможности, которые могли бы подорвать влияние Запада на Ближнем Востоке. Вот при каких обстоятельствах Насеру удалось заключить в августе 1955 г. эту имеющую историческое значение сделку по приобретению оружия. Ему было позволено закупить в Чехословакии современные виды вооружений на сумму порядка 320 млн долларов. Платежи, на беспроцентной основе, распределялись на 12 лет и должны были осуществляться за счет поставок египетского хлопка. Ассортимент вооружений превосходил все принятые на Ближнем Востоке стандарты и не имел прецедентов: 200 танков, 150 артиллерийских орудий, 120 истребителей “Миг”, 50 бомбардировщиков, 20 транспортных самолетов, два эсминца, две подводные лодки, 15 тральщиков, а также сотни боевых машин и тысячи единиц современного стрелкового оружия и пулеметов. Доставка осуществлялась немедленно. В рамках заключенного одновременно с этим договора Сирия, партнер Египта по оборонительному

альянсу, получала от государств советского блока дополнительно 100 танков, 100 истребителей “Миг”, сотни артиллерийских орудий и бронетранспортеров. Для подготовки египетского и сирийского личного состава командировались советские и чешские инструкторы. Существуют доказательства, что, вооружая Египет, советское руководство ставило задачу убедить его не присоединяться к Багдадскому пакту. Но фактически удалось добиться большего. Неожиданное нарушение баланса сил в регионе способствовало тому, что западные державы вскоре вообще покинули Ближний Восток.

Получив оружие и приобретя соответствующую репутацию, Насер продолжил реализацию своей концепции панарабизма. В октябре 1955 г. он подписал договор о взаимопомощи с Дамаском. К апрелю следующего года Саудовская Аравия и Йемен заключили пятилетний трехсторонний военный союз с Египтом. Если Насер не мог достичь чего-либо путем подписания официальных документов, он добивался этого подрывным путем. Когда король Иордании Хусейн высказал намерение присоединиться к Багдадскому пакту, то по наущению Насера в стране начались беспорядки, которые привели в декабре 1955 г. к отставке всего иорданского кабинета министров. Два месяца спустя король Хусейн был вынужден, не вдаваясь в объяснения, отправить в отставку генерала Глабба, командовавшего Арабским легионом, и приказал ему покинуть страну. Поставив задачу подорвать влияние Великобритании в Африке, Насер усилил радиопропаганду, поощряя мятежников племени мау-мау в Кении, а также исламские меньшинства в Эритрее и Эфиопском Сомали. Он также вел кампанию подстрекательства во французском Магрибе. В конце 1955 г. Египет финансировал Фронт национального освобождения Алжира, а также снабжал его советским оружием.

Израиль в списке амбиций Насера, разумеется, занимал одно из первых мест. Как ни странно это звучит, но через три недели после египетского “мятежа полковников” в июле 1952 г. Бен-Гурион решил протянуть новому режиму “руку помощи”, заявив во время своего выступления в *кнессете*, что Израиль хотел бы видеть “свободный, независимый и прогрессивный Египет”. В конфиденциальном порядке он предложил Каиру экономическую помощь и политическое содействие. Собственно говоря, поначалу египетская хунта положительно отозвалась на эти предложения. В марте 1953 г. Израиль принял к рассмотрению египетский ответ. Каир запросил 120 млн долларов в качестве компенсаций беженцам, внесение некоторых изменений вдоль линии израильско-египетской границы и доступ к Иордании через южную часть Негева. Израильцы выказали согласие начать соответствующие переговоры, поставив условием прекращение арабского бойкота и блокады. Общение между сторонами осуществлялось через посредников, в числе которых были будущий министр финансов США Роберт Андерсон, члены британского парламента и журналисты. И все же к весне 1954 г.

Насер прекратил все контакты с еврейской стороной, и в декабре того же года Салах Салим, египетский министр по вопросам национальной координации, официально заявил, что Египет никогда не заключит мирный договор с Израилем, даже если евреи согласятся выполнить все резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины и о статусе беженцев. Это заявление было сделано в то время, когда в правительственных структурах Египта было занято много немцев — бывших нацистов и когда против Израиля начала разворачиваться новая, организованная Египтом кампания подрывной деятельности.

До недавнего времени основной базой для совершения бандитских вылазок на территорию Израиля служила хашимитская Иордания, но в 1954 г. руководство этих группировок переместилось в Египет. В мае—июле 1954 г. Израиль направил почти 400 жалоб в израильско-египетскую Смешанную комиссию по вопросам перемирия, подчеркивая, что интенсифицировались вылазки из Газы. К октябрю отряды федаинов, обученные и вооруженные на египетских военных базах, начали проникать в глубь территории Израиля. Они минировали дороги, мосты, водопроводы, похищали сельскохозяйственное оборудование и скот. Вскоре под угрозой оказалась вся израильская программа развития южных территорий пустыни Негев, и поселенцы начали покидать места жительства. В одном только феврале 1955 г. произошло 45 инцидентов, и тогда израильтяне провели 28 февраля в Газе ответную воинскую операцию (Гл. XVII. Даян создает боевые части). После недолгого перерыва отряды федаинов возобновили свои вылазки; они добирались уже до окраин Тель-Авива, ежемесячно причиняя ущерб десяткам мирных жителей. Канадский генерал Э. Л. М. Бернс, руководитель ОНВУП (Органа ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине) совершал регулярные поездки из Каира в Тель-Авив и обратно, изыскивая действенные способы немедленного прекращения этих нарушений. Все его усилия были тщетны. К лету 1955 г. египетские вооруженные силы получили в свое распоряжение первую партию чешского оружия, и Насер хвастливо заявил, что наконец-то у арабской страны имеются все возможности уничтожить Израиль. Как бы в преддверии этого момента истины Арабская лига объявила 11 октября, что “откладывает” принятие ирригационного плана Эрика Джонстона по распределению водных ресурсов реки Иордан.

Израиль в изоляции

У Израиля были все основания для беспокойства в начале 1953 г., когда Лондон и Вашингтон с особым рвением стали добиваться участия арабских

стран в ближневосточном оборонительном пакте. О том, чтобы пригласить Израиль к участию в пакте, даже и речи не шло; более того, Госсекретарь США Даллес в телефонном разговоре от 1 июня поднял вопрос о репатриации определенного числа арабских беженцев “на территорию, находящуюся в настоящее время под израильским контролем”. Эта фраза была воспринята в Израиле как едва завуалированное сомнение относительно правомерности существующих границ. Тревогу вызывали также сделанные в Вашингтоне, во втором полугодии 1953 г., намеки на возможность продажи арабским странам оружия и все чаще высказываемое американцами осуждение ответных ударов израильских сил по базам федаинов. План Джонстона внес в начале 1954 г. элемент конструктивного сотрудничества в американо-израильские отношения; но в апреле и мае этого года израильтяне были потрясены высказываниями заместителя Государственного секретаря США Генри Байроуда, который выступил с предложением ограничить еврейскую иммиграцию, сделав таким образом успокоительный жест в сторону арабов. Все это было свидетельством того негативного воздействия, которое не мог не оказывать на Израиль процесс активного формирования Багдадского пакта. Эта амбициозная структура, в рамках которой предполагалось объединить ближневосточные страны и страны западной демократии, со всей очевидностью основывалась на допущении, будто существует возможность исключения одной страны из общей системы — причем самой уязвимой страны региона.

А затем — как будто у израильтян к тому моменту было недостаточно поводов для тревоги — Лондон и Вашингтон решили оказать дополнительное давление на Израиль, потребовав от него территориальных уступок, чтобы таким образом воспрепятствовать совершению оружейной сделки Египта с советским блоком. В своей речи, произнесенной в августе 1955 г. и определявшей перспективы внешней политики США, Даллес подчеркнул, что указанные в ходе переговоров на Родосе в 1949 г. линии перемирия вовсе не должны были стать постоянными границами. “Проблема усугубляется тем обстоятельством, что ценность даже бесплодных земель приобрела значение, причем скорее духовное”, — добавил Государственный секретарь, явным образом намекая на пустыню Негев. А 9 ноября 1955 г. премьер-министр Великобритании Энтони Иден сказал — в отличие от Даллеса, прямым текстом, — что необходимо достижение “компромисса” между границами, определенными Резолюцией ООН от 1947 г., и предложенными в 1949 г. линиями перемирия. Позже Иден признал, что он, возможно, выбрал не лучший момент для произнесения этой речи. “В то время как русское оружие стало прибывать в Египет, — писал он в своих мемуарах, — по всей видимости, не следовало поднимать вопрос о границах”.

Вышло так, что осложнение отношений Израиля с Великобританией и США пришлось на то же время, когда Советский Союз стал увеличивать

военную и дипломатическую поддержку, оказываемую Египту и Сирии. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г., первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев⁵ высказался по поводу Израиля с особой резкостью:

“Заслуживают осуждения действия Государства Израиль, которое с первых дней своего существования выступало с угрозами в адрес своих арабских соседей и осуществляло по отношению к ним недружественную политику. Ясно, что за спиной тех, кто проводит такую политику, стоят империалистические страны, которые и пытаются использовать Израиль в качестве орудия против арабских народов”.

Возмущенные протесты Израиля не были приняты во внимание. Москва в дальнейшем даже не пыталась скрывать свое враждебное отношение, регулярно осуждая еврейское государство на сессиях Совета Безопасности

- 5 Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) — советский политический и государственный деятель, руководитель СССР в 1958–1964 гг. С 1918 г. — член Российской коммунистической партии РКП (б). Участник Гражданской войны. Образование получил на рабочем факультете Донецкого индустриального института и в Промакадемии в Москве. Принадлежит к группе так называемых “молодых сталинистов”, он стремительно делал партийную карьеру. В 1928 г. — зав. организационным отделом ЦК КП (б) Украины, в 1935–1938 гг. — первый секретарь МК и МГК ВКП (б), в 1938 — марте 1948 гг. — первый секретарь ЦК Коммунистической партии Украины, одновременно (в 1944–1947 гг.) председатель Совета народных комиссаров (Совета министров Украины). Принадлежит к ближайшему окружению И. Сталина, Хрущев играл активную роль в организации массовых репрессий 1930–1953 гг. В годы Великой Отечественной войны — член Военного совета ряда фронтов. С 1938 г. Хрущев — член Политбюро ЦК КПСС, с декабря 1949 г. — секретарь ЦК и первый секретарь Московского областного Комитета партии. После смерти Сталина 5 марта 1953 г. — основной руководитель Советского Союза. С сентября 1953 г. — Первый секретарь ЦК КПСС, с 1957 г. — Председатель Совета министров, фактически с этого времени единоличный правитель страны. Один из главных инициаторов “оттепели” во внутренней и внешней политике. Выступил с резкой критикой так называемого “культ личности и деятельности И. Сталина”, осуществил реабилитацию многих жертв его режима, освободив из тюрем и лагерей миллионы заключенных, в том числе и пострадавших в результате антисемитской политики 1948–1953 гг. Несмотря на некоторое смягчение напряженности в отношениях со странами НАТО, Советский Союз под руководством Хрущева осуществлял все более последовательный антиизраильский и проарабский курс. В 1957–1964 гг., во многом по инициативе Хрущева, в Советском Союзе была развязана антисемитская кампания против иудаизма, приведшая к закрытию многих синагог и еврейских кладбищ. В 1961 г. началась кампания борьбы с “хищениями социалистической собственности”, в ходе которой было казнено много евреев. 12 октября 1964 г., в результате заговора высших советских государственных деятелей, Хрущев был смещен со всех занимаемых постов и отправлен на пенсию.

ООН и обвиняя Бен-Гуриона в попытках развязать войну против арабских стран. Ясно, что ничего хорошего от Советского Союза Израилю ожидать не приходилось.

Впрочем, ничего хорошего не сулила также позиция, занятая Вашингтоном и Лондоном. Обе страны явно отходили от положений Трехсторонней декларации 1950 г. В начале зимы 1956 г. Иден и Эйзенхауэр выступили с совместным коммюнике относительно “[взаимных] дискуссий по поводу характера действий, которые должны быть предприняты [на Ближнем Востоке] в случае, если возникнут непредвиденные обстоятельства”. Этот документ представлял собой явный отход от первоначальной сути Декларации, которая гарантировала неприкосновенность границ. В феврале 1956 г. Энтони Наттинг, заместитель министра иностранных дел Великобритании, высказал несогласие по поводу территориальных уступок в ситуации, когда “границы еще не определены”. Трехстороннему соглашению был нанесен *coup de grace* (*фр.* “завершающий удар”) в апреле 1956 г., когда Вашингтон заявил, что в случае новой арабо-израильской войны США намерены действовать в основном в рамках Организации Объединенных Наций. Такой подход, вне всякого сомнения, означал согласие с тем, что любые решения Совета Безопасности будут заблокированы советским вето.

В складывающихся безрадостных обстоятельствах израильтянам лишь раз напомнили, что национальная безопасность зависит прежде всего от внутренних ресурсов страны, а в данной ситуации — от ее военного потенциала. К счастью для еврейского государства, отсутствие политического единства в арабском мире после 1948 г. дало Израилю пять драгоценных лет, на протяжении которых увеличилось его население, развилась экономика и — что также немаловажно — окрепли вооруженные силы. После подписания соглашений о перемирии в 1949 г. стало возможным рассматривать обоснованные и долгосрочные планы создания регулярной армии. Ограниченные людские ресурсы страны диктовали необходимость военного строительства, основанного на использовании резервистов. Игаль Ядин, занимавший командные посты во время Войны за независимость, в 1949 г. находился на отдыхе в Швейцарии, где получил известие о назначении его на пост начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля. На него произвела большое впечатление организация швейцарской мобилизационной системы, и по возвращении домой Ядин убедил кабинет министров адаптировать швейцарский опыт к израильской действительности, используя при этом практику *Гаганы*, а также Великобритании, США и ряда европейских стран. В сентябре 1949 г. *кнесет* принял всеобъемлющий Закон о воинской службе, в котором были определены юридические основы существования Армии обороны Израиля.

Согласно этому Закону, личный состав вооруженных сил делился на две категории: проходящие действительную службу и резервисты. На действительной службе находилось ограниченное число офицеров и младшего командного состава, а также солдат-призывников. Призыву подлежали все мужчины и женщины, достигшие 18-летнего возраста. Срок службы для мужчин составлял 26 месяцев, для женщин — 20 месяцев. Мужчины проходили боевую подготовку, женщины выполняли обязанности канцелярских работников, машинисток, водителей, связистов, а также учителей и социальных работников в центрах абсорбции репатриантов. По окончании срока службы призывники переходили в резервные части; в резерве годные к военной службе мужчины оставались до 45 лет, незамужние женщины — до 35 лет. Мужчины в возрасте до 40 лет ежегодно призывались на воинские сборы продолжительностью не менее месяца (без перерыва), мужчины старше 40 лет — на двухнедельные сборы. Помимо этого, они должны были посвятить воинской службе 12 дней в году; офицеры резерва служили дополнительно в течение недели ежегодно. Согласно закону, принятому в июне 1953 г., все мужчины в возрасте 45–49 лет входили в состав гражданской обороны, и у них была своя система подготовки. В дальнейшем сроки службы как призывников, так и резервистов были увеличены. В 1950-х гг. воинская мобилизация стала неотъемлемой составляющей повседневной жизни Израиля. Каждый ребенок видел, как его отец надевает военную форму и отправляется на военную службу — один день ежемесячно и один месяц ежегодно. Его старший брат или сестра либо проходили действительную службу, либо состояли в резерве. Если ребенок жил в городе развития, то его учительницей могла быть солдатка действительной службы; служащие формирований, совмещавших военную службу с сельскохозяйственной деятельностью (формирования *Нахаль*⁶), могли быть его спортивными инструкторами, вожатыми или культурными работниками. Иными словами, практически каждый израильтянин состоял на военной службе — либо на действительной, либо в резерве.

С первых дней провозглашения независимости Бен-Гурион сам возглавил Министерство обороны, и отпечаток его волевого, целеустремленного характера лежал на всем, что было связано с процессом роста и развития

6 *Нахаль* (аббр. от *Ноар халуци лохем* — «Боевая халуцианская молодежь») — особые регулярные подразделения Армии обороны Израиля. Служба в *Нахаль* сочетает интенсивную боевую подготовку с сельскохозяйственной и поселенческой деятельностью. Бойцы подразделений *Нахаль* проходят на протяжении действительной службы специальный курс обучения, целью которого в 1950–1980 гг. являлось создание новых коллективных поселений, а в 1990–2000-х гг. — работа в уже существующих. Юноши, неся службу в парашютно-десантной бригаде *Нахаль* и в других его подразделениях, определенное время живут и работают в поселениях.

вооруженных сил страны. Осадное положение, в котором существовал Израиль, дало Бен-Гуриону полную свободу действий, и он зачастую самостоятельно принимал важные решения, а только потом информировал правительство и *кнесет*. В данной ситуации он поставил перед собой задачу преобразовать израильскую добровольческую — и при этом весьма политизированную — оборонную структуру в единую, основанную на всеобщей воинской повинности, профессиональную и находящуюся вне политики военную машину. Занимая посты премьер-министра и министра обороны с 1947 по 1963 г. (с полугодовым перерывом в период 1953–1955 гг.), Бен-Гурион, по сути дела, выполнил эту задачу. Напомним (Гл. XIII), что он начал с запрета политических группировок в силах обороны, а также заменил систему политических назначений, существовавшую в других правительственных учреждениях, системой, которая учитывала заслуги и личные качества военнослужащих при всех назначениях и повышении. Эти действия Бен-Гуриона не получили той оценки историков, какой они, безусловно, заслуживают. Ведь не будем забывать, что *Палмах*, как и большинство организаций *ишува*, был по сути своей социалистическим и его бойцы обладали значительной идеологической мотивацией, а его лидеры занимали видные посты в офицерском корпусе. Лишь такой волевой и сильной личности, как Бен-Гурион, удалось заставить этих людей подчиниться и согласиться с его решением о роспуске отрядов *Палмах*, и при этом Бен-Гурион сумел удержать их от политических выступлений. Таким образом, вооруженные силы страны стали первой в Израиле национализированной и формализованной структурой.

С другой стороны, Бен-Гурион вовсе не намеревался полностью отказаться от традиционной идеологии. Напротив, он нашел возможность сохранения всего лучшего, чем славились вооруженные силы, включая, в частности, присущие отрядам *Палмах* демократизм и сплоченность. Бен-Гурион писал в 1949 г.:

“Основная функция сил обороны — это обеспечение безопасности государства. Однако это — не единственная их функция. Армия должна также служить образовательным центром и прививать халуцианские ценности всей израильской молодежи — и уроженцам страны, и репатриантам. Долг армии — воспитывать поколение израильтян, крепких телом и духом, отважных и верных родине, которым предстоит объединить все Израилевы колена и народ диаспоры, чтобы подготовиться к выполнению исторических задач Государства Израиль путем реализации своих возможностей”.

Эти пророческие слова Бен-Гуриона сбылись. Армия обороны стала академией гражданских ценностей, проводником народных традиций. Так, с це-

люю сокращения образовательного разрыва между офицерами и солдатами-призывниками (а в 1950-х гг. последние в большинстве своем были выходцами из стран Востока) в армии открывались специальные классы для обучения ивриту и основам иудаизма. Служащие формирований *Нахаль*, сохраняя палмаховские традиции, сочетали воинскую службу с сельскохозяйственной деятельностью; они либо отправлялись в приграничные *кибуцы*, либо основывали в годы армейской службы свои *кибуцы*. Как и члены *Палмах*, солдаты *Нахаль* в массе своей были добровольцами, чьи семьи жили в *кибуцах* и *мошавах*, а также принадлежали к халуцианским социалистическим молодежным движениям. Идеалы самопожертвования и верности сионистскому государству были привиты им с детства, задолго до призыва в армию. Учащиеся старших классов, помимо принадлежности к молодежным движениям, были также членами клубов *Гадна* (аббревиатура от *Гдудей ноар* — “Молодежные отряды”), в которых они проходили общеобразовательную и военную подготовку, причем большое внимание уделялось физкультуре и спорту, физическому труду, ремеслам и хобби, а также морскому делу, системам связи и снайперской стрельбе. Таким образом, приходя в армию, эти молодые люди уже обладали всеми необходимыми навыками.

Даян создает боевые части

После подписания соглашений о перемирии 1949 г. качественные характеристики армейского персонала во многом снизились. В основном такое положение дел объясняется значительным притоком репатриантов, общекультурной отсталостью молодежи из стран Востока, плохим знанием иврита, свойственным всем репатриантам. Более того, поскольку все инструкции и вся техническая литература имелись только на иврите, то призывники, владевшие ивритом или бывшие в состоянии быстро его выучить, направлялись в технические части, а боевые части получали тех, кто остался. К тому времени, когда Моше Даян был назначен в 1953 г. начальником Генерального штаба, общий уровень личного состава Армии обороны Израиля был весьма низок. Оценив ситуацию в целом, этот энергичный молодой генерал, потерявший во время Второй мировой войны один глаз, немедленно принялся за перестройку всей системы: лучшие, наиболее образованные и интеллигентные солдаты и офицеры теперь направлялись в боевые части. Следующим шагом стало повышение боевой подготовки высших офицеров: Даян лично показывал пример, прыгая с парашютом и совершенствуя десантно-диверсионные навыки. При Даяне утвердилась практика, когда

командир сам вел своих солдат в бой. К 1956 г. новая политика активных мер доказала свою эффективность, и израильская армия снова стала мощной и динамичной силой. Следует подчеркнуть, что доля служащих в боевых частях составляла 50% от всего личного состава, и это был, по состоянию на то время, лучший показатель среди всех армий мира. В отличие от вооруженных сил с традиционной структурой, требующей многочисленных, самостоятельно действующих экспедиционных войск и приданных им частей обеспечения, концепция израильской армии исключала растянутость коммуникаций и была рассчитана на краткосрочные и интенсивные боевые действия.

Главным для Даяна стала способность армии наносить решительные удары. Слабость израильской экономики, ограниченные размеры территории страны и ее малая стратегическая глубина — все это диктовало стратегию наступления на территории противника. Планирование военных операций основывалось на нанесении внезапного упреждающего удара, на смелых, в известном смысле даже рискованных наступательных действиях, способных вызвать панику в рядах противника. Эта стратегия, кстати, идеально соответствовала темпераменту самого Даяна. Действия премьер-министра, упорного и динамичного выходца из Польши, во многом определялись испытаниями, выпавшими на долю евреев в годы Катастрофы, тогда как Даян, *сабра*⁷, уроженец Израиля, основывал свою стратегию только на одном — на духе и высоких боевых качествах израильской армии. Он любил вспоминать, как “арабы разлетались, словно стайка испуганных птиц, от одного-единственного взрыва”. Несколько лет спустя он еще назовет Шестидневную войну (1967 г.) символом стремления еврейского народа вернуться на родину предков, а отнюдь не войной за выживание. Израиль способен на все — причем неважно, есть у него союзники или нет. Даян без особых промедлений применил на практике свою концепцию наступательного возмездия. При поддержке Бен-Гуриона он принял решение продемонстрировать арабам, какую цену они должны заплатить за вылазки на израильскую территорию и убийства израильтян. И вот в середине 1950-х гг. правительство приняло решение о проведении ряда скоротечных карательных операций, целью которых стали арабские деревни, где укрывались террористы, проникающие на израильскую территорию, а в некоторых случаях находились и опорные пункты арабских вооруженных сил. Эти операции оказали в высшей степени положительное воздействие на моральный дух израильских военных и были полезными для совершенствования их профессио-

7 *Сабра* (араб., на иврите — *цабар*) — один из видов кактуса, колючий плод которого содержит сладкую мякоть; видимо, поэтому словом *сабра* называют уроженцев Израиля.

нальной подготовки. Они также обеспечили сдерживающий эффект — и для иорданцев, и даже для сирийцев. Надо, правда, признать, что за это Израилю пришлось заплатить высокую цену — если говорить о реакции мирового общественного мнения и решениях Совета Безопасности ООН.

Тогда, в ноябре 1953 г., Бен-Гурион, утомленный противодействием своих политических противников, подал в отставку. На место министра обороны он назначил Пинхаса Лавона⁸, блестящего теоретика партии *Манап*, прославившегося своими публичными выступлениями в начале 1950-х гг. Лавон хотя и не очень хорошо разбирался в вопросах обороны, но был верным сторонником Бен-Гуриона и, вступив в эту должность, рассчитывал даже превзойти своего предшественника, давая еще более бескомпромиссный отпор арабскому врагу. Ответные удары стали наноситься с еще большей решительностью. Вместе с тем Лавон решил взять на себя личные полномочия по руководству военными операциями, и это стало его ошибкой. Через несколько недель отношения между Даяном и министром обороны сделались напряженными. Дошло до того, что, согласно приказу начальника Генерального штаба, управление разведки перестало сообщать министру детали готовящихся операций. При этом неясно было, одобрил бы Лавон оперативные планы в каждом конкретном случае или нет, но такого рода отсутствие информации однажды не дало ему возможности составить свое мнение по одному критически важному делу, которое кончилось катастрофическим провалом израильской разведки в Египте.

Операция началась фактически за три года до этого времени, в 1951 г., когда офицер израильской разведки Аврагам Дар прибыл в Каир с британским паспортом. Там он вступил в контакт с группой молодых египетских евреев, которые тайным образом планировали эмигрировать из страны, и завербовал нескольких из них для прохождения секретной подготовки. В 1954 г. активизация этой небольшой группы оказалась в высшей степени необходимой. Именно тогда Великобритания объявила о своем намерении уйти из зоны Суэцкого канала в связи с истечением срока соответствующего договора. Эта информация очень встревожила израильтян, поскольку до

8 Лавон (Лубяникер) Пинхас (1904–1976) — израильский государственный деятель. Подростком примкнул к движению *Га-Шомер га-цаир*, а в 1923 г. возглавил молодежное халуцианское движение *Гордония*, одним из основателей которого он был. С 1929 г. жил в Эрец-Исраэль. Играл большую роль в развитии кибуцного движения. В 1938–1939 гг. — секретарь партии *Манап*. В 1942 г. избран в исполнительный комитет *Гистадрута*, в 1944–1949 гг. — генеральный секретарь *Гистадрута*. В 1949–1961 гг. — член *кнессета*. В 1950–1951 гг. — министр сельского хозяйства. В январе 1954 г. в правительстве М. Шарета был назначен на пост министра обороны, но обвинение в том, что он ответственен за провал операции израильской разведки в Египте 1954 г. (“дело Лавона”), вынудило его в феврале 1955 г. подать в отставку. В 1956–1961 гг. — генеральный секретарь *Гистадрута*, уволен с должности из-за продолжения “дела Лавона”.

сих пор англичане оказывали, пусть даже и незначительное, сдерживающее воздействие на египетскую политику по отношению к еврейскому государству. И тогда полковник Биньямин Джибли⁹, глава военной разведки Израиля, предложил план, реализация которого могла бы воспрепятствовать выходу англичан из Египта. Суть плана заключалась в том, чтобы устроить взрывы в нескольких каирских зданиях, принадлежавших Великобритании и США, продемонстрировав таким образом “безответственность” режима Насера, невозможность положиться на него, и тем самым, как можно было надеяться, убедить англичан остаться в Египте еще какое-то время. Члены еврейской группы получили приказ начинать действия в Каире и Александрии.

После этого приказа в июле 1954 г. было взорвано несколько самодельных бомб в почтовых отделениях, камерах хранения, кинотеатрах, а также в американском информационном центре и консульствах в Каире и Александрии. Человеческих жертв не было, нанесенный ущерб оказался минимальным. Но однажды заряд случайно сработал в кармане одного из израильских агентов. Он получил ранения и был арестован; в его доме произвели обыск, в ходе которого власти обнаружили достаточное количество уличающих его доказательств, а также список имен его товарищей. Все они были арестованы и отданы под суд. В Израиле премьер-министр Шарет выступил с негодующим заявлением относительно “беспрецедентной клеветы, возводимой на египетских евреев с целью их запугивания” — и лишь после того, как заявление было опубликовано, военная разведка проинформировала его об истинном положении вещей. Тем временем процесс в Ка-

9 Джибли Биньямин (1919–2008) — израильский военный деятель. В 1944–1947 гг. служил в полиции Палестины. После образования Государства Израиль возглавил полицию Иерусалима. По его настоянию военно-полевой суд в июне 1948 г. приговорил за “передачу секретных сведений врагу” капитана Армии обороны Израиля М. Тубинского к смертной казни. Как выяснилось вскоре после приведения приговора в исполнение, тот был абсолютно невиновен. В 1950–1955 гг. возглавлял военную разведку *Аман*, в 1954 г. для того, чтобы спровоцировать кризис в отношениях между Египтом с одной стороны, США и Великобританией с другой, приказал израильской агентурной группе в Каире и Александрии подложить самодельные зажигательные бомбы на ряд американских и британских объектов. За этим последовали провал группы и следствие в Египте, в ходе которого двое обвиняемых покончили жизнь самоубийством. Приговор, по которому два члена группы были казнены, вызвали в Израиле тяжелый политический кризис, так называемое “дело Лавона”, или *Эсек биш* (“Грязное дело”). После отставки с поста руководителя разведки *Аман* Джибли занимал последовательно посты начальника штаба Северного округа, командующего бригадой *Голани*, исполняющего обязанности командующего Центральным округом, военного атташе Израиля в Великобритании и Скандинавских странах. Уволился в отставку в 1961 г. Возглавлял различные промышленные компании, в том числе в 1986–1989 гг. Электрическую компанию.

ире шел своим чередом, к вящей радости египетских властей. Ко времени его окончания, 27 января 1955 г., двое подсудимых покончили с собой, двое были приговорены к смертной казни и затем повешены, а все остальные обвиняемые, кроме двоих, получили разные сроки тюремного заключения, от семи лет до пожизненного. Все это не только нанесло огромный ущерб израильской агентурной сети в Египте, но и подорвало репутацию Израиля в глазах англичан и американцев.

Ко всему прочему, этот провал разведки стал причиной ожесточенной межведомственной борьбы между Лавоном и его коллегами. Когда ситуация привела к столь неприятным последствиям, премьер-министр Шарет потребовал объяснений от Лавона, который с негодованием заявил, что он не был поставлен в известность относительно этой операции. Ему возразил полковник Джибли, утверждавший, что план операции был согласован с министром обороны. Тогда для изучения ситуации Шарет назначил независимую комиссию в составе судьи Верховного суда Ицхака Ольшана и президента Техниона Яакова Дори¹⁰. Однако после тщательного расследования комиссия оказалась не в состоянии получить убедительные доказательства того, что Лавон дал Джибли разрешение на проведение операции. Тем временем Лавон предпринял попытку отстранить от должности Шимона Переса¹¹, бывшего тогда генеральным директором Министерства обо-

- 10 Дори (Достровский) Яаков (1899–1973) — израильский военный и общественный деятель. С 1905 г. жил в Палестине. Во время Первой мировой войны — сержант Еврейского легиона. Получил диплом инженера в Бельгии. В 1931–1939 гг. командовал частями *Гаганы* в Хайфе. Преподавал на центральных курсах по подготовке командиров *Гаганы*. С сентября 1939 г. — первый начальник штаба *Гаганы*. После образования Государства Израиль Дори был назначен первым начальником Генерального штаба Армии обороны Израиля в чине генерал-лейтенанта. После окончания Войны за независимость подал в отставку. В 1951–1965 гг. — президент Техниона.
- 11 Перес Шимон (р. 1923) — израильский государственный и политический деятель. С 1934 г. живет в Эрец-Исраэль. В 1941–1944 гг. — секретарь молодежного социалистического движения *Га-Ноар ха-овед ве-ха-ломед*. В 1948 г. отвечал за военноморские силы Министерства обороны. В 1949–1951 гг. — глава представительства Министерства обороны в США. В 1952 г. — заместитель генерального директора, а в 1953–1959 гг. — генеральный директор Министерства обороны. В 1959–1965 гг. — заместитель министра обороны. Внес большой вклад в развитие израильской военной промышленности и создание ядерного исследовательского центра возле Димоны в Негеве. В 1965–1966 гг. — генеральный секретарь партии *Рафи* (аббревиатура от *Решимат полей Исраэль* — “Израильский рабочий список”). В 1967 г. был одним из инициаторов переговоров, завершившихся объединением *Мапай*, *Ахдут ха-авода* и *Рафи* в Израильскую партию труда. В 1970–1973 гг. — министр транспорта и связи. В 1974–1977 гг. — министр обороны в правительстве И. Рабина. С 1977 г. — председатель Израильской партии труда. На основании соглашения о ротации правительства национального единства (1984–1988 гг.) был премьер-министром в 1984–1986 гг. и министром финансов в 1986–1988 гг. В 1988–1990 гг. — премьер-министр и министр

роны, и Джибли, отдавшего формальный приказ о проведении египетской операции, заявив, что они виновны по меньшей мере в нарушении субординации, если вообще не в преступной халатности. Однако, если бы Шаррет согласился в этот момент взять сторону министра обороны, это стоило бы ему нескольких высокопоставленных офицеров. Таким образом, Шаррет принял решение поддержать Переса. Лавон, не медля, подал (в феврале 1955 г.) прошение об отставке. Как показала история, переполюющее Лавона чувство обиды привело несколько лет спустя к разительным переменам в политической жизни Израиля (Гл. XIX).

После того как Лавон ушел в отставку, Бен-Гурион вернулся из своей добровольной ссылки, чтобы занять свой прежний пост министра обороны. К этому времени “Старик” (прозвище Бен-Гуриона, полученное им в 1940-х годах, когда он был значительно старше своих соратников) был больше не намерен терпеть египетские военные провокации — в частности, запрет на проход через Суэцкий канал судов с грузами для Израиля, продолжающуюся блокаду Акабского залива и, самое главное, все более частые вылазки федаинов. И вот, всего через шесть дней после возвращения Бен-Гуриона к государственной деятельности, Армия обороны Израиля направила в Газу бригаду полного состава; в ходе операции был атакован египетский штаб, взорвано несколько зданий, и потери египтян составили 34 человека убитыми и 24 ранеными. Хотя израильтяне и назвали этот рейд ответом на многочисленные египетские провокации, его истинной целью было дать ясно почувствовать Каиру осязаемое военное превосходство Израиля. С другой стороны, для Насера эта атака стала идеальным предлогом, оправдывающим сделку с Чехословакией по приобретению оружия. “Двадцать восьмого февраля 1955 г. для нас настал поворотный момент, — заявил Насер позднее. — Это нападение прозвучало как сирена тревоги. Мы немедленно приступили к оценке баланса сил в нашем регионе”. Эту точку зрения поддержал и генерал Бернс, руководитель ОНВУП. В том же ключе высказался и целый ряд израильтян, включая Абу Эвена, который впослед-

финансов. После победы Израильской партии труда на выборах в *кнесет* в 1992 г. занял пост министра иностранных дел в правительстве И. Рабина. Сыграл основную роль в заключении в Осло в сентябре 1993 г. соглашения с Организацией освобождения Палестины (ООП; см. прим. на с. 254). Вместе с И. Рабином и Я. Арафатом награжден Нобелевской премией мира за 1994 г. После убийства И. Рабина в ноябре 1995 г. возглавил правительство Израиля. В мае 1996 г. проиграл Б. Нетаниягу первые прямые выборы главы правительства. В июне 1997 г. ушел с поста лидера Израильской партии труда. В 1999–2000 гг. занимал пост министра регионального развития в правительстве Э. Барака. В 2001–2002 и 2003–2005 гг. — глава Израильской партии труда. В конце 2005 г. вышел из партии и вступил в партию *Кадима*. На выборах в *кнесет* 17-го созыва в 2006 г. занял второе место в ее предвыборном списке. 13 июня 2007 г. Перес был избран президентом Государства Израиль.

ствии сказал: “Я не верю, что [Газа] была единственной причиной, но, во всяком случае, в этом заключалось оправдание”. Это действительно было лишь оправданием, поскольку политика, основанная на блокаде и поощряющая регулярные вылазки фedaинов, зародилась задолго до операции в Газе, равно как и Насер гораздо раньше принял решение приобрести значительное количество вооружений с целью подрыва Багдадского пакта.

К середине 1955 г. вылазки фedaинов, поощряемых Египтом, резко участились. Бернс впоследствии признал, что “действия египтян, посылавших фedaинов для нападения на мужчин, женщин и детей, были, вне всякого сомнения, военными преступлениями”. В ответ на эти действия Бен-Гурион и Даян предприняли несколько решительных операций против египетского гарнизона в Хан-Юнисе, в Аудже, в самой Газе и против баз фedaинов в Иордании. К весне 1956 г. наблюдатели ООН рассматривали возможность нанесения Израилем мощного превентивного удара, прежде чем египетская армия сможет освоить все оружие, полученное ею от советского блока. Такие предположения нельзя было назвать совсем необоснованными. Блокада Акабского залива вызывала особое раздражение израильтян. С 1953 г. египетское подразделение береговой охраны в Рас-Нусрани блокировало проход израильских судов через Тиранский пролив, а в сентябре 1955 г. египтяне запретили также и проход судов под другими флагами, направлявшихся в израильский порт Эйлат. Авиакомпания *Эль-Аль* вынуждена была отменить свои рейсы в Южную Африку, поскольку их маршрут предусматривал пролет над водами пролива.

Терпение израильтян было истощено, и 22 октября 1955 г. Бен-Гурион отдал Даяну приказ подготовиться к операции по захвату Тиранского пролива, включая Шарм-аш-Шейх, Рас-Нусрани, а также островов Тиран и Санафир. Начальник Генштаба немедленно начал подготовку элитных частей парашютистов и сухопутных войск под командованием полковника Хаима Бар-Лева¹². На заседании правительства Бен-Гурион (который в ноябре уже вернулся и на пост премьер-министра) официально поставил во-

12 Бар-Лев (Брацлавский) Хаим (1924–1994) — израильский военный и государственный деятель. С 1939 г. жил в Эрец-Исраэль. В 1942–1948 гг. служил в формировании *Палмах*. Во время Войны за независимость командовал батальоном в Негевской бригаде. В 1956 г. создавал войска особого назначения. В 1957–1961 гг. командовал бронетанковыми войсками Армии обороны Израиля, в 1964–1967 гг. последовательно занимал посты начальника отдела Генерального штаба, заместителя начальника Генерального штаба. В 1968–1971 гг. Бар-Лев — начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля в звании генерал-лейтенанта, руководил военными операциями Израильской армии во время Войны на истощение (1968–1970 гг.). Построенные в этот период израильские укрепления вдоль Суэцкого канала назывались линией Бар-Лева. В 1972–1977 гг. — министр торговли и промышленности, в 1984–1990 гг. — министр полиции, в 1992–1993 гг. — чрезвычайный и полномочный посол Израиля в Москве.

прос о превентивном ударе. Министры отвергли эту идею, но Даян обрушился на них с резкой критикой. Время работает против Израиля, настаивал генерал; поставки советского оружия в Египет принципиально меняют баланс сил на Ближнем Востоке. Бен-Гурион поддержал своего начальника Генштаба. Израильская атака должна быть предпринята, рано или поздно. Если стране чего-то не хватало, так это соответствующих видов вооружений.

В поисках союзника

В конце 1955 г. первые суда с советским оружием стали приходить в Египет, и поразительные масштабы этих поставок вызвали у израильтян психологическое ощущение безысходности. Десятки тысяч добровольцев, молодых и старых, взяв в руки кирки и лопаты, вышли копать траншеи и строить оборонительные сооружения. Израильтяне жертвовали деньги и даже драгоценности в фонд обороны; школьники отдавали свою карманную мелочь. Тем не менее оружия катастрофически не хватало. На протяжении ряда лет страна прилагала все возможные усилия для повышения своего оборонного потенциала. В период 1950–1956 гг. расходы страны на военные нужды составляли не менее одной трети суммарных правительственных издержек. Достигая в среднем 7,2% ВВП, эти расходы фактически были выше (в пропорциональном отношении), чем расходы всех арабских стран, вместе взятых. И результаты этих усилий были заметны. К 1955 г. Израиль смог не только организовать свои вооруженные силы, но также и приобрести около 200 танков и 200 самолетов. Правда, в основном это была устаревшая боевая техника английского и американского производства, и результат нельзя было считать удовлетворительным — ни в количественном, ни в качественном отношении. Сделка по приобретению чешского оружия угрожала дать арабам преимущество примерно шесть к одному.

Поиски современных видов вооружений, предпринятые Израилем, были столь же малопродуктивны, как и попытки получить гарантии территориальной неприкосновенности. США не собирались продавать Израилю оружие в количествах, сопоставимых с чешскими поставками в Египет. Предпринятый 11 декабря (Гл. XVI) рейд в Сирию не улучшил израильской репутации в Вашингтоне, а Государственный секретарь США Даллес постоянно утверждал, что не считает, будто еврейскому государству грозит непосредственная опасность. Выступая 7 февраля 1956 г. перед группой конгрессменов, Госсекретарь заявил, что Израиль не может не проиграть арабским странам в гонке вооружений. При численности населения менее

двух миллионов, объяснил он, стране лучше положиться на заступничество ООН. Полностью поддерживая мнение своего Госсекретаря, президент США Эйзенхауэр сказал в беседе с французским премьер-министром Ги Молле¹³, что нет смысла продавать оружие Израилю, поскольку 1 млн 700 тыс. тысяч евреев никак не смогут выстоять против 40 млн арабов.

Неизвестно, что именно ответил ему Молле в ходе этой беседы, но Израиль обратился именно к Франции как к последней надежде, и это обращение дало определенные результаты. Разумеется, французское правительство по-прежнему предпочитало поддерживать хорошие отношения с мусульманскими странами Северной Африки и Леванта; однако израильтяне знали, что могут рассчитывать на традиционное понимание в определенных кругах. Французские левые сохраняли филосемитские настроения еще со времен дела Дрейфуса и вплоть до нынешнего времени, когда в обеих странах у власти находились социалисты. Французские правые разделяли с израильтянами опасения относительно усиления арабского национализма. Франко-израильские научные контакты начались еще в 1949 г., когда стало известно об изобретении израильским физиком д-ром Исраэлем Достровским¹⁴ технологии производства тяжелой воды. Франция приобрела это изобретение в 1953 г., и французы открыли доступ израильским ученым на свои многочисленные ядерные объекты. В следующем году министр обороны Франции пригласил Моше Даяна посетить страну с официальным визитом. Лихой израильский генерал произвел в Париже большое впечатление, и его наградили орденом Почетного легиона “в знак признания его героизма во время Сирийской кампании 1941 г.”. Осенью 1954 г. отношения между Парижем и Каиром катастрофически ухудшились — после того,

- 13 Молле Ги (1905–1975) — французский государственный и политический деятель. С 1923 г. — член Французской социалистической партии. В годы Второй мировой войны активно участвовал в движении Сопротивления. В 1945 г. избран мэром Арраса. С 1946 г. — депутат Национального собрания, в 1946–1969 гг. — генеральный секретарь социалистической партии, в 1957–1969 гг. — вице-председатель Социалистического Интернационала. В 1946–1947 и 1950–1951 гг. — государственный министр, в 1951 гг. — зам. премьер-министра. В 1956 г. возглавил правительство Франции, активно проводил курс на укрепление сотрудничества между Францией и Израилем. Один из инициаторов Синайской кампании 1956 г. В 1957 г. способствовал приходу к власти генерала де Голля, в правительстве которого занял пост государственного министра, но затем перешел в оппозицию.
- 14 Достровский Исраэль (1918–2010) — израильский ученый-физик. В Эрец-Исраэль жил с 1919 г. В 1941 г. окончил Лондонский университет, специализировался в области физической химии. В 1943–1948 гг. преподавал химию в университете Северного Уэльса. В 1948 г. вернулся в Израиль. Работал в Научно-исследовательском институте им. Вейцмана, где возглавлял отдел по разделению изотопов; сконструировал устройство для их разделения. В 1965–1971 гг. — генеральный директор в комиссии по атомной энергии. В 1973–1976 гг. — президент Института им. Вейцмана.

как египетское радио сообщило о той поддержке, которую Египет оказывает алжирскому Фронту национального освобождения. И в декабре французское правительство одобрило продажу Израилю двенадцати реактивных истребителей “Квадрон”.

Именно тогда Бен-Гурион, вернувшийся на пост министра обороны, согласился с позицией генерального директора министерства Шимона Переса относительно того, что все усилия теперь следует сосредоточить на укреплении отношений с Францией. Пересу, выходцу из Польши, в 1955 г. было всего 32 года; он буквально преобразовал Министерство обороны, включив в сферу его компетенции оборонную промышленность (и начав производство отечественных вооружений), а также развитие исследований и разработок в сфере ядерной технологии. Человек, обладающий творческим воображением и умеющий хорошо излагать свои мысли, Перес мастерски вел переговоры с представителями французских военных кругов. Немалую помощь в этом ему оказывал посол Израиля в Париже, красноречивый выпускник Сорбонны Яков Цур. В январе 1955 г., когда вместо правительства Мендес-Франса к власти пришло правительство, возглавляемое Эдгаром Фором¹⁵, Цур посоветовал Пересу приехать во Францию и установить личные контакты с официальными лицами Министерства обороны. Перес последовал совету, и результаты оказались весьма обнадеживающими. Перес, а затем Даян и другие израильские военные нашли понимание у своих французских коллег. Советско-египетское соглашение о поставках вооружений продемонстрировало необходимость безотлагательного начала переговоров между Францией и Израилем, и точно такое же воздействие оказала развернутая Насером кампания в поддержку алжирских мятежни-

15 Фор Эдгар (1908–1988) — французский политический и государственный деятель. По окончании Лицея Вольтера и Парижского университета, где он изучал право, литературу и русский язык, в возрасте 21 года стал самым молодым адвокатом во Франции. Член Радикально-социалистической партии. В 1941 г. выступил в защиту П. Мендес-Франса на процессе, организованном против него вишистскими властями. Осенью 1942 г. вместе с семьей (жена, урожденная Люси Мейер, — еврейка) уехал в Северную Африку. После высадки союзников в Алжире в ноябре 1942 г. присоединился к “Свободной Франции” де Голля. Работал в органах законодательной власти Временного правительства. В 1945–1946 гг. был помощником главного французского обвинителя военных преступников на Нюрнбергском процессе. В 1946–1958 гг. — депутат Национального собрания, член фракции радикалов-социалистов. В августе 1951 — январе 1952 г. — министр юстиции. В условиях быстро сменяющихся правительств Четвертой республики два раза возглавлял Совет министров — с 20 января по 8 марта 1952 г. и с 23 февраля 1955 г. по 1 февраля 1956 г. Сыграл большую роль в укреплении франко-израильских отношений в середине 1950-х гг. В 1956 г. из-за политических разногласий был исключен из Партии радикалов-социалистов. В 1958 г. был сторонником прихода к власти генерала де Голля, считая, что именно он может решить проблему Алжира. Занимал ряд министерских постов в 1966–1969 гг.

ков. “Я всегда был другом Израиля, — заверил Фор премьер-министра Шарета во время визита последнего в Париж 25 октября 1955 г., — но сейчас мы говорим не только о дружественных отношениях. Причина, по которой Франция должна оказать вам помощь, — это прежде всего политический реализм”. Тем временем были завершены необходимые формальности для поставки Израилю еще двенадцати реактивных истребителей “Квадрон”, а также — впервые — двенадцати новейших истребителей-перехватчиков “Мистёр-4”, сходных по характеристикам с получаемыми Египтом советскими истребителями “Миг-175”.

Как оказалось, продажа истребителей “Мистёр-4” вызвала возражения США. Командование сил НАТО в Европе имело приоритетные права на получение этих истребителей-перехватчиков, и Даллес выступил против того, чтобы они отправлялись в Израиль. По его настоянию отгрузка этих самолетов была блокирована в портах Марсель и Тулон. И в этот критический момент Пересу улыбнулась удача. Незадолго до этого он познакомился и подружился с Морисом Бурже-Монури¹⁶, министром внутренних дел Франции, и Абелем Томасом, генеральным директором министерства. Бурже-Монури и Томас, ветераны маки, французского партизанского движения времен Второй мировой войны, испытывали не только симпатию к Израилю, но и сильную антипатию к Насеру. На выборах в январе 1956 г. к власти во Франции снова пришло социалистическое правительство во главе с Ги Молле, ревностным сторонником социалистического Израиля. Одним из первых шагов нового премьер-министра стал перевод Бурже-Монури и Томаса в Министерство обороны. “Вот увидите, что я — это не Бевин”, — заверил Ги Молле Переса и Цура. Преисполненный стремления всеми способами противостоять растущей мощи Насера, Молле проинформировал

16 Бурже-Монури Морис (1914–1993) — французский государственный и политический деятель. Высшее образование получил в Политехнической школе, которую окончил в 1935 г. Играл активную роль в движении Сопrotивления. В боях за освобождение Франции был ранен. В 1945 г. был назначен комиссаром Республики в Бордо. Член Радикально-социалистической партии. Один из крупнейших политических деятелей Четвертой республики, занимал различные государственные посты, в том числе пост заместителя министра Национальной обороны (август 1951 г. — январь 1952 г.), пост министра финансов (январь—июнь 1953 г.), пост министра внутренних дел (февраль—декабрь 1955 г.), пост министра национальной обороны (февраль 1956 г. — июнь 1957 г.). Бурже-Монури был председателем Совета министров в июне—ноябре 1957 г. Сыграл выдающуюся роль в налаживании израильско-французского военно-политического сотрудничества, считая, что оба государства борются с общим врагом — режимом президента Египта Г. А. Насера, активно поддерживающего алжирских повстанцев. Был решительным противником эвакуации французских войск из Порт-Саида во время Синайской кампании. Сторонник военного решения алжирской проблемы, Бурже-Монури был противником установления во Франции режима Пятой республики. Отошел от политики.

Вашингтон, что перехватчики будут отправлены в Израиль — неважно, с согласия США или без такового. И в дальнейшем, по убеждению Ги Молле, сохранение французского влияния на Ближнем Востоке лучше всего может обеспечиваться путем поддержки Израиля. Разумеется, значительную роль тут сыграли общие интересы (в частности, все более активная поддержка Египтом алжирского Фронта национального освобождения¹⁷), хотя основа франко-израильской дружбы имела отчасти романтический характер. Французы испытывали своего рода духовный подъем, оказывая помощь “маленькому отважному Израилю”. И, помимо всего прочего, правительство социалистов, придерживаясь произраильского курса, создавало себе энергичный и решительный образ — выгодно контрастирующий с их политическими соперниками, коммунистами.

В марте 1956 г. группа израильских летчиков прибыла во Францию для освоения новых перехватчиков. Несколько недель спустя двенадцать самолетов приземлились на израильском военном аэродроме, где летчиков приветствовали лично Бен-Гурион и Даян (безумно довольный премьер-министр настоял на том, чтобы посидеть с молодыми пилотами за чайным столом). Получение новых самолетов стало началом военной помощи западных стран. К апрелю Даллес тоже осознал, что баланс сил в регионе изменяется опасным образом. Не желая, впрочем, чтобы Соединенные Штаты напрямую поставляли вооружения еврейскому государству, Госсекретарь поспособствовал тому, чтобы НАТО сняло свой запрет на дальнейшие поставки Израилю перехватчиков “Мистёр”. И более того — он обратился к канадскому правительству с просьбой о продаже Израилю эскадрильи реактивных истребителей, производимых по американской лицензии. Но все-таки основным поставщиком вооружений Израилю оставалась Франция. Антуан Пино¹⁸, министр иностранных дел, 4 июля проинформировал по-

17 После того как французские войска высадилась в Алжире в июне 1830 г., страна превратилась во французскую колонию. 1 ноября 1954 г. Фронт национального освобождения (ФНО) поднял восстание. После тяжелой и продолжительной войны в марте 1962 г. между Францией и временным правительством Алжира были подписаны Эвианские соглашения, предоставляющие Алжиру независимость.

18 Пино Антуан (1891–1994) — французский государственный и политический деятель. В 1929–1977 гг. — мэр города Сен-Шамон в департаменте Луары. В 1936 г. был избран депутатом парламента от департамента Луары по списку Демократического альянса (умеренно правая партия), в 1938 г. был избран в сенат, в 1940 г. он голосовал за предоставление маршалу Ф. Петену всей полноты власти. В 1941 г. был назначен в Национальный совет вишистского режима. Первые месяцы после освобождения Франции не играл никакой политической роли из-за своих действий во время войны, но в 1945 г. было официально признано его сотрудничество с движением Сопротивления (во время пребывания на посту мэра Сен-Шамона), и он был избран в Конституционную ассамблею по списку Национального центра. В 1946–1958 гг. —

сла Цура об отмене всех предшествовавших ограничений на поставки вооружений Израилю, вне зависимости от мнения США или Великобритании на этот счет. Париж, было сказано, намерен сохранять свободу действий в отношении поставок, необходимых “истинным друзьям” Франции.

Вызов Насера

В феврале 1956 г. министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд прибыл в Каир — в надежде достигнуть взаимопонимания с египетским президентом буквально в последний момент. Говоря об отходе арабского мира от Запада, Ллойд 1 марта предостерег Насера, заметив, что “Глабб и Арабский легион все еще в нашем распоряжении”. На это Насер с усмешкой сообщил Ллойд, что король Хусейн только что выдворил Глабба из Иордании. Ллойд вернулся в Лондон, разъяренный такими откровенно подрывными действиями Египта. Министр иностранных дел Франции Пино посетил Каир 14 марта, также надеясь нормализовать франко-египетские отношения. В ходе беседы Насер заверил Пино, что Египет прекращает оказание помощи Фронту национального освобождения Алжира. Лживость этого заверения выяснилась буквально на следующий день, когда в береговых водах Алжира было перехвачено египетское судно с большой партией оружия советского производства.

Следует, правда, подчеркнуть, что причиной окончательного разрыва Запада с Каиром стала проблема, связанная с внутренней египетской ситуацией чисто экономического характера. Насер придавал исключительное значение своему проекту строительства Асуанской высотной плотины на реке Нил. Стоимость проекта оценивалась в 1 млрд долларов. 9 января 1956 г. Всемирный банк согласился дать Египту заем в размере 200 млн долларов, при условии, что США предоставляют Египту заем на сумму 56 млн долларов, Великобритания — на сумму 14 млн долларов и сам Египет обязуется вложить 700 млн долларов. Однако к этому времени Соединенные Штаты практически вплотную подошли к участию в Багдадском пакте и фактически руководили его работой. В ответ Насер, под залог будущего урожая хлопка на сумму 200 млн долларов, закупил дополнительную партию ору-

депутат Национального собрания. Занимал различные министерские посты, в том числе пост министра иностранных дел (февраль 1955 г. — февраль 1956 г.). Был председателем Совета министров в марте—августе 1952 г., что вызвало резкую критику со стороны генерала де Голля. Но, несмотря на это, поддержал установление Пятой республики и занимал министерские посты при де Голле, в том числе пост министра финансов и экономики с июня 1958 г. по январь 1960 г.

жия у стран советского блока, а 5 мая подписал соглашение о координации действий вооруженных сил Египта и Иордании. После того как обострилось противостояние и поляризация на Ближнем Востоке, а Египет сблизился с Советским Союзом, правительства США и Великобритании переменили свое отношение к Асуанскому проекту на крайне отрицательное. Ко всему прочему, 16 мая Министерство иностранных дел Египта объявило о дипломатическом признании коммунистического Китая. В июне министр иностранных дел Советского Союза Д. Т. Шепилов¹⁹ прибыл в Каир, чтобы предложить Египту беспроцентный заем на сумму 120 млн долларов. Это переполнило чашу терпения Вашингтона; преследуя собственные цели, Насер последовательно стравливал друг с другом все стороны, вовлеченные в конфликт. Кроме того, очевидно было, что, приобретая очередную партию оружия на такую сумму, Египет вряд ли сможет вернуть, а тем более с процентами, столь значительные займы. С учетом всех этих обстоятельств, 19 июля Даллес официально известил египетского посла в Вашингтоне, что США отказываются от предоставления займа и что они не намерены потворствовать вымогательству. Два дня спустя Великобритания также отказала Египту в представлении займа, что, в свою очередь, привело к аналогичной реакции Всемирного банка.

Насер заранее подготовил свой следующий ход. Он предвидел подобный шаг со стороны Запада и намеревался использовать отказ от предоставления займов в качестве предлога для национализации Суэцкого канала. Эти планы он вынашивал уже с 1954 г., но только после июня 1956 г., когда из зоны канала были выведены последние английские войска, представилась возможность проделать это быстро и безболезненно. К тому же и баланс сил в ближневосточном регионе был изменен — благодаря вмешательству Советского Союза. И вот 26 июля, в рамках недельных торжеств по поводу четвертой годовщины “революции полковников”, Насер выступил перед огромной аудиторией в Александрии. Описав ход переговоров с Великобританией и США и заявив, что он желает американцам “захлебнуться своей злобой”, Насер сделал сообщение, произведшее эффект разорвавшейся бомбы: Суэцкий канал национализируется, и все доходы от его эксплуатации отныне будут использоваться для строительства Асуанской плотины.

19 Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) — советский государственный деятель. В 1952–1956 гг. — главный редактор газеты “Правда”, в 1955–1956 гг. и в феврале—июне 1957 г. — секретарь ЦК КПСС. В 1956–1957 гг. — министр иностранных дел Советского Союза. Принимал активное участие в осуществлении политики укрепления связей с наиболее радикальными арабскими режимами и ухудшения отношений с Израилем. В июне 1957 г., в результате внутривнутрипартийной борьбы за власть, снят со всех занимаемых постов и выведен из состава ЦК КПСС. С середины 1960 г. — старший археограф Главного архивного управления при Совете министров СССР.

После этой речи весь Египет впал в состояние радостного исступления. Насер был провозглашен национальным героем. Никогда его репутация не была столь прочна — ни в самом Египте, ни во всем арабском мире.

Получив сообщение о случившемся, Иден созвал экстренное заседание кабинета министров. Из всех стран Запада больше всего пострадала от национализации именно Великобритания. Правительству страны принадлежал контрольный пакет акций Суэцкой компании. Почти четвертая часть британского импорта шла через канал, и треть судов, проходивших по каналу, шли под британским флагом. На карту был также поставлен престиж Великобритании в арабском мире — и от этого Иден не мог отмахнуться. Требования принять самые решительные меры исходили не только от членов его партии, но и от многих лейбористов. Во всяком случае, премьер-министру вряд ли нужно было напоминать, к чему может привести политика умиротворения агрессора. То же самое можно сказать и о Ги Молле, чья антимиунхенская реакция была не менее сильной, чем у Идена, и кто давно уже называл Насера “Гитлер с Нила”. Все члены кабинета Ги Молле — и социалисты, и голлисты, и радикалы — одинаково ненавидели “насеризм” и все, что делал Насер в Магрибе. Первым шагом правительств обеих стран стало распоряжение об эвакуации соотечественников из Египта.

Что касается США, то 1956 год был годом президентских выборов. Избирательная кампания Эйзенхауэра велась под лозунгом “прочного мира”. Экономическая зависимость США от Суэцкого канала была существенно меньшей по сравнению с их европейскими союзниками. Не более 15% всего нефтяного импорта США проходило через канал, а американская доля акций Суэцкой компании была весьма незначительной. Более того, воинственный настрой Лондона и Парижа несколько смутил Эйзенхауэра, который разделял точку зрения Даллеса, что не существует юридических оснований для применения силы. Поэтому Государственный секретарь США безотлагательно, 1 августа, отбыл в Лондон, имея указание президента любой ценой предотвратить вооруженное вмешательство. С большой неохотой Иден и Молле согласились на предложение Даллеса о созыве экстренной конференции ведущих морских держав. В ходе этой конференции, начавшейся в Лондоне 16 августа, большинством голосов было достигнуто согласованное решение — за менее чем недельный срок. Участники конференции выступили с Декларацией, признававшей суверенное право Египта на справедливую норму прибыли от эксплуатации канала, но требовавшей передать права судоходства под международный контроль. Все усилия решить кризис мирным путем оказались тщетными, поскольку 9 сентября Насер заявил о неприемлемости Лондонской декларации.

Теперь подготовка Великобритании и Франции к военной кампании стала набирать темпы. Уже 5 августа объединенная группа штабных офицеров при-

ступила к планированию высадки в Египте. Штаб-квартира была расположена в Лондоне, с филиалами в Париже, на Мальте и на Кипре. Предстоящая операция получила кодовое название “Мушкетер”. Командовать операцией должен был генерал сэр Чарльз Кейтли, его заместителем был назначен французский вице-адмирал Баржо. Предполагалось, что Великобритания предоставит бомбардировщики и личный состав численностью 50 тыс. человек; Франция — несколько эскадрилий истребителей и 30 тыс. человек; объединенные морские силы должны составить более 100 британских боевых кораблей, 30 французских судов и несколько сот кораблей для высадки десанта. Планы включали использование не менее семи авианосцев и порядка 20 тыс. боевых машин. Первый эшелон десанта должны были составить несколько тысяч парашютистов, но основные десантные силы предполагалось доставить 15 сентября морем. Выброску английских и французских воздушных десантников решено было начать после 36 часов бомбардировок, в районе к югу от Александрии; морской десант должен был высадиться на побережье. После захвата Александрии объединенные союзные силы должны были войти в соприкосновение с основными египетскими силами и начать наступление на Каир. Операция планировалась почти столь же тщательно, как и высадка союзников в 1944 г. в Нормандии. Собственно говоря, французы не видели смысла в столь детальной подготовке. У них был опыт войны в Индокитае, их снаряжение было вполне пригодным для такого рода операций, и они предпочли бы покончить с режимом Насера, нанеся быстрый, ошеломляющий удар. И хотя на начальной стадии англичане настаивали на детальном планировании, впоследствии французы рассчитывали вернуться к своей тактике.

Сведения о подготовке скоро дошли до Вашингтона. Эйзенхауэр, сильно обеспокоенный происходящим, направил 2 сентября резкое послание Идену, протестуя против силового решения вопроса. Ответ Идена был выдержан в решительных тонах; он сравнил Насера с Гитлером и подчеркнул, что “если мы допустим свое поэтапное уничтожение, это будет бесславным концом нашей долгой истории”. Вашингтон продолжал настаивать на своем, и через два дня Даллес передал союзникам план создания Ассоциации стран, использующих Суэцкий канал, благодаря чему можно было бы хотя бы отчасти “упорядочить” судоходство по каналу. Иден отнесся к этому плану скептически, но, тем не менее, убедил свой кабинет и французскую сторону хотя бы рассмотреть предложенную идею. Скоро, однако, стало ясно, что у Даллеса не было намерений оказать на Египет какое бы то ни было давление, кроме словесного, чтобы заставить Насера принять этот план. Иден теперь не сомневался, что Даллес, “этот ужасный человек”, намеренно обманул его. Что еще хуже, египетские власти к этому времени успели привлечь своих и зарубежных лоцманов к проводке судов по каналу, и те вполне справлялись с этой работой. Полные негодования, но связанные по рукам и ногам амери-

канскими усилиями не допустить осуществления военной операции, Иден и Молле 23 сентября вынесли вопрос на обсуждение Совета Безопасности. Это обращение в ООН не имело успеха, поскольку Советский Союз накладывал вето на любую конструктивную резолюцию, направленную против интересов Египта. Теперь, по мнению Идена и Молле, все возможности мирного решения проблемы были исчерпаны. День начала военных действий был назначен на 8 октября. В план были внесены некоторые изменения — основным направлением атаки должен был стать Порт-Саид, и большее внимание предполагалось уделить нанесению бомбовых ударов, предшествующих высадке десанта. Внесение этих изменений и предоставило возможность для сотрудничества с Израилем (Гл. XVII. Израиль выходит на сцену).

Тем временем Насер, одновременно со своим вызывающим поведением по отношению к англичанам и французам, продолжал развертывание антиизраильской кампании. В марте 1956 г. начался очередной цикл вылазок на территорию Израиля и ответных ударов вдоль демилитаризованной зоны Газы. Так, 22 марта одиннадцать израильских поселенцев получили ранения в районе Гвулот; 3 апреля один израильский солдат был убит и трое ранены в ходе столкновений возле Нирым; 4 апреля трое израильских солдат погибли возле Кисуфим. На следующий день, после обстрела Газы с израильской стороны из тяжелых минометов, было убито 56 жителей города. Через несколько дней фedaины совершили ряд вылазок, и к 11 апреля число жертв среди мирного населения составило 12 человек убитыми, не считая раненых; в числе жертв было пятеро детей из религиозной школы-интерната в Рамле. Все это время египетская пресса превозносила фedaинов, именуя их “героями, вернувшимися с поля брани”.

В речи 19 июня Насер высказал свои намерения по отношению к Израилу: “Мы должны быть сильными, чтобы заставить врага вернуть палестинцам то, что принадлежит им по праву”. Абдель Хаким Амер, главнокомандующий египетской армией, заявил, выступая перед войсками 5 июля: “Близится час, когда мы окажемся в первых рядах бойцов против империалистов и их сионистских прихвостней”. Незадолго до этого Шукри Куватли, президент Сирии и союзник Насера, провозгласил: “Сегодняшняя ситуация требует мобилизации всех арабских сил, чтобы ликвидировать чужеродное государство, возникшее в нашем регионе”. Король Иордании Хусейн телеграфировал Насеру 26 июля: “Мы с нетерпением ждем того дня, когда арабское знамя взвевется над нашей великой похищенной родиной”. Насер находился тогда в зените своей силы. Оставалось только разрушить Израиль, чтобы получить право именоваться современным Салах ад-Дином. Между 29 июля и 25 сентября фedaины, прошедшие подготовку в Египте, совершили вылазки на территорию Израиля с баз, расположенных в Газе, Иордании и Сирии, убив 19 и ранив 28 израильян.

Примерно в это время произошли и последние столкновения между Бен-Гурионом и министром иностранных дел в его правительстве Моше Шаретом. Шарет был убежденным сторонником умеренных действий, истинным дипломатом старой школы, осознающим ограниченные возможности дипломатии малых государств и смертельно боящимся того, что мощные ответные удары Израиля могут вызвать негативную реакцию общественного мнения Запада. После антисирийской операции “Кинерет” (Гл. XVI) Шарет высказал опасения, что чрезмерная реакция Израиля свела на нет его усилия по приобретению оружия в США. Однако мнение всех критиков министра иностранных дел — самого Бен-Гуриона, Моше Даяна, многих членов партии *Мапай*, а также всей партии *Херут* — сводилось к тому, что все предыдущие и неоднократные усилия по сглаживанию ситуации не дали никаких результатов и, напротив, только усилили воинственные амбиции Насера. Когда Бен-Гурион в частном порядке сообщил Шарету о намерении рано или поздно применить силу для снятия блокады Акабского залива, то последний понял, что его дни в министерском кресле сочтены. Действительно, 18 июня 1956 г. Бен-Гурион попросил своего старого друга и соратника подать в отставку и назначил на его место Голду Меир, бывшую до этого времени министром труда. Так был заложен фундамент для решительных действий против главного врага Израиля. На выборах 1955 г. партия *Херут* почти удвоила число своих мест в *кнессете*, что стало еще одним показателем общественного мнения в стране. Теперь Бен-Гуриону оставалось только найти подходящий момент.

Израиль выходит на сцену

И в поисках такого момента помощь Израилю оказала Франция. В своих мемуарах о Суэцкой операции Андре Бофре, командующий ВВС Франции, писал: “Собственно говоря, наши обязательства по отношению к Израилю легко объяснить тем духом израильского динамизма — особенно по сравнению с британской нерешительностью, — которым буквально были пропитаны все офицеры, с кем нам доводилось общаться”. В первых числах августа 1956 г. Бурже-Монури пригласил к себе Переса, который совершал челночные полеты из Тель-Авива в Париж, занимаясь вопросами французских поставок, и задал ему прямой вопрос: “Если мы начнем войну с Египтом, согласится ли Израиль воевать вместе с нами?” Перес, не медля, дал ему утвердительный ответ. Ничего больше не было сказано, но этот разговор стал для Переса первым сигналом того, что перед страной открываются новые возможности. Через полторы недели ему осторожно намекнули, что

против Египта готовится англо-французская операция. И наконец, в первых числах сентября Бурже-Монури напрямую спросил Переса, готов ли Израиль атаковать Египет 20 октября, во взаимодействии с английскими и французскими войсками? Было ясно, что французское руководство нуждается не только в предложении для нанесения удара, но и в том, чтобы такой, тщательно скоординированный, удар против Египта был нанесен по двум направлениям. Израильское наступление наземных частей через Синайский полуостров позволит англичанам и французам не прибегать к ширококомандной морской десантной операции — им достаточно будет выбросить парашютный десант непосредственно в зону Суэцкого канала.

Перес немедленно связался с Бен-Гурионом. Он направил ему две телеграммы, но не получил ответа. Тогда он прилетел в Израиль и обсудил этот вопрос лично с премьер-министром, в присутствии Даяна. И снова Бен-Гурион не дал точного ответа. В середине сентября Бурже-Монури объявил полковнику Нишри, израильскому военному атташе в Париже, что цена французской поддержки Израиля — это израильское участие в предстоящей операции; он добавил также, что выборы в США проходят в начале ноября и что поэтому у Эйзенхауэра, как они все надеются, вряд ли будет возможность вмешаться в происходящее. Перес вернулся в Париж и 23 сентября получил от Бен-Гуриона телеграмму: “Передай им, что дата нас устраивает”. И так, Израиль взял на себя это обязательство.

Известив Бурже-Монури о согласии своей страны, Перес также выступил с запросом о дополнительных и неотложных поставках. Список необходимых вооружений доставили в Париж Голда Меир и Моше Даян, прилетевшие туда на французском бомбардировщике. Помимо ранее заказанного оружия и боевых самолетов, израильтяне попросили 100 средних танков, 300 полугусеничных вездеходов, 50 транспортеров для перевозки танков, 300 грузовиков, 1000 безоткатных орудий и эскадрилью транспортных самолетов “Норд-Атлас”. Начальник Генерального штаба Франции Поль Эли²⁰ тотчас же утвердил этот список. Поставки начались незамедлительно, и хотя они проходили в обстановке строгой секретности, многие были

20 Эли Поль Генри Ромуальд (1897–1975) — французский военный деятель. Участвовал в Первой мировой войне. После военного разгрома Франции в 1940 г. бежал в Англию, где присоединился к “Свободной Франции” генерала де Голля. Несколько раз нелегально приезжал в оккупированную Францию для укрепления связей между организациями Сопротивления внутри страны и руководством “Свободной Франции”. В 1944 г. назначен старшим офицером связи при штабе союзных войск. В августе 1945 г. получил чин дивизионного генерала. В 1949–1953 гг. возглавлял французскую военную миссию в Вашингтоне. В 1953–1954 гг. в звании генерала армии был начальником французского Генерального штаба. В 1954–1955 гг. командовал французскими войсками в Индокитае. В 1956–1959 гг. возглавлял Генеральный штаб. Сторонник тесного сотрудничества с Израилем накануне и во время Синайской кампании.

осведомлены, пусть в самых общих чертах, что французы возобновили поддержку Израиля, что способствовало возникновению чувства подъема и воодушевления во всем израильском обществе. Поэт Натан Альтерман, получивший разрешение присутствовать при ночной разгрузке французского десантно-транспортного корабля, описал свои впечатления словами возвышенно-поэтическими, но полными ликования:

Быть может, это сон, но сон наяву,
И когда видишь его, улетучиваются ужасы террора,
И встает стена между нами и силами зла,
И движется железный поток,
И содрогаются внутренности Земли...

2 сентября Даян собрал старших офицеров и ввел их в курс дела. Задача предстоящей операции, объяснил он, заключается в том, чтобы выбить египетскую армию из Синая, уничтожить базы феодалов в Газе и снять блокаду с Тиранского пролива. На подготовку дается 18 дней, поскольку дата начала операции — 20 сентября. Никому из штатских — ни слова.

Бен-Гуриона тем временем мучил вопрос: какой будет реакция англичан? И его беспокойство на этот счет было вполне оправданным. Когда 24 сентября информация о намеченном франко-израильском сотрудничестве была доведена французской стороной до Лондона, Иден высказал недовольство. Ему очень не понравился план в целом, поскольку он грозил внести напряженность в отношения Великобритании с арабским миром. К тому же отношения между Великобританией и Израилем до сих пор были не очень обнадеживающими. Вряд ли на них могли положительно сказаться израильские операции возмездия, направленные против Иордании, страны, связанной с Великобританией договором о сотрудничестве. Так, 11 сентября, в отместку за вылазку на территорию Израиля, унесшую жизни шести израильских солдат, Армия обороны Израиля нанесла мощный удар по иорданскому блокпосту в Карии, и было убито 16 бойцов Арабского легиона. Последовала очередная атака феодалов с иорданской территории, после чего израильская бригада 25 сентября атаковала иорданские позиции в Хусане, и число погибших там составило несколько десятков человек. Вылазки, одна за другой, сопровождались контратаками, пока, наконец, в ночь 11 октября израильцы не нанесли массированный удар по укрепленному пункту иорданской полиции в Калькилии. В операции принимали участие танки, артиллерия и даже авиация — короче говоря, это были полномасштабные военные действия.

Хусейн был настолько потрясен реакцией Израиля, что призвал Великобританию выполнить условия англо-иорданского оборонного договора.

Таким образом, 12 октября поверенный в делах Соединенного Королевства в Тель-Авиве заявил Бен-Гуриону, что иракская дивизия может быть введена в Иорданию для “защиты этой малой страны”. В случае, если Израиль предпримет военные действия, Великобритания будет вынуждена, согласно своим обязательствам в рамках как англо-иорданского оборонного договора от 1948 г., так и Трехсторонней декларации от 1950 г., прийти на помощь Иордании. На это премьер-министр ответил, что его страна оставляет за собой право на свободу действий. В частном порядке Бен-Гурион, разумеется, выразил свое удивление поведением Лондона — накануне операции, направленной против врага Великобритании, Насера, в которой на стороне англичан намереваются участвовать Франция и Израиль. Что касается Даяна, то он был переполнен негодованием. “Должен признаться, — отмечал он в своих записках, посвященных Синайской кампании, — что, если не считать Всевышнего, лишь англичане в состоянии таким образом запутать все на свете”. В конечном итоге Иден и Ллойд встретились с Молле и Пино 16 октября в Париже, и в ходе длившейся пять часов конференции достигли наконец полного взаимопонимания относительно желательности израильского участия в военных действиях против Насера. После этой парижской встречи Лондон дал указания отменить все планы, связанные с действиями в Иордании. Пино направил Бен-Гуриону обнадеживающую телеграмму: “Вы можете в полной мере доверять англичанам”. И вот тогда израильский премьер-министр поднял вопрос о необходимости сдвинуть дату начала операции.

Больше всего Бен-Гуриона беспокоила проблема обеспечения авиационного прикрытия. Израильское наступление на Синае не могло не вызвать ответных бомбардировок израильских городов. Высока была вероятность того, что операция “Мушкетер” вовсе не начнется, если Израиль останется без прикрытия, а египтяне будут иметь господство в воздухе. Собственно говоря, союзники уже дали понять Израилю, что вносят изменения в свои изначальные планы — ввиду участия Израиля в операции — и вместо масштабного морского десанта намерены ограничиться выброской парашютного десанта непосредственно в зону Суэцкого канала. Кто знает, насколько еще союзники захотят минимизировать свои усилия? Разумеется, та роль, которую англичане отводили Израилю, представлялась неприемлемой для Бен-Гуриона и Даяна. Израильская армия должна была наступать в полном составе и широким фронтом, двигаясь по Синайскому полуострову и угрожая Каиру. Речь шла о полномасштабной войне, а у союзников при этом была возможность вмешаться и показать себя миротворцами. Селвин Ллойд, министр иностранных дел Великобритании, даже выступил с предложением подвергнуть бомбардировке силы как Египта, так и Израиля по обе стороны Суэцкого канала, чтобы продемонстрировать миру, что ан-

гличане в первую очередь думают о безопасности водных путей. Разумеется, Бен-Гурион не мог согласиться с такими планами. Задача Израиля, как ее видел премьер-министр, заключалась в том, чтобы выбить египтян из сектора Газа и снять блокаду с Тиранского пролива. Форсирование Суэцкого канала, не говоря уже о дальнейшем продвижении к Каиру, не входило в намерения израильского руководства. Необходимо было скорейшим образом внести ясность во все эти вопросы.

И вот 22 октября, на рассвете, самолет французских ВВС, на борту которого находились Бен-Гурион, Даян и Перес, коснулся колесами частной взлетно-посадочной полосы, расположенной к юго-западу от Парижа. Израильцев посадили в машину и немедленно доставили в близлежащий городок Севр, где и поселили в небольшом, неприметном домике. Через пару часов к ним приехал Пино в сопровождении Бурже-Монури и Томаса, а на следующее утро — Ги Молле. В ходе эмоциональной беседы Бен-Гурион обрисовал французскому премьеру, какая смертельная опасность грозит Израилю, насколько важно для страны разрушить базы федаинов и освободиться от удавки, накинута́й Насером на горло израильской экономики. Если Израиль пойдет на немислимый риск, связанный с вторжением в Синай, то израильским городам должна быть гарантирована надежная защита. “Мсье Молле, — сказал Бен-Гурион, — ведь вы боец Сопротивления, социалист и демократ. Вы же не дадите Израилю погибнуть”. Первоначально Ги Молле не намеревался принимать на себя обязательств, не имеющих непосредственного отношения к операции “Мушкетер”. Но, придя в ужас от перспективы массовой гибели мирного еврейского населения, французский лидер заверил Бен-Гуриона: “Я не допущу, чтобы такое случилось”. К полудню оба премьер-министра достигли официального соглашения относительно того, что французские ВВС обеспечат авиационное прикрытие основных израильских городов, а суда французских ВМС будут патрулировать побережье Израиля. Израиль проведет мобилизацию через три дня, то есть 26 октября; несколько эскадрилий истребителей-перехватчиков “Мистэр” с французскими экипажами придут в Израиль 27 и 28 октября, а французские боевые корабли займут свою позицию вдоль израильского побережья к 29 октября, то есть к предложенной Бен-Гурионом дате начала операции. Было также договорено, по предложению Абея Томаса, что французские самолеты, базирующиеся на Кипре, будут выбрасывать боеприпасы, пайки, ГСМ (горюче-смазочные материалы) по маршруту продвижения израильских танков.

Однако израильские лидеры прибыли в Париж также и для того, чтобы достигнуть договоренности по еще одному важному вопросу. Им было известно, что, под нажимом Великобритании, их стране уготовлена весьма скромная роль во всей операции. И Даян предложил следующую формулу,

которую следует считать компромиссной: Израиль будет осуществлять наступательную операцию ограниченного масштаба — “более чем рейд, менее чем военные действия”. Поскольку такую операцию можно будет расценить как угрожающую безопасности Суэцкого канала, это и оправдает вмешательство союзников, в чьи намерения входит защита канала. После обсуждения этого предложения, длившегося около двух часов, Бен-Гурион смог пожать плоды своего упорства. Французы одобрили идею Даяна, и его схема, оправдывавшая начало операции, была предложена вниманию Селвина Ллойда, когда министр иностранных дел Великобритании прибыл в Севр после полудня этого же дня, то есть 23 октября, в сопровождении Патрика Дина, ответственного сотрудника Министерства по делам Ближнего Востока. Англичане также приняли израильский план.

К вечеру, по окончании совместного совещания, были согласованы основные направления действий. Израиль нанесет первый удар 29 октября, выбросит парашютный десант к востоку от Суэцкого канала и объявит по радио о своих намерениях. Затем Великобритания и Франция выдвигнут совместный ультиматум Израилю и Египту, потребовав прекратить военные действия. Израиль выскажет свое согласие, но полностью прекратит огонь, только выйдя на рубеж в десяти милях к востоку от канала. По сути дела, в распоряжении израильтян будет двенадцать часов для того, чтобы дойти до этого места. Египет, между тем, почти наверняка отвергнет “унизительные” условия союзников. После этого самолеты ВВС Великобритании и Франции подвергнут бомбардировке египетские аэродромы, уничтожая египетские самолеты на земле, что отведет угрозу бомбардировок от израильских городов, а также приведет в негодность взлетно-посадочные полосы. И наконец, силы союзников высадятся вдоль зоны Суэцкого канала и возьмут его под свой контроль. Предварительные франко-израильские соглашения относительно мер по защите израильских городов и снабжения израильских танковых колонн с воздуха не стали доводить до сведения английской стороны. На следующий день, 24 октября, черновой вариант трехстороннего Севрского договора был готов, причем в нем говорилось не только о вопросах военного характера. В частности, стороны согласились с тем, что Франция будет отстаивать интересы Израиля в ООН, а Великобритания не будет этого делать, поскольку это может негативно сказаться на ее репутации в глазах арабских стран. При этом, однако, Великобритания будет в неофициальном порядке защищать интересы Израиля и окажет поддержку израильским территориальным требованиям, если в ООН будет поднят вопрос о мирном урегулировании конфликта. Договор подписали Пино, Патрик Дин и Бен-Гурион, и при этом было достигнуто соглашение о том, что текст договора не подлежит публикации. После этого участники конференции разъехались по домам.

Вернувшись в Израиль 25 октября, Даян представил Генеральному штабу пересмотренный график операции *Кадеш*. Основное внимание теперь уделялось движению в сторону Суэцкого канала, и лишь затем операция должна была развиваться в сторону Шарм-аш-Шейха (с целью снятия блокады с Тиранского пролива), а затем также переключиться на уничтожение баз федаинов и разгром египетской армии. Через два дня, 27 октября, в израильских портах началась разгрузка французских десантно-транспортных судов, доставивших тяжелую боевую технику, и в израильских территориальных водах появились боевые корабли французских ВМС. Вечером 27 октября эскадрилья французских транспортных самолетов “Норд-Атлас” доставила с Кипра оборудование и технических специалистов. И наконец, на израильских военных аэродромах приземлились две эскадрильи истребителей “Мистёр” и “Тандерстрик” из состава французских сил НАТО, пилотируемых французскими летчиками, в задачу которых входило обеспечение безопасности израильских городов. Между этими самолетами и теми шестидесятью истребителями “Мистёр”, которые были ранее получены израильскими ВВС, не существовало тактической связи. Интересно также отметить, что эти шестьдесят истребителей, принадлежащие Израилю, никогда не были полностью введены в боевой состав ВВС страны. Израильские пилоты совершали боевые вылеты лишь на шестнадцать из этих машин во время операции *Кадеш*, и еще на двадцати летали французские летчики. Даян отнюдь не преувеличивал, подчеркивая в своих записках: “Если бы не англо-французская операция, вряд ли Израиль самостоятельно решился на эту кампанию”. В лучшем случае израильские усилия были бы направлены на снятие египетской блокады с Тиранского пролива, с целью обеспечить доступ своим судам в Эйлат.

Начало операции “Кадеш”

Буквально до самого последнего часа правительство Израиля искусно маскировало свои истинные намерения. Несмотря на все вылазки федаинов, несмотря на то, что все большее количество советского оружия поступало в распоряжение Насера, Бен-Гурион стойко противился требованиям партии *Херут* начать превентивную войну. В конце августа премьер-министр, выступая на съезде партии *Мапай*, заверил, что “основной принцип нашей внешней политики — сохранять мир, пускай даже худой мир, и мы намерены придерживаться этого принципа настолько, насколько это будет в наших силах”. 21 сентября, давая интервью по случаю своего семидесятилетия, Бен-Гурион сказал корреспонденту: “Если бы все дело было во мне, мы бы

не стали воевать... Я никогда не начну войну. Никогда". Во всяком случае, к октябрю наиболее опасной границей по-прежнему считалась иорданская. Самые решительные военные операции проводились в районе этого изрезанного восточного рубежа. 3 октября Министерство иностранных дел Израиля объявило, что выводит своих представителей из состава израильско-иорданской Смешанной комиссии по вопросам перемирия. Ночью 11 октября израильтяне нанесли массированный удар по укрепленному пункту иорданской полиции в Калькилии, что могло привести к дальнейшим непредсказуемым последствиям и, как уже говорилось, вызвало резкую реакцию Великобритании. К тому же в последних числах октября, когда уже началась подготовка к проведению операции *Кадеш*, израильская разведка стала распространять слухи о близкой войне с Иорданией. Убедительность этим слухам придавало подписанное 24 октября трехстороннее военное соглашение между Египтом, Сирией и Иорданией. Враждебное кольцо вокруг Израиля сжималось, и нанесение превентивного удара по слабейшему звену выглядело вполне логичным. Восприняв эти угрозы со всей серьезностью, Хашимитское Королевство начало лихорадочно принимать меры оборонительного характера. Когда 27 октября в Израиле началась мобилизация резервистов, генерал Бернс и персонал ОНВУП также уверились в том, что целью всех военных приготовлений является Иордания.

В этот же день Эйзенхауэр направил Бен-Гуриону личную телеграмму с выражением своей крайней обеспокоенности происходящим. Два дня спустя президент США направил премьер-министру Израиля еще одну телеграмму, заверяя его, что, согласно данным американской разведки, не имеется "никаких свидетельств ввода в Иорданию иракских сил", и заявляя, что "хотелось бы надеяться, что со стороны вашего правительства не будет предпринято никаких силовых инициатив, которые могли бы нарушить мир и подорвать дружественные отношения между двумя нашими странами". Но начавшееся в эти дни народное восстание в Венгрии и его подавление введенными в страну советскими войсками отвлекли внимание всей мировой общественности, и Бен-Гурион не сомневался, что бурные события в Восточной Европе полностью займут внимание и Вашингтонской администрации, и Совета Безопасности ООН. Вряд ли можно было представить более благоприятный для Израиля момент. Итак, 27 октября премьер-министр сообщил наконец своему кабинету о планах операции *Кадеш* и получил его одобрение. Обращаясь к присутствующим министрам, Бен-Гурион сказал:

"Я не знаю, какова будет судьба Синая. Что для нас жизненно важно, так это береговая линия вокруг Эйлата и сам залив. Я представляю себе, что определенные силы заставят нас отступить. Я говорю об Америке, а также о России,

ООН, о Неру и странах Азии и Африки — хотя, надо признаться, больше всего я опасаясь действий Америки. Америка может вынудить нас уйти с занятых нами позиций, но самое важное для нас — это свобода судоходства”.

В ходе операции *Кадеш* необходимо было принимать во внимание целый ряд непредвиденных обстоятельств — как военного, так и дипломатического характера. Даян, разумеется, был готов выполнить свои обязательства в рамках Севрского договора, создав “угрозу” Суэцкому каналу и обеспечив тем самым возможность англо-французского вторжения, но он также понимал, что следует действовать с оглядкой — дабы быть готовым к тому, что египтяне могут использовать всю мощь своих ВВС и всю массу своих бронетанковых войск. В таких обстоятельствах ему пришлось не столько разрабатывать детальный оперативный план, сколько предугадывать последовательность краткосрочных тактических маневров противника как по восточным, так и по западным направлениям. Он считал, что быстрота и решительность позволят ему преодолеть тактические препятствия. А таких препятствий было достаточно. Прежде всего, это вселяющие тревогу размеры Синайского полуострова — 24 тыс. квадратных миль пустыни, где проживало примерно 40 тыс. кочевников-бедуинов, где не существовало ни оседлой жизни, ни чего бы то ни было хоть мало-мальски похожего на средства связи. Несколько небольших деревушек (Аль-Тамад, Аль-Кусейма, Нахл) на пересечении верблюжьих троп — и это все. В северной части полуострова местность была лучше — обычная пустыня, барханные пески; на юге много хуже — почти непроходимые горные цепи, с вершинами до 9 тыс. футов. Проход к Суэцкому каналу и далее, на территорию Египта, был доступен лишь по одному-единственному горному гребню, пересекающему Синай с севера на юг, и через перевалы Митла и Гиди.

Учитывая положение на местности, Даян спланировал первым делом выбросить 29 октября, в сумерках, батальон парашютистов поблизости от перевала Митла, в 40 милях от Суэцкого канала и в 180 милях по прямой от израильской границы. Остальные батальоны этой парашютно-десантной бригады должны были продвигаться вдоль южной оси полуострова и через 36 часов соединиться с десантом. Таким образом, одним маневром израильтяне “создавали угрозу каналу”, приводили в действие англо-французскую машину по уничтожению египетской авиатехники, а также путали карты египетскому командованию. Узнав о наличии израильской бригады в центральной части Синай и батальона около перевала Митла, египтяне будут вынуждены принимать решение о степени серьезности израильских намерений. Даян надеялся на то, что с египетской стороны не последует быстрой и решительной реакции. Но если для Израиля сложится неблагоприятная ситуация — либо на Синае, либо на международной арене, то можно

будет отвести бригаду и представить всю операцию *Кадеш* как обычный ответный удар на вылазки фedaинов.

Второй этап наступательной операции развивался по несколько более стандартной схеме. После перерыва продолжительностью в 24 часа вторая, более многочисленная группа израильских войск выходила из Негева и двигалась в направлении Исмаилии на берегу Суэцкого канала. Заключительный этап операции, осуществляемый в северной части полуострова, был достаточно традиционным и отчасти напоминал действия Алона на заключительном этапе Войны за независимость (Гл. XIII): стремительный короткий бросок в направлении Рафияха для отсечения египетской береговой зоны. После взятия Рафияха вторая бригада проводила зачистку сектора Газа. Одновременно еще одна бригада двигалась по незаселенному восточному берегу Синая в сторону Шарм-аш-Шейха, расположенного на южной оконечности полуострова. При этом Даян исходил из предположения, что египтяне будут уже полностью деморализованы и лишены способности к сопротивлению. Таким образом, боевой дух и престиж египетской армии оказывался подорванным, а также ликвидировалась угроза, которую представляли фedaины в Газе, и снималась блокада с Акабского залива.

Следующее препятствие, которое предстояло преодолеть израильтянам, — это заново оснащенные египетская армия и ВВС. Даян не был склонен преувеличивать эту угрозу. Неудовлетворительные профессиональные качества египетских летчиков и технического персонала были общеизвестны. Что касается армии, то, несомненно, численность ее мобилизационного контингента к 1956 г. значительно увеличилась, составив порядка 100 тыс. человек, в основном вооруженных современным оружием. Но и в этой “новой” египетской армии существовали прежние, времен короля Фарука, классовые различия между офицерским корпусом и рядовыми. Известно было, что фellaхи-рекруты легко поддаются панике и, будучи захваченными врасплох, тотчас же обращаются в бегство. Израильскому Генеральному штабу было также хорошо известно, что дислокация войск противника на Синайском полуострове была в высшей степени уязвимой. Немецкие советники египетской армии настаивали на преимуществах оборонительной позиции вдоль линии “север—юг” посередине Синая. Однако Насер не помышлял об обороне. Ему хотелось, чтобы его блистательная вновь созданная армия навела страх на границе с Израилем, поддерживала и снабжала базы фedaинов в секторе Газа. Вот почему основные силы египтян были дислоцированы не в глубине Синая, а по линии Эль-Ариш—Рафиях—Газа, вдоль побережья, а также южнее, вокруг Абу-Агейлы. Такое расположение было легко уязвимым в случае внезапного нападения израильтян. Привязанные к статичным береговым заграждениям, находящиеся на самом конце длинного и уязвимого маршрута снабжения, египетские части были подобны брониро-

ванному кулаку — но сама рука была слабой и незащищенной. Кроме того, следует заметить, что, когда возникла кризисная ситуация вокруг Суэцкого канала в конце июля 1956 г., египетское высшее командование сосредоточило в зоне канала лучшие дивизии, чтобы защитить его от англо-французского вторжения. Таким образом, помимо этих частей, египетская армия на Синайском полуострове и в полосе Газы состояла из двух недоукомплектованных пехотных дивизий, частей Национальной гвардии (боеспособность которых была невелика) и формирований пограничной охраны. В целом численность египетских сил в Синае не превышала 40 тыс. человек.

Людские ресурсы израильских вооруженных сил были, по всей видимости, еще менее значительными. Регулярная армия существовала в сокращенном составе, и для полного ее укомплектования необходимо было поставить под ружье фактически всю страну. Тем не менее система мобилизации сработала эффективно. Когда 25 октября было объявлено чрезвычайное военное положение, все состоявшие в запасе прибыли в свои части, включая и тех, кто по каким-либо причинам не получил повестки. Почти 90% от 100 тыс. человек, находившихся в запасе и подлежавших мобилизации, явилось по месту прохождения службы — то есть существенно больше ожидавшегося, и на такое количество людей просто не было заготовлено соответствующего обмундирования и снаряжения. Действительно, касок и обуви не хватало даже для тех 32 тыс. человек, которые по плану должны были участвовать в Синайской операции. Требовалось 13 тыс. автотранспортных средств для перевозки военнослужащих в Негев, но лишь 60% грузовиков и фургонов оказались в рабочем состоянии. Доставленные в Израиль, пусть и с опозданием, несколько сот французских бронетранспортеров буквально спасли ситуацию. Далее, явившись в свои части, резервисты, в основном люди старше тридцати, должны были в течение трех дней пройти ускоренный курс обучения, чтобы освоить французскую технику, и их подготовка шла с переменным успехом. И до самого последнего дня все были уверены, что их направляют на Иорданский фронт.

Наконец, 29 октября 1956 г., в три часа тридцать минут пополудни, эскадрилья израильских транспортных самолетов пересекла границу Негева и на предельно малой высоте 500 футов пронеслась на Синай, не попав в поле зрения египетских радаров. Затем “Дакоты” и “Норды” набрали высоту 1500 футов в районе находящегося менее чем в шести милях от прохода Митла Мемориала Паркера, который был задан в качестве ориентира, и там был выброшен парашютный десант (батальон). Этим же вечером, в семь тридцать, батальон достиг заданной позиции на расстоянии одной мили к востоку от перевала Митла. Даян отдал приказ окопаться в этом месте, чтобы предотвратить возможность обнаружения с воздуха — перевал Митла находился буквально в двух минутах летного времени от ближайше-

го египетского аэродрома. Тем временем основная часть 202-й парашютной бригады под командованием полковника Ариэля Шарона²¹ продвигалась по Синаю; перед ней была поставлена задача соединиться с подразделением, уже находившимся у перевала Митла. Значительная часть транспортных средств бригады и почти вся артиллерия увязли в песке, и Шарон велел их оставить. Не было времени ожидать прибытия подкреплений; основная задача заключалась в том, чтобы не позднее чем через двадцать четыре часа добраться до места выброски первого батальона их бригады. Две первые цели, деревни Аль-Кунтилла и Аль-Тамад, удалось взять без особого труда. Но к этому времени колонна Шарона уже выбилась из графика.

Даже к полуночи 29 октября египетское командование все еще не могло должным образом оценить ситуацию. Хотя их и удивила выброска де-

21 Шарон Ариэль (Шейнерман, р. 1928) — израильский военный, политический и государственный деятель. В 1945 г. окончил курсы взводных командиров *Гаганы*. Во время Войны за независимость командовал взводом, полковой разведкой. В 1949–1950 гг. был командиром разведывательного подразделения бригады *Гивати*, в 1951–1952 гг. — командиром разведки Центрального, а затем Северного военного округа. В 1953 г. получил звание майора и стал командиром созданного им особого подразделения, осуществлявшего в 1953–1955 гг. операции возмездия против баз террористов в Иордании и в Газе. Во время Синайской кампании 1956 г. командовал воздушно-десантной бригадой. В 1957–1958 гг. учился в Военном колледже в Великобритании. В 1962–1963 гг. командовал танковой бригадой. В 1964–1965 гг. был начальником штаба Северного военного округа. В 1966 г. возглавил отдел Генштаба. Во время Шестидневной войны дивизия под командованием Шарона прорвала укрепленную позицию Абу-Агейла и, разгромив египетские войска, вышла к Суэцкому каналу. В 1969–1973 гг. Шарон возглавил Южный военный округ. Ряд ударов, нанесенных войсками под его командованием египтянам, заставил их согласиться в 1970 г. на окончание Войны на истощение. В июле 1973 г. ушел с действительной военной службы. Вступил в Либеральную партию, входившую в блок *Гахаль*. Сразу после начала Войны Судного дня Шарон был призван в армию и назначен командиром дивизии на Южном фронте; сыграл выдающуюся роль в ходе военных действий. В 1976 г. возглавил партию *Шломцион*, получившую на выборах в *кнесет* 1977 г. два мандата. Партия объединилась с движением *Ликуд*. В 1981 г. был назначен министром обороны. В марте 1983 г. Шарон был вынужден оставить свой пост по рекомендации комиссии И. Кагана из-за резни, устроенной вооруженными отрядами христиан в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила в ходе Ливанской войны. В 1984–1992 гг. занимал последовательно посты министра торговли и министра строительства. В сентябре 1988 г. занял пост министра иностранных дел. В сентябре 1999 г. возглавил *Ликуд*. В феврале 2001 г. на выборах главы правительства был избран премьер-министром. Сыграл огромную роль в подавлении интифады Аль-Акса. В 2003 г. *Ликуд* во главе с Шароном получил 38 мандатов на выборах в *кнесет*, и Шарон возглавил правительство. В августе 2005 г. в обстановке напряженной внутренней борьбы он осуществил односторонний вывод израильских войск и ликвидацию еврейских поселений в секторе Газа. В ноябре 2005 г. с большой группой своих сторонников вышел из *Ликуда* и возглавил партию *Кадима*. В начале 2006 г. после повторного инсульта в бессознательном состоянии был госпитализирован.

санта возле перевала Митла, в сорока милях от канала, но они все еще были склонны считать происходящее диверсионной акцией, полагая, что после нанесения запланированного удара израильтяне начнут продвигаться к своей границе. Однако, когда израильские силы под командованием Шарона продолжили продвижение в глубь полуострова, пересекая Синай, Насер начал опасаться, что происходит нечто более серьезное, и отдал приказ перебросить подкрепление через канал. К полуночи египетская танковая бригада пересекла канал в районе Исмаилии и двинулась в направлении перевала Митла. Тут же Насер вступил в контакт с главами других арабских государств и призвал их объявить войну Израилю. Этот призыв не имел под собой реальной почвы. Сирия и Иордания могли подвергнуть территорию Израиля артиллерийскому обстрелу, но вряд ли были в состоянии начать полномасштабные военные действия в течение двадцати четырех часов. Тем не менее фактор времени становился критическим для израильтян. Шарон продвигался к перевалу Митла с максимальной быстротой. Его бригада взяла Нахл, не потеряв ни единого человека, и 30 октября, в половине одиннадцатого вечера, вышла к перевалу Митла, где их радостно встретили бойцы первого десантного батальона. Через некоторое время французские самолеты сбросили им боеприпасы, пайки и ГСМ.

По мере того как операция *Кадеш* продолжала разворачиваться, израильское правительство должно было рассекретить свои действия и сделать официальное заявление. Большой гриппом Бен-Гурион, лежа в постели с температурой за тридцать девять, одобрил текст заявления, направленное на то, чтобы ввести в заблуждение египетские власти. В этом заявлении, зачитанном по радио утром 30 октября, была сказано, что “Армия обороны Израиля вошла в соприкосновение и ведет бои с подразделениями фedayинов в Рас-ан-Накб и Аль-Кунтилла, а также захватила позиции к западу от перекрестка Нахл, в направлении Суэцкого канала. Эта операция является ответом на неоднократные нападения египетских сил на израильские транспортные средства на море и на суше, целью которых было нанесение ущерба и создание помех мирной жизни граждан Израиля”. Сказанного было достаточно для того, чтобы правительства Великобритании и Франции могли приступить к выполнению своей части сценария.

“Разъединение участников боевых действий”

Сразу же после этого израильского заявления Молле и Пино вылетели в Лондон, и днем 30 октября Пино и сэр Айвон Киркпатрик из Министерства иностранных дел Великобритании вручили ноты послам Израиля и

Египта с требованием отвода их войск на расстояние в десять миль, соответственно, к западу и востоку от Суэцкого канала. В ультиматуме, направленном Египту, было сказано:

“Правительства Соединенного Королевства и Французской Республики указывают на начало военных действий между Израилем и Египтом, ставящих под угрозу свободу судоходства по Суэцкому каналу, от чего зависит экономическая жизнь многих стран. Правительства Соединенного Королевства и Французской Республики в этой связи обращаются к правительству Египта и требуют:

- а) немедленно прекратить военные действия на суше, на море и в воздухе,
- б) отвести египетские войска на расстояние 10 миль от канала,
- в) с целью гарантирования свободы прохода через канал для судов всех наций, а также с целью разъединения участников боевых действий, признать временное занятие англо-французскими силами ключевых позиций в Порт-Саиде, Исмании и Суэце.

Правительства Соединенного Королевства и Французской Республики рассчитывают получить ответ на это заявление в течение двенадцати часов. Если по истечении названного срока одно или оба правительства не согласятся на выполнение вышеназванных условий, то Вооруженные силы Соединенного Королевства и Французской Республики вмешаются в происходящее в той мере, в какой это окажется необходимым для установления мира”.

Ультиматум, по сути дела, представлял собой то, что в фехтовании называют “ложным выпадом”, поскольку “разъединение участников боевых действий”, если следовать буквально тексту документа, предусматривало следующее: войска государства, подвергшегося нападению (Египта), должны были отступить из Синая на другую сторону Суэцкого канала, тогда как войскам агрессора (Израиля), чтобы оказаться на расстоянии в 10 миль от канала, надо было еще продолжить наступление. Никого не ввела в заблуждение и фраза относительно “гарантирования свободы прохода через канал для судов всех наций”. Страны Азии и Африки немедленно заговорили о возврате к временам “политики канонерок”²². В Вашингтоне англо-французское вмешательство было расценено как предательство интересов атлантического сотрудничества. Американцам было суждено пережить еще один шок — когда Великобритания и Франция совместно использовали

22 Так называется проводившаяся в XIX — первой половине XX в. политика США, Англии, Франции, Германии в отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки. Великие державы посылали свои корабли с воинскими подразделениями, которые или обращали эти страны в свои колонии, или приводили там к власти марionеточные режимы. Канонерская лодка — от фр. canon — “пушка”.

свое право вето при рассмотрении в Совете Безопасности резолюции, требующей проявления сдержанности в ближневосточном регионе.

В полночь 30 октября министр иностранных дел Израиля Голда Меир направила официальные ответы в Лондон и Париж. Сообщалось, что Израиль принимает ультиматум, но при этом отмечалось: “Как мы понимаем, положительный ответ имеет силу при условии, что такой же ответ будет дан и противной стороной”. Речь шла именно об этом: ответ из Каира был точно таким, как его представляли себе Израиль и его западные союзники. Не обращая внимания на панические мольбы своего генералитета, Насер отверг ультиматум. При этом египетский правитель подчеркнул, что сам по себе этот документ — уловка, имеющая своей целью обеспечить израильтянам легкую победу в Синае, заставив египетские силы отступить на другую сторону Суэцкого канала. После чего он отдал распоряжение немедленно вернуть на Синайский полуостров все те силы, которые по его указанию были отведены отсюда за три месяца до того.

На протяжении двух последних дней октября действия египетской авиации против продолжающих свое движение израильских сил были незначительными. Во-первых, сказывался недостаток летно-тактической подготовки египетских пилотов. Боеспособность египетской авиации была минимальной; в ходе воздушных боев им не удалось повредить ни одного израильского самолета. Тем временем израильская авиация уделяла основное внимание поддержке наземных войск, атакуя с бреющего полета колонны египетской бронетехники, движущиеся с запада. Все это время израильское командование напряженно ожидало обещанной союзниками бомбардировки египетских аэродромов. Даяна к тому же беспокоило состояние десантников в районе перевала Митла. Действия в этом районе были задуманы как отвлекающий маневр в рамках основной операции по снятию блокады в Тиранском проливе. Однако бойцы 202-й парашютной бригады не хотели ограничиваться участием в отвлекающем маневре, и командир бригады полковник Шарон добился у Даяна разрешения выслать танковую колонну для проведения разведки на перевале Митла. Получив такое разрешение, Шарон истолковал его в довольно широком смысле и включил столько техники в “разведывательную” колонну, что она выросла до размеров боевой группы. Эта группа, под командованием майора Мордехая Гура, вошла на перевал Митла — и оказалась в губительной ловушке. Машины попали под прицельный огонь египтян, прячущихся в пещерах и укрытиях, оборудованных в стенах прохода. Прошло несколько часов, прежде чем пехота Шарона смогла войти в проход, прорвать оборону и, шаг за шагом, завладеть проходом. В этой злосчастной “разведке” бригада понесла тяжелые потери ранеными и убитыми. Выйдя, наконец, из Митлы, десантники заняли позиции у восточного конца прохода и там стали ожидать приказа

о продвижении на юг, в сторону Шарм-аш-Шейха. Принятие решения об этом продвижении последовало после начала англо-французской операции в зоне канала.

В семь утра 31 октября авиация союзников наконец нанесла первые бомбовые удары по египетским аэродромам в районе Суэца. Две сотни английских и французских истребителей-бомбардировщиков, базирующихся на авианосцах и на базах Мальты и Кипра, атаковали и разрушили аэродромы в дельте Нила и в районе Суэцкого канала, уничтожив основную часть египетской авиации на земле. Пока Насер пытался оценить масштабы постигшей его катастрофы, пришла телеграмма от Хрущева, в которой советский лидер напрямую объявил ему, что Советский Союз не намерен идти на риск третьей мировой войны ради Суэцкого канала. Было заверено, что Москва обеспечит Египту широкую моральную поддержку, но что касается всего остального, то Хрущев порекомендовал Насеру как можно скорее заключить мир с Великобританией и Францией. Реакция арабских союзников Египта была еще менее обнадеживающей. Правительства Сирии и Иордании отвергли просьбу Насера о военной поддержке. Таким образом, египетскому президенту пришлось коренным образом пересмотреть свою стратегию. Ночью 31 октября он отдал приказ о полном отступлении с Синайского полуострова. Были отменены все ранее запланированные воздушные операции, и пилотам было велено уводить свои машины на базы, расположенные в верхнем течении Нила или в братских арабских странах. Все усилия египетской армии должны были сосредоточиться на защите от грозящего стране англо-французского вторжения. Перед израильянами такая смена египетских приоритетов открывала широкие возможности для выполнения оперативного плана Даяна в самой полной мере.

Завершение операции “Кадеш”

В полдень 30 октября командующий южным фронтом бригадный генерал Асаф Симхони²³ дал команду Седьмой бронетанковой бригаде начать наступление в глубь Синайского полуострова, и колонна танков направилась к мощному египетскому оборонительному укреплению в Умм-Катафе, бло-

23 Симхони Асаф (1922–1956) — израильский военный деятель, вступил в *Г'агану* во время арабского восстания 1936–1939 гг. С 1941 г. состоял в частях *Палмах*. Во время Войны за независимость командовал батальоном *Палмах*. В 1951 г. назначен командиром бригады в звании полковника. В 1956 г. — командующий Южным военным округом. Руководил израильскими войсками во время Синайской кампании. Вскоре после окончания войны погиб в авиакатастрофе.

кируя подходы к Абу-Агейле (см. карту на стр. 59). Овладев укреплениями в Абу-Агейле, израильские силы обеспечивали себе возможность продвижения по центральной оси полуострова, а также получали альтернативный подход к Митле. Но когда бригада Симхони достигла на рассвете 31 октября Умм-Катафа, египтяне отразили израильскую атаку, и Седьмая бригада понесла тяжелые потери в технике. Тогда было решено временно оставить это укрепление в тылу. Колонне танков под командованием полковника Ури Бен-Ари было приказано обойти Умм-Катаф и продвигаться дальше. Это решение оказалось верным. Насер распорядился начать всеобщее отступление с Синая, и танкисты Бен-Ари, продолжая движение, блокировали египетские базы Бир-Хасна и Бир-Гафгафа. Вскоре передовые части Бен-Ари на высоких скоростях вступили в скоротечный бой, предприняв попытку отсечь хвост египетской колонны, отступающей из Бир-Гафгафы. Наконец, Бен-Ари дал команду остановиться, поскольку его танки оказались уже в десяти милях от Суэцкого канала. Тем временем египетский гарнизон Абу-Агейлы также принял решение об отступлении — они оказались в окружении, и у них кончились запасы воды. Египетский старший офицер объявил своему гарнизону численностью в 3 тыс. человек, что «с этого момента — каждый сам за себя», и рекомендовал пробираться через пески в сторону Эль-Ариша. Расстояние между этими пунктами составляло 52 мили, и с самого начала это был безумный план. Когда на рассвете 1 ноября израильские танки подошли к укреплению в Умм-Катафе, то обнаружили, что оно покинуто гарнизоном. Многих египтян потом нашли в пустыне, погибших ужасной смертью от рук бедуинов: с перерезанным горлом и ограбленных до нитки.

И наконец, на севере Синайского полуострова под командованием бригадного генерала Хаима Ласкова была проведена операция, имевшая целью взятие Рафияха, ключевого города на шоссе к Эль-Аришу, по которому осуществлялось снабжение сектора Газа. Рафиях был надежно укреплен, и там была расположена ударная Пятая египетская бригада, имевшая мощную артиллерию и противотанковые подразделения. Здесь нельзя было рассчитывать на фактор неожиданности или преимущество маневренности — предстояло нанести фронтальный удар. Операция началась ночью 30 октября. Обе стороны несли большие потери. Египтяне держались до утра 31 октября, но потом они подверглись бомбовому удару и обстрелу с французских военных кораблей. К половине восьмого вечера превращенный в руины город был взят, и израильские танки вышли на шоссе, двигаясь по направлению к Эль-Аришу. По пути завязывались мелкие стычки, но к полудню 1 ноября в действие вступил приказ египетского командования об общем отступлении. И когда танки Ласкова вошли в Эль-Ариш к шести утра на следующий день, в городе уже не было египетских солдат.

Танковая колонна под командованием бригадного генерала Хаима Бар-Лева двинулась по открытому приморскому шоссе на Суэц. Через десять миль их продвижение было остановлено — но не из-за сопротивления египтян. Оказалось, что дорога буквально запружена техникой; там насчитывалось не меньше 385 самых различных машин, включая 40 тяжелых танков советского производства — все это было брошено египтянами, разбежавшимися кто куда под огнем израильской авиации, обстреливавшей египетские силы с бреющего полета. Тысячи египетских солдат ринулись к шоссе, увидев израильские танки: они бежали сдаваться в плен. Все они были отправлены в лагеря для интернированных. Танки Бар-Лева тем временем продолжили свое стремительное движение по приморскому шоссе. К пяти после полудня они прошли Румани и оказались в 20 милях от Суэцкого канала, на расстоянии прямой видимости. Примерно в это же время танки Бен-Ари также вышли к каналу, завершив свой 80-мильный путь по центральной оси полуострова. Обочины дорог были завалены брошенным египтянами снаряжением и военной техникой, а египетские солдаты в отчаянии бродили вокруг, ожидая, чтобы их взяли в плен и дали воды и еды. Как только был взят комплекс в Рафиахе, египетские войска к северу от города и в секторе Газа также оказались в ловушке. Едва израильские танки вошли в саму Газу, как защитники города немедленно сдались. Прочесыванием северо-восточной части сектора Газа занялись кибуцники из Яд-Мордехая. К наступлению ночи 2 ноября израильские силы полностью овладели тремя коммуникациями, пересекающими полуостров с востока на запад, и принялись систематически уничтожать базы феодалов, которых арестовывали и, согласно заранее заготовленным спискам, расстреливали на месте.

Бен-Гурион и Даян, однако, полагали самой важной частью Синайской операции проникновение на юго-восточную оконечность полуострова. В известном смысле это была основная цель кампании. Сухопутный марш от восточной границы до оконечности Синайского клина был доверен 1800 резервистам-мошавникам Девятой бригады под командованием полковника Авраама Иоффе²⁴. Это была необыкновенно трудная операция, потому

24 Иоффе Авраам (1913–1983) — израильский военный деятель. Учился в сельскохозяйственной школе. В возрасте 16 лет присоединился к *Кгани*. В 1936 г. вступил в особые ночные роты под командованием Ч. Уингейта, был командиром отделения. В 1940 г. добровольно поступил на службу в армию Великобритании. Служил в артиллерийских частях, демобилизовался в звании капитана. В 1947 г. — командир пехотного батальона в Иорданской долине, во время Войны за независимость — командир пехотного батальона в бригаде *Голани*. В 1950 г. назначен командиром бригады *Голани*. Во время Синайской кампании полковник Иоффе командовал Седьмой пехотной бригадой, состоящей из резервистов. Прорезав стремительный марш-бросок от Эйлата в течение трех дней, преодолевая сопротивление египетских войск, бригада Иоффе 4 октября захватила Шарм-аш-Шейх. В 1957 г. Иоффе получил звание генерал-майора и был назначен начальником

что юг Синая похож на лунную поверхность, с зазубренными вершинами, непроходимыми горными хребтами и разбросанными по склонам камнями. Иоффе согласился на то, чтобы в максимальной степени сократить численный состав своей бригады, и отказался от танков и артиллерии в пользу грузовиков, транспортеров для оружия и джипов. На рассвете 31 октября бригада прошла Аль-Кунтилли (уже взятую десантниками 202-й бригады) и вышла в Синай. К полудню 2 ноября они были в Эйн-аль-Фуртаге, в 12 милях от побережья Акабского залива. Как бы ни был труден поход до этого пункта, дальше он стал еще труднее; приходилось преодолевать целые скопления огромных каменных глыб, причем некоторые надо было взрывать. Грузовики и джипы в некоторых местах приходилось буквально переносить на руках. Когда стало ясно, что бригада Иоффе отстает от графика уже на три дня, Даян решил перебросить по воздуху одну роту 202-й бригады в район Ат-Тура (две трети всей протяженности полуострова от перевала Митла, в южном направлении, по западному побережью Синая). Оттуда десантники пешим переходом добрались до Шарм-аш-Шейха, усилив таким образом бригаду Иоффе, продвигающуюся по восточному побережью.

Девятая бригада продолжала свое движение в южном направлении, буквально шаг за шагом. Первое соприкосновение с египтянами пришлось на 4 ноября и состоялось в районе Дахаба, и израильтяне одержали легкую победу. Скоро дорога стала получше, и наконец в пределах видимости появился Рас-Нусрани, мощное египетское оборонительное сооружение, доминирующее над узким морским проходом между Синайским полуостровом и островом Тиран. Однако Рас-Нусрани был оставлен гарнизоном — командование, осознав, что противник уже приближается к этому месту, имеющему естественную труднопреодолимую защиту, приняло решение перебазироваться непосредственно в Шарм-аш-Шейх. Там, в Шарм-аш-Шейхе, египтяне оказали сопротивление. Иоффе запросил авиационную поддержку, после чего наступление было продолжено. К половине десятого вечера 4 октября сопротивление гарнизона было полностью подавлено, и комендант Шарм-аш-Шейха объявил о капитуляции. Бойцы Девятой бригады были практически немедленно демобилизованы и успели вернуться домой как раз к сбору урожая. На протяжении менее чем недели они преодолели расстояние в 1400 миль до Шарм-аш-Шейха и обратно.

офицерского училища. В 1958–1962 гг. был командующим Южным военным округом, в 1962–1963 гг. — командующим Северным военным округом. В 1964 г. уволен в отставку. Был призван в армию накануне Шестидневной войны и назначен командиром дивизии. Дивизии А. Шарона, А. Иоффе и И. Таля разгромили египетскую армию на Южном фронте. Части Иоффе, овладев хорошо укрепленными египетскими позициями, после тяжелого боя закрепились на перевале Митла, а затем 10 июня вышли к Суэцкому каналу. В 1974–1977 гг. Иоффе был депутатом *кнесета* восьмого созыва от *Ликуда*.

Синайская операция завершилась. На ее начальной стадии численность противостоящих войск была практически одинаковой, однако в качественном отношении израильтяне намного превосходили своего противника. Офицерский состав проявил в ходе боевых действий инициативу, находчивость и несомненное мужество — достаточно сказать, что на офицеров пришлось половина потерь израильской армии. Цена победы Израиля в этой кампании, длившейся, по сути дела, сто часов, составила 180 человек убитыми, четверо пленными, 20 сбитых самолетов и около 2 тыс. выведенных из строя боевых машин. При этом Израиль захватил весь Синайский полуостров и сектор Газа, разбил три египетские дивизии, уничтожил 2 тыс. солдат противника и взял около 6 тыс. пленных (их могло быть и много больше). Кроме того, Армия обороны Израиля захватила трофеев на сумму более 50 млн долларов — в том числе семь тонн боеприпасов, полмиллиона галлонов ГСМ, 100 транспортеров, 200 артиллерийских орудий, 100 танков и более тысячи других боевых машин, а также египетское сторожевое судно, которое в районе Хайфы заманил в ловушку французский эсминец, а израильские летчики принудили к сдаче.

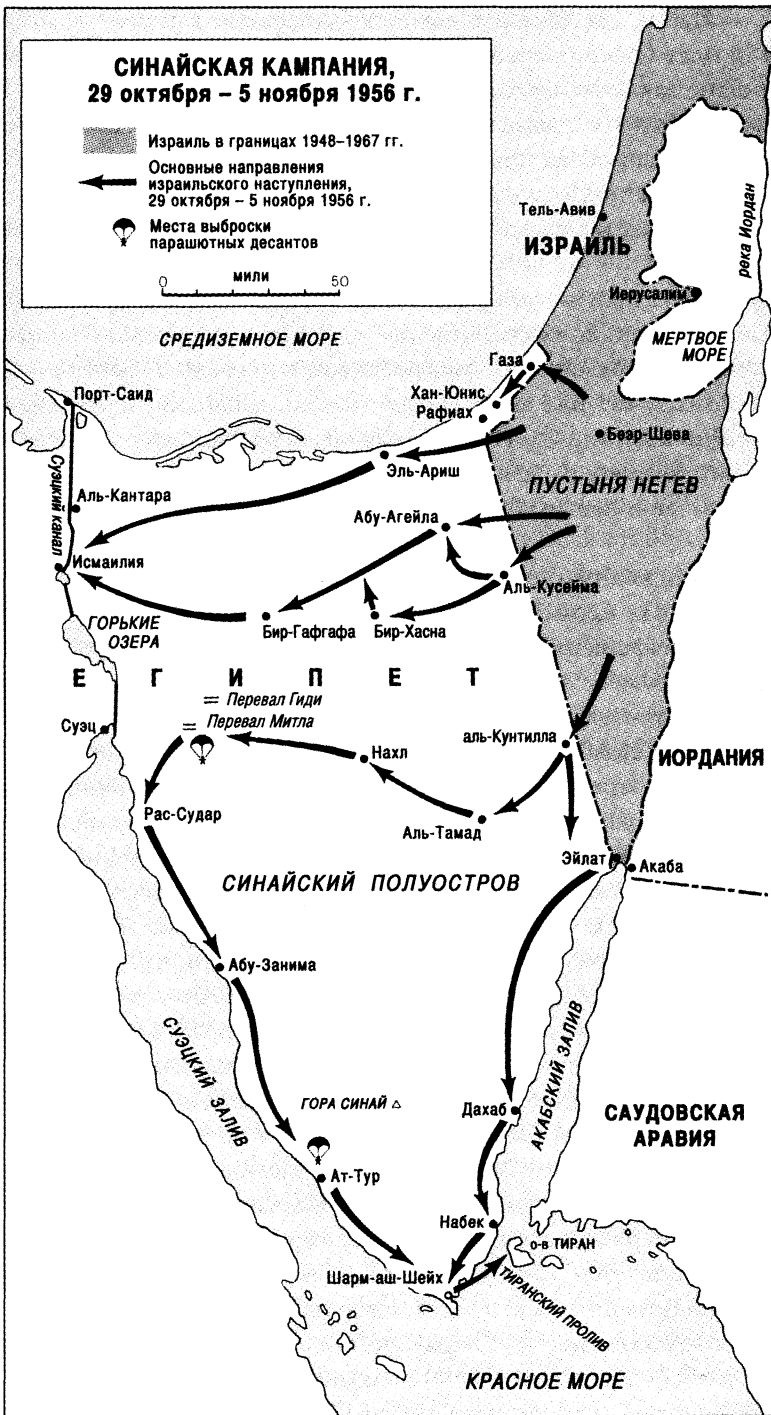
Мир вне себя

Разумеется, Израиль с глубоким волнением и радостным возбуждением встретил весть о разгроме Египта — однако реакция во всем мире, в том числе и реакция тех стран, которые традиционно относились к числу сторонников Израиля, была совершенно иной. В Нью-Йорке разгневанные члены ООН обошли вето, наложенное в Совете Безопасности Великобританией и Францией, перенеся вопрос о ближневосточном кризисе на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН. В Вашингтоне Эйзенхауэр был вне себя от “двойного предательства” двух старейших американских партнеров по НАТО — всего лишь за неделю до президентских выборов. Президент США позвонил Идену 30 октября и высказал свое возмущение, не стесняя себя в выражениях. На следующий день он направил Бен-Гуриону телеграмму, где говорилось, что “несмотря на сегодняшнее временное совпадение интересов Израиля с интересами Франции и Великобритании, Вам бы не следовало забывать, что и жизнеспособность, и будущее Израиля неразрывно связаны с США. И я ожидаю от Вас незамедлительного ответа”. Ответ этот он получил через Эвена, который встретился с Даллесом утром 1 ноября, накануне чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Посол Израиля подробно разъяснил то значение, которое имеет израильская победа в Синае. “После всего, чего добился Израиль, — ска-

СИНАЙСКАЯ КАМПАНИЯ, 29 октября – 5 ноября 1956 г.

- Израиль в границах 1948–1967 гг.
- Основные направления израильского наступления, 29 октября – 5 ноября 1956 г.
- Места выброски парашютных десантов

0 мили 50

зал Эвен, — Насер, несомненно, потеряет авторитет в своей стране, и ему на смену придет более умеренный правитель. Тогда, возможно, у Израиля появится шанс заключить долгожданный мир со своими соседями. И еще одно немаловажное обстоятельство: влияние Советского Союза в Египте уменьшится. Наша победа может привести к глобальным изменениям в мировой расстановке политических сил”. Даллес какое-то время расхаживал по своему кабинету, не говоря ни слова. Наконец он нарушил молчание:

“Скажу прямо: я просто разрываюсь на части. Думаю, что нет другого человека, который был бы столь же счастлив, как и я, узнав о поражении Насера. Начиная с этой весны, он делал все, чтобы я его возненавидел... И все-таки — можем ли мы признать, что даже высокая цель достижима негодными средствами, путем нарушения Хартии ООН? Если мы пойдем на такое, то вся система ООН рухнет. Вот почему я не вижу иного выхода, как только поддерживать международный закон и Хартию ООН”.

2 ноября подавляющим большинством голосов — шестьдесят пять против пяти — Генеральная Ассамблея приняла предложенную США резолюцию о немедленном прекращении огня и выводе всех оккупационных сил с территории Египта. Разумеется, ситуация была затруднительной для Израиля — но куда более затруднительной она была для Великобритании и Франции. На следующий день, 3 ноября, Даян отдал приказ об отводе войск с Синайского полуострова. Но операция “Мушкетер” на этом вовсе не заканчивалась — сто военных судов находились всего в 500 милях от египетского побережья, и части ВДВ на Кипре ждали соответствующего приказа. В ООН предпринимались лихорадочные усилия для того, чтобы найти решение вопроса — прежде чем Великобритания и Франция высадят морской десант. Атмосфера была, несомненно, кризисной. В Венгрии советские танки шли на Будапешт, и ясно было, что Москве как воздух необходима возможность отвлекающего маневра на Ближнем Востоке. Американские политики чувствовали, что балансируют на грани ядерной катастрофы. И вот 4 ноября Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов приняла решение о создании Чрезвычайных вооруженных сил ООН, которые смогут опередить войска Великобритании и Франции в деле “разъединения участников боевых действий” в зоне Суэцкого канала и в других районах Синайского полуострова. Союзники сами загнали себя в ловушку: обосновав именно таким образом цель своей операции “Мушкетер”, они уже не имели возможности выступить против того, чтобы эта цель была достигнута международными усилиями.

Накануне голосования на Генеральной Ассамблее Пино прилетел в Лондон с тем, чтобы убедить английских союзников немедленно выбросить парашютный десант в зону Суэцкого канала. Он сказал, что израильтяне смогут

обеспечить фланговую поддержку в течение трех дней, то есть на протяжении того времени, которое необходимо для подхода судов с морскими десантниками к берегам Египта. Такую идею, одобренную Бен-Гурионом, высказал накануне Даян: израильские силы захватывают Кантару на восточном берегу канала, чтобы защитить зону предполагаемой выброски французских парашютистов. Но теперь Лондон отказался от этого плана, поскольку эти действия могли только продемонстрировать, что союзники пытались ввести международную общественность в заблуждение, выдвигая в качестве обоснования своей операции необходимость “разъединить участников боевых действий”. После того как израильское предложение было отвергнуто союзниками, правительство Израиля заявило 4 ноября о своей готовности принять резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН о прекращении огня “при условии, что на это согласится также и Египет”. Англичане и французы немедленно высказали свой протест израильской стороне. Как же можно будет обосновать их вторжение в зону канала, спрашивали они, если решение о прекращении огня войдет в силу? Французская сторона обратилась к Бен-Гуриону с убедительной просьбой взять назад свое заявление. Премьер-министр Израиля, прекрасно осознавая, что это еще сильнее накалит ситуацию и подтвердит репутацию Израиля как воинственного государства, тем не менее согласился помочь союзникам. В тот же день Эвен заявил, выступая на Генеральной Ассамблее, что правительство его страны высказало свое согласие лишь при условии, что Египет также проявит добрую волю, а именно: примет резолюцию о прекращении огня, заявит об окончании состояния войны с Израилем, прекратит поддержку всех террористических операций против Израиля, начнет мирные переговоры с его страной и положит конец экономической блокаде Израиля, а также обеспечит свободный проход израильских судов через Суэцкий канал. И тут, вместо благодарности, правительство Великобритании нанесло Израилю очередной удар наотмашь: по наущению англичан, в ответ союзников на Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 4 ноября была включена следующая фраза:

“Оба правительства по-прежнему уверены, что необходимо введение международных сил разъединения для того, чтобы предотвратить продолжение враждебных действий между Израилем и Египтом, чтобы обеспечить скорейший вывод израильских сил и принять необходимые меры для устранения помех судоходству по Суэцкому каналу, а также чтобы обеспечить решение проблем, существующих в этом регионе”.

Такое заявление потрясло израильтян и привело их в смятение.

Наконец, на рассвете 5 ноября, англичане и французы выбросили воздушный десант в районе Порт-Саида. В середине дня высадился второй

эшелон десанта. Этой же ночью первые корабли союзников подошли к Порт-Саиду и в шесть часов утра открыли огонь по городу из судовых орудий. В шестнадцать пятьдесят началась высадка морского десанта союзников, завершившаяся без инцидентов, и город был взят после полудня. Сразу же после высадки танковая колонна двинулась на Суэц. Разведывательные подразделения англичан были уже на расстоянии всего 25 миль от этого города, находящегося на южной оконечности Суэцкого канала, когда, в восемнадцать часов, Лондон неожиданно объявил о том, что принимает резолюцию ООН о прекращении огня, со вступлением ее в силу в полночь.

Отказ правительства Великобритании от своих планов на самом пороге успеха отчасти объяснялся резким предостережением, полученным от Советского Союза. Собственно говоря, уже с 29 октября, когда началась операция *Кадеш*, гнев СССР был направлен против Израиля. К тому времени Советский Союз был полностью втянут в круг проблем, связанных с восстанием в Венгрии. Поэтому в последующие дни советская пресса и радио развернули кампанию против Израиля, а затем и против Великобритании и Франции, используя ближневосточные события как удобную дымовую завесу, скрывающую их позорные действия в Будапеште. 4 ноября Москва направила разъяренную ноту, обвиняя правительство Израиля в том, что оно

“... ставит под угрозу судьбы всего мира и судьбу своего народа. Своими действиями Израиль сеет ненависть к себе в сердцах всех народов Востока. Эти действия ставят под сомнение и само существование Израиля как государства... Мы убедительно рекомендуем правительству Израиля взвесить свои действия, пока еще не поздно, и прекратить все военные операции против Египта”.

Ответ Бен-Гуриона был поразительно твердым и непреклонным. “Наша внешняя политика диктуется нашими жизненными интересами, равно как и нашим желанием жить в мире, и никакое воздействие извне не может и не сможет определять наш курс”.

Однако после начала англо-французских боевых действий тон посланий Москвы, адресованных Великобритании и Франции, стал вовсе неумолимым. Вечером 5 ноября, когда были выброшены десанты на Порт-Саид и Порт-Фуад, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин направил Идену и Молле ноты, беспрецедентные по своей жесткости, в которых подчеркивалось, что Советский Союз готов сокрушить “поджигателей войны”, используя “всю силу современного оружия”. Начались разговоры о том, что СССР и КНР приступили к записи “добровольцев” для участия в военных действиях на Ближнем Востоке. Командование Вооруженных сил Великобритании и Франции подозревало, что военные специалисты стран

коммунистического блока уже действуют в этом регионе. Легкий бомбардировщик британских ВВС “Канберра” был мастерски перехвачен “Мигами” на высоте 45 ты. футов над Дамаском и поврежден; очевидно, что в Сирии работала очень эффективная радарная система. Согласно сведениям, поступавшим из штаб-квартиры НАТО, радиообмен по военным каналам связи стран—участниц Варшавского договора увеличился втрое по сравнению с обычным.

Однако на решение Великобритании отказаться от завершения операции “Мушкетер” повлиял не только советский нажим. 6 ноября Иден получил сообщение из Вашингтона о том, что ответ на просьбу Великобритании о предоставлении ей Международным валютным фондом срочного кредита на сумму в 1 млрд долларов будет обусловлен ее реакцией на требование о прекращении огня. Будучи и без того человеком не очень здоровым, Иден в такой ситуации полностью обессилел и упал духом. Он позвонил Молле и сказал: “Меня загнали в угол. У меня нет сил выносить все это. Все меня бросили. Мой верный соратник Энтони Наттинг, государственный министр, ушел в отставку. Я не могу даже рассчитывать на единодушную поддержку своей Консервативной партии... Все против меня! Содружество грозит развалом. Неру заявляет, что он выйдет из Содружества. Эйзенхауэр постоянно звонит мне — и мы не сможем существовать без Америки... Нет, это невозможно”. Молле едва уприсил Идена подождать еще немного — пока войска не овладеют полностью Суэцким каналом, и тот согласился отложить прекращение огня до полуночи 6 ноября. Вскоре, однако, стало ясно, что французам в одиночку не удастся завершить операцию — слишком многое, на всех уровнях и командных постах, было связано с англичанами. Разочарованный и удрученный, чувствуя, что для победы не хватило буквально нескольких часов, Молле согласился принять позицию англичан. Суэцкая операция должна была прекратиться в полночь.

Израильтяне сохраняли твердость своих намерений. Во всяком случае, главной цели в ходе Синайской кампании они добились. 7 ноября, в состоянии упоения одержанной победой, Бен-Гурион довел до сведения *кнессета* о наличии у него самых серьезных намерений аннексировать Синайский полуостров. “Ведь, в конце концов, Синай никогда не был египетской территорией”, — задумчиво сказал он. На волне победной эйфории большинство израильтян сочло эту мысль отнюдь не столь уж необоснованной. Один из участников операции *Кадеш*, Шломо Барер, вспоминал:

“Группа за группой начали совершать восхождения на гору Синай. Пилоты-любители летали туда на своих легких самолетиках. Не успело пройти буквально несколько дней после окончания боев, как уже израильские географы, геологи, археологи, и особенно археологи, изучающие доисторическую эпо-

ху, филологи и гебраисты оказались в этой пустыне и принялись тщательно ее прочесывать вдоль и поперек в поисках следов, оставленных коленами Израиля во время Исхода из Египта. Ботаники искали — и нашли — растения, которые могли быть манной небесной. Разбив по всему полуострову множество лагерей и биваков, десятки и сотни человек проводили свое свободное время, странствуя в своих запыленных джипах и открытых военных машинах по песчаным дюнам, руслам высохших потоков и розовым каньонам... любуясь мифической Горой Бога, освещенной мистическим светом, и флагом Израиля, трепещущим на деревянном флагштоке.

Весь народ Израиля, лишь недавно вернувшийся в Землю обетованную, вдруг увидел свою колыбель — такой, как она выглядела на заре цивилизации”.

Но премьер-министру недолго довелось наслаждаться своим несомненным триумфом. Все торжество было сведено на нет посланием Эйзенхауэра, содержащим угрозу возможного прекращения “дружественных связей между двумя нашими странами”. Нахум Гольдман предостерег Бен-Гуриона, что даже еврейская община США может оказаться не в состоянии поддерживать Израиль, если он силой захочет удержать завоеванные территории. Тогда премьер-министр решил сменить тональность разговора с Америкой. В ответном послании Эйзенхауэру, написанном на следующий день, он заверял, что выведет войска из Западного Синая, как только силы ООН войдут в зону Суэцкого канала. Но президент США не дал себя уговорить. В следующем послании он предупредил, что в случае нападения на Израиль при поддержке Советского Союза израильскому правительству не следует рассчитывать на американскую помощь.

К вящему смятению Бен-Гуриона, Великобритания пошла еще дальше Соединенных Штатов. Министр иностранных дел Соединенного Королевства Селвин Ллойд в неофициальном порядке потребовал от Израиля вывода войск — правда, под определенные гарантии: подписание мирного договора, соблюдение которого будет гарантировано Великими державами (пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН — США, СССР, Великобританией, Францией и Китаем), обеспечение неприкосновенности границы, а также свобода прохода через Суэцкий канал и Акабский пролив. Высказывая эти условия в беседе с послом Израиля в Лондоне, Ллойд, несомненно, рассчитывал успокоить Нури Саида, премьер-министра Ирака, спасая тем самым уже изрядно пошатнувшееся партнерство в рамках Багдадского пакта. Все эти меры насильственного воздействия способствовали мучительному пересмотру ориентиров и партнерских связей в израильском кабинете. Даже Франция и та оказалась ненадежной опорой. Пино проинформировал израильского посла Цура, что “Франция готова поделиться с Израилем всем, что у нее есть, но даже наши объединенные ре-

сурсы недостаточны для того, чтобы противостоять всей мощи советской угрозы. В складывающихся обстоятельствах мы можем лишь посоветовать вам вывести свои войска”.

Тем не менее израильским силам удалось пробыть на своих новых позициях в Синае некоторое время сверх ожидаемого. На протяжении ноября и начала декабря основные усилия ООН были сосредоточены на выводе английских и французских войск из Египта и возобновлении судоходства по Суэцкому каналу для танкеров с арабской нефтью. Но к 20 ноября ооновский контингент численностью 700 военнослужащих из “нейтральных” стран под командованием генерала Бернса уже был расположен в Египте, и еще 3 тыс. военнослужащих были на подходе. Соответственно, 22 ноября исполняющий обязанности премьер-министра Великобритании Р. О. Батлер (Иден отбыл лечиться на Ямайку) объявил о намечаемом начале отвода английских войск. Отвод откладывался до этого времени по просьбе Парижа — главным образом для того, чтобы дать Израилю достаточно времени для переправки к себе всего трофейного оружия советского и чешского производства. Наконец 22 декабря последние английские и французские военнослужащие оставили Порт-Саид. Для союзников Суэцкая кампания закончилась.

Израиль добивается гарантий безопасности

В документах ООН, требующих вывода войск вторжения из Египта, Израиль определялся как агрессор. В то же время страны Запада не могли не осознавать, каким провокациям подвергалось еврейское государство. Рассчитывая в силу этого хотя бы на некоторое участие и понимание, израильское правительство пыталось выиграть время, надеясь, что по мере смягчения остроты ситуации Израиль сможет постепенно обрести международную поддержку. Бен-Гурион писал в своей автобиографии:

“Чем больше времени имелось в нашем распоряжении, чем дольше мы были в состоянии осуществлять эффективный контроль над западным берегом [Тиранского] пролива, чем больше судов проходило по Красному морю, чем большее число самолетов над ним пролетало, тем лучше становились наши шансы продемонстрировать всему миру ценность и значимость этого пролива. Если бы мы могли к тому же проложить трубопровод от Эйлата до Хайфы, наше положение упрочилось бы в еще большей степени. Если бы нам только удалось убедить другие страны, насколько жизненно важной для них — как, впрочем, и для нас — является свобода судоходства по этому проливу”.

Эта политическая кампания, проходившая в рамках ООН и за ее пределами, продолжалась с начала ноября 1956 г. до начала марта 1957 г.

На первой стадии кампании, до 11 февраля, велась тяжелая непрерывная борьба. Генеральная Ассамблея ООН целиком и полностью посвятила себя обеспечению вывода всех оккупационных войск, с их заменой экспедиционными войсками ООН, и позиция, занимаемая по этому вопросу Генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршельдом²⁵, была непреклонной. Собственно говоря, он отказывался даже рассматривать израильские требования относительно гарантий безопасности, пока израильские части не будут выведены из Синая и Газы и отведены за линию перемирия, определенную в рамках соглашений, заключенных на Родосе. Эту же точку зрения разделяли — хотя из соображений скорее политических, нежели этических, — и страны афро-азиатского блока, испытывавшие ненависть к “империализму” во всех его проявлениях. Эту позицию поддерживало и большинство стран Запада, экономическое положение которых зависело от транспортировки нефти через Суэцкий канал, — Насер, будучи прагматичным политиком, не давал разрешения на расчистку фарватера канала до полного отхода израильтян. Таким образом, когда принималась новая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 7 января 1957 г., требующая вывода израильских войск с египетской территории, то “за” проголосовали 74 страны, и только две — “против”. Верность Израилю сохранила лишь Франция.

Итак, израильтяне вынуждены были начать отвод войск, и 3 декабря 1956 г. израильские войска отступили на 30 миль от зоны Суэцкого канала. Чрезвычайные силы ООН сразу же заняли их позиции вдоль берега канала. 8 января 1957 г. израильские войска отступили еще дальше, до широты Эль-Ариша в Восточном Синае, и наконец 15 января 1957 г. Бен-Гурион объявил о решении своего правительства к 22 января эвакуировать израильские силы со всей территории Синая, за исключением зоны Шарм-аш-Шейха. Что касается сектора Газа, то, будучи неотъемлемой частью Палестины, она должна оставаться под израильским контролем. Голда Меир разъяснила эту позицию своего правительства на сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

“Народ Израиля не может себе представить, что кошмар последних восьми лет вновь воцарится в Газе с одобрения международного сообщества. Неужели Египту снова будет дозволено организовывать убийства и акты саботажа в сек-

25 Хаммаршельд Даг Яльмар (1905–1961) — шведский политический и государственный деятель, экономист. Изучал право, философию и политическую экономию в университетах Упсалы и Стокгольма. С 1954 г. — член Шведской академии наук. В 1936–1945 гг. — статс-секретарь Министерства финансов. В 1949–1951 гг. — генеральный секретарь Министерства иностранных дел. В 1951–1953 гг. — министр без портфеля. С апреля 1953 г. — Генеральный секретарь ООН. Погиб в Конго в авиационной катастрофе.

торе Газа? Неужели Египет и далее продолжит обрекать местное население на беспросветную нищету, блокируя при этом любое решение проблемы беженцев? И нельзя не признать, что никакие международные силы не в состоянии будут предотвратить возобновление вылазок феодалов. И, помимо всего прочего, нельзя допустить, чтобы сектор Газа, полностью лишенный экономических ресурсов, оставался в состоянии экономической изоляции от соседней территории”.

Министр иностранных дел Израиля столь же ярко и выразительно рассказала о годах египетской блокады судоходства через Тиранский пролив, осуществлявшейся гарнизонами в Шарм-аш-Шейхе и Рас-Нусрани. “Ввод в эту зону Чрезвычайных сил ООН, даже если на них будет возложена конкретная миссия предупреждения военных действий, все равно не в состоянии решить проблему, — продолжала настаивать Голда Меир. — Необходимо более действенные международные гарантии свободы судоходства”.

Такая аргументация не осталась без внимания международной общественности, тем более что угроза широкомасштабного международного конфликта к этому времени значительно уменьшилась. И 2 февраля 1957 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла две резолюции. В первой от Израиля требовалось немедленно и в полной мере завершить вывод войск. Однако во второй резолюции утверждалось, что вывод войск должен сопровождаться созданием предпосылок, гарантирующих обеспечение условий для мирного решения проблемы. Позиция же Вашингтонской администрации пока еще не отличалась подобной гибкостью. У американцев существовали долгосрочные интересы в арабском мире, и они опасались подорвать их. В частности, у США имелась авиабаза в районе Дахрана (Саудовская Аравия), и саудовский король заявил, что право пользования этой базой будет продлено еще на пять лет лишь при условии, что американская администрация окажет давление на Израиль, заставив его вывести войска из Синай и сектора Газа. К концу декабря 1956 г. отношения между США и Израилем ухудшились до предела. Генри Кэбот Лодж, посол США в ООН, с гневом заявил на заседании Совета Безопасности: “Я не в состоянии предсказать, какими могут быть последствия, если Израиль не выполнит положенной принятой нами резолюции”. Даллес на открытой пресс-конференции уже не в первый раз предупредил, что если Израиль не выведет свои войска “немедленно”, то США вынуждены будут серьезно пересмотреть свои отношения с этой страной. Эйзенхауэр крайне враждебно воспринимал израильскую позицию. С его едва ли не мистической верой в то, что ООН является последней надеждой для человечества, президент США возмущался нежеланием Израиля следовать решениям ООН, расценивая такое поведение как “наглое и бессовестное”. “Постоянное игнорирование резолюций ООН, — писал он Бен-Гуриону 4 февраля, — несомненно будет

способствовать ухудшению отношений между Израилем и государствами-членами ООН, включая и США". Это послание стало предвестником возможных санкций против Израиля, о которых напрямую говорил Даллес. Бен-Гурион ответил Эйзенхауэру длинным письмом, в котором в очередной раз напомнил президенту о тех испытаниях, которым подвергался Израиль, будучи жертвой враждебной политики арабских стран и особенно Египта, но оно не произвело на президента никакого впечатления.

Даллес, однако, начал осознавать желательность хотя бы каких-то жестов в пользу Израиля — для того, чтобы добиться одобрения ближневосточной правительственной политики в сенате. К январю 1957 г. и пресса, и друзья Израиля в конгрессе США стали все активнее подчеркивать неприемлемость двойных стандартов во внешней политике страны: Советский Союз не понес никакого наказания за венгерские события, тогда как Израиль, имея все законные основания для оказания сопротивления, был, тем не менее, наказан за свои действия в Синае. Формирование этого произраильского консенсуса знаменовало собой начало второй, значительно более действенной, стадии борьбы Бен-Гуриона за "сохранение территорий". Линдон Джонсон, лидер демократов в сенате, звонил Эвену по нескольку раз в неделю, чтобы выразить свое возмущение политикой Белого дома. "Ни черта они не получают от конгресса, пока не начнут обращаться с вами по справедливости", — заверял Джонсон израильского посла. И он был не единственным политическим деятелем, который высказывал симпатии Израилю.

В начале февраля Даллес наконец дал понять Израилю, каковы возможные пути разрешения проблемы. Совместно с Эвеном они подготовили компромиссную *aide-mémoire* (фр. "памятная записка") по Акабскому проливу и сектору Газа. Отмечая, что Газа была в течение продолжительного времени источником проникновения вооруженных враждебных группировок на территорию Израиля, документ указывал, что, по мнению правительства США, Генеральный секретарь ООН должен ввести Чрезвычайные силы ООН в сектор Газа с целью их расположения на границе между Израилем и зоной, представляющей для него опасность. От имени своего правительства Государственный секретарь США выражал убеждение в том, что Акабский залив является международным водным путем и что никакое государство не вправе препятствовать "свободному и мирному проходу" через Акабский залив и Тиранский пролив. Соединенные Штаты "выражают свою готовность пользоваться правом свободного и мирного прохода, а также, совместно с другими государствами, обеспечивать всеобщее признание этого права".

При рассмотрении памятной записки в Иерусалиме кабинет министров отметил, что само по себе признание права Израиля на свободный проход через Акабский залив не гарантирует соблюдения этого права — об этом

свидетельствуют, в частности, принятые ранее резолюции ООН по Суэцкому каналу. Именно поэтому, настаивали израильские министры, столь важно пребывание Чрезвычайных сил ООН в Шарм-аш-Шейхе без ограничения срока их мандата, вплоть до заключения мирного договора. Аналогичные условия были сформулированы и по вопросу о секторе Газа. Этот ответ израильского правительства был передан не только Даллесу, но и (что было сильным ходом) лидерам конгресса США. Таким образом, по инициативе Линдона Джонсона 19 февраля Политический комитет Демократической партии единогласно высказал свое несогласие с угрозой применения санкций против Израиля. Такая конфронтация явно застала Эйзенхауэра врасплох. На следующий день он, прервав свой отпуск, прибыл в Вашингтон для обсуждения чрезвычайной ситуации на Ближнем Востоке с 26-ю лидерами конгресса.

В ходе трехчасового совещания президент подчеркнул, что его настоятельные требования безусловного отвода израильских войск пойдут “на пользу самому Израилю”. Израилю может грозить опасный финансовый кризис, объяснил Эйзенхауэр, и у него возникнет необходимость в обращении к США с целью получения правительственного займа. Однако рассчитывать на получение денег Израиль сможет лишь тогда, когда наладятся его отношения с Египтом. Надо сказать, что конгрессмены остались неудовлетворенными такой аргументацией. Вечером этого дня президент выступил по общенациональной сети радио и телевидения с разъяснением своей политики. Он еще раз подчеркнул, что Израиль должен вывести свои войска без каких-либо условий, положившись на Объединенные Нации и Соединенные Штаты, которые и могут стать его гарантами — уже после вывода войск. Израиль, подчеркнул Эйзенхауэр, просит предоставления ему “твердых гарантий” в качестве предварительного условия для вывода войск. Разве вправе страна, применившая силу против другой страны, требовать таких гарантий, спрашивал Эйзенхауэр. Это выступление также вызвало неодобрение видных конгрессменов, и еще большее неодобрение лидеров еврейской общины США, которые на следующий день встретились с Даллесом, чтобы выразить ему свое неудовлетворение.

Формулировка найдена

Собственно говоря, признаки более гибкого подхода в выступлении Эйзенхауэра обнаружил сам Бен-Гурион. Утром 21 февраля 1957 г. он обсуждал этот вопрос с членами своего кабинета. Эвен, только что вернувшийся из США, выразил свое мнение, сказав, что, по всей видимости, большего

от США вряд ли можно будет ожидать. Тогда Бен-Гурион и Голда Меир направили Эвена обратно в Вашингтон со списком вопросов, который был тщательным образом подготовлен экспертами Министерства иностранных дел. Посол Израиля представил этот список Даллесу 23 февраля. Первым в списке был вопрос относительно того, какие действия могли бы предпринять Соединенные Штаты, если бы египтяне силой воспрепятствовали мирному проходу судна под американским флагом через Акабский пролив. Оценив меткость и колкость вопроса, Даллес ответил, не задумываясь: “Господин посол, политика США предусматривает защиту прав судоходства для американских судов во всем мире”. Сразу придя, таким образом, к взаимопониманию, Государственный секретарь и посол Израиля поручили своим советникам заняться детальной разработкой вопроса, и через полтора дня, 24 февраля после полудня, к торжеству Даллеса, удалось достигнуть консенсуса. Американская сторона дала ответы в письменном виде на представленные Эвеном вопросы:

1. Направят ли США судно под своим флагом через Акабский пролив и отреагируют ли они, если проход этому судну будет запрещен?

Ответ: Да.

2. Поддерживают ли США план пребывания Чрезвычайных сил ООН в Шарм-аш-Шейхе в течение длительного времени?

Ответ: Да.

3. Согласны ли США направить судно под флагом Чрезвычайных сил ООН через Акабский пролив?

Ответ: Это зависит от согласия Генерального секретаря ООН Хаммаршельда.

4. Согласны ли США обеспечить Израилю возможность транспортировки нефти из Ирана — то есть через Красное море и Акабский пролив?

Ответ: Да.

5. Станет ли Газа анклавом под администрацией ООН?

Ответ: мы сделаем все, что в наших силах, дабы убедить ООН и Хаммаршельда пойти на это.

Теперь препятствием на пути к достижению окончательного понимания стал не Даллес, а Хаммаршельд. Генеральный секретарь ООН отказался направить судно под флагом Чрезвычайных сил ООН через Акабский пролив, мотивируя это тем, что ООН не намерена играть в сложившейся ситуации роль провокатора. Хаммаршельд дал также ясно понять, что он против введения административного режима ООН в Газе, поскольку ООН — это миротворческая организация, а не суверенное правительство. Как Даллес, так и Эвен негативно отреагировали на такое упорное следование букве закона вопреки его духу. В поисках выхода из тупика посол

Канады в ООН Лестер Пирсон выдвинул свое компромиссное предложение, которое он сформулировал за несколько недель до этого, а потом, обсудив его с Молле, Пино и Хаммаршельдом, внес соответствующие уточнения. Согласно этому предложению, США, Франция, Великобритания и другие основные морские державы возьмут на себя защиту прав всех стран на свободу судоходства в Тиранском проливе, а также особо подчеркнут признание права Израиля, согласно статье 51 Устава ООН, на защиту этой свободы от любых посягательств. Таким образом, хотя права Израиля и не удастся защитить большинством в две трети голосов Генеральной Ассамблеи ООН (принимая во внимание позиции стран коммунистического блока и “нейтральных стран” афро-азиатского блока), они будут в значительной степени защищены усилиями форума наиболее влиятельных морских держав.

Решение проблемы Газы было еще более сложным, но все же вполне обнадеживающим. По предложению Пирсона Хаммаршельд в середине февраля 1957 г. обсудил в неофициальном порядке канадскую инициативу с министром иностранных дел Египта Махмудом Фавзи. Эта инициатива могла содействовать не только спасению престижа Насера, но, строго говоря, и сохранению лица самой ООН в целом. Было договорено, что, во-первых, Газа представляет собой идеальное место для расположения штаб-квартиры Чрезвычайных сил ООН, а также подразделений Чрезвычайных сил, выполняющих патрулирование вдоль демаркационных линий. Однако, поскольку на этой территории находится большое количество беженцев, то там вряд ли остается достаточно места и для подразделений египетской армии, и для Чрезвычайных сил ООН. При этом, если Чрезвычайные силы действительно разместят свои подразделения в секторе Газы, то отпадает необходимость в нахождении там еще и египетских войск. Таким образом, речь не шла о подписании какого-либо официального соглашения, а всего лишь о способе решения проблемы практического характера, вроде бы не имеющей принципиального значения.

Такой подход понравился Хаммаршельду, поскольку позволял Чрезвычайным силам ООН наилучшим образом поддерживать “мир и порядок” после ухода израильских войск. Затем Генеральный секретарь ООН распространил этот план и на Шарм-аш-Шейх. Даллес одобрил эту формулу с не меньшим энтузиазмом и взял на себя задачу убедить израильтян в том, что лучшего компромисса для их отхода без формальных гарантий не найти (поскольку ООН все равно не согласится на предоставление таких гарантий). Предлагая этот план Эвену, он убедительно рекомендовал израильскому послу довериться доброй воле ООН и США. Эвен, со своей стороны, тоже положительно воспринял канадскую инициативу и передал ее своему правительству, которое также одобрило ее. Тем временем и Фавзи

согласился на подобный компромисс, который позволял Египту избежать публичного унижения, связанного с отводом войск из Газы и Шарм-аш-Шейха. В этой связи Фавзи сказал Хаммаршельду: “Если они [израильтяне] готовы не открывать рты, то и мы согласны закрыть глаза”. На протяжении последующих нескольких дней Хаммаршельд провел консультации с послами других стран, и стало ясно, что имеется консенсус Генеральной Ассамблеи (делающий ненужным формальное “принятие резолюции”) по вопросу о направлении Чрезвычайных сил ООН как в Газу, так и в Шарм-аш-Шейх.

Израильтяне также проявили осторожный оптимизм. Их, однако, по-прежнему беспокоила угроза возможного внезапного отвода Чрезвычайных сил ООН, чреватого прекращением судоходства и возобновлением враждебных действий. С этой целью они предпринимали усилия по получению от Хаммаршельда гарантий того, что любое предложение относительно отвода Чрезвычайных сил из Шарм-аш-Шейха и Газы будет предварительно рассматриваться в специальном комитете Генеральной Ассамблеи — такая процедура способна предупредить принятие поспешных шагов, которые могут привести к новым враждебным действиям. Хаммаршельд подтвердил подобного рода гарантии в специальной памятной записке от 26 февраля, и затем этот документ скрепил своей подписью Даллес. Два этих заверения, за подписью Генерального секретаря ООН и Государственного секретаря США, успокоили израильтян и в первую очередь Голду Меир, которая прибыла в Вашингтон для того, чтобы лично наблюдать за ходом переговоров на каждом из этапов. Консультируясь с Даллесом и его советниками, министр иностранных дел Израиля и ее советники подготовили текст выступления Голды Меир на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся 1 марта.

Голда Меир начала свое выступление в три часа дня и довела до сведения Генеральной Ассамблеи, что Израиль намерен вывести свои войска из Шарм-аш-Шейха и сектора Газа. Вывод войск, однако, был сопряжен с рядом “предпосылок и допущений”, которые она изложила собравшимся. Прежде всего, предполагается, что гарнизон как в Газе, так и в Шарм-аш-Шейхе будет с этого момента состоять исключительно из военнослужащих Чрезвычайных сил ООН, что Чрезвычайные силы возьмут на себя ответственность за охрану жизни и собственности в этих двух местах, а также разработают конкретные планы для решения проблем беженцев и что Чрезвычайные силы ООН останутся в Газе и Шарм-аш-Шейхе столько времени, сколько потребуется для достижения постоянного соглашения между Египтом и Израилем. Министр иностранных дел Израиля предупредила, что если ситуация в секторе Газа снова окажется на грани возобновления беспорядков и насилия, то Израиль сохраняет за собой право на действия,

необходимые для защиты своих интересов. Аналогичным образом, добавила она, Израиль исходит из предположения, что у него имеются как права на свободное судоходство через Тиранский пролив, так и право защищать эти свои права — если понадобится, то с применением силы. Наконец, Голда Меир заявила о надежде ее правительства на то, что любое предложение относительно отвода Чрезвычайных сил из района Акабского залива будет предварительно рассматриваться в Консультативном комитете Генеральной Ассамблеи — такая процедура сможет воспрепятствовать “любым неожиданным переменам, которые способны увеличить риск агрессивных действий...”.

В рамках достигнутой предварительной договоренности, “предпосылки и допущения”, высказанные израильским министром иностранных дел относительно Шарм-аш-Шейха, были одобрены на протяжении нескольких последующих дней основными морскими державами — членами Генеральной Ассамблеи ООН — в общей сложности шестнадцатью странами, включая, что особенно важно, Соединенные Штаты. “Наша основная цель достигнута, — указал Бен-Гурион на заседании кабинета министров. — Мы обеспечили себе свободу прохода через Тиранский пролив, свободу судоходства в Красном море и Индийском океане, а также разместили силы ООН вне нашей территории, с целью обеспечения свободы судоходства, а также порядка в секторе Газа”. 4 марта израильские силы оставили свои позиции в Газе и Шарм-аш-Шейхе, и немедленно им на смену пришли “голубые каски” ООН — шесть батальонов под командованием генерала Бернса. Тогда же, в знак благодарности за содействие еврейского государства в деле выхода из этого неприятного дипломатического тупика, США одобрили предоставление Израилю щедрого займа Всемирного банка, за которым последовали и другие займы. А 7 апреля в Эйлатском порту встал на разгрузку танкер под американским флагом — таким образом Соединенные Штаты дали понять всем мировым перевозчикам, что они поддерживают принцип свободы судоходства в Акабском заливе и Тиранском проливе.

Итак, каковы были результаты операции *Кадеш* для Израиля? Выступая в *кнесете* 7 марта, Бен-Гурион признал: не существует гарантий, что египтяне не вернуться в сектор Газа. И в самом деле, дурные предчувствия премьер-министра оправдались даже скорее, чем он ожидал. Не прошло и двух дней после отхода израильских войск и ввода Чрезвычайных сил ООН, как местное палестинское население выступило с “настоятельными требованиями” вернуть им египетскую администрацию. Из соображений престижа Насер решил, даже под угрозой израильского ответного удара, согласиться на “требования народа”. Он назначил гражданского губернатора сектора и отправил его в Газу, сопроводив соответствующим штатом. Правда, он не рискнул направить туда еще и воинские части. Правительство Израиля вы-

ступило с резким протестом, но вынуждено было согласиться с Даллесом, что вряд ли такие действия Египта стоят еще одной войны. К тому времени уже стало ясно, что израильтянам не удалось достигнуть одной из самых заветных целей операции *Кадеш* — свержения режима Насера. Престиж египетского диктатора, несмотря на все провалы, постигшие его на полях сражений, практически не пострадал. Он сумел представить события таким образом, что якобы его армия была разгромлена не израильскими войсками, и объяснил основные потери за счет англо-французских бомбардировок и высадки десанта. Путиами скорее дипломатическими, нежели военными, Насер добился того, что противник принужден был отступить с египетской земли — до самого последнего солдата. Его так и не заставили взять на себя обязательства никогда не возвращать египетские войска в Газу или не перехватывать израильские суда по пути в Эйлат. Напротив, он продолжал вести себя как воюющая сторона, на словах и на деле, не отменяя запрета на провоз принадлежащих Израилу грузов по Суэцкому каналу.

Назовем еще ряд негативных последствий операции *Кадеш*. Страны афро-азиатского блока стали расценивать Израиль как одну из самых безжалостных стран западного империалистического лагеря. Кстати, в самом Израиле нашлось немало политических деятелей, которые задним числом утверждали, что у них имелись самые дурные предчувствия, вызванные сотрудничеством их страны с Великобританией и Францией. Такую обеспокоенность разделял Моше Шарет, кратко упомянувший в своем дневнике наличие у него убежденности, что “невозможно склонить к миру путем принуждения”. Годами позже, в своей автобиографии, написанной совместно с журналистом Робертом Сен-Джоном, Аба Эвен дал следующую оценку операции *Кадеш*:

“Синайская кампания с политической точки зрения была самой неудовлетворительно спланированной войной в истории. Она основывалась на полном отсутствии политических оценок. Слишком большое значение придавалось Великобритании и Франции. Мы предстали перед всем миром как игрушка в руках империалистов. Нам не следовало идти на тайный стговор с этими странами, а удовлетвориться их политической поддержкой. Если мы хотели добиться важной для себя победы, избавиться от опасности фedaинов и восстановить судоходство по Акабскому проливу, то следовало осуществить это в рамках исключительно израильской операции, и мы могли бы сделать это после выборов в США... Совершенно незачем было провоцировать ООН и США на такую ожесточенную реакцию”.

Заметим, правда, что в этих рассуждениях Эвена ничего не сказано о тех потерях, которые, несомненно, понесли бы израильтяне, если бы они нача-

ли эту операцию без французской авиационной поддержки, а союзная авиация не уничтожила бы египетские ВВС и аэродромы.

С другой стороны, вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что эта военная кампания продолжительностью в сто часов решила основную задачу обеспечения израильской безопасности. Прежде всего, Синайская кампания в весьма значительной мере подняла моральный дух израильтян. Весь народ освободился от чувства неуверенности и неверия в собственные силы; все израильтяне, и уроженцы страны, и репатрианты, убедились в том, что страна в состоянии добиться победы благодаря душевному подъему, организованности, техническому мастерству и боевым навыкам — и это несмотря на нехватку физических ресурсов, недостаточную численность населения и размеры территории. Что же касается чисто военных уроков кампании, продемонстрировавшей наглядные преимущества упреждающих ударов, то они оказались просто бесценными (Гл. XXI). Не менее важным оказалось и то упорство, с которым израильтяне противостояли требованиям о выводе своих войск, выдвигая встречные требования обеспечения гарантий — поскольку это способствовало прекращению нажима на Израиль со стороны Великих держав, в первую очередь США и Великобритании, прежде настаивавших на политическом урегулировании конфликта за счет безопасности Израиля. После Синайской кампании в Вашингтоне и Лондоне прекратились разговоры об израильских территориальных уступках. Действительно, Синайская кампания не принесла Израилю мира. Выступая в *кнессете* 7 марта 1957 г., Бен-Гурион прямо сказал, что “мы не вели эту войну для того, чтобы захватить Синай или заставить Насера подписать с нами мирный договор, да и теперь, после этой войны, у меня по-прежнему нет надежды на скорый мир”. Он предупредил депутатов, что прочный мир в секторе Газа в любом случае невозможен, пока там находятся десятки тысяч беженцев. Хотя договоренности, достигнутые относительно ситуации в Газе и Шарм-аш-Шейхе, были, по сути своей, временными, это было лучшим решением проблемы на тот момент, и Бен-Гурион высоко оценивал их значимость.

Премьер-министр знал, что говорил. Вылазки федаинов из Газы практически прекратились. Израильтяне, жившие в приграничных поселениях, получили возможность спокойно работать и мирно спать — впервые за последние семь лет. Акабский пролив был открыт для судоходства и оставался открытым на протяжении одиннадцати лет. Разумеется, официально признаваемая полная свобода судоходства, которой добивался Бен-Гурион для своей страны, достигнута не была. Однако за эти одиннадцать лет Израиль смог установить торговые связи со странами Востока, проложить несколько трубопроводов, наличие которых превратило эту маленькую страну в один из самых значительных центров транзитной торговли между Ираном

и странами Европы, а также развить промышленную инфраструктуру, благодаря которой в Израиле начался рост экономики, сопровождавшийся ростом его международного влияния и признания. Начиная с ноября 1956 г. еврейское государство зарекомендовало себя, по всеобщему мнению, как страна, с которой следует считаться, как суверенное государство, заслужившее осторожно-уважительное отношение в международном сообществе.

Глава XVIII.

Годы экономического роста и социального развития

Становление государства

До Синайской кампании положение Израиля можно было сравнить с осажденным со всех сторон лагерем беженцев, жители которого, обитая в засушливом и бедном краю, предпринимают отчаянные попытки наладить свою жизнь, сталкиваясь при этом с тяжелейшими проблемами экономического, социального, внутривосточного и военного характера. Начиная с 1956 г. все это ушло в прошлое. Государственные границы стали достаточно безопасными. Израильская армия, которая до 1953 г. постоянно сталкивалась с организационными и кадровыми трудностями, была преобразована в эффективный военный механизм; кроме того, она одновременно сделалась еще и самым значимым фактором объединения общества. В известном смысле операция *Кадеш* явилась своеобразным завершением титанических усилий по интеграции страны. Освоение обширных земельных площадей, эффективное использование оставленной или секвестрованной (временно конфискованной) арабской собственности, увеличение экономической помощи, предоставляемой США, Германией и мировым еврейством, — все это наконец стало давать плоды. Иными словами, перед Израилем уже стояла не проблема выживания, но, скорее, вопрос выбора альтернативных путей развития.

Одним из самых очевидных следствий израильской победы стал стремительный и весьма впечатляющий рост числа репатриантов — достаточно назвать две цифры: 55 тыс. человек за 1956 г. и 70 тыс. человек за 1957 г. На первых порах большинство репатриантов прибывало из стран Северной Африки и Египта. К первой категории относились евреи, не решавшиеся на отъезд до конца 1956 г. из опасения набегов федаинов или египет-

ской агрессии, постоянно угрожавшей безопасности Израиля. Обе угрозы, со всей очевидностью, остались в прошлом. Теперь предстояло сделать очевидный выбор между исламской ксенофобией в Марокко и гарантированной безопасностью в еврейском государстве. То же самое можно было сказать и относительно ситуации, в которой оказалось египетское еврейство. Правительство Насера, униженное своими военными поражениями, приняло целый ряд законов и постановлений, отрицательно сказавшихся на возможностях трудоустройства, жилищных условиях и даже личной безопасности “иностранцев”. Будучи наиболее уязвимым “национальным меньшинством” Египта, евреи (в количестве порядка 25 тыс. человек) выехали из страны зимой 1956–1957 гг., “оплатив” свой отъезд в Европу самым простым образом: их вынудили оставить в стране все свое имущество. Две трети этих беженцев были затем переправлены в Израиль усилиями Еврейского агентства. Владея иностранными языками и имея достаточный опыт деловой активности, они поселились по большей части в приморских городах, и многие из них нашли работу в банках, в туристическом и гостиничном бизнесе.

Жертвами политических потрясений стали не только североафриканские евреи, но и евреи, жившие в странах коммунистического блока. Около 40 тыс. европейских репатриантов, в основном из Польши и Венгрии, прибыли в Израиль в 1957 г. В период 1958–1960 гг. репатрировалось еще 43 тыс. восточноевропейских евреев, приехавших из Румынии. В основном эти репатрианты покинули страны исхода после народных волнений 1956 г. в Польше, восстания в Венгрии¹, а также после усиления антисталинских настроений в Румынии. В каждой из этих стран политические выступления сопровождались возобновлением спонтанных проявлений антисемитизма, и коммунистическое руководство предпочитало реагировать на это путем облегчения еврейской эмиграции. Многие из восточноевропейских репатриантов были людьми с высоким образовательным уровнем. Они оставались на своих рабочих местах в послевоенные годы главным образом потому, что коммунистическим правителям была необходима их квалификация и богатый опыт. Теперь, когда их вытеснили представители нового поколения, получившие соответствующее образование “коренные жители” страны, они уехали в Израиль, принеся с собой свои знания и опыт.

1 Восстание в Венгрии — народные выступления в Венгрии в 1956 г. против коммунистической диктатуры, которые начались с массовой демонстрации в Будапеште 23 октября 1956 г. На должность председателя Совета министров был назначен Имре Надь. В стране начались широкие демократические преобразования, сопровождавшиеся преследованиями функционеров свергнутого режима, совершивших наиболее кровавые преступления. 4 ноября 1956 г. в Венгрию был введен значительный контингент советских войск, которые подавили народное восстание с крайней жестокостью.

Еврейское агентство не было готово к такому потоку репатриантов. Тем не менее его реакция оказалась достаточно быстрой. Сотрудники Еврейского агентства наладили перевозку репатриантов, организовали в Европе транзитные лагеря, а в Израиле подготовили общежития и жилье для аренды. На этот раз никто даже не поднимал вопроса о размещении новых репатриантов в *маабарот*; не было речи и о возвращении к программе “с корабля в поселение”. Имеющие более высокую профессиональную подготовку, нежели их предшественники, восточноевропейские евреи удостаивались и соответствующего приема. Они получали ссуды на покупку жилья на очень выгодных условиях. Многим была предоставлена возможность изучать иврит на специальных пятимесячных курсах, по интенсивной программе и за государственный счет. Затем были предприняты значительные усилия по трудоустройству новых репатриантов, с учетом их квалификации и культурного уровня. Такую внимательность и заботу, проявленные Еврейским агентством, ни в коей мере не следует относить за счет намеренной или неосознанной дискриминации восточных евреев, но скорее надо объяснить осознанием того, насколько необходимо поощрять, причем практически любой ценой, репатриацию из-за “железного занавеса”², где экономические условия жизни евреев были все еще вполне приемлемыми. Страны коммунистической Европы оставались для Израиля фактически последним источником квалифицированных и образованных репатриантов.

В период 1961–1964 гг. население Израиля увеличилось за счет еще 194 тыс. еврейских репатриантов. Среди них было немало восточноевропейских евреев, но в основном они приехали из исламских стран — из Ирана и Северной Африки, в частности из Марокко, чье правительство, под влиянием Франции, согласилось дать разрешение на выезд остаткам своей еврейской общины. Среди репатриантов из стран Магриба было также 15 тыс. алжирских евреев, имевших статус граждан французской колонии, которые уехали после того, как де Голль предоставил Алжиру независимость. Израильское правительство встретило их прибытие со смешанными чувствами, поскольку нельзя было не отметить одно — и, несомненно, малоприятное — обстоятельство: основная доля алжирских евреев, 130 тыс. человек, предпочла отправиться во Францию. Шокирующим открытием стал для сионистского руководства тот факт, что, оказавшись в сложных обстоятельствах, еврейская община, и тем более община одной из стран Магриба, предпочла Израилю другое государство. Впрочем, алжирских евреев

2 “Железный занавес” — выражение, впервые публично употребленное У. Черчиллем в так называемой “речи о железном занавесе” в марте 1946 г. в Вестминстерском колледже (г. Фултон, штат Миссури, США), в которой он говорил об установлении в Советском Союзе и контролируемых им государствах диктаторского режима, а также обвинил СССР в самоизоляции от остального мира.

вряд ли можно было сравнивать с марокканскими евреями. Алжирцы, обладая всеми правами граждан Франции, считали себя принадлежащими к той же категории, что западноевропейские или американские евреи, а мало кто из последних выразил желание отказаться от покровительства властей сильной страны с демократическим строем, благожелательно относящейся к евреям. Во всяком случае, в период рецессии (1965–1967 гг.) численность алжирской *алии* выглядела впечатляющей на фоне общего (25 тыс. человек) достаточно скромного годовичного числа репатриантов.

Несмотря на годовичные колебания *алии*, численность еврейского населения Израиля демонстрировала стойкую тенденцию к росту: от 1667 тыс. человек в 1956 г. до 2384 тыс. человек в конце 1967 г.; одновременно с увеличением количества евреев имели место существенные “этнические” изменения в их составе. К 1965 г., впервые в истории страны, восточные и европейские евреи сравнились по численности, а через три года восточные евреи составляли уже большинство еврейского населения, 55,5%. Более того, количественное преимущество восточных евреев должно было и далее увеличиваться, поскольку рождаемость среди этой категории населения была вдвое больше, чем в семьях выходцев из Европы. Эти демографические перемены имели существенное значение для состояния еврейской культуры (Гл. XVIII. “Другая половина” израильского еврейства). В высшей степени важным фактором развития страны стал непрекращающийся рост численности людских ресурсов. Это не только позволило расширить диапазон экономической деятельности Израиля, но и положительно сказалось на заселении страны, а также на увеличении стратегической глубины ее обороноспособности. Существенно более значительным стало рассредоточение населения по территории страны. В 1948 г. всего 18% населения жило в сельской местности, 52% — в трех основных городах и 30% — в остальных городах страны. Двадцать лет спустя — притом что доля сельского населения фактически уменьшилась (до 11,3%) — в трех основных городах жило менее 35% еврейского населения страны, а 54% жило в остальных городах (правда, некоторые из них были спутниками больших городов). Так обстояли дела после окончания операции *Кадеш* — Израиль улучшил свое демографическое положение не менее эффективно, чем развил свои политические институты, укрепил экономику и повысил обороноспособность.

Покорение земли и воды

На протяжении второго десятилетия своей независимости израильтяне укрепили и даже распространили вширь свой контроль над земельными ре-

сурсами. К концу 1966 г. евреи жили в 729 сельских поселениях страны (из общего числа 834 поселения), и численность еврейского населения, занятого в сельском хозяйстве, составляла 340 тыс. человек (общая численность сельскохозяйственного населения страны, включая евреев и арабов, составляла 616 тыс. человек). В сельскохозяйственных поселениях было занято 13% всей еврейской рабочей силы страны, и они возделывали около 4,5 млн дунамов земли. Они производили всю основную сельскохозяйственную продукцию, необходимую для населения Израиля, и даже некоторый избыток овощей, яиц и молока. Наряду с этим некоторые культуры выращивались также и на экспорт, и к середине 1960-х гг. в эту категорию сельскохозяйственной продукции входили хлопок, арахис, а также ряд экзотических зимних фруктов (при том что раньше экспортировались практически только одни цитрусовые). В 1964 г. сельскохозяйственная продукция, включая цитрусовые, составляла третью часть всего израильского экспорта и обеспечивала 10% национального дохода.

Основным источником сельскохозяйственной продукции (помимо цитрусовых плантаций) по-прежнему оставались *мошавы* и *кибуцы*. Соотношение между этими двумя основными формами организации сельскохозяйственной деятельности не изменилось и на протяжении следующего десятилетия. К 1966 г. в 229 *кибуцах* страны было занято 78 тыс. человек, а в 336 *мошавах* — 120 тыс. человек. В стране существовало еще 64 поселения с традиционными (“капиталистическими”) фермерскими хозяйствами и некоторое количество хозяйств смешанного типа. Напомним, что *мошавы* считались наиболее оптимальной формой сельскохозяйственной деятельности новых репатриантов — как с экономической, так и с социальной точки зрения. Впрочем, несмотря на общее уменьшение доли *кибуцев*, их производительность и рентабельность стремительно возрастали. Механизация, совершенствование системы сбыта продукции, накопление опыта работы и динамизм, присущий кибуцникам, людям в большинстве своем светским и имеющим в основном европейские корни, — все это способствовало преобразованию коллективных кибуцных хозяйств в эффективные сельскохозяйственные предприятия мирового класса, ставшие образцом для развивающихся стран. Хотя расходы *кибуцев* на общественные нужды и были весьма значительными, не меньшими были и связанные с этим выгоды. Так, среднее образование было бесплатным для детей всех членов *кибуца*, и потому по охвату (хотя, возможно, и не всегда по качеству) система кибуцного образования не знала равных в Израиле. То же можно было сказать и о культурном развитии взрослых. В *кибуцах* регулярно читались лекции на самые разные темы, имелись хоровые кружки, драматические коллективы, оркестры. Во всех трех национальных кибуцных движениях имелись свои учебные центры,

услугами которых могли пользоваться все члены входящих в федерации *кибуцев*, а также издательства, выпускавшие ежеквартальные литературные журналы. Одаренным молодым членам *кибуцев* предоставлялась возможность заниматься музыкой или живописью, а особо талантливым — учиться в университетах, и все это за счет *кибуца*. Неудивительно, что из среды *кибуцников* вышло немало известных израильских писателей и художников (Глава XX).

Кибуцы сохраняли свои традиции общественного лидерства. К 1967 г. 30% пилотов ВВС и 22% армейских офицеров были *кибуцниками* по происхождению. Среди депутатов *кнессета* от рабочих партий 25% (16 человек из 63) также были *кибуцниками*. Впрочем, их доля несколько снизилась к концу 1960-х — началу 1970-х гг. Уделяя внимание земным благам нового типа, включающим приобретение телевизоров, посещение салонов красоты и плавательных бассейнов, *кибуцники* меняли свои взгляды на жизнь, и в *кибуцах* также начиналось классовое расслоение общества, становившееся характерным для всей страны. К этому времени вера в идеалы социализма стала ослабевать — в Израиле точно так же, как и во всей Европе. Расцвет стран капитализма, стремление к экономическому благосостоянию, обеспечивающему решение социальных проблем в рамках капиталистической экономики, новый этап антисемитизма и антиизраильская политика Советского Союза — все это не могло не способствовать ослаблению многих исходных коллективистских предпосылок *кибуцного* движения. Кроме того, целый ряд функций и задач, выполнявшихся ранее *кибуцниками* на добровольных началах, теперь перешел в ведение правительственных учреждений и армии. В результате коллективизм, бывший в прошлом одним из основных сионистских идеалов, стал постепенно утрачивать свою привлекательность, вытесняемый честолюбивыми помыслами и стремлением к материальным благам — тенденциями, которые затронули в той или иной степени многие стороны израильской жизни (Гл. XX. Духовный кризис. Гл. XXIV).

Впрочем, сам по себе рост изобилия и благосостояния вряд ли был столь уж неприятным. Земля давала плоды в количествах, немислимым во времена *халуцим*, да к тому же это изобилие достигалось отнюдь не ценой личного самопожертвования. Наконец-то в стране стало достаточно воды. С самых ранних времен еврейского поселения в Палестине ни у кого не было сомнений, что ирригация — это ключ к экономическому выживанию и росту. Дожди здесь шли только зимой и в основном на севере страны. В других районах годовая норма осадков была в диапазоне от сорока дюймов в Галилее до менее чем одного дюйма на юге Негева. В мандатный период специалисты Еврейского агентства всесторонне изучали возможности осуществления ирригационных проектов. Д-р Уолтер Лоудермилк, выда-

ющийся американский специалист по охране и рациональному использованию природных ресурсов, в 1944 г. подготовил под эгидой Еврейского агентства доклад, в котором заложил основу всех дальнейших работ по использованию воды в Израиле. Лоудермилк утверждал, что освоение ресурсов реки Иордан, вкупе с рациональным использованием грунтовых вод, позволит труженикам сельского хозяйства Святой земли прокормить не менее 5 млн человек на протяжении последующих десятилетий. Эту оценку в дальнейшем подтвердили и уточнили другие специалисты, в частности американские инженеры Джеймс Хейс и Джон Коттон. И вот к началу 1960-х гг. *Мекорот*, национальное управление водного хозяйства страны, представило разработанный план национальной ирригационной системы. В числе основных направлений были названы: интенсивное использование грунтовых вод; утилизация ливневых стоков и сточных вод; использование ресурсов рек Яркон и Кишон; и, наконец, реализация проекта Иорданской долины.

Бюджет всего проекта составил более 175 млн долларов, и ни одна из комиссий *кнесета* не поставила под вопрос эту сумму, потому что для израильтян проблема воды не менее священна, чем проблема обороны страны. К тому же у государства имелись источники для финансирования этого проекта — немецкие репарации, американские займы, доходы от продажи израильских государственных облигаций. Имелись также квалифицированные инженеры и техники, в большинстве своем из числа репатриантов. Результаты реализации проекта были весьма впечатляющими. В 1948 г., например, Израиль использовал 240 млн кубометров грунтовых вод в год. К 1963 г. эта величина возросла до 850 млн, что составляло почти две трети от всех разведанных водных ресурсов страны. Кроме того, станции очистки сточных вод давали ежегодно 90 млн кубометров, что составляло еще 5% всех водных ресурсов Израиля. За проектом очистки сточных вод последовали проекты “Яркон — Негев” и “Долина Кишона”. Река Яркон берет свое начало в районе Рош-га-Аин, затем, пройдя 24 километра по Приморской долине, впадает в море в районе Тель-Авива. Благодаря системе дамб, насосных станций и трубопроводов 100 млн кубометров воды удалось переправить в южном направлении, к Негеву, и распределить для нужд 65 сельскохозяйственных поселений — хотя это и привело к некоторым экологическим проблемам. В рамках проекта долины Кишона использование водосборных бассейнов и трубопроводов позволило собирать воды ручушек и ручьев, текущих по склонам Галилейских гор, и направлять их в Изреэльскую долину. Таким образом, к 1957 г. удалось получить порядка 160 млн кубометров воды.

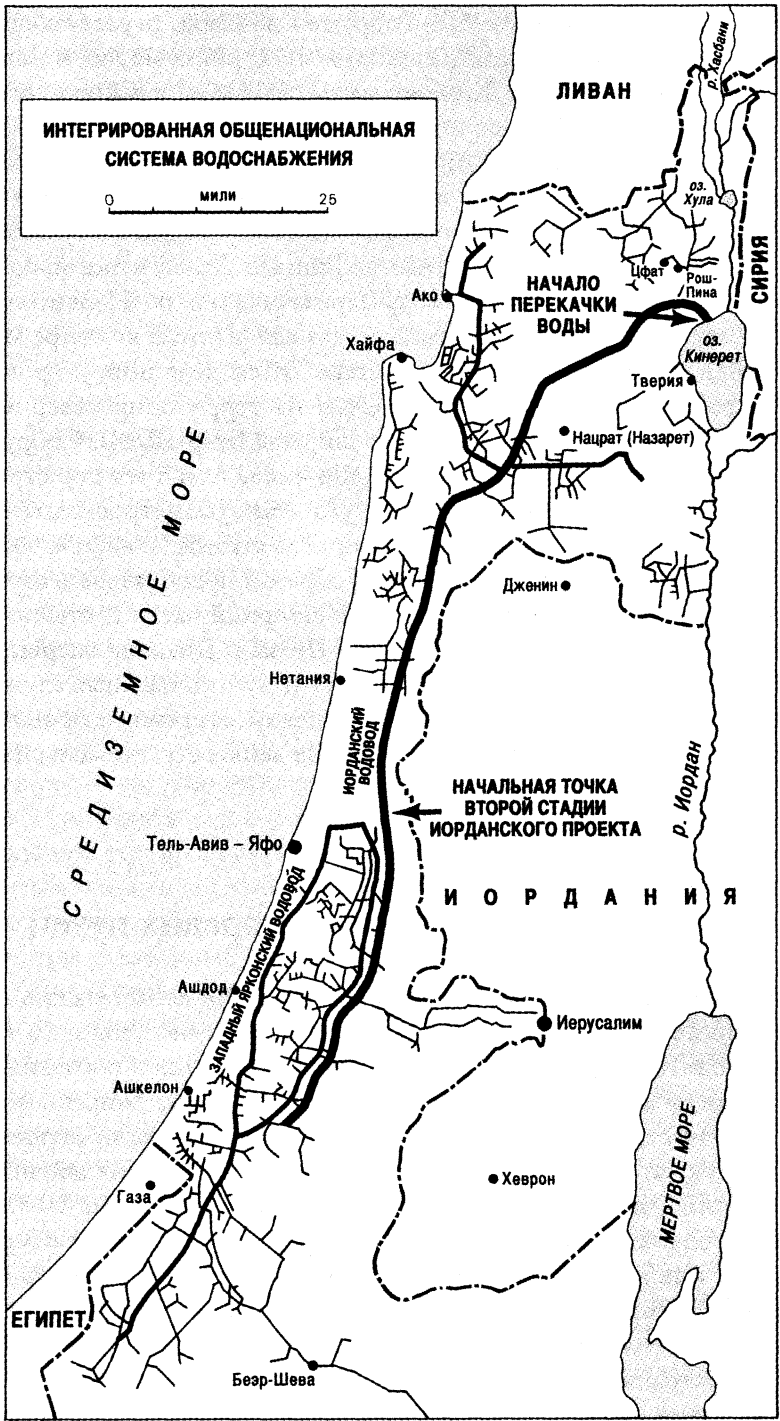
Последний этап этого плана, проект Иорданской долины, был ориентирован исключительно на орошение холмистых просторов Северного Не-

гева, где — согласно почти мистическому видению Бен-Гуриона — должны были поселиться будущие репатрианты, вырасти новые города и промышленные предприятия. В качестве основы проекта рассматривался водосбор Галилеи. Поскольку основная часть воды оттуда попадает в Иордан, реку предполагалось отвести, забрать в трубу, устроить водовод через Изреэльскую долину в сторону приморской равнины, а оттуда в Негев. Масштабы проекта были беспрецедентными. Сама по себе система реки Иордан является уникальной. Как уже отмечалось выше, она течет не к западу, в сторону Средиземного моря, а на юг, впадая в Мертвое море. Более того, в отличие от прочих израильских рек, Иордан образуется путем слияния трех притоков, и в него впадают две реки, истоки которых находятся вне территории Израиля. Его верховье имеет вид перевернутой дельты, состоящей из ливанской реки Хасбани, реки Литани, начинающейся в Израиле неподалеку от сирийской границы, и реки Баниас, истоки которой находятся в Сирии. Все три сливаются в нескольких милях к северу от канала Хула, образуя Иордан. Оттуда Иордан (представляющий собой естественную границу между Израилем и Хашимитским Королевством) течет на протяжении десяти миль и, с перепадом высот в 820 футов, впадает в озеро Кинерет, после чего продолжает свое течение по иорданской территории и впадает в Мертвое море.

Внимание израильских разработчиков было сосредоточено на верхней части Иордана, впадающей в Кинерет. Однако планы разработчиков должны были учитывать то обстоятельство, что, к сожалению, любой отвод воды на этом участке Иордана не может не сказаться на состоянии того участка реки, который находится в пределах Иордании, а иорданцы заявили, что этого они не допустят. Многолетние усилия Эрика Джонстона по выработке соглашения, учитывающего интересы всех сторон, были сорваны буквально в последний момент, когда арабские страны в 1955 г. «отложили» принятие решения о подписании соглашения (Гл. XVI). Возмущенные израильтяне заявили, что продолжат реализацию проекта самостоятельно. Основываясь на положениях плана Джонстона, реализация которого была сорвана другой договаривающейся стороной, израильтяне выделили эту часть программы в самостоятельный проект, разработанный Хейсом и Коттоном, при участии израильских специалистов. С чисто технической точки зрения этот новый проект мог осуществляться как при участии арабской стороны, так и без такового. Израильское правительство приняло решение начать работы безотлагательно. Попытки, которые сирийцы предпринимали время от времени для блокирования истоков Иордана, пресекались Израилем с использованием артиллерии и авиации (Гл. XXI. Сирийский тигр вырвался на свободу). Работа израильских гидротехников продолжалась без перерыва.

**ИНТЕГРИРОВАННАЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ
СИСТЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ**

0 МИЛИ 25

На первой стадии проекта был сооружен водовод, пересекающий две трети страны, который собирал излишки воды в одних местах и пополнял ее нехватку в других. Озеро Кинерет, устье водовода, служило естественным водохранилищем, которое перекрывалось в теплое время года. Хотя и случалось, что заливание слабоминерализованных подпочвенных соленых родников приводило к довольно значительному понижению уровня воды в озере, сток был достаточным для обеспечения выпуска воды в туннель, идущий в западном направлении, к Нижней Галилее. Далее, через мощный бетонный напорный трубопровод, вода перекачивалась по Изреэльской долине, проходя через массив Кармель по туннелю длиной в четыре мили, и потом, вдоль побережья, к границе Негева. Затем вода циркулировала по большим распределительным магистралям на территории северных секторов пустыни Негев, доходя на юге до широты Беэр-Шевы. Сооружение “Национального водовода” было завершено в 1964 г., и с тех пор страна получала, благодаря ему, дополнительные 320 млн кубометров воды ежегодно. Это на 25% увеличило водообеспеченность страны (и на 75% водообеспеченность Негева), позволив коренным образом преобразовать структуру промышленности и сельского хозяйства в северной части пустыни. Жители Ашдода, Ашкелона, Кирьят-Гата, Беэр-Шевы и Димоны впервые получили воду для промышленных предприятий и муниципальных служб в необходимом для них объеме. Для Израиля в целом завершение проекта Иорданской долины гарантировало обеспечение занятости по меньшей мере 5 млн человек.

Открытие пустыни, открытие морских путей

В первые годы независимости страны пустыня Негев оставалась для израильтян по большей части terra incognita. Английский геолог С. Г. Шоу начал проводить в пустыне предварительные изыскания в последние годы мандата. Когда англичане оставили Палестину, Шоу, вопреки распоряжению администрации, передал результаты своей работы представителям *Гаганы*. Евреи, со своей стороны, не стали ждать окончания военных действий и решили как можно скорее продолжить исследования Шоу. Израильтяне спешили, так как граф Фольке Бернадот, ооновский посредник, оказывал на них нажим, пытаясь вынудить уступить хотя бы часть Негева, и поэтому необходимо было, не теряя времени, выяснить, чего же в действительности стоят эти 6,5 тыс. квадратных миль, составляющие 60% всей территории страны. И вот в декабре 1948 г. на юг отправилась геологическая экспедиция, возглавляемая д-ром Яковом Бен-Тором из Еврейского

университета в Иерусалиме. Геологи работали в поле тринадцать месяцев, в очень тяжелых условиях (один из них погиб от рук бедуинов), и к январю 1950 г. они завершили свою работу.

Первоначальные результаты оказались не очень обнадеживающими. Даже по краю пустыни «почва» на 80% состояла из песка; остальные 20% — это мергель (осадочные породы), соли и лёсс (рыхлая горная порода). Без воды перспективы сельскохозяйственной деятельности представлялись сомнительными. Возможность промышленного и коммерческого развития также была под вопросом — по крайней мере до тех пор, пока в Эйлате не будет открыт порт. Несколько *кибуцев* существовали вдоль побережья и плато Северного Негева еще до 1948 г., но эти форпосты были не столько фермерскими хозяйствами, сколько заявкой на право евреев владеть пустыней. Развитие сельского хозяйства в этом регионе было невозможным без совершенной ирригационной системы. И когда в 1964 г. вода пришла в пустыню, это привело к впечатляющим переменам. К 1967 г. здесь уже имелось не менее 57 *кибуцев* и *мошавов*, в которых проживало в целом 55 тыс. человек и которые не только занимались сельским хозяйством, но также блокировали проникновение арабов в эту западную часть Негева. К этому времени было освоено 140 тыс. акров бесплодных прежде земель, и регион обеспечивал своих жителей овощами, фруктами и молочными продуктами.

Никто, однако, не считал, что будущее Негева — как, впрочем, и всего Израиля — связано исключительно с сельскохозяйственной деятельностью. Изначально существовало мнение, что ключом к региональному развитию юга страны послужат полезные ископаемые и промышленность. Но рентабельность добычи полезных ископаемых зависела от доступа к мировым рынкам сбыта. По счастью, Синайская кампания положила конец блокаде Акабского залива, и эффективность свободы судоходства можно было теперь выразить языком математики. На протяжении первого года после завершения операции *Кадеш* тридцать судов доставили в порт Эйлата 24 тыс. тонн импортных грузов и 28 судов отправились с 20 тыс. тонн экспортных грузов. В 1967 г., благодаря совершенствованию технических средств порта, а также росту мощностей промышленных предприятий Негева, количество прибывших под разгрузку судов увеличилось до 36, и столько же судов отправилось с израильскими экспортными грузами для стран Африки и Востока. Значительно улучшилась транспортная инфраструктура Негева. Была закончена прокладка шоссе от Беэр-Шевы до Эйлата, а впоследствии и от предприятий Мертвого моря в Сдоме до Эйлата; завершена прокладка железной дороги от Беэр-Шевы до Димоны. Итак, наконец были созданы условия для добычи и реализации богатств Негева.

В Тимне, неподалеку от Эйлата, было разведано месторождение медной руды, и к 1967 г. ежегодная добыча руды составляла полмиллиона тонн. Поташ, основной ингредиент для производства удобрений, добывался на предприятиях Мертвого моря в количестве 600 тыс. тонн ежегодно; там же осуществлялась добыча соединений брома, хлорида магния и поваренной соли. Месторождение кремнезёмистой глины в кратере Махтеш Рамон давало 600 тыс. тонн каолина. Добывались также кварц и гипс, а кроме того, доломит и известняк — пусть в небольших, но вполне товарных количествах. Нефть была найдена в 1965 г. на юге прибрежной равнины, а немногим позже на севере, в Хелеце; через несколько лет ежегодная добыча нефти в объеме 188 тыс. тонн обеспечивала приблизительно 10% внутренних потребностей страны. Кроме того, на севере Негева в месторождении Зоѓар были обнаружены довольно значительные запасы метана. Преисполненные энтузиазма правительственные эксперты даже стали утверждать, что природные богатства Мертвого моря и окружающей его пустыни могут дать Израилю за год столько же иностранной валюты, сколько страна получает от продажи цитрусовых. Быть может, они имели некоторые основания для таких утверждений. Однако валютные поступления от добывающей промышленности Негева не превышали 15% от всего израильского экспорта на протяжении многих лет, тогда как для экспорта цитрусовых эта величина составляла 80%. Таким образом, Негев не стал для Израиля ни Юконом, ни Клондайком. До активизации рынка поташа и фосфатов в 1972 г. продукция южной израильской пустыни составляла не более 7% всего национально-го дохода.

Впрочем, полезность Негева увеличивалась за счет других факторов. Во-первых, был облегчен доступ к международным рынкам. Во-вторых, появилась возможность транспортировки нефти, добываемой в других странах. Для этой цели были проложены трубопроводы — сначала восьмидюймовые, затем шестнадцатидюймовые и, наконец, диаметром сорок два дюйма — для перекачки нефти с танкеров, приходивших в Эйлатский порт, в нефтехранилища или непосредственно в танкеры, отправлявшиеся затем в средиземноморский порт Ашкелон. Не менее важным было и то, что Негев предоставил возможность для расселения миллиона новых репатриантов и строительства целого комплекса промышленных объектов, на которых репатрианты получили рабочие места. Около 40% всех созданных предприятий предназначалось для переработки местных ресурсов. Остальные — предприятия текстильной, химической и оборонной промышленности — были переведены в Негев из других городов страны.

Города развития обрели свой облик главным образом благодаря притоку новой рабочей силы. На ранней стадии репатриации, в 1949–1953 гг., из соображений безопасности и ввиду нехватки жилья, в стране было на-

чато переселение жителей более старых городов со смешанным населением. По большей части это были города на севере страны, где до 1948 г. евреи жили рядом с арабами. В первые годы существования государства кварталы, оставленные арабами в Лоде, Рамле, Мигдаль-Ашкелоне, Беэр-Шеве, Цфате и Тверии, просто занимались еврейскими репатриантами; в последующие годы в этих городах были дополнительно построены жилые кварталы, а также сооружены промышленные предприятия. На следующей стадии, в 1953–1958 гг., началось строительство новых городов в ранее незаселенных районах страны — как на севере, так и на юге. Так появились Кирьят-Шмона, Хацор, Шломи, Маалот, Мигдаль-га-Эмек, Ор-Акива, Бейт-Шемеш, Кирьят-Гат, Димона и Мицпе-Рамон. Эти города строились с учетом соображений безопасности, а также удобства расселения репатриантов и их абсорбции; при этом на первых порах не уделялось особого внимания параллельному созданию промышленной инфраструктуры как основы успешного существования городов. Однако на третьей и последней стадии ориентация продолжающегося развития становилась все более индустриальной и все более южной, определяя собой израильское будущее.

В начале 1960-х гг. по краю пустыни выросла цепь городов развития. В основном они были очень небольшими; так, в городах Нетивот и Йерохам проживало не более чем по 5 тыс. человек, причем в немалой части это были жители временные — бурильщики, карьерные рабочие. И эти населенные пункты, и города с населением около 7 тыс. человек (Кирьят-Малахи, Сдерот, Офаким), и более крупные города, выросшие на границе с Негевом, — все они имели ряд общих черт. Большинство их населения (65% в 1964 г.) составляли выходцы из стран Востока. Собственно говоря, в то время 37% всего еврейского населения Израиля, репатриировавшегося из стран Востока, проживало в городах развития и поселениях. Большинство из них вряд ли выбрали такие места жительства по своей воле — их доставили сюда в рамках программы “с корабля в поселение”, точно так же, как репатриантов предыдущей волны направляли прямо в *мошавы*, хотя впоследствии индивидуальным пожеланиям новых репатриантов стали уделять больше внимания. Здесь следует особо отметить, что во всех этих городах планирование и управление общественной и коммунальной жизнью осуществлялось в высшей степени планово и централизованно — впервые за всю историю страны. Межминистерские комиссии заранее определяли все детали городского развития, организуя продуманную схему жилищного строительства, сооружая предприятия для обеспечения занятости населения, создавая сеть учреждений образования, здравоохранения, социального обеспечения. И лишь много лет спустя городская власть была передана в руки выборных советов самоуправления.

Наиболее впечатляющим примером стала история Беэр-Шевы, с самого начала относившейся к категории городов развития. До 1948 г. этот населенный пункт представлял собой бедуинский караван-сарай, однако правительство Израиля очень быстро оценило потенциальную значимость его местонахождения. Занимая господствующее положение по отношению ко всей сети коммуникаций Негева, Беэр-Шева не могла не стать административным центром этого южного региона, как только там началось развитие торговли и промышленности. Где бы ни закладывались новые добывающие и обрабатывающие предприятия Негева, их центральные офисы тут же открывались в Беэр-Шеве. В городе разместились региональные офисы правительственных учреждений и Еврейского агентства, а также армейские штабы. Численность населения города увеличивалась стремительными темпами, достигнув 100 тыс. человек к концу 1960-х гг., причем город мог похвастаться самым высоким уровнем занятости в стране. Аналогичной (хотя и в меньших масштабах) была история развития Кирьят-Гата, ставшего региональным центром благодаря плану Лахиша (Гл. XV). К 1967 г. численность населения Кирьят-Гата составила 18 тыс. человек; при этом город отличался развитой системой школьных и культурных учреждений и стремительным жилищным строительством.

Ашдод, расположенный в 11 милях к северу от Ашкелона, также стал одним из примеров успешного развития и самым ярким образцом планового становления городского хозяйства в стране. Ашдод был заложен в середине 1950-х гг. как израильский “порт будущего” и с первых дней стал предметом пристального внимания и заботы со стороны правительства. В Ашдод поступали более значительные капиталовложения, чем в любой другой из числа новых городов страны, — так, 120 млн долларов было затрачено только на портовые сооружения. Успех был достигнут ранее, чем ожидалось. Первая очередь порта начала функционировать уже в 1965 г., и сотни тысяч тонн полезных ископаемых из недр Негева доставлялись грузовиками на ожидающие у причалов суда. Два года спустя население Ашдода насчитывало уже 20 тыс. человек и должно было, согласно прогнозам (хотя и, как оказалось, излишне оптимистическим), увеличиться до 150, а то и до 350 тыс. человек через 25 лет. Эйлат, южные ворота Негева, также развивался на волне этого бума. Будучи в 1956 г. не более чем разросшейся в размерах рыбацкой деревушкой, Эйлат, по окончании Синайской кампании и с открытием грузовых перевозок в страны Африки и Дальнего Востока, стал крупным портом. К 1967 г. там обрабатывалось 700 тыс. тонн грузов в год; экспортировались в основном полезные ископаемые Негева — поташ, соединения брома, фосфаты магния, цементационная медь, а импортировалась главным образом иранская нефть, сотни

миллионов тонн нефти, перекачиваемой по трубопроводам в Ашкелон, для загрузки в танкеры, или в Хайфу, на нефтеперерабатывающие предприятия, продукция которых использовалась для внутренних нужд. Кроме того, Эйлат стал крупным туристическим центром, и численность его населения увеличилась с 2 до 17 тыс. человек в 1967 г.; при этом правительственные эксперты прогнозировали (опять-таки с излишним оптимизмом) продолжение роста городского населения вплоть до 50 тыс. человек через пару десятилетий. Население Димоны, состоявшее в основном из выходцев из Индии и Марокко, к 1967 г. достигло 18 тыс. человек; часть жителей города были заняты на предприятиях Мертвого моря, рядом со Сдомом, но в основном они работали на городских текстильных фабриках. Арад (численность населения — 5 тыс. человек в 1970 г.), расположенный на расстоянии нескольких километров от Димоны, стал центром нефтехимической промышленности, использующей в качестве сырья газ Негева, а также соединения хлора и брома, добываемые в районе Мертвого моря.

Имелись все основания полагать, что эти города развития будут расти без каких-либо особых ограничений. Основной фактор, обычно препятствующий росту малых населенных пунктов, — нехватка земельных площадей — в данной ситуации не представлял собой проблемы: земля здесь была общественной собственностью, специально выделенной для городского строительства и развития, да к тому же и недорогой. С самого начала планировщики предусматривали широкие улицы, большие площади и много места для садов и парков. В каждом городском районе имелся свой общинный центр, а также торговый центр и места для отдыха. Не зря Ашкелон и Арад обычно называются в качестве классических моделей градостроительства, рекомендуемых для развивающихся стран. Во всяком случае, удалось без особого труда справиться со многими проблемами — архитектурными, функциональными и связанными с совместным проживанием представителей различных этнических групп, чего, правда, нельзя было сказать о проблеме культурной изоляции. За исключением Кирьят-Гата, Арада и отчасти Беэр-Шевы, города развития в плане культуры оказались, по сути дела, заброшенной территорией. На протяжении 1960-х и начала 1970-х гг. там крайне редко гастролировали небольшие, второстепенные труппы и музыкальные коллективы.

Вряд ли следует возлагать вину за подобную ситуацию исключительно на чиновников, ведавших вопросами культуры в стране. Ведь выходцы из стран Востока и по сей день составляют большинство населения городов развития, а их традиционная шкала ценностей ставит во главу угла первоочередное решение иных, значительно более материальных, вопросов. Чувство культурной изоляции и социального отчуждения было значительно

менее важным для них по сравнению с такими критическими факторами, как климат, физическая безопасность или возможность найти работу. Наличие психологических проблем подобного рода следует отнести к числу весьма характерных для Израиля и до сих пор требующих самого неотложного решения.

Интересно заметить, что другой сферой, где Израиль добился впечатляющих результатов (после успешного покорения засушливого Негева), стало освоение открытого моря. Прогресс в этом направлении вряд ли можно было предугадать во времена британского мандата, когда суда, которыми владели евреи, были или рыбацкими лодками, выходившими на промысел тунца, или портовыми паромами. На владение другими типами судов евреи просто не могли получить разрешения британских властей. Необходимость доставки в Израиль европейских евреев, находившихся в лагерях перемещенных лиц, послужила толчком для появления израильского торгового флота. В первое время этот "флот" состоял из полуразвалившихся, наскоро отремонтированных устаревших пароходов европейского производства, ранее выполнявших нерегулярные рейсы. Тем не менее не было сомнений, что создание сильного торгового флота должно стать одной из приоритетных задач израильского правительства. Израиль был маленькой страной, с ограниченным сельскохозяйственным и промышленным потенциалом. Единственным районом, который можно было осваивать и который не был ограничен ни пространственно, ни (как в случае с Негевом) с точки зрения объема природных ресурсов, являлось море. Необходимость создания торгового флота диктовалась также политическими и военными соображениями. Дороги через сухопутные границы были наглухо блокированы арабами, и потому у Израиля не имелось торговых путей, проходящих по суше. Для поддержания контактов с внешним миром Израилю необходимо было использовать море.

Реальная возможность создать свой торговый флот появилась в 1952 г., после подписания с Бонном договора *Шилумим* о репарациях. Правительство сразу же разместило в ФРГ большой заказ на строительство западно-германскими фирмами грузовых и пассажирских судов (затем заказы были размещены и на других верфях). В конечном итоге к концу 1967 г. в состав израильского торгового флота входило 105 судов различного класса и размеров, суммарным водоизмещением 1,4 млн регистровых тонн. Средний возраст судов не превышал четырех лет, что делало Израиль обладателем самого современного торгового флота. Это был четвертый по численности флот Средиземноморского бассейна, превосходящий, в частности, флот Испании. В 1948 г. менее 1% всех грузоперевозок страны осуществлялось судами под израильским флагом; к 1967 г. эта величина составила 45%, причем 73% из них приходилось на долю перевозок между Израилем и стра-

нами Средиземноморья. Израильские суда бросали якоря в сотнях портов всех пяти континентов.

Становление израильского флота проходило не без проблем. Израильские судоходные компании испытывали трудности при комплектовании экипажей. Евреи, народ, высоко ставящий семейные ценности, отрицательно относились к перспективе проводить вне дома недели и даже месяцы. На общем профессиональном уровне судовых экипажей отрицательно сказывалось то, что приходилось мириться с необходимостью и брать на борт случайных людей. Так, к 1967 г. около 40% всего личного состава израильских судов составляли иностранцы, и в дальнейшем их доля продолжала увеличиваться. Кризис, поразивший пассажирские линии всего мира, затронул и Израиль, причем настолько, что в конечном итоге израильские компании были вынуждены отказаться от всех своих пассажирских лайнеров, в том числе и тех, что совершали некогда весьма выгодные в экономическом отношении трансатлантические рейсы. Несмотря на эти трудности и проблемы, новый торговый флот, несомненно, способствовал претворению в жизнь намерений Израиля обеспечить свои собственные торговые пути и утвердить свое независимое присутствие в портах и гаванях всего мира.

Точка взлета

Экономическое положение Израиля существенно улучшилось после Синайской кампании. Позади остался период суровой экономии, и страна начала продвигаться к состоянию достатка и даже относительного процветания. К 1965 г. ВВП Израиля увеличился в два с половиной раза по сравнению с 1952 г., причем средний прирост ВВП на душу населения составил за этот период 6,3%, что поставило Израиль в ряды тридцати наиболее развитых стран мира. В 1950 г. Израиль импортировал более половины необходимых населению страны продуктов питания; к 1967 г. страна сама уже производила 85% необходимых ей продуктов и, как было сказано, экспортировала излишки яиц, овощей, молочных продуктов и фруктов. И все-таки главных успехов Израиль достиг не в области сельского хозяйства вообще или, в частности, в производстве цитрусовых — основным его достижением стала индустриализация страны. Важно подчеркнуть, что этот промышленный рост был достигнут не за счет таких, считающихся традиционными, факторов, как богатые сырьевые ресурсы или дешевая рабочая сила, но благодаря потребительскому спросу новых жителей страны, численность которых увеличивалась значительными темпами. На протя-

жении десятилетия после окончания Синайской кампании промышленные предприятия работали сверхурочно, чтобы удовлетворить потребности внутреннего рынка, вследствие чего численность рабочих увеличилась на 90 тыс. человек, достигнув уровня 260 тыс. (25,4% всего занятого населения). При этом названные показатели демонстрировали тенденцию к дальнейшему росту. В период 1950–1969 гг. объем промышленного производства увеличился в пять раз. Валовой доход промышленности в долларовом исчислении повысился с 18 млн долларов до 552 млн долларов (рост — 20% в год). Следует подчеркнуть, что все это было достигнуто, несмотря на нехватку природных и энергетических ресурсов, а также вопреки таким негативным факторам, как недостаточные производственные мощности предприятий, необходимость дробления производственного цикла и переноса незавершенной продукции с предприятия на предприятие, а также значительные расстояния между производителями и “естественными” рынками, что приводило к существенному росту расходов на страхование и транспортировку.

Разумеется, в немалой степени эти успехи были достигнуты благодаря значительному притоку иностранного капитала (Гл. XV. Оживление экономики), но не следует оставлять без внимания и такой фактор, как высокий уровень государственного планирования и все более широкое его применение. К концу 1950-х гг. профессиональный уровень государственных служащих повысился в весьма значительной степени, а квалифицированные молодые экономисты наконец-то стали оказывать, пусть пока еще и ограниченное, воздействие на политическую элиту страны. Методы поощрения экономического роста стали более разнообразными. Все это позволило правительству на протяжении следующего десятилетия приступить к творческому претворению в жизнь долгосрочного экономического плана, сочетавшего предоставление под низкий процент ссуд из фондов бюджета развития, снижение прямых и косвенных налогов, государственную поддержку предприятий добывающей промышленности в Негеве, субсидии отдельным отраслям промышленности, создание картелей в отраслях, имеющих жизненно важное значение для национальной экономики, а также реализацию программ повышения эффективности производства. Кроме того, стало уделяться больше внимания стимулированию конкурентоспособности израильской продукции на мировых рынках путем постепенной отмены импортных квот и снижения тарифных ставок.

Меры по правительственному стимулированию и регулированию способствовали тому, что экспорт продукции промышленных предприятий стал стремительно расти для следующих основных отраслей: производство на основе местного сырья (полезные ископаемые Мертвого моря и недр Негева, хлопок-сырец и продукты его переработки); производство, основанное

на использовании высококвалифицированной рабочей силы (электроника, фармацевтическая продукция, точные приборы и модные товары); производство с использованием такого сырья и полуфабрикатов, которые, благодаря своему небольшому объему и массе, позволяют сократить транспортные расходы (в частности, меха и алмазы). В конечном итоге наиболее рентабельными оказались два последних направления, в особенности огранка и шлифовка алмазов. Действительно, в 1966 г. только ограненные и отшлифованные бриллианты дали экономике страны 164,7 млн долларов, или 35,5% общей суммы доходов от экспорта. Сама сумма (не говоря уж о добавленной стоимости, очень высокой при этом производственном процессе) превысила величину доходов в иностранной валюте от экспорта цитрусовых. Здесь, разумеется, особое значение имело наличие рабочей силы, обладающей специфическими профессиональными навыками. Развитие отрасли по шлифовке алмазов началось в 1939 г. с появлением в Палестине еврейских беженцев из Нидерландов и Бельгии, привезших с собой искусство гранения и шлифовки. Наличие в стране трехсот предприятий, занимающихся распиловкой, огранкой и шлифовкой алмазов, сделало Израиль вторым в мире (после Бельгии) поставщиком бриллиантов (30% мирового объема производства).

“Невидимый” экспорт (доходы от туризма и предоставления транспортных услуг) также стал значительным источником иностранной валюты — в основном благодаря развитию торгового флота и авиации Израиля. Доходы в иностранной валюте от предоставления транспортных услуг возросли с 35 млн долларов в 1948 г. до 115 млн долларов в 1965 г.; доходы от туризма стали значительно увеличиваться после Синайской кампании, составив в 1966 г. 56 млн долларов. К 1967 г., после Шестидневной войны, туризм фактически стал вторым источником иностранной валюты, опередив даже шлифовку алмазов. В конечном итоге суммарный экспорт Израиля — транспортные услуги, туризм, сельскохозяйственные и промышленные товары — превысил в 1967 г. 1 млрд долларов. Это стало значительным достижением для окруженной врагами маленькой страны с засушливым климатом и ограниченными природными ресурсами — страны, которая могла рассчитывать только на квалифицированную рабочую силу и компетентное руководство.

Однако, несмотря на улучшение соотношения между импортом и экспортом, дефицит торгового баланса Израиля в абсолютном выражении продолжал постоянно увеличиваться. За период 1957–1960 гг. пассивное сальдо торгового баланса составляло относительно постоянную величину — порядка 330 млн долларов. Но по мере роста потребностей израильтян и их покупательной способности, а также увеличения расходов страны на оборону дефицит торгового баланса стал увеличиваться, достигнув

в 1964 г. 570 млн долларов, в период после 1967 г. — почти 1 млрд долларов, а после Войны Судного дня он уже превысил 3,5 млрд долларов (Гл. XXIII, XXIV). К счастью для израильтян, их жизненный уровень неизменно продолжал расти вплоть до 1973 г., поскольку бюджетный дефицит сглаживался за счет стабильного притока иностранного капитала. Так, не менее 59% шестимиллиардного пассивного сальдо торгового баланса за период 1949–1965 гг. было покрыто за счет помощи мирового еврейства (в основном благодаря содействию Объединенного еврейского призыва и распространению израильских государственных облигаций среди евреев диаспоры). Кроме того, выплачиваемые Западной Германией репарации и реституции составили в период 1953–1965 гг. 1,73 млрд долларов, то есть 39% дефицита платежного баланса. Большую роль играла помощь правительства США, предоставлявшаяся в форме субсидий, займов (как в твердой, так и в неконвертируемой валюте), а также технической помощи — на общую сумму почти 850 млн долларов за период 1949–1965 гг., что компенсировало около одной седьмой дефицита торгового баланса Израиля. Ни одно независимое государство мира не получало такой значительной иностранной помощи в расчете на душу населения. Но вместе с тем ни одно государство не использовало иностранную помощь столь разумно и эффективно, расходуя ее на абсорбцию репатриантов и увеличение своих производственных мощностей.

Наиболее серьезная экономическая проблема Израиля заключалась не столько в уменьшении бюджетного дефицита, сколько в трудностях, связанных с инфляцией. Не проходило и года, когда бы не наблюдался рост цен, причем зачастую весьма значительный. Эта инфляционная спираль объяснялась рядом факторов, в числе которых следует назвать полную занятость, приток капитала из-за рубежа, обмен поступлений иностранной валюты по заданному правительством курсу, займы из банковской системы. Кроме того, рост заработной платы значительно превышал рост производительности труда. Однако исправить эти диспропорции было весьма непросто, поскольку *Гистадрут* препятствовал всем усилиям, направленным как на замораживание заработной платы, так и на увольнение избыточной рабочей силы. Росту инфляции также способствовали многочисленные забастовки (аналогичная картина наблюдалась, кстати, и в ряде европейских стран). Забастовки, приведшие к наиболее серьезным негативным последствиям для национальной экономики, были — по иронии судьбы — объявлены не работниками физического труда, приверженцами идей социализма, а людьми интеллигентных профессий. Началось все в 1954 г. с забастовки врачей, находившихся на государственной службе; за ними последовали преподаватели средней школы, а в 1962 г. масштабную забастовку начали состоявшие на государственной службе инженерно-технические работники.

Эти акции протеста, организованные представителями привилегированного слоя наемных работников, свидетельствовали о глубоком чувстве негодования и обиды, возникшем из-за того, что их заработки были уравнены с заработками малоквалифицированных работников. Забастовки привели к лавинообразному росту государственных расходов, поскольку правительство немедленно столкнулось с аналогичными требованиями еще целого ряда соперничающих между собой профессиональных групп.

Существовал еще один, общий для всех, фактор, усугублявший процесс инфляции: постоянное увеличение бремени военных расходов. Годовые расходы на оборону в Израиле за период 1952–1966 гг. возросли в 16 раз и достигли (согласно официальным данным) почти 11% государственных расходов. Фактически же они составляли еще бóльшую величину, поскольку включали также издержки, связанные с отсутствием резервистов на рабочих местах во время ежегодных воинских сборов (непроизведенная продукция, расходы работодателей, расходы социальных служб на помощь семьям резервистов), а также издержки на содержание приграничных поселений, определяемые исходя из соображений национальной безопасности, а не экономической целесообразности. Вследствие всех этих инфляционных факторов в их совокупности уровень цен в период 1962–1965 гг. поднимался с такой стремительностью — на 18% годовых, с тенденцией к дальнейшему росту, — что стала очевидной необходимость принятия радикальных экономических мер, чтобы не допустить истощения валютных резервов, а также вытеснения израильских товаров с мировых рынков по причине их нерентабельности. Леви Эшколь, тогдашний премьер-министр, предупредил *кнесет* весной 1965 г., что настало время для снижения темпов роста и развития и что необходимо вместо этого сосредоточить все усилия на консолидации. В стране была принята политика ограничений (*митун*), реализация которой осуществлялась при помощи различных мер, включая сокращение государственных расходов, ограничение кредитов, замораживание части немецких выплат по реституциям, попытку сохранить баланс между заработной платой и ценами, ограничение объема строительства.

Успеху политики ограничения способствовало также завершение работ по реализации проекта “Иорданская долина” и по сооружению портов в Эйлате и Ашдоде, а кроме того — значительное уменьшение потока репатриантов, что, соответственно, сократило потребности в жилье. Все эти ограничительные меры, а также впечатляющие экономические достижения способствовали постепенной приостановке раскручивания инфляционной спирали. В 1965–1967 гг. платежный баланс страны значительно улучшился, дефицит торгового баланса уменьшился на 30%, сократилась доля потребления на душу населения и увеличились личные сбережения, а также укре-

пилась израильская валюта. Наблюдая за этими процессами из своего дома в Негеве, ушедший в отставку Бен-Гурион не мог не признать, что “рецессия была подобна глотку свежего воздуха; она отрезвила израильтян и заставила их посмотреть на происходящее новым взглядом”.

И все же за политику ограничения пришлось заплатить высокую цену. Темпы роста ВВП к 1966 г. снизились до опасной величины 1%, а численность безработных составила, по разным оценкам, от 40 до 100 тыс. человек, причем в ряде городов развития было 20% безработных; тяжелее же всего последствия сказались на многодетных семьях выходцев из стран Востока. Впрочем, экономический спад ощутили и выходцы из европейских стран, и уроженцы страны. Началась эмиграция, и в первую очередь стали уезжать молодые израильтяне — врачи, инженеры, ученые. В результате в 1966 г. число эмигрантов превысило число иммигрантов — во второй раз на протяжении всей истории страны.

Однако замедление темпов роста, притом что оно оказалось не очень долгосрочным (Гл. XXI), не давало полной картины экономического развития страны. В годы, последовавшие за Синайской кампанией, качество жизни израильтян постоянно возрастало, вселяя оптимизм и радужные надежды на будущее. В 1965 г. по величине доходов на душу населения Израиль занял место в ряду таких западноевропейских стран, как Австрия, Италия и Ирландия. К тому времени 93% всех еврейских семей Израиля жили в домах с электричеством и 97% — в домах с водопроводом. Плотность проживания в семьях снизилась до 2,1 человека на комнату. Доля расходов на питание, напитки и табачные изделия снизилась с 41% в 1953 г. до 30% в 1965 г. Число еврейских семейств, имеющих холодильники, увеличилось с 37% в 1958 г. до 84% в 1965 г.; число семейств, имеющих газовые плиты, за тот же период увеличилось с 38% до 90%, а число семейств, имеющих стиральные машины, — с 10% до 31%.

Следует при этом отметить, что условия жизни в Израиле нельзя было назвать ни великолепными, ни даже замечательными. Рабочий день, как правило, начинался в семь тридцать утра. Продолжительность рабочей недели составляла сорок семь часов. Приобретение одежды было связано с серьезными затратами, и в большинстве своем израильтяне одевались весьма неприятно. Мебель, даже невысокого качества, была очень дорогой. Зарубежные поездки не поощрялись и потому облагались чрезвычайно высоким налогом. Кондиционеров в помещениях почти не было, что делало повседневную жизнь в этом неблагоприятном климате весьма нелегкой. С течением времени качество коммунальных удобств повышалось, но при этом общий уровень комфорта уже не был равнодоступен всему населению, в отличие от времен, предшествовавших созданию государства. К 1961 г., после периода массовой репатриации 1950-х гг., доходы наиме-

нее обеспеченных 20% населения составляли примерно 5% от общенационального дохода, тогда как наиболее обеспеченные 20% населения — более 40% национального дохода. В 1966 г. был опубликован отчет комиссии под председательством Давида Горовица, управляющего Государственным банком Израиля, в котором особое внимание уделялось увеличению разрыва между богатыми и бедными. К тому времени не менее 400 тыс. человек, то есть фактически шестая часть населения, жили ниже уровня бедности. Рост богатых кварталов сопровождался ростом трущоб.

Как ни странно, но израильские руководители на протяжении многих лет не обращали должного внимания на процесс социальной поляризации. В стране, где особое внимание приходилось уделять вопросам обороны, проблемы социального обеспечения продолжали оставаться на другом конце шкалы национальных приоритетов. Во всяком случае, считалось само собой разумеющимся, что другим странам Ближнего Востока бедность свойственна в значительно большей степени и что ситуация в Израиле намного благоприятнее, чем в соседних арабских странах. Существовала широко распространенная и весьма наивная точка зрения, согласно которой по мере завершения абсорбции репатриантов проблемы экономического развития начнут решаться сами собой. Собственно говоря, эти проблемы и в самом деле оказались решенными для большинства населения страны. “Мы сделали все, что было в наших силах, — особенно учитывая наше положение еще каких-то два десятилетия тому назад” — эта фраза повторялась всеми и повсюду. Однако восторги по поводу собственных успехов были явно преувеличенными. Во многих городах существовали целые кварталы, где нищета была глубоко укоренившейся и практически непреодолимой; одновременно пропасть между богатыми и бедными постоянно увеличивалась — и те, кто жил на нижней ступени социальной лестницы, ни в коей мере не собирались закрывать на это глаза и довольствоваться пустопорожними сравнениями с былыми временами или иными странами (Гл. XVIII. “Другая половина” израильского еврейства).

Арабское меньшинство

Ко всему прочему, не следовало забывать еще и о положении нееврейского населения — ведь его самовосприятие и умонастроение были не менее важными для прогресса и стабильности страны. Как уже было сказано, после окончания Войны за независимость порядка 156 тыс. арабов остались жить в пределах границ Государства Израиль. К 1966 г., вследствие естественного воспроизводства населения, а также благодаря снижению уровня младенче-

ской и детской смертности, численность арабской общины достигла 301 тыс. человек, а к 1975 г. эта величина возросла до 411 тыс., благодаря чему арабы составили 12% всего населения Государства Израиль — и это несмотря на непрерывающуюся репатриацию евреев. Примерно 75% всего арабского населения страны проживало в 101 сельском поселении, которые располагались в Галилее, на отрогах массива Кармель и “Малом треугольнике”, вблизи границы с Иорданией. Остальные арабы жили в городах — в основном в Нацрате и Шфараме, а также в анклавах в шести крупных еврейских городах.

Так вышло, что еврейское государство стало оказывать особую поддержку друзьям, арабскому меньшинству (30 тыс. человек), которые проживали в основном в труднодоступных и крайне бедных деревушках Галилеи и Кармеля. Будучи на протяжении долгого времени жертвами преследования арабов-мусульман, друзья приняли новую израильскую власть с благодарностью и заверениями в нерушимой верности. Израильская администрация, в свою очередь, всячески поддерживала с ними дружественные отношения, предоставив друзьям официальный статус независимой религиозной общины, со своим собственным религиозным советом и судами и гарантировав главам друзских семейств свободу передвижения по стране. Государство интенсивно развивало инфраструктуру друзских деревень (дороги, водоводы), предоставляя им сельскохозяйственные кредиты и консультативную помощь. Друзы к тому же получили право служить в израильской армии, где они завоевали прекрасную репутацию как проводники-следопыты и бойцы пограничной охраны. Тем не менее после двух десятилетий израильского попечения члены этой малочисленной нации-секты, признающие только браки между своими, так и оставались изолированным по собственному желанию и замкнутым в кругу собственных интересов меньшинством.

Что касается основной части израильских арабов, их мусульманского большинства, то они значительно лучше вписались в процесс экономического развития. Арабы, занятые в сельском хозяйстве, начали приходить в себя, оправляясь от травмы военного времени и последствий секвестрования. После убедительного успеха Синайской кампании, вследствие значительного улучшения военного и экономического положения страны, израильские власти могли позволить себе продемонстрировать определенную щедрость по отношению к арабскому меньшинству. Так, в 1958 г. арабы, занятые в сельском хозяйстве, получили значительно более существенную компенсацию за земли, экспроприированные в “зоне безопасности”. Но более важные последствия имела деятельность Опекуна собственности отсутствующих землевладельцев, направленная на систематическое расшатывание старой полуфеодальной системы арабского землевладения. К 1960 г.

ведомство Опекуна собственности сдало в аренду 100 тыс. дунамов лучших земель мелким арабским фермерам, обеспечив, таким образом, каждого из 30 тыс. феллахов в почти ста деревнях двадцатью и более дунами арендуемой земли. Такая политика вызвала к жизни значительные перемены социального характера. В 1950–1960-х гг. израильское правительство предприняло дальнейшие усилия по повышению жизненного уровня арабского населения — как городского, так и сельского. Государственные капиталовложения на сумму более 120 млн израильских лир были направлены на финансирование ирригационных и мелиорационных проектов, а также на внедрение прогрессивной сельскохозяйственной техники. В результате к 1967 г. объем сельскохозяйственного производства в арабском секторе увеличился в шесть раз по сравнению с 1949 г., достигнув наивысших показателей на душу населения для всего арабского Ближнего Востока. Все это отразилось самым очевидным образом на уровне жизни как городского, так и сельского арабского населения. К 1967 г. в домах 80% всего арабского населения Израиля имелось электричество, большинство арабских деревень было связано современными дорогами с основными национальными автомагистралями, да и в самих деревнях мощные дороги пришли на смену узким, малопроезжим проездам. Одновременно с этим шло строительство новых мечетей и церквей, а также ремонт старых; в большинстве арабских деревень были сооружены молодежные и культурные центры, спортивные площадки, лечебные учреждения и даже торговые центры.

Два десятилетия израильского правления привели и к другим, столь же долгосрочным переменам в образе жизни арабской общины — хотя не все эти перемены были благоприятными. До того как часть арабского населения покинула Израиль в 1948 г., примерно 65–70% арабов трудоспособного возраста работало на земле. Однако на протяжении последующих 19 лет общая площадь земель, обрабатываемых арабами, значительно уменьшилась — хотя одновременно с этим и было достигнуто более справедливое распределение земельных участков. Таким образом, к 1967 г. только 35% занятого арабского населения зарабатывало на жизнь непосредственно в сельском хозяйстве; остальных можно было причислить в основном к категории рабочих, получающих заработную плату, и лишь незначительная доля имела свой бизнес либо принадлежала к категории лиц интеллигентного труда или свободной профессии. Такое изменение характера занятости объясняется рядом обстоятельств. Первое — это экспроприационная политика израильских властей в первые годы после провозглашения независимости, которая так и не была никогда полностью изменена, равно как и не были полностью ликвидированы ее последствия. Далее, это внедрение современных сельскохозяйственных технологий и оборудования, что оставило без работы тысячи человек. Следует также упомянуть арабские законы о порядке на-

следования, согласно которым земельные участки разрешается делить между всеми наследниками, тем самым дробя их до такой степени, что они фактически теряют свою ценность. В результате тысячи молодых арабов вынуждены были приступить к поискам работы за пределами своих деревень, что породило ранее не существовавшие социальные и политические проблемы.

Так, например, арабы, занятые на еврейских предприятиях, обычно выполняли более тяжелые и хуже оплачиваемые работы, а также часто подвергались дискриминации во всем, что касается начисления заработной платы и социальных пособий. Они тратили больше денег и времени на дорогу из дома по сравнению со своими еврейскими коллегами. Те же, кто не хотел жить в родной деревне и предпочитал арендовать жилье в городе (в частности, в Хайфе, Афуле или Реховоте), могли найти квартиру или комнату только в трущобах. Будучи оторванными от дома на долгое время, они были лишены достойного досуга и круга общения. Результаты были весьма плачевны, особенно для молодых людей.

Нельзя сказать, что *Гистадрут* проявлял полное безразличие к этим проблемам. Собственно говоря, арабские рабочие могли стать членами больничной кассы уже в 1953 г., и они также имели право прибегать к услугам профсоюзной системы взаимопомощи. Но лишь в 1959 г. руководство *Гистадрута* согласилось пересмотреть свою изначальную идеологическую платформу (“Еврейская федерация труда”) и дать арабам возможность стать его полноправными членами. С тех пор специально созданный Арабский отдел *Гистадрута*, сотрудниками которого были и арабы, и евреи, начал помогать арабским рабочим ориентироваться в лабиринтах израильской бюрократии. В арабских деревнях были организованы отделения *Гистадрута*, школы снабжались необходимым оборудованием, оказывалась организационная, а иногда и финансовая помощь при проведении культурных мероприятий. Основным вкладом *Гистадрута* стало создание в арабском секторе к 1967 г. 125 кооперативных обществ, которые по большей части занимались обеспечением водоснабжения. Для многих израильских арабов, таким образом, членство в *Гистадруте* означало прежде всего возможность избавиться от ощущения отчужденности в еврейском государстве и обрести реальные права гражданства, хотя бы на экономическом уровне.

Немало надежд в процессе налаживания межобщинных отношений возлагалось также на развитие образования. Как уже отмечалось, ни в какой иной сфере жизни арабской общины местные и центральные израильские власти не прилагали столько усилий, как в области образования — в том числе еще и потому, что здесь приходилось все начинать с самого начала. После 1948 г. в стране практически не осталось квалифицированных арабских учителей (Гл. XIV). В такой ситуации израильские власти в 1956 г. открыли колледж с двухгодичным сроком обучения для подготовки учителей

арабских школ. Число преподавателей арабского языка значительно увеличилось с прибытием в страну репатриантов из Ирака, многие из которых получили хорошее образование на родине, а часть имела к тому же и опыт преподавания. Таким образом, к 1963 г. в стране имелось не менее 1500 достаточно квалифицированных учителей для работы в начальных классах арабских школ. После того как местные и муниципальные органы управления в арабском секторе продемонстрировали нежелание собирать налоги для строительства учебных заведений, правительственные органы страны предоставили им необходимые средства, назвав их “займами на образовательные нужды”. Благодаря всем этим усилиям к 1967 г. число учащихся в начальных классах арабских школ достигло 70 тыс. человек; таким образом, уровень посещаемости составил 80% для мальчиков и 50% для девочек — цифры, неслыханные для любой арабской страны региона.

С другой стороны, школьное образование само по себе, без четкой ориентации на общинные нужды, вряд ли могло эффективно содействовать снижению уровня напряженности в отношениях между двумя народами. Для израильских властей особое значение имела перспектива установления, в процессе реализации образовательных программ, взаимного понимания и контактов между арабами и евреями. На первых порах этого не удавалось достигнуть в достаточной степени, ввиду наличия географических и языковых барьеров. С этой целью несколько *кибуцев*, организованных партиями *Мапам* и *Ахдут ха-авода*, включили арабский язык в программы своих школ и практиковали регулярные посещения арабских школ. В одном из *кибуцев*, Леѓавот-Хавива, был создан “Институт арабо-еврейских отношений”, проводивший годичный курс для совместного обучения арабов и евреев. По инициативе мэра Хайфы Абы Хуши³, давнего сторонника

3 Хуши (Шнеллер) Аба (1899–1969) — профсоюзный лидер и израильский общественный деятель. В юности примкнул к движениям *ѓе-Халуц* и *ѓа-Шомер* в Галиции. С 1920 г. жил в Эрец-Исраэль. Был среди основателей *кибуца* Бейт-Альфа. В 1927 г. переехал в Хайфу. Работал грузчиком и организовал Союз портовых рабочих в рамках *ѓистадрута*, включавший евреев и арабов. Когда в начале 1930-х гг. началось строительство Хайфского порта, он поехал в Салоники и привез оттуда около 500 репатриантов-грузчиков и других портовых рабочих. В 1938–1951 гг. Хуши занимал должность Генерального секретаря хайфского рабочего совета, пользовался большим авторитетом в городе, как среди евреев, так и среди арабов. Был одним из создателей хайфского отделения *ѓаганы*. В *кнесете* первого созыва был депутатом от партии *Мапай*, но в 1951 г. ушел из *кнесета*, был избран мэром Хайфы, оставался на этом посту до конца жизни. Очень много сделал для развития промышленности города, для благоустройства и реконструкции городских кварталов. Был инициатором создания Хайфского университета, Хайфского городского театра, строительства подземной дороги Кармелит. Он придавал большое значение укреплению сотрудничества между еврейской, арабской и друзской общинами.

арабо-еврейского сотрудничества, Хайфский муниципалитет основал программу взаимной деятельности, а затем в городе была открыта смешанная средняя школа, где имелись классы углубленного изучения арабского языка. В Ако имелся совместный детский центр и игровая площадка. В молодежной деревне Нурим, основанной по инициативе Молодежной *алии*, были открыты классы для арабских учащихся из соседних деревень, в то время как одна из еврейских школ деревни организовала в близлежащей арабской средней школе класс иврита и приглашала арабских школьников участвовать в субботних празднествах и спортивных соревнованиях. Можно назвать еще немало примеров арабо-еврейского сотрудничества, преимущественно на местном уровне. Однако, как бы то ни было, а изолированные усилия явно были недостаточны для того, чтобы рассеять недоверие между двумя народами.

Следует подчеркнуть то особое значение, которое имела образовательная система для женщин арабской общины. Сама по себе возможность получить образование, избавившись от участи неграмотного человека, оказала разительное воздействие на рост их социального статуса. Весьма важными стали также перемены юридического и политического характера. Положение арабских женщин до 1948 г. нельзя было назвать иначе как жалким. У них не было никаких закрепленных законом прав, их могли продать в замужество, причем зачастую в качестве младшей жены, а при процедуре развода у них вовсе не было права голоса. Правительство Израиля не только предоставило женщинам возможность учиться, но и коренным образом улучшило социальный статус арабских — равно как и еврейских — женщин, приняв в 1951 г. Закон о равенстве прав, который давал женщинам полное юридическое равноправие. Двоеженство было запрещено в законодательном порядке, равно как и детские браки. Женщину не могли выдать замуж или принудить к разводу без ее согласия. Что касается политических прав, то они были предоставлены всем женщинам с момента основания государства. Получив теперь юридическую защиту своих прав и добившись социальной свободы наравне с женщинами еврейской общины, арабские женщины обрели достоинство и ощутили новые возможности, которые давал им их новый социальный статус. Пусть даже эти возможности были отчасти умозрительными, принимая во внимание консервативную природу арабского общества, — тем не менее они существовали и охранялись законом.

Рост числа образованных арабов, как мужчин, так и женщин, стал основной одновременно для надежд и для беспокойства. Выпускники средних и даже начальных школ получали места чиновников в правительственных учреждениях (в арабском секторе), равно как и в других государственных организациях. Некоторые из них устраивались на предприятия пищевой

промышленности, совместно финансируемые еврейскими и арабскими предпринимателями, или в Израильско-арабский банк. Но все большее число выпускников арабских средних школ, а то и учительских семинарий или университетов оставались без работы, потому что они не хотели быть чиновниками или учителями, либо потому, что не могли найти достойную работу. Следует признать, что всеобщее образование, предоставляемое израильскими властями, способствовало появлению нового поколения арабской интеллигенции, недовольной своим положением и вместе с тем осознающей наличие возможностей для беспрепятственной критики власти и государства. Именно тогда и начали возникать в арабской общине недовольные и враждебные элементы (Гл. XXI). Стало высказываться и недовольство, имеющее националистическую окраску.

Вряд ли можно было, например, предать забвению трагический случай в Кфар-Касеме. В день начала Синайской кампании, 29 октября 1956 г., в арабских деревнях вдоль границы с Иорданией был введен комендантский час от заката до рассвета. В этот день 43 жителя деревни Кфар-Касем возвращались с полевых работ уже после начала действия комендантского часа — либо они не знали о введении ограничений, либо просто не придали этому особого значения — и были расстреляны израильским патрулем. Израильская пресса отреагировала на это, выразив общее потрясение и смутение, охватившие страну. Ответственные за эти действия, два офицера и шесть рядовых (четверо из которых были полуграмотными репатриантами из мусульманских стран), предстали перед трибуналом. Офицеры были осуждены на длительные сроки заключения, однако впоследствии эти сроки были существенно сокращены. Само слово “Кфар-Касем” стало для арабов призывом к антиправительственным действиям. Их негодование не стихало на протяжении многих лет (Гл. XVIII. Арабское меньшинство).

Чувство единства арабского меньшинства усиливалось по мере роста численности их общины. К 1967 г. более половины арабского населения Израиля составляли родившиеся после образования государства. Точно так же, как и тысячи молодых израильтян иного, неарабского происхождения, они не могли помнить о временах британского мандата, и их политическая активность определялась динамикой израильской жизни. Они, естественно, сопоставляли свое положение не с тем, как жилось арабам при англичанах, а с тем, как живет сейчас их соседям-евреям. Усугублению их обид и недовольства способствовали условия скученного существования в деревнях Галилеи и “Малого треугольника”, а также радио- и телепередачи из Аммана, Рамаллы, Дамаска, Бейрута и Каира. Радио Израиля ничего не могло противопоставить потоку этой неприятельской пропаганды. Немало молодых арабов, будучи не в силах смириться со своим статусом меньшинства, поддавались призывам своих арабских соседей и

бежали за границу; только в 1956 г. было более ста случаев такого бегства. Власти арабских стран уговаривали беженцев вернуться в Израиль с целью шпионажа; многие из тех, кто соглашался на эти уговоры, при попытке пересечения границы были убиты израильскими пограничными патрулями. Каждый такой случай только усиливал враждебные чувства арабского населения Израиля.

Принимая во внимание негативное отношение арабского населения страны, правительство Израиля решило в августе 1959 г. немного облегчить ограничения, налагаемые военным правлением. Действия военной администрации долгое время напоминали заколдованный круг: они вызвали чувства возмущения и обиды, а выступления арабов с выражением этих чувств служили поводом к введению дальнейших ограничений. Ввиду этого партии *Мапам*, *Маки* и даже некоторые лидеры *Мапай* выступали за полную отмену военного положения на территориях, где проживало арабское население. Именно под их нажимом кабинет министров принял решение об отмене статуса “запретных зон” для большинства районов на севере страны, а также избавил арабов от необходимости запрашивать разрешение на поездки по стране, связанные с деловыми и производственными нуждами. Однако по настоянию Бен-Гуриона военное положение в стране формальным образом пока не было отменено. В 1963 г. Бен-Гуриона на посту премьер-министра сменил Леви Эшколь. Стремясь вернуть *Ахдут ха-авода* в блок рабочих партий, Эшколь согласился на отмену положения Чрезвычайных правил, которое создавало наибольшие затруднения, ограничивая передвижение арабов по стране; запреты сохранились для лиц, представляющих “потенциальную опасность”, и для арабских деревень, расположенных в непосредственной близости к границе. В 1966 г. *кнесет* наконец принял решение окончательно отменить военное правление в стране. Чрезвычайные правила все еще оставались в силе, но было прекращено действие аппарата военного правления, не дававшего никому на протяжении многих лет забыть о наличии у арабского населения Израиля особого статуса.

Устранить все источники арабского недовольства было, разумеется, не просто, особенно с учетом того обстоятельства, что события в арабском мире по значимости превосходили происходящее в пределах Израиля. Создание в 1958 г. Объединенной Арабской Республики Египта и Сирии способствовало значительному росту популярности коммунистических идей среди израильских арабов. Чтобы сохранить свои позиции в арабском секторе, партия *Мапай* была вынуждена обещать арабскому электорату широкую программу социальных услуг по месту жительства. Однако на этот раз приманка не оказала своего привычного действия: на выборах 1959 г. в *кнесет* доля арабских голосов за *Мапай* упала до 52% (по сравнению с 62,4%

в 1955 г.). Менее чем два года спустя, на выборах в *кнесет* пятого созыва, *Манай* и связанные с нею арабские списки, вместе взятые, получили всего 50,8% арабских голосов. С другой стороны, *Маки*, благодаря установлению тесных связей между режимом Насера и Советским Союзом, получила 4,1% голосов, выйдя на второе место в арабской общине.

На протяжении последующих четырех лет, ко времени выборов в *кнесет* шестого созыва в 1965 г., в системе политических партий Израиля произошли значительные перемены (Гл. XIX). Сама *Маки* раскололась на две фракции — *Маки* и *Раках*. *Маки* выступила с осуждением антиизраильской политики Москвы, тогда как *Раках* поддержала эту политику и впоследствии стала первой подлинно арабской партией страны. Предвыборная кампания *Раках* была проведена с энергией, прежде неслыханной в арабском секторе, и достигнутые результаты оказались весьма убедительными. *Манай* и связанные с нею арабские списки получили на этот раз всего 50,1% голосов арабского электората. *Маки*, набрав жалкие 0,4%, прекратила свое существование в глазах арабского сектора, тогда как *Раках* набрала 22,6% — беспрецедентное количество голосов. Следует при этом подчеркнуть, что такие результаты голосования отнюдь не означали идеологической приверженности израильских арабов идеям коммунизма. Отчасти это было реакцией населения на ту поддержку, которую оказывало коммунистической партии Каирское радио. Еще более значимым фактором стала отмена военного правления незадолго до выборов, что дало возможность арабам высказать свои истинные взгляды, не опасаясь реакции властей. Ведь следует иметь в виду, что программа партии *Раках* предоставила израильским арабам первую в истории страны политическую возможность, под прикрытием коммунистической идеологии, поставить под сомнение само право Израиля на существование. Имел место, таким образом, явно выраженный сдвиг в сторону арабского национализма. Правда, после выборов 1965 г. большинство арабских депутатов *кнесета*, включая и двух представителей от партии *Раках*, старались избегать высказываний, связанных с внешней политикой, и выступали на заседаниях *кнесета* преимущественно по вопросам социально-экономического характера, затрагивающим интересы их электората. При этом ни для кого не оставались секретом их умонастроения, становившиеся все более и более воинственными. Откликаясь со все возрастающим энтузиазмом на притягательные и громкие лозунги Насера, они переходили на позиции националистических и социалистических освободительных движений, столь популярных во всем арабском мире, забывая про общепризнанные успехи в экономической сфере, достигнутые израильскими арабами.

Следует признать, что на протяжении почти двух десятилетий израильяне, сознательно или неосознанно, предпринимали попытки изолировать арабское население Израиля от арабских ближневосточных стран, а на про-

тяжении первых десяти лет со дня образования Израиля — также изолировать арабскую общину от всего израильского общества. Правительство так и не смогло сформулировать сколько-нибудь определенную, долгосрочную политику действий по отношению к арабскому меньшинству. Какой вариант был бы предпочтительнее для израильского руководства: чтобы арабы оставались жить в стране или покинули ее? Как должны евреи относиться к арабам: с симпатией или лишь с терпимостью? На протяжении первых двух десятилетий число вариантов политики в арабском секторе соответствовало числу официальных лиц, занятых реализацией этой политики. В первые годы существования страны одно министерство занималось экспроприацией арабских земельных участков, предлагая в качестве компенсации смехотворные суммы, тогда как другое министерство оказывало содействие арабским земледельцам в выращивании более богатых урожаев. Одно министерство развивало систему образования в арабском секторе, а другие министерства отказывались предоставлять арабам рабочие места, даже если те имели дипломы израильских университетов. С одной стороны, правительство предпочитало, чтобы арабы оставались жить в своих деревнях, а не перебирались в Тель-Авив или Иерусалим, и, соответственно, не поощряло строительства арабского жилья в больших городах. С другой стороны, министерства и ведомства, занимавшиеся экономическими вопросами, не проявляли заинтересованности в деле развития инфраструктуры арабских деревень, что могло бы обеспечить стабильную занятость и минимизировать миграцию арабских работников. В результате такого двойственного отношения арабское население пребывало в состоянии неопределенности, являясь жертвой неуверенности и неразберихи, испытываемых самими израильтянами, что усугублялось еще и непрофессионализмом израильских чиновников, работавших в арабском секторе. В такой ситуации арабское меньшинство демонстрировало прямо-таки удивительное терпение по отношению к своим еврейским правителям. В этой связи следует особо подчеркнуть слова Моше Даяна, сказанные им вскоре после окончания войны 1967 г., когда, формулируя политику сосуществования на оккупированных территориях, он счел необходимым заявить: “Мы не имеем права повторить ошибки, допущенные нами при общении с израильскими арабами” (Гл. XXII).

“Другая половина” израильского еврейства

Если говорить о других “пасынках” Израиля, то их следует искать не среди меньшинства, а среди большинства. Как уже было сказано, в 1967 г. числен-

ность евреев — выходцев из мусульманских стран превысила численность евреев европейского происхождения, и они составили 55% всего еврейского населения страны. Глубоко затаив свои многочисленные обиды и ясно осознавая, что благодаря своей высокой рождаемости они скоро достигнут численного превосходства, восточные евреи ждали только случая, чтобы заявить о себе, — и такой случай им представился после инцидента в квартале Вади-Салиб в июле 1959 г. (Гл. XV). Неудовлетворенные результатами слушаний в специально созданной комиссии *кнесета*, многие выходцы из стран Востока предпочли отстаивать свои требования с помощью экстремистской и популистской Организации североафриканских репатриантов. Эта немногочисленная организация, никогда не имевшая сколько-нибудь значимой политической силы, отличалась воинственным настроем (подобно “Черным пантерам”⁴ 1970-х гг., см. Гл. XXIV) и защищала свои интересы, проводя демонстрации протеста, выступая на страницах газет и подавая жалобы в *кнесет*. Во всяком случае, к тому времени ашкеназский “истеблишмент” уже достаточно хорошо оценил проблему расколотого на части общества, и такого рода осведомленность способствовала принятию важных политических решений в сфере экономики и образования.

Проблемы образования вызывали в стране наибольшую обеспокоенность. Несмотря на значительные усилия, предпринятые правительственными учреждениями в 1950-х гг., школьное образование в городах развития продолжало оставаться на постыдно низком уровне. По состоянию на 1959 г., коэффициент отсева учащихся в начальной школе достиг 10% в *мошавах* и городах развития, население которых составляли в основном выходцы из стран Востока. Что еще хуже, всего 28% учащихся в населенных пунктах, находившихся на периферии страны, продолжали посещение средней школы после первого года обучения. Министерство образования,

4 “Черные пантеры” — движение социального протеста, созданное в 1968 г. молодыми выходцами из мусульманских стран, в первую очередь из Марокко, недовольными своим положением в Израиле. Лидеры движения считали, что резкий разрыв в жизненном уровне и социальном статусе между восточными и ашкеназскими евреями объясняется целенаправленной дискриминацией восточных евреев, которую якобы проводит ашкеназский истеблишмент. Руководители движения назвали его по образцу радикального движения афроамериканцев США; ряд активистов американских “Черных пантер” в 1969 г. образовали так называемую “революционную уличную банду” и осуществили серию террористических актов. Организаторы израильских “Черных пантер” устраивали бурные демонстрации протеста с применением насилия в Иерусалиме и некоторых других городах. На выборы в *кнесет* 1973 и 1977 гг. выставлялись списки “Черных пантер”, а также более умеренной группы “Бело-голубых пантер”, но оба списка не смогли получить ни одного места в *кнесете*. Отсутствие сколько-нибудь широкой поддержки среди выходцев из стран Востока привело к исчезновению движения в 1970-х гг.

глубоко обеспокоенное таким положением вещей, учредило в 1962 г. Центр образовательных учреждений, требующих особого внимания. Само название Центра указывало на то, что он создавался для оказания помощи школам, находящимся в районах трущоб и в городах развития — то есть в местах проживания выходцев из стран Востока. Школы, отнесенные к категории “требующих особого внимания”, переводились на особое положение — им предоставлялись субсидии на приобретение книг и аудиовизуального оборудования, выделялись фонды для организации продленного учебного дня и продленного учебного года; опытным и высококвалифицированным педагогам, соглашавшимся работать в таких школах, предоставлялись особые ссуды (которые зачастую получали статус безвозвратных).

Местные органы управления, со своей стороны, с целью стимулирования учебы, ввели программу “ступенчатых платежей”, в рамках которой учащиеся с более высокими баллами могли платить за продолжение учебы в средней школе меньше или вообще получать освобождение от оплаты (в зависимости от доходов их родителей). К 1965 г. под действие этой программы попадали 45 тыс. учащихся средней школы. Эта цифра могла быть и более значительной, если бы в семьях выходцев из восточных стран не существовала традиция, согласно которой дети начинали работать сразу же по окончании начальной школы. Но и в ситуациях подобного рода правительство, с тем чтобы поощрить способных детей продолжать учебу, в определенных случаях было готово выплачивать особые семейные стипендии, которые могли бы компенсировать детские заработки. В 1965 г. рассматривалась также возможность поэтапного увеличения на один год бесплатного обязательного школьного образования. Наряду с этими действиями, Министерство образования, Еврейское агентство и Армия обороны Израиля предпринимали также усилия по развитию программ обучения для взрослых. Так, по состоянию на 1963 г., Израиль расходовал на нужды образования 7% своего ВВП (для сравнения: в Великобритании эта величина составляла 4,5%, в США — около 5%). Расходы Министерства образования в 1963 г. составляли 12% национального бюджета — будучи вторыми по величине после расходов на оборону.

Нельзя сказать, что результаты этой программы были вовсе незаметными. В 1951/1952 учебном году только 42,8% детей в возрастной группе 14–17 лет продолжали учебу в средней школе, тогда как в 1964/1965 учебном году эта доля составила 63%. Однако лишь 16% из этого числа получили аттестаты зрелости с отметками, дающими право на продолжение учебы в высших учебных заведениях. Как и следовало ожидать, лишь 8% детей из восточных семей вообще получили аттестаты зрелости. К 1966 г. выходцы из стран Востока составляли 51% студентов израильских колледжей, но всего 13% студентов университетов. Возможно, лучшим результатом энергич-

ных усилий государства в области образования в 1960-х гг. следует считать стабилизацию разрыва между учащимися из восточных и европейских семейств и даже наметившуюся тенденцию к сокращению этого разрыва.

В области экономики также обозначился определенный прогресс. По инициативе правительственных учреждений обеспечивались — а иногда и искусственно создавались — рабочие места, в частности, для неквалифицированных работников из стран Востока (в рамках коммунальных проектов и в районах развития). К этому времени некоторое количество евреев — выходцев из восточных стран (главным образом, из Египта и Ирака) начало занимать должности в среднем управленческом звене. Никто из восточных евреев еще не достиг высших командных должностей в Армии обороны Израиля, однако к 1971 г. они уже составляли почти половину унтер-офицеров и успешно продвигались по службе вплоть до звания капитана. Но самое главное: экономический разрыв между восточными и ашкеназскими семьями стал уменьшаться. Действительно, средние доходы восточных семей все еще составляли 70% от доходов ашкеназских семей, но реальные доходы самых бедных слоев населения увеличились на 35%, тогда как рост доходов всего населения составил 26%.

Эти обнадеживающие данные не отражали общей картины положения дел в национальной экономике. Хотя выходцы из стран Востока составляли 24% всей рабочей силы страны, их доля (по состоянию на 1969 г.) в категории работников интеллигентного труда или свободных профессий составляла всего 16%, а в категории служащих — 19%. Их семьи были более многочисленными, чем семьи европейских евреев, и потому доход на каждого члена семьи был ниже. Пропасть между этими двумя группами была особенно заметна при сравнении их жилищных условий. К 1967 г. 120 тыс. семейств, или 20% еврейского населения страны, ютились в третьеразрядных жилищах, а то и просто в трущобах, — и 83% из них были семьями репатриантов из стран Востока. В 1965 г., сознавая всю ту социальную опасность, которую несет с собой упадок городов, *кнесет* принял закон о расчистке и восстановлении городских районов, согласно которому трущобы трех основных городов страны подлежали сносу, а их обитателям предоставлялось либо альтернативное жилье, либо денежная компенсация. Однако реализация этой программы фактически не началась до Шестидневной войны, а впоследствии ее осуществление велось весьма медленными темпами, ввиду роста расходов на оборонные нужды. Так, в 1969 г. плотность проживания у 83% ашкеназских семей была менее двух человек на комнату, и это при том что такой же уровень плотности проживания был достигнут лишь для 49% восточных семей.

Разрыв между двумя общинами, хотя и уменьшавшийся в некоторых сферах, но, безусловно, так и не ликвидированный до конца, продолжал

оставаться основным источником недовольства выходцев из восточных стран. К 1967 г. большинство из них жило в Израиле уже около 15 лет — то есть их вряд ли можно было назвать новичками или неопытными людьми. Подобно арабам, они оценивали свои достижения, исходя в первую очередь не из своего прежнего состояния, а сравнивая с достижениями других — в данном случае ашкеназов. Будучи не в состоянии достигнуть того же уровня, они пребывали в уверенности, что и сейчас, в 1960-х гг., точно так же, как в 1950-х гг., всему виной социальная дискриминация. Впрочем, нельзя сказать, что они были полностью неправы, делая такие выводы. Даже у видных лидеров страны порой невольно вырывались фразы, свидетельствующие о наличии этнических предубеждений. Аба Эвен, в бытность свою на посту министра просвещения, как-то сказал, что “половина населения Израиля происходит из стран, где — в силу увядания исламской культуры — отсутствуют как традиции, так и навыки деятельности в сфере образования”. Голда Меир как-то заявила, причем публично: “Сможем ли мы когда-нибудь поднять этих репатриантов до приемлемого уровня?” Президент Израиля Бен-Цви, специалист в области еврейской истории стран Востока, писал в своей книге “Изгнанные и вернувшиеся” о “потерянных и незадачливых коленах Израилевых”. Затяжная нелюбовь европейских евреев к восточным порой принимала крайние формы. Так, Калман Кацнельсон в своей книге “Ашкеназская революция” (1964 г.) позволил себе заметить, что “восточные сефарды” ненавидят ашкеназских евреев и нередко высказывают сожаления по поводу того, что Гитлер не покончил с ними со всеми раз и навсегда. До середины 1960-х гг. в израильских школьных программах говорилось в основном об ашкеназском культурном наследии, и учебные курсы были посвящены истории и литературе европейского еврейства.

С большим опозданием педагоги и социологи осознали, что интеграция с использованием навязшей в зубах методики “слияния общин” (эвфемизм, означающий ассимиляцию восточных евреев под воздействием европейских) — это тупиковый путь. В 1965 г. правительственные организации и руководители Еврейского агентства окончательно отказались от такого подхода в пользу “культурного плюрализма”. Залман Аран, один из лучших министров образования за всю историю страны, сформулировал принцип построения учебных программ, согласно которому израильская культура должна рассматриваться не как нечто цельное, но скорее как совокупность многочисленных субкультур, и восточных, и западных, каждая с присущими ей достоинствами и традициями. Поскольку выходцы из стран Востока стали большинством, то ашкеназское руководство Израиля признало, что они имеют право на престижную репутацию и на более активное участие в принятии государственных решений.

Однако в одной сфере восточные евреи, несомненно, не нуждались в “милостях” ашкеназов. В этой сфере — а именно в политике — численность населения имела определяющее значение. К началу 1960-х гг. лидеры многих политических партий уже осознали необходимость привлекать не одни только европейские голоса и принялись включать восточных евреев в списки кандидатов на выборы в *кнесет* — как правило, на “безопасные” места, то есть ближе к концу списка. Таким образом, число восточных евреев в *кнесете* шестого созыва практически удвоилось по сравнению с предыдущим. В 1965 г. восточные евреи составляли более 12% всех членов *кнесета*, и один представитель сефардов получил министерский портфель. Но если на общенациональном уровне их успехи можно назвать не очень выдающимися, то следует отметить, что разительных успехов восточные евреи добились на выборах в органы местного самоуправления.

Их достижения стали заметными уже в 1963 г., когда несколько богатых евреев иракского происхождения, жители Рамат-Гана и Иерусалима, организовали общенациональное движение выходцев из стран Востока. Это движение сначала сосредоточило свои усилия на поддержке местного “этнического”, то есть восточного, списка в Беэр-Шеве. Отреагировав на эти действия, лидеры партии *Манай* в Беэр-Шеве спешно подыскали для своего списка кандидата восточного происхождения. Им стал судья Элиягу Нави, иракский еврей, которого родители привезли в Палестину в тринадцатилетнем возрасте и который, происходя из рабочей семьи, самостоятельно сделал карьеру. В результате выборов в Беэр-Шеве пришла к власти коалиция, возглавляемая Нави, причем в городском совете доминировали члены партии *Манай*, но несколько мест получили представители восточного списка. За неделю до этого выборы прошли в портовом городе Ашдоде, где большинство населения (16 тыс. человек) составляли выходцы из стран Северной Африки. Здесь победу также одержала коалиция, возглавляемая партией *Манай*, причем мэром стал выходец из Египта Роберт Хаим, а его заместителем — тоже североафриканский еврей, Альберт Боскила. Таким образом, можно было говорить о намечающейся тенденции. В 1950 г. всего 13% членов местных советов самоуправления были выходцами из стран Востока, но в дальнейшем эта цифра стремительно увеличивалась: 24% в 1955 г., 37,5% в 1959 г., 44% в 1965 и в 1969 гг. К 1970 г. выходцы из стран Востока возглавили городские советы в 30% еврейских населенных пунктов, и в 39% населенных пунктов они занимали посты заместителей мэров. Становилось очевидным, что это постоянно увеличивающееся политическое влияние скоро проявится и на правительственном уровне — во всяком случае, при определении кандидатов на посты заместителей министров.

Итак, политика стала той областью, где выходцы из стран Востока наконец добились существенного успеха. Появились также признаки наличия

определенных сдвигов и в такой области, как смешанные браки. Наглядным символом “нового” Израиля стала женитьба недавно избранного мэра Беэр-Шевы Элиягу Нави: сын говорящего по-арабски и носящего тюрбан иракского еврея, имевшего в Ираке двух жен, женился на дочери немецкого еврея, бывшего прусского офицера. Собственно говоря, еще в 1960-х гг. высокая степень эндогамных браков была характерна не только для ашкеназской и сефардской общин, но и для каждой из этнических составляющих этих общин. Так, выходцы из Ирака обычно вступали в брак с выходцами из Ирака, выходцы из Марокко — с выходцами из Марокко и т. д. И все же к 1969 г. доля смешанных браков между выходцами из европейских и восточных стран увеличилась, составив 17,4% от всего числа еврейских брачных союзов в Израиле. А ведь именно “смешение колен Израилевых” только и могло обеспечить окончательную и решающую гарантию еврейского национального существования в рамках мультинационального и плюралистического еврейского государства.

Глава XIX.

Десятилетие политических и дипломатических достижений

Кризис в системе верховной власти Израиля: “дело Лавона”

На протяжении нескольких лет после завершения операции *Кадеш* израильская политическая система не претерпевала, по существу, никаких изменений. Блестящая военная победа, несомненно, обеспечила коалиции, возглавляемой партией *Мапай*, возможность уверенно удерживать власть. Это с особой ясностью было продемонстрировано в ходе выборов 1959 г. в *кнессет* пятого созыва, когда Партия труда с союзниками одержала впечатляющую победу, получив 47 мест в *кнессете*. Перед выборами высказывались критические замечания относительно того, что стареющие ветераны партии слишком долго пребывают у власти. Бен-Гурион искусно парировал эти нападки, включив в список кандидатов новые имена, в том числе Абу Эвена, Моше Даяна и Шимона Переса. Эвен занял, в конечном итоге, пост министра образования, Перес — пост министра обороны, а Даян остался министром сельского хозяйства (пост, который он занимал с 1958 г.). Несмотря на все эти перемены и уверенную победу партии *Мапай* на выборах, *кнессет* столкнулся с серьезными проблемами, и срок деятельности коалиции оказался непродолжительным — точнее говоря, Бен-Гурион сам сократил его.

Вся ситуация возникла по вине Пинхаса Лавона, занимавшего ранее пост министра обороны. Лавон был вынужден уйти в отставку из-за катастрофического провала операции израильской разведки в Египте (Гл. XVII). Хотя он и получил почетный и влиятельный пост генерального секретаря *Гистадрута*, Лавон никак не мог забыть крайне неприятные обстоятельства своего ухода из правительства и вынашивал планы ответного удара. Шли годы, и он беспомощно наблюдал за тем, как ключевые министерские посты занимают дру-

гие. Было ясно, что Бен-Гурион готовил себе на смену молодых политиков, пользовавшихся его покровительством, и, среди прочих, Даяна и Переса, о которых Лавон думал с особой неприязнью. И эти политические деятели, и другие, менее известные технократы один за другим занимали важные посты в армии, в правительстве, а также в партийном аппарате *Манай*.

Надо сказать, что в *Манай* на протяжении уже ряда лет назревал тихий бунт против старой партийной олигархии, ветеранов второй и третьей *алии*. Даян, вступивший на политическое поприще в 1958 г., сразу же присоединился к “Молодой гвардии” (группа молодых деятелей партии, тесно связанная с Д. Бен-Гурионом) и довольно скоро стал ее неформальным лидером; большинство своих политических заявлений он сделал именно на ее собраниях.

Однако Даян довольно скоро перенес направленность критических выступлений “Молодой гвардии” с внутривнутрипартийных дел на общее положение дел в израильском обществе. Ставя под сомнение многие традиционные ценности рабочего движения, он подвергал самой острой критике принятые в *Гистадруте* методы составления коллективных договоров и принципы защиты неумелых и малопроизводительных работников. Даян, совместно со своим другом и союзником Шимоном Пересом, призывал перенести основное внимание с “идеологии халуцианства” на “эффективность государственной деятельности”. Они утверждали, что технократия и меритократия (власть достойных), а не право старшинства и идеология должны отныне стать определяющими принципами современной администрации. Перес, Даян и их сторонники впоследствии приняли самое активное участие в преобразовании существовавших еще до становления государства добровольных институций в “официальные” государственные агентства. Сам Бен-Гурион, следуя — возможно, и неосознанно — курсу, предложенному Жаботинским, показал пример в этом плане, учредив единую армию и систему образования. Теперь “Молодая гвардия” настаивала на аналогичных преобразованиях в системе больничных касс, медицинских учреждений *Гистадрута*, с целью создания системы государственного социального медицинского обслуживания, а также на национализации автобусного транспорта и целого ряда культурных учреждений, находившихся в сфере компетенции *Гистадрута*. Они также говорили о необходимости вновь ввести политику строгой экономии и заморозить рост уровня жизни для того, чтобы изыскать средства на развитие Негева и отраслей экономики, производящих товары на экспорт. Все эти предложения шли вразрез с традиционной политикой *Гистадрута*.

Собственно говоря, Лавон и его коллеги не оставались глухими к требованиям времени. Нередки бывали ситуации, когда они демонстрировали сдержанный подход к повышению заработной платы своим сторонникам. На про-

тяжении периода 1955–1959 гг. Лавон, как генеральный секретарь *Гистадрута*, осуществил целый ряд далеко идущих изменений в его структуре — таких, как децентрализация *Солель боне*, повышение квалификации персонала *Гистадрута*, принятие новых правил работы автобусных кооперативов. Однако Лавон не хотел и слышать о переменах, связанных с больничными кассами, — медицинское страхование было самым значительным стимулом для привлечения новых членов *Гистадрута* и основой власти самого Лавона. В 1958 г. Лавон, уязвленный ростом популярности и влияния Даяна, перешел в контрнаступление, обвинив Даяна и его друзей в “карьеризме” и заявив, что традиционные лидеры, социалисты-сионисты из поколения *халуцим*, должны сохранять главенствующее положение, а иначе Израиль утратит свою особую роль. Упреки и нападки Лавона не смогли повредить репутации лидеров нового поколения — ведь те, помимо всего прочего, пользовались энергичной, хотя и не особо афишируемой, поддержкой самого Бен-Гуриона.

Но вот в апреле 1960 г. в распоряжение Лавона неожиданно попала критически важная информация, которая позволила ему по-новому взглянуть на свое политическое будущее. Глава секретной службы *Мосад* Исер Ѓарэль¹,

1 Ѓарэль Исер (наст. фамилия Гальперин; 1912–2003) — Глава секретной службы Государства Израиль (1948–1963 гг.). Родился в семье промышленника. В 1922 г. семья Ѓарэль покинула Советскую Россию и эмигрировала в Латвию. В 1928 г. Ѓарэль закончил ивритскую гимназию и после курса подготовки к сельскохозяйственному труду на одной из халуцианских ферм в 1930 г. приехал в Эрец-Исраэль. В 1930–1935 гг. был членом *кибуца* в Нижней Галилее и одновременно бойцом *Гаганы*. В середине 1940-х гг. был направлен на работу в Службу информации (разведку) *Гаганы*. В начале 1948 г. он стал главой Службы безопасности Тель-Авива и прилегающего округа. В июне 1948 г. был назначен руководителем *Шабак* (аббр. от *Шерут битахон кляли* — Общая служба безопасности) Государства Израиль, а с сентября 1953 г. по март 1963 г. он был главой *Мосада* (букв. “учреждение”, “ведомство”; полное официальное название — “Управление по делам разведки и специальных операций”). В эти же годы Ѓарэль возглавлял Объединенный комитет руководителей израильских секретных служб и был советником главы правительства по вопросу безопасности. Главной заслугой Ѓарэля явилось создание секретных служб еврейского государства и превращение их в одну из лучших спецслужб мира. Возглавляемая Ѓарэлем разведка отличалась от подобных структур других стран тем, что ее задачей с самого начала являлось также выявление и обличение организаторов антисемитских кампаний, розыск и наказание нацистских преступников, а также оказание помощи еврейским общинам тех стран, где возникала реальная угроза для жизни и безопасности евреев. *Мосад* под руководством Ѓарэля провел ряд блестящих операций; некоторые из них до сих пор не подлежат огласке. Вот некоторые из тех, о которых было официально сообщено: подпольная (1956–1960 гг.) и неофициальная (1961–1964 гг.) репатриация 100 тыс. евреев из Марокко, спасение летом 1951 г. нескольких сот евреев города Бизерта (Тунис), которые были тайно вывезены *Мосадом* накануне готовящегося погрома, своевременное выявление участия бывших нацистских инженеров и ученых в реализации планов Г. Насера по созданию в Египте ракетного оружия, поимка в Аргентине и тайная доставка в Израиль А. Эйхмана.

изучая протоколы комиссии Ольшана—Дори (1954—1955 гг.) по делу провалившейся египетской операции, обратил внимание на две несообразности в показаниях полковника Биньямина Джибли, бывшего тогда главой военной разведки Израиля, и довел свои замечания до сведения Лавона. Так, Джибли заявил, что Лавон лично отдал приказ о взрыве в каирском кино-театре, сделав это на совещании, проходившем в его, Лавона, доме. Однако в действительности это совещание проходило через неделю после провала всей операции. Что касается второй несообразности, это была копия письма Джибли, адресованного Даяну, содержащая фразу “согласно приказу министра обороны”. В деле же был подшит оригинал письма, в котором не имелось этой принципиально важной для следствия фразы — то есть, по всей вероятности, копия письма, представленного в адрес комиссии Ольшана—Дори, была подделкой. В мае Лавон довел новые свидетельства до сведения премьер-министра и потребовал своей полной реабилитации по делу, связанному с провалом египетской операции. Пообещав немедленно расследовать все обстоятельства этого дела, Бен-Гурион назначил новую комиссию под председательством судьи Верховного суда Хаима Кофена.

Едва комиссия Кофена начала свою работу, ее вниманию была предложена новая, еще более поразительная информация. За полгода до рассматриваемых событий, в ноябре 1959 г., в Иерусалиме проходили слушания по делу Пауля Франка, бывшего офицера связи европейского отдела израильской разведки. Франк обвинялся в государственной измене, и дело слушалось на закрытых заседаниях. Судя по всему, Франк был двойным агентом, который избежал ареста в Египте, предав там своих друзей. Давая показания перед окружным судом, Франк пригрозил, что он “не намерен тонуть в одиночку”. Далее он признался, что дал ложные показания, выступая в качестве свидетеля перед комиссией Ольшана—Дори. В 1955 г. он заявил, что не получал никаких указаний от своего руководства. Выяснилось, однако, что помощник Джибли дал Франку подробную информацию о слушаниях в комиссии Ольшана—Дори и проинструктировал его относительно того, какие именно показания ему следует давать, чтобы дискредитировать Лавона. Тогда Франк поступил согласно приказу начальства. Сейчас же, в Иерусалиме, в ожидании двенадцатилетнего срока заключения (к которому он и был в конечном итоге приговорен), Франк решил отомстить. Эта информация также стала достоянием Лавона, и он был просто поражен. В сентябре 1960 г., вернувшись из проведенного за границей отпуска, генеральный секретарь *Гистадрута* глухо намекнул в беседах с журналистами, что в свое время его “подставили” по политическим соображениям. Он потребовал, чтобы ему предоставили возможность выступить перед комиссией *кнесета* по иностранным делам и обороне. На протяжении последующих не-

дель состоялось несколько полных драматизма заседаний комиссии, причем некоторые фрагменты стенограммы каким-то образом попали на страницы газет. При этом, в ответ на высказанные Лавоном обвинения в клевете и лжесвидетельстве, сотрудники Министерства обороны распространили информацию о его некомпетентных действиях на посту министра обороны в 1954–1955 гг. Широкая общественность была заинтригована. Египетская операция 1954 г. и ее последствия все еще оставались засекреченными. В 1960 г. государственная цензура допустила к печати лишь информацию самого общего характера о том, что некоторое время тому назад в системе Министерства обороны имели место “весьма прискорбные события”, что Лавон был признан ответственным за случившееся и оставил пост министра обороны “не без тени подозрения” — а теперь, пять лет спустя, открылись новые обстоятельства, которые Лавон решил использовать в благоприятном для себя плане, вследствие чего возникли острые разногласия между высокопоставленными правительственными чиновниками и деятелями партии *Манай*. Страну охватило чувство неясного беспокойства. Неужели Лавон — это современный Дрейфус?

В октябре 1960 г. был опубликован отчет комиссии Кофена. В нем утверждалось, что в ходе слушаний, проводившихся комиссией Ольшана—Дори в 1955 г., имели место лжесвидетельства, причем столь значительные, что сам факт их наличия делает выводы комиссии Ольшана—Дори недействительными. При этом, однако, в отчете указывалось, что предъявление иска по этим обстоятельствам не представляется возможным, поскольку комиссия Ольшана—Дори имела неофициальный характер, и к тому же с тех пор прошло немало времени. Тогда, ободренный этим отчетом, Леви Эшколь, самый уважаемый представитель партии *Манай*, отправился к Шарету, занимавшему в 1955 г. пост премьер-министра, и они вдвоем выработали компромиссную формулировку с целью выхода из политического тупика. В середине октября Шарет выступил с заявлением о том, что если бы в 1955 г. в его распоряжении имелись существующие теперь свидетельства, он бы расценил их как “убедительное подтверждение” версии, предложенной Лавоном — хотя, тем не менее, все равно скорее принял бы отставку Лавона, нежели согласился бы уволить Переса. Шарет и Эшколь надеялись, что такое заявление умиротворит как Лавона, так и его соперников, Переса и Даяна. Так оно и вышло. Лавон, после недолгого размышления, объявил, что он удовлетворен, поскольку это “стирает порочащее пятно” с его имени. Казалось, что “дело Лавона” закончено.

В действительности же все оказалось не так просто. Заявление Шарета прямо-таки разъярило Бен-Гуриона. Он заявил, что сказанное — клевета на его любимую армию и, более того, угроза Лавона и “старой гвардии” *Манай* в адрес его молодых соратников. К тому же премьер-министр прямым

текстом отверг “эту якобы окончательность” и отчета Кофена, и заявления Шарета, выступив с требованием создать юридическую комиссию для рассмотрения всего дела. Потрясенные этим неожиданным взрывом негодования, члены кабинета министров тем не менее сформировали комиссию под председательством министра юстиции Пинхаса Розена², дабы еще раз рассмотреть все факты “дела Лавона”. Эта комиссия 21 декабря единогласно приняла решение: Лавон не отдавал приказа о действиях, приведших к “столь прискорбным событиям”. Комиссия также заявила, что данный вопрос решен раз и навсегда.

И если бы так оно и было! Но возмущенный Бен-Гурион принялся настаивать на том, что все доказательства могут получить объективную оценку лишь в ходе юридического расследования. Когда центральный комитет партии *Мапай* высказал было сомнения относительно целесообразности такого подхода, Бен-Гурион пригрозил отставкой. Впрочем, не на всех эта угроза произвела одинаковое действие. В январе 1961 г. “Интеллектуальный комитет” (образованный профессорами Еврейского университета в Иерусалиме) выступил с заявлением для печати, в котором подверг резкой критике “диктаторские” методы Бен-Гуриона и заклеил их как угрозу демократии. Несколько студенческих групп последовали примеру своих учителей и организовали “Комитет в защиту демократии”, который неоднократно выступал с протестами на митингах и в печати. Разумеется, вся эта история получила широкое освещение в газетах, причем большинство журналистов поддерживало Лавона. И тут члены кабинета министров от других партий — *Мапам*, *Ахдут ха-авода*, Прогрессивной партии — известили *кнесет*, что они “поддерживают правительство, потому что оно выступает против премьер-министра...”. Это непростое по форме заявление, по сути дела, имело весьма простой смысл: вотум доверия правительству без Бен-Гуриона.

На следующий день Бен-Гурион поразил своих коллег, действительно подав заявление об отставке. В состоянии шока, желая убедить премьера переменить свое решение, центральный комитет партии *Мапай* постановлением от 4 февраля 1961 г. исключил Лавона из своего состава и освободил его от обязанностей генерального секретаря *Гистадрута*. Это была серьез-

2 Розен Пинхас (Феликс Розенблют; 1887–1978) — сионистский лидер и израильский политический и государственный деятель. В 1905 г. был в числе основателей Союза еврейских студентов в Германии. Во время Первой мировой войны — офицер германской армии. В 1920–1923 гг. глава Сионистской организации Германии. С 1931 г. жил в Эрец-Исраэль, был одним из руководителей партии Общих сионистов. В 1948–1961 гг. — лидер Прогрессивной партии, в 1949–1968 гг. — член *кнесета*. В 1948–1961 гг. — министр юстиции, сыграл выдающуюся роль в формировании судебной и юридической систем Государства Израиль.

ная ошибка. Ряд ведущих деятелей партии *Манай* — каково бы ни было их личное мнение относительно значимости и молодых лидеров, и принципа эффективности государственной деятельности — буквально пришли в ужас от такого беспепеляционного решения. По инициативе “Интеллектуального комитета” они образовали идеологическую фракцию под названием *Мин ѓа-йесод* (“Из основ”), причем интересно, что свой лозунг, требующий демократизации партии, они сформулировали на языке, свойственном скорее Даяну с Пересом. Оказавшись не в состоянии отменить решение, принятое против Лавона, члены этой группы в конце концов вышли из состава партии *Манай*. К середине февраля все коалиционные партии формальным образом прекратили контакты с *Манай* — до тех пор, пока Бен-Гурион оставался кандидатом от *Манай* на пост премьер-министра. После того как затянувшиеся на несколько недель межпартийные переговоры не дали результатов, на следующий август были назначены новые выборы — через два года после триумфальной победы *Манай* в 1959 г.

Предвыборная кампания началась довольно апатично. Активисты партии *Манай* всячески подчеркивали успехи партии, давшей стране мир, безопасность и благосостояние, но население на этот раз оставалось равнодушным. “Дело Лавона” лишило Бен-Гуриона всей его былой популярности. Партия тоже потерпела неудачу на выборах, потеряв пять мест в *кнессете* (с сорока семи количество мест снизилось до сорока двух). Потребовалось два месяца, чтобы сформировать разнородную коалицию, причем за ее пределами остались *Мапам* и Либеральная партия. Хотя Бен-Гурион и сохранил пост премьер-министра, но без привычных союзников “Старик” ощущал, что его свобода действий существенно ограничена по сравнению с предыдущими правительствами. По правде говоря, он так и не оправился после всей той горечи и ожесточения, которые принесло ему “дело Лавона”.

Последствия и отголоски: перестройка политических партий

Другие партии, не мешкая, воспользовались разбродом в рядах *Манай*. Весной 1961 г. начались переговоры между партией Общих сионистов и Прогрессивной партией, с целью последующего слияния. Обе партии ощущали, что настало время предпринять решительную атаку на традиционно доминирующее положение партии *Манай*. В апреле, после непродолжительных и конструктивных дискуссий (что было характерным для центрально-европейской ментальности их лидеров) они объединились, образовав Ли-

беральную партию³. Предвыборная платформа либералов перед выборами в *кнесет* пятого созыва предусматривала передачу государству всех социальных служб, находящихся в ведении *Гистадрута*, признание равных (наряду с государственными предприятиями) прав для частной инициативы, ограничение государственного вмешательства в экономическую деятельность, неукоснительное соблюдение индивидуальных свобод. На выборах 1961 г. Либеральная партия получила 17 мест в *кнесете*.

Такое же количество мест получила и партия *Херут*, также находившаяся в оппозиции. Очевидно, что ни одна из групп сама по себе не оказалась в силах подорвать превосходство Партии труда. Таким образом, в начале 1964 г. у правых и центристов одновременно возникла идея объединения в общий парламентский блок. Большинство депутатов от *Херут* и либералов с одобрением отнеслись к такой возможности. Однако семь (из семнадцати) депутатов от Либеральной партии, практически все — бывшие члены Прогрессивной партии, отказались от такого союза, поскольку политика *Херут* была для них излишне воинственной; они предпочли образовать Независимую либеральную партию — последний оплот центрально-европейской умеренности в Израиле. Никак не отреагировав на это отступничество, *Херут* и большинство либералов довели переговоры до решающей точки и подтвердили свое соглашение, образовав объединенный парламентский блок, получивший название *Гахаль*. Однако их политическая платформа была фактически идентична платформе Либеральной партии на выборах 1961 г., и проведение совместной избирательной кампании накануне выборов 1965 г. в *кнесет* дало блоку *Гахаль* не очень-то впечатляющий результат — 26 мест.

В партии *Мапанай* за период с 1961 г., когда она (пусть даже ослабленная и пошатнувшаяся) вновь получила контроль над правительством, не произо-

3 Либеральная партия в Израиле (*Га-Мифлага га-либералит бе-Израэль*) — сионистская партия, образованная в 1961 г. в результате объединения Прогрессивной партии и партии Общих сионистов. В 1965 г. на съезде партии было принято решение о создании единого блока с движением *Херут* — *Гахаль*. Меньшинство, в основном бывшие члены Прогрессивной партии, отказались принять это решение и образовали партию Независимых либералов, участвующую во всех коалиционных правительствах в 1965–1973 гг. Во всех правительствах Независимые либералы безуспешно боролись за осуществление своих основных программных требований: принятие закона о государственном медицинском страховании, о гражданских браках, о принудительном арбитраже трудовых конфликтов в общественном секторе. Несмотря на присутствие их членов в правительстве, эти требования не были выполнены. На выборах в *кнесет* 1973 г. Независимые либералы не смогли провести ни одного депутата, после чего присоединились к блоку *Маарах*. На парламентских выборах 1965 г. Либеральная партия в составе блока *Гахаль* получила 12 мест. После победы на выборах в *кнесет* 1977 г. Либеральная партия смогла осуществить ряд своих принципиальных требований в отношении создания в стране более либеральной экономической системы.

шло никаких существенных перемен. Поначалу казалось, что партия выдержала испытания, связанные с “делом Лавона”. Тем не менее позиции самого Бен-Гуриона становились все более неустойчивыми, поскольку он стоял во главе кабинета, который фактически сформировал другой человек — Леви Эшколь. Негативное воздействие на положение Бен-Гуриона оказывала и набирающая силу оппозиция партийной верхушки, члены так называемого “Блока”, влиятельные активисты с большим партийным стажем в центральном комитете, которые группировались вокруг Голды Меир, Шраги Нецера и Залмана Арана. По-прежнему оставалась трещина в отношениях между представителями “Молодой гвардии”, которым покровительствовал Бен-Гурион, и “Блоком”. Первые продолжали настаивать на привнесении в работу кабинета министров духа эффективности и технократии. Последние, в неофициальном альянсе с лавонистами, подвергали критике принцип эффективности государственной деятельности как противоречащий традиционным ценностям рабочего сионизма, утверждая, что сохранение идеологических позиций в общественной и политической деятельности расценивается партией как критически важный фактор, от которого невозможно отказаться с легкостью. Месяц проходил за месяцем, принося постепенное осознание того факта, что разрыв между двумя фракциями партии становится все более и более непреодолимым. В июне 1963 г. Бен-Гурион, не будучи в состоянии далее выносить эту фракционную борьбу, неожиданно ушел в отставку. Удалившись в свой *кибуц* Сде-Бокер в Негеве, старый воин дал явственно понять, что его решение оставить политику является окончательным. Отдав всю жизнь делу сионизма, Бен-Гурион привел свой народ к независимости и национальному суверенитету. Он определял направление развития государства на протяжении пятнадцати лет, с небольшим перерывом. И вот, в возрасте 76 лет, вернувшись, как древний Цинциннат⁴, к простоте сельской жизни, он передал другим бразды правления страной. Его уход заставил все общество задуматься. Даже его политические враги не могли не признать, что, при всех своих колебаниях и вспыльчивости последних лет, Бен-Гурион, как никто другой из его современников, смог воплотить мечту народа Израиля в жизнь со свойственной ему отвагой и целеустремленностью. Другого такого лидера у страны не будет.

4 Цинциннат Луций Квинкий — древнеримский государственный деятель, консул 460 г. до н. э., римский диктатор 458 и 439 гг. до н. э. В Древнем Риме Цинцинната считали символом добродетели и простоты, одним из героев раннего периода истории Римской республики. Первый раз он был диктатором, когда племя эквов начало угрожать Риму, окружив римскую армию в горах. Цинциннат в это время занимался земледелием. Он возглавил римские войска и через шесть дней разбил армию эквов. Он правил всего 14 дней и вернулся к сельскохозяйственной деятельности. Второй раз он был назначен диктатором в конце жизни для подавления восстания римского плебса.

Бен-Гурион сам избрал Леви Эшколя своим преемником. Эшколь занял пост премьер-министра, пользуясь репутацией человека, умеющего врачевать раны. Леви Школьник (свою фамилию он сменил в 1948 г.) родился на территории Российской империи в 1895 г. и приехал в Палестину в 1914 г., уже к концу второй алии. Работая в Петах-Тикве, а потом на виноградниках в Ришон-ле-Ционе, он стал ревностным сторонником Агарона-Давида Гордона и его “религии труда”, согласно которой работа должна превратиться из средства заработка в цель жизни человека. Трудолюбивый, терпеливый и скромный, Эшколь обладал значительными организационными способностями и выполнял в годы *ишува* целый ряд важных функций. Он вступил (весной 1918 г.) в Еврейский легион, а после демобилизации, в 1920 г., стал одним из основателей кибуца Дганья. Потом, по поручению *Гаганы*, отправился в Европу для закупки оружия; был одним из основателей *Гистадрута*, директором поселенческого отдела Еврейского агентства в Берлине, генеральным секретарем тель-авивского рабочего совета. После образования государства Бен-Гурион сразу же сделал Эшколя генеральным директором Министерства обороны.

Наиболее созидательно и успешно Эшколь работал в качестве директора поселенческого отдела Еврейского агентства с 1949 по 1953 г., занимая при этом (в 1950–1952 гг.) пост министра сельского хозяйства. Выполняя обе эти функции, он в высшей степени эффективно организовал массовую абсорбцию репатриантов. В период 1952–1960 гг. Эшколь занимал ключевой пост министра финансов, будучи, таким образом, наделенным всеми необходимыми полномочиями для решения проблем национальной экономики. Помимо всего прочего, он обладал выдающимися способностями к ведению переговоров и улаживанию противоречий, возникавших в процессе деятельности правительства — и потому ни один человек не поставил под сомнение его право стать в 1963 г. естественным преемником Бен-Гуриона. Человек крепкого телосложения, с открытым лицом, Эшколь во многом отличался от своего предшественника. Он не обладал ни харизмой Бен-Гуриона, ни его глубоким интеллектом. Он был, скорее, прирожденным членом различных комитетов и комиссий, обладавшим даром тщательно планировать предстоящие начинания и ладить с людьми. Неутомимый в ведении дискуссий, он одерживал верх над собеседниками благодаря мягкой, но настойчивой аргументации. Никогда еще страна не знала такого политического деятеля — толерантного, отзывчивого, умевшего говорить с народом и пользовавшегося всеобщей любовью.

Однако ситуация, доставшаяся Эшколю в наследство, могла бы поставить в тупик любого государственного деятеля. Сменив ушедшего в отставку Бен-Гуриона, Эшколь довольно скоро понял, что “Старик” так и не смог окончательно забыть о “деле Лавона”. Два года тому назад, после предыду-

ших выборов в *кнесет*, он попросил журналиста газеты *Давар* Хагая Эшеда собрать и систематизировать все имеющиеся материалы по “каирскому делу” 1954 г. Эшед закончил работу над этой подборкой 14 июня 1963 г., за два дня до того, как Бен-Гурион заявил о своей отставке, намереваясь заняться пересмотром “дела Лавона”, не будучи ограниченным занимаемой должностью. В октябре 1964 г. Бен-Гурион направил подборку материалов, связанных с “делом Лавона”, генеральному прокурору страны, чтобы тот высказал свое мнение по этому поводу. Генпрокурор это мнение высказал — в декабре, адресовав свой ответ кабинету министров. Он подверг беспощадной критике все стадии расследования и особенно выводы, сделанные министерским “Комитетом семи”, который возглавлял Розен, главный неприятель Бен-Гуриона. Мнение генерального прокурора стало свидетельством, подтвердившим правоту самого Бен-Гуриона, его любимых вооруженных сил и молодых политиков, пользовавшихся его покровительством.

Сразу же после отставки Бен-Гуриона началась ожесточенная борьба за его политическое наследие. До ухода с политической сцены он сам обеспечивал сохранение равновесия между двумя группами. Но теперь Эшколь — которого Бен-Гурион выбрал как человека политически нейтрального, как приемлемую для всех фигуру — стал все более склоняться к ветеранам “Блока”. Те же, кто пользовался покровительством Бен-Гуриона, — Перес, Даян, Эвен, Йосеф Альмоги — довольно скоро обнаружили, что их отстранили от принятия основных политических решений. Более того, в 1964–1965 гг. Эшколь и партийные ветераны предприняли усилия по расширению своего политического союза. Не желая иметь дела ни с “Молодой гвардией”, ни с представителями выходцев из стран Востока, они обратились к партии *Ахдут га-авода*, некогда входившей в состав партии *Манай*, но на протяжении последних двух десятилетий представлявшей собой малочисленную отколовшуюся фракцию левой ориентации. Ее руководители, включая Игалья Алона и Исраэля Галили, пользовались уважением в стране, и можно было сказать с уверенностью, что они не поддадутся на уговоры “Молодой гвардии”, с ее технократическими концепциями и пренебрежением к теории социализма. К 1965 г. между двумя партиями было заключено предварительное соглашение относительно совместного электорального списка и списка депутатов *кнесета*. Для заключения этого “брака по расчету” каждой из сторон пришлось принести в жертву кое-какие положения своей идеологической платформы. Но, пожалуй, наиболее значительную уступку сделала *Манай*, согласившись отказаться от своей многолетней борьбы за электоральную реформу, то есть за проведение выборов по избирательным округам, а не по партийным спискам. Такое решение стало, по сути дела, обязательством воздерживаться от дальнейших усилий по подрыву “избирательной” основы малых рабочих партий. С другой стороны, представив себе, какая яростная битва предстоит им с Бен-Гурионом и его

последователями в рамках Соглашения, Эшколь и его ближайшие сторонники из числа партийных ветеранов сразу же подумали о методах и средствах обороны и с этой целью пригласили Лавона со сторонниками вернуться к активной партийной деятельности.

Бен-Гурион, как нетрудно было предвидеть, пришел в ярость от этих действий и впервые открыто выступил против Эшколя и членов “Блока”, обратившись в Верховный суд с требованием расследовать обстоятельства, при которых в 1960 г. рассматривалось “дело Лавона”; он также подверг резкой критике отказ от давнего намерения *Манай* проводить выборы по избирательным округам. Нимало не обескураженный, Эшколь совместно с членами Блока провел через исполком партии *Манай* решение в пользу Соглашения, а также решение против пересмотра “дела Лавона”. В ответ на это Даян вышел из кабинета министров, после чего Эшколь сделал все для удаления Переса и Альмоги, последних остававшихся сторонников Бен-Гуриона. В феврале 1965 г. на ежегодной партийной конференции в Тель-Авиве “старая гвардия” партии *Манай* и *Гистадрута* предприняла решительную атаку на Бен-Гуриона и его сторонников. Даже умирающий Шарет приехал из больницы, чтобы высказать свои обвинения человеку, который в 1956 г. отправил его в отставку. Голда Меир также выступила с саркастическими замечаниями в адрес бывшего премьер-министра. Конференция полностью одобрила Соглашение с *Ахдут ха-авода*, а также приняла решение больше не возвращаться к “делу Лавона”.

На этом, однако, борьба между сторонниками Бен-Гуриона и Эшколя, в рамках как *Манай*, так и *Гистадрута*, не закончилась. Верные Бен-Гуриону члены *Манай* предприняли все, что было в их силах, дабы выдвинуть Бен-Гуриона кандидатом от партии на предстоящих выборах в *кнесет* шестого созыва, однако исполком партии повернул голосование в пользу Эшколя. После этого Бен-Гурион вместе со своими союзниками, и в первую очередь Даяном и Пересом, вышел из рядов *Манай* и основал новую партию, *Рафи*⁵ (Израильский рабочий список), члены которой, объявив о том,

5 *Рафи* (*Решимат полей Исраэль*) — политическая партия, созданная Д. Бен-Гурионом в 1965 г. в результате его разногласий с Л. Эшколем и другими руководителями партии *Манай* по поводу “дела Лавона”. В феврале 1965 г. семь членов *кнесета* от *Манай*, к которым позднее присоединился М. Даян, сформировали собственный список (*Рафи*). Но на выборах в *кнесет* шестого созыва в декабре 1965 г. *Рафи* получила всего десять мандатов. Накануне Шестидневной войны 1967 г. партия *Рафи* присоединилась к правительству национального единства Л. Эшколя, М. Даян был назначен министром обороны. 21 января 1968 г. *Рафи* вместе с *Манай* и *Ахдут ха-авода* сформировали Израильскую партию труда. Часть членов *Рафи* во главе с Д. Бен-Гурионом, выступивших против объединения, откололись от *Рафи* и создали собственную партию — Государственный список, получившую на выборах в *кнесет* 1969 г. четыре мандата. В *кнесете* следующих созывов партия *Рафи* не имела своих представителей, часть членов *Рафи* присоединилась к *Лихуду*, другие — к Израильской партии труда.

что они представляют интересы динамичного молодого поколения Израиля, провозгласили себя носителями обновленного национального духа. Таким образом, партия *Манай* оказалась в самом тяжелом политическом положении со времен основания государства. Идеалистические настроения партии, похоже, увяли и поблекли, а противники социализма выступили единым фронтом.

Выборы 1965 г. оказались самыми продолжительными, самыми напряженными, самыми нечистоplotными и самыми дорогостоящими во всей истории Израиля. Можно сказать, что они стали таковыми в немалой степени из-за едва ли ни параноического ожесточения, с которым Бен-Гурион обрушился на Эшколя и его сторонников. Бывший премьер-министр обрисовал всю верхушку партии *Манай* как затхлое и бесплодное сборище партийных функционеров и охотников за должностями. В качестве альтернативы он и его последователи из партии *Рафи* обещали избирателям новые горизонты, новые идеалы, торжество технократии и электоральную реформу. Однако предвыборная кампания новой партии провалилась. Хотя кандидаты от *Рафи* и одержали победу в нескольких городах, включая Иерусалим и Хайфу, союз партий *Манай* и *Ахдут ха-авода* получил 45 мест в *кнесете*. Как уже было сказано, 26 мест получил *Гахаль*, блок *Херут* и Либеральной партии. Что касается *Рафи*, то, даже возглавляемая Бен-Гурионом, партия получила лишь десять мест. Таким образом, “Старик” со своими ближайшими соратниками скатились до положения малой партии, чье влияние полностью сошло на нет и внутри рабочего движения Израиля, и в стране в целом. Надо признать, что на выборах не удалось убедительно продемонстрировать идею Бен-Гуриона о преимуществах новой *Манай* перед старой *Манай* и разницу между новым поколением прагматичных экономистов, ученых, менеджеров, с одной стороны, и скованными традициями стариками догматиками — с другой. Убедительная победа Эшколя означала, прежде всего, что Бен-Гурион, еще недавно пользовавшийся столь глубоким уважением, утратил свой авторитет, лишившись душевного равновесия и умения видеть вещи в истинном свете из-за того, что в “деле Лавона” он потерял всякое чувство меры. К тому же избиратели одобрили предложенный Эшколем иной, менее напряженный стиль политического руководства, выразив тем самым поддержку правительству, которое, как многие надеялись, будет требовать меньше самопожертвования от народа, уставшего жить в состоянии непрерывного кризиса.

Как только были оглашены результаты выборов и сформирован новый коалиционный кабинет, Эшколь принялся укреплять партнерство между партиями *Манай* и *Ахдут ха-авода* и, будучи умелым политиком и примирителем, весьма преуспел в этом начинании. Различия между платфор-

мами этих партий постепенно стирались. Со временем ему удалось даже сгладить последствия разрыва с *Рафи* (хотя, разумеется, не с самим Бен-Гурионом). С одной стороны, Даян, Перес, Альмоги и Аба Хуши (влиятельный мэр Хайфы) начали осознавать, что пребывание в политической изоляции только наносит им вред. С другой стороны, после начала экономического спада престиж Эшколя не мог не пострадать, и потому руководство *Манаи* было готово пойти на определенные компромиссы. Ведь что бы там ни говорили, а Даян оставался самой известной фигурой в политической жизни Израиля, и его пребывание на посту министра обороны во время войны 1967 г. еще больше увеличило его популярность (Глава XXI). После того как наметилось возвращение Даяна во властные структуры, руководство партии *Ахдут *ла-авода** осознало необходимость соответствующих действий. В 1968 г., после затянувшихся переговоров, эти три партии согласились образовать, путем слияния, Израильскую партию труда⁶ с единым руководством. Министерские портфели были соответственным образом распределены между представителями всех партий. Бен-Гурион, которому было уже за 80 лет, наблюдая за процессом со стороны, не высказал никаких возражений по поводу того, что пользовавшиеся его покровительством политики вошли в объединенную Партию труда. От его внимания не ускользнуло то обстоятельство, что эта объединенная партия стала отчасти воплощением его заветной идеи о создании единой монолитной политической силы. Присоединение к ней партии *Манаим* было лишь вопросом времени; фактически лидеры *Манаим* уже высказывали согласие объединить свою парламентскую фракцию с депутатами от Израильской партии труда. К тому же “Старик” не мог не видеть, что его сторонники возвращались не в *Манаи*, а в полностью обновленную партию, где были готовы признать их свежие и прагматические идеи. Даян и Перес, получив весьма значимые министерские посты, могли теперь оказывать влияние на положение дел в стране. Пусть даже не удалось воплотить в жизнь идею проведения выборов по избирательным округам, но все же наметилась возможность решения одной из задач, поставленных Бен-Гурионом в рамках электоральной реформы: началось объединение множества мелких сионистских партий в несколько крупных парламентских блоков. Это стало серьезным достижением в политической жизни Израиля и значительным шагом на пути к ее обновлению.

6 Израильская партия труда (*Мифлегет *ла-авода *ла-исраэлит***) — сионистская социалистическая партия, созданная в 1968 г. при объединении *Манаи*, *Ахдут *ла-авода** и *Рафи*, составлявших в прошлом единую партию *Манаи*. Воссоединение произошло для сохранения руководящей роли в стране израильских социалистов. Лидеры партии неоднократно возглавляли правительство страны. С 2007 г. во главе Израильской партии труда стоит Э. Барак.

Процесс Эйхмана

На заседании *кнесета* 23 мая 1960 г. премьер-министр Бен-Гурион сделал сообщение, буквально потрясшее всех присутствующих:

“Я должен сообщить членам *кнесета*, что некоторое время тому назад израильские секретные службы захватили одного из главных нацистских преступников, Адольфа Эйхмана, который вместе с другими главарями нацистского режима несет ответственность за реализацию того, что было названо ими “окончательным решением еврейского вопроса”, — иными словами, за убийство шести миллионов европейских евреев. Эйхман уже находится в заключении на территории Израиля и вскоре предстанет перед судом на основании Закона от 1950 г. о наказании нацистских преступников и их пособников”.

Аудитория встретила слова премьер-министра растерянным молчанием. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем присутствующие осознали смысл сказанного. Потом они, один за другим, встали со своих мест, приветствуя сказанное одобрительными возгласами и аплодисментами. Сообщение Бен-Гуриона означало, что завершилась одна из самых поразительных операций послевоенного времени — поиски эсэсовского офицера, возглавлявшего Отдел по еврейским делам Главного управления государственной безопасности (РСХА) нацистской Германии. Именно этот офицер, Адольф Эйхман, находясь на указанном посту, непосредственно осуществлял “окончательное решение еврейского вопроса”. После войны практически все, входившие в ближайшее окружение Гитлера, были арестованы, и в ходе Нюрнбергского процесса или аналогичных судебных процессов их приговорили либо к смертной казни, либо к длительным срокам заключения. Немногие из них — Гиммлер, Геббельс, Геринг и, разумеется, сам Гитлер — покончили жизнь самоубийством. Большинство военных преступников понесли суровую кару — кроме нескольких, в числе которых был и Эйхман.

В апреле 1945 г. Эйхман приехал в Линц (Австрия), чтобы попрощаться с женой и детьми, после чего, вплоть до капитуляции Германии, скрывался в Альпах. Затем, с фальшивыми документами, он вернулся в Германию и сдался американцам. Он был помещен в лагерь для военнопленных, и никто не смог установить его истинную личность. Однако, когда его имя стало часто упоминаться на Нюрнбергском процессе, он решил бежать снова. Раздобыв новые фальшивые документы, он выбрался из американского сектора и отправился в советский. Там он вместе с еще несколькими беглецами на протяжении четырех лет работал на небольшой птицеферме. Вскоре имя Эйхмана как одного из главных виновников уничтоже-

ния евреев стало регулярно всплывать во время различных процессов над военными преступниками. Именно тогда усилиями тайной организации ОДЕССА⁷ он был переправлен сначала в Австрию, а оттуда в Италию. Там, в Генуе, священник-францисканец снабдил его фальшивым паспортом на имя Рикардо Клемента; 14 июля 1950 г. Эйхман получил аргентинскую визу и месяц спустя прибыл в Буэнос-Айрес. В Аргентине, в провинции Тукуман, где поселилось много бывших нацистов, он нашел работу в строительной компании. К 1952 г. он настолько обрел уверенность в своем положении, что вызвал к себе семью. Накануне его отъезда в Аргентину дети были еще маленькими, и им было сказано, что их отец умер — теперь они называли Эйхмана “дядя Рикардо”. Вскоре после приезда семьи в Аргентину Эйхман “женится” на матери своих детей, и она стала зваться “сеньора Клемент”.

В последующие годы Эйхман переменял несколько мест работы и наконец устроился на завод “Мерседес-Бенц”, где открыто представился как “подполковник СС в отставке Адольф Эйхман”. Он не сомневался, что его поиски прекращены. Собственно говоря, он не так уж и заблуждался на этот счет, поскольку официальные поиски действительно прекратились — после того, как изменились к лучшему отношения стран Запада с ФРГ. Но были и другие люди — в их числе те, кто выжил в нацистских лагерях смерти. Один из них, Симон Визенталь⁸, сразу после войны основал в Вене Ев-

7 ОДЕССА (аббр. от “Организация бывших членов СС”), создана в 1945 г. бывшими эсэсовцами при помощи Ватикана для организации бегства членов СС, военных, бывших функционеров Национал-социалистической партии, ответственных чиновников и руководителей Третьего рейха, которые могли быть обвинены союзниками в совершении военных преступлений. ОДЕССА переправила, в основном, в Латинскую Америку, а также в арабские страны тысячи военных преступников.

8 Визенталь Шимон (Симон; 1908–2005) — еврейский общественный деятель, посвятивший себя расследованию преступлений нацистов в годы Второй мировой войны и преследованию нацистских военных преступников. В 1928–1932 гг. учился в Чешском университете в Праге, а затем во Львовском университете. Получил диплом архитектора. В 1941 г. стал узником Львовского гетто. Принимал участие в еврейском Сопротивлении. Был заключенным Яновского концентрационного лагеря во Львове, Бухенвальда и Маутхаузена. 5 мая 1945 г. был освобожден из Маутхаузена американскими войсками. После освобождения Визенталь решил посвятить себя поиску военных нацистских преступников для последующего суда над ними. В 1945–1946 гг. работал в комиссии по военным преступлениям при американской армии в городе Линце (Австрия). В 1946 г. вместе с тридцатью бывшими узниками концлагерей создал в Линце Еврейский центр исторической документации, который занимался поисками нацистских преступников. В 1954–1961 гг. из-за резкого падения интереса к преступлениям нацистов по уничтожению европейского еврейства деятельность Центра была прекращена. После поимки А. Эйхмана и суда над ним в Иерусалиме Центр возобновил свою деятельность в Вене. Всего центр расследовал дела более 1100 военных преступников, участвовавших в геноциде еврейского народа, и добился судебного преследования многих из них.

рейский центр исторической документации и сделал целью своей жизни поиск нацистских преступников. Именно Визенталь смог отыскать редкую фотографию Эйхмана. С помощью евреев, прошедших через лагеря смерти, удалось пристроить одну женщину на место служанки в дом фрау Эйхман в Линце. Однако Эйхман не вступал в контакты со своей женой, опасаясь, что за ее домом ведется наблюдение, и лишь через некоторое время пригласил ее с детьми перебраться в Аргентину. Тем не менее Визенталь и Тувия Фридман⁹, у которого был свой центр документации в Вене (а позже в Хайфе), продолжали собирать информацию, буквально по крохам. Поддержка, оказываемая их организациям Еврейским агентством, носила чисто формальный характер. Было проработано несколько версий, и ни одна из них не дала обнадеживающих результатов. Но вот 5 февраля 1960 г. умирает отец Эйхмана, и Визенталь обращает внимание на то, что его некролог подписала, в числе других, Вера Эйхман, урожденная Лиبل. Таким образом, подтвердилось предположение, что “второй брак” этой женщины в Аргентине был инсценирован — она по-прежнему называла себя Верой Эйхман.

В 1977 г. Центр Симона Визенталья по изучению Катастрофы был создан в Лос-Анджелесе. В августе 1980 г. Визенталь был награжден специальной Золотой медалью конгресса США за гуманитарную деятельность. Визенталь является автором ряда книг — “Убийцы среди нас” (1967), “Подсолнух” (1969), “Паруса надежды” (1973) и др., — переведенных на многие языки мира.

- 9 Фридман Тувия (1922–2011) — еврейский общественный деятель, посвятивший себя разоблачению и преследованию нацистских военных преступников. Директор Института документации нацистских военных преступлений в Хайфе. Родился в Польше в семье владельца типографии. Летом 1940 г. был отправлен нацистами в рабочий лагерь. Бежал из лагеря и вернулся в гетто в Радоме. В октябре 1943 г. гетто в Радоме было уничтожено немцами. Фридман был послан в рабочий лагерь, который через несколько месяцев был превращен в концентрационный. В конце 1943 г., накануне депортации в Освенцим, сумел бежать из лагеря, скрывался несколько месяцев, надеясь присоединиться к партизанам, но был выдан местными жителями. Накануне расстрела в конце 1944 г. убил сторожившего его немецкого офицера и бежал. После освобождения Гданьска Советской армией зимой 1945 г. Фридман стал офицером польской полиции. Так как вся его семья в годы Катастрофы была уничтожена, он решил посвятить свою жизнь поиску нацистских военных преступников. В течение первого же года им были арестованы и преданы суду сотни немецких военных преступников. После года работы он решил репатриироваться в Эрец-Израэль, но в 1946 г. встретил в Вене несколько эсэсовцев, руководивших депортацией евреев Радомы в концлагерь, и добился их ареста. После встречи с А. Бен-Натаном, руководителем организации *Бриха*, согласился помогать ему в работе по отправке в Израиль европейских евреев. Он был среди основателей Еврейского центра исторической документации Ш. Визенталья. С 1953 г. живет в Израиле. В 1953–1956 гг. возглавлял хайфское отделение мемориала *Яд ва-Шем* (см. прим. на стр. 602). В 1957 г. основал Институт документации нацистских военных преступлений, сыграл выдающуюся роль в установлении местонахождения А. Эйхмана.

В это же время Служба общей безопасности Израиля *Шабак* (*Шин Бет*) приступила к расследованию материала, полученного д-ром Феликсом Шинаром в Бонне из надежного источника — от д-ра Фрица Бауэра, Генерального прокурора земли Гессен, еврея по происхождению, который утверждал, что Эйхман живет в Буэнос-Айресе. Один из лучших агентов *Шабак* немедленно вылетел в Аргентину. Ему удалось быстро найти дом, где жило семейство Клементов. Теперь следовало получить ответ на главный вопрос — кем в действительности является муж Веры Эйхман. Израильскому агенту удалось, с использованием телеобъектива, сфотографировать этого человека. Фотография была переправлена в Израиль, где эксперты сопоставили ее со старыми фотографиями Эйхмана и обнаружили сходство в первом приближении. В начале марта 1960 г. в Буэнос-Айрес прибыло еще четверо агентов израильской разведки. Они установили неотрывное наблюдение за сеньором Клементом, и в конце марта их усилия увенчались успехом. Они увидели, что Клемент вернулся домой с букетом цветов. Для второго мужа сеньоры Клемент этот день не значил ровным счетом ничего — но в этот день, 21 марта 1935 г., в далекой Австрии Адольф Эйхман женился на Вере Либл.

Итак, этот человек оказался, безусловно, Адольфом Эйхманом, и теперь события могли развиваться лишь в одном направлении: его следовало похитить и переправить в Израиль. Власти Аргентины вряд ли были заинтересованы в том, чтобы арестовать его и отдать под суд, — до сих пор они не возбудили ни одного дела против нацистов, проживавших на территории страны. Более того, у правительства Аргентины не было юридических оснований удовлетворить просьбу Израиля об экстрадиции Эйхмана — даже если бы таковая и последовала. По счастливому стечению обстоятельств в середине мая в Аргентину прибывал с визитом Аба Эвен, которому был предоставлен реактивный транспортный самолет компании *Эль-Аль*. Во время пребывания Эвена в Аргентине экипаж самолета имел возможность совершить незапланированный рейс в Израиль и обратно. Итак, 11 мая у остановки автобуса, на котором Эйхман обычно приезжал домой с работы, остановились две легковые машины. Эйхман вернулся в обычное время и, выйдя из автобуса, направился к своему дому. Его окликнули два израильтянина, которые скрутили его, затолкали в машину и доставили на виллу, снятую заранее и расположенную в уединенном месте. Там Эйхман назвал свое имя и добавил: “Я нахожусь в руках израильтян”. На это ему ничего не ответили, только спросили (по-немецки), согласен ли он отправиться в Израиль и предстать перед судом за свои деяния. Опасаясь, что его ликвидируют тут же, на месте, Эйхман согласился и подписал соответствующее заявление, специально подготовленное израильтянами. Вечером, перед отлетом, он получил дозу наркотического препарата и на большом дорогом автомо-

биле был привезен в аэропорт. Внешне Эйхман вполне мог сойти за “богатого большого путешественника” — как его называли сопровождающие израильтяне. В самолет его доставили на носилках. Четырехтурбинный лайнер взял курс на Израиль. Полет прошел без особых происшествий. В аэропорту Лода самолет подрулил к специальной стоянке, Эйхмана внесли в машину скорой помощи, и она отправилась по назначению, в сопровождении эскорта полицейских машин. Днем 23 мая Бен-Гурион известил о происшедшем сначала кабинет министров, а затем *кнесет*.

В тот же день Эйхман предстал перед мировым судом в Яфо, и ему были предъявлены обвинения в преступлениях, совершенных против еврейского народа, военных преступлениях против человечности и в принадлежности к преступным организациям. На это он ничего не сказал и только заметил, что когда настанет время, то он сумеет выступить в свою защиту. Затем его снова отвезли в тюрьму в Рамле — здание старой постройки, но оборудованное новейшими системами безопасности, включая земитные батареи. Свет в его камере никогда не выключался, и надзиратель не отходил от глазка в его двери. Был организован специальный отдел полиции для ведения дела Эйхмана, возглавляемый Аврагамом Зелингером; сотрудники этого отдела владели немецким языком. Эйхмана попросили изложить в письменном виде обязанности, которые он выполнял по своей должности, занимаемой им в структуре Третьего рейха; он согласился. Так началось следствие, продлившееся восемь месяцев. Показания Эйхмана записывались на магнитофон, и их расшифровка составила 3564 машинописные страницы. Подследственный продемонстрировал поразительную память, вспоминая мельчайшие детали, связанные с людьми, местами, книгами, едой, ценами. И только когда ему задавались конкретные вопросы, связанные с еврейскими судьбами, он впадал в забывчивость. Так, ни в ходе следствия, ни на судебных заседаниях он якобы не мог вспомнить, что ему довелось видеть в лагерях смерти. С самого начала и до последнего дня процесса Эйхман продолжал утверждать, что он всего лишь исполнял приказы и что он лично не причинил никому зла. Он умышленно запутывал свои ответы, постоянно пытался переходить к обобщениям и, как стало выясняться в ходе процесса, сознательно вводил суд в заблуждение.

Пока Эйхман отвечал на вопросы следователей, сотрудники отдела Зелингера активно занимались сбором и систематизацией документов, полученных из 17 стран. Эти документы давали картину деятельности Эйхмана на протяжении его десятилетней карьеры в нацистской Германии. В числе полученных материалов были буквально тонны документов Министерства иностранных дел Германии, а также аналогичная документация из Великобритании, Франции, Западной Германии, Польши, Чехословакии и других стран. Зелингер лично посещал все центры документации этих стран, и по-

всюду ему оказывалось полное содействие; единственной страной, отказавшейся участвовать в следствии, стал Советский Союз.

Тем временем из-за рубежа стала поступать реакция иного рода. По прошествии недели потрясенного молчания после поимки Эйхмана отреагировал официальный Буэнос-Айрес, направив израильскому правительству формальный протест и требование немедленно вернуть Эйхмана в Аргентину. Бен-Гурион ответил президенту страны Артуро Фрондизи, изложив позицию Израиля в обстоятельном послании, содержащем извинения и выдержанном в примирительном тоне. Министерство иностранных дел Аргентины никак не отреагировало на это послание и продолжало настаивать на том, чтобы Израиль признал свою ответственность за нарушение суверенитета Аргентины и вернул Эйхмана в страну. После того как переговоры с участием посредников не дали результатов, представитель Аргентины в ООН потребовал созвать сессию Совета Безопасности. Дебаты начались 2 июня 1960 г., и складывавшаяся ситуация оказалась неловкой для представителей большинства стран, которые очевидным образом были на стороне Израиля. Осознавая общее положение дел, Аргентина обратилась к Израилю с требованием наказать “участников похищения” и “соответствующим образом компенсировать нарушение территориального суверенитета, совершенное иностранными гражданами”. Существенно важным было то обстоятельство, что уже не шла речь о возвращении Эйхмана. В ходе последующей дискуссии представители США, Великобритании и Франции предпринимали усилия к тому, чтобы выработать формулу, согласно которой принесение Израилем официальных извинений Аргентине и будет расцениваться как “соответствующая компенсация”. Именно в этом ключе была выдержана принятая на следующий день, 23 июня, резолюция Совета Безопасности, осуждавшая Израиль. Однако Аргентина осталась неудовлетворенной таким исходом и объявила посла Израиля в Буэнос-Айресе персоной нон грата — не заходя, впрочем, настолько далеко, чтобы пойти на разрыв дипломатических отношений между двумя странами. После этого Бен-Гурион направил в Буэнос-Айрес Шабтая Розена, юридического советника израильского Министерства иностранных дел, для выработки соответствующего компромисса. Наконец, 3 августа 1960 г., выход из дипломатического тупика был найден путем принятия совместного коммюнике:

“Правительства Государства Израиль и Аргентинской Республики, движимые желанием действовать в духе Резолюции Совета Безопасности ООН от 23 июня 1960 г., в рамках которой была выражена надежда, что традиционно дружественные отношения между двумя странами будут развиваться и впредь, пришли к решению считать исчерпанным инцидент, возникший вследствие нарушения гражданами Государства Израиль основных прав Аргентинской Республики”.

Однако осуждение как самих действий Израиля, так и его намерений объявить Эйхмана подсудным в рамках израильского законодательства исходило не только от властей Аргентины. Юристы с международной репутацией в самых различных странах разошлись во мнениях по этому вопросу. Следует отметить, что либеральная пресса США и Великобритании также отнеслась с неодобрением к действиям Израиля. Подобного рода реакция представляла собой разительный контраст с тем отношением, которое журналисты западного мира проявили в конце 1945 г. в связи с проходившими во Франции процессами маршала Петена¹⁰ и Пьера Лавалья¹¹, хотя те

- 10 Петен Анри Филипп (1856–1951) — французский военный деятель, глава марионеточного режима Виши в 1940–1944 гг. На военной службе с 1876 г. Окончил военную школу в 1888 г. Участник Первой мировой войны: командир пехотной бригады, затем корпуса, с 1915 г. — командующий Второй армией. В 1916 г. командовал группой армий “Центр”, под его командованием французские войска остановили немецкое наступление на Верден, где в ходе боев погибло около 600 тыс. немецких солдат и 385 тыс. французских. В 1917 г. Петен — главнокомандующий французскими войсками в Европе, в 1918 г. — маршал Франции, в 1934 г. — военный министр, в 1939–1940 гг. — посол в Испании. В мае 1940 г. был назначен заместителем премьер-министра. В обстановке военного разгрома Франции после немецкого наступления, начавшегося в мае 1940 г., французский парламент 10 июля 1940 г. подавляющим большинством голосов передал всю полноту власти Петену, который 13 июля был провозглашен главой Французского государства и правительства и облечен всеми полномочиями главы высших исполнительных и законодательных органов. Власть марионеточного режима распространялась на неоккупированные южные районы Франции. Петен полностью поддерживал нацистские планы уничтожения европейского еврейства и не возражал против депортации евреев — граждан Франции в лагеря смерти. После освобождения Франции в 1944 г. французский суд приговорил Петена к смертной казни. Генерал де Голль заменил ее на пожизненное заключение. Петен умер в тюрьме.
- 11 Лаваль Пьер (1883–1945) — французский политический и государственный деятель. В 1942–1944 гг., — глава правительства марионеточного режима Виши. Получил высшее юридическое образование, занимался адвокатской деятельностью. В 1903 г. вступил в Социалистическую партию. Добровольцем участвовал в Первой мировой войне. В 1914–1919 и 1924–1929 гг. — член палаты депутатов Национального собрания, в 1927–1940 гг. — сенатор. В 1918 г. вышел из Социалистической партии. В 1925–1939 гг. неоднократно входил в состав правительства, занимал посты министра общественных работ; юстиции; труда; иностранных дел. В январе 1931 — январе 1932 г. и в июне 1935 — январе 1936 гг. — премьер-министр. Странник установления тесного сотрудничества с нацистской Германией. В сентябре 1939 г., после начала Второй мировой войны, организовал так называемый “заговор бывших премьер-министров”, выдвинувших на пост премьер-министра кандидатуру Петена и стремившихся заключить сепаратный мирный договор с Германией. После создания в июле 1940 г. вишистского марионеточного режима Лаваль стал вице-председателем Совета министров. Петен назначил его своим преемником на случай, если он сам “не сможет выполнять функции главы государства”. В октябре 1940 г. был назначен министром иностранных дел. Странник полного подчинения Франции нацистской Германии, Лаваль вызывал к себе всеобщую ненависть даже среди руководителей вишистского режима.

судебные разбирательства были просто пародией на правосудие. Очевидным был также и контраст по сравнению с одобрительной в целом либеральной реакцией на Нюрнбергский процесс, когда “суд победителей” выносил приговоры согласно законам, которые прежде не использовались в международной практике. Следует, однако, подчеркнуть, что в 1960 г. критика Израиля велась не с антисемитских позиций, а с позиций дружественных и скорее филосемитских. Антисемиты в XIX и XX вв. придерживались того мнения, что ничего хорошего от евреев ждать не приходится. Напротив, в данной ситуации либералы, судя по всему, ожидали от евреев чего-то лучшего, неких идеальных действий, отвечающих высшим стандартам человеческого поведения — которые, по их мнению, как раз и были преданы и попораны. Эта реакция лишний раз подтвердила справедливость тонкого замечания Ханны Арендт¹² относительно филосемитов эпохи Просвещения XVIII в., которые ожидали, что уж их-то евреи будут не просто исключительными евреями, евреями без изъяна, но и вообще идеальными образчиками человеческого рода. Впрочем, сколь бы различной ни была реакция на действия Израиля, надо подчеркнуть, что ни одна страна (за исключени-

13 декабря 1940 г. по требованию Петена Лаваль подал в отставку со всех занимаемых постов и был посажен под домашний арест, но немцы настояли на его освобождении. 19 апреля 1942 г. нацисты добились назначения Лавалья на пост главы правительства, а также на должности министра иностранных и министра внутренних дел. Лаваль активно сотрудничал с оккупационными властями в ходе депортации евреев в лагеря смерти. После окончания войны бежал сначала в Испанию, а затем в Австрию, где в июле 1945 г. был арестован американцами, передавшими его французским властям. 9 октября 1945 г. французский Высший суд приговорил его к смерти. Расстрелян.

- 12 Арендт Ханна (1906–1976) — политический и социальный философ. Училась в университетах Марбурга, Фрейбурга, Гейдельберга. После прихода Гитлера к власти уехала во Францию. В 1941 г. бежала в США. Была профессором Чикагского университета, а затем Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке. В своих работах неоднократно исследовала феномен антисемитизма и проблемы евреев в новой истории. В 1961 г. в качестве корреспондента журнала “Нью-Йоркер” присутствовала на процессе Эйхмана. В 1963 г. опубликовала книгу “Эйхман в Иерусалиме — отчет о повседневности зла”. Арендт утверждала, что Эйхман является типичным представителем немецкого народа и что его действия являются результатом развития отношения к евреям огромного числа немцев. Она писала, что этот типичный бюрократ воплощал “банальность зла”. Арендт возлагала часть ответственности за Катастрофу и на еврейское руководство, которое, по ее мнению, не сумело организовать достойное сопротивление нацизму. Книга Арендт вызвала бурную дискуссию, и ее выводы в отношении еврейского руководства были осуждены большинством историков, евреев и неевреев. Еврейской истории посвящена книга Арендт “Рахель Варнхаген — жизнь еврейки” (1955). На русском языке в серии “Чейсовская коллекция” вышла ее книга “Скрытая традиция: Эссе” (М.: Текст, 2008). Тема антисемитизма рассматривается в работах: “Происхождение тоталитаризма” (1951), “О революции” (1963), “Люди и черные времена” (1968).

ем, разумеется, Аргентины) — ни Западная Германия, ни Восточная Германия, ни Советский Союз, ни прочие европейские государства, население которых стало жертвами преступлений Эйхмана в годы войны, — никто не потребовал в официальном порядке его экстрадиции. Все они — тем или иным образом — выразили свою уверенность в том, что Эйхмана ожидает в Израиле справедливый и беспристрастный суд.

Эти ожидания оправдались в такой степени, что был удивлен даже сам подсудимый. Израильские власти позволили ему выбрать защитника по собственному усмотрению, из любой страны мира. По совету своей семьи он остановил выбор на д-ре Роберте Серватиусе, известном шестидесятипятилетнем юристе из Кельна, имевшем немалый опыт в деле защиты военных преступников на Нюрнбергском процессе. Серватиусу было позволено привезти с собой помощника по своему выбору. Все связанные с этим издержки, а также выплату гонорара защите брало на себя правительство Израиля.

Наконец, 11 апреля 1961 г., судебный процесс над Эйхманом начался в Иерусалимском окружном суде. Были приняты самые строгие меры предосторожности. Охрану несли сотни полицейских. Вход в зал осуществлялся исключительно по пропускам, выдаваемым в Министерстве юстиции. Процесс освещали не менее 600 иностранных корреспондентов. Эйхман, по их общему впечатлению, оказался человеком некрепкого телосложения, лысеющим, с довольно невыразительной внешностью, в очках. Одетый в темный костюм, он сидел на скамье подсудимых, отгороженный от зала пуленепробиваемым стеклом. Процесс вели трое судей, члены Верховного суда Израиля; двое из них, председательствующий Моше Ландой¹³ и д-р Ицхак Раве, родились и учились в Германии. Обвинителем на процессе выступал Генеральный прокурор Израиля Гидеон Хаузнер¹⁴. С самого на-

13 Ландой Моше (Ландау; 1912–2011) — израильский юрист. После окончания средней школы изучал юриспруденцию в Лондонском университете. Окончив университет в 1933 г., уехал в Эрец-Исраэль. В 1933–1940 гг. занимался частной адвокатской практикой. В 1940–1948 гг. был судьей в Хайфском мировом суде, в 1948–1953 гг. — в Хайфском окружном суде. В 1953 г. Ландой был назначен членом Верховного суда. В 1961 г. был председателем суда на процессе Эйхмана. После окончания Войны Судного дня вошел в состав особой комиссии под руководством председателя Верховного суда Ш. Аграната по выяснению причин неподготовленности Израиля в начальный период войны. В 1976 г. был назначен заместителем председателя Верховного суда. В 1980–1982 гг. был председателем Верховного суда. Автор многих трудов, посвященных различным проблемам юриспруденции и общественно-политической тематике.

14 Хаузнер Гидеон (1915–1990) — израильский юрист и общественный деятель, главный государственный обвинитель на процессе Эйхмана в 1961 г. В 1927 г. переехал в Эрец-Исраэль. После окончания средней школы в Тель-Авиве стал изучать фило-

чала процесса деяния подсудимого определялись в первую очередь как преступления против еврейского народа. Эйхман обвинялся в том, что, будучи основным исполнителем “окончательного решения”, он стал причиной гибели миллионов евреев, организовывая процесс их уничтожения в концентрационных лагерях, трудовых лагерях и лагерях смерти, а также массовые убийства, которые совершали эйнзацgruppen¹⁵ на территории Совет-

софию и юриспруденцию в Еврейском университете. Во время Войны за независимость служил в Иерусалимской бригаде. После войны работал в военной прокуратуре, был председателем военного суда. В 1960–1963 гг. занимал пост юридического советника правительства. В 1963 г. подал в отставку с поста юридического советника. В 1963–1981 гг. был депутатом *кнесета* от Независимых либералов, а затем от Прогрессивной партии. В 1968–1988 гг. возглавлял совет мемориала *Яд ва-Шем*. Автор книги о процессе Эйхмана “Справедливость в Иерусалиме”, переведенной на многие языки.

- 15 Эйнзацgruppen (“Ди Эйнзацgruppen дес Зихерхайтсдинст унд дер Зихерхайтс-полицай”) — специальные группы в Службе безопасности и полиции Третьего рейха, осуществлявшие массовые убийства евреев, цыган, военнопленных и неугодных жителей на оккупированных территориях. Первые эйнзацgruppen были созданы накануне аншлюса Австрии в марте 1938 г. Во время аншлюса и оккупации Чехословакии действовали с наступающими частями немецкой армии и проводили массовые аресты “марксистских предателей и врагов государства” на освобожденных территориях. Накануне вторжения в Польшу было сформировано шесть эйнзацgruppen. В сентябре—ноябре 1941 г. они расстреляли около 15 тыс. евреев и поляков, осуществили высылку и депортацию евреев из различных районов Польши. Незадолго до вторжения в СССР были созданы четыре эйнзацgruppen, их командный состав набирался из членов СС высокого ранга, а рядовой — из членов СС и СД, а также добровольцев, представителей местного населения (в основном украинцев, литовцев, латышей и местных немцев). Эйнзацгруппе “А” насчитывала около 1000 солдат и офицеров СС под командованием штандартенфюрера СС доктора Ф. Штоликера. Она действовала в составе группы армий “Север” и осуществляла массовые убийства евреев в Литве, Латвии и Эстонии, а также на территории Ленинградской и Псковской областей РСФСР. Эйнзацгруппе “В” насчитывала 555 человек под командованием бригаденфюрера СС А. Неве и действовала в составе группы армий “Центр”. Ее члены осуществляли массовые казни евреев и военнопленных в Бресте, Белостоке, Слониме, Бобруйске, Брянске, Орле, Курске. Эйнзацгруппе “С” насчитывала 600 солдат и офицеров СС под командованием штандартенфюрера Э. Раша. Она действовала в составе группы армий “Юг” на территории Украины и уничтожала евреев во Львове, Тернополе, Золочеве, Житомире. 29–30 сентября 1941 г. ею было осуществлено массовое истребление еврейского населения в Бабьем Яре в Киеве. Эйнзацгруппе “D” состояла из 600 чинов под командованием штандартенфюрера СС профессора О. Олендорфа. Она действовала в составе Одиннадцатой армии на юге Украины и осуществляла массовое истребление евреев в Николаеве, Херсоне, Крыму, Краснодаре и Ставропольском крае. К весне 1943 г. на территории Советского Союза эйнзацgruppen при активном содействии местных полицейских формирований уничтожили 1 млн 250 тыс. евреев, а также сотни тысяч представителей других национальностей.

ского Союза. Серватиус первым делом заявил два процессуальных отвода: судьи не имеют права вести процесс в силу предвзятости своих мнений, а Эйхман неподсуден этому суду, поскольку он был доставлен в Израиль насильно, а также потому, что Закон от 1950 г. о наказании нацистских преступников и их пособников был принят *post factum*.

На это Хаузнер ответил, что судьям вменяется в обязанность быть справедливыми, но при этом вряд ли нейтрально-безразличными — в противном случае ни один добропорядочный гражданин не смог бы судить преступников. Что же касается похищения Эйхмана, то не имеет значения, каким именно образом обвиняемый оказался в пределах юрисдикции данного государства, — это никак не связано с наличием у государства прав на проведение судебного разбирательства. Аналогичным образом Хаузнер отверг и тезис защиты относительно принятия Израилем соответствующего закона задним числом, заявив, что у человечества нет другой альтернативы, кроме как вводить ретроактивно законы, карающие преступления подобного рода, и в качестве прецедента указал на Нюрнбергский процесс. Действительно, подсудимый совершил свои деяния до создания Государства Израиль, но все Великие державы уже давно признали Израиль не только юридическим преемником британского мандата, но и государством, которое вправе выступать от имени уничтоженных евреев. После длившегося несколько дней обсуждения позиций защиты и обвинения суд объявил 17 апреля, что он имеет право вести процесс над Эйхманом. Сидящие в зале суда были, вполне естественно, утомлены этой длительной процедурной дискуссией, которая для стороннего наблюдателя представлялась сухой и однообразной и в ходе которой, день за днем, обе стороны процесса представляли суду скрупулезно подготовленные документы и ссылки на прецеденты. Однако на иностранных юристов и историков произвело большое впечатление то, с каким тщанием израильтяне ссылаются на прецеденты и особенно на решения английских и американских судов. Мало-помалу мнение юристов стало складываться в пользу израильской юстиции.

Наконец с обвинительной речью выступил Генеральный прокурор Гидеон Хаузнер. Хаузнер, выходец из Польши, среднего роста, лысеющий человек сорока шести лет, сделал блестящую карьеру в сфере юриспруденции, а затем и в политике, став видным членом Независимой либеральной партии, которую после 1965 г. он будет представлять в *кнессете* и в правительственной коалиции. В этот день, 17 апреля 1961 г., он произнес яркую и волнующую речь. В течение восьми часов, на протяжении трех судебных заседаний, Хаузнер прослеживал историю нацистского антисемитизма и массовых убийств в годы войны на территории Европы, определив роль Эйхмана в совершении всех этих злодеяний. «Я стою тут перед вами, судьи Израиля, — провозгласил Хаузнер, указав при этом обвиняющим же-

стом на подсудимого в кабине из пуленепробиваемого стекла, — и я стою не один. Со мной, в этом месте и в этот час, стоят шесть миллионов обвинителей”. И немало людей в зале суда при этих словах невольно сжали кулаки. После такого вступления обвинитель представил суду в качестве улики все шесть томов показаний, данных Эйхманом в ходе следствия. Обвинитель подверг подсудимого перекрестному допросу, представил значительное количество документальных свидетельств, а затем дал слово многочисленным еврейским (и не только еврейским) свидетелям, рассказавшим о своих страданиях и о муках еврейского народа в годы Катастрофы. Присутствующие слушали эти показания с ужасом, многие не могли сдерживать слез, кто-то терял сознание. Пытаясь защищаться, Эйхман постоянно стремился преуменьшить свою роль. Серватиус представил суду двадцать диаграмм, отображавших деятельность различных учреждений рейха, занимавшихся “окончательным решением”, с помощью которых он намеревался доказать, что основные линии принятия решений проходили в стороне от возглавляемого Эйхманом подразделения. Хаузнер, со своей стороны, не возражал относительно того, что вина лежит не на одном только Эйхмане, но при этом старался не допустить, чтобы имя Эйхмана вообще исчезло из поля зрения суда. В течение двух недель он подвергал подсудимого перекрестному допросу и в результате преуспел в разрушении образа Эйхмана как “жертвы приказов свыше”.

14 августа 1961 г., после 114 судебных заседаний, основные слушания по делу Эйхмана подошли к концу. Суд объявил перерыв на четыре месяца и вновь собрался 11 декабря для вынесения приговора. Эйхман был признан виновным по всем 15 пунктам обвинительного заключения. В числе прочего, он был обвинен в “преступлениях против еврейского народа”, поскольку он “способствовал убийству миллионов евреев”; “способствовал тому, чтобы миллионы евреев оказались в условиях, которые стали причиной их смерти”; “способствовал нанесению тяжелых и опасных телесных и психических травм”; “отдавал распоряжения относительно запрета на рождаемость и искусственного прерывания беременности еврейских женщин” (в Терезиенштадте). 15 декабря Эйхман был приговорен судом к смертной казни.

Широкая общественность с постоянным и неослабным вниманием следила за ходом процесса. На протяжении более чем года не только израильские газеты, но и немало средств массовой информации во всем мире практически ежедневно помещали сообщения из зала суда; несколько судебных заседаний транслировалось в прямом эфире. Само судебное разбирательство и материалы процесса оказали значительное воздействие на израильтян всех поколений. Так, например, накануне Шестидневной войны все израильтяне в самой полной мере отдавали себе отчет о происхо-

дившем в дни Катастрофы. Социологические исследования, проведенные впоследствии как правительственными, так и научными организациями, подтвердили, насколько сильное влияние имел процесс Эйхмана на умонастроения израильской молодежи. Говоря о том, какие уроки они извлекли из трагедии еврейского народа, опрошенные студенты подчеркивали, что евреи, живущие в меньшинстве среди других народов, находятся в состоянии опасности и что существует необходимость для евреев со всех концов света собраться вместе, на своей исторической родине. Когда Бен-Гурион планировал проведение судебного процесса, в его намерения входило вызвать именно такую реакцию — и этого он не скрывал. В своей речи, произнесенной в тринадцатую годовщину провозглашения независимости Израиля, когда был объявлен перерыв в судебном заседании, премьер-министр сказал:

“Здесь, впервые в еврейской истории, суверенный еврейский народ вершит свой исторический суд. На протяжении многих поколений мы претерпевали страдания, нас мучили, нас убивали — и нас же судили... Но вот впервые Израиль судит убийц еврейского народа. И мы никогда не забудем, что лишь обретение Израилем независимости способствовало созданию необходимых предпосылок для этого исторического акта справедливости”.

Процесс Эйхмана стал уроком не только для евреев, но и для всех тех наций, которые допустили, чтобы Катастрофа стала участью еврейского народа, и вследствие этого ощутили, что на них лежит моральное обязательство гарантировать Израилю существование и безопасность.

После вынесения смертного приговора Эйхман подал апелляцию в Верховный суд. Дело рассматривалось в марте 1962 г. на протяжении шести заседаний, и 29 мая был подтвержден приговор, вынесенный судом более низкой инстанции. После этого Эйхман обратился к президенту Израиля. “Я с отвращением думаю о тех жестокостях, которые творились по отношению к евреям, и считаю их тягчайшим преступлением, — писал он в своем прошении на имя президента. — Я полагаю, что люди, виновные в этом, должны быть преданы суду... Однако следует проводить различие между главарями и рядовыми исполнителями вроде меня”. В восемь часов вечера на следующий день, 31 мая, Эйхман был поставлен в известность, что его прошение о помиловании отклонено и что казнь назначена на полночь. Стоя под виселицей, он отказался надеть черный капюшон; свои последние слова он обратил к Германии, Австрии, Аргентине, к своей жене и семье. “Я должен был подчиняться правилам ведения войны и своему флагу”, — сказал он перед самой смертью. Тело Эйхмана было кремировано, и рано утром 1 июня пепел был доставлен на полицейский катер. Когда катер вы-

шел за пределы трехмильной зоны территориальных вод Израиля, начальник тюрьмы высыпал пепел за борт.

Улучшение отношений с Германией

Ни в какой стране мира, кроме Израиля, процесс Эйхмана не вызвал столь значительной реакции, как в Германии. Первые послевоенные процессы над нацистскими преступниками, проходившие на немецкой земле, уже начали сглаживаться в памяти. Несмотря на то что факт похищения Эйхмана был воспринят в Германии негативно, большинство населения, безусловно, было против того, чтобы судить его в Германии и вновь возвращаться ко всем ужасам войны. Аденауэр подошел к решению этого вопроса с чисто формальных позиций, заявив, что “Эйхман не является гражданином Германии, и потому у нас нет перед ним никаких обязательств”. Но вместе с тем канцлер ненавязчиво напомнил израильтянам о значительной финансовой помощи, которую те получают от ФРГ, и добавил, что “политика доброй воли — дело взаимное”. Это было выражением более чем очевидного намерения послевоенной Германии отмежеваться от гитлеровского прошлого, а также, возможно, и отвлечь внимание от многих бывших нацистов, работавших на различных уровнях западногерманской административной системы. Канцлер прямо попросил “своего друга Бен-Гуриона” проявить великодушие к немецкому народу. Ответ израильского премьер-министра был вполне благожелательным. Он сделал специальное заявление относительно того, что в Израиле проводят различие между Эйхманом и народом нынешней свободной Германии. “Мое мнение о сегодняшней Германии неизменно, — подчеркнул Бен-Гурион. — Там больше нет нацистов”. И Аденауэр, и немецкий народ с благодарностью восприняли это заявление. В дальнейшем практически никто не возвращался к обсуждению ни суда над Эйхманом, ни его казни. Три ведущие политические партии ФРГ сошлись во мнении, что правосудие свершилось.

Однако для немецкой молодежи процесс Эйхмана стал ужасающим откровением. В материалах суда они находили ответы на те вопросы, которые отказывались обсуждать с ними их родители. Следя за ходом процесса по газетам и по телевизионным передачам, они узнавали правду о том, что было содеяно их страной. Полные раскаяния, тысячи молодых немцев обращались к израильскому правительству с просьбой дать им возможность поработать на благо Израиля, чтобы искупить вину немецкого народа. Немцы более старшего поколения вдруг ощутили, что им проще

говорить про Израиль и даже общаться с израильянами, нежели смотреть в глаза тем немецким евреям, которые выжили в годы Катастрофы и живут с ними по соседству. Стало чуть ли не модным восхищаться Израилем, восхвалять достижения израильян, поощрять поездки молодых людей в эту страну. И немецкая молодежь активно посещала Израиль — 20 тыс. человек за период 1961–1967 гг., кто-то в составе групп, кто-то в одиночку. Многие приезжали поработать в *кибуцах* или в рамках проектов, реализуемых в городах развития. Всем им очень хотелось ощутить тот дух, благодаря которому евреям удалось справиться со своими врагами, превосходящими их в численном отношении, и который сделал возможным поимку Эйхмана. По иронии судьбы процесс Эйхмана способствовал росту взаимопонимания и улучшению взаимоотношений между немцами и израильянами.

Что же касается процесса сближения между правительствами двух стран, то он начался, разумеется, намного раньше, с подписанием соглашения о репарациях (*Шилумим*). По настоянию Бен-Гуриона были приняты соответствующие меры для того, чтобы поднять это чисто финансовое соглашение до уровня дипломатических отношений. И хотя “Доктрина Хальштейна” (Гл. XVI. Некоторые итоги) препятствовала такому развитию ситуации, Бен-Гурион не намерен был опускать руки. Тем или иным образом, но Израиль должен был найти выход из международной изоляции. В ходе Синайской кампании и в последующие годы стало ясно, насколько неразумным было бы полагаться исключительно на помощь США или любой другой отдельно взятой страны — даже Франции. В Вашингтоне Аба Эвен попросил Даллеса использовать свое влияние и обсудить с Аденауэром возможности установления дипломатических отношений. Даллес согласился, но его усилия ни к чему не привели. Арабские послы немедленно выступили с предостережениями, что правительства их стран отреагируют на союз между ФРГ и Израилем, установив дипломатические отношения с ГДР. Таким образом, “Доктрина Хальштейна” продолжала оказывать свое действие. Тут Бен-Гурион решил прислушаться к мнению Переса и его коллег, которые утверждали, что следует сосредоточить усилия на “практическом” сотрудничестве с Германией, особенно в экономической сфере, где ФРГ в значительной степени превосходила Францию.

Для того чтобы установить хотя бы такое “практическое” сотрудничество, Бен-Гуриону надо было встретиться с Аденауэром. Оба государственных деятеля давно уже хотели узнать друг друга получше, поскольку они испытывали друг к другу чувство взаимного уважения. Такая возможность встретиться на нейтральной почве наконец представилась — во время визита Аденауэра в марте 1960 г. в США. Без особого труда удалось организовать церемонию вручения Бен-Гуриону почетного докторского диплома

в Университете Брандайза. Оттуда он должен был отправиться на встречу с Аденауэром в Нью-Йорк. Встреча была фундаментально подготовлена и в Иерусалиме, и в Бонне. Удалось достигнуть предварительного соглашения относительно того, что Бен-Гурион обратится к Аденауэру с просьбой о займе в 250 млн долларов на десятилетний срок, но что в ходе встречи стороны не станут поднимать деликатный вопрос об установлении дипломатических отношений.

Аденауэру, со своей стороны, эта встреча нужна была не меньше, чем израильскому премьер-министру. Фотография, на которой они с Бен-Гурионом обмениваются рукопожатием, могла бы значительно улучшить его имидж в США, и за такой знак примирения с евреями сумма в 250 млн долларов представлялась смехотворно малой. Однако буквально за несколько минут до встречи в нью-йоркской гостинице “Уолдорф-Астория” советники Бен-Гуриона настоятельно попросили премьера назвать сумму в 1 млрд долларов. Тот, поколебавшись, согласился увеличить оговоренную сумму только вдвое. Встреча с глазу на глаз прошла в номере Аденауэра. Покончив с предварительным обменом любезностями, Бен-Гурион объяснил ситуацию в стране, сказав, что гибель европейских евреев весьма негативно сказалась на экономическом прогрессе и безопасности Израиля, тогда как прибытие в страну нескольких миллионов евреев из западных стран будет способствовать ускорению экономического роста Израиля. Затем он попросил Аденауэра принять участие в развитии Израиля путем предоставления стране займа в размере 50 млн долларов ежегодно на протяжении десяти лет. Канцлер тотчас же согласился. “Мы окажем вам помощь как по моральным соображениям, так и исходя из интересов практической политики”, — заверил он Бен-Гуриона. Он не стал обсуждать названную цифру, но и не отверг ее. Продолжая разговор в том же ключе, израильский премьер-министр подчеркнул — и затем повторил эту фразу журналистам, — что существует принципиально важное различие между Германией времен Гитлера и Германией сегодняшнего дня. Аденауэр был явно тронут. Затем в номер допустили фотокорреспондентов, и оба государственных деятеля сердечно распрощались.

В Израиле, однако, это встречу восприняли без особого энтузиазма — впрочем, у Бен-Гуриона имелись другие основания для беспокойства. Он и его советники были уверены, после беседы в номере люкс “Уолдорф-Астории”, что полмиллиарда долларов уже у них в кармане — а эта сумма значительно превышала предыдущие кредиты, представленные Израилю его ближайшим союзником Францией и даже Соединенными Штатами. Но когда один из помощников премьер-министра огласил эту новость в Лондоне, ее немедленно опроверг западногерманский представитель.

Аденауэр, по всей вероятности, был совершенно искренен, согласившись на запрошенную сумму, но только он не уточнил, что иностранные займы на сумму более 35,7 млн долларов в год должны получить одобрение в бундестаге. Собственно говоря, первоначальный план, предусматривавший 250 млн долларов на десять лет, и учитывал такую ситуацию. И вот, после переговоров в Брюсселе между министром финансов ФРГ Людвигом Эрхардом¹⁶ и его израильским коллегой Леви Эшколем, было достигнуто “джентльменское соглашение”, предусматривавшее обмен посланиями между главами правительств. Речь шла о десяти ежегодных платежах по 35,7 млн долларов; каждая выплата должна быть направлена на реализацию конкретного проекта, предложенного Израилем на данный год, причем со стороны ФРГ каждая выплата будет рассматриваться как предназначенная для данной цели. Такой подход оказался вполне эффективным. Все предлагавшиеся Израилем проекты, за незначительными исключениями, были одобрены правительством ФРГ без особых оговорок и без детального анализа. Проекты были связаны со строительством городских центров в пустыне Негев — сначала Арад, затем Мицпе-Рамон, потом Эйлат и так далее. Условия займов для Израиля были очень удобными: 3,6% годовых, с погашением на протяжении срока от 12 до 20 лет. Это соглашение только подтвердило давнюю уверенность Бен-Гуриона в том, что из европейских стран именно Германия, а не Франция может стать для Израиля источником поддержки экономического развития.

Германо-израильские отношения, по сути дела, развивались во многих областях. В рамках соглашения *Шилумим* немецкие производители автоматически получали рынки сбыта в Израиле; к 1960-м гг. объем израильских закупок из ФРГ составлял 25 млн долларов в год. Что же касается израильского экспорта, то (если не считать сделок в рамках соглашений о репарациях) он никогда не поднимался до такой суммы. Более того, неуравновешенность торгового баланса еще усугублялась за счет того обстоятельства, что ФРГ входила в Европейское экономическое сообщество, а таможенные барьеры Общего рынка препятствовали импорту извне. Так, например, к концу 1962 г. стало практически невозможно поставлять в ФРГ израильские яйца и растительное масло. Бонн сочувственно относился к затруднительному положению, в котором оказался Израиль, и искренне поддер-

16 Эрхард Людвиг (1897–1977) — немецкий государственный деятель, федеральный канцлер ФРГ (глава правительства) в 1963–1967 гг. Один из создателей концепции социально-рыночного хозяйства, которая стала теоретической основой социально-экономической политики ХДС/ХСС (Христианско-демократический союз/Христианско-социальный союз), приведшей к “западнгерманскому экономическому чуду” — преодолению послевоенной разрухи и длительному процветанию ФРГ. В 1963–1967 гг. Эрхард был председателем ХДС.

живал израильские попытки стать хотя бы ассоциированным членом ЕЭС. Но всякий раз этому препятствовали Франция и Италия, не желавшие допускать в Сообщество страну, которая могла составить им конкуренцию на рынке цитрусовых и другой сельскохозяйственной продукции.

С целью оказания экономической помощи Израилю отдельные немецкие фирмы и организации (при активном содействии правительственных структур) приобретали в больших количествах израильские государственные облигации. В числе крупных покупателей облигаций были банки и страховые компании, а также сотни муниципалитетов Германии. Франкфуртский банк торгового союза приобрел в 1961 г. на значительную сумму пакет акций *Кур* — принадлежащего *Гистадруту* сталелитейного комбината. Правительство ФРГ и фирма “Фольксваген” выступили в качестве гарантов при размещении ценных бумаг, выпущенных в связи с реализацией исследовательских проектов, осуществляемых в Технионе и Институте Вейцмана. Университеты и высшие технические учебные заведения ФРГ предоставляли стипендии израильским студентам.

Оружие и дипломатия

В плане “практического сотрудничества” Израиль расценивал немецкое оружие как фактор не менее важный, чем немецкие денежные фонды. Бен-Гурион хорошо понимал, что Израилю было бы неразумно рассчитывать лишь на два источника поставок, то есть на Францию и Великобританию. Состояние политической неопределенности, вскоре наступившее во Франции, только подтвердило точку зрения премьер-министра (Гл. XIX. Израиль, Франция и Европейское экономическое сообщество). Оценив складывающуюся ситуацию, Шимон Перес, генеральный директор Министерства обороны Израиля, добился в сентябре 1957 г. встречи с министром обороны ФРГ Францем Йозефом Штраусом. Штраусу, опытнейшему политику, не было нужды напоминать, что достижение взаимопонимания с Израилем поможет развеять недоверие политических деятелей либерального направления к его партии, Христианско-демократическому союзу, имевшему явно выраженную националистическую ориентацию. С прагматической же точки зрения Штраус осознавал, что сильный Израиль будет эффективным бастионом на пути советского проникновения на Ближний Восток. Он, как и другие министры обороны стран НАТО, получил из Израиля образцы советского оружия, захваченного у египтян во время Синайской кампании, и это вызвало у них тревогу. С учетом всех этих обстоятельств, Штраус в разговоре с Пересом пообещал сделать все, что в его силах, для предостав-

ления Израилю военной помощи. Свое обещание он подтвердил во время второй встречи, четыре месяца спустя, когда Перес и израильские эксперты представили ему на рассмотрение список требующегося вооружения. Затем этот список был одобрен Аденауэром, который высказал одно условие: сделка не будет заключена в письменном виде, чтобы обеспечить полную секретность с обеих сторон. Была также достигнута договоренность о том, что оружие будет поставлено бесплатно или, по крайней мере, за некую символическую сумму.

Итак, в начале 1959 г. немецкое вооружение начало прибывать в израильские порты — как правило, из портов Франции, где такие грузы привлекали меньше внимания (Гл. XXI). К концу 1961 г. поставки стали более многочисленными и разнообразными. Израиль получил пятьдесят самолетов, включая транспортные, а также вертолеты и пилотажные тренажеры немецкого производства по французской лицензии, грузовые и санитарные автомобили, зенитные орудия, гаубицы и противотанковые ракеты. Поскольку сделка в целом носила секретный характер, доставка грузов в ряде случаев внешне выглядела как контрабанда. Транспортные накладные на грузы нередко были поддельными. Иногда Германия закупала вооружение для Израиля в других странах — например, вертолеты во Франции, зенитные орудия в Швеции и как-то даже две подводные лодки в Великобритании, причем счет-фактура всякий раз пересылался в Бонн. Использовалась также следующая практика: груз сначала направлялся в другую страну, там судно сразу же по прибытии разгружалось, после чего груз переадресовывался в Израиль. Когда Штраус был вынужден покинуть свой пост в ноябре 1962 г. вследствие прихода к власти оппозиции, его преемник Кай-Уве фон Хасель столь же негласно продолжил поставки. Новая власть была посвящена в тайну сделки и согласилась выполнять ее условия, пусть и без особого энтузиазма.

Вторая стадия сделки с Германией началась летом 1964 г. по инициативе США. За год до этого Вашингтон одобрил поставки в Израиль зенитных управляемых ракет. Узнав об этом, арабские страны выступили с такими резкими протестами, что администрация Джонсона не решилась напрямую удовлетворить просьбу премьер-министра Эшколя о дополнительных поставках вооружения. Когда канцлер ФРГ Людвиг Эрхард (недавно сменивший на этом посту Аденауэра) посетил США в июне 1964 г., американские власти обратились к нему с просьбой переправить в Израиль некоторое количество не самого нового американского вооружения, хранившегося в Германии, и, в частности, 150 американских легких танков, находившихся в стране. Эрхард растерялся: доставка такого количества тяжелого вооружения была сопряжена с риском нарушения режима секретности. Прибывший в это время в Бонн Перес предложил следующую схему: Германия до-

ставит в Италию корпуса танков, там их переоборудуют, установят новые пушки, моторы и электронику, а затем, по прошествии полугода, отправят в Израиль, причем эта поставка официально никак не будет связана с Германией. Эрхард согласился на такой план.

И все-таки протекавший в целом благоприятно процесс сближения Германии и Израиля был омрачен рядом непредвиденных обстоятельств. Как уже отмечалось, провозглашенная в 1956 г. «Доктрина Хальштейна» расценивалась в Израиле как всего лишь временное препятствие на пути установления дипломатических отношений с Бонном. Процесс Эйхмана способствовал обновлению и укреплению обязательств Германии, связанных с безопасностью и развитием Израиля. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. отмечался более частый обмен визитами между представителями *Гистадрута*, партии *Мапай*, немецких социал-демократов и лидеров профсоюзного движения. Благодаря непрерывным усилиям Франца Йозефа Штрауса и его Христианско-демократического союза укреплялась поддержка Израиля в националистических кругах Германии. Но тем не менее, когда в марте 1962 г. Эшколь и Эрхард (оба занимавшие тогда посты министров финансов в своих странах) встретились во второй раз в Брюсселе, сразу же стало ясно, что Эрхард не в состоянии поддержать просьбу Израиля о присоединении к Общему рынку в качестве ассоциированного члена. Арабские страны немедленно пригрозили бойкотом немецких товаров.

Это было трудное время для Израиля. Выплата немецких репараций подходила к концу. Персонал израильской миссии в Кельне был значительно сокращен, не говоря уж о том, что эта миссия имела лишь квазидипломатический статус. В такой ситуации Бен-Гурион мог рассчитывать лишь на личный авторитет Аденауэра — пока старый канцлер еще не ушел в отставку. Действительно, Аденауэр заверил израильтян, что он твердо намерен завершить свою карьеру установлением дипломатических отношений между двумя странами. Однако в августе 1963 г. западногерманский министр иностранных дел известил своего канцлера о необходимости немедленно прекратить дальнейшее обсуждение этого вопроса — ввиду наличия явно выраженной опасности, что арабские страны в отместку признают ГДР. Эта информация была подтверждена и Государственным секретарем США Дином Раском¹⁷, который к тому же довел до сведения немецкой

17 Раск Дин (1909–1994) — американский государственный деятель. В 1934–1940 гг. — адъюнкт-профессор государственного права и декан юридического факультета в колледже в Окленде (Калифорния). В 1940–1946 гг. служил в армии США, участвовал во Второй мировой войне. Демобилизовался в звании полковника. В 1946 г. — помощник заведующего отделом по делам международной безопасности в Государственном департаменте. В 1947–1949 гг. был зав. отделом по делам ООН, в 1949–1950 гг. зани-

стороны, что США заинтересованы в сохранении немецко-арабских отношений. В сложившихся обстоятельствах Аденауэр вынужден был отказаться от дальнейших попыток. Вскоре он ушел с политической арены, передав власть Эрхарду. Что касается последнего, то он решил воздержаться от рассмотрения вопроса о дипломатических отношениях “до наступления лучших времен”.

Тем временем выявились новые обстоятельства, приведшие к возникновению проблем в отношениях между Бонном и Иерусалимом. Прежде всего, речь шла о немецких ученых, занимавшихся развитием военного потенциала Египта. Еще в 1950 г. немецкие инженеры и техники (многие из них — в прошлом офицеры вермахта) были приглашены в Египет в качестве военных инструкторов, а также для создания египетской оборонной промышленности. Вилли Мессершмитт¹⁸, авиаконструктор и зачинатель гитлеровской программы авиастроения, продал Египту права на производство своего сверхзвукового реактивного истребителя “НА-200”, разработанного им в Испании. Некоторое время спустя на сборочном авиационном заводе в Хелуане на руководящих должностях уже работало 200 австрийских и немецких специалистов, а комплектующие изделия поставлялись туда из Германии. И подбор персонала, и поставки оборудования осуществлялись в значительной степени благодаря усилиям некоего Хасана Саида Камала, инженера египетско-швейцарского происхождения, жившего в Цюрихе. Кроме того, в 1960 г. в Каире был создан “Национальный исследовательский центр” с целью разработки якобы “исследовательских ракет для метеорологической службы”. В числе сотрудников этого Центра, рекрутированных все тем же Камалом, были видный западногерманский специалист в области ракетостроения д-р Евгений Зенгер и его заместитель профессор Вольфганг Пильц — оба они принимали активное участие в реализации нацистской программы по созданию ракет “Фау” во время войны. Под

мал должность заместителя Государственного секретаря США. В 1950–1951 гг. был помощником Государственного секретаря по делам Дальнего Востока, в 1952–1960 гг. — президентом фонда Рокфеллера. В 1961–1968 гг. при президентах — представителях Демократической партии Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне занимал пост Государственного секретаря США. До конца жизни преподавал в университете штата Джорджия.

18 Мессершмитт Вилли (1898–1978) — немецкий авиаконструктор и промышленник. Участвовал в Первой мировой войне. После окончания университета основал авиационный завод, а в 1926 г. создал первый цельнометаллический самолет. В 1934 г. создал истребитель “Ме-109” — основной истребитель ВВС Германии во время Второй мировой войны. В 1944 г. его фирма выпустила турбореактивный истребитель и бомбардировщик “Ме-262” — первый в мире реактивный самолет, участвующий в боевых действиях. После окончания Второй мировой войны бежал в Испанию. В 1959 г. вернулся в ФРГ, возглавил фирму и возобновил производство самолетов по лицензиям бундсвера. Почетный председатель концерна “Мессершмитт—Бельков—Блом”.

их руководством работало немало бывших немецких коллег из созданного уже после войны в Штутгарте Института ракетных исследований.

Израильская разведка располагала информацией о происходящем с самого начала, и Бонн был извещен о складывающейся ситуации. Надо сказать, что западногерманская администрация пообещала принять незамедлительные меры — и в самом деле, сотрудники Штутгартского института, связанные с египетским Центром, были тут же уволены с занимаемых должностей. Сам Зенгер вернулся в ФРГ, однако Пильц и ряд его коллег остались в Египте. Наконец, 23 июля 1962 г., первые ракеты египетского производства торжественно проследовали по каирским бульварам под восторженные крики сотен тысяч зрителей. Первая из ракет, “Аль-Кахир”, имела, по утверждениям египтян, радиус действия 200 миль, вторая, “Аль-Сафир”, — радиус 165 миль. Обе с легкостью могли достигнуть территории Израиля. Израильское правительство, находясь в состоянии смятения, высказало свой протест Бонну. В ответ было сказано, что ФРГ с пониманием относится к обеспокоенности Израиля, однако не представляет себе, какие именно меры возможно принять в демократическом государстве, чтобы помешать его гражданам работать там, где они сами пожелают. Кабинет министров ФРГ не может даже помыслить о возвращении к нацистским методам полицейского государства.

Тогда израильская секретная служба взяла дело в свои руки. В июле 1962 г. жена Камала, немка по происхождению, погибла при взрыве бомбы в ее самолете (сам Камал в последнюю минуту решил не лететь с нею). В сентябре того же года д-р Хейнц Круг, директор фирмы, занимавшейся материально-техническим обеспечением проектов Камала, исчез при загадочных обстоятельствах. В ноябре взорвалась посылка, доставленная авиапочтой в каирский офис Пильца, и открывавшая ее немецкая секретарша Пильца лишилась зрения и получила увечья. Эта цепочка “несчастных случаев” продолжалась до тех пор, пока в марте 1963 г. не была предпринята попытка убедить дочь и сына профессора Пауля Гёрке, молодых людей немногим за двадцать, что их отцу лучше было бы оставить свою работу в Каире. Дочь профессора пригласили в Швейцарию, где ей “рекомендовали” передать предостережение ее отцу. Она немедленно обратилась в швейцарскую полицию, которая тут же арестовала двоих израильских агентов, обвинив их в попытке к принуждению. В ходе процесса над ними, который широко освещался в прессе, агенты продемонстрировали документальные доказательства того, что Египет создает ракеты с боеголовками из кобальта-60, которые должны быть направлены против Израиля. Это свидетельство произвело большое впечатление на общественность. Своим решением от 11 июня швейцарский суд признал двух израильтян виновными, но приговорил их к минимальному сроку наказания; впрочем,

они были освобождены вообще через несколько месяцев. В Израиле между тем росло недовольство действиями западногерманского правительства, причем даже среди умеренных политиков, которые обычно выступали за договоренность с Бонном. *Кнест* принял резолюцию, в которой утверждалось, что “долг правительства ФРГ — незамедлительно прекратить деятельность немецких экспертов”. И в очередной раз Министерство юстиции ФРГ указало на то, что оно не располагает легитимными средствами для такого рода действий.

Бен-Гурион был серьезно озабочен преобладанием таких настроений в стране. Он недавно получил неофициальное послание от Франца Йозефа Штрауса, в котором отмечалось, что столь яростная антигерманская кампания в Израиле может поставить под угрозу секретную сделку о поставках немецкого оружия. После этого, в марте 1963 г., премьер-министр отдал распоряжение руководителю секретной службы (*Мосад*) Исеру Гарэлю прекратить все действия против немецких ученых, работающих в Египте. В ответ на это Гарэль подал в отставку. Затем Бен-Гурион обратился к *кнесту* с призывом отозвать резолюцию протеста в адрес Бонна, что вызвало бурю негодования и обвинений в его адрес. Измотанный нападками и протестами, “Старик” сам подал в отставку 16 июня. Со своей стороны, правительство ФРГ мало-помалу сумело выманить ученых домой, предложив им в Германии более привлекательную и лучше оплачиваемую работу. В конечном итоге большинство инженеров и техников покинули Египет, но вся эта история оставила у израильтян осадок недоверия.

Между тем существовала еще одна проблема, серьезно осложнявшая отношения между двумя странами и в немалой степени затруднявшая продвижение к установлению между ними дипломатических отношений. Речь идет о законодательстве ФРГ, определяющем отношение к нацистским военным преступникам. На протяжении всех 1950-х гг. юридическая система ФРГ была очень снисходительна к преступлениям, совершенным нацистами в годы войны. Лишь процесс Эйхмана способствовал возобновлению преследования бывших нацистов в ФРГ. Буквально через несколько месяцев после его начала немецкие суды принялись рассматривать, одно за другим, дела военных преступников. Но поскольку даже для обвиняемых в убийстве существовал срок давности (двадцать лет), военные преступники могли быть осуждены самое позднее до мая 1965 г. Такое положение дел вызвало протесты, причем не только в Израиле. Тем временем в Германии в 1965 г. должны были состояться выборы, и Бонн не склонен был менять законодательство. Кабинет министров выразил несогласие с мнением канцлера Эрхарда и проголосовал за то, чтобы не продлевать срок давности после мая текущего года. Израиль выразил по этому поводу свое “разочарование и недовольство”. Ко всему прочему, власти ГДР очень кстати опу-

бликовали документ, в котором назывались имена нацистских преступников, занимавших в то время высокие посты в ФРГ. Дело кончилось тем, что 13 апреля 1965 г. кабинет министров ФРГ одобрил новый закон, согласно которому срок давности продлевался еще на четыре года. Такой “компромисс” вызвал в Израиле лишь чувство раздражения.

Несмотря на то что все эти обстоятельства только усугубляли расхождения между двумя странами, все же были завершены последние приготовления к переправке в Израиль 150 американских танков, находившихся в ФРГ. И тут, в октябре 1964 г., сведения об этой сделке стали достоянием двух немецких газет. Возмущенные тем, что информация о поставках вооружений скрывалась от них на протяжении долгого времени, средства массовой информации фактически в один голос принялись осуждать военную помощь Израилю — не смешивая ее, впрочем, с помощью экономической. В январе 1965 г., с некоторым опозданием, к хору критиков присоединились социал-демократы и свободные демократы. Канцлер Эрхард и его ближайшее окружение оказались в затруднительном положении. Им было известно, что Вальтер Ульбрихт¹⁹, Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, приглашен в Египет. Пригласив его, Насер открыто предупредил, что если поставки западногерманского оружия в Израиль продолжатся, то Египет и ГДР установят между собой дипломатические отношения. С другой стороны, руководители ФРГ чувствовали, что в случае прекращения поставок их моральный долг — каким-то образом компенсировать это Израилю, но так, чтобы не спровоцировать признания арабскими странами Германской Демократической Республики. Иерусалим незамедлительно дал понять, что единственным приемлемым способом компенсации он считает установление дипломатических отношений между Израилем и ФРГ.

Не связывая себя никакими обязательствами, правительство ФРГ сделало первый шаг в этом направлении, объявив 10 февраля, что страна прекращает все дальнейшие поставки оружия за пределы НАТО. Это стало серьезным ударом для Израиля. Эшколь собрал экстренное заседание своего кабинета. *Кнесет*, в свою очередь, принял резолюцию, в которой выражалось “крайнее удивление и недовольство” по поводу решения ФРГ. Одновременно с этим Бонн обратился к Каиру с весьма жестким посланием, заявив, что визит Ульбрихта в Египет будет рассматриваться как недру-

19 Ульбрихт Вальтер (1893–1973) — государственный деятель Германской Демократической Республики (ГДР). С 1923 г. — член ЦК Коммунистической партии Германии (КПГ). С 1935 г. — член Политбюро ЦК КПГ. После прихода Гитлера с конца 1933 г. жил в СССР. После окончания Второй мировой войны вернулся в Германию. Один из основателей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в 1946 г. В 1946–1949 гг. — зам. председателя СЕПГ, в 1950–1953 гг. — генеральный секретарь, с 1953 г. — председатель СЕПГ. Фактически являлся коммунистическим диктатором Германии.

недружественный акт. Это предупреждение не возымело никаких последствий. Ульбрихт прибыл в Каир 21 февраля, во главе многочисленной делегации, и ему был оказан великолепный прием. Хотя Насер и не пошел на признание ГДР, в Бонне стало ясно, что “Доктрине Хальштейна” нанесен серьезный удар и что единственным эффективным ответным ходом может стать обмен послами с Израилем. Помимо всего прочего, такое решение в тот момент могло получить горячее одобрение общественности. В противном случае, предупреждал Райнер Барзель, лидер Христианско-демократического союза, “мы потеряем все — наш престиж, нашу честь”. Тогда Эрхард принял критически важное решение и объявил в бундестаге, что Федеративная Республика изъявляет намерение заключить дипломатические отношения с Израилем.

Канцлер попросил своего близкого друга, д-ра Курта Биренбаха, отправиться в Израиль и начать переговоры с правительством Эшколя. Биренбаху предстояло с самого начала твердо заявить израильтянам, что не может быть никакого компромисса относительно поставок оружия, которые ни при каких условиях не будут возобновлены. Переговоры по этому вопросу вышли резкими, даже жесткими. И все же в конечном итоге было достигнуто нечто вроде компромисса: американцы поставят вооружение, которое Израиль рассчитывал получить из Германии, а Бонн оплатит все счета. Биренбах дал также понять, что в перспективе возможно предоставление Израилю долгосрочных займов под низкие проценты, и заверил, что вскоре все немецкие специалисты покинут Египет, а в дальнейшем будут приниматься юридические санкции против любого, кто станет заниматься вербовкой граждан ФРГ для работы в зарубежных вооруженных силах. Кабинет министров Израйля проголосовал за принятие этих условий 9 марта, а несколько дней спустя это решение было одобрено *кнессетом*. Дипломатические контакты формально начались 12 мая с обмена посланиями между Эрхардом и Эшколем. Вечером этого дня Ирак, Египет, Судан, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия, Иордания, Кувейт, Йемен и Алжир разорвали свои отношения с ФРГ.

Первый западногерманский посол, д-р Рольф Паулс, прибыл в Иерусалим 19 августа 1965 г. и вручил свои верительные грамоты президенту Израйля Залману Шазару. На улицах израильской столицы начались беспорядки, и автомобиль посла был забросан камнями и бутылками. В президентской резиденции посла встречали Шазар, Эшколь, Голда Меир и другие официальные лица. На лицах присутствующих не было улыбок. Посол зачитал волнующую речь (на английском), в которой говорилось, что “новая Германия не может вспоминать без горести и отвращения все ужасающие преступления национал-социалистического режима...”. Израильский военный оркестр сыграл государственные гимны двух стран, были подняты флаги ФРГ и Израйля. Пять дней спустя, в Бонне, первый посол Израйля

Ашер Бен-Натан²⁰ вручил свои верительные грамоты главе немецкого государства. По окончании формальной процедуры Бен-Натан отправился в Кельн и в городской синагоге почтил память жертв Катастрофы европейского еврейства. Тем не менее после такого сумрачного начала отношения между двумя странами развивались в духе сотрудничества. В 1966 г. переговоры по финансовым вопросам благополучно завершились предоставлением займа на сумму 160 млн немецких марок; на следующий год Израилю был предоставлен еще один заем на ту же сумму. В 1966 г. Израиль посетил Конрад Аденауэр, чтобы получить степень почетного доктора наук в Институте Вейцмана. Бывший канцлер был удостоен торжественной и теплой встречи. А когда по окончании церемонии его доставили на вертолете в Сде-Бокер, *кибуц* в пустыне, где жил Бен-Гурион, бывший премьер-министр, то там его также ожидал в высшей степени достойный прием. Два пожилых человека обнялись со слезами на глазах. Закончилась горестная глава в еврейской и немецкой истории.

Израиль, Франция и Европейское экономическое сообщество²¹

Тем временем между Израилем и Францией складывались новые, в определенной степени двойственные отношения. Сразу после окончания Синай-

²⁰ Бен-Натан Ашер (Пшерникац Артур; р. 1921) — израильский военный и государственный деятель. В 1938 г. репатриировался в Эрец-Исраэль, вступил в *Гагану*. В 1945–1947 гг. руководил в Австрии организацией *Бриха*, переправляя уцелевших в Катастрофе европейских евреев в Палестину. Был также представителем *Гаганы* в Европе. Активно занимался поисками нацистских военных преступников. По возвращении — ответственный сотрудник Министерства обороны. В 1956–1959 гг. — глава комиссии по закупке вооружений во Франции. В 1959–1965 гг. — генеральный директор Министерства обороны. В 1965–1968 гг. Бен-Натан был первым послом Израиля в ФРГ. Там он сумел наладить теплые отношения с различными кругами немецкой политической элиты и общества. С 1969 г. — посол во Франции. Написал книгу воспоминаний.

²¹ ЕЭС — Европейское экономическое сообщество, образовано в 1957 г. Бельгией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Францией и Германией, входившими в состав Европейского союза. В соответствии с Римским договором 1957 г. в ЕЭС вводилось общее таможенное пространство. В последующие годы в ЕЭС вступили Великобритания, Дания, Ирландия, Греция, Испания и Португалия. В феврале 1986 г. эти 12 стран подписали Единый европейский акт, цель которого состояла в ускорении процесса их интеграции и усилении экономического влияния ЕЭС на мировых рынках. 7 февраля 1992 г. в Мaaстрихе (Нидерланды) члены ЕЭС подписали соглашение, значительно расширявшее сотрудничество во внутренних делах, безопасности, внешней политике, правопорядке и предусматривавшее введение с 2000 г. единой валюты.

ской кампании отношения между двумя странами, основанные на взаимной поддержке, были столь тесными, что их дружба казалась незыблемой. В Израиле от всего сердца испытывали благодарность к “нашему великому другу”, и это нашло свое отражение в резко возросшем интересе к французской культуре: в израильских школах началось активное изучение французского языка, в университетах учреждались кафедры французской литературы, в крупнейших городах страны открывались французские библиотеки и магазины французской книги. В сфере дипломатии Израиль также стал прислушиваться к мнению Франции — в первую очередь признав целесообразность скорее европейской, нежели исключительно американской ориентации своей внешней политики. Кроме того, израильтяне согласились свести к минимуму ответные удары на сирийской границе, чтобы не подчеркивать французские усилия по восстановлению своего влияния в странах Леванта.

Со своей стороны, Франция по-прежнему считала своей обязанностью поддерживать укрепившееся на поле боя сотрудничество с “отважным маленьким Израилем”. В 1956–1958 гг. ни одна из Великих держав не прилагала столько усилий для обеспечения защиты и развития Израиля, как Франция. В палате депутатов Франции сформировался влиятельный произраильский блок, члены которого содействовали укреплению дружбы и сотрудничества с Израилем. Франко-израильский союз, организованный еще до военной кампании 1956 г., активно продолжал свою деятельность в конце 1950-х — начале 1960-х гг., и в его состав входили самые уважаемые политические лидеры и деятели культуры. Другие выражения симпатии носили более материальный характер. Вскоре после окончания Синайской кампании французский консорциум подтвердил свое решение вложить 15 млн долларов в сооружение нового трубопровода (с диаметром труб 16 дюймов) для перекачки нефти из Эйлата в Ашкелон. Это решение получило поддержку французского правительства, поскольку оно было не только экономическим, но и политическим, так как способствовало обеспечению свободы судоходства в Акабском заливе.

Сотрудничество в военной области на протяжении определенного срока оставалось столь же тесным, как и во времена Синайской кампании. По мере того как продолжались беспорядки в Алжире, французские военные и политики расценивали Израиль как ключ к стабильности на Ближнем Востоке. Так, после 1956 г. объединенный французско-израильский комитет по вопросам стратегического планирования проводил регулярные заседания, рассматривая пути защиты национальных интересов обеих стран в Средиземном и Красном морях. В 1958 г. правительство Франции пригласило Израиль принять участие в совместных морских маневрах. Впоследствии, когда Египет получил в свое распоряжение первые подводные лодки советского

производства, экипажи израильских эсминцев проводили регулярные учения противолодочной обороны под руководством французских инструкторов. ВВС Израиля и Франции также принимали регулярное участие в совместных программах боевой подготовки. Даже спецслужбы обеих стран работали в тесном контакте, делясь информацией о ситуации в ближневосточном регионе. Известны случаи, когда Франция оказывала содействие израильским агентствам по найму рабочей силы, снабжая поддельными документами еврейских эмигрантов из Марокко и Румынии.

Помимо всего прочего, на протяжении последующего десятилетия Франция оставалась основным источником поставок вооружений Израилю. Продажа оружия продолжалась в интенсивном режиме, характерном для периода накануне Синайской кампании. Израильская авиация практически полностью зависела от поставок французской техники, и в первую очередь реактивных истребителей “Мираж” нового поколения. Надо заметить, что выгода от этих поставок отнюдь не была односторонней. Отстающая от мировых стандартов французская авиастроительная промышленность поставляла свою продукцию в основном французским же ВВС, а из иностранных клиентов главным был Израиль. Израиль являлся также единственной страной, которая испытала французскую технику в реальных боевых условиях, то есть в воздушных боях с самолетами советского производства; поэтому многочисленные замечания и предложения израильских летчиков относительно внесения технических усовершенствований принимались французскими производителями с благодарностью (и не без выгоды для своих компаний).

С учетом всех этих обстоятельств стратегического и экономического характера сотрудничество в области торговли самолетами и другими видами вооружений оставалось наиболее устойчивым элементом франко-израильских связей, пережив изменения политического климата и отношений между двумя странами. До середины 1960-х гг., несмотря на возражения министра иностранных дел Мориса Кув де Мюрвиля²², военные круги

22 Кув де Мюрвиль Морис (1907–1999) — французский государственный деятель, окончил юридический и филологический факультеты университета. В 1930-х гг. работал в Министерстве финансов. В 1940–1943 гг. служил в учреждениях режима Виши. В конце 1943 г. бежал из Франции в Алжир и присоединился к “Свободной Франции” генерала де Голля. Был назначен комиссаром финансов Французского комитета национального освобождения, а в 1944 г. — французским представителем в Союзной контрольной комиссии в Италии. В 1945–1949 гг. — директор политического департамента Министерства иностранных дел Франции. В 1950–1954 гг. — посол Франции в Египте, в 1954–1956 гг. — посол в США. В 1956–1958 гг. жил в ФРГ. После прихода к власти де Голля и установления Пятой республики Кув де Мюрвиль в 1958–1968 гг. занимал пост министра иностранных дел. В июне 1968 — июне 1969 г. — премьер-министр Франции. После того как в 1969 г. Ж. Помпиду стал президентом Франции,

Франции и авиастроители продолжали поддерживать президента де Голля в убеждении, что военные закупки Израиля полезны для страны в плане экономическом, технологическом и исследовательском. Собственно говоря, в 1957 г. Израиль получил разрешение производить по французской лицензии тренажер для пилотов реактивных самолетов “Фуга Магистр”. С этого момента израильская авиапромышленность продолжала постоянно развиваться, и в конечном итоге страна смогла разрабатывать и создавать свои самолеты. В 1959 г. Израиль получил разрешение инвестировать средства в одну из крупнейших французских самолетостроительных фирм, “Дассо Бреге”²³, чтобы помочь в реализации проекта, имевшего особое значение для нужд обороны Израиля. Разработка французской ракеты “Матра” класса “воздух — воздух” стала, по сути дела, совместным франко-израильским проектом. Также франко-израильским проектом стало производство в 1961 г. двухступенчатой “метеорологической” ракеты на твердом топливе “Шавит-II”, первые, секретные испытания которой прошли на полигоне во Французской Сахаре. Осуществлялись также и совместные проекты в области ядерной технологии (обмен информацией в этой сфере начался еще в 1949 г., см. Гл. XVI). В 1957 г. было подписано соглашение, согласно которому частные французские фирмы получили возможность участвовать в строительстве израильского ядерного реактора в Димоне. Вряд ли можно сомневаться, что это соглашение имело политический характер, не говоря уже о его военном значении для Израиля. При высокой стоимости проекта (75 млн долларов) реактор со всей очевидностью предназначался не только для научных исследований.

Однако если продажа вооружений Израилю продолжалась еще до середины 1960-х гг., то франко-израильский политический “медовый месяц” длился всего лишь неполные два года. Появление этих постепенных, поначалу почти незаметных перемен к худшему определялось рядом факторов. В 1960 г., два года спустя после прихода к власти, де Голль начал чистку в рядах высших офицеров, замешанных в алжирском путче. Те, кто пришел им на смену, до того времени не поддерживали контактов с израильцами; не стали они устанавливать такие контакты и после окончательного реше-

ушел в отставку. В 1986 г. был избран от Парижа в палату депутатов, в 1986–1995 гг. — член сената.

23 “Дассо Бреге” — крупнейший французский концерн по выпуску военных самолетов. Его основоположником является Дассо (Блох) Марсель (1892–1986) — французский авиаконструктор и предприниматель. Родился в семье врача. Создатель одного из первых четырехмоторных самолетов (1914). В 1914–1939 гг. конструировал военные и гражданские самолеты. Во время Второй мировой войны был арестован и депортирован в Бухенвальд. В 1949 г. принял католичество и поменял фамилию. Истребители конструкции Дассо “Мистёр” и “Мираж” с успехом использовались Военно-воздушными силами Израиля в период Синайской кампании и Шестидневной войны.

ния алжирского вопроса — по той причине, что к началу 1960-х гг. голлистский режим приступил к коренной перестройке внешней политики страны. Было принято стратегическое решение относительно политической и экономической переориентации на страны исламского мира, как в Магрибе, так и на Ближнем Востоке. Доминирующее положение Франции в Средиземноморье должно было достигаться не с позиций силы, а путем установления дружественных отношений. Новый подход с неизбежностью означал и пересмотр подхода к арабо-израильскому вопросу. Министры французского правительства получили указание прекратить свои контакты в рамках израильско-французского союза.

Новая политика поначалу не привела к резкому охлаждению французо-израильских отношений. Ее последствия на начальной стадии были скорее косвенными. Во Французской Африке израильтяне стали испытывать трудности при открытии консульских учреждений. До 1960 г. французские ВМС и ВВС, дислоцированные в Джибути, осуществляли патрулирование в регионе, препятствуя действиям Египта против израильских судов в Красном море. Однако затем эффективность такого контроля резко снизилась, а к просьбе Израиля о выработке совместной франко-израильской стратегии в Красном море французская сторона отнеслась безо всякого интереса. Началось расхождение бывших партнеров и в рамках ООН. Так, в 1962 г. представитель Франции поддержал на заседании Генеральной Ассамблеи резолюцию, требующую возвращения арабских беженцев в Израиль и допускающую только их добровольное переселение. Израиль, в свою очередь, голосовал вместе с США и против Франции по целому ряду вопросов, включая разоружение, статус Германии, кризис в Конго. В июне 1960 г. де Голль сердечно приветствовал Бен-Гуриона в Елисейском дворце и, провозглашая тост за своего гостя, назвал Израиль “другом и союзником” Франции. Но не исключено, что эта фраза намеренно была столь же двусмысленной, как и известное высказывание де Голля, адресованное алжирцам в 1958 г. (“Я вас понял”), — поскольку визит израильского премьера состоялся лишь после двухлетних непрерывных и настойчивых просьб Министерства иностранных дел Израиля. Когда же Эшколь, сменивший Бен-Гуриона на посту премьер-министра, посетил де Голля по собственной инициативе в 1964 г., он явственно ощутил всю ненадежность этого “друга и союзника”. После этого визита Эшколь, несмотря на возражения Переса, принялся искать альтернативные источники поставки вооружений, все более и более обращаясь при этом к Соединенным Штатам.

Торговля между двумя странами развивалась в основном в военной области. В других сферах она была крайне незначительна. Импорт французских товаров в Израиль возрос с 22,7 млн долларов в 1959 г. до 46,9 млн долларов в 1961 г., тогда как израильский импорт увеличился всего лишь с 4,2

до 4,7 млн долларов за тот же период. Впрочем, никогда и не предполагалось, что Франция в состоянии оказывать такое же содействие развитию Израиля, как ФРГ, или стать таким же рынком сбыта для израильских товаров. В отличие от ФРГ, Франция даже не предлагала Израилю содействие в обеспечении доступа к Общему рынку. В 1963 г. де Голль согласился несколько уменьшить тарифные рамки Общего рынка для израильских товаров, но с тех пор Франция неизменно противилась доступу Израиля в Общий рынок. Постепенное ухудшение дипломатических отношений между двумя странами оказывало негативное воздействие и на сотрудничество в военной области, и на реализацию совместных исследовательских проектов. К середине 1960-х гг. лидеры обеих стран вынуждены были признать, что некогда прочные связи между ними остались в прошлом. Даян следующим образом охарактеризовал ситуацию, сложившуюся к 1965 г.: «Нынешнее положение Израиля определяется различными международными организациями, такими, как НАТО и Общий рынок, а не союзническими отношениями с Францией, которые расцениваются всего лишь как канувший в прошлое эпизод».

Имея дело и с Бонном, и с Парижем, израильские руководители никогда не упускали из виду ту роль, которую эти страны, и особенно Германия, способны сыграть в обеспечении доступа Израиля к различным европейским институтам, и особенно к Общему рынку. Потенциал Общего рынка был очень значительным. Шесть стран, его членов, — это население общей численностью 180 млн человек и суммарный объем производства 400 млрд долларов (по состоянию на 1967 г.). В середине 1960-х гг. 30% израильского экспорта приходилось на долю стран Общего рынка, которые, в свою очередь, поставляли 28% израильского импорта. Хотя дефицит торгового баланса Израиля и стран Общего рынка был меньше, чем у Израиля и других его торговых партнеров, все равно он был велик; в долларовом выражении экспорт из стран Общего рынка в Израиль был существенно выше, чем экспорт из Израиля в эти страны. Естественно, что для Иерусалима было весьма важно сократить этот разрыв — торговые контакты со странами Западной Европы по своей значимости не имели себе равных. Например, доля Великобритании в израильском экспорте с третьей по величине (в 1950 г.) снизилась до восьмой (в 1968 г.), а любые прибыли от торговых отношений с США сводились на нет транспортными расходами. Вряд ли можно было рассчитывать на рост товарообмена со странами советского блока. Общий рынок оставался главной надеждой. Однако торговые отношения с его членами затруднялись наличием единого тарифного барьера, воздвигнутого для того, чтобы осложнить доступ странам, не входящим в Общий рынок. Это препятствие затрудняло торговлю Израиля не только со странами Европейского экономического сообщества, но и со странами

Северной Америки, а также с Грецией, Испанией и Турцией, которым был предоставлен статус ассоциированных членов Общего рынка и льготные таможенные пошлины.

И все-таки в результате настойчивых усилий Израилю удалось заключить в 1960 г. соглашение со странами ЕЭС. В рамках этого соглашения определенное количество израильской промышленной продукции получало 20-процентную тарифную скидку. К сожалению, никаких скидок не предполагалось для товаров, являвшихся основными источниками твердой валюты для Израиля: цитрусовые, куриные яйца, шины и клееная фанера. Это соглашение было пересмотрено в 1967 г. и продлено на следующие пять лет — но, к сожалению, лишь с незначительными изменениями. Одно из основных возражений против приема Израиля в ЕЭС — желание сохранить европейский характер Сообщества, с его политической и экономической инфраструктурой, которую некоторые члены ЕЭС рассматривали как основу для будущих Соединенных Штатов Европы. Другое — и более решительное — возражение выдвигали страны Средиземноморья, члены Общего рынка, в том числе и ассоциированные. Это Италия, Франция, Испания, Греция и страны Магриба, для которых Израиль являлся конкурентом в производстве и экспорте цитрусовых. И наконец, принимая во внимание бойкот арабских стран и слабое развитие торговых связей Израиля с другими частями света, эксперты расценивали потенциал израильского рынка для членов ЕЭС как не очень привлекательный. Несмотря на все усилия ФРГ и Нидерландов, выступавших в поддержку Израиля, его постоянные усилия хоть как-то укрепиться в системе Общего рынка остаются безрезультатными.

Но если сближения со странами Западной Европы не удавалось достичь дипломатическими путями, то существовали и иные способы, о которых говорили израильские лидеры, обладавшие воображением. Так, в своей книге “Праща Давида”, опубликованной в 1970 г., Шимон Перес предложил налаживать контакты не с европейскими правительствами, а с европейскими компаниями, функционирующими в рамках Общего рынка. Такие связи, по утверждению Переса, могли быть установлены путем приобретения акций отдельных фирм или благодаря вовлечению израильских производителей в деятельность европейских компаний, когда израильские фирмы становятся их субподрядчиками, изготавливая для них определенные комплектующие.

Свою мысль Перес пояснил на следующем примере: в 1969 г. автомобиль имелся у 13% израильских семей, и хотя эта цифра, несомненно, увеличивалась (до 24% к 1973 г.), такие темпы роста все равно не оправдывали производство автомобилей в Израиле. Перес отмечал, что более приемлемым решением было бы заключение соглашения с одной из крупных автомо-

бильных компаний Европы — с целью приобретения как части ее акций, так и продукции. Вместо того чтобы производить автомобили целиком и при этом для ограниченного рынка, Израиль мог бы производить некоторые комплектующие этих автомобилей для значительно большего круга потребителей; причем, благодаря массовому производству, израильские производители могли бы значительно снизить конечную стоимость продукции. Подобный принцип применим для производства не только автомобилей, но и телевизоров, радиоприемников, стиральных машин, электронного оборудования и аналогичных видов продукции, и в Израиле имеется для этих целей квалифицированная рабочая сила. Трудовые ресурсы в стране, как известно, не очень значительны, но, тем не менее, Израиль в состоянии взять на вооружение методы, используемые крупными американскими корпорациями в Европе. Последние, также обнаружив, что политические двери Общего рынка для них закрыты, нашли обходные пути, через посредство заключения специальных торговых соглашений. Израиль, в меньших, разумеется, масштабах, мог бы последовать их примеру, и мнение Переса по этому поводу разделяли многие экономисты. Задолго до 1970 г. распределение акционерного капитала, лицензирование и контракты на субподряды вошли в практику взаимоотношений между израильскими и европейскими корпорациями в таких отраслях, как авиастроение, электроника, производство вооружений. Наряду с этим постоянно ведутся соответствующие переговоры с ЕЭС (Гл. XXV).

Израиль и развивающиеся страны

И все же, невзирая на провал своих попыток вступить в ЕЭС, Израиль был в глазах Запада государством, проявляющим жизнеспособность и стремление к прогрессу; и постепенно он превращался в интегральную часть западной системы. Наряду с этим в 1950–1960-х гг. в мире появился новый фактор, который был, судя по всему, в состоянии предоставить Израилю шанс для преодоления спровоцированной арабскими мусульманскими странами дипломатической и политической изоляции. Имеются в виду страны третьего мира, эти появляющиеся одно за другим на карте мира государства Африки, Азии и Латинской Америки. Первая попытка Иерусалима установить дружественные отношения с этими странами, как уже отмечалось, окончилась неудачей, и то, что Израиль не был допущен к участию в Бандунгской конференции 1955 г., следует расценивать как крайнюю степень международной изоляции. Ни одна из развивающихся стран прежде не имела контактов с еврейским государством — напротив, сионизм для них

ассоциировался с западными идеалами и, более того, с западным империализмом. События осени 1956 г. на Синайском полуострове и в зоне Суэцкого канала только способствовали укреплению этой точки зрения.

Однако существовала и другая сторона медали. Открытие Акабского залива для судоходства предоставило Израилю морской путь к странам Азии и Африки, облегчив тем самым связи с рядом развивающихся стран. Более того, устанавливая эти контакты, Израиль мог предложить этим странам два вида ресурсов, имеющих для них особое значение: квалифицированную рабочую силу и опыт экономического развития — причем именно свой собственный опыт, учитывающий специфику Новейшего времени. Так, в 1950 г. несколько представителей Бирмы, направляясь на международный конгресс профсоюзов в Белграде, по пути остановились в Израиле, и на них произвели большое впечатление достижения израильской партии *Мапай*. Контакты между представителями Израиля и Бирмы продолжились во время Азиатской социалистической конференции в Рангуне (1953 г.) и привели к установлению дипломатических отношений между двумя странами. Давид Гакоген²⁴, видный деятель партии *Мапай*, был назначен послом Израиля в Бирме, где он, как бывший директор *Солель боне*, смог поделиться своим богатым опытом. В 1954 г. по предложению Гакогена правительство Бирмы направило в Израиль военную миссию, и была достигнута договоренность о том, что израильские специалисты будут обучать персонал наземного обслуживания бирманских ВВС и армейский технический персонал. На следующий год премьер-министр Бирмы У Ну²⁵ посетил Изра-

- 24 Гакоген Давид (1897–1984) — израильский политический деятель и дипломат. Сын известного писателя и сионистского деятеля Гакогена Мордехая. С 1907 г. жил в Эрец-Исраэль. Учился в гимназии “Герция”. Во время Первой мировой войны — офицер в турецкой армии. С начала 1920-х гг. — активный член *Ахдут ха-авода*, с начала 1930-х гг. — партии *Мапай*. Один из руководителей *Гистадрута* и *Солель боне* (позднее директор компании). Во время Второй мировой войны — офицер *Гаганы*, ответственный за связь с британским командованием. В 1949 г. был избран в *кнесет* от партии *Мапай*. Член парламента до 1965 г., много лет возглавлял парламентскую комиссию по иностранным делам и обороне, за исключением 1953–1957 гг., когда он был израильским послом в Бирме, о чем написал в книге “Бирманский дневник” (1963).
- 25 У Ну (1907–1995) — бирманский государственный деятель. В 1929 г. окончил Рангунский университет. В годы учебы был председателем Союза студентов университета. В 1942–1945 гг. был министром информации и иностранных дел в правительстве Бамо, созданном японскими оккупационными властями. В 1945–1947 гг. — спикер Учредительного собрания. В 1945–1958 гг. — президент Антифашистской лиги народной свободы. В 1959–1962 гг. несколько раз возглавлял правительство Бирмы. Был свергнут в 1962 г. в результате военного переворота и прихода к власти Революционного совета, а фактически генерала Не Вина с диктаторскими полномочиями. В 1962–1966 гг. находился в заключении в Бирме. В 1969 г. выехал в Таиланд, создал Объединенный национально-освободительный фронт, целью которого было объявлено свержение режима Не Вина.

иль, что ознаменовало не просто новый этап развития двусторонних отношений, но и прорыв международной изоляции. Визит У Ну еще больше укрепил отношения между двумя странами; в частности, помощь израильских специалистов была включена в качестве особой составляющей в новую масштабную бирманскую программу сельскохозяйственного развития. И тут израильтяне осознали, что у них имеются многообещающие возможности для установления контактов с развивающимися странами. Начало этому процессу положил министр иностранных дел Шарет, но с особой интенсивностью он продолжился при Голде Меир, которая стала преемницей Шарета в 1956 г.

Приступая к развитию своей программы помощи развивающимся государствам, Израиль в определенной степени основывался на том опыте, который он заимствовал у других стран, и в первую очередь у США. Но все-таки четыре тысячи израильских советников, исследователей и технических специалистов, работавших в странах третьего мира начиная с 1958 г., в основном уделяли внимание тем областям, где Израиль накопил уникальный опыт в процессе собственного развития: сельское хозяйство и ирригация, городское строительство и планирование, организация молодежного движения, академическое, медицинское и профессиональное образование и развитие общинной жизни. В этих же или в пограничных областях проводилось также и обучение представителей развивающихся стран, прибывавших после 1958 г. в Израиль. В частности, наиболее значительным вкладом Израиля в экономику развивающихся стран стали новые методы развития сельского хозяйства. Особый интерес к опыту *кибуцев* и *мошавов* был проявлен в странах Африки. Планы регионального развития привлекли особое внимание в странах Южной Америки, Восточного Средиземноморья и Азии. Эти планы были осуществлены с помощью израильских советников в 1962 г. в Венесуэле, где были успешно расселены тысячи семей, и в Непале (провинция Навалпур), также с помощью израильских советников. Израильские молодежные движения *Гадна*²⁶ и *Нахаль* (Гл. XVII) привлекли внимание многих стран Африки и Южной Америки. Израильтяне были

В 1973 г. отошел от политической деятельности и поселился в Индии, приняв сан буддийского монаха. В 1980 г. после объявления амнистии вернулся в Бирму, был вновь арестован в 1988 г. после военного путча. По обвинению в попытке создания правительства был посажен под домашний арест. Освобожден в 1992 г.

26 *Гадна* (аббр. от *Гдудей ноар* — “Молодежные отряды”) — израильская добровольческая молодежная организация, готовящая подростков 13–18 лет к военной службе. Деятельностью *Гадны* руководит командование, функционирующее в рамках Армии обороны Израиля и координирующее свою деятельность с Министерством просвещения. Отряды *Гадны* создаются при средних школах и молодежных клубах. Их члены проходят физическую и военную подготовку. *Гадна* была создана в 1948 г.

приглашены для оказания помощи при реализации аналогичных программ в восемнадцати странах, по большей части в африканских, но также в Боливии, Эквадоре, Коста-Рике и Сингапуре.

Проведение краткосрочных учебных курсов, семинаров и конференций способствовало тому, что Израиль обрел имидж международного учебного центра для стран третьего мира. В числе получивших особую известность мероприятий такого рода следует назвать конференцию, посвященную роли науки в процессе развития новых государств, проводившуюся в Реховоте и организованную правительством Израиля и Институтом Вейцмана. В этом двенадцатидневном мероприятии, предусматривавшем, помимо лекций, еще и обмен мнениями, участвовало 120 представителей из 39 стран. В работе Реховотской конференции, проводившейся впоследствии на регулярной основе, принимали участие министры стран Азии, Африки и Латинской Америки, ответственные сотрудники плановых организаций, экономисты, социологи, специалисты в области сельского хозяйства. В 1965 г. в Реховоте был основан постоянно действующий Учебный центр по вопросам организации поселений, и ежегодно представители целого ряда стран принимали участие в семинарах, посвященных вопросам развития науки в третьем мире. Аналогичные учебные программы организовывались в Институте производительности труда для стран Латинской Америки и Афро-азиатском Институте труда и сотрудничества (последний был основан *Гистадрутом*). Отделение по обучению иностранцев Израильской службы повышения квалификации в области сельского хозяйства предлагало целый ряд курсов — от птицеводства до ирригации. В 1962 г. на горе Кармель был создан Международный центр общинной жизни, где женщины из развивающихся стран получали знания в таких областях, как здравоохранение, диетология, обучение взрослых и домоводство. В 1966 г. в Израиле было проведено, в общей сложности, 69 различных краткосрочных курсов и семинаров. Наряду с этим в Израиле действовали рассчитанные на длительные сроки программы академического и профессионального обучения, в том числе и в таких областях, как подготовка врачей и среднего медицинского персонала, агротехника, городское планирование и организация профессионально-технической подготовки. Так, в 1964 г. в Израиле обучалось 420 студентов из развивающихся стран, а также 2 тыс. слушателей краткосрочных курсов. Обучение велось на английском или французском языке.

Процесс обучения иностранцев в Израиле продолжал развиваться (причем более значительными темпами, чем это первоначально предполагалось), и на правительственном уровне было принято решение упорядочить эту деятельность, создав при Министерстве иностранных дел специальное координирующее подразделение. К 1967 г. бюджет этого подразделения вы-

рос до 4,5 млн долларов в год, причем сумма была бы значительно большей, если бы правительства стран-партнеров не брали на себя основную часть расходов. В финансировании израильских учебных программ стали принимать участие такие международные организации, как ЮНЕСКО²⁷, ФАО²⁸, ЮНЭП²⁹ и МАГАТЭ³⁰. ОАГ³¹ взяла на себя значительную долю расходов, связанных с обучением студентов из Латинской Америки в Израиле и с работой израильских специалистов в латиноамериканских странах. И разу-

- 27 ЮНЕСКО (сокр.) — Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры — специализированное учреждение ООН, основано в ноябре 1946 г. В 2008 г. в ЮНЕСКО входило 188 стран (в их числе Израиль) и 6 ассоциированных членов. Основными целями ЮНЕСКО являются: содействие миру и безопасности путем развития сотрудничества между государствами в области просвещения, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения к справедливости, законности, правам человека и основным свободам для всех народов без различия расы, пола, языка и религии. Организация занимается перспективными исследованиями, обменом знаниями, предоставлением услуг и экспертов, обменом специализированной информацией. Высшим органом ЮНЕСКО является Генеральная конференция.
- 28 ФАО (сокр.) — продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, занимающаяся вопросами продовольственных ресурсов и развития сельского хозяйства различных стран. Основана в 1945 г. В организацию входят 183 страны, штаб-квартира находится в Риме. В Уставе зафиксированы основные цели ФАО: улучшение питания и повышение жизненного уровня народов мира. Более конкретными задачами являются изучение мирового продовольственного положения и конъюнктуры важнейших сельскохозяйственных товаров на мировом рынке. ФАО разрабатывает рекомендации для стран — членов организации по различным вопросам сельского хозяйства и оказывает помощь в их реализации, представляет техническую помощь нуждающимся странам.
- 29 ЮНЭП (сокр.) — программа ООН по защите окружающей среды. Занимается разработкой основных методов комплексного научного планирования и управления ресурсами биосферы, сохранением подземных экологических систем, борьбой с наступлением пустынь и деградацией почвы, а также с загрязнением окружающей среды.
- 30 МАГАТЭ (сокр.) — Международное агентство по атомной энергии, межправительственная организация для развития международного сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии. Создано в 1957 г. В начале 2000-х гг. объединяло более ста государств. Входит в общую систему ООН; представляет ежегодные доклады Генеральной Ассамблее и при необходимости — Совету Безопасности ООН. Важнейшее направление деятельности МАГАТЭ — обеспечение нераспространения ядерного оружия.
- 31 ОАГ (сокр.) — Организация американских государств, международная межправительственная организация государств Западного полушария. Создана в 1948 г. В ОАГ входит 35 стран, в т. ч. США. Целями ОАГ являются: поддержание мира и безопасности в регионе; мирное урегулирование споров между членами ОАГ; совместные действия против агрессии; содействие социальному, экономическому и культурному развитию членов ОАГ. Высшим органом является ежегодная Генеральная ассамблея, определяющая общую политику ОАГ.

меется, расходы Израиля выглядели совершенно незначительными на фоне того международного признания, которое страна получала благодаря этим учебным программам (Гл. XIX. Израиль—Африка: медовый месяц).

Основным вкладом Израиля в этот процесс были не деньги, а люди. К середине 1960-х гг. по такому показателю, как отношение числа специалистов, работающих за рубежом, к численности населения страны, Израиль стоял на первом месте в Европе. Несомненное признание, которым пользовались израильские специалисты (как преподаватели, так и консультанты), работавшие в развивающихся странах, определялось в первую очередь их профессиональным уровнем. Типичный израильский специалист — это *мадрих* (инструктор): как правило, молодой человек, накопивший опыт работы в Израиле в качестве и преподавателя, и лидера молодежных групп и групп репатриантов, причем этот опыт был накоплен в годы становления Израиля как независимого государства. В странах Африки и Азии, равно как и в самом Израиле, *мадрих* проявлял не только энтузиазм, выдержку и настойчивость, но также такт и понимание человеческой природы. Зачастую он, по сравнению с коллегами из европейских стран, был менее требователен к бытовым условиям и месту работы. Он всегда был на стороне своих учеников, нередко в буквальном смысле слова, то есть жил в том же помещении, что и они. Он был лишен расовых предрассудков и не относился к ученикам свысока и покровительственно — точно так же, как он не позволял себе такого в Израиле, общаясь с репатриантами из Марокко или Курдистана. Такая благожелательность способствовала созданию взаимоотношений доверия и обоюдной привязанности, особенно между израильтянами и африканцами, и эти взаимоотношения сохранялись вплоть до крайне неприятных дипломатических событий 1970-х гг. (Гл. XXV).

Израиль—Африка: медовый месяц

Израильское правительство не делало никакого секрета из того, что капиталовложения в систему обучения иностранцев преследовали чисто прагматические цели. Главной такой целью был прорыв политической изоляции, в которой оказался Израиль после Бандунгской конференции (1955 г.) и Азиатской социалистической конференции в Нью-Дели (1956 г.). Таким образом, программа технического сотрудничества довольно скоро стала действенным инструментом, позволяющим Израилю обойти дипломатическую изоляцию и избавиться от негативных последствий навязанного ему образа западного, “империалистического” государства. Проде-

монстрированная Израилем способность к самостоятельному развитию говорила в его пользу. Для технологически отсталых стран Израиль служил примером того, как можно достичь экономического взлета на протяжении менее чем срока жизни одного поколения. Отмечалось также, что страна, население которой состояло из разнородных групп, находившихся на самых разных уровнях культурного развития, включая сотни тысяч недостаточно образованных репатриантов из стран Востока, смогла обучить их таким образом, чтобы они овладели соответствующими производственными навыками. Эти достижения стали результатом упорной работы и усилий, направленных на создание системы социальных ценностей, признающих престиж физического труда и важность технических профессий. Ко всему прочему, небольшие размеры израильских промышленных предприятий отвечали потребностям стран Африки и Латинской Америки лучше, чем гигантские предприятия промышленно развитых стран. Развивающиеся страны, и особенно страны Африки, относясь с недоверием к большим европейским странам, чувствовали себя более уверенно при контактах с маленьким Израилем. И наконец, они ощущали сходство своей исторической судьбы с судьбой евреев, которые также подвергались гонениям на расовой почве.

Вот почему и приложенные усилия, и достигнутые результаты тщательно обдуманной большой игры, которую Израиль вел в странах третьего мира, нигде не были столь значительны, как в отношении стран Африки. Получение независимости всеми этими бывшими протекторатами и зависимыми территориями совпало по времени с победой Израиля в Синайской кампании 1956 г.; при этом, как уже было сказано, снятие египетской блокады означало для Израиля свободу судоходства из Эйлата в порты Восточной Африки, и потому первые морские торговые пути Израиля пролегли именно в эти страны. Налаживание прямых контактов вскоре свело на нет последние подозрения африканских стран относительно роли Израиля в военных действиях на Синае и в районе Суэцкого канала. Первой страной, с которой были установлены контакты, стала Гана, причем торговые контакты подкреплялись общением лидеров обеих стран на различных международных социалистических конференциях. В преддверии будущих официальных отношений израильский консул в Аكو был назначен еще в 1956 г., то есть за год до обретения Ганой независимости. Когда же в 1957 г. обе страны установили дипломатические отношения, израильским послом в Аку стал Эгуд Авриэль³², один из наиболее уважаемых из-

32 Авриэль Эгуд (Иберам; 1917–1980) — израильский дипломат. В 1939 г. уехал из Австрии в Эрец-Исраэль и стал членом *кибуца* Неот-Мордехай. Во время Второй мировой войны был одним из руководителей оперативного центра в Стамбуле, созданного Еврейским агентством для организации операций по спасению европей-

раильских государственных служащих, организатор воздушного моста из Чехословакии в 1948 г., и Израиль, по инициативе Авриэля, приступил к реализации в Гане целого ряда экономических и технологических проектов. В правительственных учреждениях Ганы появились израильские советники по вопросам сельского хозяйства, здравоохранения, финансов и образования; начали работать совместные предприятия в сфере морских перевозок и строительства; были организованы программы боевой подготовки в армии и авиации. Информация об успехах, достигнутых в Гане при израильском содействии, быстро распространилась по всему Африканскому континенту. Вскоре в Израиль стали одна за другой прибывать делегации из различных стран Африки, чтобы ознакомиться с экономическими успехами этого молодого государства. Для предоставления им такой возможности *Гистадрут* организовал в 1958 г. свой первый Афро-азиатский семинар. Его успех, в свою очередь, способствовал расширению учебной деятельности Израиля, в сфере как профсоюзной активности, так и экономического сотрудничества. В 1960 г. на учебу в Афро-Азиатский институт труда и сотрудничества ежегодно стали приезжать сотни студентов из стран Африки для занятий по четырехнедельным и восьминедельным программам.

Из всех израильских лидеров самое значительное внимание развитию и совершенствованию отношений с африканскими странами уделяла, будучи в должности министра иностранных дел, Голда Меир. Ее контакты с руководителями стран Азии оказались не очень продуктивными. Она не сумела установить отношения на личном уровне с азиатскими государственными деятелями, многие из которых являлись представителями древних и сложных цивилизаций. Напротив, с присущей ей склонностью к искренности и бесхитростности, Голда Меир лучше воспринимала простые человеческие и политические нужды молодых африканских государств. Ее подход — и тут она, несомненно, не кривила душой — сводился к тому, чтобы отождествить историю преследований народа Израиля с колониальным рабством народов Африки, соотнести обретенную евреями и африканцами независимость и их сходные надежды на будущее. Вместе с тем она напомнила *кнесету* в 1960 г., что “наша помощь странам, обретшим незави-

ского еврейства. В 1948 г. руководил израильской делегацией в Чехословакии, занимавшейся закупкой большого количества оружия. В 1948–1949 гг. был первым израильским послом в Чехословакии и в Венгрии, в 1950 г. — в Румынии. В 1955–1957 гг. — депутат *кнесета* от партии *Мапай*. В 1957–1960 гг. — израильский посол в Гане, Конго и Либерии. В 1961–1965 гг. Авриэль был заместителем генерального директора Министерства иностранных дел, ответственным за отношения с африканскими государствами. Сыграл большую роль в налаживании тесных связей между Израилем и африканскими странами. В 1965–1968 гг. — посол в Италии.

симость, — это отнюдь не филантропия. Мы нуждаемся в братских и дружественных отношениях с этими странами не менее, чем они — в нашей помощи”.

В годы, когда Голда Меир занимала пост министра иностранных дел, а директором африканского департамента МИДа был молодой и очень способный дипломат Нетанэль Лорх, деятельность Израиля на этом в прошлом колониальном континенте значительно активизировалась. Из 3948 израильских специалистов, работавших за рубежом в период 1958–1970 гг., 3483 израильтянина находились в странах Африки. Из 13 790 иностранных студентов, учившихся в Израиле на протяжении того же периода, почти половину составляли африканцы. Израильские специалисты осуществляли в Африке самые различные и масштабные проекты. В числе прочих следует назвать экспериментальный проект по созданию оросительной системы на хлопковых полях Танзании, школу для сельских социальных работников в Кении, предоставление *Гистадрутом* консультаций по организационным вопросам для Кенийской федерации труда, а также работу медицинских советников в Бурунди, Эфиопии, Гане, Либерии, Малави, Мали, Республике Конго (Браззавиль), Руанде, Танзании и Верхней Вольте. В Эфиопии израильтяне занимали ключевые позиции в системе здравоохранения (главный фармаколог, директор больницы в Асмэре, ответственный сотрудник медицинской службы в Эритрее, а также заведующие отделениями в государственных больницах). Пожалуй, самым значительным вкладом израильских медиков стала специальная программа по лечению глазных болезней, а также по обучению слепых — в этих областях израильтяне добились значительных успехов в годы приема репатриантов из стран Востока. В 1960 г. израильские специалисты организовали больницу в Монровии на тридцать коек, где работали двое израильских офтальмологов и либерийские медсестры, прошедшие подготовку в Израиле. Аналогичные программы с участием израильских медиков были реализованы в Танзании, Эфиопии и Руанде; там же были открыты специальные школы для слепых.

Число запросов о предоставлении израильской помощи в области науки, образования и административной деятельности было весьма велико. На профессорско-преподавательских должностях в Университете имени Хайле Селассие I (Эфиопия) работало четырнадцать израильтян, в том числе трое занимали посты деканов. Почтовая и телеграфная служба Эфиопии также была организована израильскими специалистами. Прекрасным примером разнообразия израильской помощи можно считать Гану. В этой стране израильтяне создали государственную компанию морских перевозок, укомплектовали врачами и фармацевтами штаты ряда больниц, а также помогли организовать филармонический оркестр, метеорологическую службу, ин-

ститут стандартов, мореходное училище, академию наук, государственный банк развития — и это не считая различных проектов в области сельского хозяйства, промышленности и профессионального обучения.

Особую популярность в странах Африки приобрели идеи движения *Нахаль*, поскольку там существовала острая необходимость в профессиональной подготовке молодых людей с последующим представлением им рабочих мест, причем подготовка должна была отвечать насущным потребностям национальной экономики. Израильские инструкторы помогли в организации групп по типу *Нахаль* в таких странах, как Кот-д’Ивуар, Центрально-Африканская Республика, Дагомея, Камерун, Сенегал и Того. Военная подготовка, которую получали члены этих групп, также оказалась весьма полезной в ряде конкретных ситуаций. Так, в январе 1964 г., когда регулярная армия Танзании распалась после окончившегося неудачей военного путча, именно группы молодежи, обученные израильянами, сохранили свою лояльность властям страны. Это произвело большое впечатление на президента страны Джулиуса Ньерере³³, который обратился к Израилю с просьбой в срочном порядке подготовить тысячу специально подобранных человек, которые стали ядром новой национальной армии. Израильские военные откликнулись на эту просьбу. Это был не первый случай, когда африканские лидеры проявили интерес к израильскому военному опыту. Вскоре после обретения независимости Гана обратилась к Израилю с просьбой организовать в стране школы для подготовки летчиков, а несколько лет спустя с аналогичной просьбой обратилась Уганда. Впрочем, история военной помощи Израиля другим странам всегда оставалась засекреченной. Известно было, однако, что инициатором военного направления израильской помощи развивающимся странам с 1958 г. был Шимон Перес. Он говорил, что основная задача политики Израиля — “создание в Африке “второго Египта”, то есть развитие экономической и военной мощи Эфиопии до такой степени, чтобы страна имела возможность противостоять Египту и обеспечить для Африки новый центр притяжения”. Из-

33 Ньерере Джулиус Камбарадже (1922–1999) — государственный и политический деятель Танзании. Окончил католическую миссионерскую школу, в 1944 г. — Университетский колледж Макерере (Уганда), в 1952 г. — Эдинбургский университет. В 1953–1954 гг. — президент Африканской ассоциации. С июня 1954 г. — президент партии “Африканский национальный союз Танганьики”. В 1958 и 1960 гг. избирался в законодательный совет Танганьики. В 1960 г. — главный министр, а затем премьер-министр правительства внутреннего самоуправления. После провозглашения независимости Танганьики (декабрь 1961 г.) — премьер-министр до января 1964 г. В 1962–1964 гг. — президент Танганьики, а после объединения Танганьики и Занзибара и образования Объединенной Республики Танзания в 1964–1985 гг. — президент нового государства. Ньерере являлся одним из теоретиков африканского социализма. Автор книг “Свобода и единство” (1967); “Свобода и социализм” (1968) и др.

вестно было также, что израильские инструкторы играли ключевую роль в деле подготовки эфиопского офицерского корпуса и что израильская военная помощь, в том числе и оружием, предоставлялась Заиру, Уганде, Гане и ряду других стран. Будущие президенты Конго и Уганды, Жозеф Мобуту³⁴ и Иди Амин³⁵, получили свои “крылышки” парашютистов-десантников в Израиле (Гл. XXI). Угандийские военные летчики проходили подготовку на учебно-тренировочных самолетах израильского производства.

Несмотря на свои ограниченные ресурсы, Израиль умело сочетал предоставление экономической и технической помощи африканским странам в рамках таких совместных экономических проектов, как сооружение гостиниц, организация строительных компаний и компаний морских перевозок. Стоимость проектов обычно составляла от 300 до 500 тыс. долларов, при-

- 34 Мобуту Сесе Секо (до января 1972 г. — Жозеф Дезире; 1930–1997) — государственный и политический деятель Республики Заир. Окончил среднюю и военную школы. В 1949–1956 гг. служил в бельгийских колониальных войсках. Оставил службу, работал в области журналистики в газете “Авенир” и еженедельнике “Актюалите африкен”. В 1958 г. учился на факультете социологии Брюссельского университета. В 1959 г. вступил в партию “Национальное движение Конго”. В 1960 г. — статс-секретарь правительства независимого Конго, затем начальник Генерального штаба. В 1965 г. армия пришла к власти, Мобуту был провозглашен президентом страны на пять лет и вскоре стал главой правительства. В 1970 г. был избран президентом на семь лет, в дальнейшем неоднократно переизбирался, был также главой Национального исполнительного совета (правительства); маршал. В 1997 г. был свергнут со всех постов и изгнан из страны.
- 35 Амин Иди (1925–2003) — угандийский государственный деятель, вошедший в историю как диктатор, проводивший массовые репрессии против своего народа (300 тыс. жертв). В возрасте 16 лет перешел из католицизма в ислам. В 1947 г. поступил на службу в британскую армию. В 1952 г. в составе британской армии сражался в Кении против повстанцев движения “Мау-Мау”, боровшегося с британским колониальным господством. В боях с повстанцами проявил мужество и необыкновенную жестокость. В 1952 г. ему присвоено звание сержанта, в 1953 г. он получил чин эфенди — высшее звание для африканцев в британской армии. В 1961 г. произведен в лейтенанты, а после получения Угандой независимости — в майоры. В 1967 г. премьер-министр М. Оботе совершил переворот и стал президентом Уганды, Амин — генералом и командующим угандийской армией. В январе 1971 г., в результате нового переворота, Амин становится президентом страны. В скором времени в Уганде был установлен режим жесточайшего террора, направленного против его соперников в армии, интеллигенции, христианского большинства населения. Из страны было изгнано 50 тыс. выходцев из Азии, что полностью разрушило экономику Уганды. Недолгий период хороших отношений с Израилем сменился тесным сотрудничеством с самыми радикальными арабскими режимами и прямым участием в захвате самолета “Эр Франс” 27 июня 1976 г., на борту которого были 83 израильтянина, освобожденные израильскими десантниками. Развязав в октябре 1978 г. военные действия против Танзании, войска Амина потерпели поражение, диктатор бежал в Ливию, а в 1979 г. — в Саудовскую Аравию, где прожил остаток жизни.

чем израильским партнерам принадлежало 49% акций, а остальные деньги вкладывало правительство страны. Срок партнерства определялся, как правило, в пять лет, и на протяжении этого времени израильтяне направляли в страну специалистов, занимавших ведущие административные должности, и обеспечивали подготовку персонала, а затем продавали свои акции правительству страны. Так, в рамках подобного сотрудничества Израиль и Гана создали Национальную строительную компанию и судоходную компанию “Черная звезда”. Аналогичные совместные проекты Израиль организовывал с Берегом Слоновой Кости, Сьерра-Леоне и Нигерией. Выгода, получаемая израильтянами от реализации таких проектов, была не обязательно или не исключительно материальной. Молодые израильские инженеры и техники приобретали неоценимый опыт, даже если в финансовом выражении доходы были и не очень впечатляющими. Впрочем, были проекты, имевшие более значительную коммерческую ценность — строительство здания парламента в Сьерра-Леоне, университетского кампуса в Западной Нигерии и четырех гостиниц в Нигерии. Израильские компании управляли гостиницами в Ибадане, Монровии, Абиджане и Дар-эс-Саламе.

Политические результаты такого рода совместной экономической деятельности стали весьма значительными. На протяжении пятилетнего периода Израиль установил дипломатические отношения почти со всеми африканскими государствами к югу от Сахары. В 1961 г. президент Верхней Вольты Морис Ямеого³⁶ первым нарушил продолжительный афроазиатский дипломатический бойкот и вступил на землю Израиля, открыв своим визитом длинный список глав африканских государств, официально посетивших еврейское государство. К 1968 г. большинство президентов этих государств уже побывали в Израиле, причем некоторые и дважды. И уже месяца не проходило без посещения Израиля тем или иным министром из африканской страны, занимающим видное положение в своем правительстве. В свою очередь, израильские лидеры — президент Бен-Цви, премьер-министр Эшколь, министры иностранных дел Меир и Эвен, дру-

36 Ямеого Морис (1921–1973) — государственный и общественный деятель Верхней Вольты (с 1984 г. Буркина Фасо), первый президент государства. С 1947 г., с момента ее образования, — один из руководителей Вольтийской секции африканского демократического объединения, возглавившего борьбу за освобождение от колониальной зависимости. В 1958 г. секция объединилась с рядом других политических движений, образовав Вольтийский демократический союз (ВДС), который возглавил Ямеого. 11 июля 1960 г. Франция признала независимость Верхней Вольты, Ямеого стал первым президентом страны (5 августа 1960 — 3 января 1966 гг.). Его политика, направленная на развитие частного сектора и на привлечение в страну иностранного капитала, привела к ухудшению экономического положения широких слоев населения. Начавшиеся в январе 1966 г. забастовки и демонстрации протеста, к которым присоединилась армия, заставили Ямеого 3 января 1966 г. подать в отставку.

гие члены кабинета — в 1960-х гг. также посетили ряд африканских стран. Надо также отметить, что до 1973 г. лидеры развивающихся стран не позволяли арабским политикам чинить препятствия их двусторонним отношениям с Израилем. Мнение большинства выразил президент Танзании Джулиус Ньерере, заявивший: “Мы не намерены позволять нашим друзьям решать за нас, кто является нашим врагом”. Арабы, разумеется, не прекращали попыток “вышвырнуть Израиль из Африки” (слова Насера). Однако, за исключением Сомали и Мавритании, где проживало значительное число мусульман, эти попытки на протяжении многих лет оставались безрезультатными. Израильское правительство, в свою очередь, прилагало все усилия к тому, чтобы не поставить под угрозу доброе расположение Африканского континента. Израиль неуклонно поддерживал все резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, “осуждающие” ЮАР и ее политику апартеида — и это несмотря на то чувство глубокой благодарности, которое Иерусалим питал по отношению к южноафриканскому правительству, и на щедрую поддержку богатой еврейской общины ЮАР на протяжении ряда лет.

Следует, впрочем, отметить, что Израиль время от времени подвергался довольно суровой критике со стороны своих африканских друзей. Так, в середине 1958 г. стало заметным влияние Египта на Гану. В совместном заявлении, сделанном ими в Каире, президенты Насер и Кваме Нкрума³⁷ потре-

- 37 Нкрума Кваме (1902–1972) — президент Ганы. Окончил католическую миссионерскую школу и педагогический колледж в 1930 г. В 1935 г. уехал на учебу в США, в 1939 г. окончил Университет Линкольна со степенью бакалавра экономики, социологии и богословия. В 1945 г. получил степень магистра философии и педагогики Пенсильванского университета. Организатор Ассоциации студентов-африканцев США и Канады, проповедовал идею африканского религиозного возрождения. В 1945–1947 гг. изучал философию и право в Лондонском университете. Активно участвовал в организации и работе Panaфриканского конгресса в Манчестере в 1945 г. В 1947 г. вернулся в Золотой Берег. В 1949 г. образовал Народную партию Конвента (НПК), провозгласившую курс на “независимость и социалистическое строительство”. В 1948–1950 гг. арестовывался за организацию забастовок и демонстраций. В 1951 г. состоялись первые выборы в Законодательное собрание, которые принесли победу НПК. Нкрума был освобожден из тюрьмы и назначен руководителем Департамента правительственных дел. После провозглашения независимости Ганы в 1957 г. — премьер-министр молодого государства. 1 июля 1960 г. Гана вышла из Британского содружества наций, а Нкрума стал ее президентом. В 1957–1958 гг. и в 1962–1966 гг. он также являлся министром иностранных дел, с 1961 г. был генеральным секретарем и пожизненным председателем НПК. В 1964 г. в стране была введена однопартийная система, Нкрума был провозглашен пожизненным президентом страны. В Гане осуществлялась социалистическая ориентация, проводился курс на модернизацию экономики при развитии в первую очередь государственного сектора. Нкрума являлся главой panaфриканского движения, предоставлял помощь национальным движениям африканских народов. Его политика привела Гану к финансово-

бовали “справедливого решения” палестинской проблемы, допустив при этом антиизраильские высказывания. Год спустя Израиль оказался единственной страной, которую не пригласили на отмечающийся Организацией Объединенных Наций “День Африки”. Далее, в конце 1959 г. Израиль оказался единственной страной — членом ООН, которую не включили в список приглашенных на прием в честь президента Гвинеи Секу Туре³⁸. Существовало заметное различие между теми отношениями, которые каждая из африканских стран в отдельности стремилась установить с Израилем, и отношением этих стран к Израилю в рамках африканского (точнее говоря, афро-азиатского) блока. Это различие было со всей ясностью обозначено в Касабланкской декларации (январь 1961 г.), где президенты Египта, Ганы, Гвинеи и Мали заклеили Израиль как “орудие империализма и неокOLONиализма”. Нередки бывали и случаи, когда правительства стран, имевших с Израилем самые тесные двусторонние связи, при этом голосовали, под воздействием арабских государств, за принятие антиизраильских резолюций.

Однако, несмотря на все подобные ситуации, в целом репутация Израиля в Африке приносила плоды даже на международной арене. Так, на протяжении многих лет основной целью израильской внешней политики было принятие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей к прямым переговорам между арабскими странами и Израилем, — и всякий раз

экономическому кризису, и в результате военного переворота в феврале 1966 г. он был смещен со всех занимаемых постов. Остаток жизни провел в Гвинее. В 1971 г. выехал на лечение в Бухарест, где скончался.

38 Туре Ахмед Секу (1922–1984) — политический и общественный деятель Гвинеи, первый президент Гвинеи (октябрь 1958 — март 1984 гг.). Родился в крестьянской семье. В 1935–1937 гг. учился в Педагогическом лицее в Канакри, но в 1937 г. был исключен за революционную деятельность. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. работал в почтовом ведомстве. В 1946 г. стал вице-президентом Африканского демократического объединения, борющегося за независимость стран Западной Африки. В 1947 г. создал и возглавил Демократическую партию Гвинеи. В 1948 г. был избран секретарем гвинейской секции Всеобщей конфедерации трудящихся, в 1956 г. — генеральным секретарем Всеобщей конфедерации трудящихся Черной Африки. В 1956 г. был избран депутатом Национального собрания Франции и мэром Канакри. Возглавил борьбу Гвинеи за независимость. С момента провозглашения независимости (2 октября 1958 г.) до смерти — пожизненный президент Гвинеи. Проводил радикальные социалистические преобразования, включавшие активную индустриализацию и создание промышленных гигантов при помощи советских специалистов. Недовольные его политикой, среди которых были племенные и клановые вожди, беспощадно уничтожались по приказу президента гвинейскими спецслужбами. Несмотря на некоторое улучшение положения широких слоев населения в области образования и здравоохранения, на изменения к лучшему в статусе женщин, экономика страны пришла в полный упадок. Поддерживал антиколониальные движения во всей Африке, находился в дружественных отношениях с Советским Союзом.

такая резолюция оказывалась заблокированной голосами арабских стран и представителей коммунистического лагеря. Не прошла такая резолюция и в 1963 г. — однако в том году ее поддержали девятнадцать делегаций (больше, чем когда бы то ни было); но главное, что десять из них представляли страны Африки. В этом плане следует добавить, что даже когда представители африканских стран голосовали не в пользу Израиля на сессиях Генеральной Ассамблеи или занимали антиизраильскую позицию в каких-либо международных ситуациях, их правительства зачастую рекомендовали израильтянам не принимать во внимание результаты голосования. А в июне 1967 г., в ходе дебатов на сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу о Шестидневной войне, 42 развивающиеся страны, включая Гану и Эфиопию, проголосовали за резолюцию, которая увязывала отступление Израиля с занятых территорий с прекращением воинственной антиизраильской политики арабских стран. Если бы не дальновидная политика сотрудничества со странами третьего мира, Израиль, несомненно, оказался бы в еще более тяжелой дипломатической изоляции. Во всяком случае, наличие у Израиля к 1967 г. контактов со странами Западной Европы, Африки, Северной и Южной Америки достаточно явственно продемонстрировало, насколько Израилю удалось преодолеть изоляцию после операции *Кадеш* и как еврейское государство смогло укрепить свое положение в рамках международного сообщества.

Глава XX.

События культурного и идеологического характера

Становление арабской интеллигенции

Общие тенденции развития Израиля необходимо определять, основываясь не только на статических данных, но также и принимая во внимание достижения в интеллектуальной сфере, не поддающиеся количественной оценке. Следует отметить, что в этой области различия между еврейской и арабской общинами страны оставались на протяжении многих лет более заметными, нежели в любой иной сфере израильской жизни. Арабские интеллектуалы в большинстве своем во время войны 1948 г. бежали в соседние страны, а что касается оставшихся, то они жили и работали, не особо соприкасаясь с современной им арабской культурой. Таким образом, практически все представители израильской арабской интеллигенции получили образование уже в израильском государстве, после 1948 г. Следует особо подчеркнуть, что в количественном отношении эта категория была отнюдь не малочисленной, и с каждым годом ее пополняли все новые и новые выпускники средних и высших учебных заведений Израиля. К 1975 г. около 300 арабов (в том числе — более десяти женщин) учились в Еврейском университете в Иерусалиме, около 500 арабов — в Хайфском университете, и 200–300 человек — в остальных высших учебных заведениях Израиля. Сотни арабских студентов уехали на учебу в США и европейские страны — часть из них при финансовой поддержке церковных и миссионерских организаций, часть благодаря грантам израильских правительственных учреждений и различных международных агентств. В общей сложности число представителей арабского населения Израиля, получивших высшее образование, составляло к 1975 г. примерно 4 тыс. человек.

Эта малочисленная группа национальной элиты играла весьма незначительную роль в жизни израильского общества. Будучи при этом довольно эгоцентричной по своей сути, она с особой остротой и горечью пережила свою — действительную или воображаемую — дискриминацию. В известной степени молодые образованные арабы сами несли ответственность за то, что их влияние было невелико даже в пределах их собственной общины. Проживая в основном в сельской местности, они мало что делали для обеспечения интеграционных процессов хотя бы в масштабах своей деревни — напротив, они даже не скрывали пренебрежительного отношения к среде своего обитания. На протяжении многих лет их литературное творчество оставалось весьма непримечательным. До 1958 г. в Израиле не вышло в свет ни одного крупного литературного произведения на арабском языке. Было опубликовано около полутора десятков поэтических сборников, небольших по объему, изданных в основном за счет авторов, причем профессиональный уровень стихов оставался невысоким. Собственно говоря, издательства литературы на арабском языке в новом еврейском государстве создавались на пустом месте, силами (либо при финансовой поддержке) христианских общин, *Гистадрута* или партий *Мапам* и *Маки*.

Лишь после того, как Михаэль Хадад¹ основал в 1954 г. журнал “Аль-Муджтафа” (“Общество”), поэты и прозаики получили наконец возможность печатать свои произведения, и тогда было положено начало израильской литературе на арабском языке. Энергичный молодой педагог и редактор, Хадад открыл страницы своего издания как для мусульманских, так и для христианских авторов, основал ассоциацию арабских поэтов и выпустил в свет сборник произведений, написанных членами этой ассоциации. Не менее важную роль в поощрении литературной деятельности сыграли библиотека Еврейского университета в Иерусалиме, имевшая значительный фонд литературы на арабском языке, а также арабская служба израильского радиовещания. В 1958 г., в ознаменование десятой годовщины создания Государства Израиль, *Гистадрут* выпустил антологию арабских стихов и рассказов. В том же году началась публикация нескольких томов арабской поэзии и прозы. Хотя к 1958 г. число израильских изданий на арабском языке оставалось не очень значительным, оно увеличилось в последующие годы. Арабское литературное общество, основанное усилиями партии *Мапам* в 1958 г., выпустило в свет на протяжении последующего десятилетия 17 книг, в основном романы. Три вновь созданных коммерче-

1 Хадад Михаэль (1919–1996) — арабско-палестинский поэт, издатель. Родился в христианской семье. Напечатал несколько сборников стихов. В 1954 г. создал литературный журнал “Общество”. Был основателем ассоциации арабских поэтов. Придерживался умеренных политических взглядов и был сторонником улучшения отношений между Израилем и палестинскими арабами.

ских арабских издательства начали публиковать прозу и историческую литературу. В середине 1960-х гг. в Хайфе успешно функционировала арабская театральная труппа, а в Нацрате — арабский народный театр, причем оба коллектива получали дотации и от городских властей, и от государственных учреждений.

Наиболее распространенным жанром литературы на арабском языке по-прежнему оставалась поэзия, хотя уровень произведений в целом был весьма невысок. Немаловажно также заметить, что в первые годы существования государства поэзия “из соображений безопасности” оставалась преимущественно аполитичной и была занята любовными темами, игнорируя политические и социальные проблемы арабского меньшинства. В тех же редких случаях, когда стихи затрагивали еврейскую тему, авторы ограничивались абстрактными призывами к взаимному доброжелательству и сотрудничеству, в которых вежливость часто переходила в поддобрострастие. Арабская малая проза как жанр в качественном отношении уступала поэзии; рассказы арабских авторов были выдержаны в духе реализма, а предпочтительными темами считались эпизоды из жизни арабской общины, причем внимание сосредоточивалось на трудностях и чаяниях феллахов. Ведущим писателем в этом жанре считался Самир Марид, посвящавший свои рассказы главным образом жизни бедняков; на ту же тему писали и Адиб аль-Касс, и Джамиль Муса. Майя Кавар-Фарах, известная своим глубоким анализом психологических переживаний, чья литературная репутация сложилась еще в 1940-х гг., опубликовала два тома рассказов — “Странники” и “Дороги и фонари”, а также четыре тома эссе. Прозаики, в отличие от поэтов, не уходили от критики косности и примитивности арабской жизни. В числе наиболее популярных тем можно назвать полезность уроков, преподаваемых еврейским стремлением к прогрессу и модернизацией государства, а также важность образования и современного образа жизни. Так, в частности, рассказы Рашида Хусейна² отличались не только красочностью стиля, но и резкой критикой полигамии и обычая покупки жены — и то и другое было весьма распространено в мусульманской общине.

Арабская литература перешла к рассмотрению проблем национального антагонизма только в 1960-х гг., когда благодаря развитию системы арабского образования в стране появилось значительное число выпускников средних и высших учебных заведений. Недовольные тем, что им приходилось ограничиваться только преподавательской работой, испытывавшие неприязнь также и к любому физическому труду, многие из этих молодых людей

2 Хусейн Рашид (1936–1977) — арабско-палестинский писатель. Выпустил несколько сборников рассказов. Его проза отличалась резкой антиизраильской направленностью, но в ней также критиковались такие явления в арабском мире, как полигамия (многоженство), практика покупки жены и многое другое. С 1971 г. — член ООП.

принялись яростно критиковать государство и правительство с националистических или коммунистических позиций. Имея лишь самые смутные воспоминания о том уровне культурной и экономической отсталости, который был характерен для арабского населения в годы мандата, эти авторы предпочитали сравнивать свое нынешнее положение с жизнью еврейского большинства страны, и разрыв между уровнем жизни двух общин вряд ли мог представляться им обнадеживающим. Они испытывали также двойственные чувства, не будучи уверенными, кем им следует себя считать: израильскими арабами или же арабами, живущими в Израиле, и при этом все больше и больше склонялись к тому, чтобы выбрать путь политического протеста. Практически повсеместно в их среде ощущалась симпатия к Насеру и к идее панарабизма. Так, например, Комитет арабских студентов Еврейского университета в Иерусалиме, члены которого приближались к пику своей агрессивности в середине 1960-х гг., регулярно проводил “литературные вечера”, участники которых упражнялись в националистических подстрекательствах. Радиостанции Каира и Дамаска постоянно призывали израильских студентов-арабов занять антиизраильскую позицию и тем самым “доказать” свою приверженность панарабизму.

Однако в наибольшей степени политизацию арабской интеллигенции отражали именно печатные средства массовой информации. В 1960-х гг. израильские арабы использовали в качестве орудия пропаганды в первую очередь газеты и политические журналы. Выпуск периодических изданий на арабском языке (так же, впрочем, как и изданий на иврите) по-прежнему субсидировался либо политическими партиями, либо *Гистадрутом*, либо религиозными общинами. Так, на протяжении многих лет единственной ежедневной газетой на арабском языке (и, таким образом, самой читаемой арабами) была “Аль-Яум” (“День”), и выходила она при финансовой поддержке *Гистадрута*. Журналы полемического характера имели большее влияние, хотя и меньшие тиражи. Самым известным из таких изданий был, по всей видимости, выходивший два раза в месяц коммунистический журнал “Аль-Иттихад” (“Единство”), который делался квалифицированными журналистами, неизменно придерживавшимися пронасеровской ориентации. Но даже литературные журналы, издаваемые арабами-христианами (наиболее значительным из них был “Аль-Рабита” [“Союз”], выходивший под эгидой греко-католического архиепископа Джорджа аль-Хакима), проводили явно выраженную националистическую линию, что обеспечивало их популярность среди израильских арабов.

Разумеется, не вся арабская литература имела политический оттенок. В 1960-х гг., так же как и в конце 1950-х гг., печатались произведения лирических поэтов, наряду со стихами и прозой на такие, в частности, темы, как изменения в народных нравах и традициях, статус женщин, положение

феллахов. Однако тенденция, характерная для средств массовой информации, прослеживалась и в художественной литературе. После 1958 г. даже поэты стали более откровенными в своем творчестве. Исам аль-Аббаси, Сами аль-Оазим, Янна Ибрахим, Сами аль-Касим и Махмуд Дарвиш³ открыто прославляли арабское националистическое движение, причем с такими рвением и убежденностью, что Рашид Хусейн в своей статье, опубликованной в журнале “Аль-Раид”, счел необходимым заметить: “Я не отрицаю, что нашим поэтам следует писать политически окрашенные стихи, но разве все, выходящее из-под их пера, обязательно должно иметь политический оттенок?” Но, очевидно, именно так и считали поэты тех дней. Стремление выразить в стихах политические и другие злободневные темы делало их творчество неглубоким, сиюминутным.

Кроме того, следует отметить еще одно отличие арабской литературы 1960-х годов от произведений, написанных в первые годы после образования государства: практически все арабские авторы, вне зависимости от жанра и литературных достоинств своих работ, принялись демонстрировать явно выраженную враждебность по отношению к еврейскому государству и склонность к подстрекательству. Плодовитый автор рассказов Фараж Нур Сулейман, изображая евреев как чужеземных пришельцев, врагов веры, фанатичных ненавистников арабов, открыто поносит деревенских мухтаров за их сотрудничество с еврейскими властями. В рассказах Тауфиза Муаммара араб обычно изображен наивным, добродушным деревенщиной, тогда как еврей — это корыстолюбивый, жадный негодяй. Другой любимый сюжет практически всех арабских писателей — страдания арабских беженцев, и разворачивается он, как правило, на фоне трагедии разделенных семей, томящихся на чужбине и стремящихся вернуться домой. Еще одна популярная тема — это лишение арабов их собственности. В сборнике рассказов Муаммара “Не обращай внимания” израильское правительство описано как сборище бесчестных людей, которые, в рамках своего хитроумного плана, преследуют арабское меньшинство страны с целью вынудить арабские государства принять ответные меры в отношении своих еврейских меньшинств и, таким образом, спровоцировать дальнейшую еврейскую эмигра-

3 Дарвиш Махмуд (1941–2008) — палестино-арабский поэт и публицист. Родился в Западной Галилее. Во время Войны за независимость семья Дарвиша бежала в Ливан. После окончания войны она вернулась в Израиль. Окончив среднюю школу в 1970 г., Махмуд уехал учиться в Советский Союз. Поступил в МГУ, но через год уехал — вначале в Египет, а затем в Ливан. В юности вступил в партию *Раках*. В 1973 г. стал членом ООП. Опубликовал более тридцати сборников стихотворений и поэм и восемь публицистических книг. Считается национальным палестинским поэтом. Книги Дарвиша отличаются резкой антиизраильской направленностью и идеализируют жизнь в Палестине до создания Государства Израиль.

цию в Израиль. Знаменательно, что действия израильских властей, направленные на благо арабского населения страны, — дорожное строительство, ирригация, электрификация, социальное обеспечение, новые возможности в области образования и прочие плоды экономического процветания — все это с презрением уподоблялось последней трапезе, которую тюремщик дает приговоренному к смертной казни.

Не отмечалось никакого особенного различия в отношении к Израилю со стороны арабов-мусульман и арабов-христиан. Религиозная принадлежность не усугубляла и не смягчала их позицию. Ни та ни другая арабская община уже не отличалась особым религиозным рвением. Хотя крестьяне-мусульмане по-прежнему соблюдали древние традиции, крася стены своих домов в синий цвет и украшая дверные ручки таким образом, чтобы обеспечить защиту от дурного глаза, ислам уже не играл прежней роли в их жизни. Арабский национализм и его поборник, Насер, стали для них чем-то вроде нового объекта поклонения. Ясно, что религия была уже не в состоянии помочь мусульманам приспособиться к изменению их статуса в еврейском государстве. Это имеющее глубокие корни чувство тревоги и беспокойства становилось все сильнее, и ничто — ни религиозные догматы, ни интеллектуальные наставления — не могло избавить от него арабов. В конечном итоге похоже было, что лишь политическое решение с участием соседних арабских государств — иными словами, формальное прекращение состояния войны между Израилем и арабами — способно предложить хоть какую-то возможность вернуть арабскому меньшинству психологическое равновесие и нормализовать его отношения с еврейским государством.

Развитие культуры еврейского большинства: образование и наука

Экономический прогресс Израиля сопровождался ростом интеллектуального потенциала еврейского населения. Во-первых, появилось больше возможностей для получения среднего образования, и увеличившееся число выпускников средней школы повлекло за собой увеличение числа студентов высшей школы. Спрос на высококвалифицированную рабочую силу, точно так же как в США и странах Европы, постоянно возрастал — в результате новых требований к работникам, диктуемых научно-техническим прогрессом, вследствие развития промышленности, сферы торговли, систем связи и экономического управления, а также оборонной инфраструктуры. Так, через год после провозглашения независимости в Израиле имелось два университета, в которых училось в общей сложности 1600 студен-

тов. К 1975 г. численность студентов в семи высших учебных заведениях страны достигла 47 тыс. человек, и в подавляющем большинстве это были представители еврейской общины. Число лиц с высшим образованием увеличивалось как в относительном, так и в абсолютном выражении. К 1975 г. специалисты, имеющие высшее образование (включая и тех, кто получил его вне Израиля), составляли 15% всего работающего населения страны — один из самых высоких показателей в мире.

В первые годы существования государства Технион в Хайфе и Еврейский университет в Иерусалиме сохраняли свое ведущее положение в системе израильской высшей школы. В Технионе можно было получить образование по таким специальностям, как химическая технология, ядерная физика, авиационная техника, вычислительные системы. К 1975 г. новый кампус Техниона на горе Кармель включал 50 основных зданий, численность студентов составляла почти 10 тыс. человек, а численность профессорско-преподавательского состава — 1300 человек. Не менее значительными были и достижения Еврейского университета в Иерусалиме, где преподавание велось по таким дисциплинам, как естественные науки, сельскохозяйственные науки, медицина, стоматология, фармакология, юриспруденция, педагогика, библиотечное дело и организация социальной защиты населения. К 1975 г. численность студентов Еврейского университета в Иерусалиме достигла 17 тыс. человек, а численность профессорско-преподавательского состава — 2200 человек. Здесь следует заметить, что профессура Еврейского университета (и это относилось ко всем специальностям, кроме технических и прикладных) занимала по отношению к своим коллегам позицию, которую можно в известном смысле определить как “академический империализм”: так, в 1949 г. их усилиями Тель-Авивская высшая школа юриспруденции и экономики, имевшая формально независимый статус, была преобразована в отделение Еврейского университета в Иерусалиме.

Впрочем, городские власти Тель-Авива отреагировали на такие действия без особого промедления, основав в 1956 г. свой, Тель-Авивский университет. На протяжении ряда лет это учебное заведение ничем особенно не выделялось, пока в 1963 г. его президентом не был избран выходец из США д-р Джордж Вайз⁴, при котором университет вступил в пору стремитель-

4 Вайз Джордж Шнейвайс (1906–1987) — социолог, промышленник, президент Тель-авивского университета (1963–1971 гг.). В 1930 г. окончил Колумбийский университет (Нью-Йорк). Написал ряд работ о взаимоотношениях в семьях эмигрантов в США, о природе диктаторских режимов в Латинской Америке. Репатриировался в Израиль. Сыграл большую роль в превращении Тель-Авивского университета в первоклассный научно-учебный центр. В 1953–1962 гг. был председателем Попечительского совета Еврейского университета. В 1971–1986 гг. — почетный председатель Попечительского совета Тель-Авивского университета.

ного расцвета. Через десять лет количество его студентов достигло 10 тыс. человек, а численность профессорско-преподавательского состава — 2 тыс. человек; на его 13 факультетах велось обучение по различным специальностям, включая медицину, музыку и инженерное дело, а в 28 исследовательских институтах занимались разработкой самого широкого круга проблем, от криминологии до ориенталистики. Новые методы управления и нетрадиционные учебные программы позволили Тель-Авивскому университету в каких-то областях даже обогнать Еврейский университет в Иерусалиме, который по праву имел репутацию самого авторитетного израильского учебного заведения в области преподавания гуманитарных наук. Столь же высокой репутацией, как оба этих университета, пользовался и Научно-исследовательский институт им. Х. Вейцмана, основанный самим Хаимом Вейцманом в Реховоте в 1934 г. Под руководством педантичного и требовательного американского администратора Меира Вайсгала Институт Вейцмана приобрел репутацию одного из ведущих мировых центров, занимающихся исследованиями в области естественных наук. К 1975 г. в Институте существовало 19 научных подразделений, а основные исследования велись в таких областях, как прикладная математика, ядерная физика, изотопы, рентгеновская кристаллография, спектроскопия, органическая химия, химия полимеров, биофизика, микробиология и генетика. Тогда же была открыта и докторантура, где проходили подготовку 200 научных работников.

Быстро развивались и другие вновь созданные высшие учебные заведения, не уступавшие в рейтинге Тель-Авивскому и Еврейскому университетам. Прежде всего следует назвать Университет Бар-Илан, основанный в 1955 г. американским движением *Мизрахи*, ортодоксально-религиозное учебное заведение. Кампус Университета расположен в Рамат-Гане, пригороде Тель-Авива; число студентов в 1975 г. составляло 4 тыс. человек, численность профессорско-преподавательского состава — 900 человек; учебные программы предоставляли достаточно широкий выбор для желающих специализироваться в области как гуманитарных, так и естественных наук. Были также созданы, в Хайфе и Беэр-Шеве, “институты университетского типа”, существовавшие изначально под эгидой Еврейского университета в Иерусалиме; к началу 1970-х гг. они обрели формальную самостоятельность и стали, соответственно, Хайфским университетом и Университетом им. Бен-Гуриона в Негеве. Численность студентов и преподавателей в этих университетах на первых порах была невелика, как, впрочем, и достижения самих учебных заведений; однако никто не сомневался в том, что им предстояло столь же быстрое и уверенное развитие, что и тем удаленным от центра страны регионам, в которых они расположены.

Для всех израильских университетов было характерно одно обстоятельство: число желающих учиться значительно превышало возможности учеб-

ных заведений; при этом в первую очередь ощущалась нехватка квалифицированных преподавателей — что, впрочем, ни в коей мере не могло объясняться неудовлетворительными условиями труда. Профессора получали хорошую зарплату, занимались собственно преподавательской деятельностью в течение учебного года не более шести месяцев, пользовались самыми разнообразными льготами, имели возможность вести исследовательскую работу, давать платные консультации и посещать зарубежные конференции. Они сами определяли условия своего труда и продвижения по службе и могли избирать таких университетских ректоров, которые без возражений удовлетворяли все их запросы. Проблемы найма университетских преподавателей в первую очередь объяснялись нехваткой в стране специалистов с докторской степенью. Так, по состоянию на 1975 г., докторскую степень получали не более 140 человек в год, при том, что потребности развивающейся высшей школы были как минимум впятеро больше — и это не учитывая того обстоятельства, что спрос на специалистов с докторской степенью существовал также в государственных учреждениях и в промышленности. Израилю приходилось полагаться на докторов, приглашаемых из-за рубежа, а также на репатриантов, имеющих соответствующую академическую подготовку. Значение специалистов, относящихся к последней категории, существенно возросло в 1960-х гг.; так, например, в 1964 г. численность квалифицированной рабочей силы страны увеличилась на 1650 ученых и инженеров, причем 44% прироста составили репатрианты, прибывшие в страну после 1948 г. и получившие образование в странах исхода.

Именно благодаря этому источнику квалифицированных кадров Израиль смог осуществить столь масштабный научно-технологический прорыв в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Особо значительных научных успехов страна добилась в области использования атомной энергии. Вскоре после провозглашения независимости Израиля Бен-Гурион поставил перед израильскими учеными неотложную задачу использования ядерной энергии для электрификации и теплофикации, поскольку страна практически не имела традиционных энергетических ресурсов. В 1956 г. было принято решение создать ядерный реактор типа “плавательного бассейна” в Нахаль-Сорек. Это сооружение приобрело особое значение в июне 1960 г., превратившись в исследовательский центр, используемый всеми научными учреждениями страны, и в первую очередь Институтом им. Вейцмана. Второй экспериментальный реактор, работающий на природном уране и тяжелой воде, был создан в Северном Негеве, неподалеку от Димоны. После сооружения вокруг реактора лабораторного комплекса это место стало вторым ядерным исследовательским центром. По всей вероятности, главной ценностью этих реакторов являлось проведение исследований как для гражданских, так и для оборонных целей (Гл. XIX. Из-

раиль, Франция и Европейское экономическое сообщество), поскольку в 1970-х гг. атомные электростанции еще не могли считаться экономически эффективными.

Следует особо подчеркнуть, что отнюдь не все интеллектуальные и творческие усилия израильтян были направлены на функциональные и прагматичные цели. Ведь если археологи могут составить представление о древней цивилизации, проведя раскопки *теля*, холма, образовавшегося на месте поселения многовековой давности, то антропологи в состоянии оценить современное общество, изучив экспонаты, собранные в его музеях. В Израиле существует большое количество музеев. В частности, Музей Израиля в Иерусалиме — это целый комплекс, куда входят библейский и археологический музей, национальная картинная галерея, отдельное здание, где представлены свитки Мертвого моря и находки времен Бар-Кохбы (Гл. XX. В поисках самоидентификации и стиля), и сад искусств, где выставлено впечатляющее собрание неоклассической и современной скульптуры. Тель-Авив, Хайфа, Холон, Нетания, Петах-Тиква, Бат-Ям, Беэр-Шева, Реховот и Эйлат — везде были открыты музеи искусств, финансируемые городскими властями. Прекрасный новый тель-авивский музей по праву гордится замечательным собранием работ израильских и еврейских художников; там также регулярно проводятся выставки картин, присылаемых из других хранилищ по обмену. Кроме того, в Тель-Авиве имеются многочисленные специализированные музеи стекла, монет, этнографии и фольклора, оружия, керамики и других древностей. В Хайфе открыты морской музей и большой этнографический музей, посвященный обрядовым и культовым предметам различных общин диаспоры. Есть свои музеи в нескольких сельскохозяйственных поселениях — художественный музей в *кибуце* Эйн-Харод, музей находок эпохи неолита в *кибуце* Шаар-га-Голан и музей Катастрофы европейского еврейства в *кибуце* Лохамей-га-Гетаот.

Значительные выставочные площади понадобились бы для экспозиции произведений одних только израильских художников. Достаточно назвать такие имена старейших художников, как Герман Штрук⁵, Нахум Гут-

5 Штрук Герман (Хаим-Арон; 1876–1944) — немецко-израильский художник. Родился в ортодоксальной семье, до конца жизни оставался религиозным евреем. В 1895–1900 гг. учился в Берлинской академии искусств на графическом отделении. Активный сионист, один из основателей движения *Мизрахи*, участник многих сионистских конгрессов. Во время Первой мировой войны служил в германской армии — офицер связи с еврейскими общинами Литвы и Белоруссии. В 1919 г. — член германской делегации на мирной конференции в Версале, советник по еврейским делам. С 1922 г. жил в Эрец-Исраэль. Мастер сложных графических техник, таких, как офорт, акватинта, мягкий лак, много пользовался литографией. В первую очередь писал пейзажи, портреты, бытовые сценки, создал серию офортных портретов. Среди них портреты Т. Герцля, З. Фрейда и др. Создал много жанровых набросков европейских ев-

ман⁶, Реуен Рубин⁷, Людвиг Блюм, Абель Пан⁸ и Моше Кастель, получивших известность уже в первые годы мандата. В 1930-х гг. в Палестину прибыло немало беженцев из стран Европы, представителей практически всех направлений современного европейского искусства. Йосеф Будко¹⁰ был назначен ди-

реев, написал в Эрец-Исраэль много пейзажей в стиле импрессионизма. В последние годы жизни в основном занимался педагогикой. В числе его учеников были Й. Будко, А. Тихо (см. прим. на стр. 189), Н. Гутман.

- 6 Гутман Нахум (1898–1980) — израильский живописец и график. С 1913 г. учился в школе *Бецалель*. Во время Первой мировой войны был солдатом Еврейского легиона. Учился в художественных школах Вены и Берлина. Написал большое количество пейзажей, портретов, уличных сцен маслом и акварелью в технике эстампа. Писал театральные декорации. Создал большие мозаики в Главном раввинате и в высотном здании *Шалом* в Тель-Авиве.
- 7 Рубин Реуен (псевдоним, настоящая фамилия Зеликович; 1893–1974) — израильский живописец, график, театральный художник, скульптор. В 1912 г. учился в школе *Бецалель*, в 1913–1914 гг. — в Париже, в Национальной высшей школе изящных искусств и в Академии Коларосси. В 1916 г. вернулся в Румынию. С 1922 г. жил в Эрец-Исраэль. В 1923 г. был одним из основателей Ассоциации живописцев и скульпторов Эрец-Исраэль. С 1930 г. работал как театральный художник в театре *Габима*. В 1939 г. уехал с персональной выставкой в США, где его застала Вторая мировая война. В Эрец-Исраэль вернулся в 1946 г. В 1948–1950 гг. был первым полномочным послом Израиля в Румынии. После приезда в Эрец-Исраэль живопись Рубина становится более пастозной, а контуры более размытыми. Картины сохраняют декоративность. Он создает много работ на библейские темы, пишет пейзажи: виды Галилеи, Цфата, Иерусалима. В поздних произведениях Рубина возрастает интенсивность цвета. В 1970 г. он создал витражи для резиденции президента в Иерусалиме “Яков борется с Ангелом”, “Элиягу возносится на небо в огненной колеснице”, “Вступление Давида в Иерусалим”.
- 8 Пан (Федерман) Абель (1883–1963) — израильский художник, с 1898 г. учился живописи в Одесском художественном училище. С 1903 г. учился в Париже, публиковал во французских еженедельниках наброски и карикатуры, обратившие на себя внимание Тулуз-Лотрека. С 1912 г. преподавал в школе *Бецалель*, где в 1913–1914 гг. и в 1920–1924 гг. возглавлял графический факультет. В 1914–1920 гг. жил в Париже, где создал серию картин (около 50) о налетах казаков на еврейские местечки. В 1920 г. вернулся в Эрец-Исраэль. Создал много рисунков и картин на библейские сюжеты.
- 9 Кастель Моше-Эльзар (1909–1991) — израильский живописец. В 1921–1925 гг. учился в школе *Бецалель*, затем жил во Франции, учился в частной Академии Жюлиана в Париже. В 1940 г. вернулся в Эрец-Исраэль; последователь экспрессионистов парижской школы, в частности Х. Сутина. Стремился выразить новыми цвето-пластичными средствами сущность традиции сефардской общины, из которой он происходил (“Суббота в Цфате”, 1940). Свойственные его картинам нарочитый примитивизм, орнаментальность композиции и цветового построения напоминают восточные ковры. Среди монументальных произведений Кастеля — панно “Слава Иерусалиму” и “Золотой свиток” (1970–1971), находящиеся в резиденции президента Израиля в Иерусалиме.
- 10 Будко Йосеф (1888–1940) — живописец и график. Живописи обучался в художественных учебных заведениях Берлина и Вены. С 1933 г. жил в Палестине. В 1935 г. стал дирек-

ректором школы *Бецалель* (впоследствии ставшей национальной академией художеств и прикладного искусства); этот пост занимали и Яков Штейнхардт¹¹, и Мордехай Ардон¹², приехавший из Веймара (Германия), где он учился в высшей школе строительства и художественного конструирования “Баухауз”¹³; в *Бецалеле* преподавали также Давид Гумбел и Людвиг Вольперт, которые вели курс художественных работ по металлу. Многие художники-беженцы из Европы поселились в *кибуцах*, где они могли сочетать творческую и педагогическую деятельность. В это время в стране плодотворно работали буквально сотни художников — от Марселя Янко¹⁴ до Янкеля Адлера

тором новой школы *Бецалель*. Много рисовал на еврейскую тематику. Иллюстрировал произведения И. Переца, Шолом-Алейхема, Ш. Аша, писал иллюстрации к *Агаде*, Библии.

- 11 Штейнхардт Яков (1887–1968) — израильский живописец и график. Учился в Париже, вначале в Академии Жюлиана, а затем в Академии Матисса. Графике обучался у Т. Стенлейна. В 1917 г. стал членом берлинского “Сецессиона”. В 1933 г. был арестован нацистами, но ему удалось бежать. С 1934 г. с семьей жил в Эрец-Исраэль. С 1948 г. преподавал графику в школе *Бецалель*, в 1954–1957 гг. был директором школы. Написал большое количество картин на библейские сюжеты и пейзажей Иерусалима. Создал много гравюр на дереве: *Меа Шеарим*, “Переулоч в Старом Иерусалиме”, “Вечер *шаббата*”. Создал иллюстрации к книгам пророков Ирмеягу и Йешаягу (Иеремии и Исаяи). Творчество Штейнхардта уходит корнями в традиции немецкого экспрессионизма.
- 12 Ардон (Бронштейн) Мордехай (1896–1992) — израильский художник. В 1920–1925 гг. учился в Институте архитектуры в Веймаре. Ученик П. Клее и В. Кандинского. С 1933 г. жил в Палестине, работал преподавателем, а с 1940 г. — директором в школе *Бецалель*. В своем творчестве, особенно после Катастрофы, объединил темы Иерусалима, Катастрофы. Наиболее известные работы: “Дом *магида*”, “У врат Иерусалима”, триптихи *Йом Кипур* и *Энтеббе*. По его рисункам созданы десять гобеленов для иерусалимской больницы *Шаарей Цедек*.
- 13 “Баухауз” — архитектурно-художественное направление и высшая школа архитектуры и прикладного искусства. Создана в Германии в городе Веймаре в 1919 г. на базе “Экспериментальных художественно-промышленных мастерских” при Школе изящных искусств. В 1925 г. переехала в Дессау, в 1932 г. — в Берлин, в 1933 г. была закрыта нацистами. “Баухауз” разрабатывал эстетику функционализма, принципы современного формообразования в архитектуре и дизайне, формирование материально-бытовой среды средствами пластического искусства, для чего была сделана попытка объединить науку, искусство и технику в форме “строительной гильдии”. Обучение велось одновременно в производственных и творческих мастерских, где создавались архитектурные проекты (в т. ч. типовые проекты жилых домов), образцы массовой промышленной продукции (мебели, светильников, тканей), живописные и пластические произведения. В концепции “Баухауз” здания, жилые квартиры, убранство домов должны были выражать идею социального равенства. В Израиле в стиле “Баухауз” построены здания вокруг площади Дизенгоф (1935 г., архитектор Женя Авербух), здание *Бейт Кац* (1935 г., архитектор С. Баркай).
- 14 Янко Марсель (Янку Марчел; 1895–1984) — израильский художник. В 1915 г. уехал из Румынии изучать архитектуру в Высшей политехнической школе в Цюрихе, где познакомился с группой эксцентричных художников и литераторов, создавших в 1916 г. новое

и от Йосефа Зарицкого¹⁵ до Анны Тихо¹⁶. Вторая мировая война и Война за независимость сделали практически невозможными контакты с миром зарубежных художников, однако в 1950-х гг. израильские художники возобновили свое общение и с Америкой, и с европейскими странами. К тому времени в Израиле насчитывалось порядка 4 тыс. художников — и фактически никто из них особо не бедствовал. Интерес к их творчеству не ограничивался только пределами Израиля; их работы охотно покупали еврейские туристы, которых не смущали достаточно высокие цены. В 1966 г. только в Тель-Авиве открылось не менее десятка новых художественных галерей, а в 1972 г. — вдвое больше. Деревни художников, изостудии, летние художественные школы не испытывали недостатка ни в учениках, ни в посетителях.

Любовь израильтян к изобразительному искусству можно было сравнить только с их страстью к музыке. Еще в 1936 г. Палестинский оркестр (впоследствии Израильский филармонический оркестр) дал свой первый концерт, причем за дирижерским пультом стоял специально приглашенный Артуро Тосканини¹⁷. Оркестр, в котором играли и уроженцы страны, и ре-

художественное направление “Дада”. Янко был в числе основателей дадаизма и принимал самое активное участие в его деятельности. С 1920 г. жил в Париже. После бурного расцвета в Париже в 1920–1922 г. дадаизм как направление практически прекратил свое существование, а большинство его представителей обратилось к сюрреализму. Янко категорически отверг новое направление и в 1922 г. вернулся в Румынию. В 1941 г. переехал с семьей в Эрец-Исраэль. До конца 1922 г. Янко создавал почти исключительно абстрактные произведения, но они всегда базировались на конкретных формах — человеческих фигурах, пейзажах. Он использовал разные техники: живопись, рельеф, коллаж, гравюру. С конца 1920-х гг. Янко все чаще обращался к фигуративной живописи, в которой, как и в его абстрактных работах, чувствовалось одновременное влияние кубизма и экспрессионизма. Дух международной культуры мирового уровня, которым проникнуто все творчество Янко, оказал большое влияние на многие поколения израильских художников.

- 15 Зарицкий Йосеф (1891–1985) — израильский живописец, в 1914 г. учился в Киевском художественном училище, затем жил в Москве. С 1923 г. жил в Эрец-Исраэль. Один из основателей группы израильских художников “Новые горизонты”, создавший абстрактно-лирическое течение в израильской живописи. Лауреат Государственной премии Израиля (1959).
- 16 Тихо Анна (1894–1980) — израильская художница, мастер рисунка. Рисованию обучалась в Вене. С 1912 г. жила в Эрец-Исраэль. Вышла замуж за известного офтальмолога А. А. Тихо. В 1932 г. была одним из основателей новой школы *Бецалель*. Рисунок Тихо точный и четкий, в этом стиле созданы такие произведения, как “Старый Иерусалим”, “Иерихон”, “Оливковое дерево”. В дальнейшем стиль художницы изменился: графика уступила место живописи. Самые значительные живописные работы — “Холмы в Иудее”, “Летний зной”, “Пейзаж с горами”.
- 17 Тосканини Артуро (1867–1957) — итальянский дирижер. В 1885 г. окончил консерваторию в Париже по классу виолончели. В 1887–1898 гг. — дирижер оперных театров Турина, Милана и других итальянских городов. Дирижировал на премьерах опер: “Паяцы” Леонкавалло (1892), “Богема” Пуччини (1896). В 1898–1903 гг., 1906–1908 гг. и

патрианты, вскоре стал одним из ведущих мировых коллективов; начиная с середины 1950-х гг. оркестр получил в свое распоряжение современный концертный зал в Тель-Авиве. Собственные симфонические оркестры, хотя и не столь масштабные, но, безусловно, высокопрофессиональные, имелись в Иерусалиме и Хайфе, и у них также были свои концертные залы. В Рамат-Гане был создан Израильский камерный оркестр, пользовавшийся большой популярностью в стране. Концерты всех этих музыкальных коллективов неизменно собирали большую аудиторию. Израильский национальный молодежный симфонический оркестр несколько раз становился лауреатом престижных международных конкурсов. Число желающих учиться в основных музыкальных учебных заведениях страны — Академиях музыки и танца им. С. Рубина в Иерусалиме и Тель-Авиве, Израильской академии музыки, Школе Дины Вейцман в Хайфе — всегда было очень велико.

По сути дела, не существовало такой области культурной деятельности, к которой не проявляли бы интерес израильтяне, и театр, несомненно, не был исключением. На протяжении многих лет синонимом слова “театр” было название самого известного израильского театрального коллектива — *Габима*. Основанный в Москве и воссозданный в Тель-Авиве в 1931 г., этот театр был официально признан в 1958 г. Национальным театром Израиля и получил свое постоянное помещение, а с 1969 г. правительство взяло на себя затраты, связанные с его содержанием. Камерный театр, основанный Йосефом Мило¹⁸ в 1944 г. в Тель-Авиве, ничуть не уступает *Габиме* по таланту и мастерству актеров и даже, возможно, пользуется большей популярностью у зрителей. Камерный театр был задуман как авангардный театр, который будет ставить современные пьесы на актуальную тематику. В 1961 г. Камер-

1921–1929 гг. — главный дирижер театра “Ла Скала” в Милане. В 1908–1915 гг. — главный дирижер театра “Метрополитен опера” (Нью-Йорк). В 1929 г. покинул Италию, не желая сотрудничать с итальянскими фашистами. В 1926–1928 г. возглавлял Нью-Йоркский филармонический оркестр. В 1928–1936 гг. — главный дирижер Объединенного Нью-Йоркского симфонического оркестра, в 1937–1954 гг. — симфонического оркестра Национального радио США. Дирижерская деятельность Тосканини продолжалась около 70 лет. Один из крупнейших дирижеров XX в.

- 18 Мило Йосеф (Паковский; 1916–1997) — израильский театральный деятель, режиссер, актер. По завершении театрального образования в Праге и Вене, в 1937 г. поселился в Эрец-Исраэль. Руководил театром марионеток. В 1944–1960 гг. был директором основанного им и А. Бен-Йосефом Камерного театра (*Камери*). В 1961–1971 гг. руководил созданным им театром в Хайфе. В конце 1970-х гг. был режиссером и актером городского театра в Беэр-Шеве. В 1980–1990-х гг. работал как режиссер в Германии и Бельгии. Мило, в противовес традициям экспрессионизма и условным постановкам *Габимы*, утвердил на израильской сцене жизненную убедительность и художественную правду игры, сочетаемые с элементами гротеска. Поставил (нередко исполняя главные роли) около ста спектаклей, в том числе по пьесам У. Шекспира, Б. Брехта, Е. Шварца и многих израильских драматургов.

ный перебрался в просторное современное здание, а через восемь лет получил статус тель-авивского муниципального театра. Израильский рабочий театр *Ойель* также существовал на полуофициальной дотации (из фондов *Гистадрута*); он был основан в 1925 г., реорганизован вскоре после создания государства, но после 1973 г. уже не функционировал на регулярной основе. Помимо этих трех основных театров с постоянной труппой, в стране существовало множество небольших коллективов, дававших представления в клубах, концертных залах и подобных помещениях. Долгожданное распространение культурной жизни за пределы Тель-Авива ознаменовалось открытием в 1960-х гг. новых театров в Хайфе, Иерусалиме и Беэр-Шеве. Надо особо подчеркнуть, что практически все израильские театральные коллективы были освобождены от уплаты налогов и к тому же получали субсидии от правительственных и муниципальных организаций, *Гистадрута* или Еврейского агентства. Во всяком случае, все театры пользовались безусловной любовью зрителей. Согласно статистическим данным ЮНЕСКО, в 1965 г. Израиль вышел на первое место в мире по количеству театральных посещений и ежегодному числу спектаклей на душу населения.

Еще один весьма значимый критерий интеллектуального уровня общества — степень распространенности печатного слова. К 1975 г. в Израиле выходило 24 ежедневные газеты — 13 на иврите и 11 на иностранных языках. Вне зависимости от их политической ориентации, профессиональный уровень этих изданий был в целом весьма высок, они были интересными и хорошо читались. Помимо газет, в Израиле выходило более 400 периодических изданий, 300 из них — на иврите. Страна занимала второе место в мире по числу печатных изданий на душу населения: не менее 2 тыс. книг ежегодно, включая переводные издания. В Израиле имелось порядка 70 издательств. К этому следует добавить более чем тысячу библиотек с общей численностью фондов 9 млн единиц хранения (по состоянию на 1975 г.). Разумеется, все эти культурные богатства распределялись отнюдь не равномерно между европейской и восточной общинами, но, тем не менее, в целом этот феномен отражал, с одной стороны, растущее материальное благосостояние израильтян, а с другой стороны, тягу евреев к культуре. В Израиле, собственно говоря, все подобного рода изъяны и недостатки уже не были связаны с положением дел в сельском хозяйстве или с общеполитической ситуацией. Это были, скорее, лишения, вызываемые состоянием изоляции в крошечной стране с засушливым климатом, значительно удаленной от привычной европейской среды; стране, где человек лишен возможности путешествовать и постигать что-то новое для себя, лишен простых и незамысловатых радостей досуга и комфорта. Как следствие, израильтяне были вынуждены создавать свои культурные достижения и получать от них удовлетворение, пользуясь в основном своими внутренними возможностями и ресурсами.

В поисках самоидентификации и стиля

Израильтяне были также вынуждены заняться вопросом самоидентификации. Откровенно говоря, представляется сомнительным, чтобы граждане какой-либо другой страны были столь же одержимы стремлением осознать свое место в общеисторическом контексте и определиться со своим статусом. “Кто мы такие?” “Что значит быть израильтянином?” “Какова наша роль на Ближнем Востоке?” Никому из мыслящих израильтян не удалось уйти от этих навязчивых вопросов. Проявление настойчивого интереса к своим корням во многом объясняет, почему археология играет столь значительную роль в жизни израильтян — и как хобби, и как профессиональное занятие. Безусловно, нигде в мире стремление к познанию прошлого, к поискам памятных мест и предметов древности не обрело масштабов национального пристрастия, а то и призвания. Археологические находки и экспонаты, лекции, дискуссии, даже конкурсы и викторины — все это вызывало едва ли ни фанатичный интерес всех слоев израильского общества. По выходным дням десятки туристических групп, закинув рюкзаки за плечи, в надежде на удачу отправлялись в поля или пыльные *вади* в поисках черепков или глиняных фигурок. Случалось, что этим любителям суждено было совершить серьезные открытия — например, обнаружить черепки со строчками из легенды о Гильгамеше¹⁹ или синагогу византийского периода, или же артефакты²⁰ эпохи неолита²¹. Но обычно лю-

- 19 Гильгамеш — полулегендарный правитель города Урука в Шумере (xxviii в. до н. э.). В III тысячелетии до н. э. возникли дошедшие до нашего времени эпические песни о Гильгамеше. В III — начале II тысячелетия до н. э. на аккадском языке была написана большая эпическая поэма о Гильгамеше. Видимо, Гильгамеш был историческим лицом. Так, в шумерских царских списках он упоминается как один из царей. Легенды о Гильгамеше были распространены также у хетов, хурритов и других древних народов. Эпос о Гильгамеше оказал большое влияние на формирование основного корпуса книг Библии. Так, в одной из песен рассказывается легенда о потопе, о том, что в отдаленные времена богам надоели людские беззакония и грехи и они решили уничтожить род человеческий, сделав исключение лишь для праведного и благородного Зиусудры и его жены. Бог Энки предупредил Зиусудру о грозящей опасности и велел ему построить корабль и перебраться на него заблаговременно, еще до начала потопа.
- 20 Артефакт (от *лат.* *arte factum* — “искусственно сделанный”) — в археологической науке рукотворный предмет, не соответствующий по своим характеристикам эпохе, которой датируется в целом место его обнаружения; часто неясного значения.
- 21 Неолит (*греч.* “новый камень”) — новокаменный век, охватывает VII–III тысячелетия до н. э., период перехода от присваивающего труда (собирательство, охота) к производительному (земледелие, скотоводство). Каменные орудия шлифовались и сверлились, появились прядение, ткачество. Для людей неолита, живших в лесной зоне, рыболовство становится одним из ведущих видов хозяйства. Активное рыболовство способствовало созданию определенных запасов, что в сочетании с охотой давало возможность жить на одном месте круглый год. Переход к оседлому образу жизни привел к появлению кера-

бительские находки все же ограничивались древними монетами или керамикой — и тем не менее они становились экспонатами музеев местного значения. Такой музей имелся практически в каждой школе, в каждом поселении, не говоря уже о крупных населенных пунктах Израиля. И во многих городах существовали собственные археологические общества, чья деятельность субсидировалась муниципальными советами.

Однако большинство открытий делалось, разумеется, профессиональными археологами, работавшими в системе Управления древностей, в Обществе изучения Земли Израиля и на факультете археологии Еврейского университета. Все находки, сделанные этими специалистами, несомненно, представляли общенациональный интерес. Так, сообщение относительно найденных в начале 1950-х гг. еще нескольких свитков Мертвого моря было помещено на первых страницах всех газет страны. Лекции, посвященные этой находке, читались видными учеными-гебраистами и неизменно собирали полные залы. Теме свитков Мертвого моря были посвящены две пьесы и три кинофильма. Большое внимание израильской общественности привлекли раскопки, которые в 1955–1959 гг. проводились под руководством профессора Игаля Ядина в Тель-Хацоре, древнем ханаанском городе Верхней Галилеи. В конце 1959 г. Ядин обнаружил в районе Мертвого моря письма, написанные Бар-Кохбой²², вождем антиримского восстания в

мики. В это время начинают строиться города. Иерихон, существовавший с VII–V тысячелетия до н. э. (эпоха так называемого докерамического неолита), — самый древний из известных городов мира. Некоторые города были хорошо укреплены. Велась войны, появились армии и профессиональные воины. Началось социальное расслоение, разделение труда. С эпохой неолита началось формирование древних цивилизаций.

- 22 Бар-Кохба Шимон (*арам.* “Сын звезды”; видимо, настоящее имя Бар [Бен] Косва [Косева] ?–135) — руководитель крупнейшего восстания евреев в древности против римского господства в Эрец-Израэль в 132–135 гг. н. э. Восстание было спровоцировано действиями римских властей, в особенности декретом императора Адриана о смертной казни за проведение обряда обрезания и постройкой на месте Иерусалима нового города Элия Капитолина, в котором был воздвигнут храм Юпитера. О восстании Бар-Кохбы сохранились отрывочные сведения позднего происхождения, в основном заметки греческого историка Диона Кассия (ок. 155 — после 229 гг.), которые в 1950–2000 гг. были существенно дополнены найденными в результате археологических раскопок документами, а также многочисленными памятниками материальной культуры. Восстанию предшествовала тщательная подготовка. Восставшие захватили много городов, в т. ч. город Элию Капитолину, и начали восстанавливать Иерусалим. Восстание было поддержано евреями всего Средиземноморья и многими неевреями. По свидетельству Д. Кассия: “Казалось, что весь мир пришел в неистовство”. Для подавления восстания были привлечены все силы Римской империи. Последним оплотом повстанцев стала крепость Бетар, обороной которой руководил Бар-Кохба. Крепость пала, в первую очередь из-за недостатка воды и продовольствия. Бар-Кохба погиб в бою. Кассий сообщает, что римляне в ходе боев разрушили 50 крепостей, уничтожили 985 деревень и убили 580 тыс. человек. Во время римских ре-

Иудее во II в.; это, еще более знаменитое, открытие не сходило с газетных страниц на протяжении нескольких месяцев и стало темой многочисленных школьных сочинений. Такие археологические находки давали израильским евреям, как репатриантам, так и уроженцам страны, более значительные основания для обретения чувства национальной самоидентификации, нежели сионистская пропаганда. Окаменевший черепок с ивритской надписью времен царя Ахава²³, найденный при раскопках кирпич из древней стены Иерусалима, кучка шлака, обнаруженная на месте, где были медные копи царя Соломона²⁴, реставрированная колонна византийской синагоги, пергаментный свиток из пещеры Мертвого моря — все это были реальные, осязаемые доказательства связи израильтян со своим прошлым.

прессий, последовавших за падением крепости Бетар, значительная часть еврейского населения Иудеи была уничтожена. Центр еврейской жизни переместился на север страны, главным образом в Галилею. В результате подавления восстания Бар-Кохбы Иудея окончательно утратила независимость.

23 Ахав, сын Омри (874–852 гг. до н. э.) — царь Израиля. Укреплял дружественные отношения с городами Финикии и Иудеи. Эти союзы имели важное экономическое значение и способствовали процветанию Израильского царства. Царь Ахав был вынужден вести многочисленные войны, отражая сирийскую угрозу, что привело к разгрому сирийских войск. Но основным противником как Израиля, так и Сирии выступила усиливающаяся Ассирийская держава. Объединенным силам Сирии и Израиля удалось на время задержать ассирийскую агрессию. Пророки Израиля решительно осуждали Ахава, в первую очередь за введение культа Баала (Ваала) Тирского, фанатично насаждавшегося женой Ахава царицей Изевель, а также за ряд его поступков, в частности за незаконное присвоение виноградника Навота. Навот был казнен в результате ложного обвинения, а земли его перешли к Ахаву.

24 Соломон (Шломо), сын Давида (ок. 967 — ок. 928 до н. э.) — царь Объединенного царства, строитель Иерусалимского храма. Видимо, Соломон правил совместно с отцом в 967–965 гг. Соломон унаследовал обширное царство. Израиль в годы его правления играл ключевую роль в торговле на Ближнем Востоке. В стране осуществлялось масштабное строительство: строились Храм и царский дворец в Иерусалиме, сам Иерусалим расширялся к северу, велось строительство гарнизонных городов, где стояли войска наемников, возводилось большое число общественных зданий. Резко увеличился административный аппарат. Широкое строительство требовало сбора дополнительных налогов и мобилизации значительной рабочей силы. Эта мобилизация осуществлялась при помощи трудовой повинности, от которой было освобождено только колено Йеѓуды. Тяжелые повинности и налоги, роскошь царского двора и привилегированное положение колена Йеѓуды, отправление основных религиозных служб и церемоний в Иерусалимском храме в ущерб традиционным культовым центрам послужили причиной восстания северных колен после смерти Соломона. Библия объясняет мир и процветание страны под властью Соломона его необыкновенной мудростью, в которой он превосходил всех людей. В первую очередь Соломон рассматривается как умный и справедливый судья. Последующие поколения приписывали Соломону авторство книг *Шир ѓа-ширим*, *Мишлей* и *Кобелет* (Песнь Песней Соломона, Притчи Соломона и книга Екклесиаста).

Именно эта тема глубоких исторических корней еврейского народа нашла особое выражение во всех жанрах израильского художественного творчества, главным образом в музыке и в изобразительном искусстве. Разумеется, эстетические принципы и тенденции, характерные для искусства Палестины и Израиля, были разнообразными и эклектичными. В 1920-х гг. Реувен Рубин, уроженец Румынии, один из первых и наиболее известных палестинских еврейских художников, стал основоположником любимого многими жанра романтических пасторальных ландшафтов, изображая ласкающие глаз деревья, фермы и сады. Романтическая ностальгия пронизывала и работы Нахума Гутмана, писавшего в 1920-х гг. Яфо, этот “маленький Тель-Авив”, с его лошадьми, повозками, закутанными в чадры арабскими женщинами и архитектурой восточного стиля. Библейские символы причудливо сплетались на тщательно выписанных холстах Мордехая Ардона. Библейская символика характерна и для творчества Моше Кастеля, потомка старинной сефардской семьи, жившей в Палестине уже на протяжении пяти веков, который воссоздавал в своих работах символы Писания и средневековые каббалистические темы, постоянно меняя свой стиль; последний из “периодов” Кастеля уходит столь глубоко в древнюю историю Святой земли, что его полотна отходят от живописи, приближаясь к орнаменту и являя зрителю изображение древнего семитского шрифта, напоминающего одновременно и арабский, и иврит. Что же касается других известных израильских художников, таких, как Марсель Янко, Йосеф Зарицкий, Авигдор Стемацкий²⁵, то в их работах было непросто проследить какие бы то ни было “древнееврейские” черты и признаки. Молодая страна представляла такое скопление талантов, такое количество собранных вместе работ всех жанров, ориентированных, похоже, на безграничный международный рынок, что в живописи и скульптуре было намного

25 Стемацкий Авигдор (1908–1989) — израильский живописец, с 1922 г. жил в Эрец-Исраэль. В 1926–1927 гг. учился в школе *Бецалель*, в 1928 г. посещал архитектурные классы Техниона в Хайфе. В 1930–1931 гг. учился в различных художественных академиях Парижа. По возвращении в Израиль стал членом Ассоциации живописцев и скульпторов. Во время Войны за независимость был ранен. Вскоре после войны участвовал в создании группы “Новые горизонты”, тяготевшей к “лирическому абстракционизму”. Стемацкий был одним из ведущих художников этого направления. Он преподавал в Институте искусств им. Авни в Тель-Авиве и на факультете искусств Хайфского университета. Начиная как акварелист, и эта техника осталась основной на протяжении всей его жизни. Во время пребывания в Париже увлекся экспрессивной живописью художников парижской школы, прежде всего Х. Сутина. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. вернулся к акварели и создал абстрактные работы в этой технике. Стемацкий следует не геометрическому, а “живописному”, эмоциональному направлению в абстракционизме. В основе его самых беспредметных композиций всегда лежат впечатления от натуры.

сложнее идентифицировать их жанровую принадлежность, нежели в музыке и литературе.

Несомненно, еврейские композиторы Палестины в первую очередь были склонны следовать музыкальному стилю страны своего исхода. Однако по мере роста численности репатриантов из стран Востока, в частности из Йемена, на протяжении нескольких десятилетий, предшествовавших созданию государства, все больше композиторов начинало проявлять интерес к восточным мелодиям. В 1940-х гг. Йосеф Таль²⁶, Пауль Бен-Хаим²⁷, Эден Партош²⁸ и Александр Боскович²⁹ были в числе первых, кто внес в свое творчество ближневосточные и средиземноморские мотивы и достиг

26 Таль (Грюнталь) Йосеф (1910–1998) — израильский композитор, пианист и музыкальный деятель. В начале 1930-х гг. учился в берлинской Высшей академической музыкальной школе. С 1934 г. жил в Эрец-Исраэль. В 1930–1940-х гг. выступал как пианист. С 1937 г. преподавал игру на фортепьяно в Иерусалимской музыкальной академии; в 1948–1952 гг. — ее директор. В 1965–1973 гг. — заведующий кафедрой музыковедения Еврейского университета в Иерусалиме. Один из создателей современной израильской оперы: “Шауль в Эйн-Доре”, “Амнон и Тамар”, “Асмодей”, “Мосада-67”. На библейские и еврейские традиционные сюжеты создал кантаты, ораторию, реквием и др. Написал шесть концертов для фортепьяно, концерт для двух фортепьяно и большое число камерно-инструментальных сочинений; лауреат ряда международных и израильских премий.

27 Бен-Хаим (Франкенбурер) Пауль (1897–1985) — композитор, дирижер, педагог. Закончил Музыкальную академию в Мюнхене. С 1933 г. жил в Палестине. Как композитор, стремился сочетать в своем творчестве современную западную музыку с традиционными мелодиями Ближнего Востока и еврейскими мотивами. Автор двух симфоний, концертов для фортепьяно, скрипки и виолончели, трех кантат и др. Выступал как концертмейстер, много преподавал в израильских музыкальных учебных заведениях.

28 Партош Эден (1907–1977) — израильский композитор и альтист. В 1924 г. окончил в Будапеште Высшую школу музыкального искусства им. Листа. Был концертмейстером симфонических оркестров в Люцерне (1924–1926 гг.), Будапеште (1926–1927 гг.), Берлине (1927–1933 гг.). В 1933–1935 гг. как приглашенный педагог вел в Бакинской консерватории классы скрипки и композиции. С 1938 г. жил в Эрец-Исраэль. С 1938 г. работал в Израильском филармоническом оркестре. До 1956 г. был солистом и концертмейстером группы альтов. Много преподавал в Академии музыки в Тель-Авиве, в 1951 г. — ее директор, с 1961 г. — профессор. Творческое освоение фольклора народов Закавказья, а затем и народной музыки в Эрец-Исраэль легло в основу индивидуального стиля Партоша. Один из создателей израильской композиторской школы. Автор концертов для альтя с оркестром, концерта для скрипки с оркестром, симфонических фантазий, элегий и других произведений.

29 Боскович Александр-Урия (1907–1964) — израильский композитор, педагог и музыкальный редактор. Композиции и теории музыки обучался в Париже. С 1939 г. жил в Эрец-Исраэль. Один из основоположников восточсредиземноморской школы, для которой характерно активное использование фольклорного материала. В сочинениях Босковича используются древние и современные народные еврейские мотивы; наиболее популярны сюиты: “Народные еврейские песни”, “Семитская сюита”, “Золотая цепь”, кантата “Дочь Израиля”. Плодотворно работал как педагог. Был музыкальным критиком газеты *Га-Арец*.

в этом весьма неплохих результатов. Произведения этих композиторов для оркестра и вокальных коллективов, с их яркими мелодиями, меняющимися ритмами и богатой звуковой палитрой, уверенно вошли в репертуар израильских, а также зарубежных исполнителей. В начале 1950-х гг. заявили о себе израильские композиторы нового поколения. Роман Хаубеншток-Рамати³⁰, живший к тому времени в Израиле всего семь лет, был образцом для молодых композиторов, многие из которых стали его учениками. Рамати смог, в манере более сложной и утонченной, нежели его предшественники, добиться слияния традиционной восточной музыки с западным звукорядом. В числе его последователей наиболее известны Ицхак Садай³¹, Абель Эрлих³² и Бен-Цион Оргад³³, создавшие впечатляющие образцы му-

- 30 Хаубеншток-Рамати Роман (1919–1994) — композитор, педагог, музыкальный редактор. Учился в Краковской консерватории в 1934–1938 гг. и во Львовской академии музыки в 1939–1941 гг., одновременно изучал музыковедение в университетах Кракова и Львова. В 1947–1950 гг. возглавил музыкальный отдел Краковского радио. С 1950 г. жил в Израиле. Был одним из основателей Государственной музыкальной библиотеки, а затем ее руководителем, преподавал в Академии музыки им. С. Рубина в Тель-Авиве, с 1957 г. находился в Европе, жил в Вене. До 1968 г. возглавлял отдел в “Юниверсал эдишн” — одном из крупнейших музыкальных издательств мира. Уже в ранних произведениях он обратился к сложным проблемам музыкальной формы. В произведениях “Интерполяция” и “Маленькая ночная серенада” музыкальные формы можно собирать, изменять, повторять, сочетать произвольно, как в коллаже. Написал оперы: “Америка”, “Комедия антиоперы”; музыку к балету “Улисс”.
- 31 Садай Ицхак (р. 1935) — израильский композитор, музыковед и педагог. В Израиле живет с 1949 г. В 1951–1956 гг. учился в тель-авивской Академии им. С. Рубина, а затем в Париже, в студии конкретной и электронной музыки. Преподавал музыкально-теоретические предметы в тель-авивской Академии музыки и танца им. С. Рубина (профессор композиции, в 1981–1985 гг. — ее директор, с 1985 г. — зав. кафедрой теории композиции). В основе музыкального творчества Садаи лежат восточные мелодии в подчеркнуто-современной обработке. Наиболее известные произведения: “Екклесиаст”, “Краса Израиля”, “Психоанализ”, “Интерполяции” (для клавирина и смычкового оркестра) и др. Автор исследований по музыкальной гармонии и музыкальной семиотике: “Методология теории музыки” (1960), “Гармония и ее систематические аспекты” (1980).
- 32 Эрлих Абель (1915–2001) — израильский композитор. Учился в Музыкальной академии в Загребе, из которой в 1938 г. был отчислен вместе с другими евреями. С 1939 г. жил в Эрец-Исраэль. С 1940 г. преподавал композицию, в 1964–1991 гг. работал в тель-авивской Академии музыки. С 1972 г. — профессор. Эрлих написал более 2 тыс. произведений практически во всех музыкальных жанрах, в т. ч. большое число камерных опер. Наиболее значительные из них: “Черный вторник”, “Раздвоенная личность учителя музыки Бутан”, “Мертвые души” (по Н. Гоголю). Много писал на библейскую тематику.
- 33 Оргад Бен-Цион (1926–2006) — израильский композитор, учился в Академии музыки в Иерусалиме и в Университете Брандайза в США. В 1950–1988 гг. служил инспектором по музыкальному воспитанию в Министерстве образования. Оргад часто

зыкальных произведений с еврейским ритмическим строем и мелодикой. Аналогичным образом, еврейская кантилляция (чтение нараспев) и ближневосточная тональность легли в основу получивших всеобщее признание работ Ами Мааяни³⁴. Путем смешения различных стилей, как восточных, так и европейских, эти композиторы определили основные тенденции “подлинной” и “характерной” израильской музыки. Разумеется, их усилия были лишь пробными, экспериментальными; зачастую результаты сводились к общеизвестному неоклассицизму, а то и просто были тривиальными. Однако их произведения, во всяком случае, определяли перспективы для достижения истинной культурной самоидентификации.

Новая ивритская литература

Уже в 1920-х гг. литература на иврите достигла высокого уровня. Немало авторов того времени продолжали работать и после 1948 г. — достаточно назвать такие всеми почитаемые имена, как Аврагам Шлёнский, Ицхак Ламдан³⁵, Натан Альтерман, Ури-Цви Гринберг, Шмуэль-Йосеф Агنون, Шин

обращался к сюжетам и образам, заимствованным из Библии, за что его называют “библейским композитором”. Среди его произведений: для голоса с оркестром — “Молитва”, “Краса Израиля”; для хора и оркестра — “Рассказ соглядатаев”. Он также создал многочисленные симфонические и инструментальные произведения.

- 34 Мааяни Ами (р. 1936) — израильский композитор и педагог. В 1953 г. закончил Академию им. С. Рубина (Иерусалим) по классу скрипки. В 1964–1965 гг. учился на отделении электронной музыки Колумбийского университета (Нью-Йорк), руководил Хайфским молодежным симфоническим оркестром и духовым оркестром тель-авивского муниципалитета. С 1965 г. преподает музыкально-теоретические дисциплины в Академии музыки и танца им. С. Рубина (профессор с 1980 г.). Первоначально в своем творчестве он придерживался эстетики восточносредиземноморской школы, опирающейся на еврейский фольклор: “Первый концерт для арфы” (1960), концертный дивертисмент (1962). Прибегал к мелодиям и интонациям, характерным для различных еврейских общин, создавая произведения для голоса и симфонического оркестра на тексты из Библии: “Песнопения” (1964), “Паломнические праздники” (1966). Написал также оперу “Война сынов света” (1971). Около середины 1970-х гг. у Мааяни появился интерес к музыке барокко, элементы которой он по-новому осмыслил и осовременил: “Концерт для альты с оркестром” (1974), “Сольные сонаты для скрипки” (1978).
- 35 Ламдан Ицхак (1899–1954) — израильский поэт. С 1920 г. жил в Эрец-Исраэль, работал на строительстве дорог. Начал публиковать стихи, в которых пророческий пафос, воспринятый от Х.-Н. Бялика, и эмоционально напряженные экспрессионистские образы служили выражением халуцианского энтузиазма. Написанная белым стихом эпическая поэма в шести песнях “Масада” утвердила за Ламданом прочную славу выразителя чаяний третьей *алии*. Во многих своих произведениях утверждал, что личное начало должно быть подчинено целям национального возрождения.

Шалом³⁶, Леа Гольдберг и Хаим Хазаз. Таким образом, эти известные писатели сохранили свое ведущее положение в литературе также и в первые годы независимости страны. Трибуны, призывавшие к свершению великих дел, Альтерман, Ламдан и Гринберг (Гл. VIII), продолжали свои эпические восхваления героизма и жертвенности. Лирико-романтическая традиция также продолжила свое существование — в творчестве Леи Гольдберг, самой читаемой израильской поэтессы. Леа Гольдберг родилась в 1911 г. в Ковно и стала одной из первых еврейских девушек, получивших образование в светской еврейской гимназии. Она продолжила учебу на филологическом факультете Боннского университета, где получила докторскую степень по семитским языкам. В 1935 г. Гольдберг перебралась в Тель-Авив, привезя с собой глубокие познания в европейской литературе, подобных которым не имел никто из ивритских писателей ее поколения. Первоначально она приобрела известность как блестящий критик и единственный в своем роде переводчик с шести языков на иврит. Однако особо восхищали читателей Гольдберг ее стихи. Ее поэзия, откровенная, прозрачная и обманчиво простая по форме, разительно отличалась от старой ивритской поэзии, перенасыщенной библейскими аллюзиями и аллегориями. Хотя с точки зрения поэтической образности Гольдберг, как и большинство ее современников, принадлежала к романтикам, описывавшим пасторальные красоты Святой земли, ее стиль характеризовался утонченной сдержанностью. Она пользовалась такой любовью читателей, как никто из ее современников-поэтов. Йеѓуда Амихай³⁷, лучший израильский поэт молодого поколения, вспоминает, как во время боев 1948 г. в Негеве он носил в своем солдатском ранце потрепанный сборник стихов Гольдберг *Ми-бейти ѓа-яшан* (“Из моего старого дома”).

36 Шалом Шин (псевдоним; Шалом-Йосеф Шапир, 1904–1990) — поэт, писатель, драматург, эссеист, переводчик. С началом Первой мировой войны семья Шаломы переехала в Вену, где он начал писать стихи по-немецки, а затем на иврите. В 1922 г. вся семья переехала в Израиль. Работал каменотесом, затем учился в учительской семинарии движения *Мизрахи*. Несколько лет преподавал иврит, с 1939 г. занимался только литературной деятельностью. В 1962–1968 гг. был председателем Федерации израильских писателей, а в 1973 г. был избран ее президентом. В своих стихах 1930-х гг. и эссе уходил от созидательного пафоса, свойственного литераторам третьей *алии*, в модернистскую поэзию. В последующие годы пишет прозаические произведения автобиографического характера. Драматургия Шаломы посвящена конфликту личности и вечных вселенских проблем. Много переводил с английского, немецкого, идиша.

37 Амихай Йеѓуда (1924–2000) — израильский поэт и прозаик. В Эрец-Исраэль жил с 1936 г. Начал публиковаться в конце 1940-х гг. Первый сборник стихов *Ахшав ве-бе-ямим ахерим* (“Сегодня и в другие дни”) определил появление нового направления в израильской поэзии, для которого характерно создание поэтических образов путем сопоставления понятий и терминов современной цивилизации с языком *Танаха* и *Мишны*. Амихай опубликовал несколько сборников стихов, а также новеллы, повести и роман.

В 1950-х гг. сохранились не только традиции патетической и лирической поэзии, но и более старые, неповторимые “еврейские” традиции сокровенного отношения к нравам и ценностям стран диаспоры — пусть даже отчасти и отвергаемым сионизмом. Возьмем, например, Шмуэля-Йосефа Агнона (настоящая фамилия Чачекс), родившегося в Галиции в 1888 г., чье творчество в полной мере отразило и атмосферу южного хасидизма, и центрально-европейскую *Weltschmerz*, мировую скорбь. В Палестине Агنون прожил некоторое время в начале XX в., но окончательно поселился там только в середине 1920-х гг. Именно тогда он создал свои лучшие произведения, в большинстве своем рассказывающие о благочестивой идиллии хасидской жизни в Галиции XIX в. Обосновавшись в Иерусалиме, Агنون публикует несколько книг, самая известная из которых — *Гхнасам Кала* (“Дочь на выданье”), написанная в 1931 г. в стиле плутовского романа. Это история странствий рабби Йеғудиэля Хасида, красочное полотно еврейской жизни в Восточной Европе до наступления новых времен. Текст романа изобилует благочестивыми аллюзиями на весь корпус еврейской религиозной литературы — Библию, Талмуд³⁸, *мидраши*³⁹, каббалу⁴⁰. К сожалению, именно это богатство аллюзий, фир-

38 Талмуд (“Учение”) — свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, охватывающий *Мишну* (основополагающая часть Талмуда, а также каждый отдельный параграф трактатов, составляющий этот свод) и *Гемару* (буквально “завершение”, “изучение”, свод дискуссий относительно текста *Мишны*). *Гемара* и *Мишна* вместе составляют Талмуд. Творческая деятельность создателей *Гемары*, действовавших в период после завершения *Мишны*, развивалась в ешивах Эрец-Исраэль и Вавилонии самостоятельным образом, что, однако, не исключало обмена мнениями и постановлениями. Следствием этого явилось создание двух Талмудов: Вавилонского Талмуда, созданного в III—VII вв., и Иерусалимского Талмуда, созданного в период между началом III и концом второй половины IV в. в ешивах Тверии, Кейсарии и Ципори.

39 *Мидраш* (букв. “изучение”, “толкование”) — жанр литературы гомилетического характера, представленного в *Мишне*, а затем в *Гемаре*. Часто словом *мидраш* обозначается собрание отдельных текстов, которое включает библейские толкования, публичные проповеди, *агадот*, образующие последовательные, в основном агадические комментарии к библейским книгам. Наиболее ранний из дошедших до нас *мидрашей* — это пасхальная *Агада*.

40 Каббала (букв. “поучение”, “предание”) — эзотерическое еврейское теософское учение с выраженными элементами мистики и магии. В отличие от чистой мистики, каббала предпочитает непосредственным путям познания Божества созерцание, размышление, молитву и стремление постигнуть скрытый истинный смысл Торы и других священных книг, заключающих, по мнению каббалистов, символическое описание Бога и Божественных процессов. Вместе с тем каббале, как и мистике, свойственно стремление приподнять завесу таинственного и непостижимого, а также использование символов как единственного адекватного средства выражения и интуитивного мышления. Самым ранним произведением каббалистической литературы была книга *Сефер йа-бахир*, принявшая окончательную форму в XII в. на юге Франции в Провансе.

менный знак творчества Агнона, делает его произведения чрезвычайно трудными для перевода. Те же, однако, кто в состоянии прочесть Агнона в оригинале и воспринять его образную систему, получают удовольствие, не сравнимое с чтением других произведений современной ивритской литературы. Нобелевский комитет, приняв на веру эту оценку, удостоил Агнона премии по литературе за 1966 г.

Если представить творчество писателя в виде эллипса, то, начиная с 1930-х гг., этот эллипс обретает два фокуса — мир знакомого и родного для Агнона польского еврейства и новый *ишув* Палестины. Многие рассказы близки к еврейским легендам старых времен, и их призрачную атмосферу можно назвать отчасти кафкианской. Однако чем дольше жил автор в Иерусалиме, тем больше его произведения утрачивали восточноевропейскую ауру. Место их действия переносилось в Палестину и Израиль, к тому же сюжет при этом делался мистически неясным, окутанным густой атмосферой своеобразного агноновского символизма. Становилось все более очевидным, что Агнона мучает мысль о конфронтации между динамичными усилиями сионистов в Палестине и судьбой еврейских религиозных традиций в *ишуве*. Этот конфликт между старой и новой жизнью лег в основу последнего опубликованного при жизни писателя романа *Тмоль шильшом* (“Вчера-позавчера”), общепризнанного шедевра Агнона. Кумар, герой романа, будучи не в силах найти своего места в Палестине, мечется между двумя мирами — старой ортодоксальной общиной Иерусалима и новым сионистским *ишувом*, жизнь которого сосредоточена в Тель-Авиве и сельскохозяйственных поселениях. Поиски заканчиваются неудачей и трагической гибелью героя. Эта тема в определенном смысле характерна для всех поздних произведений Агнона: сионизм становится для него благородной попыткой, обреченной на неудачу, однако и старый образ жизни, при всем его несомненном величии, не является приемлемым выходом.

Двойственность восприятия “еврейства” диаспоры и сионистского обновления прослеживается и в творчестве Хаима Хазаза, который, хотя и был на одиннадцать лет моложе Агнона, принадлежал к тому же литературному направлению. Хазаз родился в 1898 г. в украинском местечке; он бежал из России в 1921 г. после деникинских погромов, жил в Константинополе и Париже, а с 1932 г. — в Иерусалиме. Его первые рассказы стали публиковаться в известных ивритских периодических изданиях в 1920-х гг., когда он еще жил в Европе, а в 1930 г. увидел свет его первый роман, *Бе-ишув шель яар* (“В лесном поселке”). Но только прожив в *ишуве* около десяти лет и выпустив в начале 1940-х гг. первый том избранных сочинений, Хазаз получил признание как один самых читаемых и уважаемых ивритских писателей. Апокалипсические настроения пронизывают

все произведения Хазаза, будь то описание маленького украинского городка в послереволюционные 1920-е гг., еврейского изгнания и возвращения в Палестину в 1930-х гг. или жизни йеменской общины в Сане и Иерусалиме. Создается впечатление, что каждый поступок его персонажей имеет едва ли ни мировое значение. Дело в том, что для Хазаза каждое из утопических учений — коммунизм, религиозное мессианство и даже сионизм — несет в себе семена скрытой трагедии. Авторское мировоззрение становится совершенно очевидным, когда он обращается к истории восточной и йеменской общин. Душевная боль не позволяет ему вести рассуждения о Катастрофе европейского еврейства, и потому Хазаз излагает свое видение истории на примере йеменских евреев. Как ни удивительно это звучит, но необычная малочисленная, отчасти арабизированная община оказалась идеальной средой для рассуждений Хазаза: подобно его безгранично любимым и обреченным восточноевропейским евреям, йеменцы были сплоченной общиной, они являлись знатоками еврейских традиций и обычаев, но находились на начальной стадии модернизации и потому оказались внутренне разобщенными. Так вышло, что два его йеменских романа, *Га-йошевет ба-ганим* (“Обитающая в садах”), опубликованный в 1944 г., и “Яиш”, выходявший отдельными выпусками с 1947 по 1952 г., являются наиболее четко и последовательно структурированными из всех его произведений.

В романе “Обитающая в садах” Хазаз прослеживает, на протяжении трех поколений, историю живущей в Иерусалиме йеменской семьи. Старейший член семьи, Мори Саид, — мечтатель, погруженный в мессианские видения Конца дней. Несмотря на свое абсурдное и бессвязное видение мира, Мори Саид сохраняет в глазах окружающих благородство и благочестие. Его дети, напротив, погрязли в меркантильных заботах современного общества. Искупление ожидает лишь третье поколение семьи: внучка Мори Саида, избежав морального краха, поселяется в *кибуце* с мужем, которого она выбрала по любви. “Яиш” возводит хронику йеменской семьи к ее корням, и действие первоначально происходит в Сане, столице Йемена. Жизнь главного героя по имени Яиш прослеживается автором от детских лет до старости; это сложная личность, и ему свойственны как простые земные страсти, так и мистические видения. Двойственность и противоречивость характера Яиша сглаживается лишь по его прибытии в Палестину. Хазаз со всей очевидностью хочет сказать, что, поселившись в Святой земле, человек способен разрешить свои личные и духовные проблемы.

Эту мысль Хазаз развивает в своем последнем романе — *Бе-колар эхад* (“В одной петле”), опубликованном в 1963 г. Действие романа происходит уже перед самым концом британского мандата; два героя книги сидят в тю-

ремной камере — это юные террористы, арестованные англичанами, один из них — ашкеназ, другой — сефард. В ожидании смертной казни через повешение они говорят о сионизме и о будущем еврейского народа; их рассуждения понятны и близки читателям Хазаза, и суть их сводится к тому, что страна обречена, если ее народ забудет мессианские идеалы (“Без Мессии нет Земли Израиля”). Горькое презрение — такова участь тех, кто отказывается от этой мечты, кто намерен жить только сегодняшним днем. Хотя Хазаз воспринимал сионистские идеи с большим оптимизмом, чем Агнон, но к концу своего творческого пути он также связал свое видение израильской государственности с еврейством в самом широком понимании этого слова. Для обоих этих гигантов современной ивритской литературы идея еврейства в отрыве от всех ее философских и исторических коннотаций была просто немислимой.

Поколение “Палмаха”

Израильские интеллигенты следующего поколения — те, кто участвовал в Войне за независимость, а затем боролся за свое выживание в послевоенные годы строгой экономии, имели мало общего с писателями и мыслителями нового *ишува*. Для их предшественников в 1930–1940-х гг. был характерен едва ли не фанатичный интерес к “смыслу жизни”, а также чисто еврейское стремление к поиску абсолютной истины и закономерностей, управляющих историческими процессами. Типично еврейской была также убежденность сионистских первопоселенцев в том, что существует лишь один-единственный идеологический путь избавления еврейского народа — причем такого мнения придерживались и социалисты, и ревизионисты, и ортодоксы. В отличие от них, израильские студенты и писатели послевоенной поры, испытывавшие экономические затруднения и зачастую вынужденные работать в двух местах, чтобы свести концы с концами, под давлением жизненных обстоятельств занимали более прагматическую и приземленную позицию. Они проявляли ограниченный интерес к вопросам, которые не касались их напрямую, и в массе своей склонны были считать любую идеологию пустым звуком. Иным, чем у предшественников, было и их отношение к диаспоре. Не испытывая особой преданности или привязанности к еврейской истории и судьбе, молодые израильтяне, похоже, вообще не ощущали связи с поколением Агнона или Хазаза. В отличие от своих родителей, они не могли сказать, что приемлют либо не приемлют часть своего народа, живущую в диаспоре, — их отношение, по сути дела, было скорее безразличным.

Само собой разумеется, что новые израильтяне были евреями, — но при этом они со всей очевидностью были, в первую очередь и исключительно, израильскими евреями. Это обстоятельство не могло не суживать их кругозор, что, в свою очередь, оказывало определяющее воздействие на все аспекты их творческой и интеллектуальной деятельности. По их мнению, создание Государства Израиль окончательным образом решило все проблемы еврейского существования. Таким образом, они полагали, что у них, в отличие от их предшественников, нет ни времени, ни терпения предаваться мучительным размышлениям над этими вопросами. Пожалуй, самый решительный отказ от связей с диаспорой был сформулирован в идеологии основанного еще до 1948 г. движения *Кнааним*⁴¹ (“Ханаанцы”). Немногочисленные члены этого движения, циничные молодые бунтари, объявили о своем отделении от евреев, живущих вне Эрец-Исраэль, провозгласив себя некоей ближневосточной расой (ханаанцами) и выставя на посмешище еврейство диаспоры и синагогальный иудаизм своих отцов. Ударяясь в крайность, они — по их мнению, подобно настоящим ханаанцам — носили бороды от подбородка.

В значительно менее карикатурной форме стремление отрешиться и отречься от прошлого было характерно и для писателей нового послевоенного поколения — первого поколения, для которого иврит с колыбели стал родным языком, а Израиль — местом рождения. Эта группа известна как *Дор*

41 *Кнааним* (Ханаанцы) — прозвище немногочисленной группы молодых еврейских интеллектуалов в Эрец-Исраэль, называвших себя *га-иврим га-цеириим* (“младоевреи”). Идейные истоки *Кнааним* прослеживаются в свойственной раннему светскому сионизму отталиванию от еврейской религиозной традиции, отождествлявшейся с психологией *галута*. Как группа *Кнааним* начали свою деятельность в 1942 г. публикацией ряда брошюр. К концу периода британского мандата и в первые годы существования еврейского государства они выработали новую идеологию, главным положением которой было противопоставление *иврим*, формирующейся в Израиле новой нации, евреям *галута*. Согласно этой идеологии, новая нация состоит из уроженцев страны вне зависимости от их вероисповедания, в том числе из мусульман и христиан, — из всех, кто считает себя *иврим*, а также и из эмигрантов, желающих влиться в ее состав. Страна *иврим*, противопоставляемая существующей Эрец-Исраэль, должна простираться от Средиземного моря до бассейна реки Евфрат. Культурные истоки новой нации *Кнааним* искали в цивилизации языческих племен, населявших Древний Восток и особенно Кнаан до возникновения иудаизма. Они отвергали культуру евреев диаспоры и сам термин “евреи” (*йебудиим*) как означающий лишь последователей определенной религии, но не членов нации. Инициатором и лидером движения был поэт И. Ратош. В 1969 г. они возобновили свою политическую деятельность, выступая с требованием создать сеть школ с обучением на иврите для всего нееврейского населения контролируемых территорий и привлечь это население к службе в армии. Группа приняла название *Кнааним*, которое раньше было ироническим прозвищем; но политическое влияние группы оставалось ничтожным.

йа-Палмах (“Поколение *Палмаха*”), и в ее состав входили прозаики Изѓар Смилянский⁴², Моше Шамир, Аѓарон Мегед⁴³, Игаль Мосинзон⁴⁴, Натан Шахам⁴⁵ и поэты Йеѓуда Амихай, Амир Гильбоа⁴⁶, Ицхак Шалев⁴⁷, Аба Ков-

- 42 Смилянский Изѓар (Изѓар С.; 1916–2006) — израильский писатель, окончил учительскую семинарию и Еврейский университет. Работал учителем, а затем профессором Еврейского университета. В 1948–1968 гг. — депутат *кнессета* от партии *Манай* (с 1965 г. — от *Рафи*). Начал публиковаться в 1937 г. Особый ритм и глубокий лиризм повествования в сочетании с авторскими отступлениями и внутренними монологами сближает стиль прозы Смилянского с литературой “потока сознания”. В романе *Ситур Хирбет-Хиза* (“Рассказ о Хирбет-Хизе”) автор затрагивает моральные проблемы молодого поколения израильтян; написал также ряд сборников рассказов для детей.
- 43 Мегед Аѓарон (р. 1920) — израильский писатель, в Эрец-Исраэль живет с 1926 г. В 1969–1971 гг. — израильский атташе по делам культуры в Великобритании. Автор романов и рассказов. В них он описывает современное израильское общество, разрыв между идеалами пионеров третьей *алии* и современным поколением израильтян, пишет об одиночестве человека в современном мире и о взаимоотношениях между писателями и литературными критиками. Написал ряд пьес, в том числе “Ханна Сенеш”. В 1986–1988 гг. — президент израильского Пен-клуба.
- 44 Мосинзон Игаль (1917–1994) — израильский писатель, с 1938 г. — член *кибуца* Хаан. В 1943–1949 гг. служил в *Палмахе* и в Армии обороны Израиля. Автор рассказов, романов, приключенческих повестей для детей; написал также свыше 20 пьес. Некоторые произведения Мосинзона вызвали бурные споры, как, например, роман *Дерех йа-гевер* (“Путь мужчины”), критикующий быт *кибуца*. Острую критику вызывали эротические сцены во многих произведениях автора. Наибольшим успехом пользовалась серия из 32 повестей для детей и юношества. Многие романы Мосинзона написаны на исторические темы.
- 45 Шахам Натан (р. 1925) — израильский писатель и драматург, окончил гимназию “Герцлия”. Служил в *Палмахе*, участвовал в Войне за независимость. В течение ряда лет был заместителем председателя правления израильского телерадиовещания. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. — атташе по вопросам культуры в посольстве Израиля в США. Первое произведение посвящено Войне за независимость и жизни *кибуцников*. В 1957 г. Шахам возглавлял израильскую делегацию на Всемирном фестивале молодежи в Москве. Об этом он рассказал в книге “Встречи в Москве”. Написал ряд романов, самый популярный из них — *Ревият Розенфорд* (“Квартет Розенфорда”) — рассказывает о судьбе четырех музыкантов, приехавших в Эрец-Исраэль в 1930-х гг. и пытающихся создать в Израиле профессиональный музыкальный коллектив.
- 46 Гильбоа Амир (1917–1984) — израильский поэт, в Эрец-Исраэль жил с 1937 г., работал на плантациях и в каменоломнях. Во время Второй мировой войны служил в Еврейской бригаде. В поисках средств глубоко личного выражения чувств Гильбоа пренебрег сложившимися поэтическими шаблонами и создал индивидуальный стиль и своеобразный внутренний ритм, в которых архаичность и новаторство сливаются воедино. Выпустил ряд стихотворных сборников; много переводил с русского языка на иврит.
- 47 Шалев Ицхак (1919–1992) — израильский поэт, прозаик, педагог. Окончил учительскую семинарию. Работал учителем в средних школах Иерусалима, преподавал в учительской семинарии и Еврейском университете. Выпустил ряд сборников стихов, тяготеющих к классическим формам. Написал несколько автобиографических романов и повестей.

нер⁴⁸, Хаим Гури⁴⁹, Тувия Рибер, Карми Чарни⁵⁰, Гилель Омер. Их несходство с писателями предыдущих поколений было очевидным — в первую очередь речь идет о несходстве стиля. Амихай, самый значимый из поэтов этого поколения, писал верлибром, и интонация его стихов была неброской, порой просто разговорной. Он, как и Гильбоа, и Шалев, отрицал сочную, отчасти вычурную манеру письма, свойственную традициям раннего Шлэнского и Альтермана. Отошли от манеры своих предшественников и прозаики, писавшие скупым, простым языком, широко используя арабизмы.

Однако в первую очередь авторы “Поколения *Палмаха*” отличались тематикой своих произведений. Для этих молодых писателей создание Государства Израиль было уже не извечной мечтой еврейского народа, а свершившимся фактом. Об этом они и писали, используя свой опыт, полученный в боях Войны за независимость. Собственно говоря, можно назвать точную дату рождения этой группы — 31 мая 1948 г., самый разгар Войны за независимость, когда на сцене Камерного театра состоялась премьера инсценировки романа двадцатисемилетнего Моше Шамира *Гу йалах ба-садот*

- 48 Ковнер Аба (1918–1987) — один из руководителей еврейского Сопrotивления в Литве в годы Второй мировой войны, израильский писатель. Окончил ивритскую гимназию “Тарбут” в Вильно. Член *Га-Шомер йа-цаир*. После оккупации Вильноса нацистами был одним из создателей, а позднее руководителем боевой организации гетто. В сентябре 1943 г. при ликвидации гетто ушел с уцелевшими бойцами в леса, куда были заранее направлены группы партизан, и возглавил объединение еврейских партизанских отрядов. В 1945 г. прибыл нелегально в Эрец-Исраэль, где был арестован британскими властями и заключен в тюрьму в Каире. После освобождения вступил в *кибуц* Эйн-га-Хореш. Участник Войны за независимость, редактировал ежедневный боевой листок бригады *Гивати*. Первые стихи на идише и на иврите написал еще до немецкой оккупации Литвы. В Израиле выпустил ряд сборников стихов, основные темы поэзии автора — Катастрофа и борьба евреев Палестины за независимость. Войне за независимость посвятил трилогию в прозе *Паним эль-паним* (“Лицом к лицу”). Лауреат Государственной премии Израиля за 1970 г.
- 49 Гури Хаим (р. 1923) — израильский поэт, писатель, журналист. Член *Палмаха*, во время Войны за независимость и Шестидневной войны — офицер Армии обороны Израиля. Юношеские стихи Гури, печатавшиеся в изданиях *Палмаха*, пользовались большим успехом у молодежи. Выпустил ряд поэтических сборников, роман *Искат йа-шоколад* (“Шоколадная сделка”). Переводил на иврит работы французских поэтов и драматургов.
- 50 Чарни Карми (псевдоним Тед Карми; 1925–1994) — израильский поэт, переводчик. Высшее образование получил в Ешива-университете и Колумбийском университете в Нью-Йорке. В 1946–1947 гг. работал в доме для еврейских сирот во Франции. С 1947 г. жил в Эрец-Исраэль, в 1948–1949 гг. служил в Армии обороны Израиля. В течение многих лет был приглашенным профессором в Еврейском, Стэнфордском, Гарвардском и других университетах. Автор 17 сборников стихов. В стихах Чарни сочетаются различные языковые пласты — от библейского до разговорного иврита. Перевел на иврит ряд пьес У. Шекспира.

(“Он шел по полям”). Это рассказ о жизни кибуцного парня Ури, сына разведенных родителей. Типичный *сабра*, уроженец Израиля, Ури старательно маскирует свои чувства, сближаясь с новой репатрианткой из Польши, которой довелось пройти мучительные испытания в Европе, прежде чем она попала в *кибуц*. Когда для Ури приходит час расставания (он должен явиться в свой палмаховский отряд), он угрюмо отказывается побыть с девушкой хотя бы еще несколько дней и уезжает, так и не дождавшись ее признания в беременности. Вскоре после прибытия в отряд Ури вызывается добровольцем для проведения опасной операции и погибает. Хотя пьеса и не была свободна от некоторых композиционных недостатков, ее несомненным достоинством стало то интуитивное понимание, с каким автор представил новый тип *сабры*, его мировоззрение, манеру вести себя и этические принципы. Его родители-репатрианты, с их психологией гетто, как бы впервые увидели своего сына в истинном свете: сильного, отважного, с пренебрежением относящегося к родительскому авторитету, а главное — с презрением взирающего на все, что “отдает *галутом*”, и презирающего сионизм в его эмоционально-эпическом толковании. Становится очевидным, что основной мотив поведения нового поколения израильтян — прагматизм и стремление к достижению поставленной цели.

Это произведение Шамира означало начало нового течения в ивритской литературе. За ним последовали и другие книги, в которых война не только не прославлялась, но изображалась во всей ее обыденной и беспощадной жестокости. Сам Шамир в 1954 г. опубликовал исторический роман *Мелех басар ва-дам* (“Царь из плоти и крови”), в котором Ури волей автора перевоплощается в Александра Яная⁵¹, одного из последних прави-

51 Александр Янай (126–76 до н. э.) — царь Иудеи из династии Хасмонеев, первосвященник в период 103–76 гг. до н. э. Третий сын Йоханана Гиркана. Когда к власти пришел его старший брат Аристокл Первый, Александр был заключен в тюрьму. Когда Аристокл умер, его вдова Саломея-Александра освободила Яная и, согласно обычаю левиратного брака, стала его женой. Историю Иудеи в период правления Александра Яная можно разделить на три периода. В первый (103–95 гг. до н. э.) период ему удалось еще более расширить границы Хасмонейского царства. К 95 г. до н. э. царь завершил завоевание морского побережья страны (за исключением Ашкелона) от египетской границы на юге до горы Кармель на севере. Он также распространил свою власть на ряд греческих городов в Заиорданье. Второй период правления Александра Яная (95–83 гг. до н. э.) характеризуется острым конфликтом царской власти с фарисеями, поддержанными широкими слоями народа, которые противились усилению власти монарха, созданию наемного войска из иностранцев, укреплению священнической власти царя. В результате вспыхнула гражданская война, во время которой погибло около 50 тыс. евреев. После преодоления кризиса в последний период правления Александра Яная (83–76 гг. до н. э.) он вел успешную наступательную политику. Иудейские войска вели военные действия против городов Декаполиса в Заиорданье, вторглись в Голан и остановили экспансию Набатейского царства.

телей династии Хасмонеев⁵². Александр стремится к абсолютной власти, он расширяет границы Израиля, жестоко убивая при этом всех своих противников. Автор, по всей видимости, вознамеривается предостеречь своих читателей относительно того, что положительные свойства, присущие *сабрам*, уроженцам страны, могут в определенном контексте стать отрицательными и что излишнее преклонение перед национальными ценностями и одновременно пренебрежение основными принципами гуманизма способны обернуться моральной катастрофой. Эта тема, с различными вариациями, рассматривается в произведениях других писателей-*сабр*, в первую очередь в книгах Игала Мосинзона и Натана Шахама, где нашли отражение му-

- 52 Хасмонеи — коллективное имя, наряду с именем Маккавеев, лидеров восстания, начавшегося в 167 до н. э. против Селевкидской Сирии: Матитьягу бен Йоханан Маккавей, Йегуда Маккавей, Шимон Хасмонеи, Йегонатан Хасмонеи и члены их царствующего дома. Хасмонеи (Маккавеи) происходили из священнического рода, жившего в Модиине. В 167 до н. э. царь Сирии Антиох IV Эпифан Селевкид запретил под угрозой смертной казни соблюдение законов Торы, в частности совершение обрезания и соблюдение субботы. Фактически запретив иудаизм, он распорядился о введении в Иудее языческих культов. Иерусалимский храм был осквернен и превращен в святилище Зевса Олимпийского. Когда царские эмиссары прибыли в Модиин, чтобы ввести языческий культ, Матитьягу и его сыновья отказались изменить своей вере. Матитьягу убил еврея, который согласился принести жертву на возведенном эмиссарами языческом алтаре. После этого он с семьей укрылся в горах. Вскоре он стал общепризнанным лидером восстания, возглавив уже действующие в Иудее и Самарии вооруженные отряды. Под его руководством партизанские отряды противостояли селевкидской администрации, осуществляли контроль над провинциальными городами и карали сотрудничавших с властями евреев. Царская администрация фактически потеряла контроль над страной, под ее властью оставался только Иерусалим. После смерти Матитьягу в 167/166 г. до н. э. во главе восстания встал его сын Йегуда Маккавей, оказавшийся талантливым полководцем. Руководимые им отряды стали угрожать Иерусалиму. Нанеся ряд поражений двинутым против него сирийским войскам, он в декабре 164 г. до н. э. овладел Иерусалимом, повстанцы очистили Храм от языческого культа и возобновили еврейское богослужение. В ознаменование освящения Храма был установлен восьмидневный праздник *Ханука*. После долгой и упорной борьбы и смерти в бою Йегуды Маккавея в 160 г. до н. э. еврейские войска потерпели поражение. Но после ряда новых побед Хасмонеев сирийский царь Деметрий II согласился в 142 до н. э. освободить Иудею от уплаты дани, что фактически означало ее независимость. В результате 25-летней борьбы после более чем 440-летнего перерыва Иудея вновь обрела независимость. В 63 г. до н. э. войска римского полководца Гнея Помпея заняли Иерусалим. С завоеванием Иерусалима завершился 80-летний период независимого Хасмонейского царства. Деятельность Хасмонеев противостояла эллинистической культурной экспансии, сумела положить конец культурно-политической гегемонии греческих городов, восстановила территориально-политическое единство еврейского населения Эрец-Исраэль и консолидировала его путем религиозной ассимиляции нееврейских семитских народностей страны.

чительные противоречия между гуманистическими сионистскими идеалами и зачастую недостойной действительностью израильской повседневной жизни.

Изѓар Смилянский, родившийся в Палестине в 1916 г., развивает эту тему во всей ее полноте, подвергая сомнению принципы и сионистские ценности прежних лет. В своем основном произведении, двухтомном романе *Їемей Циклаг* (“Дни града Циклаг”), опубликованном в 1958 г., Изѓар описывает одну неделю Войны за независимость, будни воинского подразделения, ведущего бои за стратегический пункт в пустыне Негев. В манере потока сознания, впервые введенной в ивритскую литературу Ури Гнесиным⁵³, Изѓар проникает во внутренний мир своих героев и детально описывает бесчисленные противоречия между их личными желаниями и долгом по отношению к товарищам. Солдаты Изѓара ведут себя точно так же, как солдаты любой другой армии: с нетерпением ждут отпуска, высказывают недовольство своими обязанностями и порой пытаются увильнуть от их исполнения. Такое ощущение, что мало кого вдохновляют славные перспективы национального развития. Они скептически относятся к своим личным ценностям и ценностям молодого государства, высказывают разочарование тем разрывом, который проявился между идеалами и их превращением в жизнь. Герои Изѓара насмешливо говорят о “гордом знамени” и жалуются, что сионистская риторика висит у них, “как жернов на шее”. Книга точно и безошибочно отражает свойственное поколению *Палмаха* беспощадное иконоборчество, неприятие лицемерия и ханжества, безжалостную самооценку.

Духовный кризис

Отношение послевоенного поколения к арабскому вопросу было именно той сферой, где молодые израильтяне проявляли максимальную твердость в попытках ликвидировать разрыв между сионистскими лозунгами и изра-

53 Гнесин Ури-Нисан (1881–1913) — писатель, автор первых психологических повестей на иврите. Родился в России. Недовольный как российским и польским еврейством, так и духовным уровнем английских евреев (он провел в Лондоне несколько месяцев, редактируя журнал на иврите *Ѓа-Меорер*), не нашедший себя в Палестине, где он провел год, Гнесин первым в литературе на иврите обратился к теме отчуждения человека и утраты им жизненной почвы. Он также первым использовал модернистскую технику современной ему западноевропейской и русской литературы. Помимо повестей и рассказов, написал ряд критических статей; перевел на иврит Ш. Бодлера, Г. Гейне, А. Чехова.

ильской действительностью. Как мы помним, одно событие нанесло весьма серьезный ущерб израильским заявлениям о всеобщем равенстве — речь идет о трагическом случае в Кфар-Касеме, где в день начала Синайской кампании 43 арабских жителя, нарушив — по всей видимости, неумышленно — введенный накануне комендантский час, были расстреляны израильским патрулем (Гл. XVIII). Правительство предприняло попытку замять это дело, однако после активной кампании в прессе и *кнесете* виновные были преданы военно-полевому суду. Три офицера патруля были осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Однако после апелляции высший военный суд счел приговор “слишком суровым” и значительно сократил сроки заключения. Затем эти сроки сократил, в свою очередь, начальник Генерального штаба, а затем и президент государства, предоставив осужденным “частичное помилование”. И наконец, Комитет по освобождению заключенных добился сокращения всех сроков на треть — в результате чего в 1960 г., фактически всего лишь через три года после этого трагического случая, все осужденные офицеры оказались на свободе. “Для нас это стало испытанием на честность, на человечность, на мужество, — писал главный редактор литературного журнала *Нер*, — и мы с позором провалились”. С резкой критикой на прессу, на религиозные и академические круги обрушился также Изѓар Смилянский, признав их в равной степени виновными в преступном заговоре молчания.

Собственно говоря, мало кто из видных израильских писателей не откликнулся в той или иной степени на события в Кфар-Касеме или на иные, происходившие ранее, антиарабские инциденты. В большинстве своем они, движимые чуткой совестью людей искусства, стремились тем или иным образом содействовать разрешению проблем, стоящих перед арабским населением страны. Так, в своей книге *Сипур Хирбат Хан* (“Рассказ о Хирбат Хане”) Изѓар возлагает на Израиль моральную ответственность за судьбы беженцев. Эта книга — мучительное чтение, возможно, самый выразительный образец творчества человека, страдающего комплексом вины, в израильской литературе. Что касается ее продолжения *Ѓа-Шавуй* (“Пленник”), опубликованного в 1949 г., то военные власти страны даже предприняли попытку — правда, безуспешную — запретить ее распространение, ссылаясь на законы военного времени. Моше Шамир в своей автобиографической книге *Хаяй им Ишмаэль* (“Моя жизнь с Ишмаэлем”) утверждал, что “мы не обуславливали прием миллиона евреев из арабских стран высылкой хотя бы единого араба за пределы Израиля”. Шамир добавляет: “По правде говоря, присутствие арабов в Эрец-Исраэль всегда расценивалось нами как естественное положение дел в нашей ни на что не похожей стране, как некая данность, которую мы должны — а впрочем, и можем — воспринимать мирно и любовно”. Он с одобрением повторял слова, сказанные

Моше Даяном в 1956 г. в связи с убийством еврейского мальчика, погибшего от рук арабов в Нахаль-Озе: “Давайте не будем сегодня набрасываться с обвинениями на убийц. Следует ли осуждать их ненависть по отношению к нам? Вот уже на протяжении восьми лет они сидят в лагерях беженцев в Газе, а мы тем временем завладели землей и деревнями, в которых жили они и их предки”.

Во всяком случае, понять арабов было легче молодым израильтянам, нежели их родителям, которые привезли с собой из Европы маловразумительные рассуждения, объясняющие, почему арабскую оппозицию следует считать несуществующей или инспирированной искусственным образом. Вот почему собственное чувство вины молодых израильтян и двойственность восприятия ситуации были глубокими и мучительными. Изг'ар, Мегед, Шамир и другие представители их поколения не были склонны признавать борьбу с арабами как борьбу добра со злом. В первом романе молодого кибуцника Амоса Оза⁵⁴ *Маком ахер* (“Другое место”), опубликованном в 1966 г., арабские противники полностью сливаются с мифическим пейзажем книги и в известном смысле даже неотделимы от него. Очевидно, что книга Оза — нечто большее, чем история осады одного *кибуца*. Речь, по всей видимости, идет об Израиле в целом — как об осажденном государстве, окруженном агрессивными и многочисленными врагами, наличие которых нельзя ни выбросить из памяти, ни игнорировать. Героиню самого известного романа Оза, *Михаэль шели* (“Мой Михаэль”), преследуют воспоминания о ее детстве, прошедшем в Иерусалиме до 1948 г., и о детских играх с близнецами-арабами. Теперь эти близнецы являются взрослой женщиной в ее видениях: они врываются в их с мужем дом, чтобы совершить над нею насилие и убить ее. Вплетая тему арабского терроризма в общую ткань конфронтации двух народов, Оз вновь и вновь передает навязчивое, хотя и подсознательное ощущение своего поколения, что смерть, грозящая извне, является неизбежной; возмездие — это такая же стихийная сила ближневосточной действительности, как и сами арабы.

54 Оз Амос (р. 1939) — израильский писатель; изучал литературу и философию в Еврейском университете и в Оксфорде. С 1987 г. — профессор кафедры литературы на иврите Университета им. Бен-Гуриона в Беэр-Шеве. Написал большое количество рассказов, повестей и романов, герои которых представляют все круги израильского общества и в которых отражены основные проблемы жизни страны. Виртуозно владеет искусством повествования, используя остроумные афоризмы, Оз с блестящей иронией описывает представителей различных этнических групп и приверженцев различных идеологий и политических движений. Будучи блестящим мастером психологической прозы, некоторые свои произведения — *Михаэль шели* (“Мой Михаэль”), частично *Куфса шхора* (“Черный ящик”) — он пишет от имени женщины. Оз — самый популярный из современных израильских писателей, тираж его произведений — небывалый в истории литературы на иврите. Лауреат многих израильских и международных престижных премий.

От чувства вины избавиться невозможно. Книги Авраама Йеѓошуа⁵⁵, уроженца Палестины и современника Оза, характеризуются еще более явно выраженной атмосферой умолчания, намеков и недоговорок. Главный герой рассказа, давшего название его самому известному сборнику, *Муль ѓа-йеарот* (“Перед лесом”), выпускник университета, подыскивает себе место пожарного в лесопосадках Еврейского национального фонда, чтобы иметь возможность в тишине и одиночестве поработать над диссертацией, посвященной крестonosцам (автор, несомненно, намекает на часто проводимую арабами аналогию между израильтянами и крестonosцами). Эта лесополоса была насажена на месте арабской деревни, разрушенной во время боев Войны за независимость, и здесь оставался только один житель деревни, немой старик, исполняющий обязанности лесничего. Первоначально аспирант-пожарный прилагал максимум усилий, выполняя свои обязанности; однако мало-помалу становится ясно, что подсознательно он ждет, когда же вспыхнет пожар, причем ждет едва ли не с нетерпением. Таким образом, когда немой араб в конце концов поджигает лес, пожарный становится фактически пассивным соучастником преступления, опьяненный зрелищем пламени, сквозь которое проступают контуры давно разрушенной деревни. Очевидно, что послевоенное поколение не собиралось забывать о том, что происходило в недавнем прошлом, — а возможно, было не в состоянии это сделать.

Не могли они и безоговорочно смириться с избыточной и недопустимой, по их убеждениям, погоней за материальными благами, хотя именно таким образом многие израильтяне все настойчивее пытались вырваться за пределы своей опостылевшей мелкобуржуазной среды. Страна была маленькой, условия жизни — более чем скромными. К концу 1950-х гг. рассеялся страх стать жертвой иностранной агрессии и наступило некоторое облегчение по сравнению с существованием в условиях строгой экономии, но образ жизни в стране все равно оставался провинциальным — с точки

55 Йеѓошуа Авраѓам Б. (р. 1936 г.) — израильский писатель. Окончил Еврейский университет. В 1963–1967 гг. — генеральный секретарь Всемирного объединения еврейских студентов. С 1972 г. — профессор кафедры литературы на иврите в Хайфском университете. В своих произведениях писатель (наиболее известен роман *Ѓа-Меѓев* [“Любовник”], 1977) стремится раскрыть сущность процессов, происходящих в израильской действительности через внутреннее восприятие героев. На их личную жизнь, на психику, на духовное состояние всего общества колоссальным грузом ложится арабско-израильский конфликт. Постоянное напряжение, обостряемое периодически вспыхивающими войнами, порождает у героев чувство трагической невозможности следовать принципам морали в борьбе с жизненными обстоятельствами. В этой обреченности причина душевного смятения миролюбивых сынов веками гонимого народа, который теперь властвует над иноплеменным меньшинством. Йеѓошуа — сторонник прекращения арабо-израильского конфликта ценой отступления израильских войск со всех контролируемых территорий.

зрения как человеческих достижений, так и устремлений (Амос Оз в книге “Мой Михаэль” прекрасно проанализировал и эту провинциальность, и неброский повседневный героизм живущих в этих условиях людей). После Синайской кампании ощущение изоляции, замкнутости в ограниченном пространстве только усилилось, да и само существование населения можно было определить как безрадостное. Что касается общего идеологического климата страны, то его, по едкому замечанию В. Сегра, можно было сравнить с “похмельем и периодом отрезвления”. Народ ощущал себя более защищенным, во всяком случае в плане чисто физической безопасности, — но при этом, однако, у него стало больше возможностей глубоко задуматься над обыденностью своей судьбы. Израильтяне в массе своей ощущали некое разочарование и опустошенность, и тому имелось несколько причин — все увеличивающееся число выходцев из стран с восточной ментальностью, бюрократизация общества, девальвация и обесценивание идеалов и, пожалуй, самое главное — утрата целей, требующих напряжения всех сил.

По иронии судьбы общий моральный настрой в благополучном Израиле середины 1960-х гг. был более мрачным и унылым в сравнении с нуждавшимся во всем Израилем 1956 г. Так, в 1964 г. Шмуэль Айзенштадт⁵⁶, видный социолог, утверждал, что подлинным испытанием собственных сил для страны должно стать создание новой системы норм и принципов существования, а для политических партий — отказ от системы контроля за раздачей общественных должностей и привилегий и внесение корректив в свою идеологию. Моше Шамир выразился более прямо и резко: “Под покровом материального процветания нас ожидает духовная катастрофа”. Страна очевидным образом переросла все свои прежние лозунги, ценности, институты и идеалы — но при всем при этом не могла сформулировать и создать новые. Теперь, добившись успеха в создании прибежища для всех евреев, в какой степени мог Израиль поступиться своим идеализмом ради обеспечения безопасности, своим еврейским универсализмом ради израильского национализма? Государство, созданное для того, чтобы революционизировать еврейскую жизнь, вплоть до достижения утопических идеалов, в середине 1960-х гг. уже не привлекало евреев — напротив, начался их отток из страны. Речь идет не только об алжирских евреях, отказавшихся

56 Айзенштадт Шмуэль-Ноах (1923–2010) — израильский социолог. Образование получил в Еврейском университете (ученик М. Бубера) и в Лондонской высшей экономической школе. Много лет возглавлял отделение социологии Еврейского университета, в 1969–1971 гг. — Израильскую социологическую ассоциацию. В израильской социологии Айзенштадт сформировал основные направления: политическая социология, социология образования и исследований, социология структур. Основные работы: “Израильское общество, прошлое, развитие, проблемы” (1967); “Изменение и преемственность в израильском обществе. Попытка интерпретации” (1974).

воспользоваться израильским убежищем, — в 1966 г. эмиграция из страны превысила иммиграцию.

Такая нездоровая ситуация нашла свое отражение в литературе конца 1950-х и 1960-х гг. Герои произведений этих лет снова и снова демонстрировали нежелание посвящать свои жизни идеалам, которые давно уже утратили привлекательность — они отдавали предпочтение материальным интересам. Перемена системы ценностей нашла свое отражение в усилении меркантильных настроений, крахе деловой этики, росте агрессивности межличностных отношений и — последнее по порядку, но не по степени важности — в эрозии семейных идеалов. Утрата моральных принципов и устоев стала теперь основной темой в творчестве писателей “Поколения *Палмаха*”. Шамир, Мегед и Изг’ар в своих произведениях последних лет описывали торжество вещизма и непримиримые, едва скрываемые этнические антагонизмы; “героями” этих произведений стали разбогатевшие получатели немецких репараций, кибуцники, забывшие об идеалах ради своей карьеры, выходцы из стран Востока, морально разложившиеся и утратившие жизненные принципы. Так, в романе Аг’арона Мегеда *Хедва ва-ани* (“Хедва и я”) описаны злоключения Шломика, простого кибуцника, который под нажимом своей жены перебирается на жительство в город, источник всех зол, где мерзкие бюрократы и партократы превращают его жизнь в ад. А в пьесе Шамира *Байт бе-мацав тов* (“Образцовый дом”) рассказывается о разъедающем душу влиянии вещизма на некогда простую и преданную идеалам сионизма семью израильских военных.

Потрясенные происходящими переменами в стране и находясь под впечатлением процесса Эйхмана, который заставил уроженцев Израиля поновому взглянуть на свое отношение к пережившим Катастрофу, писатели “Поколения *Палмаха*” задумались о необходимости переоценки отношения к своим еврейским корням. Йегуда Амихай в романе *Ло ме-ахшав, ло ми-кан* (“Не теперь и не здесь”) сопоставляет свою жизнь в Израиле со своим, фактически предсознательным, еврейским прошлым в Германии. В *Пицей багрут* (“Болезни переходного возраста”) Ханох Бартов⁵⁷ рассказывает о волнующей до глубины души встрече бойцов Еврейской бригады с остав-

57 Бартов Ханох (р. 1926) — израильский писатель. Во время Второй мировой войны служил в Еврейской бригаде, а во время Войны за независимость — в Армии обороны Израиля. Высшее образование получил в Еврейском университете. Автор романов, рассказов и повестей. Наиболее известные из них: “Возмущение” (1965), “Выдумщик” (1975), они описывают жизнь израильской молодежи, участвовавшей в борьбе с нацизмом в составе Еврейской бригады и в еврейском Сопротивлении в европейских странах, и проблемы существования этих людей в израильском обществе в 1950–1970 гг. Проблема абсорбции новоприбывших в Израиль в начале 1950-х гг. посвящена повесть “У каждого по шесть крыльев” (1954). Лауреат Государственной премии Израиля за 2010 г.

шимися в живых узниками лагерей смерти. В романе Хаима Гури *Искат ѓа-шоколад* (“Шоколадная сделка”) также поднимается тема нацистских концентрационных лагерей. Эти книги, равно как и другие произведения (в частности, Йорама Канюка⁵⁸ и Аѓарона Аппельфельда⁵⁹) свидетельствуют о растущей настоятельной потребности впитать, понять и осознать события новейшей еврейской истории во всей ее совокупности. Это была почти что навязчивая идея, отнюдь не свойственная писателям “Поколения *Палмаха*” в начале и середине 1950-х гг.

Конфронтация с ортодоксами

Следует особо отметить, что даже самые светские *сабры* никогда не были безразличны к еврейскому духовному наследию. Ведь недаром Израиль — это страна, где Тора с комментариями ежедневно читается по радио, причем в самое удобное для слушателей время, а ежегодные конкурсы на знание *Танаха* привлекают сотни участников, как знатоков, так и неспециалистов,

- 58 Канюк Йорам (р. 1930) — израильский беллетрист. В юности вступил в *Палмах*, участвовал в нелегальной доставке в Эрец-Исраэль репатриантов. Во время Войны за независимость был ранен. Обучался живописи в Иерусалиме, Париже и США, где написал первый роман *Ѓа-Ѓоред ле-маала* (“Нисходящий вверх”, 1963). Уже в нем обращение Канюка к героям, придумывающим себе биографии и оторванным, подобно “лишним людям” в русской литературе XIX в., от окружающей среды, поставило автора в ряд предшественников новой волны в литературе Израиля. В последующих романах *Мот ѓа-ир* (“Смерть города”, 1973), *Сус эц* (“Деревянный конь”, 1974) и других эта тенденция еще более усиливается, и герой все больше превращается в актера, воплощающего сразу несколько образов современников, только не на сцене, а в своей реальной жизни, протекающей на фоне Катастрофы и возрождения Государства Израиль.
- 59 Аппельфельд Аѓарон (р. 1932) — израильский писатель. Во время Второй мировой войны был выслан из Черновиц в Транснистрию. Пройдя через ряд гетто и лагерей, с 1947 г. жил в Эрец-Исраэль. Закончил Еврейский университет. Писать начал в 1959 г. Основная тема его произведений — чудовищная непостижимость Катастрофы. В сборниках рассказов и в романах, написанных в импрессионистической манере, автор короткими фразами фиксирует истоки явления и развертывает картину Катастрофы, тем более жуткую, что она изображена в сдержанных тонах. В некоторых произведениях Аппельфельда, в т. ч. в романе “Катерина”, жизнь евреев до и после войны предстает как массовое шествие навстречу собственной гибели. Во многих произведениях автора это шествие — не только результат действия грозных сил извне и не только физический геноцид, но и внутреннее стремление ассимилированного еврейства Центральной Европы к духовному самоубийству. С 1979 г. преподает ивритскую литературу в Университете им. Бен-Гуриона, а с 1995 г. — в Еврейском университете.

со всего мира. В стране существует Израильское общество библейских исследований, регулярно организующее кружки для желающих изучать священные тексты, и проводятся региональные семинары. Многочисленные группы изучающих *Танах* встречаются еженедельно или ежемесячно — и в больших городах, и в *кибуцах*. Кружок видных израильских интеллектуалов регулярно собирается с этой целью в резиденции президента государства. Кафедры библеистики израильских университетов, с их высококвалифицированными сотрудниками, привлекают студентов не только из Израиля, но и из других стран мира. Спрос на книги и альбомы, содержащие сведения о библейских местах Палестины, обычно превышает предложение. Вряд ли можно назвать такую область культуры, в которой не проявляется интерес к этому источнику мудрости еврейской цивилизации.

Такое отношение израильтян к *Танаху* свидетельствует о консенсусе между всеми группами общества — ортодоксами, центристами и партией *Мапам* — относительно того, что Библия должна оставаться основой основ еврейского образования и культуры в Израиле. Так, Библия занимает центральное место в учебных программах по еврейской истории и литературе всех израильских школ, в том числе и нерелигиозных. Не возникло особых протестов в обществе и в конце 1950-х гг., когда Министерство образования ввело в учебные программы светских школ, в ограниченном объеме, определенные знания, связанные с религиозными традициями (молитвы, еврейские обычаи и праздники). Признание необходимости этих знаний, способствующих развитию еврейского самосознания, стало отражением довольно широкого, пусть даже и не выражаемого вслух, признания того факта, что иудаизм не только помогал народу выжить и сохранить свою самоидентификацию на протяжении девятнадцати веков еврейского изгнания, но и в состоянии выполнять эту функцию еще на протяжении долгого времени. Практически все израильтяне согласны с тем, что овладение определенной суммой знаний, связанных с еврейской традицией, отнюдь не обязательно делает человека верующим в строго теологическом смысле этого слова.

Точно так же не следует увязывать одобрение этих мер общественным сознанием с широким распространением в стране еврейской религиозности. В ходе обследования, проведенного в 1963 г., лишь 30% опрошенных израильтян отнесли себя к категории строго соблюдающих все религиозные ритуалы. С другой стороны, 24% объявили себя не соблюдающими религиозные традиции. Из оставшихся 46% примерно половина заявила, что соблюдает еврейские традиции “в известной степени”. Пять лет спустя, в ходе обследования учащихся средней школы, проведенного профессором Еврейского университета в Иерусалиме Шимоном Германом, большинство респондентов признали не только отсутствие у них каких-либо глубоких религиозных воззрений, но также и свое безразличие по отношению

к евреям стран диаспоры. Кое-кто из этих юных израильтян был склонен отрицать свое еврейство, а точнее, просто игнорировать его. Собственно говоря, нетрудно было представить себе суть такого расхождения между практически всеобщей библейской культурой населения, с одной стороны, и ростом безразличия по отношению к иудаизму как к религиозной системе — с другой. Религиозность в Израиле понимается не как признание принципов и духовных ценностей еврейской веры, но как принадлежность к политическим партиям ортодоксальной ориентации. А эти партии традиционно требовали от правительства как обеспечения, в принудительном порядке, религиозных норм иудаизма, так и удовлетворения их собственных, сугубо материальных, запросов. Иными словами, именно политизация религии вызывала резко отрицательную реакцию мыслящей и социально активной части населения страны.

Так, например, еще в 1956 г. стало очевидным, что партия *Агудат Исраэль* не желает ни в малейшей степени считаться с общественными нуждами. В мае этого года д-р Нелсон Глюк⁶⁰, известный археолог и президент “Хибру Юнион Колледж”⁶¹, старейшего в США высшего еврейского

60 Глюк Нелсон (Глик; 1900–1971) — американский археолог и раввин. Закончил Цинциннатский университет и “Хибру Юнион Колледж” со званием раввина. В 1927 г. получил степень доктора в Йенском университете (Германия). В 1932–1947 гг. был директором Американской школы востоковедения в Иерусалиме. В 1947 г. — президент “Хибру Юнион Колледж” (в 1948 г. с этим колледжем объединился Еврейский институт религии). Оставался на этой должности до конца жизни. Глюк — один из первых ученых, начавших археологическое изучение Негева и Заиордания. Его главные исследования посвящены культуре набатеев.

61 “Хибру Юнион Колледж — Джуиш институт оф релиджн” — старейшее в США высшее еврейское учебное заведение. Готовит реформистских раввинов, канторов, учителей, исследователей в области иудаики. ХЮК был основан в 1875 г. в Цинциннати под эгидой реформистского Союза еврейских американских конгрегаций. В 1922 г. С. Вайс организовал и возглавил Еврейский институт религии в Нью-Йорке, готовивший раввинов, светских руководителей общин и исследователей. Руководство института стояло на сионистской позиции, в то время как ХЮК отличался антисионистской ориентацией. После того как в 1930–1940-х гг. большинство американских реформистов перешло на сионистские позиции, учебные заведения объединились, и в 1950 г. начал функционировать единый ХЮК с центром в Цинциннати и филиалом в Нью-Йорке. В 1963 г., несмотря на сопротивление ортодоксов, открылся филиал ХЮК в Иерусалиме. На выделенном муниципалитетом участке в центре города был возведен комплекс *Бейт-Шмуэль*. Первоначально иерусалимский филиал функционировал как исследовательский центр в области археологии, библеистики и иудаики, но с 1970 г. все студенты ХЮК, готовящиеся стать раввинами, должны начать учебу в Иерусалиме, где они обязаны провести не менее года. С 1977 г. в ХЮК готовят раввинов для реформистских общин Израиля. На протяжении длительного времени учиться в ХЮК на священнослужителей могли только мужчины, но с конца 1960-х гг. стали готовить женщин — раввинов и канторов.

учебного заведения, готовящего реформистских раввинов, обратился к городским властям Иерусалима с просьбой о строительстве археологического института на участке неподалеку от гостиницы “Царь Давид”, в юго-восточной части города. Сам по себе проект выглядел вполне достойным; что же касается земельного участка, то он, собственно говоря, был выделен правительством страны. Комиссия по строительным лицензиям мэрии соответствующим образом одобрила заявку Глюка, и в конце лета она должна была поступить на рассмотрение всего городского совета. Тут, однако, произошла некая утечка информации “щекотливого характера”. Стало известно, что проект предусматривает сооружение, в пределах археологического института, помещения для проведения религиозной службы — по всей вероятности, реформистской. Немедленно ортодоксальные газеты обрушились с яростной критикой на “еретические” планы Глюка. *Га-Цофе*, ежедневная газета партии *Мизрахи*, и *Га-Модиа*, орган партии *Агудат Исраэль*, заклеили строительство помещения для религиозной службы как “попытку проводить реформистский обряд в Иерусалиме, что является гнусностью и бесстыдством в глазах Господа”. Ортодоксальные члены городского совета усилили нажим на Гершона Агрона, мэра Иерусалима и члена партии *Манай*, требуя, чтобы он исключил рассмотрение заявки Глюка из повестки дня июльского заседания совета. Агрон ответил отказом. В ходе рассмотрения этого вопроса на июльской сессии Глюк получил лицензию на строительство, несмотря на отчаянное сопротивление ортодоксов, чьи бурные протесты продолжались все это время. Наконец религиозные члены городского совета решили объявить о своем выходе из правящей коалиции.

После этого случая озлобленные и неумолимые ортодоксы только и ждали следующего повода для скандала — и дождались, меньше чем через год. На этот раз речь зашла о плавательном бассейне в Иерусалиме. Некий Хаим Шиф, владелец гостиницы “Президент”, собрал средства для строительства первого общественного плавательного бассейна в городе. Получив одобрение мэра Агрона, Шиф арендовал земельный участок в иерусалимском районе *Мошава Германит* и представил план в городской совет для утверждения. Блок религиозных партий первоначально дал свое согласие, при условии, что бассейн не будет открыт по субботам и что мужчины и женщины, а также мальчики и девочки не будут плавать в одно и то же время. Городской комитет по строительству рассмотрел заявку и отклонил обе оговорки ортодоксов, после чего документы были переданы на рассмотрение совета в полном составе, на январской сессии 1958 г. И тогда разразилась буря.

Все религиозные фракции, включая *Мизрахи*, объединили свои усилия в борьбе против строительства бассейна. В редакционных статьях рели-

гиозных газет высказывались резкие осуждения в адрес тех, кто вознамерился “осквернить” и “запятнать” святой облик Иерусалима. Газеты публиковали множество читательских писем, авторы которых протестовали против совместного посещения бассейна и поносили Агрона и Шифа в оскорбительных и непристойных выражениях, причем немало писем содержало и прямые угрозы в их адрес. Рабби Амрам Блой, духовный лидер экстремистской еврейской общины *Наторей Карта*⁶², отколовшейся от *Агудат Исраэль*, подстрекал представителей других, менее фундаменталистских групп, к массовым демонстрациям. Выступления протеста проходили не только в ряде городов Израиля, но и в западных странах. Так, в США хасиды из нью-йоркского района Уильямсбург (в Бруклине) пикетировали в июне 1958 г. Белый дом, резко выступая против американской поддержки “деспотичного” Израиля. В конечном итоге протестующие потерпели неудачу. Правда, раввинат пригрозил Шифу, что свидетельство о *кашруте* для кухни его гостиницы не будет возобновлено, и он вынужден был продать свои акции бассейна нескольким *кибуцам*. Однако иерусалимская мэрия одобрила проект, и бассейн открылся в намеченный срок.

На этом ортодоксы не успокоились. В 1964 г., после двухлетней яростной политической кампании, Национальная религиозная партия (*Маф-*

62 *Наторей Карта* (арам. букв. “стражи города”) — экстремистская, ультраортодоксальная еврейская община. Насчитывает около сотни семей, сосредоточенных главным образом в Иерусалиме (квартал *Меа Шеарим*) и частично в Бней-Браке. Название *Наторей Карта* взято из Иерусалимского Талмуда, где говорится, что знатоки Торы — суть стражи и защитники города. Члены общины — ашкеназы, большинство из них — потомки выходцев из старого *ишува*, к которым присоединилась группа сатмарских хасидов, последователей раввина Й. Тейтельбаума, бывшего в 1953–1974 гг. духовным вождем общины. Община считает создание светского государства в Эрец-Исраэль богопротивным делом и потому не признает Государство Израиль. Большинство членов *Наторей Карта* отказываются получать израильские удостоверения личности, не признают юрисдикции израильских судов и Верховного раввината, не голосуют на парламентских и муниципальных выборах. *Наторей Карта* в 1935 г. откололась от партии *Агудат Исраэль*, попытавшейся умерить требования экстремистской группы относительно создания в Иерусалиме ультраортодоксальной общины, не поддерживающей никаких отношений с “сионистским населением”. Во время Войны за независимость община выступала против создания Государства Израиль и контроля Израиля над Иерусалимом, пытаясь добиться интернационализации города. *Наторей Карта* активно поддерживает Организацию Освобождения Палестины и режим шиитского духовенства в Иране. Представители общины принимают участие в различных антиизраильских демонстрациях по всему миру, они даже участвовали в конференции в Тегеране по отрицанию Катастрофы. День независимости Израиля отмечается *Наторей Карта* как траурная дата.

даль) вынудила правительство признать свое поражение: речь шла о строительстве океанского лайнера *Шалом*, который должен был стать флагманом израильской судоходной компании *Цим* и гордостью израильского флота на трансатлантических линиях. В проекте были предусмотрены две кухни — некошерная для большинства пассажиров и кошерная для тех, кто придерживается еврейского образа жизни. Религиозные оппоненты настаивали, что было бы “кошунством” готовить некошерную пищу на судне, плавающем под израильским флагом, и что весь процесс приготовления пищи должен находиться под контролем специалистов по *кашруту*. На этот раз представители светского лагеря потерпели поражение; при этом, однако, новый лайнер не пользовался популярностью у международной клиентуры, и его эксплуатация была убыточной. В конечном итоге судно пришлось продать. Надо заметить, что ортодоксы прилагали все усилия к тому, чтобы такие секторы, как пищевая промышленность, санитарный контроль и контроль качества пищевых продуктов, неизменно оставались самым надежным источником доходов для их электората. С этой целью верховный раввинат всячески препятствовал реализации планов по открытию современной скотобойни в Кирьят-Малахи — предприятия, которое могло бы обслуживать торговцев мясом по всей стране. Однако этот мясокомбинат нанес бы ущерб сотням маленьких, зачастую антисанитарных боен, существовавших в разных городах Израиля, и оставил бы без работы немало резников и инспекторов *кашрута*. В конечном итоге, под угрозой судебного процесса, был достигнут “компромисс”: продукцию нового мясокомбината стали продавать в Тель-Авиве, но не в Иерусалиме.

Граждане Израиля страдали не только от экономического шантажа религиозных партий, но также и от посягательства ортодоксов на гражданские права, что зачастую представляло угрозу общественной безопасности и интересам отдельных лиц. Возьмем для примера проблему аутопсии. На протяжении ряда лет после создания государства в медицинских учебных заведениях Израиля было запрещено вскрытие трупов — в соответствии с предписаниями религиозных авторитетов. Наконец, в 1951 г., верховный раввин Ицхак Герцог согласился разрешить проведение вскрытия при соблюдении следующих условий: согласие на это было получено при жизни человека; ближайшие родственники не высказывали возражений; все части тела в конечном итоге погребались с соблюдением соответствующих церемоний. Это раввинское суждение стало основой принятого *кнесетом* в 1953 г. Закона об анатомии и патологии; этот закон также подтверждал возможность аутопсии “с целью установления причины смерти” — при условии, что соответствующий документ будет подписан тремя врачами, имеющими право принимать такое решение.

Вскоре, однако, ортодоксы стали распускать слухи о том, что тела подвергаются бесчестию и что аутопсия проводится не исключительно по требованию врачей, а уже стала рутинной операцией. К 1962 г. протесты ортодоксов стали принимать форму стычек с полицией у больничных ворот. Правительство, обеспокоенное ростом беспорядков, сформировало комитет, состоящий из врачей, раввинов и юристов, с целью внесения соответствующих дополнений и изменений в этот закон. Три года спустя комитет предложил поправки к закону от 1933 г., отражавшие достигнутые им компромиссы. В частности, аутопсия становилась невозможной, если сам человек высказывался, в письменном виде, против ее проведения, или если против высказывались его ближайшие родственники в течение установленного законом пятичасового срока после того, как была зафиксирована смерть; исключение составляли те случаи, когда “интересы общества были выше воли семьи”. Было также определено, в ясной и недвусмысленной форме, — хотя и не в тексте самого закона, а в сопутствующих комментариях, — что “запрещена аутопсия с целью изъятия какого-либо органа покойного для пересадки другому человеку, если против этого высказался сам человек или его родственники”. Такое “компромиссное решение проблемы” вряд ли пришлось по нраву ортодоксам. Группы ешиботников уже сточили свои протесты, устраивая демонстрации возле больниц, запугивая врачей, нанося ущерб их жилищам, рисуя свастики на дверях и порой даже не останавливаясь перед физическим насилием. Полиция усилила охрану врачей, однако судебные дела против ортодоксов возбуждались лишь в редких случаях.

Высказывая свою якобы озабоченность правами усопших, ортодоксы проявляли явное безразличие к правам и свободам живых — если только те не принадлежали к их общине. Наглядным подтверждением сказанному стало имевшее место за несколько лет до рассматриваемых событий так называемое “дело Йоселе”. Пожилой российский еврей Нахман Штаркес, отсидев срок в сибирском лагере, получил в 1957 г. разрешение репатрироваться в Израиль вместе со своей женой. Некоторое время спустя к ним присоединились их взрослые сыновья и дочери. Все члены семьи были людьми религиозными, за исключением одной из дочерей и ее мужа, по фамилии Шумахер. Супруги Шумахер решили, что двое их младших детей проживут пока у бабушки с дедушкой, чтобы жена могла не оставлять работу. В 1959 г. госпожа Шумахер забрала домой девочку, которой исполнилось тринадцать лет, а семилетний мальчик, по имени Йосеф, или по домашнему Йоселе, пока оставался у бабушки с дедушкой и воспитывался там в строгом религиозном духе. Но когда, наконец, супруги Шумахер решили забрать домой и сына, дед ответил решительным отказом; более того, он попросил совета у нескольких ультрарелигиозных иерусалимских

раввинов (двое из которых принадлежали к фанатичной общине *Наторей Карта*), и все в один голос заявили, что ни при каких обстоятельствах не следует возвращать ребенка в светскую семью. И после этого Йоселе исчез в неизвестном направлении.

Шумахеры обратились в суд, и начался громкий процесс. Когда Штаркес отказался вернуть ребенка родителям, его приговорили (в феврале 1960 г.) к тюремному заключению за неуважение к суду. Религиозная пресса превозносила Штаркеса как мученика за веру, а ешиботники устраивали демонстрации в его поддержку; при этом никто не проявлял ни малейшей симпатии по отношению к обезумевшим от горя родителям мальчика. Возмущенные таким поведением ортодоксов светские граждане в начале 1961 г. организовали специальный комитет, который начал решительную антиклерикальную кампанию, включая созыв пресс-конференций, запросы в *кнесете* и распространение печатных материалов. Накал борьбы между религиозными ультраортодоксами и неортодоксальным большинством достиг высот, неслыханных до сих пор в истории израильского культуркампфа. Опасаясь встречных действий, направленных против всех без разбору представителей религиозных кругов, Национальная религиозная партия резко ограничила свою поддержку Нахману Штаркесу. Любое выступление ортодоксальных евреев в *кнесете* или на публике немедленно встречалось криками: “Где Йоселе?” и “Похитители детей!” Наконец, в апреле 1962 г., агенты израильских спецслужб обнаружили мальчика в Нью-Йорке, где его содержали в заточении, и он был возвращен родителям. Однако Штаркеса тут же выпустили на свободу, и расследование по делу “любящего деда” и его сообщников было спущено на тормозах. Впрочем, эта история оставила глубокий след в памяти светского большинства Израиля. Наряду с другими многочисленными случаями нарушения гражданских прав и свободы совести, “дело Йоселе” способствовало созданию такого негативного образа ортодоксального еврея, который не могли изменить к лучшему никакие самые глубокие библейские ассоциации и убедительные результаты археологических раскопок.

Кого считать евреем?

Проблема еврейской идентификации в Израиле является в высшей степени сложной — в силу наличия трех отчасти совпадающих аспектов юрисдикции. Первый — это гражданство как таковое. Гражданами Израиля, несомненно, являются евреи, христиане, мусульмане, друзья. Все они равны перед законом, все обладают одинаковыми правами и имеют одинаковые

обязанности — за одним исключением. Этим исключением является воинская обязанность — арабы не служат в Армии обороны Израиля⁶³. Таким образом, здесь определяющим является второй аспект — национальность, то есть этническая принадлежность, не совпадающая с гражданством. Вопрос национальности непосредственно связан с тем, каким образом было получено гражданство Израиля. Израиль — это еврейское государство. На практике это означает, что его двери открыты для этнических евреев, то есть евреев по национальности — но лишь для тех евреев, которые приняли решение сделать Израиль своим домом, и об этом ясно сказано в Законе о возвращении⁶⁴.

Третий аспект — религиозная принадлежность, которая определяется принадлежностью к автономной религиозной общине; в сущности, это современный вариант принятой еще в Османской империи системы религиозных общин. Нет сомнений, что эта унаследованная от турок система хорошо проявляла себя на групповом уровне. Так, например, еврейская религиозная община не обладает никакими особыми преимуществами по сравнению с мусульманской или христианской общинами. На индивидуальном уровне, однако, вопросы брака, развода, погребения и ряд других вопросов, связанных с личным статусом, рассматриваются в соответствии с религиозным законом — и, таким образом, их решение отдается на усмотрение зачастую отнюдь не столь уж прогрессивных религиозных властей той или иной конкретной общины. Более того, если говорить о еврейской общине, то благодаря стараниям раввинской иерархии продолжает суще-

- 63 Среди нееврейского сектора населения обязательная воинская повинность распространяется на друзов и черкесов, являющихся гражданами Израиля (только на мужчин). Граждане Израиля мусульманского и христианского вероисповеданий могут поступить на военную службу в качестве добровольцев. Особенно поощряется служба в армии бедуинов, следопытские навыки которых используются для охраны границ государства.
- 64 Закон о возвращении — закон, провозглашающий право каждого еврея репатрироваться в Израиль, принят *кнессетом* 5 июля 1950 г. Закон о возвращении является правовой основой для предоставления израильского гражданства согласно Закону о гражданстве от 1952 г., который предусматривает автоматическое получение статуса гражданина каждым евреем, прибывшим в страну на основании Закона о возвращении. Закон не распространяется на лиц, занимавшихся или занимающихся деятельностью, направленной против еврейского народа или представляющих угрозу общественному порядку и безопасности страны. Под давлением ортодоксальных кругов в 1970 г. была принята поправка к Закону о возвращении, согласно которой евреем является лишь тот, кто рожден от матери-еврейки и не перешел в другое вероисповедание, а также лицо, принявшее иудаизм. Одновременно поправка предусматривала, что нееврейский супруг, дети и внуки еврея, прибывшие в страну на основании Закона, располагают тем же гражданским статусом и пользуются теми же правами и льготами, что и другие репатрианты.

ствовать целый ряд архаизмов, уходящих корнями в глубокую древность, — в том числе левиратный брак и запрещение *кобенам*⁶⁵ жениться на разведенных женщинах (Гл. XIV. Двуглавая судебная власть). Надо признать, что эти анахронизмы применяются в довольно редких случаях. Существует, однако, одна очень серьезная проблема, связанная со смешанными браками, которая, затрагивая вопрос еврейства как национальности, наносит серьезный ущерб религиозным правам израильских евреев.

Для примера рассмотрим следующую ситуацию: местный раввинский суд отказался дать разрешение на брак *фалаша*⁶⁶, эфиопскому еврею, с из-

65 *Кобены* (*кобен* — на ивр. букв. “жрец”) — представители священнического рода Агаронидов (потомков Агарона), которые в древности совершали службу в Храме. Их функция — благословлять молящихся — сохранилась до наших дней.

66 Эфиопские евреи (эфиопский этноним *фалаша*, на древнеэфиопском языке “геэз”, — “пришельцы”, “выходцы”; самоназвание *Бета Израэль* — “Дом Израиля”) — этнолингвистическая группа, община, которая до массовой *алии* в Израиль (начало 1980-х гг.) проживала в основном в Северной и Северо-Западной Эфиопии. К этому периоду община насчитывала около 45 тыс. человек. Время поселения эфиопских евреев в Эфиопии не установлено. Согласно эфиопской легенде, одинаково признаваемой как местными христианами, так и эфиопскими евреями, основателем правившей в прошлом в Эфиопии династии был царь царей Менелик I, сын царя Соломона (Шломо) и царицы Савской. Когда Менелик после помазания на царство в Иерусалимском храме отбыл на родину, его сопровождали сын первосвященника и 12 старейшин с семьями. Эфиопские евреи считают себя потомками этих знатных людей Иерусалима. Согласно теории, разделяемой большинством этнографов, эфиопские евреи принадлежат к племени алау, составлявшего часть автохтонного населения Эфиопии до того, как туда в I тысячелетии до н. э. переселились из Южной Аравии семитские племена. Современные ученые признают, что формирование *Бета Израэль* следует воспринимать как результат процессов, происходивших в Эфиопии в XIV—XVI вв. В это время многие повстанцы, христианские еретики и люди, исповедовавшие иудаизм, жившие в Северо-Западной Эфиопии, слились в единую этническую общность, получившую название *фалаша*. Религиозная система общины *Бета Израэль* примерно до середины XX в. совмещала ветхозаветные и позднеэфиопские верования и обряды. От христианства в общине существовал институт монашества, но при этом соблюдались *шабат*, *кашрут* и многие еврейские праздники: *Рош га-Шана*, *Йом Кипур*, *Суккот*, *Песах*, хотя и под местными названиями. Не праздновались *Пурим*, *Ханука* и *Симхат Тора*. В XX в. под воздействием контакта с евреями постепенно исчезают монашество, ритуал жертвоприношений и ряд других христианских и эфиопских наслоений. В 1973 г. сефардский верховный раввин Израиля О. Йосеф признал членов общины *Бета Израэль* потомками исчезнувшего колена Дана, отвечающими требованием *Галахи*. Это открыло для общины возможность репатриации. Почти вся община *Бета Израэль* к концу XX в. репатрировалась в Израиль, но в Эфиопии в начале 2000-х гг. насчитывалось от 30 до 100 тыс. обращенных в христианство эфиопских евреев и их потомков (*фалашмура*), значительная часть которых стремятся вернуться к иудаизму и переехать в Израиль. На *фалашмура* не распространяется Закон о возвращении. Они переселяются в Израиль в рамках воссоединения семей.

раильской еврейкой, пока тот не пройдет ортодоксальный гиюр. Эфиопские евреи, как подозревает раввинат, вступали в Эфиопии в смешанные браки на протяжении нескольких поколений и, таким образом, они не могут считаться евреями по национальности (по своей этнической идентификации), а значит, не имеют еврейских религиозных прав. Еще более запутанной являлась проблема *Бней Исраэль*⁶⁷, членов еврейской общины Индии. Эта община на протяжении столетий жила изолированно от основной массы мирового еврейства. Они ревностно соблюдали все еврейские традиции — однако, поскольку в течение длительного времени они не придерживались ряда галахических предписаний, касающихся брака и семьи, было высказано сомнение относительно законности их браков и разводов, и потому некоторые израильские раввины отказывались заключать брачные союзы между членами общины *Бней Исраэль* и членами других еврейских общин. Надо признать, что Верховный раввинат Израиля, не откладывая, рассмотрел эту проблему и к 1961 г. вынес постановление о том, что члены этой общины являются евреями, но, однако, перед заключением их браков с представителями другой (еврейской) общины следует изучить, в максимально возможной степени, их происхождение. Неудивительно, что члены *Бней Исраэль* почувствовали себя оскорбленными, и в начале 1963 г. два десятка семейств этой общины в знак протеста

67 *Бней Исраэль* — еврейская община в Индии. Согласно легендам, распространенным среди членов общины, их предки покинули Галилею из-за гонений во времена Антиоха Эпифана (175–164 гг. до н. э.) и поселились в 30 км от Бомбея. *Бней Исраэль* жили в течение столетий в отрыве от других еврейских общин, но продолжали соблюдать некоторые основные еврейские традиции: *шабат*, обряд обрезания, некоторые посты и праздники, *кашрут* и др. За пределами Индии о существовании общины стало известно только после того, как некоторые из ее членов переселились в Бомбей; сами же *Бней Исраэль*, видимо, не знали о существовании других еврейских общин даже в Индии до соприкосновения с евреями Кочина в середине XVIII в. В 1947 г. община насчитывала около 24 тыс. человек. Репатриация большого числа представителей общины в Израиль и выезд нескольких тысяч в Англию, США и Канаду привели к тому, что к концу 1980-х гг. крайне незначительное число *Бней Исраэль* оставалось в Индии. В 1954 г. Верховный раввинат Израиля вынес решение, что члены *Бней Исраэль* в Индии, несомненно, принадлежат к потомству Израиля. Но так как в течение длительного времени они не придерживались галахических предписаний о браке и семье, то постановлением Верховного раввината от 1962 г. брак членов общины с другими евреями обуславливается необходимостью выяснения в каждом конкретном случае, является ли член общины, вступающий в брак, несомненным евреем с галахической точки зрения и не является ли он *мамзером* (см. прим. на стр. 234). Это решение вызвало массовые протесты. *Бней Исраэль* поддержали многие представители израильской общественности. Премьер-министр Израиля Леви Эшколь заявил, что правительство признает членов общины полноправными евреями без всяких ограничений и различий, в том числе и в отношении бракосочетания.

ста разбили палаточный городок напротив здания Еврейского агентства в Иерусалиме и потребовали, чтобы постановление Верховного раввината было отменено — в противном случае они желают получить возможность вернуться в Индию. На протяжении нескольких недель десятки мужчин, женщин и детей, поселившись на тротуаре в центре столицы и проводя ночи в палатках, требовали справедливости. Наконец, под нажимом *кнессета* и после личного вмешательства премьер-министра Эшколя, раввинат принял компромиссное решение, предусматривающее проведение изучения родословной перед вступлением в брак “во всех сомнительных случаях”, без конкретного упоминания общины *Бней Исраэль*. Сомнительно, чтобы верховный раввинат пошел на попятную, если бы эти протестные люди не проявили настойчивость и мужество.

Самые серьезные проблемы, порождаемые раввинскими ограничениями, налагаемыми на еврейские религиозные права, связаны, таким образом, с основополагающим вопросом установления еврейской национальности. В Законе о возвращении не определено понятие “еврей” в его национальном (этническом) смысле. Однако, пока это понятие не получит официального и формального определения, раввинат будет по-прежнему отказываться предоставлять тем, кого он подозревает в нееврейском происхождении, все религиозные права и привилегии (включая права, связанные с браком, разводом и погребением), то есть те права, которые предоставляются членам национальной (этнической) еврейской общины; и исключение будет делаться только для тех, кто прошел официально признанную процедуру гиюра. Верховный суд Израиля предпринял первую попытку дать такое определение при рассмотрении дела Руфайзена (1958 г.). Освальд Руфайзен⁶⁸, польский еврей, во время войны скрывался в католическом монастыре в Польше; он принял католицизм и стал кармелитом. Но, даже сделавшись братом Даниилом, Руфайзен по-прежнему ощущал себя евреем и потому со временем решил репатриироваться в Израиль, чтобы там жить

68 Руфайзен Освальд (1922–1998) — католический монах еврейского происхождения. Родился в еврейской семье, в юности был активистом молодежного сионистского движения. Принимал участие в еврейском Сопротивлении. Скрывался от немцев в католическом монастыре, где крестился. После войны получил католическое образование и стал священником, членом монашеского ордена кармелитов. В 1962 г. решил получить израильское гражданство, но ему было в этом отказано. Он подал иск в Верховный суд Израиля против министра внутренних дел. Верховный суд постановил, что, исходя из светского характера Закона о возвращении, понятие “еврей” следует толковать в общепринятом, а не строго галахическом смысле, и, следовательно, этот закон не распространяется на лицо, рожденное матерью-еврейкой, но перешедшее в другое вероисповедание. Приехал в Израиль как католический монах. Жил в католическом монастыре Стелла Марис в Хайфе, возглавлял общину в католической церкви Св. Иосифа.

и работать. Он заявил о своем праве на репатриацию в рамках Закона о возвращении — то есть о своем праве как еврея по национальности. Когда же власти отказали ему в этом, он обратился в суд. Согласно *Галахе*, Руфайзен действительно был евреем по национальности (этническим евреем), поскольку он был рожден матерью-еврейкой. Однако Верховный суд постановил, что понятие “еврей по национальности”, хотя обычно и применимое ко многим людям, которые на практике не придерживаются законов иудаизма, не может “в повседневном человеческом языке” быть применимо к человеку, который добровольно принял другую веру. Таким образом, *галахический* — ортодоксальный — закон был вынужден отступить перед самоидентификацией человека. Это решение удивило многих, поскольку таким образом было официально заявлено, что — во всяком случае, для гражданских целей — государство, а не раввинат вправе решать, кто является евреем по национальности. Однако ортодоксы согласились (пусть и неохотно) с таким решением — возможно, потому, что в данной ситуации это был вопрос, связанный с отрицанием сомнительного еврейства, а не с его признанием.

Скрытый смысл этого судебного решения со всей наглядностью проявился 10 марта 1958 г., когда министр внутренних дел от *Ахдут ха-авода* Израэль Бар-Йегуда принял решение относительно систематизации и упорядочения официальной регистрации еврейского населения страны. Проблема возникла из-за того, что многие репатрианты из стран Востока, численность которых постоянно увеличивалась, привозили с собой жен и детей, неевреев по *Галахе*. Для того чтобы избавить смешанные пары от неясностей и неразберихи, Бар-Йегуда издал следующую директиву, на основании которой должна была отныне проводиться регистрация. Израильские удостоверения личности имеют две связанные между собой графы: “вероисповедание” и “национальность”. Некоторое время тому назад в стране началась дискуссия относительно упразднения графы “национальность” — высказывались опасения, что ее наличие может расцениваться как дискриминация арабского населения. Однако правительственные чиновники утверждали, что благодаря этой графе можно проводить различия между арабами и евреями и что она необходима по соображениям безопасности. Бар-Йегуда отдал распоряжение чиновникам Министерства внутренних дел просто записывать информацию относительно национальности в том виде, в каком репатриант сообщает ее при регистрации: “Всякий человек, который чистосердечно заявляет, что он является евреем по национальности, должен записываться как еврей, и не следует требовать от него каких-либо дополнительных подтверждений его заявления”. Если оба супруга заявляют, что их ребенок — еврей, регистратор должен принимать это утверждение в буквальном смысле

и не задумываться о галахическом законодательстве, согласно которому национальность ребенка, рожденного в смешанном браке, записывается по матери. Министр полагал, что *Галаха* должна служить религиозным целям, а для целей регистрации населения достаточно убежденности заявителя относительно его национальной принадлежности. Ведь, в конце концов, ничто не помешает раввинам в дальнейшем уточнить национальность человека, если это потребуется в случае оформления брака или развода — такие вопросы, по сути дела, имеют чисто религиозный характер.

Не успело Министерство внутренних дел разослать свою директиву, как раввины немедленно выступили с ее резкой критикой. Дело государства — определять, кто является гражданином, заявили они; определять, является ли человек евреем, можно только на основании галахического законодательства, руководствуясь лишь следующими непреложными критериями: человек должен быть рожден матерью-еврейкой; либо же он должен перейти в иудаизм согласно ортодоксальной процедуре. По требованию двух министров от религиозных партий кабинет немедленно приступил к обсуждению этой неоднозначной директивы. Был сформирован министерский комитет для изучения юридических аспектов проблемы. Основной вопрос, подлежащий обсуждению, формулировался следующим образом: можно ли отделить еврейскую национальность от еврейской религии? Такого никогда не бывало в странах диаспоры; религиозные нормы и традиции всегда определяли национальную идентичность. Что же касается Бар-Йегуды и его товарищей по партии, то создание еврейского государства, свободного от каких бы то ни было формальных связей с религией, являлось для них неотъемлемой частью социалистического сионизма. Если *кнесет* не смог определить, кого следует считать евреем по национальности в нерелигиозном смысле и с учетом соображений безопасности, и если в такой ситуации возникает необходимость применения критериев ортодоксального законодательства, то, значит, сионизм оказался не в состоянии высвободить статус еврейской нации из традиционных пут религии.

Большинство членов комитета поддержали директиву Бар-Йегуды с одной оговоркой: лицо, утверждающее, что является евреем по национальности, не вправе исповедовать никакую иную религию, кроме иудаизма. Возмущенные министры от Национальной религиозной партии немедленно вышли из коалиции. Вся эта ситуация не понравилась Бен-Гуриону. Последнее, к чему он стремился в складывающейся ситуации, — это размолвка с надежными религиозными партнерами, тем более что *Херут*, Общие сионисты и Прогрессивная партия были готовы поддержать ортодоксов по этому вопросу. И премьер-министр, в своей примирительной манере, заверил старейшего лидера ортодоксов рабби Йегуду Май-

мона⁶⁹, что в намерения правительства отнюдь не входит отказ от религиозного законодательства. При этом он, однако, указал, что в Декларации независимости Израиля гарантируется свобода совести и вероисповедания и не сказано, что страна должна руководствоваться религиозным законодательством. Во всяком случае, заверил Бен-Гурион, в вопросах ритуала, браков и разводов правительственные решения не будут обязательными для раввината. Эта аргументация, однако, не произвела впечатления на Маймона и его коллег по партии. Напротив, они призвали всех евреев мира провести акции протеста в связи с действиями израильского кабинета министров. В свою очередь, все социалистические партии сплотились вокруг Бен-Гуриона. Это уже был вопрос не о том, кто является евреем, а о том, кто будет править Израилем — *кнесет* или раввины.

Министры от Национальной религиозной партии вышли из состава правительства, и 15 июля все религиозные депутаты *кнесета* поддержали вотум недоверия, выдвинутый партией *Херут*. Дебаты в *кнесете* продолжались две недели; наконец Бен-Гурион в полном отчаянии выступил с предложением образовать специальный комитет, который должен будет выяснять мнения по этому вопросу религиозных авторитетов не только Израиля, но и стран диаспоры. Инструкции Министерства внутренних дел относительно регистрации будут сформулированы на основе международного консенсуса, а до тех пор указания Бар-Йеѓуды будут отсрочены. Такое компромиссное предложение было принято. Тогда комитет обратился к 43 видным религиозным авторитетам Израиля и ряда других стран с просьбой высказать свои соображения. Их ответы собирались в течение нескольких месяцев, и стало ясно, что преобладает точка зрения, согласно которой государство не вправе выступать против традиционного галахического подхода к определению еврейской национальности. Тем временем Национальная религиозная партия снова вошла в коалицию, и ее представитель Хаим Шапиро получил пост министра внутренних дел. На основе высказываний религиозных автори-

69 Маймон (Фишман) Йеѓуда-Лейб (1875–1962) — раввин и сионистский деятель. Учился в литовских ешивах, после получения *смихи* (рукоположение; в период Талмуда — возведение ученого в сан рабби, позднее — присвоение звания раввина) был проповедником в Маркулешти, а в 1905–1913 гг. — раввином в Унгенах. Один из основателей сионистско-религиозного движения *Мизрахи*, принимал участие в Учредительном съезде движения в 1902 г. Участник многих сионистских конгрессов, член исполкома Всемирной сионистской организации. В 1931–1948 гг. — представитель *Мизрахи* в правлении Еврейского агентства и его вице-председатель. С 1913 г. жил в Эрец-Исраэль. Совместно с раввином А. Куком был инициатором создания главного раввината Палестины. В 1936 г. основал крупнейшее религиозное издательство в Израиле — *Мосад ѓа-рав Кук*. Был сторонником сближения *Мизрахи* с правыми сионистами, а также министром по делам религии во Временном правительстве и правительстве, созданном *кнесетом* первого созыва. Много писал по вопросам *Галахи*, *агады* и еврейской философии.

тетов, которые Бен-Гурион вынужден был признать, Шапиро в 1960 г. приступил к подготовке новых инструкций. Согласно этим инструкциям, человек мог быть зарегистрирован как еврей — по национальности либо согласно религиозной принадлежности, — только если он отвечал галахическим требованиям, а именно: был рожден матерью-еврейкой и не принадлежал к другой религии либо был обращен в иудаизм по ортодоксальному обряду. Религиозная община одержала несомненную победу.

Такая формулировка национальности, данная ортодоксами, обрела силу административного закона страны и была действенной до января 1970 г., когда Верховный суд вынес свое постановление по еще одному историческому делу. Случилось так, что некий Биньямин Шалит, кадровый офицер израильских ВМС, женился на шотландке; они поселились в Хайфе, и она родила ему двоих детей. Жена Шалита не принимала иудаизм, но оба ребенка, появившись на свет в Хайфе, автоматически получили израильское гражданство. Затем возник вопрос не относительно гражданства, на которое они имели право по месту рождения, а относительно их национальности. Супруги Шалит, Биньямин и Энн, оба будучи атеистами, при заполнении документов на своих детей написали “нет” в графе “вероисповедание”. Вместе с тем они настаивали, чтобы в графе “национальность” было написано “еврей”. При этом чиновник Министерства внутренних дел, следуя инструкции от 1960 г., написал детям в графе “национальность”: *ло рашум* — “без национальности”. Шалит немедленно опротестовал такую запись, и через какое-то время дело дошло до Верховного суда. Там морской офицер заявил, что его дети всегда воспитывались в соответствии с национально-историческими ценностями еврейской общины, что все окружающие израильтяне воспринимают их как евреев и что, соответственно, они имеют право на запись “еврей” в своих удостоверениях личности.

Через полтора года, 23 января 1970 г., Верховный суд вынес решение в пользу Шалита, хотя и всего пятью голосами против четырех. Каждый из девяти судей представил детальное частное мнение, плюс еще коллективное решение суда в общей сложности на 180 страницах. Большинство судей подчеркивали, что они рассматривали не общий вопрос относительно того, кто может считаться евреем, а лишь частный вопрос ограниченного характера: кому можно записать “еврей” как национальность в удостоверении личности. Поскольку Закон о регистрации населения является частью гражданского законодательства и предназначен лишь для нужд гражданской администрации, то понятие “еврей” не интерпретируется в свете положений *Галахи*. Несмотря на все эти тщательно сформулированные оговорки, ортодоксальные газеты вышли с кричащими заголовками типа “Решение суда представляет смертельную опасность для

еврейского народа”. Национальная религиозная партия предупредила о своем выходе из правительственной коалиции, если *кнесет* безотлагательно не примет закон, который может скорректировать решение Верховного суда. Угрозы оказали свое действие. Правительство Голды Меир вынуждено было, пусть и с большой неохотой, отреагировать на ультиматум Национальной религиозной партии и в кратчайшие сроки провести через *кнесет* поправку к Закону о регистрации населения, что уняло теологические тревоги религиозного населения и удержало Национальную религиозную партию в коалиции. Шалиту было позволено зарегистрировать детей по своему желанию и усмотрению. Однако на будущее Закон предписывал чиновникам Министерства внутренних дел воздерживаться от записи ребенка евреем, если он рожден в смешанном браке и его мать не является еврейкой.

И все-таки победа религиозного истеблишмента была далеко не полной. В качестве компенсации светскому населению был соответствующим образом дополнен Закон о возвращении; теперь права гражданства автоматически предоставлялись супругам нееврейского происхождения, детям, рожденным в смешанных браках, и даже взрослым, рожденным в смешанных браках. Это стало весьма серьезным достижением — ведь, в конце концов, наличие гражданства давало существенные гражданские и финансовые преимущества и тем самым избавляло жен и детей репатриантов от немалых неудобств, хотя при этом и никак не определяло их статуса в рамках религиозного законодательства. Светскому населению была предоставлена еще одна льгота. Теперь евреем по национальности мог считаться не только человек, рожденный еврейской матерью, но и всякий человек, принявший иудаизм. При этом — что особенно важно — не было оговорено, каким образом был осуществлен этот переход в иудаизм. Иными словами, государство обязалось признавать законность любого обращения, в том числе и если обряд был произведен неортодоксальным раввином за рубежом.

Но это решение оставалось ничего не значащей формальностью. Последующие судебные разбирательства показали, что в самом Израиле никаких сдвигов в отношении *гиюра* (процедура перехода в иудаизм) не намечается: процедура *гиюра* по-прежнему считалась имеющей силу лишь тогда, когда она произведена ортодоксальными раввинами. Более того, раввинат по-прежнему сохранял за собой монополию на решение чисто религиозных вопросов, связанных с браком и разводом. Раввинат по-прежнему мог не согласиться признать евреем — в рамках процедуры бракосочетания — человека, который принял иудаизм и был зарегистрирован Министерством внутренних дел как еврей. Ко всему прочему, ортодоксы расценивали всю совокупность принятых “компромиссных” законоположений исключи-

тельно как свою временную неудачу. В качестве следующего шага они намеревались провести поправку к закону, согласно которой запрещалась бы регистрация в качестве еврея любого новообращенного, который не смог совершить *гиюр* у ортодоксального раввина — причем не только в Израиле, но и за рубежом. Хотя вряд ли можно было рассчитывать на то, что им удастся проташить такую поправку через *кнесет* в ближайшем будущем, ортодоксы старались потянуть время, надеясь на то, что Израильская партия труда снова столкнется с коалиционными трудностями, и тогда они смогут добиться своего в ходе очередных переговоров (Гл. XXV).

Рассматривая все эти конфликтные ситуации, вызванные спорами о регистрации, нельзя не вспомнить рассуждения теоретиков сионизма относительно того, что “нормализация” еврейской жизни в суверенном еврейском государстве должна будет положить конец всей этой неразберихе, связанной с вопросом еврейской идентификации. Как оказалось, такие предположения не подтвердились. Несомненно, ревностные сторонники обоих подходов к национальному вопросу считали само собой разумеющимся, что Государство Израиль не похоже на другие государства, что оно является средоточием суверенной мощи и территориальным центром еврейского народа, разбросанного по всему миру. Склонность как ортодоксов, так и светских деятелей преувеличивать последствия споров относительно принципов регистрации населения свидетельствует о том, что Израиль все еще тесно связан с судьбой общин диаспоры, разбросанных по всему миру. Между тем в самом Израиле со всей очевидностью продолжают существовать различия между двумя категориями израильских граждан, каждая из которых имеет еврейское родство. С одной стороны, это евреи, чья этническая принадлежность отвечает требованиям *Галахи*. С другой стороны, это неевреи, состоящие в браке с евреями, дети от смешанных браков, а также неевреи, принявшие иудаизм в других странах и не по ортодоксальному обряду. В один прекрасный день им — или их детям — придется столкнуться с серьезными проблемами личного характера, ввиду как наличия непоколебимой раввинской монополии на процедуры брака и развода, так и неспособности правительства нарушить эту монополию — за счет преодоления статус-кво.

Стремление к гибкости внутри ортодоксальной общины

По окончании дела Шалита правительство пошло на серьезные уступки религиозному лагерю, после чего возмущение общественности фактиче-

ски вышло из-под контроля. Самую широкую поддержку получило открытое письмо премьер-министру Голде Меир, написанное Хананом Франком, который репатрировался в Израиль из Нидерландов в 1968 г. с матерью-голландкой и отцом-евреем. Ханан во время армейской службы подорвался на египетской mine и потерял обе ноги. В своем письме он спрашивал, может ли он теперь, после внесения последних поправок в законодательство, считаться евреем по национальности? Он сам был человеком религиозным, но ведь его могут и не считать евреем, до тех пор пока его мать не пройдет ортодоксальный *гиюр* в Израиле — а она решительно отказывалась делать это. На протяжении многих лет ортодоксальные раввины делали все от них зависящее, чтобы как можно более затруднить эту процедуру для неевреек. В массе своей женщины, приложив немало усилий, получали отказ; зачастую такой отказ был обусловлен самыми простыми и очевидными причинами — например, женщины, будучи членами *кибуца*, тем самым не были связаны с Национальной религиозной партией. Сторонники светского образа жизни задавались вопросом: как долго эти средневековые пережитки будут парализовать жизнь свободного в целом общества.

К началу 1970-х гг. появились некоторые признаки того, что раввинат стал чинить меньше препятствий, пусть даже исключительно по той причине, что громче стали звучать публичные протесты, а *кнесет* объявил о намерении положить конец монополии ортодоксов в сфере брака и развода. В марте 1971 г. раввинский совет, под председательством верховного ашкеназского раввина Унтермана⁷⁰, принял решение пойти на некоторые уступки по вопросу *гиюра* — был отменен одногодичный период ожидания для репатриантов, прибывающих из стран Восточной Европы, так называемая “проверка намерений”, в силу чего процесс прохождения *гиюра* теперь должен был занимать меньше времени. Однако и недовольство общественности, и предвестия перемен достигли, в известном смысле, кульминации после очередного судебного процесса — но уже не в светском, а в раввинатском суде. Суть конфликта заключалась в том, что брат и сестра, Ханох и Мирьям Лангер, оказались не в состоянии заключить браки с выбранными ими партнерами. Их мать вышла замуж (несколько десятилетий тому на-

70 Унтерман Исер-Йегуда (1886–1976) — ашкеназский верховный раввин Израиля. Учился в ешивах местечек Мир, Воложин. В 1910 г. возглавил ешиву в местечке Вишнево; 1921–1924 гг. — раввин г. Гродно. После Первой мировой войны сыграл большую роль в возрождении литовских ешив. Активный член движения *Мизрахи*. Участник ряда сионистских конгрессов. В 1924 г. был избран главным раввином Ливерпуля. Президент британской организации *Мизрахи*. В 1946 г. был избран главным ашкеназским раввином Тель-Авива. В 1964–1972 гг. — верховный ашкеназский раввин Израиля. В качестве верховного раввина добился образцовой работы раввинских судов, способствовал установлению взаимопонимания между религиозной и светской частями населения.

зад) за поляка, нееврея, Авраама Борковского, который прошел *гиюр* перед вступлением в брак. Потом, после 1948 г., она полюбила еврея по фамилии Лангер и уехала с ним в Израиль, где родила от него двоих детей, Хануха и Мирьям. Только после этого она формально развелась с Борковским в раввинатском суде Израиля. Когда дети стали взрослыми, они не смогли вступить в брак, потому что раввинатский суд Петах-Тиквы признал их *мамзерами*⁷¹.

Слово *мамзер* ни в коей мере не является синонимом слова “незаконно-рожденный”. Незаконнорожденный — это ребенок, рожденный вне брака, и с его статусом, согласно религиозному закону, сопряжены лишь незначительные проблемы юридического и морального характера. *Мамзер* же, согласно *Галахе*, это ребенок, рожденный замужней женщиной-еврейкой от человека, который не является ее мужем (или рожденный во втором браке с евреем, если первый брак не был расторгнут по обряду, предписанному *Галахой*). Строго говоря, ограничения, налагаемые на *мамзера* согласно ортодоксальному закону, существуют лишь в сфере брака. Но в случае семьи Лангеров сложилась очень болезненная ситуация. Для молодых людей вряд ли мог служить утешением “совет”, даваемый им в раввинатском суде Петах-Тиквы: выбрать себе потенциального брачного партнера также из числа *мамзеров*. Иерусалимский раввинатский суд также не был склонен рассматривать их дела. Верховный сефардский раввин Ицхак Нисим⁷², в принципе, был готов принять дела к рассмотрению, но его добрые намерения столкнулись с противодействием верховного ашкеназского раввина Унтермана.

Доведенные до крайности, но ободренные обещанием поддержки ряда членов *кнесета* от Партии труда и Либеральной партии — которые планировали ввести в Израиле законодательство о светских браках, — Ханух и Мирьям Лангер, вместе со своими невестой и женихом, а также адвокатами были приняты 19 августа 1971 г. премьер-министром Голдой Меир. Они обратились к ней с просьбой ходатайствовать перед Верховным раввинатом о назначении религиозного суда, который мог бы заново рассмотреть их

71 *Мамзер* — согласно *Галахе*, рожденный в результате кровосмесительной связи или измене мужу с другим евреем, а также во втором браке с евреем, если первый брак не был расторгнут по обряду, предписанному *Галахой*. *Галаха* запрещает вступать в брак с *мамзерами* и их потомками. *Галаха* ограничивает права *мамзеров* в сфере супружества, допуская их браки только между собой или с прозелитами, во всем остальном считает их равными другим евреям.

72 Нисим Ицхак (1896–1981) — раввин и талмудист, второй сефардский верховный раввин Израиля. В 1906 г. переехал с семьей в Эрец-Исраэль, но по прошествии нескольких лет вернулся в Багдад. С 1925 г. жил в Эрец-Исраэль. Ученик знаменитого раввина Ш. Альфанди. В 1955–1972 гг. занимал пост сефардского верховного раввина Израиля. Всячески способствовал достижению взаимопонимания между всеми слоями населения. Во время дискуссии об общине *Бней Исраэль* поддержал их право считаться евреями.

дела. Голда Меир дала им понять, что если они готовы проявить терпение и не поднимать религиозный вопрос в *кнессете*, то их проблема в скором времени будет разрешена — она, несомненно, намекала на предстоящие выборы нового верховного раввината. Выборы были назначены на следующий год и, как предполагалось, должны были принести большие перемены. Брат и сестра согласились подождать еще некоторое время. Между тем их дела находились в подвешенном состоянии, погрязнув в формальностях и юридических тонкостях, тогда как в прессе и в ходе публичных дебатов постоянно высказывалась мысль, что ситуация может разрешиться лишь в том случае, если *кнессет* примет закон, отменяющий юрисдикцию раввината в делах, связанных с гражданским состоянием. В противном случае, как подчеркивалось, архаичная религиозная приверженность букве закона может привести к созданию в Израиле касты “неприкасаемых”.

Осенью 1972 г. состоялись выборы раввината. Унтерман, которому исполнилось уже 87 лет, снова принял в них участие, возглавив блок противостоящих “либеральной угрозе”, исходящей от его основного соперника на пост ашкеназского верховного раввина Шломо Горена⁷³. Было известно, что рабби Горена поддерживает группа умеренных представителей Национальной религиозной партии, которые считали его человеком, способным осуществить необходимые реформы и ослабить накал культуркампа, прежде чем ситуация окончательно выйдет из-под контроля. Рабби Горен был именно тем, на кого можно было возлагать такие надежды. На протяжении почти двух десятилетий он занимал пост главного армейского раввина и пользовался равным уважением среди как светских, так и религиозных израильтян благодаря своей терпимости и гибкости. Выйдя в отставку, рабби Горен (не без авторитетной поддержки Моше Даяна) был избран главным ашкеназским раввином Тель-Авива и на этом посту продолжил свою либеральную политику. В частности, при нем значительно ускорилось прохож-

73 Горен (Горончик) Шломо (1917–1994) — ашкеназский верховный раввин Израиля. В Эрец-Исраэль жил с 1925 г. Получил образование в ешивах Иерусалима и в Еврейском университете. В 18 лет получил звание раввина. В 1936 г. вступил в *Гагану*. Во время Войны за независимость сражался в Иерусалиме. Весной 1948 г. был назначен главным раввином Армии обороны Израиля и, пройдя военную подготовку, получил чин бригадного генерала. После освобождения Старого города Иерусалима первым руководил богослужением у Западной стены. После выхода в отставку в 1968 г. был избран главным ашкеназским раввином города Тель-Авив — Яфо. В 1972–1983 гг. — верховный ашкеназский раввин Израиля. Горен опубликовал ряд *респонсов*, регулирующих соблюдение религиозных предписаний в специфических условиях военной службы, а также посвященных проблемам жен воинов, чьи мужья пропали без вести (*агуно́т*). Под его руководством был создан общий молитвенник для ашкеназов и сефардов, принятый в армии. За комментарии к Иерусалимскому Талмуду (т. 1, 1961) удостоен Государственной премии Израиля за 1961 г.

дение *гиюра*. Год спустя (опять же при поддержке Моше Даяна) рабби Горен объявил о своем намерении баллотироваться на пост ашкеназского верховного раввина Израиля. Ни для кого не было секретом, что он требовал от своих последователей поддержки его всем известному намерению решить дело Лангеров справедливым и гуманным образом.

Рабби Горен был избран на этот пост и таким образом стал исполнять обязанности председателя Верховного раввинатского суда. В то же время на пост сефардского верховного раввина Израиля был избран Йосеф Овадья⁷⁴, убежденный традиционалист, и Горен не сомневался, что Овадья (также будучи по должности председателем Верховного раввинатского суда) способен только затруднить решение дела Лангеров. Ситуация требовала оперативных, чисто военных, действий. Нанося упреждающий удар, Горен собрал девять судей Тель-Авивского окружного раввинского суда и начал слушание дела Лангеров. Овадья ничего не знал о происходящем и потому не присутствовал на заседании, которое длилось менее часа. Суд вынес решение, согласно которому обращение в иудаизм Борковского, первого мужа г-жи Лангер, было “сомнительным”. Борковский, как прокомментировал Горен, не воспринимал ритуал всерьез и не мог прочесть даже основные молитвы на иврите. Таким образом, первый брак г-жи Лангер не был действительным с галахической точки зрения; следовательно, ее дети, рожденные в Израиле, не являются *мамзерами*. Огласив решение суда, рабби Горен в тот же день, оперативно, в лучших традициях Армии обороны Израиля, сочетал браком Ханоха и Мирьям с их невестой и женихом. На свадебной церемонии присутствовал лично Моше Даян. На следующий день в Иерусалиме партия Независимых либералов временно приостановила свои действия, направленные на ускорение голосования по вопросу о гражданских браках. Это было сделано как бы в качестве компенсации, в рамках негласного соглашения, по которому те-

74 Йосеф Овадья (р. 1920) — сефардский верховный раввин Израиля. Свой первый труд *Ябиа омер* (букв. “Передает слово”) о талмудическом трактате *Горайот* опубликовал в 1938 г. Под этим же названием издал ряд последующих трудов (Государственная премия Израиля за 1970 г.). В 1940 г. получил *смиху*. В 1945 г. стал *даяном* раввинского сефардского суда Иерусалима. В 1947 г. был избран главой каирского раввинского суда и помощником главного раввина Египта. Вступил в открытый конфликт с египетским правительством, запретив членам общины распространять антиизраильские листовки и жертвовать деньги на египетскую армию. В 1950 г. вернулся в Израиль и был назначен главой раввинского суда Петах-Тиквы, а в 1958 г. — раввинского суда Иерусалима. В 1968 г. стал главным сефардским раввином Тель-Авива, где возглавил ешиву *Тора ве-йораа*. Верховный сефардский раввин Израиля в 1972–1983 гг. Сыграл выдающуюся роль в создании в 1984 г. группой сефардских лидеров, вышедших из *Агудат Исраэль*, ортодоксально-религиозной партии *Шас*. Со времени создания партии возглавляет высший партийный орган — Совет мудрецов Торы.

перь, при Горене, многочисленные, до тех пор не решенные дела, связанные с галахическим законодательством, должны были рассматриваться более оперативно и беспристрастно.

Обозначились и другие, пусть даже слабые, признаки перемен к лучшему. Некоторые умеренные члены Национальной религиозной партии, принадлежащие к фракции *Поалей Мизрахи*, дали понять, что готовы отойти от политики раввината и даже подвергнуть ее открытой критике. Еще в 1920 г., в Иерусалиме, они стали организаторами придерживающегося халуцианских идеалов молодежного движения *Бней Акива*, а впоследствии также и Религиозного кибуцного движения. Общая атмосфера в этих религиозных *кибуцах*, равно как и располагающие манеры их членов, свидетельствовали о либеральном образе мышления. Хотя их члены и воспринимали безоговорочно официальные заявления раввината, непосредственно связанные с галахическим законодательством, тем не менее они не подчинялись запрету раввината относительно воинской службы женщин. Нередки бывали случаи, когда по отдельным вопросам галахического законодательства они не придерживались позиции Верховного раввината, а обращались к другим раввинам, известным широтой взглядов. Это, возможно, и был один из путей к примирению ортодоксов и светского населения.

В рядах ортодоксов раздавались и другие голоса, призывавшие к еще более решительному разрыву с устаревшими традициями, вплоть до полного или частичного отделения религии от государства. Среди высказывавших такие идеи был Пинхас Розенблат, возглавлявший религиозное образование в известной сельскохозяйственной школе *Микве Исраэль*. Розенблат призывал лидеров ортодоксального движения к более активным контактам и диалогу с членами общины, убедительно рекомендуя им разъяснять положительные аспекты религиозности, а не ограничиваться формулированием совокупности запретов. В 1966 г. профессор Еврейского университета в Иерусалиме Эфраим-Элимелех Урбах⁷⁵, ортодоксальный еврей,

75 Урбах Эфраим-Элимелех (1912–1991) — израильский исследователь Талмуда и раввинистической литературы. Учился в *хедере* и *ешивах*, а также в раввинской семинарии, где получил звание раввина. В университетах Бреслау и Рима изучал семитскую филологию и историю, получил степень доктора. С 1938 г. жил в Эрец-Исраэль. Во время Второй мировой войны служил военным раввином в Еврейской бригаде, во время Войны за независимость — в Армии обороны Израиля. По окончании войны — зав. отделом научных учреждений Министерства образования и культуры. С 1953 г. преподавал *агаду* и раввинистическую литературу в Еврейском университете. В 1956 г. возглавил в нем отделение Талмуда, с 1958 г. — профессор. В 1956–1960 гг. возглавлял Институт иудаики Еврейского университета. В 1962–1968 гг. — председатель отдела гуманитарных наук Израильской академии наук. С 1980 г. — президент Академии. Труды Урбаха посвящены талмудической и средневековой литературе: *Баалей йа-Тосафот* (“Тосафисты”, 1955); “Мудрецы Талмуда: верования и воззрения” (1969); “Галаха — ее

основал “Движение за иудаизм Торы”, сформулировав его задачу как безусловное отделение религии от политики, что должно было способствовать установлению тесных связей между *Галахой* и современной жизнью. Трудно назвать более решительного критика ортодоксального истеблишмента, чем д-р Йешаягу Лейбович⁷⁶, острый на язык профессор химии Еврейского университета в Иерусалиме. Соблюдая самым строжайшим образом все предписания *Галахи*, Лейбович при этом жестко и беспощадно критиковал раввинскую верхушку страны за ее воинственную нетерпимость и ксенофобию. Его выступления за отделение религии от государства по страстной убежденности и накалу превосходили публицистические выступления активистов партии *Мапам*.

Однако следует разочаровать тех, кто захотел бы расценить проявления умеренности и терпимости в лагере ортодоксов как ростки либерального иудаизма. Урбах, Лейбович, Розенблат, лидеры Религиозного киббуцного дви-

истоки и развитие” (1984). С 1965 г. возглавлял международный союз по изучению иудаики. В 1969 г. основал движение *Га-Тнуа ле-йядут ха-Тора* (“Движение за иудаизм Торы”). Глубоко религиозный человек, Урбах был активным противником любого клерикального принуждения.

- 76 Лейбович Йешаягу (1903–1994) — израильский ученый, писатель и общественный деятель. Получил звание доктора философии в Берлинском университете в 1924 г., а доктора медицины — в Базельском университете в 1934 г. В 1935 г. переехал в Эрец-Исраэль, с 1935 г. работал в Еврейском университете (с 1942 г. — профессор). Опубликовал ряд научных работ по проблемам органической химии и биохимии (сахара и энзимы) и нейрохирургии (механизмы нервной регуляции сердца). Его перу принадлежат также работы в области иудаики *Тора у-мицвот ба-zman ха-зе* (“Тора и заповеди в наше время”, 1954); философии науки *Гуф ва-нефеш. Га-байя ха-психофизит* (“Тело и душа, психофизическая проблема”, 1983). С 1972 г. находился на пенсии, но активно продолжал преподавательскую работу и общественную деятельность. Автор концепции национальной сущности еврейского народа, утверждающей, что еврейство, каким оно существует на протяжении трех тысяч лет, самоопределилось и сохранило все свое своеобразие исключительно благодаря укладу жизни, основанному на практическом исполнении предписаний *Галахи*. Его концепция исключает из иудаизма принцип воздаяния, рассматривая его как прагматическую уступку массовому сознанию верующих, а также концепцию мессианства и этику. Главное в иудаизме — практическое исполнение *мицвот*, прежде всего *галахических* предписаний, в отношении *шабата*, *кашрута*, семейной жизни. Лейбович видел в их добровольном исполнении величайший подвиг. Резкие, а часто и экстремистские высказывания Лейбовича против израильской политики на контролируемых территориях, решительное осуждение им Первой Ливанской войны и другие аналогичные оценки он объясняет не пацифистскими установками, а тем, что проходящая, по его мнению, утрата израильским обществом еврейской идентичности лишает подобные акции национально-исторического оправдания. Его многочисленные выступления с крайне экстремистской критикой политики Израиля на контролируемых территориях и отношения к арабским гражданам превратили Лейбовича в культовую фигуру израильских левых.

жения — все они неуклонно придерживались мнения, что человек не вправе изменять написанное Богом, разве что в рамках процедуры, заповеданной в боговдохновенных текстах. По их мнению, либеральный или консервативный иудаизм был хуже атеизма, поскольку таким образом “освящались человеческие заблуждения”. Нельзя в этой связи не заметить, что даже рабби Горен, гневно осуждаемый и прокливаемый ультраортодоксами за роль, которую он сыграл в деле Лангеров, неоднократно предпринимал попытки примириться с правым лагерем и выступал как активный сторонник строгого соблюдения галахических законов при рассмотрении вопроса “Кого считать евреем?”.

В поисках духовных альтернатив

При всем своем разочаровании в политизированной ортодоксии, немногие израильтяне питали иллюзии относительно того, что религиозные движения, заимствованные за рубежом, способны предоставить разумную альтернативу духовной пище, предлагаемой раввинами. Американские ортодоксы не были заинтересованы в том, чтобы изменить статус-кво в Израиле. Американский реформистский и консервативный иудаизм вел нелегкую, но практически безнадежную войну, пытаясь завоевать позиции в Израиле. Правда, филиал “Хибру Юнион Колледж” в Иерусалиме организовывал службу по реформистскому обряду в субботу и по утрам в праздничные дни. Аналогичным образом Всемирный союз прогрессивного иудаизма создал десяток реформистских групп в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе и еще в ряде городов, и в каждом городе имелся американский раввин на жалованье. Представители консервативного иудаизма основали три синагоги, Библиотеку и Институт Шокона⁷⁷ и общежитие для студентов-консерваторов

77 Шокона Институт (Институт еврейских исследований им. Шокона) — научно-исследовательский институт в Иерусалиме, созданный на базе Библиотеки Шокона (Шокен Шломо-Залман [1877–1959] — предприниматель, издатель, коллекционер, меценат и деятель сионистского движения), которая была основана в начале XX в. в Германии Шоконом; библиотека превратилась в одно из самых значительных собраний ранней гебраики в мире и к середине 1920-х гг. включала в себя около 60 тыс. редких книг и рукописей. В 1920 г. при библиотеке возник Институт исследований средневековой еврейской поэзии (на иврите). В 1934 г. Библиотека и Институт были переведены в Иерусалим. В 1961 г. они объединились с Еврейской теологической семинарией, в рамках которой был создан автономный Институт Шокона. Деятельность его была расширена, был создан Институт Талмуда, готовивший научно-критические издания библейских текстов и комментарии к ним, а также отдел исследований еврейской мистики и каббалы. В 1980–2000-х гг. деятельность Института свелась, главным образом, к проведению курсов лекций и устройству выставок.

в Еврейском университете в Иерусалиме, а также посылали молодых раввинов помогать персоналу *Мосад Аѓава*, молодежной деревни возле Хайфы, где жили дети с отклонениями в развитии. Как консервативное, так и реформистское движение оказывало содействие средним школам, детским приютам, организовывало ознакомительные поездки, а иногда и конференции для взрослых и для детей в различных частях Израиля. Для того чтобы предупредить критические замечания со стороны израильского религиозного истеблишмента, как реформисты, так и консерваторы утверждали, что в их намерения входит лишь адаптация своих движений в Израиле, а отнюдь не их полномасштабный перенос на израильскую почву.

Но каковы бы ни были их заверения, и реформисты, и консерваторы по сути дела пытались утвердить свое “присутствие” — хотя эти попытки и были обречены на неудачу с самого начала. Их учреждения и их деятельность носили по большей части чисто символический характер, а управление этой деятельностью осуществлялось из-за рубежа. Собственно говоря, их неудачи заключались не в том, что им не удавалось получить официальное разрешение на проведение брачных и похоронных церемоний, но в том, что они были неспособны добиться популярности неформальным образом. Правда, нельзя не признать того обстоятельства, что широкое влияние ортодоксов обеспечивалось также и финансовой поддержкой из государственных источников. Как бы то ни было, израильские ортодоксы продемонстрировали твердость своих намерений защитить и сохранить от посторонних нападков созданную ими нишу. А прочим израильтянам, не принадлежавшим к миру ортодоксов, подобного рода институты и организации просто не требовались. Мало кто из них вообще проявлял интерес к посещению синагоги, вне зависимости от ее принадлежности к тому или иному течению. Американские раввины были на удивление безуспешны в своих попытках предложить израильтянам, и особенно молодежи, разумную и привлекательную альтернативу как ортодоксальному иудаизму, так и атеизму. Даже реформисты, с их великой американской традицией социальной справедливости, вряд ли могли сказать в Израиле что-то новое — во всяком случае, сверх того, что уже было со всей убедительностью сказано светскими израильтянами, которые претворяли в жизнь идеи равенства, социальной ответственности, сотрудничества и любви в новом контексте — например, создавая структуры социальной помощи, или деревни для молодых репатриантов, или *кибуцы*.

Все большее число израильтян, не принадлежавших к ортодоксальному течению, ощущало потребность и даже острую необходимость сформулировать все эти ценности в терминах, носящих достаточно универсальный характер. Так, в 1952 г. группа интеллектуалов, обеспокоенных духовным состоянием общества, начала издавать журнал *Проздор* (“Коридор”), который

изначально предполагалось выпускать раз в два месяца и рассматривать на его страницах проблемы религиозного мышления. В редакционной статье первого номера *Проздора* было сказано:

“То, как религиозный истеблишмент страны предстает перед общественным мнением, ни в коей мере не способствует поддержанию его престижа. Наша молодежь лишена возможности узнать, что же в действительности представляет собой религия. Наши публичные дискуссии на религиозные темы сводятся преимущественно к вопросам чисто практического характера, таким, как супружество, *халица* (ограничение права вдовы на вступление в повторный брак) или совместное посещение мужчинами и женщинами плавательного бассейна. Однако мы не уделяем должного внимания религиозному мышлению как таковому. Наши рассуждения о теологии и религиозном учении ведутся на детском уровне”.

На протяжении примерно пяти лет журнал публиковал статьи, зачастую написанные весьма известными авторами, на такие темы, как метафизика и теология, извечные проблемы взаимоотношений религиозного и светского населения Израиля, образование, культурология и т. д. На его страницах высказывались предложения относительно возвращения к еврейскому образу жизни и еврейским ценностям. Авторы, в частности, предлагали перевести синагоги из старых, невзрачных и неприглядных зданий в современные, радующие глаз; построить новые, достойно выглядящие школы вместо убогих, обветшалых религиозных государственных школ и ешив; организовывать в *кибуцах*, *мошавах* и городах небольшие группы для воссоздания еврейского образа жизни, простого и скромного; обновлять традиционные ритуалы и тексты молитв применительно к требованиям сегодняшнего дня.

После Шестидневной войны журнал *Проздор* прекратил свое существование из-за недостатка средств. Но к тому времени небольшие по численности, экспериментальные группы, о появлении которых шла речь на его страницах, уже начали свое существование — зачастую при содействии и под влиянием стран Запада. Так, основанное и руководимое Йосефом Бентвичем, уроженцем Великобритании, профессором педагогики Еврейского университета в Иерусалиме, общество *Амана* (“Завет”) ставило своей целью изыскивать методы превращения религиозного движения в Израиле в жизненную силу. На заседаниях *Аманы* часто выступали видные философы, профессора Шмуэль-Хуго Бергман и Мартин Бубер, а также ряд бывших членов *Ихуд *ia*-боним*, объединения молодежных сионистских организаций социалистического направления (Гл. VIII). Другая, в известном смысле еще более влиятельная группа, была организована д-ром Джеком

Коґеном, американским раввином консервативного толка, возглавлявшим фонд Гилеля при Еврейском университете в Иерусалиме. Человек большой эрудиции, сочувственно относящийся ко всем окружающим, Коґен в ходе многолетнего общения с кибуцниками отметил, что эти люди склонны формулировать и облекать в слова свои идеалы и важнейшие духовные ценности, и он считал это стремление к вербализации духовных процессов не менее важным и значимым, чем теологические философствования университетских профессоров. И тогда он поставил перед собой цель: изыскать способ свести воедино эти два подхода.

В 1961 г. Коґен создал для этого специальную группу. На первое собрание группы пришло около семидесяти достойных и известных всей стране людей — кибуцники, интеллигенция, армейские офицеры. Все они с энтузиазмом отреагировали на призыв заняться поисками духовной альтернативы. На протяжении ряда последующих лет группа собиралась ежегодно, и к ней присоединялись новые члены, обладающие творческими способностями и умеющие четко формулировать свои мысли. Как и полагал Коґен, по возвращении домой члены группы организовывали местные дискуссионные общества. Самое значимое из них, находящееся в Иерусалиме, занималось систематическим изучением трудов А.-Д. Гордона, Мордехая Каплана⁷⁸, Хаима Гринберга⁷⁹ и других деятелей, приложивших немало усилий к

78 Каплан Мордехай-Менахем (1881–1984) — религиозный философ, основатель реконструктивизма (еврейского религиозного течения, рассматривающего иудаизм как развивающуюся религиозную цивилизацию, которая, подобно другим цивилизациям, обладает, наряду с религией, также и историей, языком, социальной структурой, правилами поведения, духовными и общественными идеалами). Был привезен родителями из Российской империи в США в десятилетнем возрасте. Хотя Каплан получил в детстве ортодоксальное образование, он уже в школе заинтересовался неортодоксальными представлениями о Библии и религии. В 1909 г. окончил Еврейскую теологическую семинарию и затем около 50 лет преподавал в ней. В 1922 г. основал Общество по распространению иудаизма — главный центр реконструктивистского движения. Согласно Каплану, религиозный характер иудаизма как развивающейся цивилизации изменяется в зависимости от условий, места и времени. Он утверждает, что религиозный характер иудаизма более всего проявляется в раскрытии им смысла и ценности человеческого существования в “борьбе с Богом”, в его ритуальном аспекте, проявляющемся в семье, синагоге и общине. Религиозная концепция Каплана натуралистична. Бог выступает в ней как космическая сила, служащая залогом реализации моральных ценностей и идеалов человека. В соответствии с концепцией Каплана, в опубликованном в 1945 г. реконструктивистском “субботнем молитвенике” были исключены упоминания об избранности еврейского народа, о богоданности Торы и о Мессии как личности. Главные произведения Каплана: “Иудаизм, как цивилизация” (1934), “Значение Бога в современной еврейской религии” (1937), “Вера и мораль” (1954) и др.

79 Гринберг Хаим (1889–1953) — сионистский деятель, сионист, философ. С ранней юности публиковал много статей на русском языке и на иврите на философские и политические темы. С началом Первой мировой войны в Москве был редактором

тому, чтобы прожить полноценную духовную жизнь вне сферы влияния ортодоксов или даже вообще какой бы то ни было формальной религиозной системы. Иерусалимцы проводили свои собственные субботние службы, на которые каждую неделю собиралось от семидесяти до восьмидесяти человек, в том числе г-жа Рахель Бен-Цви⁸⁰, жена второго президента Израиля, видные ученые и представители светской интеллигенции. Все перечисленные достижения были пусть скромными, но вместе с тем и вполне многообещающими.

Тем временем в стране происходили различные события, в числе важнейших — Шестидневная война и освобождение Старого города Иерусалима. Возвращение древней Храмовой горы, потрясшее всех евреев мира, открыло еще одно направление в поиске духовных альтернатив. Существует известный сборник интервью, взятых радиожурналистами у кибуцников, участвовавших в Шестидневной войне (*Сиах лохамим* — “Диалоги бойцов”), и при анализе текстов особое внимание привлекают следующие две темы. Один за другим эти юные атеисты повторяют, что они не стали людьми религиозными, однако вдруг ощутили себя евреями. “Нет, я не вернулся к религии, но Стена говорила со мною... Когда мы слушали по транзисторному приемнику репортаж из Старого города, который снова стал еврейским, никто из ребят в нашей части не мог сдержать слез... Я впервые ощутил, что мы не только израильтяне, но и евреи...” Через год участники диалога собрались в *кибуце Ёа-Шомер Ёа-цаир*, и на этот раз они говорили о своей вере еще более откровенно. “Дело в том, — сказал один из участников встречи, — что сейчас мы медленно, но верно возвращаемся к нашим традициям... Можно называть это консерватизмом, можно утверждать, что ничего хорошего в этом нет, — однако, по моему мнению, сейчас настало время возвращения к традициям, к нашим еврейским корням и нашему еврейству”.

Религиозный истеблишмент оказался не в состоянии воспользоваться этими новыми настроениями в обществе. У них не нашлось ни подходя-

сионистского еженедельника “Рассвет”. После установления власти большевиков неоднократно арестовывался за сионистскую деятельность. С 1921 г. жил в Берлине, был редактором органа Всемирной сионистской организации *Ёа-Олам*. С 1924 г. жил в США, был редактором ряда сионистских изданий; во время Второй мировой войны — глава американского Чрезвычайного сионистского совета. В 1946 г. был назначен директором отдела образования и культуры Еврейского агентства.

80 Бен-Цви-Янаит Рахель (1886–1979) — жена второго президента Государства Израиль И. Бен-Цви; педагог и общественный деятель. В 1909 г. была вместе с мужем в числе организаторов движения *Ёа-Шомер*. В 1920 г. организовала женскую сельскохозяйственную школу в Иерусалиме и была ее директором. В 1949 г. была одним из создателей сельскохозяйственной школы в Эйн-Керем. После смерти мужа работала в Институте исследований еврейских общин на Ближнем Востоке им. Бен-Цви.

щих слов в назидание, ни хотя бы новой молитвы, чтобы воздействовать на умонастроения народа. Нужные — пусть даже, может быть, и не самые верные — слова смогли найти пользующиеся всеобщим уважением интеллектуалы из числа не принадлежащих к ортодоксально-религиозному лагерю. Многие авторы журнала *Птахим*, ставшего фактическим наследником журнала *Проздор*, увидели в этой войне испытание народного духа, которое должно было привести к выполнению “миссии” израильского народа. Несомненно, что это видение в чем-то придало окраску движению “За неделимый Израиль”⁸¹, сформировавшемуся после окончания военных действий (Гл. XXII). Об этом писал основатель движения, в прошлом видный деятель Партии труда Элиэзер Ливни, в июльском (1967) номере литературного журнала *Мознаим* (“Весы”). Заголовок его статьи, “Явление скрытого лика”, есть аллюзия на слова из книги Йехезкеля⁸², описывающие неужи-

81 “Движение за неделимый Израиль” — общественно-политическое движение, созданное рядом интеллектуалов, в прошлом связанных с Израильской партией труда, выступавших за присоединение к Израилю всех палестинских территорий, перешедших под его контроль в 1967 г. Движение было основано в 1967 г. Среди его основателей были Э. Ливни, в прошлом член *кнесета*, М. Шамир, известный израильский физик и общественный деятель Ю. Неэман. Движение выступило с резкой критикой деятельности правительства Израиля, которое возглавляли представители Израильской партии труда. Некоторые из его основателей (например, Шамир) стали активными членами *Ликуда*. После подписания мирного соглашения с Египтом они вышли из *Ликуда*, и в 1979 г. на основе Движения была создана партия *Тхия*, которую возглавил Ю. Неэман.

82 Йехезкель (букв. “да укрепит Господь”, в русской традиции — Иезекииль) — пророк. Книга Йехезкеля является третьей книгой раздела поздних пророков в Библии. Сведения о личности Йехезкеля крайне скудны. Известно, что он был пророком Иерусалимского храма, что его жена умерла во время осады Иерусалима войсками царя Вавилонии Навуходоносора и что он находился среди тех, кто в 597 г. до н. э., после сдачи Иерусалима, был уведен в Вавилонию, где и умер. Книга Йехезкеля представляет собой изложение от первого лица видений пророка и обращенных к нему слов Бога. Тематически пророчества разделяются на две неравные части: пророчество о наказании Израиля за нарушение Завета и пророчество о его будущем возрождении. Содержащиеся в книге Йехезкеля пророчества относятся ко времени между 593 г. и 571 г. до н. э., когда после десяти лет покорности иудейский царь Цидкиягу, надеясь на помощь Египта, восстал против вавилонского ига (588 г. до н. э.). Восстание закончилось страшным разгромом Иудеи и, после двухлетней осады, взятием Иерусалима в 586 г. до н. э. Храм был разрушен, а большинство населения страны угнано в рабство в Вавилонию. Грядущее восстановление Израиля в его земле не может быть обусловлено раскаянием, ибо он слишком далек от того, чтобы раскаяться. Новый исход, предвещенный Йехезкелем, обусловлен не поведением Израиля, а волей Бога и Его особым отношением к Израилю. Пророчество о грядущем восстановлении принимает у Йехезкеля форму видения сухих костей, покрывающихся плотью и воскрешаемых к жизни; устами пророка Бог обращается к Своему народу: “Вот Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших в землю Израилеву”.

данное явление пророку Бога. Здесь Ливни проводит параллель с чудесным спасением 1967 года. Видя в освобождении Иерусалима знак беспримерных возможностей для материальной и духовной реализации потенциала израильтян, Ливни завершает статью призывом ко всем верующим и неверующим совместно славить Бога Израиля. В порыве всеобщей благодарности сотни тысяч израильтян, вне зависимости от их происхождения и социального положения, присоединились к этому призыву — кто во всеуслышание, а кто и безмолвно, в своей душе.

Глава XXI.

Шестидневная война

Превратности фортуны Насера

Если к началу 1967г. Израиль вышел на устойчивую орбиту на ближневосточном небосклоне, то этим достижением он был обязан, прежде всего, десятилетиям почти непрерывных экономических и политических успехов. Не представляли серьезной угрозы стабильному прогрессу страны и внешние факторы. Ослабленный и униженный после операции *Кадеш*, Насер мог только на словах ратовать за претворение в жизнь извечной арабской мечты об уничтожении Израиля. Сирия, страна, где к власти попеременно приходила черед ультранационалистически настроенных армейских офицеров, при численности населения в 6 млн человек, все-таки вряд ли могла представлять для Израиля военную угрозу, сопоставимую с египетской. Еще меньшую опасность представляла Иордания, учитывая сравнительно умеренную позицию короля Хусейна. Тем временем израильские суда беспрепятственно плавали в водах Красного моря и Акабского залива, и свобода судоходства Израиля была гарантирована благодаря безоговорочной международной поддержке.

Экономический рост и успехи Израиля стали неоспоримым фактом ближневосточной жизни, однако столь же неоспоримым был и накал арабской ненависти по отношению к еврейскому государству. Позор военного поражения живо ощущался не только палестинскими беженцами, с горечью размышлявшими об утрате своих домов и земли; не менее болезненными были раны, нанесенные израильтянами арабскому самолюбию во всем регионе, — не говоря уж о рухнувшей мечте панарабского единства. О чем бы ни шла речь в странах арабского мира — о “восстановлении справедливости” или о “мщении”, предлагаемый ответ был только один: полное уничтожение Изра-

ия. Уничтожить Израиль — таково было единодушное требование и политиков, и религиозных деятелей. Зачастую эти требования формулировались как призывы к джихаду. Очень популярным было сравнение израильтян с крестоносцами, а также сопоставление сионизма и западного империализма.

Сам Насер никогда не упускал случая высказаться на эту тему. Так, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1960 г., египетский правитель сделал заявление, не оставляющее сомнений относительно его намерений: “Единственное решение палестинского вопроса — возвращение к ситуации, когда ошибка еще не была совершена”. Иными словами, признание существования Израиля недействительным. А в 1964 г. он повторил: “Клянемся Аллахом, что мы не успокоимся, пока арабы не вернуться в Палестину и Палестина не будет возвращена арабам. Там нет места империалистам, точно так же, как нет места Британии в нашей стране и нет места Израилю в арабском мире”. Не оставлял Насер сомнений и относительно того, каким образом он намерен прекратить существование Израиля: “Земля Палестины, по которой пройдут арабские освободители, будет обильно пропитана кровью”.

Однако арабам не столь просто было превратить эти декларации в дела или хотя бы в реальные планы. Правда, надо сказать, что Синайская кампания не нанесла авторитету Насера практически никакого ущерба. В конце концов англичане, французы и израильтяне ушли из Египта. В феврале 1958 г. Дамаск и Каир сделали совместное заявление о слиянии своих стран, образовав тем самым Объединенную Арабскую Республику. При всей “разъединенности” этого политического гибрида, ОАР неоспоримо представляла собой главный политический блок арабского мира. В самом деле, последовавшая за этим попытка Ирака и Иордании объявить о создании, в качестве противовеса ОАР, аналогичной федерации не выдержала и полугодового испытания. В июле 1958 г. офицеры иракской армии устроили военный переворот, убив короля Фейсала¹ и премьер-министра Нури Саида², и

1 Фейсал II бен-Гази (1935–1958) — последний король Ирака из династии Хашимитов. После смерти в автокатастрофе его отца в 1939 г. стал королем, но управлял страной регент, эмир А. Иллах. Официально взшел на престол в мае 1953 г., но фактически правил в стране премьер-министр Нури Саид. Всеобщее недовольство зависимостью Ирака от Великобритании, усилившееся после заключения в 1956 г. Багдадского пакта, влияние идей насеризма на широкие слои населения, особенно на офицеров, вызвали восстание в армии с 13 на 14 июля 1958 г., во время которого были убиты Фейсал II, а также ряд членов королевской семьи и министров.

2 Саид Нури (1888–1958) — иракский государственный и политический деятель. Получил военное образование в Стамбуле. Офицер турецкой армии. В 1913 г. участвовал в антитурецком заговоре, после раскрытия которого эмигрировал в Египет. В 1916 г. присоединился к Хиджадскому восстанию, направленному против турок. Занимал высокие посты в армии Фейсала (будущий Фейсал I). С 1930 по 1958 г. неод-

к власти пришла проегипетски настроенная военная группировка, во главе которой стоял Абдель Керим Касем³. Насер для новых иракских правителей был высшим авторитетом: “вождь” арабского мира, знаменосец панарабизма, выразитель интересов государств Африки и Азии, пользующийся уважением на Востоке и на Западе.

На следующий год, однако, общая ситуация стала меняться не в пользу египетского президента. После серии взаимных обвинений Сирия решила выйти из состава ОАР. В 1962 г. в Йемене начались гражданские беспорядки — столкнулись единомышленники Насера и сторонники королевской власти, пользовавшиеся поддержкой Саудовской Аравии. Насеру, одержимому манией вмешательства во внутренние дела других государств, пришлось направить египетских военнослужащих (около 60 тыс. человек) в трясину этой жестокой войны, в которой не было победителей. В Ираке режим Абделя Керима Касема провозгласил свой собственный путь к достижению арабского единства, противоположный “ошибочному и себялюбивому пути” Насера. Вскоре между революционными правительствами Каира и Багдада началась открытая идеологическая война. Иордания и Саудовская Аравия давно уже опасались амбиций Насера, тогда как правительства Туниса и Марокко, пусть и с запозданием, осознали империалистические планы Насера по отношению к их странам. К тому же страны третьего мира постепенно стали отказываться от левых настроений, по мере того, как с политической сцены один за

нократно занимал посты военного министра, министра внутренних дел и премьер-министра. Даже когда он не занимал официальных постов, Саид Нури фактически сохранял за собой решающую роль в жизни страны. Считался основным проводником британского влияния в Ираке. Убит вместе с королем Фейсалом II.

- 3 Касем Абдель Керим (1914–1963) — политический и военный деятель Ирака. В 1931 г. окончил среднюю школу, год преподавал в начальной школе. В 1932 г. поступил в военный колледж, который окончил в 1934 г. в звании второго лейтенанта. Участвовал в Войне за независимость в составе иракских войск. В 1956 г. возглавил организацию “Свободные офицеры”, которая в 1957 г. вошла во Фронт национального единства, в котором участвовали также Баас (см. прим. на стр. 253), Иракская коммунистическая партия и другие организации. 14 июля 1958 г. Касем возглавил армейские части, свергнувшие монархию. Король Фейсал II, многие члены королевской семьи и государственные деятели были убиты в ходе этого переворота. В 1958–1963 гг. Касем — премьер-министр, военный министр и главнокомандующий иракской армией. Резко изменил внешнеполитический курс страны. В 1958 г. Ирак вышел из организации Центрального договора и разорвал Договор о взаимной безопасности с Великобританией. Весной 1959 г. заключил ряд соглашений с Советским Союзом о закупках советского оружия и об обучении иракских военных специалистов в СССР. В стране была принята демократическая конституция, проведена аграрная реформа и введен восьмичасовой рабочий день. Но усиливающийся арабский национализм Касема привел к восстанию 11 сентября 1961 г. в Курдистане. Авторитарный курс во внутренней политике вызвал многочисленные заговоры и покушения на Касема, которые жестоко подавлялись. Был свергнут 8 февраля 1963 г. в результате военного переворота. После скоротечного суда был расстрелян.

другим уходили ближайшие соратники Насера — Неру⁴, Бен Белла⁵, Нкрума,

- 4 Неру Джавахарлал (хинди “драгоценный рубин”; 1889–1964) — индийский государственный и общественный деятель. Первый премьер-министр Индии в 1947–1964 гг. Сын Мотилага Неру — одного из руководителей крупнейшей в стране партии “Индийский национальный конгресс” (ИНК). В 1912 г., после окончания престижной английской школы Харроу и юридического факультета Кембриджского университета, вернулся в Индию. Поселился в г. Аллахабаде. Начал работу в адвокатской конторе отца. Принимал активное участие в общественной жизни как один из молодежных лидеров ИНК. В 1927 г. был избран председателем ИНК. Активный сторонник М. Ганди, участвовал в организованных Ганди кампаниях отказа от сотрудничества с британскими колониальными властями и бойкота британских товаров. Неоднократно арестовывался английскими властями, провел, в общей сложности, более 10 лет в заключении. В 1946 г. Неру — вице-премьер Временного правительства Индии (Исполнительного совета при вице-короле Индии), а с 1947 г. — первый премьер-министр и министр иностранных дел и обороны независимой Индии. В январе 1952 г. по инициативе Неру Индия была провозглашена светской и демократической республикой. Была запрещена дискриминация по национальному, религиозному и кастовому признакам. Неру был сторонником укрепления государственного сектора экономики при поддержке частного предпринимательства. В 1954 г. он выдвинул пять принципов мирного сосуществования, на основе которых в 1955 г. было образовано Движение неприсоединения. Имея в стране большое мусульманское меньшинство, при очень напряженных отношениях с мусульманским Пакистаном из-за спора в отношении Кашмира, поддерживая дружеские отношения с Египтом Г. Насера и укрепляя связи с Советским Союзом, Индия занимала резко антиизраильскую позицию в ближневосточном конфликте.
- 5 Белла Бен Ахмед (Мухаммед Ахмад бин Балла; р. 1918) — алжирский государственный и общественный деятель, первый президент Алжира. Учился в средней школе, однако не закончил ее. В 1936 г. поступил добровольцем во французскую армию. В 1939–1940 гг. играл в футбольной команде “Олимпик” (Марсель). С 1940 г. служил во французской армии, участвовал в боях. После поражения Франции присоединился к “Свободной Франции”, воевал в Италии. Был неоднократно награжден, представлен к званию офицера, но отказался его принять, узнав о подавлении французской армией волнений в Алжире в мае 1945 г. Демобилизовался в 1945 г. и вступил в “Партию алжирского народа”. В 1945 г. организовал подпольное движение, целью которого была вооруженная борьба за независимость Алжира. В 1951 г. арестован и приговорен к восьмилетнему заключению, но вскоре бежал из тюрьмы в Каир, где стал одним из членов “Революционного комитета единства действий”, возглавившего созданный в 1954 г. Фронт национального освобождения (ФНО), который начал вооруженную борьбу против Франции. В 1956 г. арестован французами и заключен в тюрьму. В 1962 г., находясь в тюрьме, был избран вице-премьером Временного правительства Алжира. В тюрьме выучил арабский язык. После освобождения и провозглашения независимости Алжира в сентябре 1962 г. стал премьер-министром. На президентских выборах 1963 г. был единственным кандидатом и избран президентом. Проводил курс социалистических преобразований во внутренней политике и тесного сотрудничества с Г. Насером во внешней. Его политика привела к росту недовольства в широких слоях населения страны, и в 1965 г. он был свергнут в результате военного заговора под руководством генерала Х. Бумедьена. Находился под домашним арестом до 1980 г., когда ему разрешили выехать в Швейцарию. В 1990 г. вернулся в Алжир.

Сукарно⁶. К политическим проблемам, стоящим перед египетским правителем, прибавились экономические: в начале 1960-х гг. Египет находился на грани банкротства. Правительственные капиталовложения, закупки в больших количествах промышленного оборудования за рубежом, расходы на разорительные военные действия в Йемене — все это серьезно истощило валютные резервы страны. Начался рост безработицы, и массы обнищавшего люда стали скапливаться в трущобах на каирских окраинах.

Проблемы Насера — и в Египте, и в странах арабского мира — разрастались подобно раковой опухоли, и ему было не до Израиля, чья военная мощь и международная поддержка непрестанно росли. Напомним, что основные международные проекты Израиля осуществлялись в странах Африки, где израильтяне были заняты реализацией весьма успешных программ экономической и научно-технической помощи. Собственно говоря, основные неудачи Насера на Африканском континенте были связаны с деятельностью Израиля. Именно влияние Израиля способствовало тому, что в 1963 г. было предотвращено проникновение Египта и стоявшего за его спиной Советского Союза в бывшее Бельгийское Конго, страну, имевшую самый большой экономический потенциал среди новых африканских государств. Известно было, что в Браззавиле египетское посольство тайным образом снабжало оружием повстанцев, руководимых прокоммунистически настроенным Антуаном Гизенгой⁷. В Каире сторонники Гизенги

6 Сукарно (1902–1970) — политический и государственный деятель Индонезии. В 1926 г. окончил Бандунгский технический колледж, получил диплом инженера. В 1927 г. основал Национальную партию Индонезии (НПИ). В 1925 г. Сукарно и его соратники были арестованы. НПИ объявила о своем роспуске, но немедленно была восстановлена под названием “Партия Индонезии”. Выйдя из тюрьмы в 1932 г., Сукарно возглавил эту партию. В 1933 г. он был вновь арестован и сослан на остров Суматра. Был освобожден в 1942 г. японцами, захватившими Индонезию. Во время японской оккупации возглавлял марионеточные политические организации. 18 августа 1945 г. Сукарно был избран президентом независимой Индонезии, но окончательно страна освободилась только в конце 1949 г., после четырехлетней войны с Нидерландами. Конституция 1950 г. ограничила полномочия президента, исполнительная власть перешла к правительству. Но с 1959 г. под предлогом борьбы с тяжелым экономическим положением Сукарно стал осуществлять концепцию “управляемой демократии” и “управляемой экономики”. Экономическое положение страны резко ухудшилось. Укрепив дружественные связи с Китаем, Сукарно санкционировал, хотя и не поддержал открыто, попытку коммунистического мятежа 1 октября 1965 г. Мятеж был подавлен армией во главе с генералом Сухарто, которая стала осуществлять массовые расстрелы коммунистов и этнические чистки китайского меньшинства. Сукарно был вынужден отказаться от большинства полномочий, передав их кабинету министров, а в марте 1967 г. был снят с поста президента и до конца жизни оставался под домашним арестом.

7 Гизенга Антуан (р. 1925) — конголезский государственный деятель. После провозглашения независимости Демократической Республики Конго 30 мая 1960 г. — заместитель премьер-министра Патриса Лумумбы. После свержения правительства Конго в

объявили о создании Народной Республики Конго. Для того чтобы предотвратить начинающуюся гражданскую войну, генерал-лейтенант Жозеф Мобуту, командующий конголезской армией (а впоследствии президент страны), обратился за помощью в посольство Израиля, где была немедленно создана группа израильских военных советников. Советники порекомендовали сформировать элитный корпус парашютистов-десантников в качестве мобильной силы, способной подавить беспорядки. После этого Мобуту, лично отобрав 250 офицеров и солдат, отправился с ними в Израиль для прохождения интенсивного курса прыжков с парашютом и тактики боя в особых условиях. Вернувшись в Конго после прохождения курса, Мобуту отправил в Израиль следующую группу, и так продолжалось до 1964 г., пока в его распоряжении не оказалась ударная бригада численностью в 2 тыс. человек. Тогда силы, находившиеся под командованием Мобуту, с бойцами ударной бригады в первых рядах, под командованием белых наемников, обратили в бегство своих противников.

Реалистично оценивая свои слабости и силу противника, Насер оставлял без внимания регулярные намеки хашимитского монарха относительно возобновления блокады Тиранского пролива, равно как и призывы Сирии воспрепятствовать реализации израильского ирригационного проекта в верхнем течении реки Иордан. Он объяснял, хотя и не вполне внятно, что следует откладывать войну с Израилем до тех пор, пока арабы не будут к ней готовы по-настоящему. В своих мемуарах Ахрам Маурани, вице-президент Сирии, вспоминает свою беседу с Насером 29 ноября 1963 г., в ходе которой Маурани предложил прибегнуть к силе, чтобы сорвать израильские планы развития водных ресурсов. Насер ответил ему на это: «Ахрам, брат мой, а что будет, если они в ответ начнут бомбить Дамаск?» Подтекст этой фразы был ясен: «Вот тогда не вздумайте обращаться к нам за помощью».

Сирийский тигр вырвался на свободу

Несмотря на столь явное, хотя и болезненное, признание Египтом своей беспомощности, к 1965 г. сирийцы превратили свою границу с Израилем, протяженностью в 47 миль, в самое взрывоопасное место ближнево-

результате военного переворота, возглавленного Мобуту в сентябре 1960 г., Гизенга с декабря 1960 г. по август 1961 г. — премьер-министр Республики Конго в Стэнливиле. В 1962–1965 гг. находился в заключении, а с 1965 г. — в эмиграции. В 1992 г. вернулся в Конго и до сих пор играет заметную роль в политической жизни страны. На президентских выборах 2006 г. был кандидатом от Объединенной лумумбистской партии. С декабря 2006 г. по октябрь 2008 г. — премьер-министр.

сточного региона. Одной из основных причин конфликта стал израильский ирригационный проект. Как уже было сказано, в 1959 г., через четыре года после того, как миссия Джонстона потерпела окончательную неудачу, Израиль принял решение приступить к реализации своей собственной фазы регионального плана развития водных ресурсов. Чтобы избежать возможных обвинений относительно нарушения статуса демилитаризованной зоны, израильтяне модифицировали первоначальную версию проекта и решили качать воду непосредственно из Кинерета. Но едва начались работы по сооружению насосной станции на северо-западном побережье озера, как Сирия обратилась с жалобой в Совет Безопасности. Ответ Израиля был прямым и недвусмысленным: эти действия никак не нарушают интересов соседей еврейского государства, а независимая страна вправе сооружать на своей территории ирригационные системы по своему усмотрению.

После того как ООН отказалась принимать во внимание сирийский протест, министры иностранных дел одиннадцати арабских государств собрались в декабре 1963 г. в Каире с целью планирования своих дальнейших действий. Было решено отвести притоки Иордана — главным образом, Хасбани и Баниас, которые протекают на арабской территории, — и таким способом не дать воде попасть на территорию Израиля. С этой целью в феврале 1964 г. сирийские и ливанские строители приступили к сооружению отводных каналов на расстоянии нескольких миль от своих границ. Однако едва они начали работу, как их бульдозеры были выведены из строя огнем израильской артиллерии. Когда эти работы возобновились летом 1965 г., самолеты израильских ВВС подвергли строительные площадки бомбовым ударам и обстрелу с бреющего полета. Следует при этом подчеркнуть, что сирийцам удалось выполнить меньше одного процента всех намеченных работ.

Однако более серьезной причиной напряженности в сирийско-израильских отношениях было положение дел в районе демилитаризованной зоны (Гл. XVI). Трудно назвать другое место, где израильтяне были бы столь же уязвимы для неприятельского нападения, поскольку на протяжении всей демилитаризованной зоны сирийская артиллерия, расположенная на Голанских высотах, доминировала над долиной Хула. Израильские фермеры были фактически не в состоянии получать разрешения на работу в этом районе, которые выдавались Смешанной комиссией по вопросам перемирия, поскольку этому препятствовали сирийские члены Смешанной комиссии. Споры относительно прав на обработку земли возникали главным образом в южной и центральной демилитаризованных зонах (см. карту: Гл. XVI. Демилитаризованные зоны и отряды федаинов), где земельные участки, разделенные на узкие полосы, находились частично в арабском и частично в израильском владении. Все попытки достигнуть соглашения о размежевании участков

терпели неудачу, и на протяжении 1962–1963 гг. инциденты возникали все чаще и чаще. Обстрелы израильской территории с Голанских высот стали столь регулярными, что израильские фермеры были вынуждены работать на бронированных тракторах. В ходе особенно масштабных столкновений в августе 1963 г. в районе Алмагора погибло несколько израильских трактористов. ОНВУП (Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине) немедленно подтвердил, что ответственность за инцидент несет сирийская сторона. Однако, когда Совет Безопасности принял к рассмотрению израильскую жалобу и предложил черновой вариант резолюции, осуждающей Сирию, советский представитель использовал свое право вето. В том же районе Алмагора произошло еще несколько эпизодов, приведших к гибели израильтян, но всякий раз вето Советского Союза препятствовало наложению каких-либо санкций на Сирию.

Одновременно продолжалась эскалация приграничных столкновений вдоль израильско-сирийской границы, и они стали принимать форму артиллерийских дуэлей и даже воздушных боев. Кроме того, они начали выходить за пределы демилитаризованных зон. Собственно говоря, их причинами перестали быть только взаимные территориальные претензии. В немалой степени конфликты стали определяться таким фактором, как особый характер баасистского режима Сирии. Партия Баас⁸ была основана в 1940-х гг. двумя сирийскими интеллектуалами, Мишелем Афляком и Салах ад-Дином Битаром.

8 Баас (араб. букв. — “Возрождение”) — Партия арабского социалистического возрождения, общерабская политическая партия, основана в апреле 1947 г. в Дамаске М. Афляком и Салах ад-Дином Битаром под названием “Партия арабского возрождения” (с 1954 г. носит современное название). С момента основания главными целями партии были провозглашены: построение социализма, понимаемого как “экономическая система, гарантирующая экономическое равенство между гражданами и справедливость” и объединение всех арабских стран в рамках одного государства. Вскоре после создания партии ее отделения были основаны в Сирии, Ираке, Ливане, Иордании и других арабских странах, наиболее сильные из них — в Сирии и Ираке. В Сирии Баас пришла к власти в марте 1963 г., в Ираке — в феврале 1963 г. Но объединение двух стран не состоялось, так как в Сирии к власти пришло левое крыло, а в Ираке — правое. В Сирии левое крыло еще больше укрепило свое влияние после переворота в феврале 1966 г. и прихода к власти президента Нур эд-Дин аль-Атаси. После ряда переворотов в июне 1968 г. власть в Ираке перешла к левому крылу партии Баас. В 1970 г. фракции Бааса в Ираке и Сирии вступили в союз с коммунистами в рамках так называемых “Прогрессивных фронтов”. В 1978–1979 гг. президенты Сирии и Ирака вели переговоры об объединении, но сразу же после прихода к власти в Ираке президента Саддама Хусейна в июле 1979 г. переговоры были прерваны, а их иракские участники были расстреляны по обвинению в организации просирийского заговора. Партия Баас на протяжении всей своей истории отличалась крайним антиизраильским курсом. В Сирии она продолжает оставаться правящей, а в Ираке, после свержения С. Хусейна в 2003 г., действует Национальный комитет по дебаасизации.

ром. Их политическая идеология представляла собой уникальную комбинацию ленинизма и панарабизма, причем второму элементу с течением времени придавалось все большее и большее значение. На первых порах страной правил полковник Амин аль-Хафез⁹, совместно с основателями партии Афляком и Битаром. Вскоре, однако, против них выступила другая группировка армейских офицеров, возглавляемая полковником Салахом Джедидом, которая потребовала усиления “социалистическо-националистической” составляющей в государственной политике по всем направлениям — как в противостоянии с Израилем, США и странами Запада, так и в сотрудничестве с Советским Союзом, КНР и местными коммунистами. Этот политический конфликт ни в коей мере не ограничивался идеологическими соображениями — имело место также соперничество между разными группировками. Хафез принадлежал к суннитам¹⁰, которые в стране составляют большинство мусульманского населения, а Джедид относился к мусульманскому меньшинству, алавитам¹¹. На протяжении 1965 г. конфликт перешел в воору-

- 9 Хафез Амин-аль (1911–1966) — сирийский государственный и военный деятель, член правого крыла партии Баас, полковник сирийской армии. Возглавил военный переворот в Сирии 8 марта 1963 г. Президент Сирии с 27 июля 1963 г. по 23 февраля 1966 г. Премьер-министр в октябре 1963 — мае 1964 г., председатель Национального совета революционного командования (с 27 июля 1963 по 13 мая 1964 г.). Свергнут в результате военного переворота 23 февраля 1966 г.
- 10 Сунниты — последователи ортодоксального, или “правоверного”, направления в исламе. От другого направления ислама, шиизма, суннизм отличается в первую очередь тезисом о неоспоримости суждения ранних авторитетов и о недопустимости интерпретации религиозных законов. В эпоху Средних веков суннизм относился к религиям, основанным на Писании (христианство и иудаизм), более терпимо, чем фанатики-шииты. Ограничительное законодательство, относящееся к евреям и христианам, как правило, довольно редко реализовывалось суннитами со всей строгостью. Но с XVIII в. среди последователей суннитского ислама все более усиливается ваххабизм, одно из направлений исламского фундаментализма. Его основоположником был Мухаммед бен-Абдулла аль-Ваххаб, живший в XVIII в. в Саудовской Аравии. Среди основных идей ваххабизма: тезис о недопустимости праздности; тезис о необходимости для правоверного мусульманина всю жизнь посвящать укреплению и распространению ислама; тезис о необходимости возвращать отступников в лоно “истинной” религии, в том числе и силой, тезис о необходимости вести против иноверцев и еретиков джихад — священную войну. Ваххабизм является официальной религиозной идеологией в Саудовской Аравии, принятой правящими кругами.
- 11 Алавиты (алауиты), также известные как “кызыл баши”, “Али Алла” (араб. “обожествляющие Али”) — названия ряда исламских религиозных направлений и сект, которые, по мнению ряда специалистов и некоторых мусульманских теологов, откололись от шиитского течения ислама, отойдя в своих взглядах и религиозной практике от доминирующих исламских течений так далеко, что во многом потеряли право считаться частью ислама вообще, превратившись в особую религию из смеси ислама, христианства и доисламских верований. Считается, что течение основано богословом Абу Шуибом (Мухаммедом ибн Нусайром, умер ок. 883 г.), который, будучи последователем 11-го

женное противостояние; наконец, в феврале 1966 г., после государственного переворота к власти пришел полковник Джедид; старое руководство было смещено, часть бывших лидеров заключили в тюрьму, а нескольких казнили.

Режим Джедида вскоре стал самым шовинистическим во всем ближневосточном регионе. Выступления его лидеров в поддержку Вьетконга, маоистов, последователей Че Гевары¹², а также против США и Израиля были

шиитского имама (имам — духовный глава мусульман в некоторых мусульманских странах и религиозных общинах) Хасана аль-Аскари, проповедовал его божественность, себя же называл его посланником, “Братами” (Баб). В основе верований алавитов лежит представление о “Вечной Троице”: Али как воплощение смысла, Мухаммед как воплощение имени и Сальман аль-Фариси — сподвижник Пророка и первый не-араб (перс), принявший ислам, как воплощение Врат “Аль-Баб”. Алавитам свойственна устойчивая приверженность “тайному знанию” и склонность к мистическим построениям. Они упростили обрядовую сторону ислама. Пост в рамадан алавиты сохранили, но он длится у них только полмесяца (а не месяц). Ритуальные омовения отсутствуют, намаз совершается только два раза в день (вместо пяти). Отменены многие исламские запреты, включая запрет на алкоголь. Алавиты проводят различия между избранными, “особыми” (хасса), и непросвещенной массой. Хасса может быть только тот, чьи отец и мать — алавиты. Обряды алавитов окутаны налетом тайны; они совершаются по ночам в особых часовнях, расположенных на возвышенных местах. Многие мусульмане ненавидели алавитов, воспринимая их учение как извращение истинной веры. После прихода в Сирии в 1971 г. к власти алавита Хафеза аль-Асада под его давлением имамы шиитов приняли фетву о том, что на алавитов распространяются юридические правила отношений между шиитами, что означало официальное признание учения алавитов течением шиизма. С 1970-х гг. происходит процесс постоянного сближения алавитов с шиитами. В Сирии в алавитских селениях строятся мечети, алавиты стали полностью соблюдать рамадан и другие мусульманские обряды. В 2005 г. в мире насчитывалось около 3 млн алавитов, 2 млн из них живет в Сирии.

- 12 Гевара де ла Серна Эрнесто (Че; 1928–1967) — латиноамериканский революционер, один из руководителей Кубинской революции, по происхождению аргентинец. Родился в семье архитектора. В 1946–1953 гг. учился на медицинском факультете Национального университета в Буэнос-Айресе, получил диплом хирурга. Уехал из Аргентины, будучи противником диктатуры Перона. В 1905 г. в Мексике познакомился с вождем кубинских революционеров Ф. Кастро Рус и присоединился к нему. В декабре 1956 г. вместе с отрядом Ф. Кастро высадился на Кубе. В 1956–1959 гг. участвовал в боях с войсками президента Кубы Р. Ф. Батисты. Дважды ранен в боях. 5 июля 1957 г. Че присваивается звание майора, и он назначается командующим Пятой партизанской колонной, которая в декабре 1958 г. освободила провинцию Лас-Вильямс, нанеся поражение войскам Батисты, и 2 января 1959 г. вступила в Гавану. Назначен директором Управления промышленного развития Кубы. В ноябре 1959 — феврале 1961 г. — президент Национального банка Кубы. В феврале 1961 г. — министр промышленности, член Национального руководства Единой партии социалистической революции. Разработал теорию партизанской войны против “американского империализма” (книга “Партизанская война”, 1960). В ноябре 1966 г. тайно прибыл в Боливию для организации партизанского движения. Созданный им отряд был в октябре 1967 г. разгромлен правительственными войсками, Че был ранен, взят в плен и убит.

бурными и яростными, на грани психоза. Режим не пользовался народной поддержкой и дважды едва не пал после вооруженных переворотов — в сентябре 1966 г. и феврале 1967 г. С учетом названных обстоятельств, наблюдателей извне беспокоила отнюдь не сила алавитских заговорщиков, но скорее их уязвимость. Именно их слабость подталкивала Джедиду и его ближайшее окружение в том направлении, где легче всего можно было получить всеобщую поддержку, — к освободительной войне против Израиля.

Развернув антиизраильскую кампанию, сирийское правительство рассчитывало на содействие палестинских беженцев. Фактически решение было принято во время арабской встречи в верхах в январе 1964 г., когда палестинцы были формальным образом уполномочены “участвовать в деле освобождения своей родины и определения своего будущего”. Несколько месяцев спустя в Восточном Иерусалиме (находившемся под иорданской властью) была созвана ассамблея палестинских арабов, где было принято решение о создании Организации освобождения Палестины (ООП)¹³. Ее

- 13 Организация освобождения Палестины (ООП) — террористическая организация, созданная по решению Лиги арабских стран в 1964 г. для координации террористической деятельности против Израиля. Первоначально строилась по географическому принципу как объединение землячеств арабов, бежавших из определенных районов Палестины. 31 декабря 1964 г. ООП совершила первый террористический акт. В 1968 г. ООП была перестроена, превратившись в объединение различных военно-политических группировок. Тогда же был принят основной программный документ ООП — Палестинская хартия, провозгласившая, что “освобождение Палестины” является национальным долгом и что для этого необходимо “ликвидировать сионистское присутствие в Палестине”. Палестинская хартия провозгласила полный отказ от признания Израиля даже на какой-то части территории Палестины. В феврале 1969 г., после того, как ООП возглавил Ясир Арафат, палестинский террор, как в Израиле, так и за его пределами, усилился. Одним из наиболее страшных терактов стало убийство 11 израильских спортсменов и членов делегации на Олимпиаде в Мюнхене 1972 г., совершенное входящей в ООП организацией “Черный сентябрь”. В попытке получить международную поддержку ООП стала проявлять признаки политической умеренности. В июне 1974 г. Арафат убедил ООП принять план “поэтапного освобождения Палестины”, предполагавший временный тактический отказ от полного уничтожения Израиля. Разгром ООП во время Ливанской войны израильской армией в 1982 г., приведший к эвакуации Арафата из Ливана, а также сокращение советской помощи из-за политических перемен в Советском Союзе в конце 1980-х гг. заставили Арафата заявить в 1988 г. о признании ООП права Израиля на существование и о прекращении террористической деятельности, хотя организация и не думала отказываться от террористических методов. В начале 1993 г. Израиль и ООП начали секретные переговоры, завершившиеся подписанием в сентябре 1993 г. Декларации о принципах, в которой Израиль признал ООП “представителем палестинцев”, а ООП признала Государство Израиль. Но ООП не только не отказалась от использования террористических методов, но даже резко увеличила число проявлений террора. Во время так называемой “интифады Аль-Акса”, начавшейся в конце сентября 2000 г., было убито около 1000 израильских гражданских лиц и военнослужащих.

целью было провозглашено уничтожение Израиля, для чего должна была быть создана “Армия освобождения Палестины”. Насер, чтобы обеспечить строгий контроль за деятельностью этой ненадежной организации, разрешил ей разместиться на Синае и в секторе Газа. “Армия освобождения” приступила к вербовке бойцов из числа палестинских арабов, проживающих во всех странах региона, но в основном в секторе Газа; бюджет организации складывался из взносов арабских государств и налоговых поступлений от самих палестинцев. Впрочем, несмотря на кажущееся многообразие источников финансирования, основную поддержку ООП и ее председатель исполкома Ахмед Шукейри, бывший адвокат из Ака, получали от социалистических Египта и Сирии; при этом была организована широкая клеветническая кампания против “реакционных режимов” Иордании, Саудовской Аравии и Туниса. Те, в свою очередь, поощряли действия против Шукейри, и в феврале 1967 г. на председателя ООП было совершено покушение, он был ранен. После этого случая деятельность ООП на какое-то время была отчасти парализована из-за внутренних интриг.

Несколькими годами ранее в Кувейте была организована еще более радикальная группировка палестинских арабов — ФАТХ (Движение за национальное освобождение Палестины)¹⁴, являвшаяся соперником ООП; ее создателями стали ветераны бывшего Арабского верховного комитета. Разочарованные официальной позицией правительств арабских стран и бессодержательными, на их взгляд, резолюциями по палестинскому вопросу, принимаемыми ежегодно Лигой арабских государств, лидеры организации ФАТХ предпочитали говорить о необходимости прямых, неотложных военных действий с целью отвоевания своей утраченной родины. После 1965 г. группировка ФАТХ наладила тесные связи с баасистским режимом Сирии. Они начали наносить спорадические удары по Израилю из демилитаризованной зоны, получая от сирийской армии вооружение и организационную помощь в ограниченных масштабах. После государственного переворота в 1966 г., когда к власти пришел Салах Джедид, дамаский режим в значительной степени расширил свою поддержку операциям ФАТХ. Вылазки против Израиля, особенно в демилитаризованной зоне Алмагора,

14 ФАТХ — Движение национального освобождения Палестины, было основано Я. Арафатом в 1959 г. в Кувейте. В отличие от предшествующих ему подобных палестинских организаций, движение ФАТХ полагало, что палестинцы должны взять судьбу в свои руки и самостоятельно вести борьбу за “освобождение Палестины”. Движение ФАТХ избрало тактику “вооруженной борьбы”, т. е. террора, с целью вовлечь арабские страны в конфликт, а затем и в полномасштабную войну с Израилем. Первоначально движение ФАТХ соперничало с ООП, но в 1968 г. вошло в ее состав, а Арафат стал ее лидером. Движение ФАТХ и вышедшие в разное время из его состава террористические организации, такие, как “Черный сентябрь”, осуществили большое число кровавых терактов. В конце 2000-х гг. ФАТХ остается основной организацией в составе ООП.

стали более масштабными. Пока сирийская регулярная армия, засев в укрытиях на Голанских высотах, вела артиллерийский и минометный обстрел израильских поселений в долине Хула, отряды ФАТХ устраивали засады, в которые попадали израильские армейские патрули, неся при этом немалые потери. Премьер-министр Сирии Юсеф Зайен фактически признал соучастие своей страны в этих действиях, заявив в своем выступлении по радио: “Мы не собираемся охранять Израиль. Мы никогда не станем сдерживать действия палестинского народа, стремящегося к освобождению своей родины”. Сирийский президент Нуреддин Атаси¹⁵ пошел еще дальше, призывая к “народной войне”, к сопротивлению, саботажу и террору. “Мы приветствуем политику выжженной земли в Палестине”, — заявил он.

Насер, со своей стороны, воспринимал эти действия баасистов и ФАТХ безо всякого энтузиазма. Все еще не выбравшись из трясины военных действий в Йемене, египетский правитель был вовсе не уверен, что, будучи втянутым в войну с Израилем, он сможет одержать победу. И, соответственно, когда 7 апреля 1967 г. произошел серьезный инцидент на израильско-сирийской границе, вылившийся в воздушный бой, то выяснилось, что египетско-сирийский договор о взаимной военной помощи имеет цену клочка бумаги. Звено израильских самолетов проникло в воздушное пространство Сирии; сбив шесть сирийских “Мигов”, израильские летчики сделали несколько кругов в небе над Дамаском. Египтяне никак не отреагировали на происшедшее. Более того, чтобы остудить воинственный пыл Сирии, Насер направил 5 мая в Дамаск своего премьер-министра, который сделал сирийскому руководству следующее заявление: “Наш договор о взаимной обороне применим лишь в случае полномасштабных военных действий Израиля против Сирии. Пограничные инциденты не могут считаться поводом для вмешательства”.

Москва оседлала тигра

Однако побудили Египет к активным действиям не просьбы Сирии, а давление Советского Союза. После Синайской кампании в советской ближне-

15 Атаси Нуреддин (1929–1970) — сирийский государственный деятель. Окончил медицинский факультет Дамасского университета. С 1950 г. член партии Баас, неоднократно занимал пост министра внутренних дел в правительствах, сформированных Баас. 23 февраля 1966 г. левое крыло партии Баас совершило в Сирии государственный переворот. Атаси стал президентом страны, а с октября 1968 г. — премьер-министром. Под его руководством Сирия ужесточила антиизраильский курс, провоцировала военные столкновения. В ноябре 1970 г. в результате нового переворота к власти пришел Х. Асад.

восточной политике не произошло никаких значительных перемен. СССР продолжал оказывать безоговорочную дипломатическую поддержку действиям Египта, направленным на запрет прохода израильских судов по Суэцкому каналу, а также сирийским военным действиям в демилитаризованной зоне и в верховьях реки Иордан. Советские средства массовой информации вели непрекращающуюся пропагандистскую войну против Израиля как “оплота американского империализма”. Наряду с этим отмечалась заметная активизация советских действий, направленных на поддержку арабских стран, в первую очередь Египта и Сирии, что отражало растущее беспокойство Москвы в связи с крахом социалистических режимов в разных странах мира. Ведь это был период падения Бен Беллы в Алжире, после чего настала очередь Сукарно в Индонезии и Нкрумы в Гане. В Конго к власти пришли правые силы. В Греции военный режим растоптал левую оппозицию¹⁶. В Сирии зрело недовольство политикой баасистского правительства. В Кремле понимали, что все это происходит не без закулисного влияния Вашингтона. Но еще более угрожающими выглядели действия коммунистического Китая, чьи представители один за другим прибывали в арабские столицы, предлагая оружие, специалистов и экономическую помощь. Попав между двух огней, СССР видел единственный выход из ситуации в том, чтобы продолжить поддержку арабского “национально-освободительного” движения, причем в масштабах, превосходящих усилия конкурентов. Такая политика по-прежнему оставалась единственно возможным путем проникновения на Ближний Восток.

Насер был готов поощрить надежды Советского Союза. В 1965 г. в Каир прибыл с визитом первый заместитель министра обороны СССР А. А. Гречко¹⁷, и Насер выразил ему самую теплую благодарность за советскую военную и финансовую помощь. После некоторого периода напряженных от-

16 21 апреля 1967 г. армия совершила в Греции военный переворот. Демократическое правительство было свергнуто, конституция упразднена, левые политические партии запрещены, тысячи человек арестованы. Попытка короля Константина 13 декабря 1967 г. свергнуть власть военных потерпела поражение, и король был вынужден бежать из страны. Хунта была отстранена от власти в 1974 г.

17 Гречко Андрей Антонович (1903–1976) — советский военный деятель. С 1919 г. служил в Красной Армии (в Первой конной). Окончил кавалерийскую школу (1926 г.), Военную академию им. Фрунзе (1936 г.) и Военную академию Генштаба (1941 г.). Во время Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом, а в 1942–1945 гг. — различными армиями. В 1945–1953 гг. — командующий войсками Киевского военного округа. В 1953–1957 гг. — главнокомандующий группой советских войск в Германии. С ноября 1957 г. — первый заместитель министра обороны, в 1960–1967 гг. — главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора. С 1967 г. — министр обороны. С 1955 г. — маршал Советского Союза.

ношений между двумя странами Советский Союз снова стал для Насера “нашим истинным и бескорыстным другом”, тогда как американцы, соответственно, оставались “кровопийцами, эксплуататорами, величайшими преступниками XX века и безжалостными варварами”. В 1966 г. Насер и Гречко подписали новый договор о взаимной обороне, по условиям которого судам советских ВМС предоставлялось обслуживание в средиземноморских портах Мерса-Матрух и Сиди-Барани, в порту и в трех рыбацких деревнях на побережье Красного моря. Кроме того, Египет предоставил в распоряжение СССР три аэродрома. Взамен Москва обещала увеличить поставки вооружений и численность военных специалистов. И наконец, 15 мая 1966 г., в Каир прибыл председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин¹⁸, чтобы торжественно заверить Насера, что Египет пользуется полной поддержкой Советского Союза в его “борьбе против империализма”.

В тот же год произошло несколько неожиданных событий, благоприятных для Советского Союза, что позволило ему резко увеличить темпы своего проникновения в ближневосточный регион. Во-первых, Великобритания объявила о намерении прекратить к 1968 г. свое военное присутствие в Адене. Если учесть, что египтяне уже обосновались в Южном Йемене, то для Советского Союза открывались широкие перспективы проникновения в Персидский залив после ухода англичан. Далее, в феврале 1966 г. Салах Джедид пришел к власти в Дамаске, и, под нажимом Москвы, в новом сирийском правительстве оказались два министра-коммуниста; кроме того, сирийские власти стали направлять в Москву “на учебу” молодежных лидеров. Национализация значительного числа крупных предприятий страны была еще одним доказательством того, что Сирия может стать первым коммунистическим государством в арабском мире, а это означало получение в Средиземном море баз для советских ВМС, еще более надежных, чем египетские порты. Советские связисты немедленно приступили к переналадке сирийского оборудования, и через полгода в стране уже функционировали центры связи и анализа разведанных, обеспечивающие советским военным и дипломатам надежные контакты по всему Средиземному морю и далее на восток, вплоть до Персидского залива.

18 Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) — советский государственный и политический деятель. В 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт. В 1937 г. — директор прядильно-ткацкой фабрики. В 1938 г. — зав. промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома. В 1939 г. — нарком текстильной промышленности. В 1940–1946 гг. — заместитель председателя Совнаркома СССР, в 1948–1954 гг. — министр (финансов, легкой промышленности и др.) СССР. В 1950–1959 гг. — председатель Госплана; в 1960–1964 гг. — первый заместитель председателя Совета министров. Активный участник переворота, приведшего к снятию Н. Хрущева со всех занимаемых постов в октябре 1964 г. В 1964–1980 гг. — председатель Совета министров, член Политбюро ЦК КПСС.

Твердо рассчитывая всеми силами удержаться на этом ближневосточном плацдарме, Советский Союз принялся высказывать в адрес Израиля едва прикрытые угрозы относительно “возможных последствий воинственной политики по отношению к Сирии”. Так, 21 апреля 1967 г., две недели спустя после вышеописанного израильско-сирийского воздушного боя, заместитель министра иностранных дел СССР Я. А. Малик¹⁹ без обиняков заявил, что Израиль “ставит под угрозу само существование своего государства”. Это была самая зловещая угроза в адрес Израиля со времени Синайской кампании 1956 г. Кроме того, несомненную опасность представляла постоянно ухудшающаяся ситуация в приграничных регионах. Отряды ФАТХ все чаще и чаще проникали на территорию Израиля, и в этих вылазках уже участвовала регулярная сирийская армия. В январе 1967 г., после нескольких особенно яростных перестрелок в демилитаризованной зоне, премьер-министр Эшколь напрямую заявил сирийской стороне: “У нас не остается никаких других возможностей, кроме применения средств активного устрашения”. Воздушный бой 7 апреля стал грозным знаком, предвещающим нанесение более мощных ответных ударов. Впав в панику, сирийцы разместили тяжелую артиллерию непосредственно в демилитаризованной зоне, и израильтяне ответили на это концентрацией своих войск и вооружений. Наконец, 11 мая Иерусалим известил Совет Безопасности ООН, что, если сирийские провокации не прекратятся, израильское правительство будет считать себя “вправе принять меры самообороны с учетом своих интересов”. После этого заявления, будучи глубоко обеспокоенным судьбой своего самого ценного арабского ставленника, Советский Союз допустил самую большую ошибку за все время своего присутствия в ближневосточном регионе.

Насер возвращается в Газу и Шарм-аш-Шейх

В середине апреля 1967 г. советский посол в Израиле Дмитрий Чувахин обратился к премьер-министру Эшколю с жалобой относительно “значительной концентрации израильских сил вдоль сирийской границы”. Эшколь тут же предложил послу поехать вместе с ним в приграничный район и своими глазами убедиться в необоснованности этой информации.

19 Малик Яков Александрович (1906–1980) — советский дипломат. В 1942–1945 гг. — посол СССР в Японии. В 1946–1957 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР, одновременно в 1948–1952 гг. — постоянный представитель СССР при ООН. В 1953–1960 гг. — посол СССР в Великобритании. В 1960–1968 гг. — заместитель министра иностранных дел.

Трудно сказать, действительно ли посол предполагал, что израильтяне намерены атаковать сирийские труднопреодолимые оборонительные сооружения. Помимо всего прочего, вряд ли израильтяне планировали проведение крупномасштабной военной операции буквально накануне празднования Дня независимости Израиля. Но для СССР сам факт обвинения Израиля в сосредоточении войск служил его дипломатическим целям. Ведь если израильская сторона в ближайшее время не станет подводить войска к границе, это можно будет представить сирийцам как результат успешной советской поддержки, оказанной режиму баасистов, что только укрепит положение просоветского правительства в Дамаске. В связи с этим посол СССР в Египте 12 мая сообщал в Москву: “Сегодня мы передали египетским властям информацию относительно массивного сосредоточения израильских войск на их северной границе с целью внезапного нападения на Сирию. Мы предложили правительству ОАР принять необходимые меры”.

Насер, в свою очередь, согласился дать указания сотрудникам египетской военной миссии. Однако, когда египетские военные прибыли в приграничный район, увиденное “сосредоточение” израильских войск отнюдь их не поразило. Давая показания на “процессе предателей”²⁰ в Каире 24 февраля 1968 г., один из подсудимых, бывший военный министр Египта Ш. Бадран, сказал: “Генерал Махмуд Фавзи [бывший тогда египетским главнокомандующим]... пришел к выводу, что эти предположения [относительно готовящегося израильского нападения на Сирию] лишены оснований”. Решение Насера раздуть кризис было обусловлено, скорее всего, иными факторами. По иронии судьбы одним из этих факторов стало крайне тяжелое финансовое положение страны. В 1966 г. Вашингтон информировал власти Каира, что приостанавливает американские поставки пшеницы до тех пор, пока Египет не откажется от попыток обзавестись ракетами дальнего радиуса действия и не приступит к сокращению своих вооруженных сил. Насер отказался, после чего США прекратили свою сельскохозяйственную помощь. То же произошло и с займами западных коммерческих банков и Международного валютного фонда — затра-

²⁰ “Процесс предателей” — так был назван в Египте процесс над 55 египетскими офицерами и генералами, обвиненными в том, что они готовили государственный переворот в августе 1967 г. с целью свержения президента Египта Г. Насера. Обвинения были во многом сфабрикованы египетскими спецслужбами для того, чтобы возложить на подсудимых ответственность за поражение Египта в 1967 г. Несмотря на то что первоначально военный трибунал вынес подсудимым сравнительно мягкие приговоры, а многих вообще оправдал, под давлением Г. Насера в конце февраля 1968 г. военный трибунал приговорил обвиняемых к длительным срокам заключения, некоторых из них — пожизненно.

ты Египта превышали его доходы. Практически сразу же в стране началась нехватка продуктов питания и увеличилось число безработных — все это только усилило недовольство населения и создало угрозу самому существованию насеровского режима. В прежние времена подобная ситуация могла бы привести к пересмотру линии политического авантюризма — теперь это, похоже, лишь подтолкнуло Насера к антиизраильским действиям, которые могли послужить в качестве отвлекающего маневра. Более того, иорданские и саудовские правители регулярно провоцировали Насера своими издевательскими замечаниями, упрекая его в “трусости”, готовности к урегулированию пограничных конфликтов с Израилем и терпимому отношению к пребыванию на египетской территории контингента сил ООН. Надо было продемонстрировать своим соперникам, что он по-прежнему является лидером арабского мира. Следовало учесть и то немаловажное обстоятельство, что египетский правитель осознавал, насколько он зависим от военной и экономической помощи Советского Союза. Ведь если Москва просила его поддержать баасистский режим, то вряд ли он может игнорировать такую просьбу.

Вопрос, собственно говоря, заключался в том, какую форму должна принять эта поддержка. Посетив Сирию в апреле и мае 1967 г., члены египетских военных миссий были буквально шокированы общим состоянием сирийской армии и удручающим уровнем ее офицерского состава. В этом не было ничего удивительного, если учесть, что в ходе каждой из сирийских революций физически уничтожался весь командный состав вооруженных сил. Однако для того, чтобы направить сейчас в Сирию своих военных, требовалось слишком много времени. Вместо этого Насер решил сконцентрировать главные силы своей армии на Синайском полуострове — такой ход мог одновременно уменьшить потенциальную израильскую угрозу на сирийской границе, удовлетворить Москву, привести в замешательство американцев и, возможно, заставить навсегда замолчать его арабских критиков. Таким образом, 15 мая в Египте было объявлено чрезвычайное военное положение, и две бронетанковые дивизии, напоказ и с помпой прогромыхав по бульварам Каира, пересекли затем Суэцкий канал и двинулись в направлении Израиля. Эта дата была выбрана не случайно — на 15 мая в этом году пришелся День независимости Израиля, и элитные подразделения израильской армии проходили парадом по улицам Иерусалима. Собственно говоря, генерал-лейтенант Ицхак Рабин²¹, начальник Генерального штаба

21 Рабин Ицхак (1922–1995) — израильский военный и государственный деятель. Окончил сельскохозяйственную школу; после образования *Палмах* вступил в его ряды. Участвовал в операции в Сирии против войск вишистского режима, а после окончания Второй мировой войны — в подпольной борьбе против английских властей. В 1947 г. Рабин — заместитель командующего *Палмахом*. Во время Войны за неза-

Израиля, получил сообщение о развертывании египетских сил как раз во время иерусалимского парада. Хотя Рабин и отдал приказ о немедленном направлении танковой бригады в сторону сектора Газа, он все-таки посчитал этот маневр египтян блефом. Израильское правительство тем не менее постаралось довести до сведения Великих держав, что реакцию Израиля следует расценивать как исключительно оборонительную; при этом, впрочем, Израиль обратился к Вашингтону и Москве с просьбой убедить Насера прекратить концентрацию египетских войск.

А Насер, в ночь на 16 мая, неожиданно потребовал, чтобы группа Чрезвычайных сил ООН численностью 3400 человек, дислоцированная возле Газы, была отведена в казармы, расположенные в секторе Газа. Узнав об этом требовании египтян, Генеральный секретарь ООН, бирманец У Тан²², немедленно пригласил в себе своего заместителя Ральфа Бунча и египетского представителя в ООН Мухаммеда Авада аль-Куни. По совету Бунча Генсек ООН поставил аль-Куни в известность, что ООН не намерена ограничиваться “полумерами”: либо Чрезвычайные силы ООН выполняют свою миссию в полном объеме, либо они будут выведены из Египта. Эти два высокопоставленных ооновских чиновника не сомневались, что Насер не заинтересован в выводе Чрезвычайных сил ООН и потому пойдет на пятный. Сам, однако, того не зная, У Тан сдвинул с места камень, паде-

висимость командовал бригадой *Гарэль*, а затем был начальником оперативного отдела Южного фронта. В 1953 г. закончил британский штабной колледж. В 1956–1959 гг. — командующий войсками Северного округа. В 1959–1960 гг. — глава отдела Генштаба. В 1961–1964 гг. — заместитель начальника Генштаба. В 1964 г. назначен начальником Генштаба; командовал Армией обороны Израиля во время Шестидневной войны. С 1968 г. — в отставке. В 1968–1973 гг. — посол Израиля в США; в 1973–1974 гг. — министр иностранных дел в правительстве Голды Меир, а с июня 1974 г. по март 1977 г. — премьер-министр Израиля. В марте 1977 г. подал в отставку. В 1984–1988 гг. — министр в правительствах Национального единства. В 1992 г. Израильская партия труда под руководством И. Рабина одержала победу на выборах в *кнессет*. И. Рабин сформировал правительство, заключившее в сентябре 1993 г. соглашение с ООП. В ноябре 1995 г. убит ультраправым еврейским экстремистом.

- 22 У Тан (1909–1974) — бирманский дипломат и третий Генеральный секретарь ООН в 1961–1971 гг. Окончил Рангунский университет. В 1931–1946 гг. — директор средней школы. В 1947 г. — пресс-секретарь правительства Бирмы. В 1948 г. — директор службы радиовещания. В 1949–1952 гг. — правительственный секретарь Министерства информации. В 1957–1961 гг. У Тан являлся главой делегации Бирмы на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, а в 1959 г. был избран одним из заместителей председателя 14-й сессии Ассамблеи. В 1961 г. Генеральная Ассамблея единогласно избрала У Тана по рекомендации Совета Безопасности Генеральным секретарем ООН. С кандидатурой У Тана как представителя нейтральной страны были согласны как коммунистический блок, так и западные страны. 2 декабря 1966 г. Генеральная Ассамблея единогласно избрала У Тана Генеральным секретарем на второй срок. Его полномочия истекли 31 декабря 1971 г.

ние которого положило начало лавине: проведя несколько продолжительных заседаний, египетское правительство 17 мая, после полудня, объявило о своем требовании полностью вывести ооновский контингент с египетской территории и из сектора Газа.

Как уже говорилось, после Синайской кампании 1956 г. было принято решение, что пребывание Чрезвычайных сил ООН на Синае и в Газе не ограничивается во времени; более того, США, Великобритания, Франция и ряд других стран-членов ООН расценивали эту резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 4 ноября 1956 г. как подтверждение того факта, что ооновский контингент не может быть выведен без согласия на то Генеральной Ассамблеи. Именно такое понимание текста резолюции было подтверждено в феврале 1957 г. Дагом Хаммаршельдом, который был тогда Генеральным секретарем ООН, после его длительного личного совещания с Насером. Учитывая все эти обстоятельства, У Тан назначил на 18 мая 1967 г. экстренное совещание с участием представителей семи стран, военнослужащие которых входили в состав Чрезвычайных сил ООН. В ходе совещания Генеральный секретарь ООН с изумлением узнал, что представители всех этих стран, по инициативе Индии и Югославии, намерены немедленно отозвать своих военнослужащих из состава Чрезвычайных сил ООН, поскольку их правительства приняли решение ни при каких обстоятельствах не рисковать жизнями своих солдат на Ближнем Востоке. Поняв, что все дальнейшие переговоры будут бессмысленными, У Тан оставил без внимания призывы США и Израиля не капитулировать перед египетским диктатом. К вечеру этого же дня “голубые каски” ушли со своих позиций в Аль-Кунтилле и Джебел-аль-Хамре, и тяжеловооруженные египетские части немедленно заняли их место. Однако еще большую тревогу вызвало последующее событие: египетский оперативный отряд отдал распоряжение об эвакуации небольшой группы ооновских войск, расположенной в Шарм-аш-Шейхе, в задачу которой входила охрана Тиранского пролива. Таким образом, из-за того, что У Тан не пожелал в полной мере следовать ооновским правилам, Чрезвычайные силы ООН рассыпались как карточный домик, что привело к срыву, пожалуй, самой эффективной за всю историю ООН миротворческой операции.

Три египетских дивизии и более 600 танков продолжили свое движение по Синайскому полуострову. В это же время в Дамаске была проведена мобилизация батальонов курсантов военных училищ, а к иорданской границе двинулись иракские бригады. О своей готовности отправить в Египет и Сирию войска и самолеты заявили правительства Кувейта, Йемена и Алжира. Как стало ясно впоследствии, полдень 17 мая стал поворотным пунктом ближневосточного кризиса. До этого момента Насер еще мог отступить без позора и потери лица. Продемонстрировав силу и удовлетво-

рившись этим, египетский президент мог бы отдать приказ о возвращении войск в Каир, оставив при этом впечатление, что они предотвратили нападение сионистского врага. Но ответ его правительства У Тану и неожиданная капитуляция последнего — все это означало, что он перешел роковую черту. Насер, к своему собственному изумлению, обнаружил, что ему удалось одержать блестящую победу, буквально не пошевелив пальцем. Он был, как никогда, близок к тому, чтобы вернуть себе славу непобедимого лидера арабского мира. Теперь ему не оставалось ничего иного, как и далее играть эту роль.

К 19 мая египетские части заняли свои старые позиции в Шарм-аш-Шейхе, тогда как в Газе палестинская армия Ахмеда Шукейри, состоящая в основном из палестинских беженцев, готовилась к тому, чтобы занять приграничные укрепления, где до сих пор располагались ооновские силы. В то же время радиостанция “Радио Каира” сообщала о подготовке “ответных ударов” по главным израильским городам и военным базам. Другие арабские правительства также объявляли о своих намерениях “перерезать еврейские глотки”. До этого времени Рабин и премьер-министр Эшколь рассматривали действия Насера как маневр, направленный на отвлечение Израиля от нападения на Сирию. Но теперь не оставалось никаких сомнений в том, что у арабских стран — другие планы. Тогда, 20 мая, в Израиле была объявлена всеобщая мобилизация. Однако правительство старалось не отказываться от мер дипломатического характера. Через посла в Париже была передана просьба де Голлю — помочь в установлении контактов с СССР. Ответа не последовало. В Вашингтоне израильские дипломаты обратились в Государственный департамент с напоминанием о декларации Эйзенхауэра от 1 марта 1957 г., в которой подтверждалось право Израиля на “свободный и мирный” проход через Тиранский пролив и говорилось о готовности США поддержать это право, послав американский военный корабль через Акабский залив в Эйлат. И здесь помощник Государственного секретаря Юджин Ростоу, занимавшийся вопросами средиземноморского региона, ответил, что США намерены действовать в рамках решений ООН.

Другие обращения Израиля также не нашли благоприятного ответа. В Лондоне премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон²³ заверил

23 Вильсон Гарольд, барон Риво (1916–1995) — английский государственный и политический деятель. По окончании Оксфордского университета в 1937 г. преподавал в нем до 1945 г. В 1945 г. стал членом палаты общин по списку Лейбористской партии, которую возглавил в 1963 г. Под его руководством Лейбористская партия четыре раза выигрывала парламентские выборы. Премьер-министр Великобритании в 1964–1970 гг. и в 1974–1976 гг. Считается одним из выдающихся государственных деятелей Великобритании XX в.

израильского посла, что его правительство поддержит любые меры ООН по защите свободы судоходства в Тиранском проливе. Однако вслед за этим заверением последовал упрек: Израилю следовало бы пересмотреть свою точку зрения на размещение Чрезвычайных сил ООН на территории Израиля — в противном случае у Насера имеется юридическая возможность потребовать вывода Чрезвычайных сил ООН из Египта. Аналогичный ответ был получен израильскими представителями и от канадского правительства. Потрясенный такой реакцией и осознавший нежелание стран Запада занять однозначную позицию, Эшколь обратился к *кнесету* с примиренческой, почти самоуничижительной речью:

“Я хотел бы еще раз сказать арабским странам, и в первую очередь Египту и Сирии, что мы не намеревались начинать военные действия. Мы вовсе не собирались вмешиваться в их внутренние дела. Все, чего мы хотим от этих стран, — занять такую же позицию в отношении Израиля. Мы ожидаем визита У Тана на Ближний Восток и внимательно изучим результаты, которые будут достигнуты в ходе этого визита”.

Очевидно, что такого рода заявления вряд ли могли остановить Насера в его намерениях.

Возобновление блокады

Поздно ночью 21 мая, в полном согласии с решением своего правительства и призывами других арабских стран, Насер принял судьбоносное решение. На рассвете две египетские подводные лодки, эсминец и четыре ракетных катера прошли через Суэцкий канал в направлении Красного моря. На следующий день Насер сделал зловещее заявление: “Тиранский пролив является частью наших территориальных вод. Ни одно израильское судно больше не вправе находиться в этих водах. Мы также запрещаем перевозку стратегических материалов, направляемых в Израиль на судах, идущих не под израильским флагом”.

Над Израилем нависла смертельная угроза. Ведь Тиранский пролив и Акабский залив стали израильскими воротами в Африку и Азию. В 1966 г. в порту Эйлата было обработано более 1 млн тонн грузов, что составило 30% израильского экспорта полезных ископаемых, и этот порт стал одним из основных ближневосточных центров транзитной торговли. Это был, по сути дела, основной нефтяной порт Израиля, и трубопровод связывал его со средиземноморским Ашкелоном. Помимо всего прочего, На-

сер превосходно понимал, что его действия прямо противоречат юридическим нормам, особенно после того, как в 1957 г. Великие морские державы подтвердили статус Акабского залива как международного морского пути. Неудивительно, что в Москве были поражены тем, как Насер решился пойти на риск нарушения международного права. Хотя СССР в очередной раз выступил в поддержку арабского дела, имеются доказательства (ставшие в свое время всеобщим достоянием), что в Советском Союзе были тем не менее возмущены тем, что Насер осмелился решиться на такой шаг без консультации с Москвой. В Министерстве иностранных дел СССР немедленно стали подбирать кандидата на должность нового советского посла в Каире, чтобы заменить дипломата, допустившего подобное развитие событий.

К полудню 23 мая в Израиле была завершена всеобщая мобилизация. Прекратилось автобусное сообщение, поскольку все транспортные средства использовались для оборонных нужд. Были отменены собрания в общественных местах. Улицы городов опустели, в кафе сидели считанные посетители. Занятия в школах прекратились, поскольку учащихся использовали в качестве почталыонов и посыльных. По всей стране люди начали поспешно рыть траншеи. Штабы гражданской обороны распространяли инструкции по оборудованию бомбоубежищ, подготовке комплектов первой помощи, работе со средствами огнетушения. Тысячи израильтян бросились заблаговременно платить налоги, осознав, что у государства может возникнуть нужда в денежных средствах. Министерство обороны получало самые различные пожертвования — от наличных денег до оброчальных колец. Премьер-министру Финляндии Рафаэлю Паасио²⁴, находившемуся в это время в стране с визитом, было дипломатично указано на целесообразность сокращения сроков его пребывания. Посольства обратились к гражданам своих стран с призывом покинуть страну. Авиакомпания *Эль-Аль* отменила групповые рейсы, и ряд иностранных авиакомпаний направил самолеты в Израиль, чтобы эвакуировать тысячи туристов.

Тем временем в Иерусалиме продолжалось — без перерыва — заседание кабинета министров. Начальник Генерального штаба Ицхак Рабин заявил правительство, что Израиль в состоянии выиграть войну, хотя и ценой немалых потерь. Аба Эвен, в свою очередь, предупредил своих коллег

24 Паасио Кустав Рафаэль (1903–1980) — финский политический и государственный деятель. В 1920–1963 гг. работал в газетах социалистического направления. В 1963 г. избран председателем Социал-демократической партии Финляндии. В 1949–1960 гг. — председатель внешнеполитической комиссии парламента; в 1966 г. и в 1970–1972 гг. — председатель парламента. В 1966–1968 гг. и 23 февраля — 19 июня 1972 г. — премьер министр.

об опасности совершения той же ошибки, что и в 1956 г., когда и США, и СССР проголосовали в ООН против Израиля. Министр иностранных дел имел в виду, что следует учесть полученное из Вашингтона день тому назад послание, в котором высказывалась просьба не реагировать на египетскую блокаду и не посылать суда через Тиранский пролив на протяжении ближайших сорока восьми часов, пока Соединенные Штаты будут принимать меры по разрешению кризиса. Эвен отметил, что он уверен в твердости реакции США — ему стало известно о ноте, направленной Госдепартаментом в Москву, где, в частности, говорилось: “Соединенные Штаты Америки будут рассматривать всякое посягательство на свободу судоходства в Тиранском проливе, вне зависимости от того, под каким флагом — израильским или иным — идет судно, как акт агрессии, и Израиль, по мнению США, имеет право принимать соответствующие меры оборонительного характера”. Строго говоря, резкость этого послания отражала не столько даже мнение Госдепартамента, сколько личную позицию президента США Линдона Джонсона²⁵, который 23 мая направил Насеру свое послание, выдержанное в столь же решительных тонах.

Великобритания также отреагировала на закрытие пролива в значительно более категорической форме по сравнению с ее реакцией на прекращение мандата Чрезвычайных сил ООН. Премьер-министр Вильсон направил Джонсону телеграмму с предложением неотложных международных действий для разблокирования Акабского залива и послал в Вашингтон заместителя министра иностранных дел Джорджа Томсона и адмирала Э. Л. Т. Гендерсона для переговоров с американскими руководителями. Такое развитие событий подтвердило мнение Абы Эвена относительно целесообразности ряда кратких визитов в столицы стран Запада, с тем чтобы выяснить, насколько реальна возможность решения кризиса дипломатическим путем. Кабинет согласился с этим мнением — хотя один из министров и предложил направить с таким визитом Голду Меир как более жесткого и менее склонного поддаваться на уговоры политика. Оскорбленный до глубины души, Эвен пригрозил немедленной отставкой, после чего возражения

25 Джонсон Линдон (1908–1973) — американский государственный и политический деятель, в 1963–1968 гг. — президент США. По окончании Юго-Западного педагогического колледжа в штате Техас преподавал риторику в школе. В 1931–1934 гг. — секретарь конгрессмена-демократа. В 1937–1948 гг. — член палаты представителей конгресса США от одного из округов Техаса. Активный сторонник нового курса Ф. Д. Рузвельта. Член ряда влиятельных комитетов палаты представителей, в том числе, в 1947–1948 гг., комитета по вооруженным силам. В 1948–1960 гг. — член сената, с 1951 г. — заместитель лидера демократов в сенате, а с 1955 г. — лидер демократов. В сентябре 1960 г. решил баллотироваться на пост президента США от Демократической партии, но в ходе первичных выборов потерпел поражение от Дж. Кеннеди и был назначен кандидатом в вице-президенты. Вице-президент США в 1961–1963 гг. После убийства

были сняты, и ранним утром 24 мая он вылетел в Париж, а затем в Лондон и Вашингтон.

Собственно говоря, никто даже из числа критиков министра иностранных дел не сомневался в его профессиональных способностях. Родившийся в Южной Африке, в семье иммигрантов из Литвы, Эвен блестяще окончил Кембриджский университет по специальности “восточные языки”. Во время войны он служил в Палестине в качестве офицера связи британской армии с *Гаганой*, а затем работал в политическом отделе Еврейского агентства. С 1947 по 1959 г. Эвен защищал интересы сионизма в ООН, прославившись своими ораторскими способностями, причем последние десять лет он совмещал пост израильского представителя в ООН с обязанностями посла Израиля в Вашингтоне. Затем он был избран в *кнесет*, занимал ряд министерских постов и, наконец, в 1966 г. стал министром иностранных дел Израиля. Плотного сложения, в очках, строгий в общении, Эвен, с его тонким вкусом и любовью к красивой жизни и личной популярности, пришелся не по нраву многим израильтянам. Знакомые и сослуживцы чувствовали себя неуютно при общении с ним, и причиной тому был не только его откровенный снобизм. Внешнеполитические идеи Эвена расходились со старомодными и общепринятыми представлениями и концепциями, свойственными сторонникам Бен-Гуриона. Он уделял излишнее — как представлялось многим — внимание мнениям и одобрительным отзывам, звучавшим на Западе, и особенно в США. Та изоляция, в которой оказался Израиль после Синайской кампании, воспринималась им весьма болезненно, и он был твердо намерен всеми силами не допустить ничего подобного на этот раз.

Опасность ситуации становилась все более очевидной на протяжении следующих двух недель. Правда, к тому времени, когда самолет Эвена приземлился в Париже, уже начал работать авиамост по переброске вооружений из Франции в Израиль. И военные, и гражданское население Франции проявляли симпатию по отношению к Израилю даже в большей степени, чем в 1956 г. Все запросы на поставки жизненно важных видов вооружений одобрялись безотлагательно в ходе телефонных разговоров. По распоряжению Министерства обороны Франции самолеты, направлявшиеся в Израиль, получали приоритетное разрешение на взлет на всех аэродромах, а для

Дж. Кеннеди 22 ноября 1963 г. принес президентскую присягу. В 1964 г. выиграл президентские выборы у представителя республиканцев Б. Голдуотера. Во время его правления был принят Акт о гражданских правах (1964), уничтоживший расовую сегрегацию в США, а также была учреждена государственная медицинская страховка. Во внешней политике при нем значительно увеличилось американское военное присутствие во Вьетнаме; американские военные части участвовали в боях и несли тяжелые потери. Не стал выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах 1968 г.

ускорения погрузки было разрешено использовать личный состав французской армии. Однако необходимо отметить, что эта первоначальная демонстрация дружелюбия уже не отражала существующую политику французского правительства. Две страны разошлись слишком далеко за последние годы. Хотя французские поставки вооружений Израилю оставались неизменными на протяжении всех этих лет, к середине 1960-х гг. стало очевидным, что де Голль все больше заинтересован в том, чтобы играть решающую роль в средиземноморских делах, и что при этом он хотел бы восстановить дружественные отношения Франции с мусульманским миром (Гл. XIX). Наряду с этим, он стремился лишить США и Советский Союз монопольного влияния на Ближнем Востоке. До этого времени не наблюдалось никаких особых перемен в позиции французского лидера, но до 1967 г. не было и ни единого кризиса, который мог бы оказать соответствующее воздействие на его позицию.

Самолет Абы Эвена приземлился в Париже ранним утром 24 мая; к этому времени де Голль, получив необходимую информацию от министра иностранных дел Франции Кув де Мюрвиля, уже принял свое решение: египетская блокада Тиранского пролива не может служить оправданием для военных действий. Но что еще более важно — он рассматривал этот кризис как удобный предлог для созыва конференции четырех Великих держав — в противовес советско-американскому саммиту, на которой и должно быть определено решение проблемы. Приняв Эвена в полдень, де Голль начал разговор словами: “Не начинайте войну! Не начинайте войну! Ни при каких обстоятельствах не делайте первого выстрела!” Когда израильский министр иностранных дел хотел было рассмотреть истоки нового кризиса, де Голль перебил его: “Не надо поспешных действий. Четыре Великие державы примут совместные меры. Я сам позабочусь об этом. Совместными усилиями мы сможем обеспечить свободу судоходства в Тиранском проливе”. Эвен напомнил президенту о данном Францией в 1957 г. заверении относительно свободы судоходства, на что де Голль ответил: “Верно, но это было в 1957 году, а сейчас у нас 1967 год. Все должны решать четыре Великие державы”. И тут Эвен, по всей видимости, допустил серьезную ошибку. Вместо того чтобы намекнуть на вероятность решительных контрмер Израиля и тем самым обеспечить своей стране возможность решить проблему путем переговоров, министр иностранных дел вежливо поблагодарил де Голля “за все, что Франция сделала и продолжает делать, поднимая наш моральный дух и увеличивая нашу военную мощь”. Упоминание о военной помощи заставило де Голля задуматься. Девять дней спустя, прочтя материал агентства “Рейтер”, посвященный французским военным поставкам Израилю, президент распорядился прекратить эти поставки.

Вылетев в полдень 24 мая из Парижа в Лондон, Эвен встретил там больше понимания, когда в пять часов дня его принял премьер-министр Великобритании Вильсон. Британский лидер заверил израильского министра, что его страна полностью поддержит международные меры по обеспечению свободного прохода через Тиранский пролив, и добавил, что он уже направил в Вашингтон своих представителей для обсуждения технических деталей по осуществлению этих мер.

Дипломатическая борьба, политический кризис

На следующее утро, 25 мая, Эвен вылетел в Нью-Йорк. По прибытии в США он узнал, что совершенно очевидная беспомощность его правительства произвела соответствующее впечатление даже на иорданского короля Хусейна. Хашимитский монарх заявил, что позволит иракским войскам пройти через территорию Иордании и разместиться вдоль иорданско-израильской границы. Другие арабские лидеры, включая короля Саудовской Аравии Фейсала²⁶, в прошлом непримиримого врага Насера, теперь согласились воскресить давно уже находившуюся при смерти идею “объединенного арабского командования”. Алжир, Ирак и Кувейт объявили, что они предоставляют свои вооруженные силы в распоряжение Египта (Глава XXI. Нарастание арабских сил), тогда как в секторе Газа палестинские боевики Ахмеда Шукейри приступили к разгрузке первой партии поступившего к ним тяжелого вооружения. Такова была обстановка в мире, когда 25 мая Насер согласился принять У Тана и сообщил ему, что не намерен отступать ни на шаг. “Закрытие пролива, — сказал он самодовольно, — смывает последнее позорное пятно тройственной агрессии 1956 года”. В качестве единственного примирительного жеста Насер, однако, заметил, что готов возобновить работу Смешанной египетско-израильской комиссии по вопросам перемирия и даже согласился на возвращение Чрезвычайных сил ООН при условии, что они будут размещены исключительно на израильской территории. На У Тана произвели большое впечатление эти “уступки” Насера, и особенно его согласие на проход по Тиранскому проливу направляющихся в Израиль судов не под израильским флагом,

26 Фейсал ибн Абд аль-Азиз ас-Сауд (1906–1975) — король Саудовской Аравии. В 1926–1931 гг. — вице-король провинции Хиджаз; в 1931–1953 гг. — министр иностранных дел; в 1953–1960 гг. и 1962–1964 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел; со 2 ноября 1964 г. — король Саудовской Аравии (одновременно премьер-министр и министр иностранных дел). Провел некоторые внутренние реформы (напр., отмена рабства). Убит в результате теракта.

не перевозящих “стратегические” материалы, — что было смягчением египетской позиции, существовавшей до 1956 года. Поспешно направившись в Нью-Йорк, маленький бирманец предложил Совету Безопасности новую формулу: двухнедельное перемирие, на протяжении которого Израиль воздерживается от направления судов в Эйлат, а Египет воздерживается от распространения запрета на суда, идущие не под израильским флагом. Такой “компромисс” в действительности означал победу Насера, о которой он и мечтал — две недели были достаточным сроком для укрепления позиций его войск на Синае.

Тем временем заместитель министра иностранных дел Великобритании Томсон и адмирал Гендерсон вели переговоры в Вашингтоне с Государственным секретарем Дином Раском и его заместителем Ростоу. Англичане предложили сформировать конвойную группу судов под флагами Великих морских держав для проводки судов через Тиранский пролив. Государственный департамент и Белый дом первоначально согласились на этот план; однако Сенатский комитет по иностранным делам высказался в пользу того, чтобы все решения принимались исключительно в рамках Совета Безопасности ООН. Разумеется, принятие твердых мер при таких условиях было вряд ли возможно, учитывая неизбежное вето Советского Союза. Более того, три члена Совета Безопасности, принадлежащие к лагерю “неприсоединившихся стран”, заявили, что для них неприемлема сама идея включения вопроса о блокаде в повестку дня; при этом представитель Франции сообщил, что правительство его страны предпочитает отложить дебаты по данному вопросу на неопределенный срок.

Ночью 25 мая Линдон Джонсон наконец принял Абу Эвена в Овальном кабинете Белого дома. Израильский министр иностранных дел в очередной раз разъяснил позицию своей страны и напомнил президенту об обязательствах, принятых в 1957 г. президентом Эйзенхауэром. Джонсон, в свою очередь, подверг сомнению мысль о том, что у Насера имеются намерения либо возможности для нападения на Израиль. Главная проблема, сказал президент, заключается в том, чтобы склонить египтян к прекращению блокады пролива. Он надеялся, что ему удастся сделать это, но он не мог предпринять решительных действий без согласия конгресса, учитывая к тому же то обстоятельство, что страна увязла во Вьетнамской войне. Джонсон попытался убедить Эвена, что следует сначала предоставить Совету Безопасности возможность разобраться с этим вопросом. Если же это не даст желаемых результатов, то он, президент, со всей серьезностью рассмотрит другие варианты — в частности, формирование группы конвойных судов под флагами Великих морских держав. “Я должен подчеркнуть, что Израилю не следует брать на себя ответственность за начало военных действий, — предупредил Джонсон. — Израиль не останется в одиночестве, если только

он не решится действовать самостоятельно”. Эвен поблагодарил президента за понимание ситуации и откланялся. После этого разговора Джонсон сказал одному из своих советников: “Я-то приготовился к основательной дискуссии — но мне попался легковес, а с ним удалось обойтись и пустыми словами”.

Эвен, со своей стороны, был убежден, что ему удалось добиться серьезной международной поддержки, и об этом он размышлял, возвращаясь домой ночью 26 мая. Впоследствии он писал в своих мемуарах, что смог выиграть драгоценное время для перевооружения Израиля, получив американские заверения в понимании ситуации. В сущности, он выиграл время также и для Египта с его арабскими союзниками, которые смогли закрепиться на местности и усилить свои позиции. Прилетев в Израиль утром 27 мая, он сразу же отправился на заседание кабинета министров в Тель-Авив. Военное командование выступало в пользу немедленного упреждающего удара. Эвен тут же объявил о том, насколько важно выждать до тех пор, пока не будет обеспечено политическое согласие американцев. Его позицию подтвердила и телеграмма от Джонсона, только что полученная Эшколем: “Будучи вашим другом, я хочу подчеркнуть еще раз сказанное мною вчера господину Эвену: Израиль должен воздерживаться от упреждающего удара и не брать на себя ответственность за начало военных действий”. Президент США уверял Эшколя в том, что Соединенные Штаты и Великобритания проводят неотложные консультации относительно формирования международной группы конвойных судов и что “другие страны со всей решительностью поддерживают эту идею”. С учетом этой информации израильское правительство приняло решение отложить начало военных действий.

Следует отметить, что ни один из израильских министров не питал ни малейших иллюзий относительно роли ООН в разрешении кризиса. Вернувшись из Каира 26 мая, У Тан представил свой отчет Совету Безопасности и призвал “все заинтересованные стороны к максимальной сдержанности”. Соответственно, в период с 29 мая по 4 июня необходимость воздерживаться от военных действий была основной темой в Совете Безопасности. Один лишь Артур Гольдберг²⁷, представитель США в ООН, в

27 Гольдберг Артур Джозеф (1908–1990) — американский государственный деятель, юрист, специалист по трудовому праву. Во время Второй мировой войны был призван в армию, служил в Управлении стратегических служб в США. В 1961 г. — министр труда в правительстве президента Дж. Кеннеди. В 1962–1965 гг. — член Верховного суда США. Был инициатором нескольких решений Верховного суда, защищающих права натурализованных американских граждан. В 1965–1968 гг. — постоянный представитель США в ООН. Во время и после Шестидневной войны резко выступал против советских требований о немедленном выводе израильских войск со всех кон-

своим выступлении объединил призыв к сдержанности с требованием немедленно прекратить египетскую блокаду. На это арабские представители ответили, что Акабский залив является внутренним водным путем, “в полной мере находящимся под арабским суверенитетом”. Наконец, 31 мая Совет Безопасности ООН выступил с призывом к арабским странам и Израилю “использовать возможности международной дипломатии” для разрешения конфликта. Эта резолюция, предложенная Гольдбергом, будучи малоубедительной сама по себе, была к тому же отвергнута Египтом, Индией и Советским Союзом, которые поверили в то, что Израиль теперь уже полностью беспомощен. Чтобы усилить впечатление театра абсурда, Совет Безопасности принял к тому же решение объявить перерыв на два дня и действительно собрался на следующее заседание только 3 июня. Но и тогда мало кто из делегатов готов был рассматривать возможность принятия резолюции. Полностью игнорируя взрывоопасность ситуации в ближневосточном регионе, делегаты в три часа двадцать минут пополудни проголосовали за то, чтобы возобновить заседание лишь 5 июня после полудня. С самого начала и до конца заседания Совета Безопасности продемонстрировали несостоятельность, нерешительность и безвольность этого органа ООН.

Обещания Джонсона относительно решительных действий США по формированию международной группы конвойных судов, как вскоре выяснилось, тоже были пустыми словами. Прилетев 2 июня в Вашингтон, премьер-министр Великобритании Вильсон не без смущения признался, что его правительство, как оказывается, не видит возможности присоединиться к участию в такой группе, если это связано с применением силы. Лестер Пирсон²⁸, премьер-министр Канады, тоже пошел на попятный. Что же касается администрации Соединенных Штатов, то, как сказал Линдон Джонсон в дружественном и полном сожалений послании Эшколю, она не в состоянии действовать без одобрения конгресса, да к тому же “руководство страны придерживается мнения, что нам не следует действовать в одиночку”. Ясно, что Эвен составил неверное представление о своем визите в Вашингтон. Соединенные Штаты не собирались оказывать Израилю ника-

тролируемых территорий. Арабские лидеры обвиняли его в том, что он действовал в интересах евреев. В 1970 г. выставил свою кандидатуру на пост губернатора штата Нью-Йорк, но потерпел поражение. Активный участник движения поддержки борьбы советских евреев за свободу репатриации.

28 Пирсон Лестер Боулс (1897–1972) — канадский государственный и политический деятель. Получил образование в Торонтском и Оксфордском университетах. В 1928–1948 гг. находился на дипломатической службе. С 1948 г. — член парламента (либерал). В 1948–1957 гг. — министр иностранных дел. В 1958–1966 гг. — лидер Либеральной партии, в 1957 г. был награжден Нобелевской премией мира. В 1963–1968 гг. — премьер-министр Канады.

кой помощи. Американские заверения, сделанные в 1957 году, оказались не имеющими никакой силы по прошествии всего лишь десяти лет.

Тем временем Израиль стал готовиться к войне. Городские улицы опустели, на шоссе практически не было видно гражданского транспорта, в городах по ночам царил тишина. Была закрыта грандиозная тель-авивская сельскохозяйственная выставка “Агр-Экспо”, на организацию которой было затрачено столько времени и денег. Стекла автомобильных фар были выкрашены в синий цвет. Заделывались окна домов, чтобы уберечь детей от осколков. Парки были переданы под места захоронения, и раввины готовили эти места для погребений. Органы гражданской обороны размножали инструкции по идентификации тел и проведению похорон. Создавались запасы нейлоновых мешков для погибших, выделялись средства для гробов и надгробных плит, готовились бланки свидетельств о смерти.

Царящая в стране атмосфера подавленности объяснялась не отчаянием, она была связана с ощущением собственного бессилия и чувством разочарования. Эти дни неопределенности, несомненно, дали Армии обороны Израиля возможность завершить приготовления к боевым действиям — но при этом неопределенность и ожидание неизвестного имели негативные психологические последствия. Однако — что хуже всего — к тому же обозначилось явно кризисное положение дел в руководстве страны. Вечером 28 мая было назначено выступление Эшколя по радио. Вся страна ждала разъяснений и указаний — гражданское население у себя дома или в кафе, военные — в бараках или палатках, собравшись вокруг переносных приемников. Эшколь говорил так, что хуже не придумаешь. Он пришел в радиостудию прямо с заседания правительства, и у него даже не было возможности просмотреть окончательный текст своего выступления. Он начал с сообщения о египетской агрессии, но затем сказал нечто успокаивающее, вроде того, что правительство приняло решение выждать некоторое время и “настоять на том, чтобы международные организации приняли меры по обеспечению свободы судоходства в Тиранском проливе для судов под всеми флагами”. В выступлении была фраза, которую премьер-министр никак не мог разобрать, и он какое-то время запинался и заикался, прежде чем смог дочитать ее до конца. Аудитория просто впадала в шоковое состояние: ясно было, что премьер-министр в затруднении, а правительство беспомощно. На самом деле ситуация была еще хуже. После заявления Насера о блокаде Тиранского пролива 23 мая генерал Рабин впадал в полное отчаяние ввиду неспособности правительства принимать решения, и у него случился нервный срыв. Армейские медики предписали ему отдых в течение двух-трех дней, пока он не пришел в себя после этой депрессии, причиной которой официально было объявлено “никотиновое отравление”. Таким образом, страна и вооруженные силы остались без

руководства в очень тяжелый — быть может, самый тяжелый — момент в истории Израиля.

В сложившихся обстоятельствах общественность в последнюю неделю мая выступила с решительными требованиями относительно перемен в составе правительства. Всем была ясна необходимость создания правительства национального единства на самой широкой основе, включая и представителей оппозиционных партий, а также назначение нового министра обороны (в старом правительстве этот пост занимал сам Эшколь). Хотя две основные оппозиционные партии, *Гахаль* и *Рафи*, вместе располагали всего лишь четвертой частью мест в *кнессете*, в числе депутатов от *Рафи* были три фигуры, пользующиеся всеобщим авторитетом в стране, — Бен-Гурион, Даян и Перес. И потому 29 мая лидер партии *Гахаль* Менахем Бегин обратился к Эшколю с призывом отдать пост премьер-министра и министра обороны Бен-Гуриону. Это был беспрецедентный жест, сделанный таким страстным борцом, как Бегин, по отношению к своему заклятому политическому врагу. И вот теперь, пусть с опозданием, лидер *Гахаль* признал объединяющую силу своего старинного врага. Эшколь был уязвлен и разгневан. Сам Бен-Гурион, не позволявший себе никаких обвинений в сложившейся кризисной ситуации, отказался от такого предложения. На следующий день, на собрании руководства партии, присутствующие единодушно обратились к Эшколю с пожеланиями отдать хотя бы один из занимаемых им постов — пост министра обороны, и если не Бен-Гуриону, то Даяну. На этом собрании мало кто сказал добрые слова в адрес премьер-министра.

Такой рост популярности Даяна стал странным поворотом в политической карьере бывшего начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля. Пятидесятилетний Даян был к этому времени человеком без политического будущего. Его многочисленные романы и сомнительные сделки по приобретению археологических находок были поводом для скандалов в национальном масштабе. Теперь же, однако, иной образ Даяна — победоносного генерала Синайской кампании, твердого и беспощадного лидера — привел к чудесным переменам в его судьбе. Препятствием на пути его возвращения в политику было уже не общественное мнение, а позиция Эшколя, не готового отдать пост министра обороны своему харизматическому политическому сопернику. Пытаясь выиграть время, Эшколь предложил возглавить оборонное ведомство Игалью Алону. Против этого предложения выступили все партии, включая *Манай*. Наконец, 1 июня, Эшколь, устав сопротивляться, отдал министерство Даяну. Таким образом, было создано правительство национального единства. Доверие, которым пользовался в народе Даян, этот прославленный одноглазый генерал, было поразительным. Сообщение о его назначении немедленно возродило доверие к руководству страны и у вооруженных сил, и у всего народа.

Наращивание арабских сил

Тем временем вражеское кольцо неумолимо сжималось вокруг Израиля. Достаточно было бы одних только египтян, но к ним теперь присоединились силы других арабских стран. Такое развитие событий нелегко было бы предположить не только несколько недель, но даже и несколько дней тому назад. Еще лишь 28 мая “Радио Каира” называло Хусейна “хашимитской шлюхой”, “британским агентом” и “моральным хамелеоном”, призывая иорданский народ покончить со своим королем. Сирийская пресса поддерживала эти обличения, и 23 мая, в самый разгар ближневосточного кризиса, сирийская бомба разорвалась в иорданской деревне, унеся жизни четырнадцати мирных жителей, после чего Амман немедленно разорвал отношения с Дамаском. И вот, ко всеобщему изумлению, 30 мая Хусейн прилетел в Каир для подписания договора о взаимном оборонительном сотрудничестве с Египтом, и фотокорреспонденты запечатлели его, братски обнимающегося с Насером. Очевидно, что хашимитский монарх не решился уклониться от охватившего весь арабский мир вихря, который должен был, наконец, смести сионистского врага с лица земли. Договор о взаимной обороне, подписанный им с Насером, был аналогичен договору, подписанному недавно между Египтом и Сирией: в случае военных действий во главе всех вооруженных сил должен стоять египетский главнокомандующий. На следующий день, 31 мая, египетский генерал Абдель Монеим Риад вылетел в Амман, чтобы заняться, совместно с Хусейном, разработкой стратегических планов. Эти планы предусматривали для Иордании оборонительную стратегию, с расположением войск вдоль линии фронта небольшой протяженности, в ожидании прибытия подкреплений из Ирака и Саудовской Аравии, после чего будут развернуты наступательные действия в направлении Иерусалима и нескольких ключевых израильских военных баз.

Ирак подписал военный договор 3 июня, и следующей ночью иракская моторизованная бригада пересекла границу с Иорданией, тогда как иракские ВВС сосредоточили свои самолеты на базе Хаббания вблизи иорданской границы. Тем временем Сирия разворачивала четыре пехотные бригады вдоль границы с Израилем и еще две вдоль второго, внутреннего оборонительного рубежа. Король Марокко Хасан²⁹ также счел целесообразным

29 Хасан II (Мулай Хасан II Мухаммед бен Юсуф, 1929–1999) — король Марокко в 1961–1999 гг. из династии Алауидов. Потомок пророка Мухаммеда в 35-м колене. В 1952 г. окончил юридический факультет университета в Бордо. В 1956 г. — начальник Генерального штаба Королевских вооруженных сил. В 1957 г. провозглашен наследным принцем. В 1960–1961 гг. — зам. премьер-министра и министра обороны. 3 марта 1961 г. провозглашен королем и религиозным главой мусульман Марокко. В 1961–1963 гг. и в 1965–1967 гг. — премьер-министр, в 1972–1973 гг. — министр обороны.

предложить Насеру содействие. Президент Туниса Бургиба³⁰, до сих пор известный своим сдержанным отношением к Израилу, предложил алжирским вооруженным силам использовать пути сообщения своей страны для доставки войск на израильский фронт. Король Саудовской Аравии Фейсал обещал помощь живой силой, заявив при этом: “Всякий араб, который не участвует в этом конфликте, может считать себя обреченным”. На этом этапе Насер и его арабские союзники уже не говорили ни о блокаде израильских судов, ни о том, что они вынуждены защищаться от израильской агрессии. Впавший в эйфорию Насер заявил, выступая перед египетским парламентом 25 мая: “Задача, которая стоит сейчас перед арабскими странами, не сводится к решению, надо ли блокировать порт Эйлат или как именно его надо блокировать. Наша задача — уничтожить Государство Израиль на веки вечные”.

И в самом деле, к концу месяца повсюду были расклеены гигантские плакаты, призывающие к джихаду против Израйля. Развевались флаги Организации освобождения Палестины — с черепом и скрещенными костями. Генерал Мосин Муртаги, командующий египетскими силами в Синае, обращаясь к своим офицерам 3 июня, сказал: “Весь мир смотрит на вас... От-

С 1972 г. — Верховный главнокомандующий Королевскими вооруженными силами. После Шестидневной войны Хасан II был сторонником компромиссного подхода к проблемам ближневосточного конфликта; до 1970 г. — открытый противник террора ООП, хотя во время Войны Судного дня марокканские войска приняли участие в боевых действиях против Израйля. Король приветствовал визит Садата в Иерусалим в 1977 г. и израильско-египетский мирный договор.

³⁰ Бургиба Хабиб (1903–2000) — политический и государственный деятель Туниса. Юридическое образование получил в Сорбонне и Высшей школе политических наук в Париже. По возвращении в Тунис был активистом исламофильской консервативной партии “Дустур”, стал лидером ее радикального крыла. С 1934 г., после раскола “Дустура”, — председатель лево-националистической партии “Новый Дустур”. За активную политическую деятельность против французских колониальных властей арестовывался в 1934 и 1938 гг. После оккупации Туниса в ноябре 1943 г. немецко-итальянскими войсками был освобожден из тюрьмы и в начале 1943 г. был принят Муссолини, но по возвращении в Тунис заявил, что уверен в поражении Германии и Италии, и призвал к борьбе с ними. В январе 1952 г. был вновь арестован французскими властями и выслан из страны. В июне 1955 г. ему было разрешено вернуться в Тунис. В марте 1956 г. стал председателем Конституционной ассамблеи Туниса, а в июне 1957 — ноябре 1987 г. был первым президентом Туниса. Во внутренней политике проводил курс “тунисизации” и “арабизации” страны, что привело к резкому снижению статуса и экономического положения евреев. Были запрещены все сионистские организации. В результате произошел массовый выезд евреев в Израиль и во Францию. Если после Шестидневной войны он обвинял лидеров Египта и Сирии в тяжелом поражении арабов и утверждал, что мир на Ближнем Востоке может быть достигнут только путем переговоров, то в 1970–1980-х гг. Тунис оказывал поддержку палестинским террористическим организациям, а в 1982 г. в стране разместились штаб-квартира ООП. В 1987 г. премьер-министр Туниса отстранил Бургибу от власти “по состоянию здоровья”.

воюем похищенные у нас земли — с помощью Аллаха, во имя справедливости, силой нашего оружия и нашей веры”. Президент Ирака Ареф призвал 2 июня офицеров своих военно-воздушных сил: “Братья и дети мои, в этот великий день мы отомстим за 1948 год.. Аллах даст нам встретиться на улицах Тель-Авива и Хайфы”. Не желая ни в чем уступать своим союзникам, Ахмед Шукейри, председатель ООП, заявил на пресс-конференции, что арабы готовы “освободить страну — нашу страну”. Ему был задан вопрос: “Если вы победите, что же будет с израильянами?” — “Те, кто останется в живых, — ответил Шукейри, — будут жить в Палестине. Только я не думаю, что таких будет много”. Эти высказывания арабских лидеров, их кровожадные лозунги и едва завуалированные призывы к геноциду широко освещались в средствах массовой информации всего мира. Трудно было бы представить себе более эффективный способ вызвать симпатии стран Запада к Израилю.

Уверенность арабов на этот раз имела немалые основания. Численность одних только египетских вооруженных сил в июне 1967 г. была впечатляющей. Семь дивизий (около 120 тыс. бойцов регулярных войск — вдвое больше, чем у израильян на юге страны), солдаты которых прошли хорошую подготовку, разместились в Синае, вдоль египетско-израильской границы. Эта группировка имела на вооружении более тысячи артиллерийских орудий, 9 тыс. противотанковых орудий и почти 2 тыс. танков. Однако, наряду с этими размещенными там войсками, на Синае была создана сложная и труднопреодолимая система траншей, долговременных огневых сооружений, минных полей, заграждений из колючей проволоки и пулеметных точек. За десять лет, прошедших после операции *Кадеш*, египтяне превратили северо-восточный район Синая в полосу заграждений, способных выдержать массированный удар противника и вместе с тем служить в качестве базы для стремительного наступления. Были значительно улучшены дороги, существовавшие в пустыне до 1956 г., а также проложены новые. Египетская “линия Мажино” блокировала ключевое шоссе Ницана — Исмаилия, единственный путь, по которому израильские танки могли бы продвигаться в центр Синая.

На подступах к шоссе Ницана — Исмаилия с востока, в 18 милях от израильской границы, находится перекресток Абу-Агейла, занимающий господствующее положение не только над основной магистралью Синая, но и над проездами, соединяющими основную магистраль с другими дорогами, пересекающими полуостров с востока на запад. Египтяне, соответственно, выбрали Абу-Агейлу в качестве центрального пункта их оборонительной позиции в Восточном Синае и не пожалели средств и усилий для ее укрепления. В 1950-х гг. оборонительный рубеж Абу-Агейла был спроектирован немецкими военными специалистами. Израильяне пытались взять его в 1956 г., но не смогли и в конечном итоге обошли его, оставив в осаде до окончания кампании. С тех пор оборонительные сооружения были еще больше укреплены, на этот раз под ру-

ководством советских военных, и теперь Абу-Агейлу уже вряд ли можно обойти, оставив в тылу такой очаг сопротивления безо всякой опасности.

Более того, основной элемент оборонительного рубежа Абу-Агейла, Умм-Катаф, представлял собой систему взаимосвязанных укреплений, охраняемых долговременными огневыми сооружениями, траншеями и горными кряжами, причем вся местность была окружена минными полями, и вокруг были размещены тяжелые танки. В глубине этой зоны, между Умм-Катафом и Умм-Шейханом, египтяне установили десятки крупнокалиберных пулеметов и сотни минометов. К западу, в резерве, находился «бронированный кулак», состоящий из танков и противотанковых самоходных установок — для проведения контратаки. Египтяне намеревались использовать позиции Умм-Катафа для полного уничтожения танкового потенциала израильтян. Одна танковая дивизия была сосредоточена к югу от Абу-Агейлы, и еще одна — в непосредственной близости от нее. Если, как предполагалось, израильские силы будут остановлены у Умм-Катафа, то эти танковые дивизии обойдут израильтян с тыла и довершат их разгром. По завершении этой операции египетские танки двинутся в северном направлении, по приморской дороге, в сторону плохо защищенного Тель-Авива. Все в целом рисовало довольно мрачную картину для израильтян.

Источники израильской военной мощи

Впрочем, такая картина была не совсем полной. Рабин, когда его назначили на пост начальника Генерального штаба в 1964 г., сказал, выступая перед комиссией *кнесета* по иностранным делам и обороне, что в любой будущей войне Израиль должен победить не более чем за четыре дня. Война не может длиться более названного срока по причинам экономического характера. Из сказанного следовало, что для Израиля предпочтительнее нанесение упреждающего удара. Однако, чтобы избежать негативной реакции мирового общественного мнения, стране не остается ничего иного, кроме как дать возможность противнику провести мобилизацию, подтянуть войска к границам Израиля, объявить на весь мир, что вот теперь-то евреи будут окончательно уничтожены, — и лишь после этого Израиль может нанести упреждающий контрудар, причем буквально в самый последний момент. Разработка сценария в такой сложной ситуации, несомненно, требует точного понимания планов и намерений противника. Израильские секретные службы, возглавлявшиеся на протяжении многих лет таким выдающимся специалистом, как Исер Гарэль, действовали с максимальной эффективностью и собирали уникальную разведывательную информацию.

Самым опасным элементом этой секретной деятельности был нелегальный сбор разведывательной информации в арабских странах. Часть такой информации собиралась арабскими и иностранными агентами, поставившими сведения о египетских военных и политических тайнах. Немало этих агентов было схвачено египетской контрразведкой, и они закончили свою жизнь на виселице. В числе тех, кто не был раскрыт египетскими властями, следует назвать молодого египтянина, офицера связи, убежденного противника политики Насера, известного под именем Сулейман. С 17 мая 1967 г., когда Каир отдал распоряжение танковым войскам занять боевые позиции на Синае, Сулейман передавал израильтянам по радио кодированную информацию о передвижениях египетских войск, планах боевых действий и даже о местах расположения зенитных управляемых ракет. После удара израильской авиации (Гл. XXI. Гром с небес, бронированный кулак) Сулейман сообщил детальную информацию о египетских потерях. В последний день войны израильские самолеты нанесли случайный бомбовый удар по радиопункту в районе перевала Митла, где находился Сулейман. Когда ночью 7 июня закончились военные действия, туда было выброшено парашютно-десантное подразделение с заданием организовать поиски Сулеймана. Десантники обнаружили тело Сулеймана; он был похоронен с воинскими почестями.

Известны случаи, когда израильтяне проникали на арабскую территорию под видом европейцев или даже арабов. Одним из наиболее известных агентов был Вольфганг Луц, сын еврея и немки. Прибыв в Египет в 1961 г. в качестве “немецкого бизнесмена”, Луц в течение трех с половиной лет собирал информацию о египетской (осуществляемой с немецкой помощью) ракетной программе и передавал ее в Израиль. В конечном итоге он был арестован и приговорен к пожизненному заключению, но после окончания войны, в 1968 г., его обменяли на девять пленных египетских генералов. Более драматична история другого израильского разведчика, Эли Когена³¹, которому в 1960 г. удалось внедриться в высшие эшелоны сирийской правящей партии Баас. Коген, еврей, родившийся в Египте, выдавал себя за сына сирийских родителей, живших в Бразилии. В Дамаске Коген занимался

31 Коген Эли (1924–1965) — израильский разведчик. Среднее образование получил во французском лицее в Александрии и в еврейской школе. Учился на электротехническом факультете Университета им. Фарука I, из которого был исключен в 1949 г. за сионистскую деятельность. Во время Синайской кампании был арестован, а в январе 1957 г. выслан из Египта; поселился в Израиле. С 1960 г. был сотрудником израильской разведки, по заданию которой в 1962 г. проник в близкие к правительству круги Дамаска. Переданная им в Израиль информация стратегического характера способствовала победе в Шестидневной войне. Обнаружил скрывавшегося в Дамаске одного из помощников А. Эйхмана. В январе 1965 г. был арестован и публично повешен, хотя предпринимались попытки спасти его жизнь.

“импортными операциями” и создал себе репутацию человека, у которого денег куры не клюют. Он был на короткой ноге с племянником сирийского главнокомандующего, что обеспечивало ему доступ к правительственным и оборонным секретам страны; он даже смог осмотреть совершенно секретные огневые позиции на Голанских высотах. На протяжении пяти лет израильская разведка благодаря Эли Кофену была в курсе самых значительных военных и политических событий, происходивших в Сирии. В 1965 г. Кофена арестовали, и после допросов под пытками он был повешен.

Немало израильских психологов и аналитиков занималось исследованиями арабской ментальности и характера. В частности, генерал Йеѓошафат Ѓаркави³², возглавлявший военную разведку Генерального штаба, проанализировав богатый фактический материал, пришел к выводам, что арабы — индивидуалисты, замкнутые в себе, не склонные доверять своим собратьям, не любящие работать в коллективе, особенно когда необходимо поступаться личными благами в пользу коллективных интересов. Справедливость этих выводов была доказана в ходе Шестидневной войны, когда египетские офицеры бросали своих солдат, зачастую забирая при этом их запасы воды и продовольствия. Зная о том, что, когда дела идут плохо, арабы склонны мгновенно переходить от эйфории к отчаянию, израильское командование приняло решение наносить удары всей мощью своей военной машины, чтобы с самого начала действий определить ход войны в свою пользу. Точно так же израильяне использовали склонность арабов скрывать неприятные факты, прибегая при этом к вымыслу и фантазиям. Так, предполагая, что противник будет выступать с заявлениями о якобы одержанной победе, Даян распорядился не публиковать сводки с театра военных действий в первый день войны. И когда египтяне объявили о полном разгроме израильской армии, СССР сорвал попытки ООН по прекращению огня. А к тому времени, когда советская сторона в полной мере осознала истинное положение дел, уже было слишком поздно спасти египтян. Слишком поздно было и Хусейну осознать, какую роковую ошибку он допустил, ввязавшись в эту войну.

32 Ѓаркави Йеѓошафат (1921–1994) — израильский военный деятель и ученый. Высшее образование получил в Еврейском университете и Гарварде. В 1943 г. был призван в британскую армию. Во время Войны за независимость воевал в Иерусалимской бригаде, командовал ротой. В 1949 г. участвовал на Родосе в составе израильской делегации в переговорах с арабскими странами. В 1951–1955 гг. — заместитель начальника разведывательного отдела Генштаба. В 1955–1959 гг. в звании генерал-майора возглавлял израильскую военную разведку. С 1959 г. в отставке. Профессор Еврейского университета, специализировался в области международных отношений. Автор большого количества работ по проблемам израильско-арабских отношений и стратегии. В 1974–1975 гг. — советник по стратегическим вопросам министра обороны Ш. Переса. Лауреат Государственной премии Израиля за 1993 г. в области государственного управления.

Благодаря разведке израильтянам удалось получить ключ к военной стратегии египтян. После событий 1961 года израильские военные специалисты выяснили, что египетские вооруженные силы перестраиваются согласно классической советской концепции, которая предусматривала значительную концентрацию войск и возведение мощных фортификационных сооружений. Израильские ВВС осуществили детальную аэрофото съемку оборонительных позиций на Синае. Основываясь на этих фотографиях, а также на материалах, полученных от агентов и информаторов, израильская разведка подготовила справочное издание по советской оборонной доктрине, содержащее чертежи вновь построенных египетских оборонных сооружений. Предметом гордости этого издания был, разумеется, Умм-Катаф. Рабин выделил в Негеве полигон, и военные инженеры построили там комплекс, имитирующий Умм-Катаф с точностью до малейших деталей. По завершении работ это сооружение в Негеве стало основным местом маневров израильской армии. Там проводились офицерские курсы, семинары бронетанковых и пехотных войск, войсковые учения, разрабатывались наставления и руководства. Ко времени начала Шестидневной войны израильтяне ориентировались в этом комплексе с закрытыми глазами.

В годы пребывания Рабина на посту начальника Генштаба была усилена и перестроена не только разведка, но и другие рода войск. В отличие от своего предшественника Бен-Гуриона, премьер-министр Эшколь не разбирался в военном деле. Как правило, он был готов принимать советы Рабина и поддерживать его запросы относительно приобретения новых дорогостоящих видов вооружений. Значительное количество вооружений, как уже отмечалось, было получено из Западной Германии и США. Кроме того, израильские предприятия также выпускали в немалых количествах легкое и среднее стрелковое оружие. К 1967 г. правительство, по официальным данным, тратило 11% ВВП для обеспечения внутренней и внешней безопасности, но истинная цифра была ближе к 14% или даже более. Списочный состав регулярных вооруженных сил составлял около 50 тыс. человек обоего пола во всех родах войск, а также более 250 тыс. резервистов. Армия была достаточно хорошо вооружена, имея порядка 900 танков американского и английского производства, около 160 французских самоходных орудий, около тысячи американских бронетранспортеров. Списочный состав военно-воздушных сил составлял 8 тыс. человек; число самолетов всех типов было более 500. Военно-морской флот был наименьшим по составу — несколько фрегатов и торпедных катеров и две подводные лодки. Определяя приоритеты вооружений, армейское командование, на основе уроков Синайской кампании, решило уделять главное внимание бронетанковым войскам. Командующий бронетанковыми силами, бригадный

генерал Исраэль Таль³³, бесстрашный офицер, во многом способствовал совершенствованию искусства танковой войны. Танкисты старались использовать любой предвоенный инцидент, особенно из числа происходивших у сирийской границы, чтобы совершенствовать технику боя.

И все же основным и решающим фактором, определявшим эффективность израильских вооруженных сил, был их личный состав. Синайская кампания показала, что современная танковая война требует не только более совершенных профессиональных навыков, но также и большей личной отваги — по сравнению с предыдущими войнами “дотехнологической эры”. Командир танка в израильской армии ведет свою машину в бой, стоя в башне своего танка с открытым люком. Танкисты никогда не покидают подбитую машину, оставаясь в ней до тех пор, пока танк может вести огонь. При подготовке израильских командиров, в отличие от египетских танкистов, основное внимание уделяется таким качествам, как гибкость и инициатива, а эти свойства требуют большого запаса жизненных сил. Разумеется, способность приспосабливаться к различным обстоятельствам и жизненная активность — это свойства народа, выросшего в атмосфере динамичного социального и экономического развития, народа, который смог построить новое общество в условиях постоянной осады и международного бойкота.

В этом смысле достаточно только посмотреть на высших офицеров израильской армии. Большинство генералов — Рабин, Гавиш³⁴, Таль, Шарон,

33 Таль Исраэль (Талик; 1924–2010) — израильский военный деятель. В 1942 г. был призван в британскую армию. Служил в Еврейской бригаде. После демобилизации в 1946 г. окончил курсы *Гаганы*. Во время Войны за независимость — офицер в бригадах *Гивати*, *Одед*. Учился в Еврейском университете, изучал философию и политические науки в Военном штабном колледже в Великобритании. В 1952–1956 гг. был начальником военной школы, возглавлял отдел подготовки личного состава Генштаба. Участвовал в Синайской кампании в качестве командира бригады. В 1959–1960 гг. — командующий танковыми войсками Армии обороны Израиля. Сыграл основную роль в разработке военной доктрины израильской армии, в которой основное внимание уделялось стремительному наступлению танковых войск. Танковая дивизия под командованием Таля сыграла решающую роль в Шестидневной войне. Был назначен командующим Южным фронтом вместо генерала И. Гавиша на финальной стадии Войны Судного дня. Сыграл наряду с А. Шароном выдающуюся роль в разгроме египетских войск, окружении Третьей египетской армии, форсировании Суэцкого канала. В 1973 г. был назначен заместителем начальника Генерального штаба. Занимался разработкой новых видов вооружения. Ему принадлежит заслуга создания танка *Меркава*, одного из лучших танков в мире. Лауреат Государственной премии Израиля за 1997 г.

34 Гавиш Йешаягу (Шайке; р. 1925) — израильский военный деятель, во время Войны за независимость — офицер Армии обороны Израиля. Военное образование получил в Военной академии во Франции. В 1962–1969 гг. в чине бригадного генерала командовал войсками Южного округа. Сыграл большую роль в Шестидневной войне, командуя Южным фронтом. С 1969 г. находится в отставке. Генеральный директор кон-

Иоффе, Бар-Лев — происходили из семей первопроходцев и имели многолетний опыт развития военной тактики применительно к особой израильской ситуации. Тон в этом отношении задавал сам Рабин — спокойный человек сорока с небольшим лет с тронутыми сединами волосами. Уроженец Иерусалима, командир *Палмаха*, кадровый офицер, он посвятил свою жизнь службе в армии. Он знал своих солдат и, принимая стратегические решения, исходил из уверенности, что в большинстве своем они согласны с его мнением: самое важное в бою — это инициатива. Сказанное было верным и применительно к молодым солдатам, выходцам из восточных семейств, которые проявляли себя на поле боя значительно лучше, чем предыдущее поколение. Все еще уступая своим ашкеназским сверстникам в овладении военной техникой, они испытывали значительно меньше мотивационных проблем, нежели их старшие братья и отцы в 1956 году. А в июне 1967 г. все израильтяне, военные и гражданские, ашкеназы и сефарды, ясно осознавали — и это понимание усиливалось с каждой пропагандистской передачей арабского радио, с каждым заявлением арабских лидеров, — что их стране грозит полное уничтожение. И они, ощущая себя в первую очередь евреями, сражались за жизни своих родных и своего народа.

Принято решение атаковать

Во время заседания правительства 1 июня Эвен информировал Эшколя и всех членов кабинета, что больше не существует надежды на то, что Вашингтон сможет разрешить кризис. Белый дом признал, что планы по созданию международных морских сил потерпели неудачу. С другой стороны, неделя терпеливого дипломатического выжидания, на чем настаивал министр иностранных дел, в любом случае обеспечивала, в случае начала Израилем военных действий, хотя бы не столь единодушный и всеобщий взрыв международного возмущения, как это было при начале Синайской кампании. Однако промедление с началом военных действий более чем на неделю уже не принесет никаких политических выгод, заключил Эвен. Премьер-министр воспринял эту оценку событий с чувством известного облегчения. На следующее утро кабинет собрался вновь, чтобы выслушать сообщения Рабина и Даяна относительно неотложной необходимости нанесения удара по противнику, и на этот раз генералы не услышали

церна Кур. После начала Войны Судного дня был призван в армию и назначен командующим Южным фронтом, но на заключительном этапе войны его на этом посту заменил генерал И. Таль.

фактически никаких возражений. На следующий день, 3 июня, давая свою первую пресс-конференцию в качестве министра обороны, Моше Даян приподнял завесу над планами правительства, сделав двусмысленное заявление: “Положение, в котором мы находимся в настоящий момент, можно, в известном смысле, охарактеризовать следующим образом: с одной стороны, слишком поздно, а с другой стороны, слишком рано. Слишком поздно отвечать языком силы на блокаду Тиранского пролива, и вместе с тем слишком рано делать окончательные выводы относительно успешности или безуспешности дипломатических усилий, направленных на решение этой проблемы”. В арабских странах это заявление было расценено как признание Израилем своей неготовности к военным действиям. Советский посол Чувахин информировал свое правительство из Тель-Авива, что Израиль вряд ли предпримет какие-либо шаги в течение по меньшей мере двух недель. Прибывшие в Израиль иностранные корреспонденты начали разъезжаться по домам. На семичасовом, последнем предвоенном, заседании кабинета, продолжавшемся всю ночь с 3 на 4 июня, все министры проголосовали за начало войны, кроме двух представителей партии *Мапам*, но и они изменили свое мнение в течение следующего дня. Даян тайным образом известил Бен-Гуриона о предстоящей атаке. “Старик” дал ему свое благословение.

Даян в качестве министра обороны уже не был тем отчаянным и безудержным генералом, каким его знали в 1956 г., на посту начальника Генерального штаба. На этот раз он руководил военными действиями с гораздо большей оглядкой на мировое общественное мнение и принимал военные решения с поразительной осторожностью. Сдержанность его поведения была очевидной даже до начала боев, когда он дал высшему командованию целый ряд очень жестких директив и установок. Прежде всего, войска на Сирийском и Иорданском фронтах обязаны придерживаться строго оборонительной тактики, не переходя в контратаку без приказа Даяна. Что касается Синая, то Даян запретил даже думать о пересечении линии перевалов Митла и Гиди и выходе к Суэцкому каналу, назвав это политическим безумием. Блокада такого водного пути немедленно приведет к крайне нежелательным международным последствиям. Помимо всего прочего, Суэцкий канал был жизненно важен для престижа и экономического положения Насера, а также мог стать ключевой проблемой для Советского Союза. “Если мы выйдем к каналу, — предупредил Даян, — Насер никогда не согласится на прекращение огня, и война будет длиться годами”.

Оперативные планы разрабатывались Рабином и офицерами Генштаба. В пустыне Негев, напротив египетского пограничного города Аль-Кунтилла, было размещено несколько десятков ложных танков, с тем чтобы оттянуть дополнительные силы противника в южном направлении — в расчете на то, что

они решат, будто израильтяне планируют рывок вдоль побережья на юг, в направлении Шарм-аш-Шейха, как это было сделано в 1956 году. Впрочем, Рабин понимал, что сейчас вряд ли удастся повторить стратегию операции *Кадеш*. В 1956 г. израильтяне смогли продвинуться в южном направлении лишь благодаря слабости египетской армии на севере, так как их основные силы были размещены таким образом, чтобы противостоять англо-французскому наступлению на Каир и Суэц. В 1967 г. Рабин знал — пусть этого, возможно, не знал Насер, — что ему придется прорвать египетский фронт в том месте, где египтяне особенно сильны, то есть на севере. Если это удастся сделать, то Шарм-аш-Шейх в любом случае останется непригодным для обороны, и блокада с Акабского залива будет снята сама собой. Семи египетским дивизиям на Синае противостояла армия Южного фронта под командованием генерала Йешаягу Гавиша, в составе трех дивизий под командованием бригадных генералов Талья, Иоффе и Шарона. Гавиш, сорока двух лет, уроженец Израиля, был убежден в том, что выбрал правильную стратегию для прорыва в Синай. Сначала надо было пробиться через египетские оборонительные сооружения в Рафе и Абу-Агейле, затем направить танковую армию к перевалу Митла, чтобы блокировать египтянам пути отхода, и, наконец, уничтожить попавшего в окружение противника.

Таль, получивший задание прорваться через оборону Рафы, на юге сектора Газа, имел в своем распоряжении 300 танков, элиту танковых частей страны. Его первоначальной целью было пробить коридор через Хан-Юнис, в 30 милях к западу, через мощные египетские укрепления и расположенную там пехотную дивизию, в направлении Эль-Ариша на побережье. Там находилась основная египетская база тылового обеспечения на Синае. Используя излюбленную Гавишем тактику “бронированного кулака”, Таль рассчитывал прорвать линию Эль-Ариша с максимальной быстротой, что позволило бы ему оставить на некоторое время неприкрытыми свои фланги. Но все здесь зависело от мощи удара при первом соприкосновении с противником. В свою очередь, танковая дивизия Шарона получила в высшей степени непростое задание прорваться к системе оборонительных сооружений Абу-Агейла и захватить ее. Шарон рассчитывал выполнить это задание, ударив по Абу-Агейле с фронта и с тыла. Прежде чем обе танковые группы сойдутся у Абу-Агейлы, пехотинцы его дивизии должны будут атаковать укрепления с флангов, имея целью также и Умм-Катаф. И наконец, бригадный генерал Иоффе, командовавший марш-броском во время операции *Кадеш* и имевший сейчас под началом дивизию резервистов, должен был проникнуть между группировками Талья и Шарона, по практически непроходимым песчаным дюнам, выйдя наконец в глубокий тыл противника, в районе Митлы и других горных перевалов, и там блокировать последние пути отступления египтян.

Гром с небес, бронированный кулак

В семь часов десять минут утра 5 июня генерал-майор Мордехай Г³⁵, командующий военно-воздушными силами Израиля, находясь на командном пункте в здании Министерства обороны в Тель-Авиве, отдал приказ о начале боевых действий. В воздух поднялись самолеты, пилотируемые летчиками мирового класса — пилоты и бригады наземного обслуживания израильских ВВС недаром пользовались столь высокой репутацией. Благодаря практически идеальной работе разведки израильское командование было осведомлено о местонахождении фактически всех египетских самолетов, всех зенитных батарей и даже деревянных моделей самолетов, расположенных на аэродромах для введения противника в заблуждение. Было известно также, когда египетские пилоты вылетают на утреннее патрулирование и когда они приземляются для перерыва на кофе. Все было изучено, подготовлено и отретпировано бесчисленное количество раз еще до дня начала военных действий. И вот первые израильские самолеты вылетели, соблюдая заранее определенные временные интервалы, в направлении ключевых египетских авиабаз на Синайском полуострове, в Суэцком прямоугольнике и долине реки Нил. Двухмоторные легкие бомбардировщики “Вотур” получили самую дальнюю цель, в районе Луксора на Ниле, и им предстояло покрыть расстояние почти вдвое большее, чем до Каира. Одномоторные “Миражи” были направлены на ближайшие аэродромы в Эль-Арише и на Синае. Предполагалось, что все самолеты выйдут на цели синхронно, в семь сорок пять утра по израильскому времени. Пилоты имели задание сначала уничтожить египетские бомбардировщики и перехватчики, а затем разрушить авиабазы.

Взлетев в сторону Средиземного моря, самолеты развернулись в направлении Египта и пошли на минимальной высоте, чтобы избежать радаров противника. Все одиннадцать назначенных целей были достигнуты в заданное время; самолеты набрали высоту и затем, спикировав до 200 футов, принялись уничтожать стоявшие на аэродромах самолеты советского производства. Египетские истребители в это время заруливали на стоянки, вернувшись после утреннего патрулирования. Расчеты противовоздушной обороны просто отсутствовали на своих позициях. Израильские самолеты сделали по четыре захода на цели, затратив, согласно расчетам, по семь минут на уничтожение летной техники, затем нанесли ракетно-бомбовые удары по взлетным полосам и аэродромным

35 Г³⁵ Мордехай (Фейн; 1926–2003) — израильский военный деятель. Учился в сельскохозяйственной школе в *кибуце* Дганья. В 1944 г. мобилизовался в британскую армию. После демобилизации стал членом *Палмаха*. Принимал активное участие в *алие Бет* (незаконной отправке репатриантов в Эрец-Исраэль из Европы). Для

сооружениям. Вторая атакующая волна последовала через десять минут после первой, а третья — через десять минут после второй. Возвращаясь на свои базы, израильские летчики смогли уклониться от египетских ракет “земля-воздух”, поскольку запуски осуществлялись им вдогонку, а не навстречу. На протяжении 170 минут израильская авиация уничтожила прекрасно оборудованные египетские авиабазы и превратила в пылающие обломки 300 из 340 египетских боевых самолетов. Еще 20 египетских самолетов были уничтожены в ходе воздушных боев. Когда израильские пилоты вернулись на свои базы и доложили о выполнении боевых заданий, их сообщения были первоначально встречены с известным скептицизмом. Позже Год говорил, что “в самых своих безумных мечтах я не мог представить себе такого. Я думал, что выполнение заданий займет полдня, а то и весь день и еще часть следующей ночи”. Египетский военно-воздушный флот, самый большой на Ближнем Востоке, полностью прекратил свое существование.

Теперь израильцы могли сосредоточить все свое внимание на сухопутных войсках египтян. Израильская авиация приступила к полетам над Синаем, занимаясь уничтожением танковых и автомобильных колонн. Кроме того, в первые несколько дней войны, в ответ на попытки египетских союзников перейти в наступление (Гл. XXI. Арабы в замешательстве), израильские самолеты получали задания атаковать иорданские и сирийские аэропорты и даже крупную авиабазу Хаббания в Ираке. В ходе этих боевых вылетов израильские летчики уничтожили все иорданские ВВС — а именно двадцать реактивных самолетов “Хантер”, — и пятьдесят сирийских “Мигов”, что составляло две трети боевой авиации страны. Во время налета на иракскую авиабазу было уничтожено девять истребителей. Израильские ВВС сбили все арабские самолеты, вторгавшиеся в воздушное пространство страны, а также самолеты, с которыми они вступали в воздушный бой в других секторах военных действий. К окончанию светового дня 6 июня израильские ВВС уничтожили в общей сложности 416 само-

этого был послан в Италию, где начал изучать летное дело. Во время Войны за независимость перегонял из Чехословакии в Израиль закупленные самолеты. В 1949 г. закончил в Израиле военно-воздушную школу. В 1950–1951 гг. изучал летное дело в Великобритании. По возвращении в Израиль в 1951 г. был назначен командиром эскадрильи. Участник Синайской кампании. С 1957 г. — начальник военно-воздушной базы. В 1960 г. — начальник оперативного отдела ВВС. В 1961–1966 гг. — начальник отделения ВВС Генштаба. В апреле 1966 г. назначен командующим ВВС в звании генерал-майора. Сыграл основную роль в разработке и осуществлении разгрома египетской авиации на аэродромах в первые три часа Шестидневной войны. С апреля 1973 г. в отставке. Призван в армию сразу после начала Войны Судного дня. В 1973–1975 гг. — помощник министра обороны, в 1975–1977 гг. руководил частной авиакомпанией. В 1977–1979 гг. — президент компании *Эль-Аль*.

летов противника, в том числе 393 на земле. Израильские потери составили 26 самолетов, которые были сбиты исключительно огнем противовоздушной обороны.

5 июня в восемь пятнадцать утра, в действие вступили израильские сухопутные войска. Преодолевая сильное сопротивление, северная танковая дивизия под командованием Таля достигла палестинских оборонительных сооружений в районе Хан-Юниса и захватила их. Ворвавшись в самую деревню, танки продолжили движение в направлении Рафаха, обходя разведанные минные поля противника. Вторая бригада дивизии Таля, обогнув египетские укрепления и минные поля, направилась в южном направлении от Рафаха. После тяжелого боя бригада обошла с фланга египетскую линию фронта и окружила город. Падение Рафаха, в свою очередь, открыло путь на Эль-Ариш, административный центр Синая и северо-западный вход во всю египетскую оборонительную сеть полуострова. Танковая дивизия Таля продвинулась за несколько часов на шесть миль в западном направлении, обстреливая и разрушая египетские укрепления. На рассвете 6 июня все дороги, ведущие в Эль-Ариш, были свободны, и по ним устремились израильские автоколонны с боеприпасами и продуктами питания. Пополнив запасы и произведя перегруппировку, передовые части Таля к полуночи подошли к Эль-Аришу, и там завязался длительный упорный бой с противостоящими египетскими танками, противотанковыми орудиями и артиллерией. Сопротивление египтян было сломлено благодаря участию израильской авиации, которая нанесла бомбовые удары и обстреляла египетские части с бреющего полета. На последней стадии операции в Эль-Арише были окончательно разгромлены остатки Седьмой египетской дивизии. В ходе своих действий дивизия Таля также осуществила зачистку южного района сектора Газа, откуда палестинская артиллерия вела обстрел израильских *кибуцев*. Одна из бригад дивизии Таля вышла к окраине Газы и, продвигаясь на северо-восток, разгромила позиции палестинцев. Газа пала 7 июня, в первой половине дня.

В это же время дивизия Шарона выполняла чрезвычайно трудную задачу по открытию другого прохода в Синай, через мощную оборонительную систему Абу-Агейлы, по оси Ницана—Исмаилия. На западном окончании этой оборонительной системы была расположена смертельная ловушка, Умм-Катаф. Силы, имевшиеся в распоряжении Шарона, — недоукомплектованная пехотная дивизия, состоявшая из солдат срочной службы и резервистов, танковая бригада и еще несколько приданных в усиление частей — были несопоставимы по численности с египетскими силами. К тому же атака, запланированная на ночное время, не могла получить жизненно важной авиационной поддержки. Ситуация усугублялась еще и тем обстоятельством, что операция требовала взятия всех без исключения

частей комплекса Абу-Агейла: если хотя бы одно из укреплений осталось бы боеспособным, последствия для израильтян могли быть самыми губительными. Однако вероятность смертельного риска не беспокоила уверенного в своих силах Шарона. Самый молодой бригадный генерал израильской армии, один из создателей элитных воздушно-десантных войск страны, командир операции у перевала Митла в 1956 г. Ариэль (“Арик”) Шарон нимало не сомневался, что находчивость и решительность сильнее самых прочных египетских оборонительных сооружений. К тому же его план по взятию Умм-Катафа отнюдь не предусматривал нанесения фронтального удара. Действительно, замысел операции был чрезвычайно сложным: предполагалось одновременно осуществить полдесятка индивидуальных операций, в темноте, на площади в двадцать квадратных миль. Шарон не сомневался, что ему удалось предусмотреть все непредвиденные обстоятельства, и он оказался прав.

Атака началась 5 июня, в сумерках; пехотинцам предстояло обойти Умм-Катаф с тыла, по песчаным холмам, что само по себе было чрезвычайно нелегким делом. В это же время батальон десантников был переброшен вертолетами в другую точку пустыни, находившуюся в трех милях от оборонительных сооружений. Пехотинцы, в большинстве своем резервисты, преодолев нелегкий путь, зашли египтянам во фланг как раз к тому часу, когда стемнело. Приблизившись к траншеям, они открыли огонь из автоматического оружия. Доставленные вертолетами десантники атаковали артиллерийские батареи египтян с тыла. После нескольких минут ближнего боя египетские позиции были подвергнуты массивному артиллерийскому обстрелу. Были включены прожектора, что позволило израильской пехоте и танкам прицельно обстрелять египетские траншеи продольным огнем. Бой был тяжелым, однако весь план Шарона осуществился с ювелирной точностью. К трем часам утра 6 июня Умм-Катаф был в руках израильтян. Теперь оставалось только довершить уничтожение уцелевших египетских танков, и это было сделано три часа спустя, когда израильские танки подошли к Умм-Катафу с тыла, окружив остающиеся очаги сопротивления. Эта операция, признанная вершиной военного искусства, впоследствии изучалась в военных академиях всего мира.

Добившись решающих успехов на линии Рафах—Эль-Ариш и в комплексе Абу-Агейла, израильтяне открыли себе путь в Синай. Тем временем бригада Иоффе застала египтян врасплох, пройдя по “непроходимым” пескам и выйдя в назначенное место к полудню 5 июня. У перекрестка Бир-Лахфан израильские танкисты вступили в длившийся тринадцать часов бой с египетскими танковыми подкреплениями. К полудню 6 июня египтяне отступили. Танкисты Иоффе преследовали их в направлении Джабал-Либни, ключевого объекта, расположенного на центральной оси. Здесь египтя-

не, располагая пехотной дивизией практически полного состава, усиленной танками, тоже не смогли сдержать напор дивизии Иоффе, и Джабал-Либни после тяжелого боя был взят. Таким образом, к концу второго дня войны, после непрерывных сражений на протяжении тридцати пяти часов, удалось завершить первую и самую трудную фазу израильского оперативного плана. Египетские фортификационные сооружения были взяты, Синайский полуостров был открыт израильским танкам, пути на запад и на юг были свободны.

Арабы в замешательстве

На протяжении всего первого дня Синайского наступления израильское правительство воздерживалось от сообщений, которые могли бы свидетельствовать о масштабах их успехов. Это молчание было отражением официальной политики правительства (Гл. XXI. Источники израильской военной мощи). В эфире звучали только коммюнике “Радио Каира”, сообщавшие на протяжении первых двадцати четырех часов войны о беспрецедентных успехах египетских вооруженных сил, о полном разгроме израильской армии и ВВС, а также о египетских танковых колоннах, движущихся на Тель-Авив. Эти “новости” были с воодушевлением и без тени сомнений встречены во всем арабском мире, результатом чего стало скоропалительное решение Сирии, Иордании и Ирака вступить в войну. И снова, как и в ходе двух предыдущих войн с Израилем, сирийцы упустили имевшиеся у них прекрасные возможности для перехода в наступление. До июня сирийский Генеральный штаб разработал планы наступления с Голанских высот двумя дивизиями, захвата Восточной Галилеи и последующего продвижения к Хайфе. Однако, когда 5 июня начались военные действия, сирийцы буквально в последнюю минуту решили придерживаться выжидательной тактики и предпочли ограничиться артиллерийским обстрелом Рош-Пины и соседних поселений. Израильские кибуцники были вынуждены спуститься в убежища, причем кое-где им пришлось пробыть там не менее одиннадцати часов без перерыва.

Несмотря на невыгодность топографического положения, израильская артиллерия достойно отвечала на сирийские обстрелы. Ближе к вечеру 5 июня и в последующие дни в действие включилась также израильская авиация. К наступлению темноты 5 июня беспощадные израильские бомбардировки уничтожили значительную часть сирийских боевых самолетов, и тогда в Дамаске впервые заподозрили, что их ввели в заблуждение сообщениями о египетских “победах”. Не имея к тому времени возможности на-

чать крупномасштабные наступательные действия, баасистский режим допустил свою вторую ошибку, продолжив ограниченные военные действия. 6 июня сирийские пехотинцы и танковая рота предприняли две атаки на Тель-Дан и одну на *кибуц* Шаар-Ишув; они были отбиты израильтянами с использованием танков и авиации. Точно так же была отбита атака на Ашмуру. Сирийцам пришлось дорого заплатить за свои просчеты.

Но еще более катастрофичной стала грубая ошибка Иордании. Утром 5 июня Каир информировал Амман, что им уничтожено 75% израильских самолетов и что египетские танковые войска ведут бои в глубине израильской территории. С поразительной искренностью король Хусейн писал впоследствии (в книге “Моя война с Израилем”): “Нас ввели в заблуждение относительно того, что произошло в Египте после израильских атак на авиационные базы ОАР... Эти, мягко говоря, фантастические сообщения весьма повлияли на нашу оценку всей ситуации”. Получив это сообщение, Хусейн был склонен послушаться генерала Риادا, египетского офицера, командовавшего (в рамках египетско-иорданского договора) хашимитскими вооруженными силами, и атаковать израильскую часть Иерусалима, а также подвергнуть артиллерийскому обстрелу израильские города и авиабазы. Пока король обдумывал это предложение, ему доставили срочное послание от Эшколя, переданное через посредство генерала Одда Булла, командующего ОНВУП (Органа ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине). Обращаясь к Хусейну с просьбой воздержаться от военных действий, израильский лидер обещал, что его правительство не начнет военных действий на Восточном фронте. Однако обращение Эшколя не было принято во внимание. “В первый же день войны, — писал Хусейн, — наши батареи дальнобойной артиллерии 155-го калибра обстреливали пригороды Тель-Авива, где были сосредоточены военные цели, а также аэропорт в Лоде”.

Но главной притягательной целью для иорданцев был Западный Иерусалим. Еврейское население города численностью 190 тыс. человек сразу же стало мишенью арабских обстрелов. Особенно уязвимым был израильский анклав на горе Скопус, в иорданской части города, где находились больница *Гадаса* (построенная до 1948 г.) и Еврейский университет, изолированные внутри демилитаризованной зоны, на иорданской территории, и охраняемые всего лишь 85 израильскими полицейскими. Действительно, если рассматривать Центральный фронт в целом, от Хайфы до Беэр-Шевы, то наибольшее беспокойство у израильтян вызывала как раз обстановка на горе Скопус. Командующий фронтом бригадный генерал Узи Наркис³⁶ не

36 Наркис Узи (1925–1997) — израильский военный деятель, родился в Иерусалиме в семье выходцев из Польши. В 1941 г. вступил в *Палмах*. В 1946–1947 гг. учился в Еврейском университете. Во время Войны за независимость командовал отделением *Палмаха* в Иерусалиме, руководил захватом района Катамоны. Командир 70-го полка

сомневался, что Иерусалимская бригада будет в состоянии отразить любые атаки на город или на коридор, связывающий город с морем. Однако он опасался, что, если арабы сумеют захватить гору Скопус, то ООН может навязать решение о прекращении огня еще до того, как израильтянам удастся ее отвоевать. По мнению Наркиса, единственным выходом может стать решительная контратака силами бригады мотопехоты “Гарэль”, дислоцированной возле Рамле. Собственно говоря, даже бойцам бригады “Гарэль” будет непросто оказывать противодействие танковой бригаде Арабского легиона, дислоцированной на равнинной местности к востоку от Иерусалима. В случае соприкосновения этих двух формирований, расположенных по обе стороны Иудейских гор, следует учитывать, что танки “Паттон”, имеющиеся у иорданцев, более быстроходны, чем танки “Супер-Шерман”, имеющиеся у “Гарэль”, да к тому же они ближе к Иерусалиму, и разница составляет четыре часа хода. На протяжении этих четырех часов израильские защитники горы Скопус должны будут продержаться, полагаясь на имеющиеся у них в небольшом количестве противотанковые пушки и на ту артиллерийскую поддержку, которую им будет в силах оказать Наркис. В целом ситуация выглядела отнюдь не благоприятной. На протяжении недели, предшествовавшей Шестидневной войне, израильтяне, находящиеся на горе Скопус, слышали, как с окрестных минаретов раздавались призывы к правоверным “идти и убивать”.

Опасения Наркиса оказались в высшей степени обоснованными, когда утром 5 июня иорданцы начали со своих позиций обстреливать южные кварталы Иерусалима. Вскоре огонь стал более плотным, и снаряды противника начали рваться в густонаселенных районах. На протяжении нескольких часов 250 жителей Иерусалима из числа гражданского населения были ранены и 20 убиты. Вопреки своему естественному порыву немедленно ответить на этот обстрел, Наркис выжидал, поскольку у него имелся приказ не открывать огня, пока иорданская сторона не начнет массированное наступление. Даже когда артиллерийский обстрел стал еще более сильным, приказ Даяна командующему Центральным фронтом звучал так: “стиснуть зубы и не просить подкреплений”. Следовало исходить из предположения, что иорданцы просто хотят продемонстрировать Насеру свою

Палмаха, отличившегося в боях на юге. В 1953–1955 гг. учился в Высшей военной школе в Париже. В 1956 г. возглавил оперативный отдел Генштаба; в 1959–1962 г. — военный атташе Израиля во Франции. В 1963–1965 гг. — директор Военного училища. В 1965–1968 гг. в звании бригадного генерала командовал войсками Центрального округа. Войска Центрального округа под командованием Наркиса освободили Иерусалим во время Шестидневной войны. С 1968 г. находился в отставке. Возглавлял информационный отдел Еврейского агентства. Автор книги “Иерусалим единственный”, за которую получил литературную премию им. З. Жаботинского за 1976 г.

готовность к действиям. Однако для того, чтобы у иорданских военных не возникло никаких серьезных намерений ввязаться в войну, израильская авиация в двенадцать тридцать нанесла бомбовые удары по аэродромам Аммана и Мафрака, уничтожив все боевые самолеты Хашимитского Королевства. После этого в час дня — либо согласно заранее утвержденному плану, либо в ответ на израильские бомбардировки — бойцы Арабского легиона пересекли иерусалимскую линию перемирия и захватили штаб-квартиру ОНВУП. Это здание, бывший дворец губернатора, возвышалось над самыми густонаселенными кварталами еврейского Иерусалима. Захват этого объекта и находившихся там очень удобных артиллерийских позиций представлял реальную опасность для евреев. Наступление иорданских наземных частей, кроме того, значительно ухудшило положение малочисленного израильского гарнизона на горе Скопус, который оказался под артиллерийским обстрелом противника. Однако со стратегической точки зрения захват штаб-квартиры ОНВУП был самой серьезной ошибкой Хусейна, поскольку Израиль начал активные военные действия. Израильская авиация не встретила ни малейших помех в ходе своей операции в небе Аммана — притом что Каир похвалялся, что практически весь израильский военно-воздушный флот якобы уничтожен, — и король не усмотрел в этом намек ни истинное положение дел в регионе. “Захват штаб-квартиры стал для израильтян открытым приглашением к наступлению, — писал Эван Уилсон, советник-посланник США в Иерусалиме, бывший свидетелем всех этих событий, — и с этого момента началась израильская операция по взятию Старого города”.

Мир в шоке

Не только Хусейн ошибся в своих расчетах. На протяжении большей части дня 5 июня Насер изучал отчеты о египетских “военных успехах”. Никто из египетского командования не решался доложить ему об истинном положении вещей. Только в четыре часа пополудни к нему явился дежурный офицер Генштаба с сообщением: “У нас больше нет военно-воздушного флота”. Сохраняя самообладание, египетский президент вскоре выступил с оригинальным объяснением случившемуся. В четыре тридцать пополудни 6 июня специальная служба израильских войск связи перехватила следующий радиотелефонный разговор между Каиром и Амманом. Насер общался по прямому проводу с Хусейном. “Будем говорить, что на израильской стороне воюют Соединенные Штаты? — спрашивал Насер. — Что лучше: Соединенные Штаты и Англия или только Соединенные Шта-

ты?” “Лучше Соединенные Штаты и Англия”, — был ответ Хусейна. Три часа спустя “Радио Каира”, а вслед за этим и другие арабские радиостанции принялись распространять “информацию” относительно того, что истребители-бомбардировщики палубной авиации Соединенных Штатов и Великобритании принимают участие в военных действиях на стороне Израиля и оказывают содействие его сухопутным войскам. По всему арабскому миру прокатилась волна яростных демонстраций против действий Англии и США, с нападениями на дипломатические учреждения и информационные центры. Египет и Сирия немедленно разорвали дипломатические отношения с США; их примеру последовали Судан, Алжир, Йемен и Ирак. Иордания воздержалась от такого шага, а неделю спустя Хусейн принес свои извинения за этот ложный слух.

Тем временем в Вашингтоне Линдон Джонсон был разбужен в три часа ночи 5 июня и проинформирован о начале военных действий. Он немедленно отправил телеграмму в Москву, призвав обе стороны к сдержанности. Через четыре часа ему позвонил по “горячей линии” Косыгин. Председатель Совета министров СССР явно поверил египетским победным заверениям и всячески хотел затянуть вмешательство ООН в конфликт. Он сообщил Джонсону, что получил его послание, и, возложив вину за начало военных действий на Израиль, попросил президента США использовать все свое влияние на израильское правительство, чтобы вынудить израильтян отвести свои войска. Косыгин особо подчеркнул, что обе Великие державы не должны вмешиваться в ход конфликта. Джонсон согласился и предложил, чтобы Москва и Вашингтон совместными усилиями провели через Совет Безопасности ООН резолюцию о немедленном прекращении огня. Однако вскоре в Москву начали поступать сообщения о тяжелых египетских потерях, и советское руководство решило, что целесообразнее выступить с серьезным предостережением в адрес Израиля. Около полудня по вашингтонскому времени пришло второе послание за подписью Косыгина, в котором подчеркивалось, что Советский Союз не может оставаться безразличным к совершенной Израилем “преступной агрессии” и что, если израильские войска не будут выведены, тогда советские вооруженные силы предпримут надлежащие меры, чтобы покончить с “сионистской авантюрой”.

Джонсон и его советники к тому времени уже знали о впечатляющих военных успехах Израиля. Они не без удовлетворения признали достижения Израиля, которому удалось собственными силами справиться с крайне серьезным мировым кризисом, да к тому же нанести при этом значительное дипломатическое поражение Советскому Союзу. Вместе с тем президент не намерен был оставлять без внимания угрозы, звучавшие с советской стороны, и потому он отдал приказ Шестому флоту США передислоцироваться в зону боевых действий. Буквально через несколько минут вся армада двину-

лась в направлении Синайского полуострова. Эта впечатляющая демонстрация американской силы была немедленно зафиксирована на радарх советских судов, находившихся в этом районе. Вслед за этим Джонсон отправил Косыгину новое послание, напомнив советскому руководителю о многочисленных американских обязательствах по защите целостности и независимости Израиля. В Советском Союзе должным образом отреагировали на это едва завуалированное предупреждение; решительная реакция президента США положила конец советским попыткам военного вмешательства в конфликт.

Советский Союз ограничился тем, что предложил проект резолюции Совета Безопасности ООН, содержащей призыв ко всем воюющим сторонам вывести свои войска с оккупированных территорий. В ответ представитель США Гольдберг предложил просто прекращение огня, без упоминания о выводе войск. В ответ на возмущенные возражения Советского Союза и арабских стран Гольдберг хладнокровно заметил, что если речь идет о *status quo ante*^{*}, то необходимо восстановить все условия, существовавшие до начала кризиса, включая свободу судоходства в Акабском заливе и возвращение Чрезвычайных сил ООН на Синай и в Шарм-аш-Шейх. Арабские страны отказались увязать резолюцию с этими предложениями. Явно смешавшись, советский представитель Н. Т. Федоренко³⁷ предложил, чтобы Совет Безопасности отложил дискуссию на следующий день, 6 июня. Это было очень грубой ошибкой, потому что каждый лишний час только способствовал развитию израильских военных успехов. Получив утром 6 июня ясную картину происходящего, Советский Союз был ошеломлен сокрушительным разгромом арабских войск. Стало ясно, что время работает не в пользу арабских стран. Проиригнорировав высказывания Насера и Хусейна относительно вмешательства авиации западных стран в ход конфликта, Косыгин отправил очередное послание в Вашингтон, еще раз призывая Джонсона одобрить текст резолюции Совета Безопасности о прекращении огня и отводе войск. Однако президент США еще раз указал, что текст резолюции должен содержать пункты о свободе судоходства в Акабском заливе и возвращении Чрезвычайных сил ООН.

* Имеется в виду выражение *status quo ante bellum* — «положение, существовавшее до войны» (лат.).

37 Федоренко Николай Трофимович (1912–2000) — советский востоковед, дипломат. В 1939 г. окончил аспирантуру Московского института востоковедения. Автор ряда работ о литературе и искусстве Китая и Японии. В 1958–1962 гг. — посол СССР в Японии. В 1963–1968 гг. — постоянный представитель СССР в ООН. Осуществляя антиизраильский курс советского правительства, допускал в своих выступлениях в ООН антисемитские нападки. В 1970–1988 гг. — главный редактор журнала «Иностранная литература». Член-корреспондент Академии наук СССР.

Мало-помалу другие члены Совета Безопасности также начали склоняться к поддержке американского варианта резолюции. Когда Совет Безопасности снова собрался на свое заседание в шесть тридцать вечера 6 июня, председательствующий Ханс Табор, представитель Дании, объявил, что в ходе консультаций был выработан черновой вариант резолюции, призывающий к прекращению огня “в качестве первого шага”. Эта формулировка была единогласно принята всеми членами Совета Безопасности, включая также и советского делегата. При этом, однако, большинство членов Совета Безопасности проголосовали еще и за принятие мер, направленных на “справедливое и постоянное решение ближневосточного кризиса”, — и надо подчеркнуть, что это неожиданное решение предопределило дальнейший ход ооновских переговоров по данному вопросу. В отличие от 1956 г., сложившийся дипломатический климат был благоприятным для Израиля. Этому способствовало и произведшее большое впечатление на аудиторию выступление на вечернем заседании Совета Безопасности только что прилетевшего из Израиля Абы Эвена, который рассказал о смертельной опасности, которая еще совсем недавно нависла над его страной и которую тем не менее удалось предотвратить. На следующий день даже египтяне поняли, что все, чего они могут добиться, — это прекращение огня без дополнительных условий.

Израиль завоевывает Синай

Незадолго до наступления темноты 6 июня в Джабал-Либни приземлился вертолет, и выпрыгнувший из него генерал Гавиш, командующий Южным фронтом, бросился к бригадному генералу Талю, командующему танковыми войсками. “Египетское командование только что отдало приказ об отходе всех войск ко второй линии обороны, — сказал он. — Нам следует немедленно начинать преследование”. Было принято решение, что танкисты Талья направятся к северу, через Бир-Гафгафу, чтобы блокировать дороги, ведущие к Исмаилии, а части Иоффе двинутся в южном направлении, к перевалу Митла, перекрыв последние пути отступления в Египет. Наряду с этим было решено начать на рассвете 7 июня скоординированную атаку на оставшиеся египетские оборонительные сооружения, причем Таль должен был действовать в районе Бир-Хамма, в десяти милях к западу, а Иоффе предстояло вступить в бой с египтянами в Бир-Хасне.

В ходе последовавших танковых сражений на открытой местности опытные израильские танкисты полностью разгромили противника. К наступлению темноты, в тот же день 7 июня, израильские передовые части достиг-

ли назначенных мест. На севере, на прибрежной дороге в десяти милях от Суэцкого канала, они захватили Румани. В центре израильтяне удерживали дорогу, ведущую к Суэцкому каналу от Бир-Гафгафы; на юге блокировали перевал Митла. Теперь три израильские дивизии перешли к действиям на уничтожение противника: Таль и Иоффе блокировали перевалы, а Шарон загонял отступающих египтян в окружение. После краткого отдыха дивизия Шарона на рассвете начала движение, сея панику в рядах отступающих египтян. В ходе только одного из боев были уничтожены два египетских полка, пятьдесят танков и триста боевых машин пехоты. Когда египетские механизированные войска предприняли попытку прорваться в южном направлении от Бир-Гафгафы, бригада Талья уничтожила одну из египетских дивизий. Тем временем непрерывающийся поток египетских войск и транспортных средств двигался из Восточного и Центрального Синая в направлении перевала Митла, блокированного бригадой Иоффе. По мере появления противника израильская авиация наносила беспощадные бомбовые удары и обстреливала египтян с бреющего полета. Довершила разгром бронетанковая бригада Иоффе. В конечном итоге было уничтожено или захвачено более 800 египетских танков. По масштабам этот разгром превзошел даже поражение немецких танковых войск под Эль-Аламейном за 25 лет до этих событий.

На удивление легко была проведена другая израильская операция: Шарм-аш-Шейх, египетское береговое укрепление, господствующее над Тиранским проливом, пало 7 июня без сопротивления. Египетский гарнизон бежал еще до того, как были выброшены израильские парашютисты и амфибии с десантниками приблизились к берегу. Затем часть десантников, высаженных в Шарм-аш-Шейхе, была переброшена вертолетами в Ат-Тур, откуда они продолжили движение в северном направлении, вдоль берега Суэцкого залива, а потом 8 июня соединились с израильскими подразделениями, продвигавшимися вдоль побережья Суэцкого залива от расположенного на северной его оконечности Рас-Судара. Весь Синайский полуостров был теперь окружен израильскими войсками. Оставалась лишь одна зона — сам Суэцкий канал. Разгромив основные части египетской армии, Таль и Иоффе отдали приказ начать движение к Каналу.

По иронии судьбы за день до этих событий Даян сказал на пресс-конференции в Тель-Авиве, что Израиль достиг поставленных политических и военных целей. В первую очередь это было восстановление свободы судоходства по Тиранскому проливу. “Для израильской армии не составляет труда выйти к Суэцкому каналу, — сказал Даян, — но это не входит в число наших целей. Для нас важен Шарм-аш-Шейх. Зачем же нам продвигаться к Суэцкому каналу и сталкиваться с проблемами международного характера?” Затем, утром 8 июня, Даяна информировали, что израильские войска вышли

к Кантаре, разгромили остававшиеся там части египетской армии и наконец подошли к берегу Суэцкого канала. Министр обороны был крайне недоволен. Однако, узнав, что другие танковые части движутся к Суэцкому каналу от перевала Митла и от Бир-Гафгафы, он распорядился занять весь восточный берег канала. И хотя впоследствии он назовет Суэцкий канал “лучшим в мире противотанковым рвом”, его первоначальное нежелание выходить на берег Суэцкого канала подтвердится через несколько лет (Война Судного дня; Гл. XXII, XXIV). Однако, как бы там ни было, была одержана ошеломляющая победа. Семь египетских дивизий, чья общая численность составляла 100 тыс. человек, были разгромлены менее чем за четыре дня.

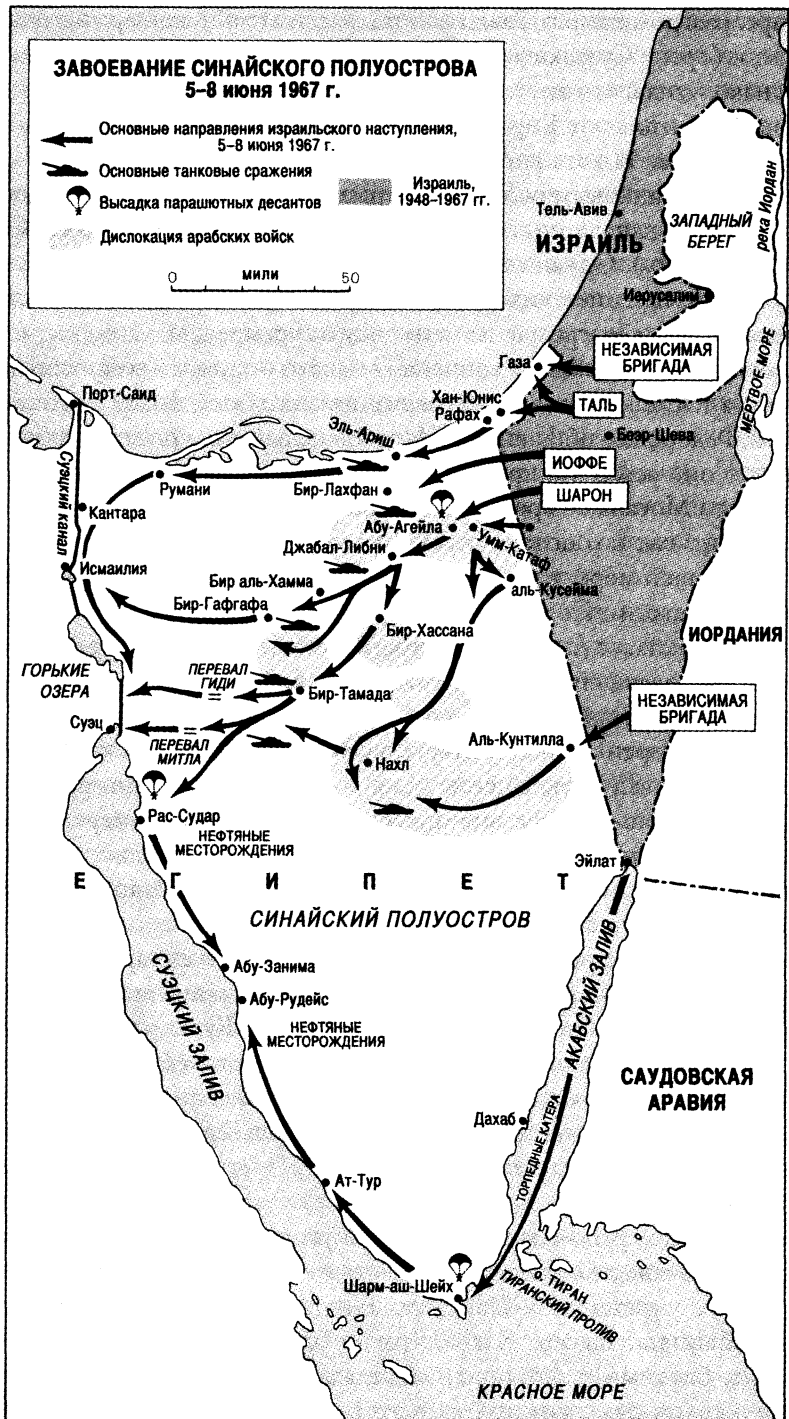
Для египтян война была окончена — однако оставался вопрос: готовы ли они сами, а также их советские хозяева признать этот факт? В Совете Безопасности Федоренко обрушил на Израиль целый ряд яростных обвинений, заявив, что они идут “по кровавым следам гитлеровских палачей”. Несмотря на то что Москва с горечью и гневом встретила известия о поражении Египта, равно как и о потере советских вооружений и снаряжения, стоивших, по меньшей мере, 2 млрд долларов, с самого первого дня войны было ясно, что Советский Союз не готов вмешаться в военные действия. Более того, СССР оказался даже не в состоянии обеспечить поддержку своей резолюции, требовавшей вывода израильских войск. Единственное, чего Советский Союз смог добиться, — это скорейшего прекращения огня, и в час дня 8 июня Федоренко внес соответствующий проект резолюции. Он больше уже не связывал прекращение огня с выводом войск, но просто потребовал, чтобы военные действия прекратились в восемь вечера. Резолюция была принята единогласно. Эвен заявил, что его правительство согласится выполнять требования резолюции — при условии, что арабские государства также объявят о своем согласии.

В тот же день, будучи проинформированным, что его армия фактически уничтожена и что у него не осталось сил даже для защиты Каира, Насер направил своему послу при ООН Мухаммеду аль-Куни распоряжение принять резолюцию. В Египте о прекращении огня не объявлялось до половины двенадцатого ночи, когда большинство населения уже ложится спать. В здании Генерального штаба, расположенного в Гелиополисе, маршал Абд аль-Хаким Амир попытался покончить самоубийством, но был остановлен своими коллегами.

На следующее утро Каир пребывал в угрюмом и траурном состоянии. Вооруженные солдаты были размещены по всему городу, охраняя правительственные учреждения. Офицеры Генштаба и члены правительства напрямую обвиняли Насера в том, что он привел страну к краху. Вечером президент, бледный, с ввалившимся глазами, появился на телеэкранах и объявил о своем намерении уйти в отставку. Сразу же тысячи демонстран-

ЗАВОЕВАНИЕ СИНАЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА 5-8 июня 1967 г.

- Основные направления израильского наступления, 5-8 июня 1967 г.
 - Основные танковые сражения
 - Высадка парашютных десантов
 - Дислокация арабских войск
 - Израиль, 1948-1967 гг.
- 0 мили 50

тов собрались на центральной площади Каира с национальными флагами и плакатами, тексты которых молили Насера не оставлять страну. Через три часа, к полному изумлению израильтян, их главный враг сообщил, что, “по зрелом размышлении”, он решил остаться на своем посту.

“Золотой Иерусалим”

Согласие короля Хусейна³⁸ на прекращение огня было получено в штабквартире ООН вечером 8 июня, практически одновременно с аналогичным посланием Насера. Действия Иордании начались с захвата бывшего дворца губернатора 5 июня, после чего ее артиллерия вела огонь по небольшому израильскому гарнизону на горе Скопус. На следующий день Рабин, с разрешения Даяна, приказал генералу Наркису отвоевать дворец губернатора,

38 Хусейн (Хусейн ибн Талат; 1935–1999) — король Иордании с 1952 г., внук основателя Иорданского Хашимитского Королевства Абдаллаха ибн Хусейна. Среднее образование получил в школах Египта и Иордании и английской школе Харроу, высшее — в британской Королевской военной академии. В августе 1952 г. его отец, ставший королем годом ранее, был признан душевнобольным и смещен. Хусейн стал номинальным главой Иорданского Королевства, но до мая 1953 г. страной управлял регентский совет. После прихода к власти Хусейну пришлось пойти на уступки левонационалистическому арабскому движению. Так, он был вынужден сместить англичанина Дж. Б. Глабба (Глабб-паша) с должности командующего Арабским легионом. 30 мая 1967 г. Хусейн подписал иордано-египетское соглашение о совместной обороне, в соответствии с которым войска Иордании были поставлены под командование египетского генерала. Хусейн отдал приказ иорданским войскам начать боевые действия, что обернулось для него потерей всех владений, расположенных к западу от Иордана, в том числе и Восточного Иерусалима. Поражение в Шестидневной войне резко ухудшило положение в стране. Хусейн утратил контроль над размещившимися в стране отрядами ООП; базы этих отрядов и многочисленные лагеря палестинских беженцев превратились в государство в государстве, не подчинявшееся власти короля. В сентябре 1970 г. по приказу Хусейна части иорданской армии после тяжелых боев разгромили палестинские формирования, а в июне 1971 г. те были окончательно изгнаны из страны. Накануне Войны Судного дня Хусейн пытался предупредить Израиль. Опасаясь нового военного разгрома, он воздержался от полномасштабного участия в войне, ограничившись отправкой танковой бригады на сирийский фронт. В 1970–1980-х гг. власть Хусейна в Иордании заметно укрепилась, его международный престиж повысился. Умело распоряжаясь субсидиями, поступающими от арабских государств Персидского залива, США, стран Западной Европы, он добился впечатляющего подъема экономики и роста жизненного уровня населения. В октябре 1994 г. Хусейн и премьер-министр Израиля И. Рабин подписали договор о мире между Израилем и Иорданией, в результате которого между двумя странами были установлены добрососедские отношения.

соединиться с гарнизоном на горе Скопус и защищать высоты Иерусалима всеми средствами. Получив долгожданный приказ, Наркис поручил атаку на дворец иерусалимскому гарнизону; рота была направлена на штаб-квартиры ОНВУП, и к середине дня операция была завершена, а потери составили восемь погибших. В это же время бригада парашютистов-десантников под командованием полковника Мордехая Гура³⁹ была снята с синайского направления и переброшена в Иерусалим. В ее задачи входило атаковать иорданские укрепления по периметру Арабского сектора Старого города, затем выступить против Арабского легиона на высотах рядом с горой Скопус.

Тогда же Наркис приказал командиру танковой дивизии “Гарэль” полковнику Ури Бен-Ари оставить свое место расположения в Иерусалимском коридоре и продвигаться в сторону холмов между Иерусалимом и Рамаллой. Была получена информация относительно того, что Арабский легион намеревается перебросить значительные подкрепления с Западного берега в направлении Иерусалима, и необходимо было действовать с максимальной оперативностью. Бен-Ари направил свои танки одновременно по нескольким направлениям, включая Кирьят-Анавим, Маале-ѓа-Хамиша и Моцу. Хотя каждое направление изобиловало иорданскими бункерами, траншеями и минными полями, танки бригады “Гарэль”, при тактической авиационной поддержке, прошли повсюду. К утру 6 июня бригада контролировала все иерусалимские холмы.

Прибытие десантников Гура в Иерусалим после полудня значительно расширило возможности Наркиса. Тридцатисемилетний Гур разработал

39 Гур Мордехай (Мота; 1930–1965) — израильский военный и государственный деятель. В юности вступил в ряды *Гаганы*. Во время Войны за независимость был командиром роты. С 1950 г. служил в парашютно-десантных войсках. Сыграл важную роль в разработке стратегии и тактики действий парашютно-десантных войск. Командовал отрядами десантников в операциях против террористов, в ходе одной из них был ранен. Во время Синайской кампании командовал подразделением десантников в бригаде Шарона, участвовал в боях на перевале Митла. В 1958 г. учился в Высшей военной школе в Париже. В 1961–1963 гг. командовал бригадой *Голани*, в 1965–1966 гг. был директором Военного училища. С 1966 г. командовал десантной бригадой, которая по первоначальному плану должна была высадиться в тылу египетских войск на Синае в начале Шестидневной войны, но ввиду стремительных темпов наступления войск Южного фронта была переброшена в Иерусалим и сыграла основную роль в его освобождении. В 1969–1972 гг. — командующий Северным округом; в 1972–1974 гг. — военный атташе Израиля в США. В 1974–1978 гг. в чине генерал-лейтенанта был начальником Генштаба Армии обороны Израиля. После выхода в отставку в 1978 г. — член Израильской партии труда. В 1984–1986 гг. — министр здравоохранения; в 1988–1989 гг. — министр без портфеля, в 1992–1994 гг. — зам. министра обороны. Член *кнесета* 10–13 созывов. Бои за освобождение Иерусалима описал в книгах “Львиные ворота” (1972), “Храмовая гора в наших руках” (1973).

план удара в трех направлениях по иорданским силам, засевшим в Арабском квартале Старого Иерусалима. Проведя рекогносцировку за оставшиеся два часа до наступления темноты, Гур назначил атаку на вечер. И вот в семь сорок пять вечера прожектора, установленные на здании *Гистадрута*, скрестили свои лучи на иорданских огневых позициях. Израильская артиллерия открыла огонь по освещенным целям. Одновременно старые танки “Шерман” Иерусалимской бригады вышли из укрытия и двинулись в направлении иорданских бункеров. В их задачу входило отвлечь внимание бойцов Арабского легиона, дав возможность десантникам Гура приблизиться к траншеям противника. Основная фаза атаки началась в два двадцать ночи. После получасового обстрела иорданских позиций на Гиват га-Тахмошет и Полицейской школы из артиллерийских орудий и минометов в бой были введены два батальона парашютистов — с целью подавления и захвата пулеметных точек Арабского легиона. Легионеры, находившиеся в Полицейской школе, прекратили сопротивление довольно скоро, однако защитники Гиват га-Тахмошет сражались упорно, и пришлось с большими потерями отвоевывать у них траншею за траншеей.

Второй удар парашютистов был нанесен из иерусалимского квартала *Меа Шеарим*, непосредственно напротив Ворот Мандельбаума. Здесь тоже шли упорные бои — не только за каждую улицу, но и за каждый дом. При танковой поддержке парашютисты завершили операцию к рассвету, прорвавшись от Шайх-Джараха к Американской колонии, где иорданцы прекратили сопротивление. После полудня была взята последняя высота и район Абу-Тур. В руках израильтян теперь находилась вся гора Скопус с кампусом Еврейского университета и больницей *Гадаса*. В руках арабов к этому времени оставался только Старый город в пределах городских стен, и сюда был направлен третий удар Гура.

Осторожность Даяна нигде не проявлялась с такой очевидностью, как в боях за Иерусалим. В его первом приказе Наркису относительно Старого города было сказано: “Мы окружим его, если придется, но врываться туда мы не будем”. Впрочем, последнее слово оставалось не за Даяном. После фантастической победы на Синае другие члены кабинета министров с горячностью принялись требовать “освобождения” Старого города. В ночь на 5 июня, еще до начала военных действий израильской армии, Эшколь, закрывая заседание кабинета министров, сказал: “Старый город необходимо взять, чтобы прекратить ведущиеся оттуда непрерывные обстрелы еврейского Иерусалима”. Это прозвучало, во всяком случае, как достаточно разумное обоснование — поскольку приводить в качестве мотивировки идею о необходимости возвращения Святого города в еврейские руки представлялось еще явно преждевременным. Тем не менее Даян уклонился от прямого ответа, слишком хорошо представляя себе цену фронтальной атаки.

ЗАХВАТ ЗАПАДНОГО БЕРЕГА, 5-7 июня 1967 г.

Израильское наступление

— 5 июня

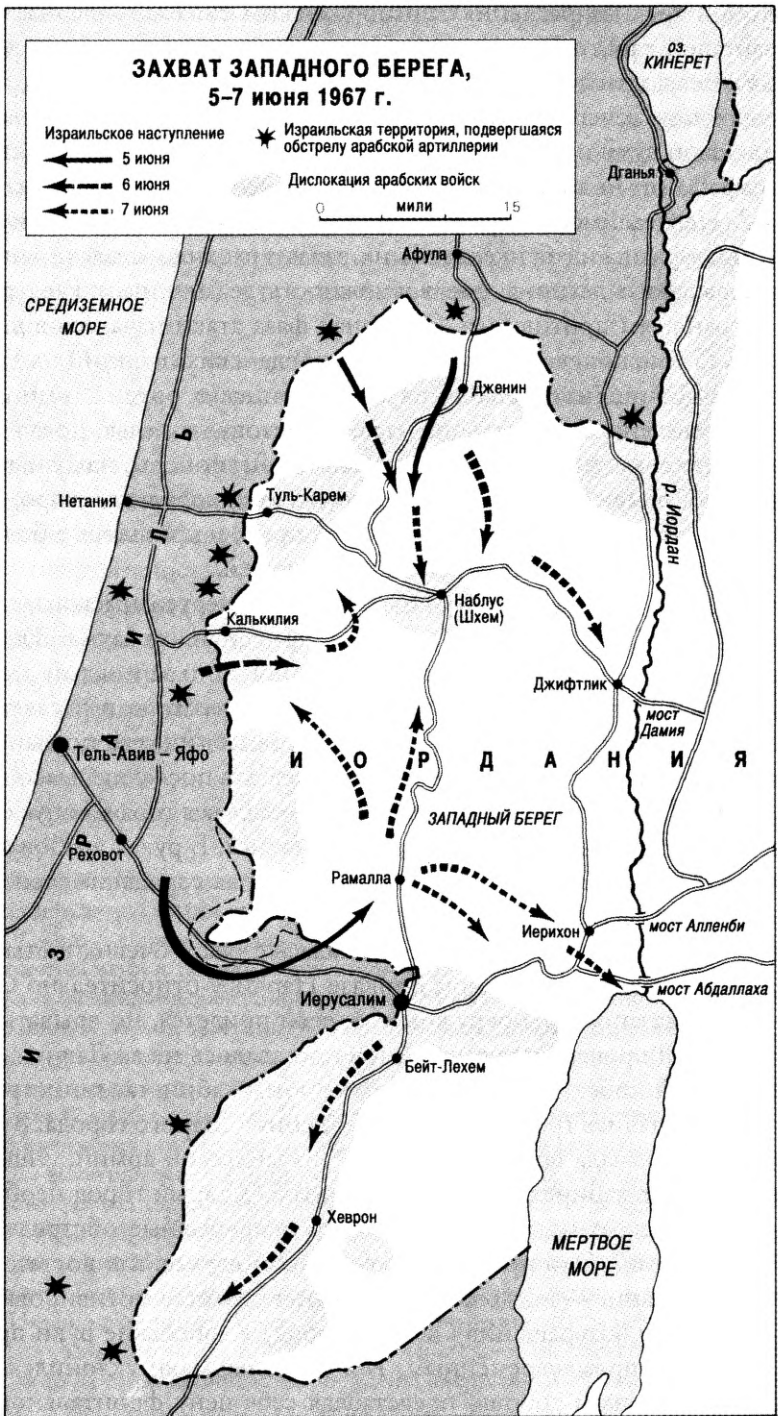
- - - 6 июня

· · · 7 июня

★ Израильская территория, подвергшаяся обстрелу арабской артиллерии

■ Дислокация арабских войск

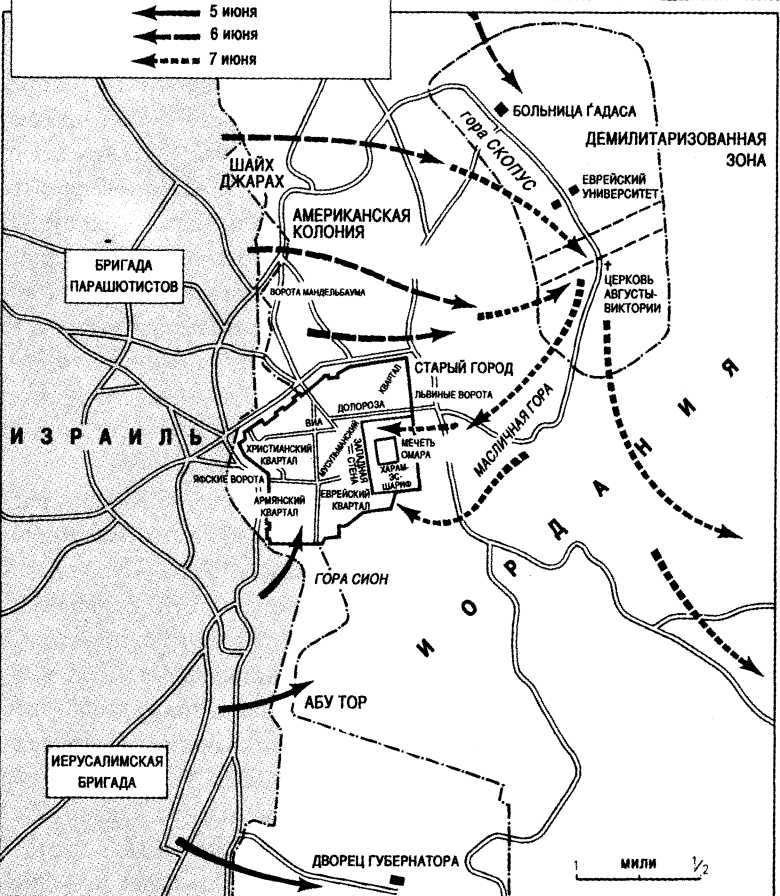
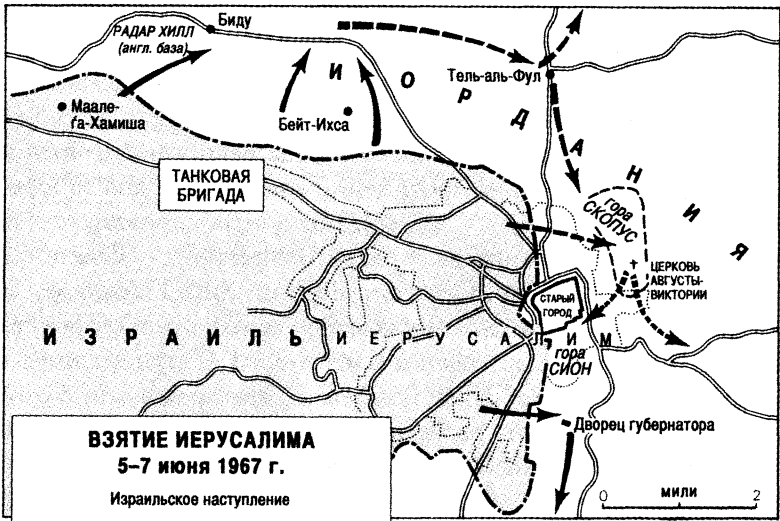
0 мили 15

После полуночи Эшколь вновь вернулся к этому вопросу: “Правительство настаивает на взятии Старого города”. Министр обороны по-прежнему медлил с ответом, намереваясь сначала взять город в кольцо осады и подавить арабское противодействие.

Как Даян и ожидал, судьбу Старого города решил исход боев за иерусалимские высоты, шедший на протяжении следующего дня (6 июня). Тот, кто владел высотами Иудеи и Самарии, мог контролировать всю территорию Западного берега и основные города этого региона — Дженин, Наблус, Рамаллу, Бейт-Лехем, Хеврон, Иерихон, и Иерусалим. Проблемы, которые предстояло разрешить израильскому командованию, были скорее связаны с положением дел на слабопересеченной местности. В регионе имелось множество густонаселенных городков и деревень, где проживали сотни тысяч арабов. Кроме того, солдаты регулярной иорданской армии, дисциплинированные, хорошо обученные, по численному составу не уступающие противостоящим им израильским резервистам, закрепились на хорошо укрепленных позициях. Впрочем, все эти преимущества иорданцев сводились на нет не только благодаря тому, что израильские части заняли 6 июня доминирующие позиции на высотах, но и за счет безусловного господства израильских в воздухе. С учетом всех этих обстоятельств Рабин приказал генералам разработать скоординированный план захвата противника в клещи. Бригадный генерал Давид Элазар, командующий Северным фронтом, должен был двигаться в южном направлении от Дженина к Наблусу (Шжем), а полковник Бен-Ари — от Иерусалима к Хеврону на юге. Вся операция была осуществлена с математической точностью. Ближе к полудню 7 июня, ослабленные бомбежками и обстрелами с бреющего полета, Двадцать пятая пехотная и Сороковая танковая бригады иорданской армии прекратили свое существование как боевые единицы. Все основные населенные пункты Западного берега были в руках израильтян. Элазар и Бен-Ари остановились, дойдя до реки Иордан.

Ночью 6 июня Даян в конце концов подчинился нажиму членов кабинета. Не оставалось сомнений, что решение ООН о прекращении огня должно быть вот-вот принято — таким образом, взять Старый город возможно было лишь до окончания военных действий. Министр обороны наложил одно жесткое ограничение: никакой артиллерийской или авиационной поддержки — чтобы не нанести ущерб святым местам. И вот 7 июня в восемь тридцать утра Гур дал команду атаковать последнюю высоту, доминирующую над Иерусалимом и все еще остававшуюся в руках иорданцев, — холм, на котором была расположена церковь Августы-Виктории. Высота была взята без особых усилий. Сразу же десантники, при участии танков, пошли во фронтальную атаку и ворвались в Львиные ворота, один из основных проходов в стенах Старого города. Продвигаясь по узкой улочке

**ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА
5-7 июня 1967 г.**

Израильское наступление

- 5 июня
- - - 6 июня
- · - · - 7 июня

Виа Долороза, колонна вышла к древней Храмовой горе⁴⁰. Десантники бросились к Западной стене, чтобы уничтожить засевших там снайперов. Не обошлось без потерь, но через несколько минут стрельба прекратилась. Стена Плача, мусульманские святыни “Купол над скалой” и мечеть Аль-Акса — все было в еврейских руках. Арабское вооруженное сопротивление в Иерусалиме было сломлено.

Король Хусейн дорого заплатил за свою авантюру. Он потерял 15 тыс. военнослужащих убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а также все свои боевые самолеты и половину танков. Кроме того, он лишился половины своего Королевства, плодородных земель и доходов от туризма (сумы, получаемые от иностранных туристов, посещавших Восточный Иерусалим и Бейт-Лехем, давали почти 40% национального дохода). Лишился он и последних прав Хашимитской династии на святые места ислама. Его прадед потерял Мекку и Медину, которые оказались принадлежащими Саудовской династии. Теперь же, с потерей мечетей Аль-Акса и “Купол над скалой”, была сведена к нулю его роль как хранителя традиций Пророка. Но он также заставил израильтян заплатить высокую цену. Во время боев с иорданскими частями погибли 160 израильских солдат и офицеров (в основном в Иерусалиме), а во время боев с египтянами — 462 израильских военнослужащих.

Но мало кто из израильтян считал, что эти потери были напрасными. Стрельба у Западной стены еще не полностью стихла, когда Шломо Горен, бывший тогда главным раввином Армии обороны Израиля, поспешил на святое место и торжествующе протрубил в *шофар*⁴¹. Вскоре туда прибыли Даян, Рабин и Эшколь, потрясенные и исполненные благоговения при виде возвращенной святыни. Прикасясь к древним камням стены, даже за-

⁴⁰ Храмовая гора (*Гар ха-байт*) — холм в юго-восточной части Старого города в Иерусалиме. Храмовая гора традиционно отождествляется с горой Мория, местом, указанном Аврагаму Богом для принесения в жертву Ицхака. На Храмовой горе царь Давид воздвиг жертвенник Богу Израиля, а его сын и наследник престола Шломо построил Храм (т. н. Первый храм), который был разрушен Навуходоносором в 586 до н. э. и отстроен заново (т. н. Второй храм) через 70 лет (516 г. до н. э.) вернувшимися из Вавилонского пленения. Царь Ирод во время предпринятой им реконструкции Храма (конец I в. до н. э.) увеличил площадь Храмовой горы, возведя вокруг нее мощную подпорную стену и засыпав землей промежутки между стеной и холмом. После разрушения Храма римлянами Западная стена превратилась в традиционное место молитвы для евреев. После завоевания Иерусалима арабами в 638 г. на Храмовой горе (откуда, по верованиям мусульман, пророк Мухаммед вознесся на небо) халиф Абд аль-Малик построил мечеть “Купол над скалой”, а в начале VIII в. была возведена мечеть Аль-Акса.

⁴¹ *Шофар* — бараний или козий рог, в который трубят в *Рош ха-Шана* и на исходе *Йом Кипура*. Звук *шофара* символизирует избавление: согласно преданию, Великий *шофар* из рога барана, принесенного в жертву вместо Ицхака, возвестит о приходе Мессии.

каленные бойцы не могли сдерживать слез. Утром того же дня Наоми Шемер⁴², выступая перед солдатами в Эль-Арише, добавила новую строфу к своей недавно написанной балладе “Золотой Иерусалим” — после того, как услышала по радио, что Старый город в руках израильтян:

Вернулись к площади, к колодцам,
Базар, как встарь, шумит,
И трубный глас зовет нас к Храму,
Где Старый город спит.
В утесе скрытый вход в пещеры
Сияньем озарен,
И к морю Мертвому вернемся
Дорогой в Иерихон.

(Перевод А. Рафаэли)

Восторженно встреченная всеми израильтянами, песня “Золотой Иерусалим” стала настоящим гимном Шестидневной войны.

Возмездие на Голанских высотах

Теперь израильскому правительству оставалось принять последнее решение — относительно Сирии. Если бы возмездие не достигло самого непримиримого врага Израиля, страну, постоянно провоцировавшую пограничные конфликты, которые, по сути дела, и разожгли эту войну, если бы Сирии было позволено сохранить стратегические преимущества, которые обеспечивались Голанскими высотами, — это бы стало вызовом самой идее справедливости. Не говоря уж о непрекращающихся артиллерийских обстрелах, когда сирийские орудия обрушивали на поселения Северной

42 Шемер Наоми (урожд. Сапир; 1933–2004) — израильский композитор, поэт, бард. В 1951 г. окончила Академию музыки и танца им. Рубина в Иерусалиме. Вернулась в *квувцат Кинерет*, где преподавала музыку и ритмику в детском саду и школе. Написала восемь первых своих песен для детей. С 1956 г. жила в Тель-Авиве. Писала либретто для мюзиклов, а также тексты песен и музыку. Начала выступать с исполнением песен, аккомпанируя себе на пианино. В 1967 г. по заказу мэра Иерусалима Т. Колека написала песню *Йерушалаим шель за́ав* — “Золотой Иерусалим”. Песня впервые была исполнена за три недели до Шестидневной войны. После победы в войне и объединения Иерусалима Шемер добавила куплет: *Хазарну эль-борот га-маим...* (“Вернулись к колодцам...”). “Золотой Иерусалим” — одна из самых популярных израильских песен. Во время Войны Судного дня написала песню *Ло йехи* (“Пусть будет”), посвященную этой войне.

Галилеи тонны снарядов. Надо заметить, что Даян, не желавший провоцировать советское руководство, и в данной ситуации выступал сторонником сдержанности и осторожности. Но, как и в ситуации со Старым городом, позиция министра обороны не была поддержана ни правительством, ни армией — не говоря уж о жителях Северной Галилеи. Именно эти люди и способствовали окончательному решению вопроса. Вечером 8 июня, когда война была окончена на всех других фронтах, председатель местного совета Верхней Галилеи и еще несколько представителей общественности приехали в Иерусалим, где делегацию принял Эшколь. Тронутый их призывами ослабить натиск противника, Эшколь решился на беспрецедентный шаг и привел делегацию на заседание кабинета министров, где они смогли высказать свою точку зрения. Реакция министров была однозначной — они высказались в пользу наступательных действий на Голанах. Помимо всего прочего, военные события продолжали развиваться по своим законам. Генерал Элазар⁴³, командующий Северным фронтом, имел в своем распоряжении пять бригад, и солдаты буквально рвались в бой. Желание отомстить сирийцам служило весьма действенным стимулом; в расположение Северного военного округа прибывало множество добровольцев, в том числе и тех, кто уже успел принять участие в боевых действиях на других фронтах.

В три часа утра 9 июня Даян получил информацию, что египетские и иорданские войска прекратили огонь. Тогда он, наконец, решил начать действия против северного противника. Не найдя Рабина, Даян сам по-

43 Элазар Давид (“Дадо”; 1925–1979) — израильский военный деятель. В 1940 г. приехал в Эрец-Исраэль из Югославии. С 1946 г. член Палмаха, окончил офицерские курсы. Во время Войны за независимость участвовал в боях за Иерусалим в качестве командира роты. Закончил войну в должности командира батальона. Во время Синайской кампании командовал пехотной бригадой, захватившей сектор Газа. В 1961 г. был назначен командующим танковыми войсками. В 1962 г. получил звание генерал-майора. Изучал в Еврейском университете экономику и историю Ближнего Востока. С 1964 г. — командующий Северным округом. После начала Шестидневной войны 5–6 июля войска Северного фронта под командованием Элазара в ходе стремительной операции разгромили иорданские части и заняли Шхем и Дженин. 9–10 июня войска Северного фронта разгромили сирийскую армию в районе Голанских высот. С 1968 г. Элазар — начальник оперативного отдела Генштаба. В ноябре 1971 г. Элазар назначен девятым начальником Генштаба в звании генерал-лейтенанта. Элазар, как и другие представители израильского высшего командования, в сентябре — начале октября 1973 г. считал, что арабские страны не собираются начинать военные действия против Израиля. Во время Войны Судного дня достаточно эффективно руководил действиями израильских войск. Комиссия судьи Ш. Аграната возложила на Элазара “персональную ответственность” за все просчеты, допущенные перед войной. 2 апреля 1974 г. подал в отставку. В 1974–1976 гг. — председатель совета директоров Израильской компании морского судоходства.

звонил Элазару в семь утра и отдал приказ атаковать. Министр обороны, не забывая об осторожности, подчеркнул, что Элазар должен действовать исключительно в северной части Голан, в районе Баниаса, и ни в коем случае не выходить за пределы демилитаризованной зоны. Собственно говоря, наступление даже в ограниченном секторе Голанских высот было в высшей степени непростым делом. Перепад высот между Голанами и израильской долиной Хула составляет в разных местах от 400 до 1700 футов. Элазар мог наступать только с запада, и именно там сирийцы соорудили самый мощный оборонительный комплекс на Ближнем Востоке. Уходя более чем на десять миль в глубь сирийской территории, сооружения представляли собой многоуровневые огневые позиции из стали и бетона, с подземными туннелями, вкопанными в землю танками, крупнокалиберными пулеметами, противотанковыми орудиями и реактивными гранато-метами. Личный состав этих оборонительных сооружений включал три бригады, и в ближнем резерве имелось еще шесть бригад, причем три из них — танковые.

Элазар решил штурмовать эти чудовищные сооружения совершенно непредсказуемым образом — прорваться через самый мощный сектор обороны, представляющий особую сложность для боевых транспортных средств, однако имевший одно преимущество: дорога на Кунейтру в этом месте была продолжительностью всего в две с половиной мили от израильской границы. “Я решил на фронтальный удар в узком месте, — объяснял впоследствии Элазар. — Это было сопряжено со значительным риском... Однако преимущество этого плана состояло в том, что в случае успеха ты оказывался в тылу противника. А это очень важно, когда ты воюешь с арабами. Психологически их очень легко сломать”. Элазар выбрал направление атаки через труднодоступную горную местность с таким количеством валунов, что численность гарнизона противника в этом месте составляла всего 200 человек. Это представлялось вполне достаточным, потому что вероятность удара в данном направлении была незначительной: в дополнение к естественным преградам были возведены еще и оборонительные сооружения, включая два опорных пункта, доминировавших над выбранной Элазаром дорогой. Первый из них — укрепление на холме высотой 900 футов, Тель-Азаят, называемый израильянами “Драконом вершин”; второй — укрепление на высоте 700 футов, Тель-Факр. Для выполнения этого задания были отобраны бойцы ударной бригады *Голани*, причем в основном уроженцы Верхней Галилеи, выросшие под постоянной угрозой сирийских обстрелов. И вот днем 9 июня, под палящим солнцем, израильяне начали подъем, бульдозеры расчищали дорогу от крупных камней, за ними следовали старые танки “Шерман”, а за танками двигались пехотинцы.

Сбитые с толку выбором маршрута, сирийцы поначалу расценили действия противника как отвлекающий маневр. К тому же в любом случае у них не было возможности вызвать подкрепление. На протяжении двух дней израильская авиация непрерывно сбрасывала на окрестные хребты груз бомб и напалма. Упрятанные под тоннами бетона, арабы удерживали позиции, но не могли выйти из укрытий. Они не имели возможности пополнить запасы ни боеприпасов, ни воды. Единственное, что они могли делать, — это отстреливаться, расходуя свои и без того уже истощенные боекомплекты. Правда, их запасы были достаточно велики, и они наносили атакующим значительный урон, выведя из строя командира группы, затем его заместителя, затем другого заместителя. Вкопанные в землю сирийские танки были, один за другим, уничтожены израильтянами, которые, поднявшись в обход, забросали их гранатами. Самое серьезное сопротивление было оказано защитниками холма Тель-Факр. Первая группа израильтян добралась до заграждений из колючей проволоки, и почти все они погибли. Несколько десятков человек из второй группы прошли проволоку и минное поле, а третья группа достигла траншей противника. После трехчасового боя — по большей части рукопашного, с помощью ножей и автоматных прикладов, — укрепление было взято. В живых не осталось почти никого из сирийцев — израильтяне не брали пленных.

Одновременно с этим яростным боем успешно развивались и две отвлекающие атаки, которые Элазар начал к югу от этого места. К наступлению темноты израильтяне захватили два плацдарма на высотах. Закрепившись на этих позициях, ночью израильские бойцы отдыхали. На следующее утро, 10 июня, началась следующая стадия атаки. При мощной авиационной поддержке они стали продвигаться к Кунейтре, городу с населением 80 тыс. человек, административно-военной столице Голан. В полдень 10 июня, когда сирийские силы на севере дрогнули под непрерывными ударами израильского наступления, дивизия бригадного генерала Э. Пеледа, состоящая из десантников и пехотинцев, атаковала сеть связи, расположенную на гребне хребта, протянувшегося от Тауфика через Кафр-Хариб к Эл-Алу. Высоты этого хребта доминировали над всей Северо-Восточной Галилеей и были абсолютно неприступны со стороны Израиля. После интенсивного артиллерийского обстрела и бомбардировки в два часа дня в бой вступили танки, приданные дивизии Пеледа. Несмотря на очень крутой подъем, танкисты смогли взять эту высоту и продолжили продвижение на Тауфик. В тридцать дня десантники Пеледа вошли в город Тауфик, который уже был оставлен своими защитниками.

Похоже было на то, что сирийцы отступили из всего этого района. Вертолеты перебросили десантников в Кафр-Хариб, где они также не встретили сопротивления. Тогда вертолеты доставили их в следующую деревню,

Эл-Ал, где сирийцы также сдались фактически без боя. Далее наступление шло скачками: вертолеты доставляли десантников к очередной изолированной группе сирийских войск и вскоре снова поднимались в воздух, перемещаясь к следующему населенному пункту. Верность стратегического плана Элазара полностью подтвердилась: прорвать укрепления противника, выйти ему в тыл, и он впадет в панику. Таким образом, вскоре после полудня 10 июня Кунейтра сдалась, также без сопротивления. Боевой дух сирийских войск был окончательно сломлен, сирийцы бежали, спасая свои жизни, выскакивая из танков и оставляя их с работающими моторами. Радио Дамаска истерически призывало армию совершить последнее решающее усилие и спасти столицу, но такие призывы способны были только усилить панику. Офицеры убегали в числе первых. Израильская служба радиоперехвата услышала, как мужской голос сказал на сирийской армейской частоте по-русски с презрением: “Обезьяны драпают..”

В пять тридцать дня 9 июня представитель Сирии в Совете Безопасности ООН заявил, что его правительство отдало приказ об окончании военных действий в соответствии с резолюцией ООН о прекращении огня. Полчаса спустя представитель Израиля Гидеон Рафаэль заверил Совет Безопасности, что аналогичный приказ дан израильским силам на Северном фронте. Однако в действительности израильские войска продолжали свои действия, имея целью захват всех Голанских высот. Москва отлично осознавала это намерение, и там были по-настоящему встревожены: а вдруг вслед за Кунейтрой падет и Дамаск? Федоренко предупредил Совет Безопасности, что если Израиль немедленно не прекратит свое наступление, то будут приняты “иные меры”. В Министерстве обороны в Тель-Авиве ситуация становилась все более напряженной по мере того, как израильские действия на Голанах продолжались, а время приближалось к предельному сроку, установленному Советом Безопасности ООН для прекращения огня. К этому моменту Рабин сам корректировал план боевых действий Элазара, а в график начальника Генштаба изменения вносил, час за часом, сам министр обороны, сообразуясь с сообщениями о ходе событий в Вашингтоне и Нью-Йорке.

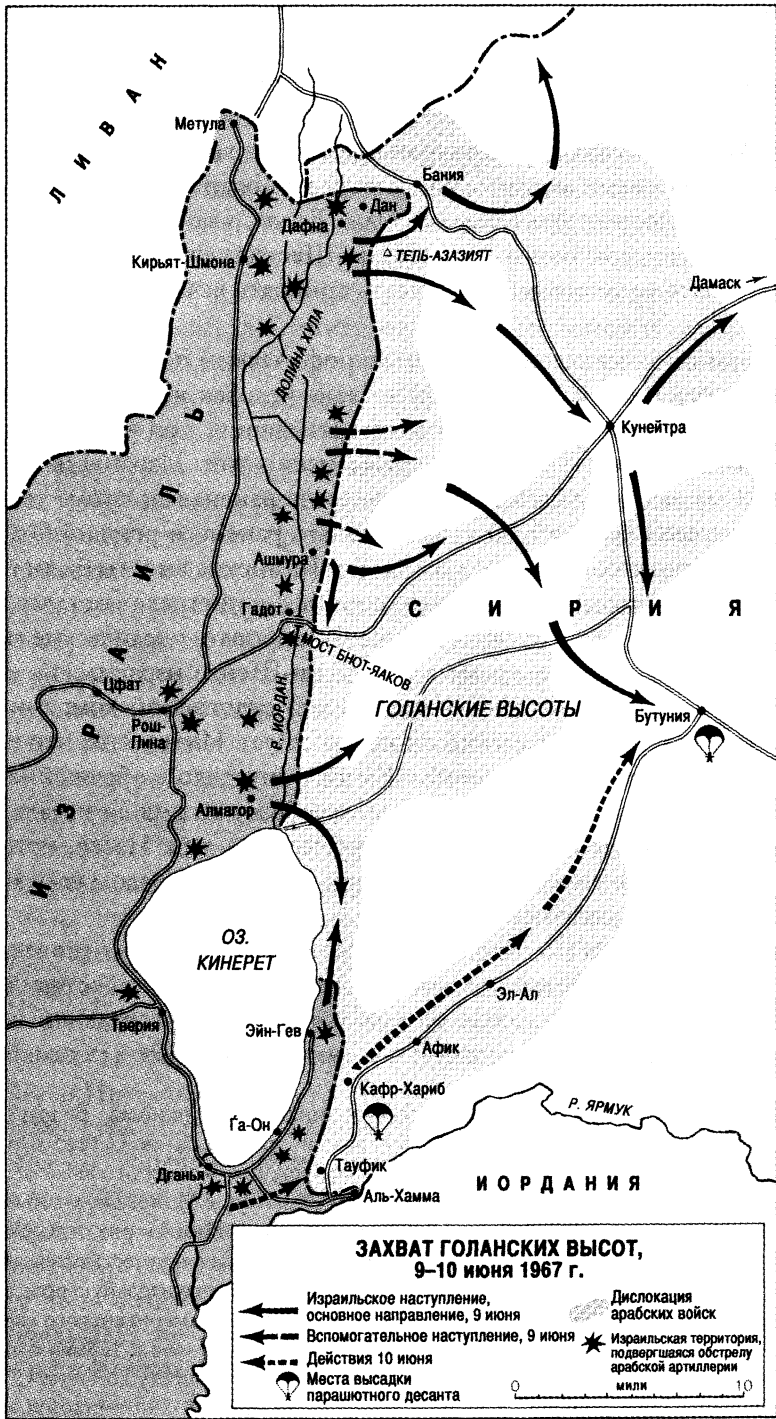
В восемь утра по вашингтонскому времени 10 июня Косыгин позвонил Джонсону по “горячей линии” с требованием немедленно остановить израильтян. Джонсон успокаивающе ответил, что Израиль дал ему безусловные заверения: в его намерения не входит идти на Дамаск. До полудня Косыгин позвонил еще дважды, и его тон становился все более угрожающим. В Белом доме возникли реальные опасения, что сейчас Советский Союз действительно может вмешаться в ход военных действий. Тогда Джонсон принял критическое решение: он отдал приказ Шестому флоту, находившемуся в 400 милях от зоны военных действий на Голанах, направить к си-

рийскому побережью три оперативных соединения. Немедленно авианосцы “Саратога” и “Америка”, несущие 200 самолетов, в сопровождении эсминцев взяли курс на восток. Но одновременно с этим Государственный секретарь США Дин Раск “в самых решительных выражениях” потребовал от посла Израиля Авраама Гармана⁴⁴ прекратить военные действия. Впрочем, к этому времени израильские клещи на Голанах успели сомкнуться, и Даян, через посредство генерала Одда Булла, уже занимался деталями соглашения о прекращении огня. Итак, Шестидневная война официально закончилась 10 июня 1967 г. в шесть тридцать вечера по израильскому времени.

Для сирийцев она закончилась катастрофическим поражением. За 27 часов боевых действий они потеряли 2,5 тыс. человек убитыми и 5 тыс. ранеными, треть своих танков, половину артиллерии; при этом с Голанских высот бежало 80 тыс. военных и гражданских лиц. Израильские потери составили 115 человек убитыми и 306 человек ранеными; кроме того, двое мирных жителей было убито и шестнадцать ранено в результате артиллерийского обстрела поселений Галилеи. Все Голанские высоты были теперь в руках Израиля; бесконечный кошмар сирийских обстрелов остался позади. Позади была и попытка арабского мира блокировать израильские морские пути. Примерно в это же время в Шарм-аш-Шейхе израильские солдаты приветствовали грузовое судно израильской судоходной компании *Цим*, направлявшееся через Тиранский пролив в Эйлат. Интересно, что в тот же день Главное почтовое управление в Каире выпустило в обращение новую почтовую марку, рисунок которой был сделан за три дня до начала войны. На марке изображен улыбающийся, уверенный в себе Насер, принимающий приветствия огромной толпы народа. В нижнем правом углу марки — Израиль, объятый пламенем.

Потери Израиля в Шестидневной войне составили 759 человек убитыми и примерно втрое больше ранеными. Потери в технике составили 40 самолетов и 80 танков. Арабские потери в живой силе составили в общей сложности порядка 30 тыс. человек; в технике — не менее 450 самолетов, и

44 Гáрман (Гéрман) Аврага́м (1914–1992) — израильский дипломат. В 1935 г. окончил Оксфордский университет. С 1938 г. жил в Эрец-Исраэль. С 1940 г. работал в Еврейском агентстве; с 1948 г. — в МИДе; в 1948–1949 гг. — заместитель начальника отдела информации; в 1949–1951 гг. — генеральный консул в Монреале, в 1951–1953 гг. — руководитель израильского информационного бюро в Нью-Йорке, в 1953–1955 гг. — генеральный консул Израиля в Нью-Йорке. В 1955 г. назначен заместителем директора МИДа; в 1959–1968 гг. — посол Израиля в США. Сыграл значительную роль в улучшении отношений между Израилем и США и превращении американского еврейства в важнейший фактор ближневосточной политики США. В 1968 г. Гáрман был избран президентом Еврейского университета. Оставался на этом посту до 1983 г. С 1983 г. до конца жизни Гáрман был почетным президентом Еврейского университета.

Л И В А Н

Метула

Банья

Дан

Кирият-Шимоне

Дасна

ТЕЛЬ-АЗАЗИЯТ

Дамаск

Дольная Хора

Кунейтра

Ашмура

Гадот

МОСТ БНОТ-ЯАКОВ

ГОЛАНСКИЕ ВЫСОТЫ

Бутнуия

Цфат

Рош-Пина

Алмагор

ОЗ. КИНЕРЕТ

Эл-Ал

Тмария

Эйн-Гев

Афик

Кафр-Хариб

Га-Он

Дганья

Тауфик

Аль-Хамма

ИОРДАНИЯ

Р. ЯРМУК

тысяча танков были подбиты или захвачены, плюс к этому было уничтожено или захвачено значительное количество другого военного снаряжения. Но самое главное — на Ближнем Востоке была создана новая военно-географическая действительность. До войны расстояние между крупным израильским населенным пунктом и ближайшей арабской авиабазой составляло четыре минуты полетного времени. Любая сухопутная атака арабских соседей на Израиль в любом месте (кроме Южного Негева) с неизбежностью затрагивала густонаселенные районы страны. Израиль практически полностью простреливался арабской артиллерией с востока на запад — совсем как еврейская часть Иерусалима или поселения в Северной Галилее. Теперь же, после войны, ситуация коренным образом изменилась. Теперь уже Амман, Дамаск, Каир оказались в пределах досягаемости для израильских самолетов и сухопутных войск. Ни еврейская часть Иерусалима, ни поселения в Северной Галилее, ни какой-либо другой населенный пункт страны уже не находились на линии огня. На юге вместо границы протяженностью в 200 миль между Синайским полуостровом и пустыней Негев, с сектором Газа, подобным занозе в теле Израиля, теперь имелся барьер Суэцкого канала протяженностью в 110 миль. На востоке — вместо длинной и запутанной границы с Хашимитским Королевством — теперь была относительно прямая линия с севера на юг, по реке Иордан и Мертвому морю.

Благодаря чему произошли столь радикальные перемены? Вряд ли возможно отнести все случившееся за счет превосходства в вооружениях — здесь как раз преимущество было на арабской стороне. По всей видимости, как и в предыдущих арабо-израильских войнах, решающую роль сыграл человеческий фактор. Одно немаловажное обстоятельство здесь — различный уровень грамотности рядовых солдат израильской и арабских армий. Другое обстоятельство — это лидерские качества офицеров. Египетские штабные офицеры отличались поразительной самоуверенностью и отсутствием организационных навыков. Они в принципе не задумывались о необходимости разработки совместных планов боевых действий со своими сирийскими и иорданскими коллегами. Именно отсутствие координации и привело к роковой ошибке арабских стран, которая позволила Израилю вести не одну войну, а три отдельные, следовавшие одна за другой: сначала против Египта, затем против Иордании и, наконец, против Сирии. Существенно важным обстоятельством была также сила личного примера. Арабские офицеры всех рангов легко впадали в панику, стоило только израильтянам добиться первых видимых успехов. Показательно, что доля египетских офицеров от общего числа убитых и раненых в египетской армии составляла менее 15%, а в Армии обороны Израиля эта величина была вдвое больше. Но в конечном итоге чашу весов в пользу Израиля склонили не только уровень грамотности и степень преданности своему делу. Это было

еще и мужество, рожденное осознанием безысходности, — характерное для всей армии. На церемонии вручения ему диплома почетного доктора философии Еврейского университета, через три недели после окончания войны, Рабин не стал приукрашивать действительность, выступая перед собравшейся аудиторией — а фактически перед всей страной:

“Наши летчики, поражавшие самолеты противника с такой точностью, что никто в мире не мог представить себе, как это им удавалось, и многие эксперты высказывали мысли о технологических новинках или даже говорили о некоем “секретном оружии”; наши танкисты, побеждавшие противника, хотя неприятельские танки были технически совершеннее наших; наши солдаты всех родов войск, бравшие верх над противником во всех боях, несмотря на его численное превосходство и кажущуюся неприступность укреплений, — все это является свидетельством не только их мужества и хладнокровия в бою, но и глубокого понимания, что только личный пример каждого из них способен привести страну к победе и гарантировать безопасность их семьям — ведь если бы мы не победили, мы бы были уничтожены”.

Моральная правота израильтян была широко признана в большинстве стран мира. Кроважидные угрозы арабских лидеров в адрес Израиля, раздававшиеся на протяжении многих недель перед началом войны, спокойствие и порядок, которые демонстрировали при этом израильтяне, как военные, так и гражданские лица, — все это не могло не тронуть сердца простых людей всего мира. В Западной Европе, за несколько дней до начала военных действий, проходили массовые демонстрации в поддержку Израиля, и добровольцы — как евреи, так и неевреи — выстраивались в длинных очередях перед посольствами Израиля, желая предложить свою помощь. Политические деятели, представители интеллигенции и мира искусств в числе других подписывали петиции, заявляющие о праве Израиля на существование. В Стокгольме члены парламента Швеции намеревались подать в отставку и отправиться воевать в Израиль. В церквях Нидерландов молились за безопасность Израиля. Когда начались военные действия, реакция в странах Запада на победу, одержанную Израилем над противником, превосходившим его во много раз в численном отношении, была встречена с нескрываемой радостью; впрочем, в США эта радость была, возможно, более сильной, чем в остальном мире, — там почувствовали с облегчением, что избавлены от необходимости ввязываться в еще одну войну вроде Вьетнамской.

Следует отметить, что и реакция в коммунистическом мире не была однозначно антиизраильской. Хотя большинство западных компартий официально и поддерживали арабов, их рядовые члены занимали вполне произраиль-

ские позиции. Более того, в Восточной Европе проарабская политика властей впервые столкнулась с оппозицией общественности. В Польше прошли стихийные демонстрации в поддержку Израиля, и целый ряд видных польских деятелей, включая даже нескольких министров, отказывались подписывать публичные заявления, клеймящие Израиль как агрессора. В Чехословакии редакторы газет не принимали к публикации статьи антиизраильского характера. Правительство Румынии решительно отказалось занять безусловно антиизраильскую позицию. При всем том, конечно, общественному мнению не дозволено было оказывать воздействие на официальную партийную доктрину. Главы стран коммунистического мира собрались 9 июня в Москве и подписали длинную декларацию солидарности с делом арабского народа, обещая оказать арабским странам помощь, если Израиль продолжит свою «агрессию». Затем коммунистические страны, одна за другой, разорвали дипломатические отношения с Израилем — все, кроме Румынии.

Объединение дипломатических усилий

После того как было подтверждено прекращение огня, Федоренко выступил в Совете Безопасности 13 июня после полудня и дал ясно понять, что Советский Союз намерен дипломатическим путем добиться того, чего арабские государства не смогли получить при помощи военных действий. Советский представитель заявил, что прекращения огня недостаточно и что следует осудить Израиль и заставить его вернуться к границам перемирия 1949 года. Федоренко также пригрозил, что бездействие Совета Безопасности может «привести к необходимости поиска других путей и способов обеспечить выполнение в полной мере обязательств Организации Объединенных Наций в соответствии с ее Хартией». Хотя это было самое резкое из всех выступлений Федоренко по этому вопросу, оно не произвело должного впечатления на представителей других Великих держав: уж если СССР не вмешался во время военных действий, то представляется сомнительной его угроза радикальных шагов в мирное время. Особенно твердую позицию относительно поддержки Израиля занимали американцы, которые испытывали известную неловкость от того, что их действия в критические предвоенные недели не были достаточно эффективными, — тем более, что Израиль самостоятельно смог разрешить этот международный кризис и обеспечить свою безопасность своими собственными усилиями и кровью своих солдат.

«Если существует способ возобновления военных действий, — заявил Гольдберг, — так это как раз предлагаемая Советским Союзом резолюция». Американский представитель далее подчеркнул, что единственное прием-

лемое решение — поддержка идеи “договора между сторонами конфликта”, и потому Совет Безопасности “обязан способствовать заключению [такого договора] и созданию атмосферы, в которой возможно ведение плодотворных дискуссий”. Таким образом, позиции СССР и США были четко обозначены с самого начала.

В ходе голосования 14 июня всего четыре делегации поддержали предложение Федоренко об осуждении Израиля — остальные воздержались. Следующий пункт советской резолюции, относительно вывода израильских войск с оккупированных территорий, собрал лишь шесть голосов. В конечном итоге на заключительном заседании к вечеру 14 июня была принята довольно беззубая резолюция, призывающая все стороны к соблюдению Женевской конвенции относительно военнопленных, обмену беженцами военного времени и гуманному отношению к населению на оккупированных территориях. После этого Федоренко, разъяренный своей неудачей, выбрал другой путь действий. Он обратился к Генеральному секретарю ООН У Тану с просьбой о созыве специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Прецедент принятия решения на Генеральной Ассамблее с целью обойти решение Совета Безопасности был установлен в 1950 г. в ходе голосования относительно Корейской войны, а затем использован при обсуждении ввода советских войск в Венгрию и Суэцкого кризиса 1956 г.; следует подчеркнуть, что прецедент был установлен по инициативе США с целью обойти в 1950 г. советское вето. Теперь к этому способу, вопреки протестам США, прибегнул СССР, с явной целью мобилизовать голоса афро-азиатского блока против Израиля.

Сессия Генеральной Ассамблеи была назначена на 19 июня. Для того чтобы подчеркнуть всю степень важности, которую Москва придает этому мероприятию, в Нью-Йорк прилетел сам Косыгин, чтобы выступить с заявлением советского правительства. В известном смысле речь советского лидера была мягче, чем ожидалось. Он ни разу не сказал, даже намеком, что решение конфликта может выйти за рамки международного сообщества. Он признал право Израиля на существование и даже высказал надежду, что “Генеральная Ассамблея сможет принять эффективное решение, гарантирующее восстановление мира и безопасности на Ближнем Востоке”. Эта фраза содержала указание на то, что ООН, возможно, придется пойти на нечто большее, чем просто восстановление статус-кво по состоянию на 4 июня 1967 г. Затем, однако, перейдя в наступление, Косыгин обвинил Соединенные Штаты и Великобританию, назвав их моральными соучастниками Израиля в развязывании ближневосточной войны, и в очередной раз призвал к осуждению Израиля, потребовав полного вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий и финансового возмещения арабским странам убытков, которые те понесли в ходе военных действий.

Разумеется, арабские делегаты единогласно поддержали советское предложение. Точно так же проголосовали коммунистический блок и большинство представителей мусульманских стран. Делегации Дании, Великобритании, Италии и Бельгии признали необходимость вывода израильских войск, увязав это, однако, с обеспечением международных гарантий безопасного существования для всех ближневосточных стран. Такое компромиссное предложение не было одобрено американцами. Гольдберг в очередной раз заявил, что надежный и продолжительный мир может быть достигнут лишь путем переговоров, причем переговоры должны вестись по таким пунктам, как признанные границы и прочие условия, “включая разделение сторон конфликта и отвод войск, что сможет обеспечить сторонам конфликта безопасность и гарантии от террористических действий, разрушений и войн”. Как с благодарностью отметили израильтяне, в американской формулировке ничего не говорилось об окончательной линии границ и она не предусматривала отхода к линии перемирия 1949 г.

Мало кто из дипломатов считал, что советская либо американская резолюция соберет необходимое для утверждения большинство в две трети голосов этой Генеральной Ассамблеи, раздираемой противоборствующими интересами. Максимум, на что можно было надеяться, так это на некую компромиссную формулировку. Такую формулировку предложили 26 июня делегации латиноамериканского блока. Их резолюция содержала требования безусловного признания Израиля и его полного права на свободный и мирный проход через все международные водные пути. Однако там содержалось также утверждение о необходимости решения проблемы беженцев, равно как и признание недопустимости изменения границ с помощью силы. Была также выдвинута и другая резолюция, предложенная неприсоединившимися странами, включая Югославию, Индию и целый ряд арабских и азиатских государств, которая, в сущности, поддерживала советские и арабские требования относительно отвода израильских войск и финансового возмещения убытков. Франция, которая к этому времени заняла откровенно проарабскую позицию, поддержала резолюцию неприсоединившихся стран. Все попытки свести воедино эти две резолюции оказались тщетными, после чего, 4 июля, сначала резолюция неприсоединившихся стран, а затем латиноамериканская резолюция были поставлены на голосование. Ни одна из них не смогла набрать необходимых двух третей голосов. Во время объявленного недельного перерыва специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, с 5 по 12 июля, продолжались попытки выработать компромиссную формулировку, что происходило на фоне безусловного нежелания арабских стран прийти к примирению с Израилем и столь же непреклонного отказа Израиля рассмотреть возможности хотя бы частичного отвода войск (на что израильтяне соглашались лишь при условии прямых мирных

переговоров). Возможности урегулирования конфликта представлялись отнюдь не обнадеживающими. По прошествии еще одной недели безрезультатных переговоров работа специальной сессии была отложена.

Ко времени начала работы очередной сессии Генеральной Ассамблеи 19 сентября Гольдберг отказался от своего настоятельного требования относительно прямых переговоров между арабскими странами и Израилем и сообщил о приемлемости идеи переговоров через посредников. Вот тогда на переговорной арене появился лорд Карадон (Хью Фут), представитель Великобритании. Бывший губернатор Кипра, имеющий значительный опыт общения с греческой и турецкой общинами острова, Карадон внес в переговорный процесс такие свои качества, как проницательность, воображение и сверхчеловеческое терпение. Он принялся сводить воедино резолюции латиноамериканских и неприсоединившихся стран. Его задача состояла в поисках консенсуса, который включал бы два основополагающих принципа: вывод израильских войск и неоспоримое право Израиля — как, впрочем, и других стран Ближнего Востока — на существование при условиях полного и равноправного суверенитета. Поначалу приверженцы двух резолюций не были склонны проявлять достаточную гибкость, но тут ситуация на Ближнем Востоке снова обострилась критическим образом. Израильский эсминец “Эйлат” был потоплен 21 октября египетской ракетой, а 24 октября израильтяне ответили артиллерийским обстрелом основных нефтяных сооружений в египетском портовом городе Суэц. Обе страны обратились с жалобами в Совет Безопасности, который решил в максимально возможной степени ускорить поиски мирного решения конфликта.

В середине ноября энергичные дипломатические усилия лорда Карадона стали приносить свои плоды. Была выработана формулировка, устраивающая большинство членов Совета Безопасности, хотя ее положения далеко не в полной мере удовлетворяли как израильтян, так и арабов. И вот 22 ноября была единогласно принята Резолюция № 242 Совета Безопасности ООН. Некоторые пункты Резолюции были сознательно сформулированы таким образом, чтобы они допускали неоднозначное толкование. Текст Резолюции, в частности, гласил:

“Совет Безопасности... подчеркивая недопустимость приобретения территорий военным путем и наличие необходимости установления справедливого и долгосрочного мира на Ближнем Востоке, чтобы каждое из государств региона могло жить в состоянии безопасности... ”

1. Подтверждает, что следование принципам Хартии требует установления справедливого и долгосрочного мира на Ближнем Востоке, причем необходимо обеспечить выполнение обоих нижеследующих принципов:

- (1) Вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных в ходе недавнего конфликта;
- (2) Прекращение всех притязаний или состояния вооруженного конфликта, уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства региона и их права жить в мире в безопасных и признанных границах, не опасаясь угроз или актов насилия;
2. Подтверждает также необходимость
 - (а) гарантированной свободы мореплавания через международные водные пути региона;
 - (б) достижения справедливого решения проблемы беженцев;
 - (в) гарантий территориальной неприкосновенности и политической независимости каждого из государств данного региона путем принятия мер, включающих установление демилитаризованных зон;
3. Просит Генерального секретаря назначить Специального представителя, который должен прибыть на Ближний Восток для установления и поддержания контактов с государствами, вовлеченными в конфликт, с целью выработки соглашения и содействия в достижении мирного и приемлемого урегулирования в соответствии с положениями и принципами настоящей резолюции...

Резолюция была по-разному воспринята сторонами конфликта. Арабские страны подчеркивали, в первую очередь, такие ее положения, как вывод войск и решение проблемы беженцев. Израильяне, напротив, уделили особое внимание отсутствию определенного артикля перед словом “территории” (в пункте 1.1 “Вывод израильских вооруженных сил с территорий...”), что позволяло им, равно как и американцам, интерпретировать это требование как “вывод с некоторой части, но не со всех территорий”. Кроме того, Израиль подчеркивал важность таких положений, как признание суверенитета и территориальной целостности стран региона, отказ от применения силы в регионе, гарантированная свобода мореплавания через международные водные пути и, наконец, назначение Специального представителя, который должен “выработать соглашение и содействовать достижению мирного и приемлемого урегулирования” — что означало, по мнению израильской стороны, окончательное урегулирование. В конце концов резолюция стала вполне приемлемым документом, подводящим итоги того, что было — если называть вещи своими именами — наступательной военной кампанией; более того, текст этой резолюции представлял разительный контраст со всеми теми нападками, которым Израиль подвергся после Синайской кампании 1956 г. Помимо всего прочего, на этот раз поведение большинства делегаций отражало новую атмосферу умеренного, но устойчивого оптимизма. “Резолюция № 242 Совета Безопасности ООН знаменует выход на новый уровень достижений международной дипломатии

по отношению к ближневосточному региону, — писал Артур Лалл, бывший представитель Индии при ООН. — «Никогда еще перспективы мира на Ближнем Востоке не были более благоприятными, чем в начале 1968 г.». Точка зрения Лалла получила достаточно широкое распространение. Она была отнюдь не самой незначительной и уж тем более не последней из числа дипломатических иллюзий, связанных с надеждой на то, что у арабо-израильского конфликта может быть рациональное решение, достижимое путем переговоров.

Глава XXII.

Израиль — империя

Объединенная столица

Народ Израиля словно вышел из тьмы на свет. Даже семьи погибших были охвачены всепоглощающим чувством восторга и потрясены колоссальным масштабом победы — особенно чудом объединенного Иерусалима. О значительности июньской победы свидетельствовала не только эйфория израильтян, но растерянность и испуг арабского населения, чьи города и деревни оказались под израильским контролем. На всех карнизах каменных домиков, разбросанных по территории, занятой Израилем, были вывешены трепещущие белые тряпочки, а арабские обитатели этих домиков сидели, растерянные и онемевшие, терзаемые страхами: чего можно ждать от новой власти чужаков, что будет с работой и сбережениями, какой будет ситуация на рынке, в том числе и на валютном рынке? На территории в 28 тыс. квадратных миль, неожиданно-негаданно оказавшейся в израильском владении, проживало не менее 1 млн этих “нечаянных граждан”, в том числе 670 тыс. арабов на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме, 356 тыс. в секторе Газа, 33 тыс. в Синае и 6 тыс. (в основном друзы) на Голанских высотах.

В первую очередь израильтянам необходимо было разобраться с арабами на близлежащей территории, то есть с теми, кто жил по ту сторону барьера, разделявшего Иерусалим на протяжении последних девятнадцати лет. Тедди Колек¹, коренастый, крепко сбитый, энергичный мэр израиль-

¹ Колек Тедди (Теодор; 1911–2007) — израильский общественный деятель и мэр Иерусалима в 1965–1993 гг. В юности член молодежных сионистских движений. С 1935 г. жил в Эрец-Исраэль. В 1938–1939 гг. находился в Европе. Накануне Второй

ского Иерусалима, обнаружил, что в его ведении теперь находится столичная территория, по площади вдвое превышающая еврейский Новый город, с арабским населением, насчитывающим 67 тыс. человек, и что арабы Восточного Иерусалима стали, в буквальном смысле этого слова, согражданами, а точнее, “согорожанами” евреев-иерусалимцев. Правда, юридический статус этих новых сограждан был пока еще не вполне ясен — как, впрочем, и обязанности израильской администрации по отношению к ним в рамках международного законодательства. Следовало учитывать также и то обстоятельство, что еврейские святые места и кладбища в зоне, находившейся под арабским контролем, были разорены и осквернены — при явном попустительстве иорданских властей и в нарушение Родосского соглашения о перемирии. Тем не менее с первого же дня израильское правительство приняло решение относительно того, что все жители Иерусалима, как евреи, так и арабы, имеют равные права на жизнь в условиях закона и порядка, на свободу отправления религиозных обрядов, а также на все услуги коммунальных служб. Таким образом, даже еще до официального объявления о прекращении огня, работники коммунальных служб Нового города выезжали в Восточный Иерусалим для ремонта городского водопровода и линий электропередачи, для разборки дорожных заграждений и вывоза мусора. Электрическая и телефонная сети арабской и еврейской частей города были объединены в общую систему. Арабский Иерусалим, хронически испытывавший нужду в воде, был подсоединен к системе водоснабжения Западного Иерусалима. Благодаря всем этим мерам качество жизни в арабском Иерусалиме резко возросло, по сравнению с довоенным уровнем.

Впрочем, действия израильтян по восстановлению и расширению системы коммунальных услуг объяснялись не только гуманитарными соображениями. Делалось все возможное, чтобы ни у кого не оставалось сомнений: евреи вернулись в объединенный город с тем, чтобы никогда

мировой войны встречался с Эйхманом и добился разрешения на выезд из Австрии в Великобританию 3 тыс. молодых евреев. В 1940–1947 гг. работал в политическом отделе Еврейского агентства. В 1943 г. был отправлен в Стамбул в качестве связного между еврейским подпольем в Европе и разведкой стран-союзников. В 1944–1945 гг. участвовал в создании организации *Бриха*. Накануне основания Государства Израиль занимался нелегальной закупкой в США военного оборудования для *Гаганы*. В 1952–1964 гг. возглавлял Министерство главы правительства. С 1964 г. — председатель Совета директоров Израильского музея. Избирался мэром Иерусалима первоначально от списка *Рафи*, затем *Маарах*. Много сделал для экономического и культурного развития Иерусалима. Являлся инициатором создания фонда *Керен Йерушалаим*, предназначенного для улучшения внешнего облика столицы, сохранения исторических памятников, реставрации старых жилых районов.

больше не покидать его. Об этом свидетельствовал не только тот энтузиазм, с которым мэр Иерусалима Колек предоставлял арабским жителям города необходимую помощь и муниципальные услуги, но также и то, что он принял сотни арабских рабочих и служащих на различные должности в объединенной городской администрации. Доказательством тому послужило и распоряжение Колека убрать несколько десятков арабских жилых строений в Еврейском квартале Старого города, а также напротив Западной стены, чтобы там можно было расчистить место у Стены для евреев, приходящих на молитву. При этом, разумеется, арабским владельцам была предложена компенсация и альтернативное жилье, но вместе с тем принятие таких мер не оставляло сомнений относительно планов городской администрации. Собственно говоря, речь шла не только о действиях в городских масштабах: 27 июня 1967 г. *кнесет* принял три закона, подготовленных правительством сразу же после того, как израильские войска вошли в Старый город.

Первый документ, дополнение к Закону об административном управлении от 1948 г., гласил: “Закон, юрисдикция и административные правила Государства Израиль распространяются на любую территорию Государства Израиль, определенную правительством в установленном порядке”. Это постановление сопровождалось указом, датированным тем же числом и определяющим Восточный Иерусалим и его пригороды с этого же дня как находящиеся “под израильским законом, юрисдикцией и административными правилами”. Иными словами, согласно этому заявлению Иерусалим включался в состав Государства Израиль. Во втором документе, принятом *кнесетом*, Министерству внутренних дел было дано разрешение “в рамках своих полномочий и без консультаций с иными инстанциями”, путем официального объявления о своем решении “расширять границы населенных пунктов, включая в них [выбранные ими] территории” в рамках Закона об административном управлении от 1948 г. После этого министр внутренних дел немедленно расширил границы Иерусалима путем включения в них прилегающих к городу территорий. И наконец, с целью предупреждения какой-либо негативной реакции за рубежом *кнесет* принял третий документ, обеспечивающий святым местам защиту “от осквернения, а также от любых попыток нарушить свободу доступа верующих к святым для них местам либо как-либо оскорбить чувства верующих”.

Официальная позиция Израиля формулировалась следующим образом: формальная аннексия Восточного Иерусалима, в том числе и Старого города, никогда не имела места — иными словами, вновь включенные территории ни по закону, ни в судебном порядке не являлись частью Израиля. Суть этой тонченной софистики стала ясна после не замедлившей себя

ждать реакции ООН. Генеральная Ассамблея ООН 4 июля 1967 г. приняла 99 голосами, без единого голоса против, резолюцию, объявляющую незаконными любые изменения статуса Иерусалима, с призывом к Израилю отказаться от своих действий. В ответ на эту — равно как и на последующую резолюцию аналогичного содержания — Эвен заявил, что “термин “аннексия” в данном случае является неприменимым” и что “речь идет о мерах по интеграции Иерусалима в административную и муниципальную сферы, равно как и об охране святых мест Иерусалима”. То, что Абдаллах захватил в 1948 г., причем не в рамках международного законодательства, а силой оружия, и включил в состав своего королевства, теперь было возвращено Израилем в рамках самообороны. Такая аргументация была более понятна международной общественности, и к ней отнеслись с заметным уважением.

Итак, с момента, когда ворота Восточного Иерусалима были открыты для всех желающих, всего через несколько дней после объявления о прекращении огня, местные арабы обнаружили, что они являются хашимитскими подданными, живущими в израильском городе. В качестве жителей Иерусалима они пользовались теми же благами и имели те же обязанности, что и другие иерусалимцы. Они просто не получили статуса граждан Израиля. Впрочем, после того, как иерусалимские арабы смирились с мыслью о переходе города в руки израильтян, такой двойственный статус не очень их и беспокоил. После девятнадцатилетнего перерыва жители восточной и западной частей города впервые обрели возможность свободно общаться друг с другом. Стали возобновляться старые знакомства, арабы посещали дома, оставленные ими два десятилетия тому назад, а 30 июня мэр Иерусалима Колек присутствовал на пятничной молитве. Нельзя не признать, что жизнь в новом качестве далеко не во всем стала райским блаженством для арабских иерусалимцев. Им пришлось привыкать к новой городской бюрократии и к всевластию израильских гражданских служащих. При этом, однако, они не могли не отметить повышения уровня безопасности на улицах города, а также заметного улучшения качества коммунальных услуг. Помимо всего прочего, к декабрю 1967 г. было заасфальтировано 15 миль городских улиц, установлено 1200 новых уличных фонарей, в городских парках посажены тысячи саженцев, еженедельно в среднем 50 арабских домов подключалось к городской водопроводной сети, и начала действовать новая система вывоза мусора. При Колеке муниципальный бюджет Восточного Иерусалима был увеличен втрое. Нельзя не заметить также, что сотни тысяч израильтян заполнили улицы Старого города — это были дружелюбные люди, они интересовались городскими достопримечательностями и были готовы купить практически все, что выставляли на продажу арабские торговцы и ремесленники. Возможно,

израильская власть не была идеальной, но в целом израильтяне оказались людьми, отнюдь не настолько вселяющими ужас, как их рисовала арабская пропаганда.

Западный берег

Из примерно 1 млн арабов, оказавшихся под властью Израиля, не менее 340 тыс. были беженцами, покинувшими родные места после военных действий 1948 г. Из них 220 тыс. жили в тесноте и убожестве лагерей Газы, а 120 тыс. — на Западном берегу, в Иордании. Во время войны 1967 г. 150 тыс. бежали с Западного берега на Восточный берег или в Сирию, и в их числе не только давние обитатели этих мест, но и около 80 тыс. человек, живших в лагерях беженцев Западного берега. Большинство из беженцев 1967 г. пошло на это по собственному желанию — никто не принуждал их оставить старые места. Но израильский закон, принятый *кнесетом* в начале 1950-х гг. по отношению к беженцам 1948 г. (Гл. XVI), запрещал их возвращение.

В данной ситуации, однако, на Израиль был оказан сильный нажим со стороны ООН, сразу же после июня 1967 г., с тем, чтобы такое решение было аннулировано. Вследствие этого кабинет Эшколя согласился на репатриацию первоначально 40 тыс. арабов. Казалось бы, что после этого возвращение беженцев начнется буквально на следующий день. Однако они не получили такой возможности из-за странного поведения иорданских властей, которые отказались признавать документы с израильскими печатями. Когда наконец совместными усилиями была одобрена новая форма документа, иорданские власти по-прежнему с неохотой соглашались на возвращение. Таким образом, к концу августа не более 14 тыс. арабов с Западного берега пересекли Иордан в обратном направлении, и тогда израильская сторона временно приостановила репатриацию. Но все-таки израильтяне не были склонны проявлять излишний догматизм по этому вопросу, и на протяжении последующих шести лет постепенно репатриировалось еще 40 тыс. беженцев. По возвращении они нашли в сохранности свои дома, имущество и земельные участки.

Тем временем арабы на оккупированных территориях жили в условиях военного правления. Все было организовано быстро и эффективно, в течение буквально нескольких дней после окончания войны. Общую структуру правления определил все тот же Моше Даян, бывший тогда министром обороны, — и проделал он это с размахом и воображением, отличавшим его военные планы. Первым делом он настоял на прямом диалоге с арабами; собрав несколько сот мухтаров и глав арабских родов, он предпри-

нял попытку убедить их в том, что сотрудничество с израильскими властями станет единственной возможностью предотвратить крах всей системы коммунального обслуживания. Такое заявление отнюдь не было преувеличением. Арабское население находилось в изоляции от своих традиционных административных центров к востоку от Иордана. Банковская система была парализована. Сельское хозяйство и промышленность были оторваны от своих привычных рынков сбыта, а туризм фактически прекратил свое существование. “Мы не требуем от вас любви, — объяснял Даян мухтарам, стараясь рассеять их беспокойство. — Мы просим, чтобы вы позаботились о своем народе и сотрудничали с нами в ходе возвращения к нормальной жизни”.

Со своей стороны, боевой генерал искренне верил, что израильский оккупационный режим должен быть мягким и ненавязчивым в максимально возможной степени. Он давно был убежден в том, что Бен-Гурион в свое время вел по отношению к арабам слишком жесткую политику. Эта ошибка не должна была повториться на оккупированных территориях. Соответственно, Даян распорядился, чтобы все армейские командные центры были благоразумно размещены вне основных транспортных магистралей. Политика “невидимости”, действенная в теории, на практике оказалась не столь эффективной. Как только военное присутствие Израиля в Восточном Иерусалиме было сведено к минимуму, немедленно оживилась деятельность фedaинов в районе Западного берега (Гл. XXII. Усиление арабского сопротивления), что не могло не потребовать более жестких ответных мер. К 1969 г. все израильские военные лагеря были перенесены на оккупированные территории, и отряды вооруженных израильских солдат постоянно маршировали, соблюдая необходимые меры предосторожности, по улицам Наблуса, Рамаллы, Иерихона и других основных городов Западного берега. Впрочем, исходя из предложения Даяна, израильское правительство согласилось на сохранение иорданского законодательства на всей территории Западного берега, причем соблюдение закона и порядка было возложено в значительной степени на довоенную арабскую администрацию; в секторе Газа гражданские власти также состояли в основном из местных официальных лиц. Контроль за деятельностью местной администрации осуществляло в конечном итоге менее 220 израильтян, как военных, так и гражданских чиновников. Даян надеялся, что арабские жители оккупированных территорий смогут осуществлять самоуправление, практически не видя израильских официальных лиц, а уж тем более израильских военных. Израильтяне, разумеется, оставили за собой ненавязчивый контроль, главным образом благодаря своей физической близости к контролируемым территориям (как они именовались на языке военной администрации). Действительно, главные города Израиля были ближе к Запад-

ному берегу и сектору Газа, чем к Центральному Негеву. Через несколько недель специальная комиссия израильского правительства подобрала представителей для каждого из центров военной администрации (в Иудее, Самарии, Газе, Синае и на Голанах); эти представители были сотрудниками ряда министерств, в первую очередь сельского хозяйства, здравоохранения, юстиции, образования, и все они, стараясь не привлекать особого внимания, сотрудничали с арабской гражданской администрацией. Когда местные налоговые сборы или иорданские субсидии оказывались недостаточными для финансирования муниципальных и прочих бюджетов, военная администрация покрывала недостающее из правительственного бюджета. Если не считать первоначальных расходов на устройство израильских военных лагерей на Западном берегу, суммарные затраты не превышали 35 млн долларов в год, что можно было считать умеренной ценой за мирные отношения.

В числе других неотложно принятых мер было бесперебойное обеспечение территорий товарами и услугами. В августе 1967 г. было разрешено свободное обращение израильской валюты наряду с иорданской. В секторе Газа и на Голанах местные деньги (египетские и сирийские) принимались по курсу Цюрихского банка, хотя официальной валютой также была объявлена израильская лира. После того как были установлены все эти правила, восстановилось функционирование банковской системы и возобновился приток денежных средств из-за рубежа. Но главным новшеством было обеспечение свободы передвижения, что оживило экономическую деятельность на оккупированных территориях. Политика свободы передвижения была введена сначала на Западном берегу, где Даян распорядился убрать все дорожные заслоны через несколько дней после окончания военных действий, а вскоре отменил и комендантский час. Последние ограничения на поездки по Израилю были отменены в августе, и тогда же было разрешено сообщение между Западным берегом и сектором Газа через территорию еврейского государства. Лавина израильтян немедленно захлестнула базары арабских городов. Несколько месяцев спустя правительственные органы приступили к выдаче разрешений на дневные поездки в Израиль для жителей Западного берега и сектора Газа. К лету 1970 г. Даян полностью отменил все ограничения, и жители Западного берега стали свободно ездить по всей территории Израиля. Десятки тысяч арабов смогли пересекать “зеленую черту” — установленную в 1949 г. старую границу перемирия — и посещать израильские города, пляжи и места отдыха. Последствия политики свободного передвижения немедленно сказались на рынке рабочей силы. Жители Восточного Иерусалима могли работать в Новом городе практически со времени окончания военных действий. Затем возможности трудоустройства открылись по всему Израилю для арабов Западного берега и

сектора Газа; число работающих в Израиле достигло 15 тыс. к июню 1968 г. и продолжало расти быстрыми темпами (Гл. XXII. Экономические итоги израильской оккупации).

Но все-таки жизнеспособность территорий была в конечном итоге обеспечена благодаря свободе передвижения в другом направлении, между Западным берегом и иорданским Восточным берегом. Поскольку арабская экономика основана в первую очередь на сельском хозяйстве, то прекращение доступа на традиционный рынок Восточного берега могло иметь катастрофические последствия для всего населения. Вот почему через два дня после окончания военных действий подполковник Исраэль Эйтан, только что назначенный военным губернатором Самарии, принял — по собственной инициативе — решение относительно того, что арабским фермерам следует разрешить поездки на тот берег Иордана для продажи там своей продукции. Даян, узнав об этом решении с некоторым опозданием, немедленно одобрил его. Хашимитское правительство выступило со встречной инициативой, предложив соорудить мосты через Иордан. Такое сотрудничество на правительственном уровне позволило спасти урожай, выращенный фермерами Западного берега. В дальнейшем, по обоюдной договоренности Иерусалима и Аммана, политика “открытых мостов” была распространена и на прочие виды продукции, как сельскохозяйственной, так и промышленной, что способствовало росту товарооборота между Западным и Восточным берегами. Благодаря успеху этой политики “открытых мостов” на следующее лето значительно увеличилось число арабов Восточного берега, а потом даже и арабов из Иордании, приезжавших на Западный берег, в сектор Газа, и затем в Иерусалим и другие районы Израиля, на срок до трех месяцев (Гл. XXII. Израильский “общий рынок” на контролируемых территориях).

Хотя правительства других арабских стран на протяжении ряда лет оказывали давление на Иорданию, требуя свести к минимуму этот поток товаров и людей, Хусейн неизменно отвергал их требования. Причины его поведения были не только гуманитарными, но и политическими — он не собирался терять связи со своими бывшими подданными. В Израиле также хорошо понимали политическую пользу этого двустороннего движения, которое обеспечивало арабскому населению на контролируемых территориях связь с остальным арабским миром, выводя его из того “гетто”, в котором находилось арабское меньшинство Израиля предыдущие девятнадцать лет. Более того, Даян, и не он один, по достоинству оценивал то обстоятельство, что Западный берег дал Израилю первую реальную возможность наладить контакты, пусть даже не прямые и не широко афишируемые, с соседними враждебными государствами. Тем временем арабы контролируемых территорий по-прежнему принимали радио- и телепрограм-

мы арабских стран, покупали арабские книги и газеты, доставляемые из-за рубежа. Их дети даже учились в арабских университетах. Все они могли совершенно свободно обсуждать свой статус и политическое будущее, без каких-либо ограничений и цензуры, если только они не занимались подстрекательством к насилию. Ничто не мешало им пересекать Иордан по мосту и встречаться с Хусейном и членами его кабинета министров. Большинство их племенных вождей по-прежнему получало жалованье в динарах от хашимитского правительства, а некоторые даже принимали участие — пусть и в неявном виде — в политической жизни Иордании. Были и такие, кто поддерживал контакты с Насером, или с сирийскими баасистами, или с целым рядом арабских партий, структур и организаций в соседних странах.

Свобода вероисповедания на оккупированных территориях, разумеется, соблюдалась в самой полной мере. То же самое можно было сказать и о свободе системы образования. Единственное изменение, внесенное в учебники, состояло в исключении подстрекательских антиизраильских призывов; единственное изменение в учебной программе заключалось во введении иврита как обязательного иностранного языка. Были, разумеется, различного рода психологические, а порой и физические трудности, связанные с жизнью под управлением израильской администрации. Но если значительная часть жителей Восточного берега и Газы принимала существующее положение вещей, это объяснялось не только тем, что их губернатором был Даян — саид², вождь и полководец, чью власть можно было признавать, не теряя при этом своего лица. В еще более значительной степени поведение арабов объяснялось тем, что материальные блага новой жизни оказались более значительными, чем они могли себе представить (Гл. XXII. Израильский “общий рынок” на контролируемых территориях). И при получении этих благ не возникало опасности утратить свои культурные и социальные ценности, как было в случае израильских арабов.

Израиль ждет “телефонного звонка”

Для израильтян значимость июньской победы превзошла даже чудо освобождения. Речь могла идти о беспрецедентной возможности заключения окончательного, достигнутого в ходе переговоров, соглашения с арабами.

2 Саид (сеид; *араб.*) — вождь, господин, глава. Уважительное обращение на арабском языке.

Выступая в *кнессете* 12 июня, Эшколь дал ясно понять, что враги его страны теперь имеют дело не с маленьким Израилем, стиснутым в границах до 5 июня:

“И мы скажем прямо: ни у кого не должно оставаться иллюзий, будто Израиль готов вернуться к условиям, существовавшим неделю тому назад. Мы сражались в одиночку за свое существование и за свою безопасность, и благодаря этому мы вправе решать сами за себя, каковы подлинные и жизненно необходимые интересы нашего государства и как следует гарантировать его будущее”.

Израильское правительство было исполнено решимости не только приступить к прямым переговорам с арабскими странами, не уходя с завоеванных территорий до тех пор, пока не настанет прочный мир, но и с самого начала довести до всеобщего сведения, что определенные территории в принципе не могут быть предметом переговоров. Даян недвусмысленно заявил по окончании военных действий: “В Соглашении о перемирии от 1949 г. нет ничего неизбежного. Это Соглашение, и перемирие, достигнутое при его подписании, — перемирие, а не мир, — и границы, и прочие условия, все это было определено по результатам войны 1948 года. Сегодня положение дел определяется итогами войны 1967 года. Ничто не дает результатам войны 1948 года каких бы то ни было преимуществ по отношению к результатам последней войны. Условия, определенные в 1949 году, теперь нас больше не связывают”.

Очевидно было, что предметом переговоров не может быть восстановленное единство Иерусалима. Когда Даян вошел в Святой город сразу же по окончании боев, он не счел нужным советоваться с кем-либо в правительстве, прежде чем заявить: “Мы вернулись в самое святое для всех живущих в этой стране место. Мы вернулись сюда с тем, чтобы никогда больше не покидать этот город”. Эшколь, прибыв в Старый город ближе к вечеру того же дня, только подтвердил слова Даяна: “Я нахожусь здесь как представитель всего нашего народа и еще многих предыдущих поколений нашего народа, которые в глубине души своей стремились в Иерусалим, к его святости”. Значимость этих заявлений была немедленно подчеркнута тремя принятыми *кнессетом* законами, которые “административно” присоединили Иерусалим к Израилю. Вскоре израильские строители приступили к ремонту и перестройке зданий Еврейского университета на горе Скопус, а также сооружению жилого комплекса на склонах холмов, господствующих над Восточным Иерусалимом. Кроме того, Западный берег реки Иордан был библейским сердцем Эрец-Исраэль: Самария и Шхем (Наблус), Хеврон и Иерихон; именно поэтому правительство Израиля недвусмысленно дало понять, что должны быть приняты во внимание связи страны с ее

историческим прошлым. Да и в любом смысле нельзя было представить, что на склонах Иудейских гор снова будет расположена иорданская артиллерия, грозя смертельной опасностью населению еврейских городов и деревень, расположенных в пределах дальности боя ее орудий.

С учетом всего сказанного, 24 сентября Эшколь объявил о планах создания израильского поселения в районе Гуш-Эциона, на месте четырех *кибуцев* в районе Бейт-Лехем — Хеврон, основанных еще до провозглашения независимости Израиля (Гл. XXII. Противоречивые мнения относительно территориального будущего Израиля). Через три дня туда прибыла группа молодых людей из подразделения *Нахаль*, многие из которых были детьми первопоселенцев *кибуца* Кфар-Эцион, погибших в 1948 г. в боях с местными арабами и силами Арабского легиона. Еще ранее премьер-министр сообщил о планах Израиля создать *кибуцы* в северном секторе Голанских высот, в районе Баниаса, и несколько подразделений *Нахаль* направились туда для начала строительных работ. А в Шарм-аш-Шейхе, месте расположения бывшей египетской военной базы в Восточном Синае, гарнизон которой контролировал проход судов через Тиранский пролив, израильские бульдозеры начали расчистку площадки для строительства туристических сооружений. По мере дальнейшего развития процесса колонизации Эшколь неоднократно обращался к евреям диаспоры с призывом репатрироваться и оказать помощь в заселении “большого Израиля”. А 3 августа, выступая на Масличной горе во время церемонии перезахоронения солдат, павших в боях за Иерусалим в 1948 г., Моше Даян сказал:

“Наши братья, павшие в Войне за независимость! Мы не предали вашу мечту, мы не забыли тот урок, который вы нам преподали. Мы вернулись на Гору, в колыбель нашей истории, на землю наших предков, в страну Судей, в цитадель Давида. Мы вернулись в Хеврон, в Шхем, в Бейт-Лехем и Анатот, в Иерихон и к истокам Иордана... Братья, ваш урок не пропал даром. Мы знаем: для того, чтобы дать новую жизнь Иерусалиму, нам надо разместить наших солдат на взгорьях Шхема и на мостах через Иордан”.

Все заявления такого рода и тем более действия поселенцев не вполне соответствовали постоянно повторяющимся заверениям Эвена, которые он давал в ходе бесед с арабскими лидерами, относительно того, что “все может стать предметом переговоров” и что “в процессе мирных переговоров мы готовы пойти на большие уступки”.

Основные условия Израиля неоднократно объявлялись в *кнесете*, в ООН, в ходе переговоров с иностранными политическими и государственными деятелями и на многочисленных пресс-конференциях. Эти условия формулировались следующим образом: мир должен быть заключен в ходе

прямых переговоров, которые должны завершиться подписанием формального мирного договора; израильские суда должны иметь право свободного прохода через Суэцкий канал и Тиранский пролив; проблема беженцев должна быть решена в рамках мирного урегулирования и регионально-го сотрудничества на Ближнем Востоке. На этих же условиях правительство Израиля согласилось начать переговоры с д-ром Гуннаром Яррингом, послом Швеции в Москве, который был назначен представителем У Тана на Ближнем Востоке, в рамках мандата, определенного Резолюцией Совета Безопасности ООН № 242 (Гл. XXI). Ярринг приступил к выполнению своей миссии, посетив в декабре 1967 г. Ливан, Израиль, Иорданию и Египет. Многое теперь зависело от реакции арабских стран на израильские предложения. Возможно, израильтяне ожидали “телефонного звонка” от своих побежденных противников, однако действия арабских правительств носили иной, и вовсе не примирительный, характер.

Иордания, судя по всему, являлась самым вероятным кандидатом на участие в посреднической миссии д-ра Ярринга. Из всех участников военных действий маленькое Хашимитское Королевство понесло наибольшие потери, лишившись практически половины своей территории, Восточного Иерусалима, трех четвертей святых мест и практически всех доходов от туристической деятельности. Уже 18 июня 1967 г. Хусейн обратился с призывом к арабским лидерам признать поражение как поворотный пункт в ожидании лучших времен. Надеясь вернуть свои потери, он дал понять, что изменил свою позицию по отношению к Израилю и готов признать его право на существование в рамках всеобъемлющего ближневосточного мирного урегулирования. Однако Хусейн был слабым партнером для переговоров. Монарх Хашимитской династии, он не обладал статусом и полномочиями всенародно избранного лидера. Большинство палестинцев в Иордании, да и некоторые министры его собственного правительства, больше прислушивались к “Голосу Каира”, чем к “Голосу Аммана”. По любому вопросу относительно контактов с Израилем ему было необходимо согласие Насера, пусть хотя бы и молчаливое. В этой связи важно отметить, что Насер предупредил Хусейна: “Иерусалим — это не только иорданское дело, это дело всех арабов и всех мусульман”. Но еще более зловещими стали претензии соседних арабских стран на иорданскую территорию. Ирак расположил целую дивизию на иорданской территории, у границы; сирийцы также сконцентрировали войска вдоль своей границы с Иорданией. В такой ситуации Хусейн не мог игнорировать возможную реакцию этих агрессивных правительств левой ориентации. А поскольку Египет и Сирия считали себя находящимися в состоянии войны с Израилем, то израильско-иорданский договор не гарантировал бы мира ни Израилю, ни Иордании.

Что касается Дамаска, то сирийцы, из всех врагов Израиля, проявляли минимальный интерес к миру. Несмотря на сокрушительное поражение, нанесенное им израильянами, они отнюдь не считали свое положение безнадежным. Правда, Голанские высоты перешли в руки Израиля и около 80 тыс. жителей этого района вынуждены были бежать в центр страны, но в экономическом плане — в отличие от стратегического — Голаны никогда не имели для Сирии особого значения. За многие годы своего там присутствия сирийская армия превратила Голанские высоты в один огромный военный лагерь, пожертвовав сельскохозяйственным потенциалом этого района. Более того, практически все круги сирийского общества сохраняли верность арабскому делу, столь же неколебимую, как и во времена зарождения арабского национализма, в годы после Первой мировой войны. Само существование Израиля было для них оскорблением. Таким образом, партия Баас, и так держащаяся у власти из последних сил, не могла рисковать, позволив себе публичные заявления о победе Израиля в войне или о самом его праве на существование. Президент Сирии Атасси отказался даже принять посредника ООН Гуннара Ярринга в ходе его декабрьского визита на Ближний Восток.

Из всех арабских лидеров самое большое унижение от поражения в войне с Израилем испытал Насер, и его личный престиж пострадал самым серьезным образом. Да и материальные потери Египта оказались весьма значительными. Утрата Синая, возможно, и не нанесла экономике сокрушительного удара — даже принимая во внимание наличие неразведанных нефтяных месторождений. Но закрытие Суэцкого канала оказалось значительно более болезненным. Демонстративно отрицая все общепринятые нормы, египтяне затопили ряд судов, находившихся в то время в Суэцком канале, и запретили четырнадцати иностранным судам выход из Большого Горького озера. Эта блокада обходилась Египту более чем в 30 млн долларов в месяц, что составляло существенную долю национального дохода. Но и в такой ситуации Насер продемонстрировал свой достойный изумления талант по части политического выживания. Оценив ситуацию, он сумел убедить богатые нефтедобывающие страны Персидского залива выплачивать Египту ежегодную субсидию в размере 225 млн долларов — фактически дань Насеру за его согласие не вмешиваться в их дела. В военном отношении египетский диктатор также мог рассчитывать на возврат к недавно существовавшему положению дел. Решив восстановить свое влияние в регионе после позора Шестидневной войны, Советский Союз в конце июня приступил к реализации беспрецедентного по масштабам воздушного моста в Египет и Сирию. На протяжении июля советские транспортные самолеты перебросили в эти страны значительное количество новых вооружений; часть грузов была также доставлена морским путем.

Обретя прежнюю самоуверенность, Насер выступил 23 июля, в годовщину “Революции полковников”, и заявил, что он готовит свою армию к продолжению битвы с Израилем. “Мы никогда не сдадимся и никогда не согласимся на мирные предложения, означающие капитуляцию, — заверил он еще не пришедших в себя египтян. — Мы стоим за права палестинского народа”. Ранее, 17 июня, в Кувейте собрались министры иностранных дел тринадцати арабских стран, чтобы определить совместную политическую стратегию. Было достигнуто согласие по таким вопросам, как “осуждение израильской агрессии” и необходимость “восстановления арабской чести” — последнее заявление Израиль и другие страны, как выяснилось со временем, в значительной степени недооценили. А состоявшаяся 15 июля конференция с участием глав пяти арабских стран завершилась публикацией коммюнике о принятии “необходимых эффективных мер по ликвидации последствий империалистической агрессии Израиля”. С 29 августа по 1 сентября в Хартуме прошла конференция на высшем уровне тринадцати арабских стран, участники которой приняли решение о продолжении борьбы с Израилем. Под влиянием Насера были определены следующие принципы: никакого мира с Израилем, никаких переговоров с Израилем, никакого признания Израиля и плюс к этому необходимость “защиты прав палестинского народа на свою национальную независимость”. Хартумская декларация стала первым серьезным предупреждением Израилю о тщетности его надежд дожидаться от арабских стран “телефонного звонка” в ближайшем будущем.

Пессимистические настроения в Израиле усилились после провала миссии Ярринга в ноябре–декабре 1967 г. Как уже было сказано, в Дамаске с самого начала отказались принять посланника Генерального секретаря ООН. В других арабских столицах первый раунд переговоров Ярринга не дал никаких положительных результатов — арабские лидеры отказались брать на себя какие-либо обязательства. Шведский дипломат открыл свою штаб-квартиру на Кипре — в надежде, что ему удастся собрать там арабских и израильских представителей, но из этого ничего не вышло. Несколько месяцев спустя Ярринг поднял вопрос о проведении двусторонних арабо-израильских переговоров в Нью-Йорке, с участием представителей этих стран при ООН. И снова арабы отвергли это предложение. К концу 1968 г. Ярринг предложил проведение переговоров по принципу “каждая делегация заседает в своем помещении”; Египет в резких выражениях отказался от такого плана. Тем временем Эвен дал понять, что Израиль может рассмотреть возможность открытия судоходства по Суэцкому каналу, при условии обсуждения этого вопроса в ходе прямых переговоров с Египтом. Насер отверг эту идею.

Хотя враждебный настрой арабских стран по-прежнему оставался самой серьезной внешней проблемой Израиля, однако при этом не сле-

дует упускать из виду и другой фактор: общеизвестную нестабильность арабского мира. Внутренние раздоры в арабском мире не только не давали арабам возможности развязать войну — они точно так же не позволяли и заключить мир. Зловещий призрак государственного переворота витал над головой каждого ближневосточного арабского правителя. В июле 1968 г. правительство Арефа в Ираке было свергнуто, и страну возглавил кровавый генерал Ахмед Хасан аль-Бакр. Через полтора года был свергнут режим Хафеза-Атасси в Дамаске, и к власти пришла группа армейских офицеров во главе с генералом Хафезом Асадом, учредившая правление ультралевых воинственных алавитов. Иорданию сотрясали непрерывные выступления палестинских боевиков, которые фактически образовали государство в государстве. И даже абсолютная власть Насера казалась не столь уж стабильной из-за выступлений радикальных студентов и представителей левого крыла в его собственном правительстве, возглавляемых вице-президентом страны Али Сабри. Следствием этой арабской непримиримости и нестабильности стало ужесточение настроений в израильском обществе. Все большее число израильтян проникалось убежденностью, что единственная разумная политика, обеспечивающая безопасность страны, заключается в том, чтобы не отступать за линии прекращения огня и укреплять свою обороноспособность. Партия труда выступила 3 августа 1969 г. с декларацией, в которой было заявлено, что район Мерхав Шломо — вся юго-восточная часть Синайского полуострова — должен “составить единое территориальное целое с Израилем”. Эта декларация была подписана не только Моше Даяном и Исраэлем Галили, известными своими “ястребиными” взглядами, но и значительно более умеренным Абой Эвенем.

Израиль закручивает гайки

Немаловажно отметить, что в 1968 г. лишь немногие сотрудники израильской военной администрации на территориях полагали, что их работа носит временный характер. В апреле этого года начальник Генштаба Армии обороны Израиля генерал-лейтенант Хаим Бар-Лев сказал в одном из интервью, что “на протяжении следующего года мы продолжим строительство поселений на всех территориях. Это представляется очень важным с точки зрения нашей нынешней безопасности и в плане надежности наших границ...”. Некоторое время спустя делегатам Сионистского конгресса, проходившего в Иерусалиме, была продемонстрирована карта, на которой были показаны 35 новых, как уже строящихся, так и проекти-

руемых, поселений в Израиле и на территориях — в том числе три на Синае, четыре на Западном берегу и девять на Голанах. Форпосты на Голанах строились в основном силами отрядов *Нахалья*, но из информации, полученной на основе генерального плана, выяснилось, что на Голанских высотах намечается организовать по меньшей мере 25 поселений, и в каждом для начала поселится около 500 человек. Действительно, к 1969 г. значительные площади на Голанах были засеяны пшеницей, а на пастбища привезли несколько тысяч голов крупного рогатого скота. С самых первых дней не было никаких сомнений также и относительно намерений Израиля в связи со статусом Восточного Иерусалима.

В то же время на Западном берегу израильские власти столкнулись со следующей проблемой: экономическое и политическое развитие проживавших там арабов на протяжении многих лет упорно тормозилось усилиями хашимитского правительства, относившегося к ним с нескрываемым недоверием. Население, жившее к западу от реки Иордан, было лишено административной автономии, даже в самой минимальной степени. Не существовало никакого правительственного агентства, которое ведало бы делами Западного берега. Все иорданские государственные учреждения находились к востоку от Иордана, а управление тремя районами — Хеврон, Иерусалим и Самария — осуществлялось из Аммана посредством королевских декретов. Таким образом, израильский режим военного правления на Западном берегу стал для местных арабов, по сути дела, первой реальной палестинской администрацией. При содействии израильтян были образованы управления Западного берега по делам сельского хозяйства, образования, почты и телеграфа, торговли и промышленности. Сами израильтяне работали напрямую с местными государственными служащими, в основном с назначенными иорданскими чиновниками и местными избранными мэрами. Армейские власти просто-напросто стерли гриф Хашимитского Королевства с административных правил, оттиснув вместо него слова “Израильская военная администрация Западного берега”.

Кроме всего прочего, такая форма правления предоставляла Израилю уникальную возможность рассмотреть возможность заключения сепаратного мирного соглашения — пусть не с другими арабскими государствами, так хотя бы с палестинцами Западного берега. В конце концов, они представляли собой немаловажный фактор арабского мира. Мирное соглашение могло принять разные формы: соглашение с палестинцами Западного берега, которые при этом не порывают связей с Амманом, федерация Израиля и Западного берега или же, что было наименее вероятно, двустороннее соглашение между Израилем и независимым палестинским государством. Соответственно, в июле 1967 г. Эшколь предпринял попытку начать переговоры с главами различных палестинских кланов.

Первые шаги были сделаны через посредство небольшого межминистерского комитета, а затем с участием Моше Сассона, пользовавшегося всеобщим уважением сотрудника Министерства иностранных дел, сефарда, имевшего тесные довоенные контакты в арабском мире. Однако премьер-министру суждено было вскоре разочароваться, осознав, что все эти арабские шейхи, эфенди и прочие официальные лица были абсолютно не готовы к обсуждению будущего своей страны. К тому же они, по всей видимости, хорошо помнили ситуацию в секторе Газа, где лидеры местных арабов в 1957 г. согласились на сотрудничество с израильскими властями, за что потом были жестоко наказаны после возвращения египтян. Жители Западного берега предпочитали дожидаться, пока израильское правительство первым объявит, причем самым недвусмысленным образом, о своих намерениях. Однако именно такого рода заявлений правительство Эшколя не собиралось делать с самого начала. Одновременно с этим израильтяне прощупывали возможности заключения договора о взаимопонимании с королем Хусейном. Сначала напрямую, в ходе секретной встречи Эвена и Хусейна в Лондоне, а затем через арабских посредников они известили хашимитского монарха о своей готовности отвести войска со значительной части оккупированных территорий; взамен они требовали сохранения за собой Восточного Иерусалима и узкой полосы вдоль Иордана, причем точные границы этой территории еще подлежали определению.

Такие параллельные переговоры были вовсе не столь нелогичными, как это могло представляться со стороны. Арабы Западного берега никак не могли договариваться о чем-либо с Израилем, не получив на это согласия Хусейна. Вообще-то говоря, мало кто из них имел повод быть ему благодарным за ту дискриминационную политику, которую он проводил в отношении жителей Западного берега. Но все-таки в течение этих девятнадцати лет иорданского правления большинство из них сохраняли, пусть и без особого восторга, лояльность хашимитскому правителю. При всех его недостатках, он выступил союзником Египта в последней войне, хотя это и дорого ему стоило. Разумеется, в идеале арабы Западного берега предпочли бы жить в отдельном и автономном анклав, но под иорданским флагом, поскольку в большинстве своем они не намеревались полностью отделяться от Хусейна. Именно эта все еще существовавшая лояльность послужила причиной арабского выступления против израильских властей в 1967–1968 гг. Все началось с того, что восемь бывших судей Западного берега, по-прежнему получавших жалованье из Аммана, отказались служить новым властям. Их непримиримость побудила арабских учителей Восточного Иерусалима объявить забастовку; затем последовали выступления арабских студентов, затем — иерусалимских торговцев и так да-

лее. Вне пределов Иерусалима эпизодически имели место случаи насилия: перестрелка с израильскими солдатами, взрывы в жилых кварталах Хадеры, Омеза, Гиват-Хавивы, а потом и в Новом городе Иерусалима. В ответ израильская армия разрушила 800 домов в деревне Ифтлик на Западном берегу, известной базе арабских боевиков. Десятки арабов были арестованы, несколько человек посажены в тюрьму, а остальные депортированы на Восточный берег. К 1969 г. пик беспорядков был позади; оказалось, что политика обструкционизма не в интересах местного арабского населения. Ясно было, что сдержанные и рассудительные действия израильской администрации способствовали невиданному ранее росту благосостояния арабского населения. Впоследствии насилие оставалось уделом пришлых групп федаинов (Гл. XXII. Усиление арабского сопротивления).

К тому времени становилось все яснее, что Каир и Дамаск всячески мешают Хусейну достигнуть договоренности с Израилем. Таким образом, очевидной альтернативой для израильтян оставались, по всей видимости, контакты исключительно с местными лидерами. Однако к 1969 г. Эшколю и его советникам стало не менее очевидно, что речь не может идти об отдельной, автономной палестинской структуре. Во-первых, не существовало “палестинской структуры” как таковой. В годы иорданского правления Западный берег был разделен на отдельные районы. Центром одного района был Хеврон на юге, население которого было настроено настолько фундаменталистски, что там не имелось даже кинотеатра. Второй район, в центре, — Иерусалим, подверженный европейскому влиянию благодаря наличию там консульских учреждений европейских стран и миссионерских организаций. И наконец, Наблус на севере, где проживали радикальные националисты, ревностные сторонники Насера (Гл. IX. Накануне арабского восстания). Мировоззренческие позиции населения этих трех районов были весьма различны; очень мало общего было и между старшим поколением, палестинской аристократией, придерживавшейся умеренных взглядов, и молодыми людьми, вернувшимися после окончания университетов в Египте и других странах, чьи позиции были иными, то есть радикальными. Собственно говоря, так называемый “палестинский вопрос” в столь значительной степени определялся влиянием соседних арабских государств, что израильские попытки установить контакты с “подлинными палестинскими лидерами” с самого начала были обречены на неудачу. В лучшем случае можно было говорить о таких фигурах местного значения, как шейх Джабари, мэр Хеврона, или мэр Наблуса Хамди Канаан, и еще несколько человек более мелкого калибра. Но в то время, как Джабари был сторонником идеи палестинского государства, Канаан был непримиримым противником самой идеи отделения Западного берега от Иордании. В августе 1967 г. восемьдесят два представителя правящих

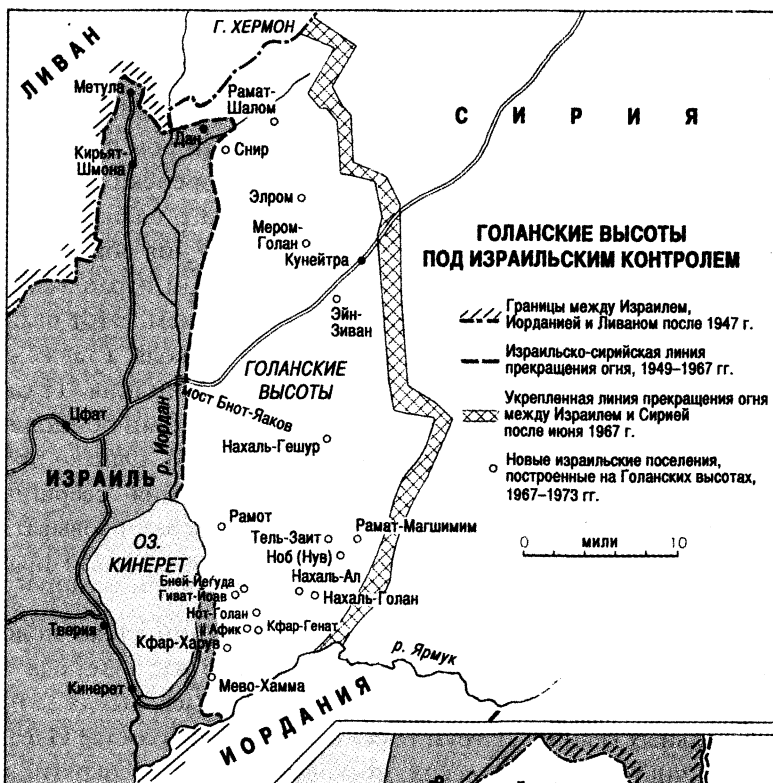
семейств Западного берега подписали открытое воззвание, в котором все попытки создания независимого палестинского государства назывались “абсурдными”.

По прошествии трех лет со времени окончания войны израильское правительство аналогичным образом пришло к выводу, что все соображения относительно независимого палестинского государства являются нереалистичными, а в долгосрочной перспективе могут даже привести к беспорядкам и выступлениям на контролируемых территориях. Такое государство будет нежизнеспособным не только из-за своей политической раздробленности и экономических ограничений, но также и в свете стратегической реальности. Западный берег — это анклав, и поэтому его общение с миром зависит от Иордании или Израиля. Если государство будет создано вопреки воле Хашимитского Королевства, то Хусейн может отреагировать на это, запретив контакты между его гражданами и жителями других арабских государств, что, несомненно, приведет к самым катастрофическим экономическим и социальным последствиям. В такой ситуации у жителей Западного берега не останется другого выхода, кроме как полагаться на Израиль как на основной рынок сбыта и выход к морю — а это приведет их к полной изоляции от арабского мира.

Тем временем израильская политика сводилась к тому, чтобы не настаивать на заключении постоянных политических соглашений, а просто свети к минимуму вмешательство в жизнь населения на территориях, не упуская при этом ни одной возможности для улучшения “естественных” отношений между арабами и евреями. Но вот 20 августа 1971 г. Моше Даян выступил с речью в высшем военном колледже, заявив со всей прямотой, что Израилю следует рассматривать свои обязанности на оккупированных территориях как функции постоянного правительства, то есть “планировать и реализовывать свои планы, не размышляя о дне мира, который может настать совсем не скоро”. Правительству следует проводить политику “свершившихся фактов”, подчеркнул Даян, “а не ограничиваться программами развития для Израиля в старых границах. Если арабы не хотят заключать с нами мир, мы не можем бездействовать. Если они отказываются сотрудничать с нами, то мы будем действовать самостоятельно”. Эти заявления Даяна вызвали немедленную реакцию во всем ближневосточном регионе — и, разумеется, в самом Израиле. Даян со всей очевидностью поднял наконец тему формальной аннексии. Впрочем, на заседании *кнессета* министр обороны отказался признать, что его следовало понимать именно таким образом. Он при этом подчеркнул, что страна ничего не выигрывает от иллюзорных ожиданий окончательного мира, в то время как необходимо “создавать новую реальность” — а под этим подразумевалось строительство еврейских поселений на контролируемых территориях.

Никто из числа даже самых умеренных израильских лидеров не отрицал важности “свершившихся фактов” — на Голанских высотах, на Западном берегу или в Синае. Вскоре после окончания военных действий Игаль Алон, известный на протяжении длительного времени своими хорошими отношениями с израильскими арабами, стал инициатором плана, согласно которому Израиль должен создать защитный пояс еврейских сельскохозяйственных поселений вдоль Иордана. Реализация этого плана была призвана обеспечить безопасность страны в случае возвращения иорданских (или иракских) войск на Западный берег, избегая при этом израильского присутствия в местах со значительным арабским населением. Этот план встретил понимание правительства и особенно самого Эшколя, а также сменившей его на посту премьер-министра Голды Меир. Реализация “Плана Алона” началась со строительства одиннадцати *кибуцев* силами бойцов *Нахалы* вдоль Западного берега Иордана (см. карту на стр. 346). Однако предложения Даяна по сути своей шли еще дальше. И концепция “свершившихся фактов”, предложенная министром обороны, начала реализовываться как бы сама по себе, фактически вне зависимости от конкретной государственной политики.

Самым ярким примером складывавшейся ситуации стало положение дел в Иерусалиме. Как уже отмечалось, восточная часть города просто-напросто была включена в состав столицы и разрослась, выйдя за пределы своих изначальных границ. Латрун также был включен в состав Израиля, из соображений чисто прагматических, поскольку это сразу сократило время езды из Тель-Авива в Иерусалим на полчаса. Еще один пример — это Хеврон, город, почитаемый и евреями, и мусульманами как предполагаемое место погребения Авраама, Ицхака и Якова, а также их жен. Мусульмане отметили место священного погребения, построив мечеть Ибрагима; евреи считают местом погребения склеп патриархов, пещеру Махпела. В начале 1968 г. многие религиозные евреи стали пробираться в пещеру и молиться там. После некоторых колебаний правительство решило не вступать в конфронтацию с ортодоксами; пещера Махпела была официально объявлена местом отправления еврейских религиозных обрядов, и было определено время входа для евреев и для мусульман. Как и можно было предположить, мусульманский мир с негодованием отозвался на такое решение. Однако еще худшей, с точки зрения мусульман, была израильская политика поощрения строительства еврейских поселений вблизи Хеврона, для чего без тени сомнения конфисковались земли по всей округе. Так, еврейское поселение Кирьят-Арба было построено в непосредственной близости от Хеврона. “Это противозаконно, — протестовал мэр Хеврона шейх Джабари, — это противоречит моральным нормам и международным законам”. Такие действия, возможно, и в самом деле были вне “морали” и “закона”, но

зато вполне укладывались в нормы поведения победителей в побежденных странах. При отсутствии договоров с соседями Израиль пользовался любыми предложениями и отговорками, чтобы претворять в жизнь то, что Даян называл “свершившимися фактами”.

Усиление арабского сопротивления

Палестинские арабы нашли свой способ реакции в отношении этих “свершившихся фактов”. Как уже отмечалось, практика проникновения арабских вооруженных групп на территорию Израиля возникла отнюдь не после Шестидневной войны (Гл. XXI). Еще до войны террористические акты в приграничных районах активно осуществлялись группами, принадлежавшими к организации ФАТХ. Теперь, после июньского разгрома арабских вооруженных сил, свои действия возобновили группы боевиков, которые довольно скоро обрели политическое влияние во всем арабском мире. Лидером этого обновленного движения стал Ясир Арафат, лысеющий человек неполных сорока лет, небольшого роста, плотного сложения, с редкой бородкой, постоянно носящий темные очки и куфию³, которая из средства маскировки превратилась со временем в его “фирменный знак”. Надо признать, у него имелись известные основания для всяческого рода маскировки, поскольку ему было что скрывать. Настоящее и полное имя лидера ФАТХ было Мухаммед Абдель Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хусейни, и он сократил его, чтобы замаскировать свое родство с семьей бывшего муфтия Иерусалима Хаджа Амина аль-Хусейни.

Арафат родился в Каире в семье палестинских беженцев. Он начал свою политическую карьеру в 1951 г., будучи студентом Каирского университета им. Фуада I. Ведя отнюдь не аскетический образ жизни, он сосредоточил свои усилия на создании группы активных борцов против Израиля из числа студентов-палестинцев. Впервые он участвовал в террористической операции в 1953 г. в составе группы фedaинов, действовавших против английских войск, расположенных в зоне Суэцкого канала. После отъезда (или высылки) из Египта в 1957 г. Арафат и его сподвижники поселились в Кувейте, где они и создали движение ФАТХ. Основные принципы этого движения формулировались следующим образом: независимая палестинская политика, невмешательство во внутренние дела арабских государств и преданность идеологии насилия, разработанной алжирским психиатром Францем Фа-

3 Куфия (*араб.*) — арабский мужской головной убор, однотонная или клетчатая накидка, удерживаемая на голове обручем, заимствована из одежды кочевников.

ноном⁴. В 1963–1966 гг. ФАТХ пользовался практически неограниченной поддержкой сирийских баасистов и сирийской армии, которая обучала и вооружала террористов для проведения антиизраильских рейдов. Именно ФАТХ способствовал росту напряженности на сирийско-израильской границе, что стало первым звеном в цепи событий, приведших к Шестидневной войне.

Разгром регулярных армий арабских стран в июньской войне подорвал веру палестинцев в арабских правителей и в возможность с их помощью добиться своих целей. Аналогичным образом были дискредитированы Ахмед Шукейри, а также возглавляемая им и находящаяся под египетским покровительством Организация освобождения Палестины. Шок от сокрушительного поражения на какое-то время парализовал даже действия ФАТХ. Лишь некоторое время спустя Арафат осознал уникальность возникшей ситуации, связанной с тем, что новые территории с многочисленным арабским населением попали под контроль Израиля. Теперь казалось, что можно использовать классическую модель восстания изнутри. Арафат и его последователи были убеждены, что израильский оккупационный режим на Западном берегу и в секторе Газа, подобно французскому режиму во Вьетнаме и Алжире, в конечном итоге падет в результате внутренней освободительной борьбы. И вот в сентябре 1967 г. ФАТХ осуществил первую из

- 4 Фанон Франц Омар (1925–1961) — вест-индийский и алжирский революционер, социальный философ и психоаналитик. Один из теоретиков и идейных вдохновителей вооруженной борьбы за освобождение от колониализма и его последствий в странах третьего мира, идеолог движения “Новых левых”. Родился на французском острове Мартиника. Учился в лицее. В 1943 г. бежал с острова в британскую Доминику, где присоединился к войскам “Свободной Франции”. В составе французской армии участвовал в боях за освобождение Франции, был тяжело ранен. В 1945 г. был демобилизован, вернулся на Мартинику, продолжил учебу и получил степень бакалавра. Уехал во Францию, изучал медицину, психологию и философию в Лионском университете. По окончании университета уехал в Алжир, где в 1953–1956 гг. возглавлял психиатрическое отделение в госпитале. В 1955 г. вступил во Фронт национального освобождения (ФНО), в 1956 г. был редактором газеты “Эль-Муджахид” — главного печатного органа ФНО. В скором времени стал главным идеологом организации. В январе 1957 г. выслан французскими властями из Алжира. Тайно выехал в Тунис. В 1960 г. Временное правительство Алжира назначило Фанона послом в Республике Гана. В 1952 г. опубликовал книгу “Черная кожа, белые маски”, в которой жестоко обличал расизм и колониализм. Незадолго до смерти опубликовал книгу “Проклятьем заклейменные”, в которой выступил с требованием освобождения колониальных народов от отсталости через “коллективный катарсис”, достигаемый благодаря революционному насилию против угнетателей. Его труды оказали значительное влияние на национальные движения Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока, а также на движения “Новых левых” и “Черных пантер”.

числа многочисленных операций, проводимых в городах Западного берега. Израильский военный патруль был забросан гранатами. Прогремело несколько взрывов на городских площадях, в торговых центрах и на междугородних автобусных станциях — с целью запугать арабов, едущих работать на еврейские предприятия. Когда в феврале 1968 г. все большее число арабов Западного берега и сектора Газа стало получать разрешение на работу в центре страны, точно так же увеличилось и количество терактов, в том числе в еврейских городах, вскоре достигнув в среднем тридцати в месяц. В самом крупномасштабном теракте в Иерусалиме погибло одиннадцать и было ранено пятьдесят пять человек, исключительно из числа гражданско-го населения.

Несмотря на всю серьезность этих случаев, к концу 1968 г. Арафат и его окружение осознали, что им не удастся достигнуть своей основной цели — разжечь “национально-освободительную” войну на оккупированных арабских территориях. Израильские силы безопасности эффективно противостояли любым попыткам спровоцировать народное вооруженное восстание на Западном берегу. Ответные меры были беспощадными. В октябре–ноябре 1967 г. израильские воинские подразделения в ходе вооруженных столкновений уничтожили значительное число боевиков. На протяжении последних двух недель ноября, как уже было сказано, израильская армия сровняла с землей сотни домов в деревне Ифтлик на Западном берегу, известной базе арабских боевиков. Разрушение домов производилось и в других местах по сходной модели — обычно без следствия, без суда и без выплат компенсации случайно пострадавшим невинным. В результате действия израильских сил безопасности к концу 1968 г. только на территории Западного берега было захвачено 1400 членов ФАТХ. После того как основная часть сторонников ФАТХ на Западном берегу была уничтожена или посажена в тюрьму, Арафату ничего не оставалось, как скрыться у единомышленников в Наблусе, а оттуда бежать в Иорданию.

Изначальная эффективность израильских антитеррористических действий объяснялась частично тем, что боевикам не хватало уверенности в себе и твердости духа. Будучи захваченными на месте преступления, они немедленно сдавались — зная, что израильтяне не казнят пленных. Затем они без промедления начинали сотрудничать со следствием, выдавая своих соратников и единомышленников — после чего, в ходе последующих облав, членов ФАТХ на Западном берегу брали целыми группами. Но главной причиной неуспехов ФАТХ было нежелание жителей Западного берега иметь с ними дело, причем вне зависимости от формы сотрудничества. Жители, конечно, опасались при этом израильских мер наказания, но, помимо этого, срабатывало инстинктивное чувство осторожности: уж если армии всех арабских стран потерпели поражение, то куда там боевикам...

И к тому же требования ФАТХ относительно поддержки и пособничества шли вразрез с установками глав местных родовых кланов. Арабские мэры и старейшины не хотели иметь ничего общего с террористами, и израильтяне хорошо это понимали. Политика компромиссов по отношению к местным мэрам и деревенским мухтарам давала израильским оккупационным властям возможность отслеживать намечающиеся беспорядки и пресекать их в зародыше.

После того как к середине 1968 г. сеть боевиков ФАТХ на Западном берегу была, по сути дела, ликвидирована, эта организация оказалась отброшенной к уровню середины 1960-х гг. Террористы были вынуждены ограничить свои действия краткими вылазками с другого берега Иордана и налетами на еврейские поселения в долине Бейт-Шеана и в Иорданской долине к югу от озера Кинерет, где местность холмистая, а растительность полутропическая. Но хотя кибуцникам и горожанам приходилось довольно часто спускаться в убежища, действия ФАТХ не привели к уменьшению численности населения в этом регионе. С другой же стороны, тысячи жителей арабских деревень, расположенных по ту сторону Иордана, после ответных обстрелов израильской артиллерии бежали из своих домов, в лагерь беженцев на Восточном берегу. Пришлось также передислоцировать в глубь иорданской территории базы ФАТХ, поскольку израильская пограничная жандармерия смогла взять под более строгий контроль Иорданскую долину — путем патрулирования, устройства засад и установки заграждений под током. На даже переместив свои базы подальше от границы, боевики ФАТХ по-прежнему оставались в пределах досягаемости ударов израильской авиации. В ходе авианалета на главную штаб-квартиру ФАТХ в Ас-Салте в июне 1968 г. было уничтожено семьдесят боевиков и причинен значительный материальный ущерб. После этого налета фedaины вынуждены были искать убежища в небольших, хорошо укрытых пещерах, разбросанных по значительной территории, и порой даже в лесах. Лишенные таким образом удобных подходов к приграничной полосе, они стали нести в ходе своих редких вылазок еще более серьезные потери.

Существовал, однако, один район, в котором боевики на первых порах добились ограниченных успехов. Это был сектор Газа, где находилось 220 тыс. беженцев и где накал злобы по отношению к Израилю не имел, по видимому, себе равных в мире. Лишенные возможности работать, не имеющие достойных заработков вот уже в течение девятнадцати лет, беженцы сектора Газа были более кого бы то ни было восприимчивы к пропаганде ФАТХ. Боевикам для их целей в лагерях беженцев в Газе подходило все, начиная с самой планировки этих лагерей. Тысячи лачуг в восьми лагерях теснились вдоль узких проходов, что очень затрудняло доступ боевых машин израильской армии, а фedaинам обеспечивало удобные укрытия. При

этом нельзя не отметить, что боевики осуществляли значительное число нападений на тех арабов (а также членов их семей), которые осмеливались искать работу в Израиле. Так, на протяжении первого года после окончания Шестидневной войны более тысячи арабов — мужчин, женщин и детей — были ранены боевиками, а 219 человек убиты. Арафат любил повторять: “Израильтяне могут управлять Газой при свете дня. Но ночью там правлю я”. Его правление продолжалось без малого четыре года. В начале 1971 г. вопросы безопасности были переданы в руки генерала Ариэля Шарона. Этот неординарный десантник привык решать проблемы с присущей ему прямоотой: он ввел в лагеря бригады военных строителей, и бульдозеры проложили дороги через самые густонаселенные лагеря беженцев. После этого дороги стали патрулировать бронетранспортеры и джипы, и число вылазок резко сократилось.

Начиная с 1968 г. ФАТХ и другие группировки террористов выбрали себе в качестве укрытия Иорданию — как деревни, так и лагеря беженцев, расположенные там. Для Хусейна они представляли угрозу значительно большую, чем для израильтян. Федаины немедленно установили свой порядок; они не подчинялись иорданским законам и объявили о своем праве на экстерриториальность. К 1969 г. они уже нагло раскатывали по всей стране, облаченные в свою униформу, со своими знаками различия, со своими номерными знаками на машинах. Они собирали введенные ими налоги не только с беженцев, но и с иорданцев и агитировали последних служить в своих рядах, а не в иорданской армии. Поначалу Хусейн опасался начинать ответные действия и только пытался оценить ситуацию. После ряда стычек и перестрелок иорданское правительство предпочло подписать с боевиками “соглашение” по разграничению сфер влияния, ставшее первым документом такого рода в серии многих других, условия которых неизменно нарушались. С каждым днем федаины захватывали все больше власти. Некоторые из них, из числа самых радикально настроенных, и в первую очередь Джордж Хабаш⁵ и члены его Народного фронта освобождения Па-

5 Хабаш Джордж (1926–2008) — глава ультрарадикальной палестинской организации “Народный фронт освобождения Палестины” (ФНОП). Родился в г. Лидда (Лод) в христианской семье. В 1948 г. бежал в Ливан. В 1951 г. окончил Американский университет в Бейруте, получил диплом детского врача. С 1961 г. находился в Иордании. Работал детским врачом в одном из лагерей палестинских беженцев. Придерживался марксистско-ленинских взглядов и в 1968 г. стал основателем и бессменным руководителем ФНОП — вплоть до 2000 г. В 1968–1970 гг. ФНОП совершил 25 террористических актов за пределами Израиля. ФНОП начал впервые в истории использовать практику захвата самолетов с заложниками для выдвижения своих требований. Первым подобным актом был захват самолета израильской авиакомпании *Эль-Аль* в Афинах 23 июля 1968 г. После разгрома палестинских террористов в Иордании в сен-

лестины” (Гл. XXII. Изменение тактики арабских боевиков), открыто высказывали свои сомнения относительно целесообразности существования Хашимитской династии. По мере роста напряженности в стране Хусейн запретил ношение оружия в пределах Аммана. Боевики в ответ расширили спектр своих требований, настаивая на устранении из иорданского правительства нескольких министров, негативно настроенных по отношению к ним. В июне, после ареста нескольких членов Народного фронта освобождения Палестины, обезумевшие от ярости толпы боевиков захватили несколько гостиниц в центре Аммана, взяли их постояльцев в качестве заложников, похитили и убили американского военного атташе, изнасиловали нескольких американок и нанесли ранения французскому дипломату. И снова Хусейн склонил голову и даже принял ультиматум боевиков относительно предоставления им права вето при назначении членов кабинета министров.

Затем, в августе 1970 г., правительства Египта и Израиля согласились принять американскую мирную инициативу. Было обговорено прекращение огня в зоне Суэцкого канала, и возобновила свою работу миссия Ярринга (Гл. XXII. Советский Союз наращивает свое присутствие). Немедленно начались трения между правительством Египта и боевиками по вопросу политического урегулирования, и взбешенный Насер распорядился закрыть радиостанцию ФАТХ в Каире. Лучшего момента для перехода в наступление Хусейну могло и не представиться. В начале сентября была предпринята попытка покушения на жизнь короля, а 6 сентября боевики Народного фронта освобождения Палестины захватили четыре лайнера западных авиакомпаний; тогда Хусейн направил иорданскую армию в центры боевиков, расположенные в лагерях беженцев. На протяжении последующих десяти дней гражданской войны — иначе это нельзя и назвать — почти 2 тыс. фedaинов были уничтожены; при этом пострадали также несколько тысяч не причастных к террору палестинских беженцев. Эти события, известные под названием “Черный сентябрь”, едва не привели к международному кризису. На территории Иордании, еще со времени Шестидневной войны, была дислоцирована иракская бронетанковая дивизия, и багдадские правители выступили с угрозой направить ее на Амман. Сирийцы, при поощрении Советского Союза, также собрались направить танки к границе с Иорданией. Но Хусейн разрушил планы сво-

тябре 1970 г. ФНОП перевел свои базы в Ливан и Сирию. 27 июня 1976 г. ФНОП совместно с немецкой террористической организацией “Фракция Красной Армии” захватил в Афинах самолет, следовавший курсом Тель-Авив — Париж. Самолет был посажен в аэропорту Энтеббе (Уганда) и затем освобожден израильскими десантниками. ФНОП выступал против израильско-палестинского мирного соглашения; члены организации совершили ряд террористических актов в Израиле.

их врагов, и его вооруженные силы одержали верх над противником. При этом, однако, на случай, если бы хашимитский монарх не смог одержать победу, США и Израиль достигли негласного соглашения относительно совместных скоординированных действий: израильские танки и авиация должны были нанести удар по сирийским силам, и Шестой флот США должен был не допустить возможных советских действий в зоне Суэцкого канала. Но реализовывать этот негласный договор не пришлось. События развивались таким образом, что концентрация израильских войск у иорданской границы, подкреплённая направленным американцами предупреждением Советскому Союзу, способствовала отводу сирийских войск от границы и остановила намечавшееся продвижение иракских танков (Гл. XXIV. Схватка покровителей).

После того как к концу сентября 1970 г. рассеялась сирийская военная угроза, Хусейн сконцентрировал свои ударные силы и приступил к уничтожению оставшихся в стране федаинов. Иорданская армия, усиленная благодаря 30 млн долларов американской военной помощи, начала в зимние месяцы 1970–1971 гг. наступательные действия, отесняя боевиков на северо-запад, в холмистую часть страны. Наконец, в июле 1971 г., иорданские войска начали решительное наступление, подвергая укрепления федаинов артиллерийскому обстрелу и направив против оставшихся в живых танковые и пехотные соединения. Были уничтожены сотни террористов, а тысячи взяты в плен. Деморализованные, разгромленные отряды ООП уже не могли ни всерьёз угрожать королевскому режиму, ни осуществлять вылазки с территории Иордании в Израиль. После всех этих событий они переместили свои базы на территорию Ливана и Сирии.

Экономические итоги израильской оккупации

Одним из факторов, подрывавших усилия Арафата на оккупированных территориях, было отсутствие у местного населения желания сотрудничать с его боевиками. И объяснялось это нежелание в немалой степени тем, что арабы достигли под властью Израиля значительного материального благосостояния. Это было особенно заметно в секторе Газа. Среди всех беженцев 1948 года палестинцы Газы были самыми нищими и озлобленными. Поначалу израильская оккупационная власть, установленная после Шестидневной войны, казалось, могла лишь усугубить их положение. Местный контрабандный рынок был ликвидирован. Население лишилось также услуг египетских учителей, врачей, администраторов. И неудивительно, что в первые годы израильской оккупации беженцы Газы, брав-

шие деньги ФАТХ за то, чтобы бросить гранату в израильский патруль или в арабских “коллаборационистов”, полагали, что терять им, в сущности, нечего.

Однако в 1968 г. несколько тысяч этих палестинцев получили работу в Израиле, и для них была организована подвозка на рабочие места. В конечном итоге к осени 1973 г. уже 25 тыс. палестинцев ездили из Газы на еврейские предприятия. Их заработки в немалой степени способствовали оживлению экономики Газы. Кроме того, 27 тыс. арабов получили работу непосредственно в секторе, занимаясь рыболовством и консервированием рыбы, причем материальная база была создана либо израильянами, либо при частичном использовании израильского капитала. И наконец, несколько сот мелких предприятий Газы получили субподряды от израильских организаций. В результате к 1973 г. уровень занятости в совсем еще недавно разоренной Газе возрос во много раз. В 1969 г. Израиль учредил доверительный фонд экономического развития и трудоустройства беженцев, который распределял миллионы лир для улучшения условий жизни в лагерях беженцев — была сооружена новая канализационная система, установлено уличное освещение, а затем стали выдаваться кредиты для жилищного строительства. К концу 1973 г. в новые или переоборудованные дома въехало 36 тыс. беженцев. Надо заметить, что палестинцы не без колебаний соглашались участвовать во всех этих мероприятиях, но их нерешительность исчезла, как только их заверили, что они не лишатся ни своего статуса беженцев, ни продовольственной помощи, предоставляемой БАПОР (Ближневосточным агентством ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ). Медленно, но систематично израильяне приступили к расселению лагерей. Их действия напоминали те, что были отработаны в 1950–1960-х гг. применительно к еврейским репатриантам. Беженцам предлагалось новое жилье в тех местах (и в секторе Газы, и на Западном берегу), где строились новые предприятия. К 1973 г. началось постепенное переселение на Западный берег; для начала было переселено 12 тыс. палестинских семейств.

Ни одно из этих достижений в Газе не было бы возможным, не добейся израильская военная администрация к тому времени весьма заметных успехов в решении экономических проблем Западного берега. Канцелярия губернатора предпринимала значительные усилия для того, чтобы продемонстрировать материальные преимущества политики сотрудничества. Производители сельскохозяйственной продукции Западного берега получили доступ не только к рынкам Восточного берега, но и к израильским рынкам, включая даже систему израильского сельскохозяйственного экспорта. Им были предоставлены дешевые кредиты, а для некоторых отраслей сельского хозяйства также и субсидии; была оказана необходи-

мая консультативная помощь. В дальнейшем были организованы ознакомительные поездки в еврейские деревни, созданы исследовательские центры на Западном берегу и образцово-показательные участки в большинстве деревень; приглашались также израильские лекторы и инструкторы. Арабское сельское хозяйство было реструктурировано фундаментальным образом, с привлечением израильских экспертов. Производителям было предложено выращивать меньше дешевых культур, например дынь, и увеличить площади под культуры, требующие больших трудовых затрат, — такие, как лен, табак и сезам. Результаты этой политики сказались очень скоро: к январю 1972 г. годовая стоимость сельскохозяйственной продукции Западного берега удвоилась по сравнению с 1968 г., составив 280 млн израильских лир.

Аналогичные темпы роста наблюдались в промышленности и торговле. На протяжении девятнадцати лет иорданского правления палестинским ремесленникам и предпринимателям было запрещено выходить за пределы надомного производства — Хусейн хотел, чтобы все значительные предприятия оставались на Восточном берегу. В таких условиях возможность обеспечения занятости была незначительной, что подталкивало население к эмиграции на Восточный берег и в другие арабские страны. Израильские власти пересмотрели эту политику, поощряя развитие местной промышленности. Предприятия и туристический бизнес получили ссуды и техническую помощь. Израильские фирмы выдавали субподряды палестинским мастерским по производству текстильных изделий, мебели, шин, обуви. Военная администрация поощряла выдачу кредитов арабским субподрядчикам, санкционируя расширение производства и увеличение численности рабочей силы. В результате такой политики в 1969 г. было открыто около 20 новых мастерских и расширено 24 производства. В 1973 г. там уже имелось в общей сложности более 200 предприятий, причем 36 предприятий принадлежало израильтянам. Число арабов Западного берега, занятых в промышленных мастерских и ремесленных цехах, увеличилось с 1,5 тыс. до 8 тыс., а в секторе Газа с 800 до 6 тыс.

Действительно, после Шестидневной войны проблема избытка арабской рабочей силы была решена не только благодаря небывалому росту числа рабочих мест на территориях, но и за счет того, что в Израиле наметилась нехватка рабочей силы. В сентябре 1967 г. Министерство труда Израиля открыло свои первые бюро по трудоустройству на Западном берегу и в Газе. Семь лет спустя число арабов Западного берега и Газы, работающих в Израиле, составляло 65 тыс. человек согласно официальным данным; в действительности же это число приближалось к 130–140 тыс. Арабы, приезжавшие на работу из Газы и с Западного берега, занимались неквалифицированным или непрестижным (для евреев) трудом — мытьем витрин,

уборкой улиц, сбором мусора. В Иерусалиме строительный бум (в еврейском секторе) требовал постоянного привлечения арабской рабочей силы. Аналогичным образом арабы выполняли основную долю тяжелой работы в израильском сельском хозяйстве. В большинстве своем они не были оформлены официально, и их заработки были ниже установленных норм. С годами, однако, они начали требовать повышения оплаты своего труда, и работодатели шли им навстречу. Кроме того, в середине 1971 г. было принято решение на правительственном уровне, уравнивающее права арабов, работающих в Израиле, с правами их еврейских коллег при получении социальных пособий. Эти дополнительные выплаты включали пособия по болезни, оплату выходных и праздничных дней, отчисления в пенсионные фонды и бесплатную медицинскую помощь при несчастных случаях на производстве.

Новые возможности трудоустройства значительно снизили уровень безработицы на Западном берегу и увеличили доходы на душу населения только за период 1967–1973 гг. на 80%. ВВП увеличивался на 15% в год. Десятки тысяч семейств Западного берега получили наконец возможность приобрести телевизоры и холодильники. С учетом этого беспрецедентного роста изобилия, а также принимая во внимание сравнительную мягкость оккупационного режима, вовсе не удивительно, что подавляющему большинству арабского населения на контролируемых территориях в голову не приходила мысль о насильственных или подрывных действиях.

Война на истощение

Египетское правительство могло не беспокоиться по поводу подобного рода забот Израиля о благосостоянии населения на оккупированных территориях. Если не считать бедуинских племен, рассеянных по пустыне, то никто из египетских граждан не оказался под израильским правлением. Таким образом, когда на Хартумской конференции в августе–сентябре 1967 г. Насер призвал собравшихся глав арабских государств не поощрять идею переговоров с Израилем, он превосходно понимал, что ему не грозит неминуемая опасность израильских репрессий против находящихся в заложниках египетских граждан. Более того, для него существовала настоятельная необходимость спасти свою репутацию на поле боя. После поражения в Шестидневной войне по стране уже прошла волна беспорядков, а в октябре 1968 г. начались более активные действия, возглавляемые студенческими лидерами, “Мусульманскими братьями” и предста-

вителями экстремистских левых группировок. Для Насера было очевидно, что укрепить свое положение в стране возможно только путем новой войны.

Собственно говоря, положение Насера уже отчасти укрепил Советский Союз, для которого впечатляющая победа Израиля в Шестидневной войне стала вызовом, брошенным его господству на Ближнем Востоке. Кремль отнюдь не намеревался отказываться от своего престижа и влияния в этом регионе, завоеванного с такими усилиями и затратами. Кроме того, было известно, что определенные круги в Восточной Европе расценивают июньские события как доказательство того, что Москве можно продемонстрировать открытое неповиновение, причем безо всякого вреда для себя. Поэтому Советский Союз, сразу же после вступления в силу соглашения о прекращении огня, начал новые крупномасштабные поставки вооружений на Ближний Восток. В течение двух недель более двухсот истребителей “Миг”, упакованных в контейнеры, были переброшены по воздуху в Египет и Сирию, а затем, в течение всего остатка лета и на протяжении осени, два-три судна еженедельно вставали под разгрузку в порту Александрии, доставляя новые вооружения. Через пятнадцать месяцев после окончания войны число египетских танков возросло с 250 до 470 боевых машин, а ВВС получили 400 новых самолетов. Наряду с поставкой вооружений, соответствующим образом возросло и советское присутствие в регионе. К 1969 г. египетские вооруженные силы располагали 3 тыс. советских военных советников и технических специалистов, и еще тысяча советников была направлена в Сирию. Через год эти цифры увеличились вчетверо (Гл. XXII. Советский Союз наращивает свое присутствие). Уже в 1968 г. советские бомбардировщики “ТУ-16” наземного базирования, с опознавательными знаками египетских ВВС и с полностью советскими экипажами, вели разведку для нужд многочисленных советских военных судов, прибывших к берегам Египта и Сирии.

Несмотря на то что египетские вооруженные силы пополнились внушительным количеством новых советских вооружений и военных советников, а в регионе имелось значительное присутствие советских военных судов и авиации, с первого взгляда представлялось маловероятным, что египтяне в состоянии начать крупномасштабные военные действия против Израиля. До июня 1967 г. полетное время от аэродрома на севере Синайского полуострова до Тель-Авива составляло восемь минут. После даты прекращения огня полетное время даже с самых передовых египетских аэродромов увеличилось до двадцати минут. Что же касается Израиля, то его самолеты теперь, после войны, имели возможность долететь до египетской территории, потратив значительно меньше времени и при этом неся существенно более мощные средства поражения. Возможность египетского наземного на-

ступления была еще менее реальной, чем воздушная атака. Суэцкий канал представляет собой ряд озер, соединенных сооруженными в дюнах водными проходами, и нигде на протяжении своих 110 миль не имеет мест, удобных для форсирования крупными силами. Помимо всего прочего, сам Синайский полуостров являлся достаточно труднопроходимой преградой — с его горными хребтами и незначительным количеством дорог; кроме того, вдоль средиземноморского берега полуострова шли сплошные солончаки. Не существовало также местностей по берегам Суэцкого и Акабского заливов, пригодных для широкомасштабного использования амфибийных десантно-высадочных средств.

В зоне Суэцкого канала продолжались боевые столкновения. Начальная фаза, со времени окончания войны и до апреля 1969 г., характеризовалась спорадическими перестрелками, интенсивность и частота которых увеличивались по мере того, как египтяне начали оправляться после разгрома. На каждую египетскую попытку “прошупать” оборону противника, открывая огонь с западного берега канала, израильтяне отвечали мощным контрударом. Одна из артиллерийских дуэлей с использованием тяжелой артиллерии привела к эвакуации десятков тысяч мирных жителей из городов Суэц и Исмаилия. Израильский эсминец “Эйлат” был потоплен 21 октября египетской ракетой вблизи Синайского полуострова, а через три дня израильтяне ответили артиллерийским обстрелом основных нефтяных сооружений в египетском портовом городе Суэц, уничтожив 80% продукции. Египетские рейды пехотных подразделений через канал вызывали удары израильских аэромобильных подразделений в глубине территории противника.

Однако, если ответные израильские действия и наносили значительный ущерб египетской экономике, все равно они не удерживали египтян от проведения новых артиллерийских обстрелов и вылазок. Действительно, Суэцкий канал был для Израиля превосходным оборонительным заграждением, но аналогичную функцию он выполнял и для Египта, не позволяя Израилю осуществить сокрушительную наступательную операцию, аналогичную тем, что проводились в июне 1967 года. Таким образом, к осени 1968 г. было достигнуто состояние оперативной паузы, когда обе стороны, закрепившись на местности, ожидали развития событий. Как оказалось, октябрь 1968 г. стал поворотным моментом в развитии боевых действий в зоне канала. В одну из суббот, после полудня, египтяне в ходе массированного артобстрела убили 15 израильских военнослужащих, продемонстрировав, что на западном берегу канала они создали превосходство в живой силе и технике. После этого обстрела и до конца лета 1969 г. интенсивность действий египетской артиллерии постоянно увеличивалась. Возобновившиеся боевые действия перешли в “войну на истощение”.

Каир объявил 23 апреля 1969 г., что он теперь рассматривает соглашение о прекращении огня как не имеющее силы ввиду “нежелания Израиля выполнять Резолюцию Совета Безопасности № 242 от ноября 1967 г.”. Через неделю Насер заявил, что Египет считает себя вправе атаковать израильские гражданские цели. Он стремился, несомненно, не допустить превращения Суэцкого канала в границу де-факто; а для этой цели требовалось нанести Израилю такой значительный урон, который вынудил бы его либо вернуться в Синай, либо согласиться на политическое урегулирование на условиях арабской стороны. Эта цель представлялась вполне достижимой, ввиду наличия у Египта огневого превосходства, притом что Израиль располагал лишь ограниченными людскими и экономическими ресурсами, не имея, таким образом, возможности вести наступательные операции в центральной части Египта.

Рассуждения Насера были по-своему логичными. Рассчитывая на подвижной резерв для отражения вылазок противника, израильский Генштаб первоначально развернул только две дивизии, каждая численностью в 10 тыс. человек, для удержания восточного берега Суэцкого канала. Кроме того, у израильских частей не имелось эффективной защиты от массированных артобстрелов. Артиллерийский обстрел в октябре 1968 г., принесший большие потери, явным образом потребовал новых подходов. Израильтяне приступили к сооружению бетонных и железобетонных бункеров и укрепленных позиций, получивших впоследствии название “линия Бар-Лева”, по имени тогдашнего начальника Генерального штаба Хаима Бар-Лева. После завершения фортификационных работ в марте 1969 г. израильский Генштаб мог рассчитывать на успешные действия в этой Войне на истощение (Гл. XXIV). Египтяне подвергли израильскую линию обороны проверке, нанося фронтальные удары с форсированием канала, сопровождаемые длительными и массированными обстрелами линии Бар-Лева. Хотя египетские попытки форсировать канал неизменно встречали адекватный ответ, но сама мощь египетской живой силы и артиллерии начала оказывать свое воздействие. В июле 1969 г. потери израильтян составили 70 человек, а снабжение переднего края становилось все более опасным. Московские советники Насера, в свою очередь, стали надеяться, что им удалось принудить Израиль вести войну по их правилам. Но их оптимизм снова оказался преждевременным. Для того чтобы переломить ход войны, в конце июля 1969 г. израильтяне начали непрерывные бомбардировки египетских артиллерийских позиций на западном берегу канала. На протяжении последующих трех месяцев израильские ВВС систематически бомбили позиции египтян вдоль Суэцкого канала, пока практически полностью не подавили их, после чего израильские потери значительно сократились.

Решительная демонстрация израильского военного превосходства сопровождалась ужесточением дипломатической позиции Израиля. Правительство неоднократно повторяло, что не намерено возвращаться к линии перемирия до 1967 г. и что вопросы Иерусалима и Голанских высот не могут быть предметом переговоров. Впрочем, несмотря на все эти заявления, сопровождающиеся к тому же постепенным присоединением Иорданской долины, израильские лидеры подчеркивали свое намерение проявить, по словам Абы Эвена, “невероятную щедрость” в ходе прямых переговоров с лидерами арабского мира. В частности, было сделано соответствующее предложение непосредственно королю Хусейну осенью 1970 г., сразу после победы иорданской армии над палестинскими боевиками и сирийской танковой группировкой. В октябре этого же года состоялась тайная встреча в Иорданской долине между иорданским королем и Игалем Алоном, заместителем премьер-министра Израиля. Участники встречи обменялись комплиментами: Алон похвалил короля за его мужество и поздравил с победой, а король поблагодарил израильтян за действия по концентрации сил в приграничном районе, что послужило средством устрашения для сирийцев. Затем Алон предложил хашимитскому монарху рассмотреть возможность заключения сепаратного договора с Израилем, который предусматривал бы создание на Западном берегу цепочки укрепленных поселений вдоль берега Иордана. Взамен на это ограниченное израильское военное присутствие Хусейну был предложен коридор к Газе и Средиземному морю. Со своей стороны, хашимитский монарх повторил свое прежнее заявление, сделанное им в ходе беседы с Эвеном в 1967 г., что он никогда не откажется от арабской земли. И тем не менее в его высказываниях прозвучала некоторая надежда на проведение дальнейших переговоров. Встреча прошла в сердечной обстановке, хотя и не дала особых результатов. Впрочем, нельзя сказать, что надежды были вовсе необоснованными. Выступая ранее, в апреле этого года, перед членами Национального пресс-клуба в Вашингтоне, Хусейн обрисовал план, основанный на готовности арабских стран признать Израиль и даже обеспечить ему право судоходства по Суэцкому каналу. Взамен Израиль должен будет отступить со всех территорий, включая и арабский Иерусалим, оккупированных в ходе Шестидневной войны. Несмотря на прозвучавший отказ от территориальных уступок, предложение Хусейна по духу своему находилось на расстоянии нескольких световых лет от агрессивной атмосферы Хартумской конференции.

Однако Насер отнюдь не разделял настроений и намерений Хусейна. В Каире немедленно подвергли план короля самой резкой критике: не могло и речи идти о каких-либо переговорах с Израилем, пока тот не освободит всю египетскую землю. С учетом ситуации в целом, включая и то обстоятельство, что ВВС Израиля имели полное превосходство в воздушном

пространстве над Суэцким каналом, правительство Эшколя прямо заявило, что не намерено рассматривать саму идею каких-либо промежуточных соглашений или поэтапного отвода войск с арабских территорий прежде, чем будет подписан окончательный мирный договор. Эти позиции сторон также были высказаны и в ходе бесед с ооновским посредником Гуннаром Яррингом во время его визитов в ближневосточные столицы в 1968 и 1969 годах. Непримируемость позиций как Каира, так и Иерусалима давала мало надежд на плодотворное продолжение посреднической миссии.

Определенную уверенность израильтянам придавала не только их военная сила, но и отсутствие того международного давления, которое они в столь значительной степени испытывали в 1956 г., во время Синайской кампании. Позиция Москвы оставалась, разумеется, неизменно враждебной. Но, с другой стороны, большинство западных стран осознавало, что Израиль вряд ли возможно и далее принуждать к одностороннему отходу с оккупированных территорий. Даже новое британское правительство консерваторов, традиционно склонное к умиротворению арабских нефтяных режимов, не только сохраняло дипломатические и торговые отношения с Израилем, но и продолжало продавать ему танки и другие виды вооружений. Единственной западноевропейской страной, с которой у Израиля ухудшились отношения, стала Франция — в прошлом близкий союзник. Намереваясь восстановить французское влияние в арабском мире, де Голль ужесточил запреты на продажу Израилю военной техники, причем запрет был распространен и на поставку пятидесяти истребителей “Мираж-в”, за которые Израиль уже расплатился еще до начала войны. С января 1969 г. была прекращена даже поставка запчастей к ранее закупленному оборудованию. Отношения между странами не улучшились и после того, когда весной 1969 г. де Голль ушел в отставку. Его преемник Жорж Помпиду⁶ пошел

6 Помпиду Жорж Жан Раймон (1911–1974) — французский государственный и политический деятель, президент Пятой республики (1969–1974). В 1931–1934 гг. изучал филологические науки в Высшей нормальной школе (Париж), а политические науки — в Свободной школе политических наук. С 1934 г. работал преподавателем, сначала в Марселе, а затем в Париже, в лицее Генриха IV. После начала Второй мировой войны был призван в армию и в звании лейтенанта участвовал в боевых действиях. После разгрома Франции в 1940 г. демобилизовался из армии. Участвовал в движении Сопротивления. В 1945 г. познакомился с Ш. де Голлем и стал его ближайшим сотрудником. В 1948–1953 гг. руководил личной канцелярией де Голля. После временного ухода де Голля из политической жизни в 1953–1958 гг. занимал крупный руководящий пост в банке Ротшильдов. Сразу же после возвращения де Голля к власти в мае 1968 г. стал директором кабинета министров. В 1959–1962 гг. работал у Ротшильдов, одновременно участвуя в подготовке Эвианских соглашений между Францией и Алжиром о прекращении огня и условиях самоопределения Алжира. В 1962–1968 гг. — премьер-министр в правительстве Франции. В июле 1968 г. уходит в отставку из-за резких раз-

еще далее по пути укрепления добрых отношений с арабскими странами, продав сто “Миражей-*v*” Ливии, хотя не было никакого сомнения в том, что эти самолеты будут переданы Египту.

Впрочем, негативные последствия потери Франции как союзника компенсировались — хотя бы отчасти — укреплением связей с Соединенными Штатами. По окончании Шестидневной войны правительство Джонсона решительно поддержало настоятельное требование Израиля относительно прямых переговоров между всеми участниками конфликта и заключения формального мирного договора, в рамках которого еврейскому государству были бы гарантированы безопасные и легко обороняемые границы. В 1967 г. новая администрация Никсона⁷ подтвердила принципы этой политики. Но хотя Вашингтон и продолжал поддерживать жизненно важные требования Израиля, связанные с обеспечением его безопасности, а также предоставлять Израилю значительную экономическую и военную помощь, случались, тем не менее, периоды тактического расхождения во взглядах между двумя странами. По прошествии зимы 1969 г. отношения между Египтом и Израилем по-прежнему оставались напряженными, а вспышки военных действий в зоне Суэцкого канала становились все более угрожающими; и в это время Вашингтон и Москва пришли к согласию относительно плана конфе-

ногласий с президентом Франции Ш. де Голлем в отношении правительственного курса во время бурных студенческих волнений в мае 1968 г. После ухода де Голля в отставку с поста президента в апреле 1969 г. был избран президентом Франции, продолжил внешнеполитический курс де Голля на улучшение отношений с Советским Союзом и на укрепление отношений с арабскими странами при одновременном ухудшении отношений с Израилем. Написал несколько литературоведческих работ.

- 7 Никсон Ричард Милхауз (1913–1994) — американский государственный и политический деятель, 37-й президент США (1969–1974). Получил юридическое образование, окончив в 1937 г. Университет Дьюка. В 1937–1941 гг. занимался юридической практикой, являясь совладельцем одной из адвокатских контор. В 1942 г. был призван в армию, служил в ВМС в звании капитан-лейтенанта. В 1946–1948 гг. избирался членом палаты представителей от одного из округов Калифорнии, а в 1950 гг. — сенатором этого штата по списку Республиканской партии. В 1953–1961 гг. — вице-президент США в правительстве Д. Эйзенхауэра. В 1960 г. потерпел поражение на президентских выборах. В 1963 г. стал партнером крупной юридической фирмы. В 1968 г. одержал победу на президентских выборах как представитель Республиканской партии и стал президентом США. В 1972 г. был переизбран президентом на второй срок. Несмотря на то что во внешней политике США администрация Никсона выдвинула концепцию перехода в отношениях с Советским Союзом от “эры конфронтации” к “эре переговоров”, США решительно поддержали Израиль во время Войны Судного дня. В ответ на приведение СССР в боевую готовность ряда военных частей для переброски на Ближний Восток, Никсон распорядился 25 октября 1973 г. объявить высшую боевую готовность Вооруженных сил США. 9 августа 1974 г. под угрозой импичмента в связи с Уотергейтским скандалом был вынужден уйти в отставку (первый случай в истории США).

ренции “Большой четверки” по Ближнему Востоку. Несмотря на заверения Госдепартамента относительно того, что переговоры имели своей целью лишь привести “к выработке основополагающей структуры, в рамках которой заинтересованные стороны смогут приступить к диалогу”, израильтяне опасались, что американцы меняют свою позицию и готовы поддержать решение ближневосточной проблемы, навязываемое Великими державами.

Нимало не ободрил израильтян и предварительный вариант решения, представленный “Большой четверке” Госсекретарем США Уильямом Роджерсом. В рамках этого плана Роджерса Израиль должен был уйти со всех контролируемых территорий в обмен на заверения арабских стран о подписании мирного договора с Израилем, обязательного для договаривающихся сторон; Израилю была обещана свобода прохода судов через международные водные пути; палестинские беженцы должны были получить возможность выбирать между возвращением и компенсацией; Иордании и Израилю предстояло рассмотреть возможности заключения прямого договора относительно статуса Иерусалима, тогда как вопросы Шарм-аш-Шейха и Газы должны были быть оставлены для последующих переговоров между Египтом и Израилем. Все эти положения, по предложению США, должны были выработаны в ходе переговоров, основанных на так называемой “формуле Родоса”. Использование этой “формулы”, первоначально предложенной д-ром Яррингом, имело, по сути дела, своей целью отвлечь внимание от основного вопроса: должны ли арабские государства и Израиль вести прямые, лицом к лицу, переговоры. Израильтяне немедленно высказали свою сильную обеспокоенность отходом Вашингтона от *sine qua non*^{*}, то есть от проблемы прямых переговоров — поскольку для Израиля это являлось пробным камнем, помогающим определить, насколько их арабские партнеры искренни и заслуживают доверия. Таким образом, в Иерусалиме вздохнули с облегчением, когда Насер в декабре 1969 г. отверг план Роджерса, назвав американские предложения “односторонними и произраильскими”. Как только египтяне высказали свою точку зрения, Советский Союз, в свою очередь, немедленно отказался поддержать этот план. В дальнейшем Госдепартамент отказался от идеи навязать Израилю решение ближневосточной проблемы.

Советский Союз наращивает свое присутствие

Одним из факторов, охладивших решимость Вашингтона разработать план действий Великих держав, стала новая, жесткая и агрессивная, по-

* Точнее, *condicio sine qua non* — “необходимое условие” (лат.).

зация СССР относительно Войны на истощение. 22 января 1970 г. Насер неожиданно прилетел в Москву, чтобы проинформировать советское руководство о том, что израильтяне, для улучшения своего положения на “линии Бар-Лева”, приступили к регулярным бомбардировкам позиций египетской артиллерии на западном берегу Суэцкого канала, а также целей в долине Нила. Действия израильской авиации, заявил он, вынудили Египет эвакуировать около полумиллиона египетских гражданских лиц из зоны канала, а проникновение израильских самолетов в центральные районы страны не только является опасным с военной точки зрения, но и унижительным с точки зрения политической. Насер вынужден был признать, что треть египетских истребителей уже сбиты в ходе воздушных боев, и моральный дух египетских вооруженных сил в полном упадке. Египетский президент попросил предоставить его стране самолеты дальнего действия и советские экипажи для нанесения ответных ударов по израильским городам.

Не желая вступать в открытую конфронтацию с США, советские руководители отклонили эту просьбу. Вместе с тем они согласились принять более активное участие в защите египетских военных и гражданских объектов, и к середине февраля объем воздушных перевозок из СССР в Египет возрос в четыре раза. В течение полугода число советских “инструкторов” и “военных советников” в Египте составило, по разным оценкам, от 10 до 14 тыс. человек, а в египетских водах находилось 60 советских военных судов — что было сопоставимо с Шестым флотом США как по тоннажу, так и по огневой мощи. Советские летчики совершали разведывательные полеты с египетских аэродромов, истребители-перехватчики с советскими экипажами несли боевое дежурство на египетских авиабазах, и зенитно-ракетные комплексы обслуживались советскими боевыми расчетами. Столь значительное увеличение боевой техники и личного состава означало беспрецедентное и угрожающее советское присутствие на Ближнем Востоке.

Самой значимой для Израиля стала разведывательная информация относительно того, что противовоздушная оборона в районе долины Нила теперь будет осуществляться советскими летчиками. Соответственно, в апреле 1970 г. израильская авиация прекратила свои рейды в глубокий тыл противника. Египтяне, в свою очередь, приступили к передислокации новых зенитно-ракетных комплексов и артиллерийских батарей ближе к каналу. После этого израильские авиационные удары довольно скоро приблизились по масштабам к американским воздушным налетам в Индокитае, с аналогичными разрушительными последствиями; это, однако, не сказалось на темпах египетского продвижения. Более того, после каждого израильского воздушного налета советские военные расширяли масштабы

своих защитных действий, и вот к концу июня 1970 г. советские пилоты уже осуществляли боевое воздушное патрулирование в районах северной и южной оконечностей Суэцкого канала и на расстоянии всего 50 миль от центральной зоны канала. Египетско-советская оборонительная система, благодаря использованию новейших модификаций зенитных управляемых ракет, стала едва ли ни самой плотной в мире (по степени плотности приближаясь к системе ПВО Москвы). Израильское командование 30 июня распознало эти новые ракеты, но прежде уже были сбиты два израильских “Фантома”. В начале июля над западным берегом Суэцкого канала было сбито еще пять “Фантомов”. При такой тактике залповых пусков ракет с короткими интервалами, да к тому же в условиях их практически неистощимого запаса, Израиль оказался перед лицом самого серьезного военного кризиса со времени кануна Шестидневной войны. Советские военные, судя по всему, действовали так, как если бы речь шла о престиже Советского Союза, и действия в районе западного берега Суэцкого канала буквально за ночь превратились в прямую конфронтацию СССР и Израиля. Премьер-министр Израиля Голда Меир заявила 7 июля: “Сегодня — именно сегодня, в этот день — Израиль ведет борьбу в ситуации, самой критической за все время существования нашей страны”. К концу июля (со времени окончания военных действий 1967 г.) потери израильтян составили более 3 тыс. человек. Если бы советские самолеты начали действовать непосредственно в зоне Суэцкого канала, эти потери могли катастрофически увеличиться.

Впрочем, не следовало забывать и о другой стороне медали. Потери египтян были несравненно более значительными. Только с апреля 1970 г. они потеряли более 10 тыс. человек в результате действий израильской авиации и артиллерии. Да и Советский Союз не питал иллюзий относительно возможностей египетских военных. Все то оружие, которое получал их союзник, само по себе вряд ли могло обеспечить египтянам успешное форсирование Суэцкого канала или гарантировать египетским ВВС военное превосходство в воздушном пространстве над каналом. Первое столкновение советских и израильских самолетов произошло 25 июля, когда два израильских легких бомбардировщика, сбрасывавших бомбы на египетские позиции, подверглись атаке советских “Мигов”. Тогда израильтяне уклонились от боя. Но через несколько дней, 30 июля, израильские летчики ввели советских пилотов в заблуждение, предприняв ложную атаку на цели в долине Нила, а затем неожиданно атаковав поднятые по тревоге “Миги” над Суэцким заливом. Четыре советских самолета были сбиты, остальные ушли, не приняв боя. Таким образом израильтяне дали понять, что они не считают советских военных непобедимыми и что Иерусалим готов устроить для Москвы “Вьетнам”, если та намерена пойти на такой риск.

В намерения Советского Союза, судя по всему, это отнюдь не входило. Незадолго до этого, 19 июня 1970 г., Вашингтон выступил с предложением “устроить передышку” на Ближнем Востоке. Американский план (“второй план Роджерса”) предусматривал прекращение огня на 90 дней и проведение на протяжении этого срока не прямых переговоров между Египтом и Израилем, через посредство д-ра Ярринга. 29 июня Насер вылетел в Москву для чрезвычайных консультаций. Там, признав, что Война на истощение наносит урон египетским вооруженным силам и, главное, их моральному духу, он получил одобрение Москвы на принятие американского предложения, и 23 июля официально объявил о своем согласии. У Израиля, однако, возникли серьезные опасения, что египтяне используют эту “передышку” для увеличения числа зенитно-ракетных комплексов вдоль западного берега Суэцкого канала. В конечном итоге Иерусалим принял этот план, но только после получения заверений от Египта и СССР, через посредство Роджерса, о временном прекращении переброски ракет в зону Суэцкого канала. Таким образом, соглашение о прекращении огня вступило в силу 7 августа. Однако буквально сразу же после этого в зоне прекращения огня были развернуты новые советские зенитно-ракетные комплексы, и сначала израильская, а затем, с некоторым запозданием, и американская разведка сообщили о нарушении договоренностей.

К этому времени накопление в Египте столь значительного количества вооружений и “военных советников”, наряду с беспрецедентным ростом числа советских военных судов в Средиземном море, убедило Соединенные Штаты, что Кремль намеревается использовать Египет в качестве постоянной базы для слежения за действиями Шестого флота США. После того как США и Израиль ощутили себя обманутыми и увидели все основания для беспокойства, общность их позиций еще более укрепилась. На протяжении нескольких последующих месяцев США поставили Израилю значительное количество самолетов и другого новейшего оружия. Ощувив более значительную поддержку Соединенных Штатов, израильтяне, в свою очередь, продемонстрировали склонность к большей дипломатической гибкости. Этому в немалой степени способствовала и смерть Насера в сентябре 1970 г. (от сердечного приступа). Вступление в должность Анвара Садата⁸ (Гл. XXIV) дало Иерусалиму возможность надеяться на новую и более умеренную позицию Египта.

8 Садат, ас-Садат Мухаммед Анвар (1918–1981) — египетский государственный и военный деятель. В 1938 г. окончил военный колледж в Каире. В 1940 г. стал одним из руководителей подпольной военной организации, близкой к мусульманским террористическим группировкам “Миср Аль-Фатат” и “Братья-мусульмане”. Во время наступления немецко-итальянской группы войск Э. Роммеля в 1942 г. установил связь с немецкой разведкой, но вскоре был арестован английскими спецслужбами. В 1944 г. бежал из

Когда Египет и Израиль приступили в начале 1971 г. к непрямым переговорам при посредничестве Ярринга, они практически с самого начала потерпели неудачу. Правительство Садата высказало намерение обсуждать перспективы мира с Израилем только при условии, что Израиль до начала переговоров согласится назначить крайний срок, когда будут осуществлены

“...вывод израильских войск из Синая и сектора Газа, достижение справедливого решения проблемы беженцев в соответствии с резолюциями ООН, установление демилитаризованных зон, равноудаленных от государственных границ, создание миротворческих сил ООН, где были бы представлены все четыре постоянных члена Совета Безопасности [то есть включая и СССР], вывод войск со всех оккупированных территорий”.

Эти египетские условия представлялись совершенно неприемлемыми для премьер-министра Голды Меир и ее советников. Израильцы были готовы к территориальным компромиссам, но лишь при условии, что египетские вооруженные силы будут выведены за пределы “безопасных, общепризнанных и согласованных границ, которые должны быть определены в рамках мирного договора”. Когда Египет признал неприемлемым это встречное предложение, миссия Ярринга прекратила свое существование.

В неофициальном порядке, однако, Даян дал понять, что его правительство готово обсудить, в качестве промежуточного варианта, взаимный от-

тюремной больницы. Сумел вернуться на военную службу. Вступил в организацию “Свободные офицеры” Г. Насера. Принимал активное участие в перевороте 23 июля 1952 г., покончившем с королевской властью. В 1953–1956 гг. — член Революционного совета. В 1955–1956 гг. — государственный министр. В 1957–1958 гг. — заместитель председателя Национального собрания; в 1960–1961 гг. и 1964–1968 гг. — председатель Национального собрания. В 1964–1968 гг. и 1969–1970 гг. — вице-президент Египта. После смерти Г. Насера в 1970–1981 гг. — президент Египта. Покончил с зависимостью от Советского Союза, выслав в 1972 г. всех советских военных советников. На смену социалистическим экспериментам эпохи Насера пришла политика “открытых дверей”, приведшая к притоку иностранного капитала и либерализации экономики. Резко возросли темпы экономического роста страны и значительно увеличился средний класс при ухудшении положения части населения. Заключил военный союз с Сирией и договорился с президентом Сирии Х. Асадом о тесной координации военных действий. 6 октября 1973 г. египетские и сирийские войска начали одновременно наступление на Израиль. Результаты Войны Судного дня убедили А. Садата в невозможности победить Израиль военным путем. В ноябре 1977 г. состоялся исторический визит А. Садата в Иерусалим, приведший к длительным переговорам и заключению мирного договора в марте 1979 г. 6 октября 1981 г. А. Садат был убит террористами, принадлежавшими к исламским фундаменталистским организациям “Аль-Гамаа аль-Исламия” и “Исламский джихад”, во время военного парада.

вод войск на расстояние 20 миль от соответствующих берегов Суэцкого канала. Отход израильских войск позволит египтянам возобновить работу канала; при этом проход судов и соображения безопасности египетских населенных пунктов в зоне канала будут препятствовать нарушению перемирия. Для обеих сторон такого рода договоренность послужит сдерживающим фактором и будет способствовать продолжению переговоров. Эта мысль понравилась Садату, и он высказал готовность принять ее — при условии, что Израиль рассмотрит возможности взаимного сокращения численности войск в зоне канала в качестве первого этапа на пути к “реализации остальных положений Резолюции Совета Безопасности № 242”. Однако Израиль снова отклонил идею принятия на себя обязательств вне рамок прямых переговоров. Несмотря на неустанные усилия Госсекретаря США Роджерса и д-ра Джозефа Сиско, заведующего ближневосточным отделом Госдепартамента, так и не удалось прийти к такому промежуточному соглашению.

Сколь бы ни было сильно американское недовольство позицией Израиля, оно значительно смягчилось 27 мая 1971 г., когда стал достоянием гласности новый и всеобъемлющий договор между Египтом и Советским Союзом. Согласно условиям этого документа, СССР выразил готовность обучать египетскую армию овладению новыми видами советских вооружений. Египет, в свою очередь, согласился координировать с Советским Союзом свою политику и дипломатическую деятельность. Общий дух договора был угрожающим, по мнению как США, так и Израиля, поскольку в документе официально провозглашался контроль Москвы над египетской внешней политикой. Помимо всего прочего, статья 2 договора определяла Египет как “страну, выбравшую для себя путь перестройки общества в духе социализма”. Не видя никакой возможности одержать верх над влиянием Советского Союза в ближайшем будущем, Вашингтон свел теперь свои усилия на Ближнем Востоке к тому, чтобы помочь Израилю действовать в духе максимального устрашения и таким образом сорвать агрессивные планы Египта. В начале 1972 г. было подписано соглашение о продолжении поставок Израилю американских “Фантомов” и сложного электронного оборудования. Благодаря этому весной того же года израильские ВВС наглядно продемонстрировали свое преимущество не только над египетской авиацией, но и над египетско-советской системой ПВО.

Это обстоятельство было особо отмечено египетской стороной и послужило основанием для роста недовольства в Каире, что привело в конечном итоге к кризису отношений между Садатом и кремлевским руководством. Египтяне настойчиво добивались вмешательства СССР, чтобы с его помощью оттеснить израильтян от Суэцкого канала и вынудить их принять египетские условия урегулирования. Москва же, напротив, намеревалась обо-

снова в Египте, устроить там постоянную военную базу и использовать ее для своих стратегических целей и для решения региональных задач. В майском (1971 г.) договоре ничего не говорилось относительно прямого советского военного вмешательства в конфликт с Израилем. Ни Брежнев⁹, ни Косыгин явно не хотели ни заполнить свой “ближневосточный Вьетнам”, ни тем более ввязаться в конфронтацию с Америкой. Садат же был возмущен тем, что его отношения с Советским Союзом явственно превращаются в улицу с односторонним движением. И его реакция последовала 13 июля 1972 г., когда он направил в Москву своего премьер-министра Азиза Сидки с ультимативным требованием отозвать советников и инструкторов. В ответ на этот демарш Советский Союз, к огромному удивлению и Вашингтона, и Иерусалима, действительно вывел основную часть своего персонала из Египта. Для израильтян эта трещина в отношениях между СССР и Египтом стала подтверждением верности своей твердой политике: не уступать ни в чем, противостоять непрекращающимся артиллерийским обстрелам и не поддаваться на египетские угрозы расширить масштабы военного конфликта.

Изменение тактики арабских боевиков

Бесславное завершение Войны на истощение и прекращение действий арабских боевиков на территории Хашимитского Королевства, произошедшие

9 Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) — советский государственный деятель. В 1927 г. окончил Курский землеустроительно-мелиоративный техникум. В 1935 г. — Metallургический институт в Днепродзержинске. В мае 1937 г. назначен заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. С февраля 1939 г. — секретарь Днепропетровского обкома КП (б) Украины. В 1941–1945 гг. — заместитель начальника Политуправления и начальник Политуправления ряда фронтов. В 1946–1949 гг. — первый секретарь Запорожского, Днепропетровского обкомов КП (б), в 1950–1952 гг. — первый секретарь ЦК КП (б) Молдавии. В 1954–1956 гг. — первый секретарь ЦК КП Казахстана. Член Политбюро ЦК КПСС с 1957 г., один из организаторов переворота, приведшего к смещению Н. Хрущева со всех занимаемых им постов. Первый (1964–1966 гг.) и Генеральный (1966–1982 гг.) секретарь ЦК КПСС; председатель Президиума Верховного Совета СССР (1960–1964; 1977–1982 гг.). В период его пребывания у власти в Советском Союзе происходит отход от робких попыток реформ эпохи Н. Хрущева во всех сферах жизни (т. н. “эпоха застоя”). Во внутренней политике — усиление репрессий, а во внешней политике — все возрастающая военная и политическая помощь самым радикальным режимам во всем мире, все более усиливающийся антиизраильский курс и всемирная поддержка международного, в первую очередь арабского, террора.

практически в одно время, нанесли самую настоящую психологическую травму руководству ФАТХ. Федаинов больше не видели ни по одну, ни по другую сторону Иордана, да и в секторе Газа почва была выбита из-под ног этого движения, объявленного вне закона. Для них оставался один выход: перебазироваться в Ливан. Однако на первых порах эта небольшая, мирная страна, финансовый центр Ближнего Востока, со смешанным христианско-мусульманским населением, представлялась не очень подходящим местом для базирования террористов. Мало кто из ее граждан был склонен проявлять интерес к военным действиям или военизированным организациям. К тому же граница Ливана — в отличие от границы по реке Иордан — не была ни достаточно протяженной, ни легко проходимой. Однако в действительности оказалось, что Ливан — вопреки первоначальным представлениям — представляет собой вполне подходящее место для боевиков. На юге Ливан граничил с Израилем. В лагерях беженцев, расположенных в Ливане, находилось не менее 100 тыс. палестинцев, и многие из них, несомненно, представляли собой подходящий материал для вербовки. Немаловажным было и то обстоятельство, что нестабильное правительство Ливана, пребывающее в постоянном страхе перед сирийской военной угрозой, было фактически беспомощным и вряд ли могло воспрепятствовать действиям федаинов.

Таким образом, к апрелю 1970 г. арабские боевики уже успели освоиться в Ливане и начали обстреливать израильские приграничные поселения с использованием установок реактивной артиллерии “Катюша”. 2 мая они обстреляли израильский школьный автобус на дороге вблизи границы, убив двенадцать детей и учителей и причинив серьезные ранения остальным пассажирам автобуса. Израильцы были потрясены этой вылазкой, и реакция правительства была очень жесткой: армейские части на протяжении суток провели зачистку в “Стране ФАТХ” — лагерях палестинских беженцев и боевиков, расположенных у подножия горы Хермон с ливанской стороны. В ходе операции не только были уничтожены базы ФАТХ, но и установлено постоянное присутствие израильских сил в этом гористом приграничном районе Ливана. Затем израильцы с использованием армейских бульдозеров расчистили дороги и оборудовали там укрепленные позиции для своих наблюдательных пунктов. В результате создания такого приграничного пояса безопасности на две мили в глубь ливанской территории в этом районе на какое-то время воцарилась тишина. Даже после повторного появления в Ливане сотен боевиков, изгнанных из Иордании в 1970 г., их проникновение на израильскую территорию пресекалось израильскими патрулями. Поскольку присутствие палестинских боевиков в Ливане являлось вопиющим нарушением суверенитета этой страны, все израильские действия совершались с молчали-

вого одобрения ливанского правительства, не говоря уж о тех ливанских христианах, жителях приграничных районов, которые открыто сообщали израильтянам о передвижениях боевиков, используя самые различные каналы. Впрочем, ракетные обстрелы ФАТХ полностью не прекратились, хотя федаины стали проникать из Ливана на территорию Израиля так же редко, как и из Иордании.

Явственно наметившийся к этому времени раскол в рядах палестинских боевиков требовал новых методов войны с Израилем. В большинстве своем палестинские группировки номинально принадлежали к единой зонтичной структуре — Организации освобождения Палестины (ООП). Правда, этой, еще довоенной, находящейся под египетским покровительством группе был нанесен очень серьезный ущерб в ходе Шестидневной войны, и ее лидер, Ахмед Шукейри, был вынужден уйти в отставку. После этого Организация освобождения Палестины не столько даже возродилась, сколько родилась заново под руководством Ясира Арафата. Хотя ООП в ее новом виде формально и состояла из представителей разных группировок, доминировал там ФАТХ, а сам Арафат занимал пост председателя исполнительного комитета ООП. В этом качестве его приглашали участвовать в работе Лиги арабских государств, и он получал значительные субсидии от нефтедобывающих стран — Саудовской Аравии, Кувейта, княжеств Персидского залива.

Репутация ФАТХ с самого начала существования этой организации определялась тем, насколько успешным является ее джихад против Израиля, а также насколько эффективно осуществляются проникновения ее боевиков на территорию Израиля. Как уже отмечалось, еще до “Черного сентября” 1970 г., когда террористы потерпели в Иордании сокрушительное поражение, израильская пограничная жандармерия неоднократно давала отпор ФАТХ и срывала его операции. Помимо ФАТХ, существовали и другие группировки федаинов, претендовавшие на лидерство, и в первую очередь Народный фронт освобождения Палестины. Его лидер, Джордж Хабаш, врач по специальности, родившийся в Палестине в христианской семье, до Шестидневной войны был активным сторонником Насера, а впоследствии стал леворадикальным марксистом, основав в 1967 г. НФОП, в состав которого первоначально входило несколько сот активистов, в основном, как и сам Хабаш, палестинцев-христиан, представителей среднего класса. Своей целью они ставили не только освобождение Палестины от израильской власти, но и освобождение всего арабского народа от гнета “реакционного империализма”. Однако через несколько месяцев после создания Народного фронта от него откололась небольшая группировка, известная под названием “Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование”, со штаб-квартирой

в Сирии, действовавшая под руководством Ахмеда Джибрила¹⁰, бывшего заместителя Хабаша. В середине 1969 г. еще один боевик из числа бывших соратников Хабаша порвал с Джибрилом и образовал Арабский фронт освобождения¹¹. В дальнейшем откалывались и объявляли о своей независимости еще несколько групп, все меньшей и меньшей численности. Единственный идеологический принцип, общий для всех этих группировок, — решительный отказ от каких бы то ни было мирных соглашений между Израилем и арабскими государствами, единственная общая цель — безусловное уничтожение Израиля. Их идеология была основана на культуре насилия, а их теоретические документы обильно цитировали писания Франца Фанона.

Но как бы ни расходились эти группировки в организационных и идеологических тонкостях, общим у них оставалась техника борьбы, выработанная Джорджем Хабашем: если традиционные методы свержения сионистского режима не приносят желаемых результатов, то феодинам следует наносить удары вне границ еврейского государства или даже вне пределов ближневосточного региона. Эта идея была взята на вооружение малыми группировками. Когда они обратились к новым методам ведения военных действий, то стало ясно: эти люди одержимы прежде всего стремлением привлечь внимание всего мира к национальной идее палестинских арабов. А для достижения этой цели никакие средства не могли считаться ни недопустимыми, ни слишком жестокими — и в качестве новой тактики было выбрано воздушное пи-

- 10 Джибрил Ахмед (р. 1938) — один из самых экстремистски настроенных лидеров палестинского террора. Родился в христианской семье. В 1948 г. семья бежала из Азура в Сирию. Служил в сирийской армии, но был уволен в чине капитана по подозрению в коммунистических взглядах. В 1959 г. создал Фронт освобождения Палестины, стоящий на марксистских позициях. Организация вошла в НФОП, но в 1968 г. вышла из него из-за разногласий между Хабашем и руководством Сирии. В 1968 г. Джибрил основал “Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование” (НФОП—ГК) — светскую левую организацию, считающую терроризм главным средством уничтожения Израиля. Штаб-квартира НФОП—ГК находится в Дамаске и действует под контролем сирийских спецслужб. Организация устраивает террористические акты в Израиле и на территории европейских стран. Джибрил одним из первых стал использовать террористов-смертников. Он был первым палестинским лидером, получившим большую помощь от Исламской Республики Иран. Джибрил перешел из христианства в ислам и установил тесные связи с “Хамасом” и “Хизбаллой”. НФОП—ГК выступает с резкой критикой соглашений Осло и требует уничтожения Израиля.
- 11 Арабский фронт освобождения (АФО) — палестинская террористическая организация, основанная бывшими сторонниками Хабаша, вышедшими из НФОП. АФО был создан в 1969 г. баасистским режимом Ирака и до свержения С. Хусейна следовал инструкциям Багдада. После свержения С. Хусейна организация распалась и фактически прекратила свою деятельность.

ратство, угон пассажирских самолетов. Несколько членов Народного фронта освобождения Палестины 18 июля 1968 г. захватили самолет компании *Эль-Аль*, следовавший рейсом из Рима в Израиль, и принудили пилотов приземлиться в Алжире, где пассажиры и экипаж были интернированы. После месяца переговоров израильтянам пришлось выпустить из тюрем нескольких боевиков, и террористы тогда освободили заложников. Федаины расценили этот акт пиратства как выдающийся успех. Похоже, что им удалось найти ахиллесову пята израильтян — ведь не существует ничего более уязвимого, чем пассажирский самолет, когда он находится в воздухе. Более того, пиратские действия террористов доказали также, что свободный мир не спешит с нанесением ответного удара — путем прекращения транспортных связей с арабскими странами, укрывающими и даже прославляющими воздушных пиратов.

Этот угон запустил цепную реакцию террористических атак на самолеты *Эль-Аль*, затем на самолеты других авиакомпаний, летящих в Израиль, после чего террористы начали нападать на израильских гражданских лиц по всему миру. В декабре 1968 г. двое палестинских арабов обстреляли из автоматов самолет *Эль-Аль* на взлетно-посадочной полосе афинского аэропорта, убив одного пассажира-израильтянина. Террористы были схвачены греческой полицией, но впоследствии, под нажимом арабских дипломатов, правительство Греции способствовало тому, что убийцам вынесли очень легкий приговор, а затем им была предоставлена возможность “бежать” из заключения. На этот раз реакция Израиля была жесткой и решительной. Террористы, действовавшие в Алжире и в Афинах, были завербованы и прошли подготовку в Ливане, и потому 28 декабря израильтяне провели воздушно-штурмовой рейд и уничтожили четырнадцать лайнеров ливанской и еще нескольких других арабских авиакомпаний, находившихся в бейрутском аэропорту. Через три дня Совет Безопасности ООН осудил действия Израиля, а Франция распространила свое эмбарго на все оборудование военного назначения и запчасти к нему, поставившиеся до этого времени в Израиль. И снова арабские террористы, похоже, оказались в выигрыше.

Результаты такой политики не заставили себя ждать. В феврале 1969 г. было совершено нападение на самолет *Эль-Аль* в аэропорту Цюриха, и два члена экипажа были ранены — один смертельно. В августе самолет американской авиакомпании, следовавший в Израиль, был захвачен в Дамаске, и четырех израильтян, пассажиров этого рейса, освободили лишь через четыре месяца — в обмен на сирийских заключенных из израильских тюрем. В ноябре того же года федаины забросали гранатами представительство *Эль-Аль* в Афинах, ранив четырнадцать человек, в основном греков, и убив грудного греческого ребенка. Впоследствии афинские власти отпустили убийц на свободу, чтобы обеспечить освобождение захваченного самолета греческой авиакомпании “Олимпик”. Вскоре после этого три

арабских террориста открыли огонь по пассажирам *Эль-Аль*, ожидавшим выхода на посадку в аэропорту Мюнхена; один израильтянин был убит, и лишилась ступни Хана Мерон¹², одна из самых любимых израильских актрис. В феврале 1970 г. террористы Ахмеда Джибрила подложили взрывное устройство в самолет швейцарской авиакомпании, летевший в Тель-Авив; самолет взорвался в воздухе, и среди погибших было шестнадцать израильтян. В тот же день взорвалась бомба, подложенная в контейнер с авиапочтой; самолет австрийских авиалиний летел в Израиль, но взрыв произошел на пути между Веной и Франкфуртом, и пилоту удалось посадить машину.

Один из самых известных случаев воздушного пиратства произошел 8 сентября 1970 г., когда боевики Народного фронта освобождения Палестины напали одновременно на четыре самолета разных авиакомпаний — швейцарской, английской и двух американских. Одним коварным ударом террористы захватили 310 заложников, в их числе немало евреев и израильтян, и заставили пилотов сесть на взлетно-посадочной полосе в иорданской пустыне. Заложники с тревогой следили за ходом переговоров, которые должны были решить их судьбу (напомним, что после этих действий террористов король Хусейн отдал приказ об атаке на лагеря ФАТХ в Иордании). В конечном итоге пассажиры были отпущены, но не раньше, чем власти Великобритании, Западной Германии и Швейцарии согласились выпустить на свободу палестинцев, осужденных за теракты в аэропортах, совершенные против израильтян. Со временем стало известно, что западногерманская авиакомпания «Люфтганза» поддалась на шантаж и платила определенные суммы ряду арабских террористических организаций, чтобы обеспечить безопасность своих полетов, тогда как официальный Париж заключил с феодами закулисную сделку, обязавшись и далее придерживаться своей антиизраильской политики.

Однако захваты самолетов и стрельба в аэропортах были лишь одной из сторон «экспортного терроризма» арабских боевиков. В Буэнос-Айресе был устроен взрыв на израильской торгово-промышленной выставке. В Лондоне, в офисе израильской судоходной компании *Цим*, было обнаружено и вовремя обезврежено взрывное устройство. В Асунсьоне, столице Парагвая, два феодин убили местную служащую израильского посольства. Бомбы были подложены в израильские посольства в Гааге и Бонне. В Брюсселе

12 Мерон Хана (Майерчук; р. 1923) — израильская актриса. С 1933 г. жила в Париже, с 1935 г. — в Эрец-Исраэль. В 1940 г. поступила в студию при театре *Габима*, с 1941 г. служила в британской армии в военном ансамбле. В 1945–1980 гг. — ведущая актриса театра *Камери*. В 1970 г. при нападении арабских террористов на пассажиров израильского самолета в мюнхенском аэропорту была ранена, лишилась ступни, однако сумела вскоре вернуться на сцену. С 1980 г. выступает в *Габиме* и Беэр-шевском театре. Лауреат Государственной премии Израиля за 1973 г.

в офис *Эль-Аль* было брошено несколько гранат, и четыре бельгийца получили ранения. Атташе по вопросам сельского хозяйства израильского посольства в Лондоне погиб, открыв присланное по почте письмо, в котором было заложено взрывное устройство. Израильский военно-воздушный атташе в Вашингтоне был застрелен неподалеку от своего дома. Атаки террористов были направлены также и на еврейские общественные и частные учреждения. В Буэнос-Айресе сгорела еврейская школа, в Праге была подожжена синагога, в Кельне несколько пожилых евреев погибли во время пожара в доме престарелых. Ответственность за все эти случаи взял на себя Народный фронт освобождения Палестины.

При этом НФОП и прочие, даже менее значительные, группировки действовали не только своими силами, но и занимались вербовкой международных авантюристов, закоренелых уголовников и антиизраильски настроенных левых радикалов. Так, в мае 1970 г. НФОП завербовал некоего Рольфа Свенсона, шведского подданного, с целью убийства Бен-Гуриона в ЮАР, куда бывший премьер-министр приехал с циклом лекций; преступление было предотвращено буквально в последнюю минуту силами израильских сил безопасности. В июне того же года Бруно Баргит, швейцарский гражданин, был арестован в Хайфе, при нем была найдена взрывчатка и взрывное устройство. В июле Патрик Аргелло, американец, при попытке похищения самолета *Эль-Аль* был убит израильским охранником. Еще через месяц две сестры-француженки и пожилая французская пара были арестованы при попытке ввезти в Израиль взрывные устройства. Несколько европейских пассажиров *Эль-Аль*, по наивности откликнувшихся на просьбы арабов передать “подарки” в Израиль, получили бомбы, часовой механизм которых был установлен на взрыв во время рейса. Федаины весьма преуспели в установлении контактов с радикальными террористическими организациями других стран. Самые разные группы — “Красная армия Японии”¹³, “Турецкая народная освободительная армия”, уругвайские ту-

13 “Красная армия Японии” (КАЯ) — японская ультралевая террористическая организация, основанная в начале 1970-х гг. и провозгласившая своей целью осуществление социалистической революции в Японии и по всему миру. Основным средством достижения этого был провозглашен террор против правящих классов различных стран. КАЯ отличалась необыкновенным фанатизмом и жестокостью при осуществлении своих акций даже по сравнению с другими организациями. Одной из ее самых кровопролитных акций стало нападение на пассажиров в аэропорту Лода в мае 1972 г., во время которого погибло 26 человек, в основном паломники из Пуэрто-Рико. КАЯ тесно сотрудничала с палестинскими террористическими группировками. Благодаря совместным действиям полиции Японии, Франции и других стран КАЯ во второй половине 1980-х гг. была окончательно разгромлена.

памарос¹⁴ — согласились сотрудничать с палестинцами, которые предложили им оружие, деньги и курс подготовки в своих лагерях. В конце мая 1972 г. трое членов японской “Красной армии” по прилете в аэропорт Лода, хладнокровно достав из ручного багажа гранаты и автоматы, учинили бойню в зале прилетов; при этом погибло 26 человек и 72 человека получили ранения.

Эта террористическая кампания была особенно тревожной для израильтян потому, что они ощущали свою уязвимость во время пребывания за рубежом. В известном смысле, каждый из них представлял собой живую мишень, едва они пересекали границу страны и оставались без защиты своей в высшей степени эффективной армии и пограничной полиции. Но хуже всего было то, что ни одна страна мира, похоже, не была готова к тому, чтобы наказать палестинских убийц самым строгим образом и тем самым предотвратить теракты в будущем. Израильтяне начали отчасти утрачивать чувство моральной уверенности, полученное ими после завоевания независимости; они снова становились такими же беззащитными, как и евреи былых времен. Нигде это не проявилось с такой беспощадной очевидностью, как во время Олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене¹⁵, когда одиннадцать

14 Тупамарос (Движение за национальное освобождение) — уругвайская левая террористическая организация, названная по имени Амару Тупака (1544–1572) — руководителя борьбы индейцев против испанских завоевателей в Перу. Движение возникло в 1962 г. В его состав вошли представители молодежи, члены Социалистической партии и левые католики. Первоначально активисты движения во главе с его лидером Раулем Сендиком занимались профсоюзной и общественной деятельностью. Но в скором времени они пришли к выводу, что для создания революционной ситуации и перехода к народному восстанию против буржуазного режима необходимо резко революционизировать сознание широких народных масс. Осуществить это может только партизанская борьба в городах. В 1963 г. тупамарос совершили первую акцию — налет на стрелковый клуб с целью захвата оружия. В 1963–1966 гг. активисты движения осуществили многочисленные операции по захвату оружия, боеприпасов, денежных средств. Была создана разветвленная сеть убежищ, тайных складов и мастерских по изготовлению оружия. В 1967 г. тупамарос начали наступление на правительство Уругвая. Осуществлялись нападения на армейские полицейские части, захватывались крупные чины полиции, армии, государственные служащие, подозреваемые в коррупции. Полученные в результате допросов заложников сведения немедленно публиковались в средствах массовой информации. После того как органам правопорядка удалось в 1970 г. арестовать около ста активистов и лидеров организации, оставшиеся на свободе перешли к террору. К середине 1970-х гг. тупамарос в основном были разгромлены. В 1985 г. оставшиеся на свободе члены организации приняли решение перейти к легальным методам борьбы.

15 В ноябре 1971 г. в составе ФАТХ появилась новая террористическая группировка “Черный сентябрь” под руководством А. Саламе. В 1971–1980 гг. организацией было осуществлено 60 террористических акций за пределами Израиля, в основном против израильских и иорданских объектов. Крупнейшим из них был захват 11 членов (9 спортсменов и 2 тренеров) израильской спортивной делегации на Олимпиаде в

израильских спортсменов погибло от рук арабских террористов, членов организации “Черный сентябрь” (фактически того же ФАТХ). Олимпийский комитет принял решение, несмотря ни на что, продолжить Игры. Те террористы, которые уцелели в перестрелке с немецкой полицией, в дальнейшем были, по сути дела, отпущены на свободу правительством Вилли Брандта¹⁶, как бы в обмен за похищенный самолет компании “Люфтганза”.

Если говорить об израильской внутренней политике, то единственным реальным последствием всех терактов было укрепление общественного мнения относительно необходимости противостоять попыткам сближения с палестинцами. Влияние терактов на мировое общественное мнение было не столь однозначным. В странах Европы левые радикалы проявляли симпатию к фedaинам, приравнивая их насильственные действия к борьбе стран третьего мира. В ряде французских и английских университетов ФАТХ стал пользоваться славой самого популярного освободительного движения, заняв в общественном сознании место Вьетконга (Национального фронта освобождения Южного Вьетнама). Революционно настроенные студенты присоединялись к активистам ФАТХ, которые организовывали кампании солидарности с борьбой палестинского народа. Да и в Соединенных Штатах влияние арабской пропаганды на зарождающееся движение Новых левых¹⁷ было на удивление велико, особенно среди студентов-

Мюнхене 5 сентября 1972 г. Террористы потребовали освободить 234 заключенных в Израиле и ФРГ. Правительство Израиля категорически отказалось удовлетворить требования террористов. В результате плохо подготовленной операции немецкой полицией было убито пять террористов, но погибли все израильские заложники. В ответ спецслужбы Израиля ликвидировали всех ответственных за бойню в Мюнхене во главе с А. Саламе. После этого организация практически прекратила свое существование.

- 16 Брандт Вилли (Герберт Фрам; 1913–1992) — немецкий государственный и политический деятель. В 1929–1932 гг. принимал участие в социалистическом движении города Любек. В 1933–1945 гг. находился в эмиграции в Скандинавских странах. В 1945–1947 гг. занимал должность пресс-атташе при норвежской военной миссии в Берлине. В 1948 г. восстановил немецкое гражданство. В 1948–1958 гг. — официальный представитель правления западноберлинской организации СДП, в 1958–1962 гг. — ее председатель. С 1950 г. — член палаты депутатов Западного Берлина; в 1955–1957 гг. — председатель палаты депутатов. В 1957–1966 гг. — бургомистр Западного Берлина. В 1966–1969 гг. — зам. федерального канцлера и министр иностранных дел в правительстве К. Кизингера (ХДС); в 1969–1974 гг. — федеральный канцлер. Один из создателей так называемой “восточной” политики ФРГ, направленной на улучшение отношений с Советским Союзом и его союзниками, на ослабление военной организации блока НАТО. В рамках этой политики шел на большие уступки требованиям палестинских террористов.
- 17 Новые левые — массовое радикальное движение молодежи (преимущественно образованной) в западных странах во второй половине XX в. Новые левые появились в конце 1950-х гг. как альтернатива “старым левым” — коммунистам, дискредитировавшим

афроамериканцев. Так, в поддержку “арабского дела” выступал Координационный комитет ненасильственных студенческих действий, самая воинственная из всех американских студенческих организаций. Проходивший в Чикаго летом 1967 г. съезд сторонников “Новой политики” (то есть Новых левых), в работе которого приняли участие три с половиной тысячи делегатов и наблюдателей, требовал свободы не только для негритянского населения США и Африки, но и для арабов, страдающих от “империалистической сионистской войны”. “Нэшнл гардиан”, основной еженедельник Новых левых, в редакционной статье выступал за “десионизацию Израиля”. Радикальные негритянские активисты, решительно и твердо выступающие с антиизраильскими лозунгами, имелись не только среди студенческой молодежи. Сходные, хотя более умеренные и “объективные”, высказывания слышались и от профессоров американских университетов, занимающихся проблемами Ближнего Востока. Во многих случаях их позиция была основана на искреннем уважении к арабскому национальному делу; при этом зачастую они довольно резко реагировали на “попытки оказать сионистское давление на их академическую свободу”.

Наряду с ведением изобретательной и эффективной пропаганды в университетских кампусах и в среде Новых левых арабы уделяли особое внимание организованным структурам американского христианского движения, и в этом они тоже добивались немалых успехов. Кто-то из видных христи-

себя в глазах радикалов преступлениями сталинизма и подавлением народного движения в Венгрии в 1956 г., и социал-демократам — из-за их переориентации в сторону либерализма. Новые левые декларировали неограниченную индивидуальную свободу, неприятие всякого насилия над личностью со стороны государства и общества и, как следствие, борьбу за свободу любых дискриминируемых групп: национальных меньшинств, женщин, коммунистов, атеистов, наркоманов, гомосексуалистов и др. Эти требования обосновывались смесью разнородных, считавшихся ранее несовместимыми доктрин: марксизма, анархизма, фрейдизма и пр. Новые левые отрицали любую цивилизацию, базирующуюся на примате материальных ценностей (т. е. и капитализм, и социализм). Новые левые в период подъема движения поставили ряд стран, в первую очередь Францию, Италию и Западную Германию, на грань социального и политического кризиса. Евреи играли выдающуюся роль как среди идеологов движения (Г. Маркузе, Э. Фромм, И. Дойчер и др.), так и среди активистов на первом его этапе. Но с конца 1960-х гг. Новые левые стали выступать против евреев: вначале это проявилось во враждебности к Израилю и сионизму, а затем обрело форму неприкрытого антисемитизма. Этот поворот был подготовлен массовым притоком в ряды Новых левых выходцев из наименее обеспеченных слоев населения (в США — прежде всего афроамериканцев), обнаруживших склонность к нетерпимости и насилию. Принятие значительной частью Новых левых идеологических стереотипов мировой революции с главной ролью в ней народов так называемого третьего мира, отнесение к последнему всех арабских государств и движений, независимо от их режимов и целей, неизбежно помещали в глазах Новых левых Израиль и сионизм в лагерь империализма и реакции.

анских деятелей был искренне тронут положением палестинских беженцев. Другие испытывали затруднения теологического характера, пытаясь осознать новый образ еврейского народа как независимой и победоносной нации, пришедший на смену стереотипу извечных мучеников. Таким образом, сторонникам арабов удавалось проводить среди как католиков, так и протестантов антиизраильские резолюции на церковных советах и ассамблеях, и даже организовывать бойкоты туров в Святую землю. “Американское общество друзей”, уважаемая филантропическая организация квакеров¹⁸, публично критиковала Израиль за то, что он настаивал на прямых переговорах с арабскими странами, и за его отказ признать право палестинских беженцев на возвращение. В результате всех этих усилий к осени 1973 г. исчез прежний образ Израиля как бесстрашного и доблестного демократического государства, окруженного врагами; теперь это был безжалостный и непримиримый, а то и тиранический захватчик чужих земель и чужих народов. Террористические организации сыграли решающую роль в этой метаморфозе благодаря своей настойчивости и динамизму — свойствам, которые были им присущи в той же степени, что и жестокость.

Цена процветания

В области экономики Израиль после Шестидневной войны мало чем напоминал страну образца 1965–1967 гг., испытывавшую все тяготы рецессии. Разумеется, не следует забывать о расходах на мобилизацию и ведение военных действий, которые составили полмиллиарда долларов, но тем не менее к концу лета 1967 г. в Израиле началось экономическое процветание — в масштабах, не имевших прецедентов за всю короткую историю страны. Война дала мощный толчок всей экономике. Безработица исчезла буквально на следующий день после победы. Несмотря на рост импорта, запасы иностранной валюты увеличивались еще более быстрыми темпами — на 75%, достигнув 840 млн долларов к концу года. На протяжении 1968 г. объем производства возрос на 10%, экспорт на 17% и капиталовложения на 25%.

По иронии судьбы одним из факторов, способствовавших такому экономическому подъему, стал значительно увеличившийся уровень расходов

18 Квакеры (от *англ.* quakers, букв. “трясущиеся”, первоначально употреблялось в ироническом смысле) — самоназвание “Общества друзей” — религиозной христианской общины, основанной в середине XVII в. ремесленником Дж. Фоксом. Квакеры отвергают институт священничества и церковные таинства (человек, согласно учению квакеров, может вступать в непосредственный союз с Богом). Проповедуют пацифизм, отмену смертной казни, занимаются благотворительностью.

на оборонные нужды, поскольку лишь таким образом можно было хоть как-то компенсировать огромные поставки советского оружия в Египет и Сирию. Затраты были очень велики — одни только закупки оружия за рубежом составили в 1967 г. ровно половину дефицита платежного баланса. В 1969–1970 гг. оборонный бюджет превысил 1 млрд долларов (в эту сумму входила стоимость строительства военных поселений на контролируемых территориях, а также расходы, связанные с увеличением срока военной службы мужчин с 30 до 36 месяцев). В 1971 г. военный бюджет достиг уже 1,5 млрд долларов, что составляло 23% ВВП страны. К этому времени расходы Израиля, связанные с обороной, достигли 470 долларов на душу населения в год — в одиннадцать раз больше, чем соответствующий показатель у его арабских соседей, а в последующие годы эта цифра еще увеличилась (Гл. XXV). Но в период сразу после Шестидневной войны эти военные расходы в значительной степени способствовали развитию отечественной промышленности, выпускавшей в большом количестве легкое стрелковое оружие и боеприпасы, сложные электронные устройства, ракетное топливо, а также тренажеры боевой техники и запчасти к различным видам вооружений. Наряду с этим, армия размещала на отечественных предприятиях заказы на транспортные средства, на консервы, обмундирование, медикаменты и различное техническое оборудование. К 1970 г. объем этих заказов втрое превысил довоенный уровень, в результате чего затянувшаяся безработица в стране могла быть ликвидирована благодаря одному только расширению производства, обслуживающего оборонные нужды. Научно-исследовательские разработки Министерства обороны также обеспечивали заказы для гражданских отраслей экономики — в первую очередь таких, как приборостроение, электроника и металлообработка.

Послевоенный экономический бум объяснялся также и рядом других факторов. Капиталовложения, связанные с развитием юга страны и пустыни Негев, начали приносить после 1967 г. значительные дивиденды. В первую очередь следует назвать нефтехимический комплекс в Араде, предприятия Мертвого моря и порт Эйлата. В рекордные сроки было завершено строительство автомагистрали, соединившей Ашдод с Эйлатом. Более того, даже блокада Суэцкого канала принесла еврейскому государству неожиданные выгоды благодаря транзитным перевозкам: грузы из стран Восточной Африки и Азии теперь перегружались в Эйлате на грузовики, переправлялись в Ашдод и там грузились на суда, направляющиеся в порты Средиземноморья. Объем этих “перегрузочных работ” в начале 1970 г. составлял 900 тонн в месяц. Кроме того, в конце 1969 г. Израиль завершил сооружение нового нефтепровода от Эйлата до Ашкелона. Это была лишь первая линия, строительство которой обошлось в 62 млн долларов, а завершение проекта в целом планировалось в 1975 г., и тогда его пропускная способность

должна была составить 60 млн тонн в год — что равнялось примерно трети всех нефтеперевозок через Суэцкий канал в 1966 г. Все эти послевоенные капиталовложения значительно расширили возможности обеспечения занятости для населения Израиля, да к тому же ожидаемая выгода благодаря завершению этих проектов должна была в значительной степени увеличить государственные доходы.

Напомним также, что прибыли, получаемые на оккупированных территориях, в значительной степени превышали административные расходы, связанные с их содержанием. Так, например, наличие нефтяных скважин на Синае (Абу-Рудейс) дало Израилю возможность сэкономить к 1970 г. 60 млн долларов. Ликвидация сирийских огневых точек на Голанских высотах позволила Израилю беспрепятственно переправлять паводковые воды верхнего течения Иордана в озеро Кинерет, благодаря чему водные запасы увеличились почти на треть, и это дало возможность мелиорировать дополнительно 12 тыс. акров в долине Хулы. Победа в Шестидневной войне принесла еще и другие непредвиденные доходы — в частности, от туризма. Так, число туристов, прибывших в Израиль, составило 328 тыс. человек в 1967 г., 432 тыс. человек в 1968 г. и 650 тыс. человек в 1970 г. Потраченные ими деньги (почти 100 млн долларов в одном только 1968 г.), в свою очередь, обеспечили рост капиталовложений в гостиничное строительство и в расширение туристической инфраструктуры. Увеличение доли евреев среди туристов (от 38% в 1966 г. до 53% в 1968 г.) составило лишь малую часть того вклада, который мировое еврейство внесло в экономику Израиля. На протяжении полугода после окончания Шестидневной войны финансовая помощь евреев диаспоры, включая и приобретение ими израильских государственных облигаций, составила беспрецедентную сумму 600 млн долларов, что стало весьма значимым фактором послевоенного экономического процветания (Гл. XXIII).

Не менее важным стимулом процветания стал рост репатриации. Приток репатриантов неуклонно снижался все предвоенные годы, сократившись к июню 1967 г. до 18 тыс. человек в год. Однако на протяжении последующих полутора лет в Израиль прибыло 43 тыс. новых репатриантов, и 40% от этого числа — из стран Запада. В 1969 г. прибыло еще 40 тыс. человек, причем впервые за всю историю многие приехали из Советского Союза (Гл. XXIII). К тому же — и это не менее важно — экономический бум побудил вернуться в Израиль многих израильтян-эмигрантов, так как бурное развитие экономики создало новые рабочие места для ученых и инженеров. Репатрианты и реэмигранты совместными усилиями способствовали созданию новых условий занятости. Мало кому из них — в отличие от репатриантов предыдущих волн — пришлось подолгу ожидать достойных рабочих мест. К 1970 г. уровень безработицы снизился до 3%.

Совместное воздействие всех этих факторов способствовало росту израильского ВВП в 1970 и 1971 гг. на 7% годовых. В 1971 г. экспорт товаров и услуг составил 1,8 млрд долларов, рост на 32% по сравнению с 1970 г. и на 100% по сравнению с 1968 г. Однако рост экспорта сопровождался также ростом импорта, причем это происходило более значительными темпами, и его объем в 1971 г. оценивался в 3 млрд долларов. Это произошло из-за роста государственных расходов, в первую очередь на оборону. Впрочем, и частное потребление возросло на 10%, как в 1969 г., так и в 1970 г., составив основную долю пассивного сальдо торгового баланса. В результате к 1971 г. дефицит платежного баланса поднялся до 1,2 млрд долларов. Этот все увеличивающийся разрыв вскоре нашел отражение в соскальзывании в опасный инфляционный цикл. Индекс прожиточного минимума стал расти угрожающими темпами — только в 1971 г. на 12%. 2 августа 1971 г., вслед за девальвацией доллара, Израиль также девальвировал свою лиру — от 3,50 до 4,20 за доллар. Однако дефицит платежного баланса продолжал расти наряду с инфляцией, и оба эти показателя оказывали совместное и крайне негативное воздействие на экономику. Задолго до Войны Судного дня (1973 г.) все более значительный рост цен дал явственно понять, что послевоенный бум не может длиться вечно, что приходят трудные времена и что настало в конце концов время платить по счетам.

Израильский “общий рынок” на контролируемых территориях

Несмотря на неудачные попытки стать ассоциированным членом Общего рынка (Гл. XIX), в Израиле осознавали, что после победы 1967 г. его экономические отношения с другими странами неожиданно стали развиваться значительными темпами. Строго говоря, это были в первую очередь отношения с контролируемыми территориями. Как уже отмечалось, торговые отношения и подвижность рабочей силы между израильянами и арабами Западного берега и Газы развивались без какой-либо строгой системы или плана — считалось, что все договоренности и соглашения являются лишь временными, вплоть до наступления мира. Тем не менее, причем случилось это в достаточной степени неожиданно, эти отношения фактически привели к довольно прочной экономической интеграции. Например, до 1967 г. Западный берег служил своего рода центральной теплицей для поставок фруктов и овощей в Иорданию и другие арабские страны. После июньской победы, в рамках импровизированной политики “открытых мостов” Моше Даяна, производители сельскохозяйственной продукции Западного берега

получили еще один новый рынок — Израиль, не теряя при этом все старые рынки в соседних арабских странах.

Но что еще более важно — Израиль постепенно превратился в основного поставщика продукции легкой промышленности для арабов Западного берега и даже стал для них основным поставщиком товаров для развития сельского хозяйства, включая химические удобрения, сельскохозяйственные орудия, ирригационное оборудование, семена, новые породы крупного рогатого скота и птицы. В результате к 1970 г. объем продаж израильской продукции на контролируемых территориях в десять раз превысил (в стоимостном выражении) объем продаж иорданской продукции. Таким образом, торговый баланс Израиля и Западного берега неуклонно возрастал в пользу Израиля. В 1972 г. на оккупированные территории было “экспортировано” израильских товаров на сумму 507 млн израильских лир; в Израиль было продано товаров на сумму 157 млн израильских лир. Закупив в этом году товаров и услуг на сумму, равную 8% израильского промышленного “экспорта”, Западный берег и Газа стали самыми близлежащими и самыми естественными торговыми партнерами еврейского государства. Еще более впечатляющими выглядели их новые экономические отношения на рынке рабочей силы. Приток арабских рабочих в Израиль набирал силу по мере того, как сама израильская экономика приближалась в 1968 г. к состоянию полной занятости, а все большая часть израильтян находилась на воинской службе или была занята на предприятиях оборонной промышленности. Такое положение дел не только способствовало уменьшению дефицита рабочей силы в Израиле, но также и в значительной степени решало проблему арабской безработицы на контролируемых территориях.

При всем этом вопросы миграции рабочей силы стали предметом серьезных разногласий на заседаниях израильского правительства. Даян был склонен положительно относиться к трудоустройству арабских рабочих в Израиле. В отличие от него, Эвен и министр финансов Пинхас Сапир¹⁹

19 Сапир (Козловский) Пинхас (1907–1975) — израильский государственный и политический деятель. Окончил учительскую семинарию в Варшаве. Вступил в *Гё-Халуц*. С 1928 г. жил в Эрец-Исраэль. Начав работать на цитрусовых плантациях в Кфар-Сабе, вскоре выдвинулся в качестве местного рабочего лидера. Один из руководителей кампании “Борьба за еврейский труд”. В 1937–1947 гг. — зам. директора компании водоснабжения *Мекорот*. В 1947 г. возглавлял интендантскую службу *Гаганы*. В 1948–1951 гг. — генеральный директор Министерства обороны. В 1953–1955 гг. — генеральный директор Министерства финансов. В 1955–1974 гг. неоднократно занимал посты министра финансов, а также министра торговли и промышленности. Возглавляя почти два десятилетия два основных для хозяйственной жизни страны министерства, во многом определил направления и характер развития израильской экономики. Под

расценивали это нововведение как угрозу еврейскому характеру и халуцианской сути Государства Израиль (Гл. XXII. Противоречивые мнения относительно территориального будущего Израиля). Соответственно, в июле 1968 г. был принят компромиссный документ, в котором правительство уязвляло численность работников Западного берега и Газы с численностью рабочей силы Израиля, и установило при этом принцип равной оплаты за равный труд. В рамках нового положения было решено, что число арабских рабочих не может превышать 4 тыс. человек. Мы, однако, помним, что, по мере того как в Израиле продолжался экономический бум при одновременной нехватке рабочей силы, число арабских рабочих в Израиле в 1973 г. достигло 65 тыс. человек — и это только занятых в официальном порядке; фактически же, возможно, их было вдвое больше.

Таким образом, проводя переоценку ситуации в июле 1969 г., специальный комитет, созданный при кабинете министров, настоял на том, что необходимо решать проблему арабской безработицы путем поощрения экономического развития оккупированных арабских территорий. В числе основных путей решения было предложено поощрять выдачу израильскими предприятиями субконтрактов арабским мастерским в Газе и на Восточном берегу и даже строить там новые малые предприятия. В качестве другого предложения было названо возрождение арабского сельского хозяйства. Таким образом предполагалось повысить уровни жизни обоих народов и обеспечить им “достойное существование”. Рекомендации комитета были довольно быстро реализованы, и достигнутые результаты выглядели очень впечатляюще (Гл. XXII. Экономические итоги израильской оккупации). Надо отметить, правда, что приток арабской рабочей силы в Израиль так никогда и не уменьшился. Он даже возрос. На контролируемых территориях увеличились и доходы на душу населения. Не менее важным было не только увеличение этого дохода, но и несомненные доказательства развития израильско-палестинского общего рынка. Налицо были все признаки: свободная торговля, использование израильской валюты, крупномасштабные перемещения рабочей силы, значительные израильские капиталовложения и двусторонний туризм. Каково бы ни было политическое будущее территорий, все элементы экономической взаимозависимости по прошествии менее чем половины десятилетия со времени окончания Шестидневной войны представлялись в достаточной степени необратимыми.

его руководством была осуществлена индустриализация страны. Он сыграл выдающуюся роль в поисках средств для развития израильской промышленности и путей успешной интеграции Израиля в систему международной торговли. Он решительно возражал против присоединения к Израилю Газы, Иудеи и Самарии, считая, что это грозит стране утратой национального еврейского большинства и явится тяжелым бременем для израильской экономики.

Подобным же образом расширились и укреплялись контакты и обмен мнениями между двумя народами. Как уже отмечалось, политика “открытых мостов” Даяна с самого начала допускала посещение Восточного берега жителями Западного берега. Более того, в тот же период (1967–1968 гг.) было достигнуто соглашение, позволяющее иорданским арабам (жителям Восточного берега) переходить на Западный берег. Сначала эти посещения Западного берега ограничивались летним сезоном, но после 1972 г. арабы Восточного берега получили разрешение переходить на другой берег в течение всего года и оставаться там на срок до трех месяцев. После получения такого разрешения число посетителей достигло (в 1972–1973 гг.) 153 тыс. человек, причем в их числе были не только иорданцы, жители Восточного берега. Порядка 40% этих “туристов” являлись гражданами других арабских государств; их родственники или друзья на Западном берегу должны были получать соответствующие разрешения для них у представителей израильских военных властей. Такие разрешения выдавались с небывалой легкостью — особенно если принять во внимание то обстоятельство, что израильтяне выдавали их гражданам стран, с которыми они находились фактически в состоянии войны; однако еще более сюрреалистическим выглядело разрешение, получаемое арабскими жителями Западного берега (а впоследствии и других арабских стран) для посещения Израиля. Сначала для этого было необходимо израильское разрешение, но после июля 1970 г. жители Иордании получили возможность свободно приезжать в Израиль по собственному желанию, и они в полной мере пользовались такой возможностью. Вскоре среди жителей Западного берега вряд ли остались такие, кто ни разу не побывал в Израиле, не навестил своих родственников и друзей в арабских общинах, а в летние дни не съездил на пляжи Нагари, Тель-Авива или Яфо. Арабы, не являвшиеся подданными Иордании, могли, как и в случае посещения Западного берега, получать специальное разрешение на поездку в Израиль; в 1973 г. такой возможностью воспользовалось порядка 20 тыс. человек.

Приезд этих людей в Израиль был эмоциональной травмой как для израильских арабов, которые принимали этих гостей, так и для самих посетителей. Первым в очередной раз напоминали, как много они теряют, живя в отрыве от всего арабского мира, будучи лишены возможности участвовать в историческом процессе становления арабского национализма. Немалое число арабских интеллигентов, жителей Израйля, было склонно сетовать, что система образования “там, по ту сторону границы” лучше и что выпускники “тамошних” университетов безо всяких проблем могут найти высокооплачиваемую работу в странах арабского Ближнего Востока. Но среди них было немало и таких, кто утверждал, что экономические и даже политические преимущества, которые дает израильское гражданство, в ко-

нечном итоге перевешивают потери психологического характера, связанные с изоляцией на окраине арабского мира. “Раньше в деревнях на Западном берегу не было ни единого дома с водопроводом, никто знать не знал о сельскохозяйственных кооперативах, — писал арабский журналист на страницах газеты, выходящей в Израиле. — Крестьяне понятия не имели о том, что такое химические удобрения, — пока им не разъяснили их пользу”. Член совета самоуправления арабской деревни Западного берега заметил своим гостям из арабской страны: “Да вы понятия не имеете, что такое свобода! Если кто-нибудь на том берегу хоть слово скажет против Хусейна, то немедленно окажется в тюрьме. И никто не верит, что я могу выйти на площадь Дизенгофа в Тель-Авиве и кричать в полный голос все, что мне заблагорассудится, по поводу Голды Меир — а мне за это ничего не будет”.

Что касается арабов Западного берега, то для них общение с израильскими евреями и арабами привело к еще более радикальным переменам в сознании. По следам гражданских “беспорядков” 1936 г. и уж тем более после событий 1948 г. единственным выходом из создавшегося непростого положения для большинства арабов представлялась полная ликвидация как сионизма, так и Израиля. После 1967 г. однако, стала распространяться другая точка зрения. В плане идеологическом жители Западного берега сохранили свои антиизраильские настроения, но вместе с тем они, основываясь на собственном опыте, обрели более трезвое и взвешенное понимание того, насколько эффективно и устойчиво израильское правление. К этому пониманию добавилось и осознание негативных свойств иорданского режима. Вспоминая все невзгоды, которые им довелось пережить в Хашимитском Королевстве, и сопоставляя это с более благоприятной судьбой израильских арабов и с тем поистине удивительным либерализмом, которым отличалась израильская администрация на оккупированных территориях, они все меньше хотели возвращаться под власть Аммана. Было немало и таких, кто был согласен с определением хашимитского правления как “родового режима, который привел страну к поражению и предпринимал даже попытки уничтожить наших близких и наш народ”. Весной 1971 г. ливанский еженедельник “Аль-Хавадит” провел опрос жителей Западного берега, посетивших Бейрут, и указал, что многие из них заявляли: “Ничто не заставит нас вернуться под власть Иордании, и, если понадобится, мы будем силой сопротивляться этому возвращению”.

Возможно, что отвечавшие на вопросы “Аль-Хавадит” и не отражали точку зрения большинства (Гл. XXII. Израиль закручивает гайки), но подавление движения ФАТХ в Палестине и смерть Насера в 1970 г., несомненно, свели на нет надежды на освобождение от власти Израиля силой и уж тем более на его уничтожение. Отсутствие альтернативы израильской оккупации с достаточной очевидностью было показано в книге палестин-

ского журналиста Мухаммеда Абу-Шалбайя “Нет мира без свободного палестинского государства” (сентябрь 1971 г.). Напрямую призывая к коренному пересмотру арабского отношения к еврейскому государству, Абу-Шалбайя утверждал:

“Каждый из палестинцев сегодня несет в руке пальмовую ветвь мира. Они протягивают свои руки, призывая евреев Израиля к миру, на основе взаимного признания и установления двух независимых государств — Израиля и Палестины. Мы не намерены освободить Палестину, и мы не собираемся сбрасывать евреев в море. Мы хотим, чтобы наши сыновья не убивали друг друга, а совместными усилиями подняли знамя справедливого мира над нашим регионом”.

После выхода этой книги в свет ее горячо обсуждали во всем арабском мире.

Абу-Шалбайя подошел к самой сути дела. На всех оккупированных территориях традиционная политика взаимного неприятия постепенно сходила на нет, уступая позитивному влиянию повседневных контактов. Хотя случаи выражения неприязни по-прежнему имели место, не говоря уж о единичных случаях бросания гранат в Наблусе и Хевроне, тем не менее как евреи, так и арабы все больше и больше осознавали блага совместной экономической деятельности. Следует упомянуть одно весьма важное в этом отношении обстоятельство: в период с января 1969 г. по ноябрь 1971 г. 18 тыс. арабов, живших в Иордании и ряде других стран, обратились к израильским властям с просьбой разрешить им поселиться на оккупированных территориях, и 4 тыс. из них получили положительный ответ на свои обращения. Такое молчаливое и вместе с тем рационалистичное признание положительных сторон израильского правления было ощутимым и в ходе местных выборов, проводившихся в 1972 г. на территории Западного берега — первых выборов со времени, предшествовавшего Шестидневной войне. Несмотря на безапелляционные предупреждения и угрозы Иордании, Египта и фѐдаинов, в этих выборах приняло участие 84% всего имеющего права голоса населения Самарии, а в некоторых городах Иудеи в выборах участвовало 93% избирателей. Выборы продемонстрировали значительные политические перемены на Западном берегу. Из числа 23 избранных мэров 14 человек были новыми людьми на этой территории. Аналогичным образом, из 192 избранных членов советов самоуправления 102 человека были выбраны в первый раз. Многие из новых избранников принадлежали к числу тех, кто открыто заявлял о своих умеренных взглядах и утверждал, что налаживание отношений с Израилем — это путь будущего развития Ближнего Востока. Именно эти новые, более молодые и более умеренные люди — как, впрочем,

и проголосовавшее за них большинство населения Западного берега — со всей очевидностью были сторонниками двустороннего сотрудничества. До 1973 г., во всяком случае, мало кто из жителей Западного берега видел альтернативу политике взаимного примирения.

Противоречивые мнения относительно территориального будущего Израиля

Ирония судьбы заключается в том, что состояние покоя на оккупированных территориях само по себе могло оказаться убаюкивающе опасным для евреев. Оно делало излишними какие-либо серьезные попытки со стороны израильских властей установить режим автономного правления на Западном Берегу и в секторе Газа. В сущности, в тщательно продуманных и смелых планах такого рода не было недостатка. Многие израильтяне, начиная еще с 1967 г., говорили о будущем этих территорий. Их мнения, однако, представляли собой столь широкий спектр альтернативных вариантов, что не могло идти речи не только о консенсусе, но даже о хотя бы предварительной политической категоризации. Наиболее крайний вариант аннексии территорий предлагался сторонниками идеи “неделимого Израиля”, которые обосновывали его, исходя из Божественных обещаний, содержащихся в библейских стихах: “В этот день заключил Господь завет с Аврагамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата” (*Берешит*, 15:18). В числе наиболее известных членов этой шовинистически настроенной группы были поэт Ури-Цви Гринберг и журналист правых взглядов д-р Исраэль Эльдад (Гл. XIV), равно как и некоторые из ультраортодоксов.

Лишь несколько менее крайними в своих требованиях были члены Движения за неделимый Израиль, в состав которого входили как интеллектуалы, так и партийные активисты, принадлежавшие практически ко всем политическим секторам. В своем манифесте, опубликованном в сентябре 1967 г., лидеры этого движения заявляли, что никакое правительство Израиля не вправе отдать земли, захваченные в боях, и что следует, не откладывая, начать экономическое освоение завоеванных территорий. Как еврейский Нацрат-Илит был построен рядом с арабским Назаретом, говорили они, точно так же должны быть построены еврейские города рядом с Наблусом, Хевроном, Иерихоном и другими арабскими центрами на территории Западного берега. Аналогичным образом, пустоши и бросовые земли Синая и Голанских высот должны быть заново освоены, как в дни царя Шломо. Сторонниками Движения за неделимый Израиль были в значи-

тельной степени ортодоксы. Одним из самых красноречивых лидеров движения был д-р Гарольд Фиш²⁰, ректор Университета Бар-Илан, писавший: “... есть лишь один народ, которому эта земля принадлежит по праву, и это — еврейский народ. Никакие временные перемены демографического характера не могут изменить эту истину, которая является одним из принципов нашей веры. Подобно тому как у одной жены не может быть двух мужей, точно так же одна земля не может находиться в суверенном владении двух народов”.

Позиция фракции *Гахаль* очень напоминала взгляды Движения за неделимый Израиль, хотя в целом либеральные члены блока вовсе не были ястребами, но лишь следовали за своими партнерами из партии *Херут*. Менахем Бегин и Шмуэль Тамир, самые ревностные из числа максималистов, обнаружили, что их мнение разделяет находящаяся на грани исчезновения партия Бен-Гуриона Государственный список — правда, без самого Бен-Гуриона. Надо сказать, что сторонников экспансионизма было достаточно и среди левоцентристов, членов Партии труда и даже партии *Мапам*. Собственно говоря, основатель Движения за неделимый Израиль, Элизер Ливне, был одним из ветеранов и уважаемым теоретиком *Мапай*. Позиция Ливне вряд ли определялась религиозными традициями или ощущением исторической миссии народа Израиля; скорее имела место прагматичная убежденность в том, что безопасность Израиля может быть гарантирована только благодаря тому, что страна получила возможность обеспечить глубокую оборону, а не за счет мирных договоров, которые арабы, как известно, склонны нарушать — даже если договор заключен с другим арабским государством. Аналогичной точки зрения придерживался также видный писатель и член партии *Мапам* Моше Шамир. В 1973 г. он отмечал: “Мои нынешние взгляды не вполне совпадают с теми, что я разделял раньше, но шестьдесят седьмой год стал для меня потрясением”. Аннексия представлялась Шамиру кратчайшим путем к достижению мира, “единственным способом убедить арабов, что им необходим мир”. Шамир, Бегин, Тамир, Ливне и другие сторонники идеи Земли Израиля в новых границах воздерживались от прямых указаний на то, что опасная демографическая проблема, которая неизбежно возникнет в случае аннексии арабской Палестины, должна будет решаться в конечном итоге за счет массового исхода арабского населения в соседние страны — хотя такой вариант и подразумевался.

20 Фиш Гарольд (1923–2001) — израильский ученый и общественный деятель, высшее образование получил в Оксфордском университете (Великобритания), изучал английскую литературу. После получения степени доктора с 1957 г. жил в Израиле. Профессор английской литературы в Бар-Иланском университете. В 1968–1971 гг. — ректор университета. Опубликовал ряд работ по английской и ивритской литературе и по интерпретации Библии. Являлся одним из лидеров Движения за неделимый Израиль.

Из числа всех израильских сторонников идеи экспансии менее других руководствовался религиозными или историческими соображениями, разумеется, Моше Даян. В основе концепций, которые брал на вооружение министр обороны, всегда лежал прагматизм. Будучи военным губернатором контролируемых территорий, Даян один занимался осуществлением политики, которую он впоследствии обосновывал. Именно благодаря его поддержке создавался “общий рынок” двух частей Палестины. Вскоре Даян дал знать, что им задумано создание некоего образования, в рамках которого географические и демографические границы будут постепенно размываться. С этой целью он предложил правительству основать четыре еврейских города вдоль горного хребта, который тянется от Хеврона и Наблуса, и, таким образом, создать в арабском окружении острова еврейского присутствия. Район Хеврон — Беэр-Шева, по мнению Даяна, можно было подобным образом превратить в единый экономико-административный регион. Другой такого рода интегрированный регион на севере страны мог бы включать Афулу и Дженин. В августе 1971 г. Даян развил свои соображения в рамках известного выступления перед слушателями Высшего военного колледжа. Именно тогда он определил функции Израиля на контролируемых территориях как функции постоянного правительства, которые заключаются в том, чтобы “планировать, а затем реализовывать свои планы, не размышляя о дне мира, который может настать совсем не скоро”. Израиль обязан “создавать факты”, подчеркнул Даян.

Сильное впечатление, которое Даян произвел прямокой своего выступления, отчасти затмило еще более откровенное, пусть даже и менее радикальное, мнение, высказанное примерно через месяц после окончания Шестидневной войны другим человеком. Этим человеком был Игаль Алон, в прошлом герой *Палмаха*, лидер партии *Ахдут ха-авода* и впоследствии заместитель премьер-министра во вновь созданном коалиционном кабинете Партии труда. До 1967 г. высказывания Алона по вопросам безопасности своей бескомпромиссностью во многом напоминали позицию Даяна. Даже по окончании Шестидневной войны он продолжал отстаивать свою жесткую линию с еще большей энергичностью. Известный “План Алона”, предложенный, как уже говорилось, на обсуждение кабинета министров вскоре после войны, предусматривал строительство, силами бойцов *Нахаль*, ряда полувоенных поселений на гористой местности вдоль излучины реки Иордан, цепочка которых огибала бы оккупированный Западный берег и охраняла территорию Израиля. Алон подчеркивал, что “мы предпочитаем безопасные границы, по которым не достигнуто соглашение, таким границам, относительно которых существует соглашение, но которые не обеспечивают безопасности”. Однако концепция Алона содержала еще один аспект, на который зачастую не обращали внимания, хотя он, несомненно,

относился к категории примиряющих. Алон вырос среди арабов, свободно владел арабским языком — потому он с пониманием и симпатией относился к арабским традициям и знал, что значит для араба чувство чести. После 1967 г. подобного рода политика осмотрительной сдержанности стала популярной, и к этому следует добавить такой момент, как усиление политического соперничества между Алоном и Даяном в рамках Партии труда. Заместитель премьер-министра неоднократно говорил о своей готовности признать законность требований палестинского народа. Если палестинцы выразят намерение создать свое государство на территории Западного берега или иную политическую автономию в рамках иорданской конфедерации, Израиль должен проявить готовность к ее признанию, говорил Алон. При этом он демонстрировал твердость во всем, что касалось обеспечения безопасности израильской границы по реке Иордан, однако, в отличие от Даяна, выступал против мероприятий, поощряющих “ползучую аннексию”. Надо признать, что его взгляды вызывали негодование и голубей, и ястребов.

Позицию, характеризующую большей терпимостью, занял Пинхас Сапир, очень энергичный и пользовавшийся всеобщим уважением министр финансов. Обеспокоенный программой “свершившихся фактов” на территории Западного берега и Газы, предложенной Даяном, Сапир в 1968 г. резко выступил против интеграции как самих территорий, так и их жителей, в израильскую экономическую систему. Он предостерег, что присоединение миллиона арабов контролируемых территорий к 400 тыс. израильских арабов, с учетом их значительно более высокого уровня рождаемости, способно, рано или поздно, превратить еврейское государство в арабскую страну. Напротив, возвратив территории, Израиль не потеряет ничего ценного, но при этом “освободит себя от ненужного груза”. Сапир неоднократно высказывал подобные мысли на протяжении ряда последующих лет, подчеркивая при этом, что “планы Даяна относительно “создания фактов” только свяжут нам руки, когда мы наконец сядем за стол переговоров”. Хотя дебаты относительно судьбы территорий и приостановились в феврале 1969 г. в связи со смертью Эшколя, они возобновились с новой силой летом того же года в рамках нового Блока (с участием партии *Мапам*). Накануне выборов в *кнесет* 7-го созыва необходимо было достигнуть согласия относительно таких пунктов программы Блока, как внешняя политика и безопасность, и тут действия умеренной группы противников аннексии возглавил уже не столько Сапир, сколько Эвен. Министр иностранных дел предостерег, что откровенно экспансионистская программа будет стоить Израилю поддержки извне, и особенно следует опасаться негативной реакции США. В плане идеологическом государство, гражданами которого станут сотни тысяч новых арабских граждан, будет, несомненно, испытывать трудности, причем, возможно, критические, при сохранении традиционных сионистских

ценностей. Мнение Эвена получило безусловную поддержку руководства партии *Мапан*, а также извечных возмутителей спокойствия в *кнесете* Ури Авнери²¹ и Шалома Коғена. Столкнувшись со стратегической опасностью раскола слева и осознавая, наряду с этим, что переговоры с арабским правительством или с палестинской группой — это отнюдь не вопрос ближайшего будущего, кабинет Голды Меир выбрал тактику проволочек. Было принято решение не принимать никаких решений.

Такой подход был понятным и органичным для нового премьер-министра. Подобно Бен-Гуриону и многим другим ветеранам первых волн *алии*, Голда Меир имела свою личную точку зрения по арабскому вопросу: она считала арабов непримиримыми врагами Израиля, и на нее не действовали призывы относительно необходимости примирительных жестов в их сторону, с целью их умиротворения. Выросшая в Америке, Голда Меерсон (урожденная Мабович) приехала в Палестину со своим мужем в 1921 г. и практически сразу же занялась политической деятельностью. В 1930-х гг., занимая посты в исполнительных органах *Гистадрута* и партии *Мапай*, она сблизилась с Бен-Гурионом и Эшколем. Будучи незадолго до провозглашения независимости Израиля исполнительным директором политического отдела Еврейского агентства, Голда Меир досконально ознакомилась с арабской политикой и политиками. Она и в то время не была склонна занимать примиренческую позицию — как это понял, к своему сожалению, иорданский король Абдаллах в ходе их тайных встреч в Иордании в 1947 и 1948 гг. (Гл. XIII). В дальнейшем, будучи первым послом Израиля в СССР, затем министром труда, затем министром иностранных дел и генеральным

21 Авнери (Остерманн) Ури (р. 1923) — израильский общественный деятель. В 1933 г. приехал из Германии в Эрец-Исраэль. В 1938–1941 гг. — член *Эцель*. Вышел из организации из-за идеологических разногласий. В 1945 г. основал движение “Молодой Израиль”, разделяющее взгляды *Кнаанит* на то, что в стране формируется новая нация — *иврим*, противостоящая евреям *галута* — *йеѓудим*. Во время Войны за независимость воевал на Южном фронте в подразделении особого назначения “Самсоновы лисы”, был дважды ранен. В 1965 г. основал партию *Га-олам ѓа-зе* — *Коах хадаш*, избирался депутатом *кнесета* 6-го и 7-го созывов. Авнери был одним из первых израильтян, установившим контакты с представителями ООП в 1974 г. Был создателем Израильского совета за мир с палестинцами в 1975 г. В 1977 г. был в числе основателей ультралевого движения *Шели*, получившего на выборах в *кнесет* 9-го созыва два мандата (одним из депутатов стал сам Авнери). После раскола *Шели* в 1984 г. Авнери стал одним из основателей арабско-еврейского Прогрессивного списка за мир (*Га-Решима ѓа-миткадемет ле-шалом*), получившего на выборах в *кнесет* 11-го созыва два мандата. Во время Первой Ливанской войны встречался с Я. Арафатом в осажденном израильскими войсками Бейруте. В 1993 г. стал одним из создателей движения *Гуш шалом* (“Блок мира”), организовывавшим многочисленные акции за тотальные уступки палестинцам, включая полное отступление Израиля со всех контролируемых территорий. Написал ряд книг с резким осуждением сионизма и Израиля.

секретарем партии *Манай*, Голда Меир последовательно придерживалась своей откровенной, прямой и отчасти резковатой манеры в общении как с израильянами, так и с иностранцами.

Приземистая женщина с грубоватыми чертами лица, Голда Меир давно уже была бабушкой, когда в марте 1969 г., после смерти Эшколя, она стала премьер-министром Израиля. Ни ее характер, ни возраст не способствовали изменению ее мнения об арабах как об извечных врагах, отношения с которыми строятся не на доверии, а на основе политики силы. Тем не менее, будучи опытным политиком, она заняла компромиссную позицию, одобрив формулу Алона относительно сохранения безопасной границы по реке Иордан. Такая позиция оставляла правительству возможность либо вернуть, либо (к чему Израиль, похоже, склонялся все больше и больше) аннексировать Западный берег. Тем временем Голда Меир в неофициальном порядке поощряла строительство еврейских поселений в долине Иордана, в районе Хеврона, в секторе Газа, в коридоре Рафа, на севере Синайского полуострова, по берегу Красного моря от Эйлата до Шарм-аш-Шейха, на Голанских высотах. Экономика и рабочая сила оккупированных территорий постепенно объединялись в единое целое с экономической системой Израиля. Таким образом, действительность периода после 1967 г. вырисовывалась со всей отчетливостью и необратимостью.

Эти факты стали причиной душевных мук многих израильских интеллектуалов и общественных деятелей. Арье Элиав²², в прошлом генеральный секретарь партии *Манай*, расценивал складывающуюся ситуацию в контексте более широком, чем только лишь национальная безопасность, и он изложил свои мысли в опубликованной в 1970 г. книге *Эрец ха-цви* (“Страна оленя”). Прилагая все усилия к тому, чтобы не допустить какого бы то ни было отрицания прав Израиля на контролируемые территории, Элиав просто отмечал, что права арабов неотъемлемы не в меньшей степени. “Что бы арабы ни сделали (или сделали) для создания своей страны — это их дело, а

22 Элиав Арье (Лёва; 1921–2010) — израильский политический и общественный деятель. С 1924 г. живет в Эрец-Исраэль. В 1939 г. окончил гимназию *Герилия*. С 15 лет — член *Гаганы*. В 1940–1945 гг. служил в британской армии, в конце войны — в Еврейской бригаде. В 1945–1947 гг. принимал активное участие в организации нелегальной *алии*. Участвовал в Войне за независимость, служил в ВМС, вышел в отставку в звании подполковника. Учился на факультете биологии Еврейского университета. В 1956–1960 гг. занимал пост первого секретаря израильского посольства в Москве, затем был советником курдских повстанцев в Ираке, возглавлял израильские представительства в Иране и Никарагуа. В 1955–1979 гг. — депутат *кнессета* по списку Израильской партии труда. В 1970–1972 гг. — генеральный секретарь Израильской партии труда. В отношении судьбы контролируемых территорий занимал крайне левые позиции. В 1977 г. вышел из партии и возглавил ультралевое движение *Шели*. Написал ряд публицистических книг.

не наше (и ведь, в сущности, они смогли создать за 1300 лет великую культуру и многочисленную общину). Мы должны придерживаться тех же принципов, которые были выдвинуты в 1936–1937 гг., затем в 1947–1949 гг. и далее, вплоть до 1967 г. Мы должны признать, что в Палестине есть место для Государства Израиль и для палестино-иорданского арабского государства. В обмен на устойчивый и постоянный мир нам следует отказаться от реализации части наших исторических прав в этом арабском государстве”. Элиав призывает правительство объявить об этом принципе взаимного примирения, причем немедленно, еще до того, как палестинские арабы сообщат о своей готовности к переговорам или будет достигнуто соглашение относительно их представителя для ведения переговоров:

“Нет партнера для переговоров? А это потому, что мы не формулируем со всей ясностью принципы, связанные с проблемой палестинских арабов, а также их и наших национально-исторических прав. Если мы приступим к такому обсуждению, то сможем побудить арабов начать соответствующую дискуссию — и между собой, и с нами. Если же, с другой стороны, мы не даем никакого ответа на вопросы принципиального характера и если мы продолжаем — с идиотским прагматизмом — “создавать факты” в западной части Эрец-Исраэль, занимаясь строительством поселений, то неудивительно, что это вызывает подозрение и что палестинские арабы говорят себе: “У нас нет партнера для переговоров”. Если мы гордимся достижениями Израиля на территориях, то основой этой гордости может быть лишь одно соображение: все, что мы там делаем, делается ради будущего жителей этих территорий. В противном же случае все щедроты, расточаемые нами, становятся для этих жителей лишь поводом подозревать, что в действительности мы создаем там резервации класса “люкс” для своего блага”.

Этот крик души Элиава был понятен многим. Кое-кто — хотя бы тот же Амос Кенан, бывший член *Лехи* — брал на себя смелость поставить под сомнение даже такой священный символ, как объединенный Иерусалим. Кенан писал: “Никому не пришло в голову спросить у аннексированных арабов их мнение относительно судьбы Иерусалима. Относительно той косметической операции, которой был подвергнут Старый город, относительно тех строений, которые мы снесли на площади перед Стеной Плача. Да, город был объединен, но не воссоединен”. С сарказмом комментирует Кенан упоминание Даяном таких “драгоценных для памяти Израиля” мест, как Хеврон, Шилоах, Анатот, которые являются неотъемлемой частью библейской земли: “Никого не беспокоили эти святые места на протяжении последних девятнадцати лет. Мы превосходно обходились и без них. Что же касается живших там ортодоксальных поборников святости, то они все это

время были слишком заняты борьбой с чиновниками налогового ведомства в попытках уменьшить ставку своего подоходного налога”.

Выдающийся писатель Амос Оз писал о трагедии населения контролируемых территорий, о дилемме Израиля и арабов, в своей статье, опубликованной в “Нью аутлук”, издании, известном своими умеренными взглядами:

“Это наша страна, и это их страна. Права приходят в столкновение с правами. “Быть свободным народом в своей стране” — такое право либо носит универсальный характер, либо оно не существует вообще. Я верю в сионизм, который воспринимает еврейское прошлое как урок, но не как мистический императив либо дурной сон; который воспринимает палестинских арабов как палестинских арабов, а не как закамуфлированное воплощение древних племен Ханаана либо как бесформенную массу, ожидающую, пока мы придадим ей должную форму”.

Это ощущение душевных страданий хорошо передал историк Яаков Талмон²³, один из самых уважаемых израильских ученых и человек, заслуживший славу интеллектуальной совести еврейского народа. В своей жесткой пророческой статье “Может ли сила быть универсальным ответом?” Талмон определяет концепцию “свершившихся фактов” как бесчеловечную, навещающую на мысли об идее Муссолини относительно “священного эгоизма” или о более ранних европейских мечтаниях относительно “особой миссии” и “исторически сложившихся границ”. Все эти “миссии” были аналогичным образом основаны на древних притязаниях, отмечает Талмон, и каждая из них привела к катастрофе, поскольку игнорировала очевидный факт: на той же земле, в пределах тех же границ жили и другие народы. Талмон, равно как и Сапир, и Эвен, расценивали социальную и моральную опасность “ползучей аннексии” как не только гибельную для Израиля, но и таящую опасность проявления крайнего арабского национализма. Он писал:

23 Талмон (Флейшер) Яаков (1916–1970) — израильский историк и мыслитель. В Эрец-Исраэль жил с 1934 г. Изучал историю в Еврейском университете (в 1939 г. получил степень магистра), в Сорбонне (1939–1940 гг.), историю и экономику в Лондонской школе экономики (в 1943 г. получил степень доктора). В 1944–1947 гг. — ответственный секретарь комиссии по еврейским делам (“Борд оф деп്യютиз”). С 1949 г. преподавал историю в Еврейском университете, с 1960 г. — профессор новейшей истории. Написал ряд работ по европейской и в первую очередь французской истории конца XVIII — начала XIX в. Наиболее известна трилогия: “Происхождение тоталитарной демократии” (1952); “Политический мессианиззм — романтическая фаза” (1960); “Миф о нации в предвидении революции — истоки идеологического противостояния в XX веке” (1981). Написал ряд статей о современном положении Израиля, в которых утверждал, что еврейский народ изменит самому себе, если будет управлять другим народом.

“Люди лучше меня рассматривали во всех деталях этот мрачный парадокс, представляющий угрозу сионистской мечте, ведущий к социальному и моральному краху этой мечты, когда евреи превратятся в начальников, надсмотрщиков и работодателей арабских дровосеков и водоносов — и все это будет происходить под знаменем “интеграции”. А именно таков неизбежный исход в стране, разделенной на два народа: правящий и управляемый. Нет! Государство Израиль не станет таким чудовищем. Не для того мы провели две тысячи лет в молитвах”.

Статья Талмона увидела свет летом 1973 г.

За шесть лет до этого, сразу после победы в Шестидневной войне, это пророчество историка было предугадано выдающимся государственным деятелем. На протяжении всего своего жизненного пути Давид Бен-Гурион считался воплощением беспощадной израильской воинственности. И вот теперь, беседуя с журналистами в своем пустынном уединении, в Сде-Бокер, бывший премьер-министр поразил присутствующих, спокойно поддерживая идею отхода со всех оккупированных территорий, кроме Иерусалима и Голанских высот. Все остальное, сказал он с глубоким убеждением, повиснет мертвым грузом на шее Израиля и станет поводом для непрерывных провокаций всего арабского мира. Тогда реакцией на предупреждение Бен-Гуриона были насмешки с примесью легкой грусти. И едва ли не каждый подумал: “У старого льва притупились когти”.

Глава XXIII.

Израиль и мировое еврейство

Мобилизация диаспоры

Мы уже говорили об эйфории, захлестнувшей Израиль сразу же после окончания Шестидневной войны; точно такая же реакция наблюдалась и в еврейских общинах всего мира. Вскоре стало очевидным, что масштабы зарубежной поддержки вполне соответствуют новым территориальным просторам страны. В июне–июле 1967 г. еврейские общины Северной и Южной Америки, Западной Европы, Южной Африки и других мест стали оказывать Израилю все возрастающую моральную и финансовую поддержку. Было ясно, что евреи диаспоры во время летнего кризиса испытывали угрызения совести, и их помощь по сути своей сейчас была, помимо всего прочего, еще и попыткой эти угрызения хоть как-то загладить. Вплоть до последних предвоенных дней лишь немногие евреи в странах Запада были в состоянии осознать, насколько жизненно важным стал сам факт существования Израиля для их собственной безопасности и чувства самоуважения. Остальные же, незаметно для себя, привыкли к “обыденности” еврейского государства. Каждый новый год существования независимого и сильного Израиля все больше стирал в их памяти суда с беженцами, брошенные на произвол судьбы и дрейфующие по морю, еврейских посредников, ждущих со шляпами в руках в приемных иностранных посольств решения о пересмотре квот на въездные визы, и даже процентную норму, препятствовавшую поступлению евреев в хорошие учебные заведения. Все это стерлось из памяти — до мая 1967 г. И вдруг, в эти тревожные дни, земля неожиданно разверзлась под ногами еврейского народа во всех концах света, вновь сделав вполне реальной перспективу изгнания. Победа Израиля на полях сражений стала для них избавлением не в меньшей степени, чем для жителей Тель-Авива или Иерусалима.

Радостная реакция евреев диаспоры, денежные переводы с сотен тысяч банковских счетов в знак восхищения, покупка израильских государственных облигаций на огромные суммы, приток иностранных туристов, увеличение численности репатриантов — все это вызвало восторженное изумление израильтян. В послевоенные дни материалы, посвященные откликам западного еврейства, занимали почетное место на первых страницах израильских газет, рядом с отчетами о дипломатических переговорах в ООН и политических маневрах арабского мира. Солдаты, возвращавшиеся с фронта, испытывали особый прилив радости, узнавая о новых свидетельствах того воодушевления, с которым были встречены в диаспоре военные успехи Израиля. Эту радость не могли омрачить даже последовавшие за этим негативные известия — французское эмбарго на вооружения, ужесточение антиизраильской политики Советского Союза. Всем было ясно, что еврейский народ — живущий и на земле отцов, и за границей — стал единым, и это единство было залогом того, что ему не страшны никакие испытания в будущем.

Возрождение еврейской жизни носило ярко выраженный характер даже в тех странах, где община в наибольшей степени подверглась ассимиляции. Во Франции, например, идеи сионизма не пользовались особой популярностью, и Сионистская федерация не была особо известна трехсоттысячной еврейской общине страны — до создания Государства Израиль. Правда, к 60-м гг. XX в. крупные еврейские организации Франции в большинстве своем занимали произраильские позиции, но только кризис 1967 г. вдохнул новую жизнь в сионистское движение. Так, 26 мая 1967 г. Координационный комитет еврейских организаций во Франции собрался на срочное заседание под председательством Ги де Ротшильда¹ и провел экстренную кам-

1 Ротшильд Ги Эдуард Альфонс де (1909–2007) — французский финансист, еврейский филантроп и общественный деятель. Представитель известной европейской семьи еврейских финансистов. Один из владельцев семейного “Банка Ротшильда” и холдинговой компании “Сосьете д’эвестисман дю Нор”. В 1930-х гг. был управляющим Французским банком. После оккупации Франции в 1940 г. уехал в США, а затем в Лондон, где вступил в “Свободную Францию” де Голя, тесные связи с которым он поддерживал до самой смерти последнего. В 1945 г. вернулся во Францию и восстановил владение семейной собственностью. В 1950–1980-х гг. — председатель административных советов ряда горнодобывающих и металлургических компаний. В 1967–1979 гг. Ги де Ротшильд являлся президентом “Банка Ротшильда” (Париж); в 1968–1979 гг. был одним из руководителей компании “Ротшильд энд сан” (Лондон). Активно занимался еврейской жизнью во Франции и оказанием помощи Израилю. В 1950–1982 гг. — председатель Объединенного еврейского фонда Франции и центральной Консistorии. В 1956 г. возглавлял Комитет солидарности с Израилем. Автор популярной биографической книги “Наперекор удаче” (1983).

панию по сбору средств для Израиля. За три недели было собрано 20 млн франков — сумма, неслыханная для французской еврейской общины. Кроме того, значительно активизировалась репатриация — на протяжении последующих трех лет число репатриантов составляло в среднем 7 тыс. человек за год. Правда, в большинстве своем эти новые репатрианты были также и новыми французами, недавно приехавшими из Алжира, но все же они являлись французскими гражданами, а их выбор Израиля, вне всякого сомнения, был сделан под влиянием Шестидневной войны.

Произраильские настроения заметно усилились и в странах Латинской Америки, где 740 тыс. евреев (460 тыс. в Аргентине, 155 тыс. в Бразилии и еще небольшое число в Мексике, Уругвае и Чили) были лишь немногим менее ассимилированными, чем во Франции. В 1948 г. около полутысячи латиноамериканских евреев служили в *Махале*², однако впоследствии лишь немногие остались в стране. В дальнейшем, в 1961–1965 гг., *алия* из Латинской Америки составила в общей сложности 13 тыс. человек, но в основном это были беженцы, жертвы антисемитских выступлений в Буэнос-Айресе и Монтевидео. После 1965 г., когда ситуация в Аргентине и Уругвае нормализовалась, число репатриантов снизилось. Новым стимулом для репатриации послужили, как и во Франции, события Шестидневной войны. На протяжении последующих пяти лет число репатриантов составляло в среднем 2 тыс. человек в год, и к 1970 г. в Израиле проживало около 25 тыс. южноамериканских евреев — треть из них в *кибуцах*, а остальные в городах, причем непропорционально большую долю этой *алии* составляли врачи и фармацевты.

В отличие от евреев Франции или Латинской Америки, ничего запоздалого не было в реакции “англо-саксонского” еврейства. Как уже говорилось, в Великобритании после 1917 г. сионизм стал значимой силой. Так, в 1929 г. “Борд оф Депьютиз”, в полном составе, слился со вновь образованным Еврейским агентством, после чего занимать посты в этой организации могли только сионисты. Сионистская федерация Великобритании содержала сеть из одиннадцати дневных школ, где преподавался полный курс иудаики. Во время событий 1967 г. было мобилизовано все еврейство страны. “Объединенный израильский призыв” организовал сбор в фонд чрезвычайной финансовой помощи на общую сумму 17 млн фунтов стерлингов,

2 *Махаль* (аббревиатура от *Митнадвей хуц ле-Арец* — “Добровольцы из-за границы”) — название добровольцев из Западной Европы, Северной и Южной Америки и Южной Африки, которые служили в Армии обороны Израиля во время Войны за независимость. Всего было около 3 тыс. добровольцев, в подавляющем большинстве из США, Англии, Франции и Южной Америки. Большинство из них служили в армиях союзников во время Второй мировой войны. Они сыграли выдающуюся роль в создании израильской авиации и военно-морского флота.

а также отправил в Израиль 2 тыс. добровольцев для выполнения различных работ в стране. Репатриация всегда находилась в центре внимания английских сионистов. К 1967 г. число репатриантов из Великобритании превысило 10 тыс. человек, и впоследствии продолжало возрастать — в 1982 г. в Израиле насчитывалось 13 352 репатрианта из Великобритании; надо заметить, что в большинстве своем они прибыли вскоре после образования государства. В *Махале* во время Войны за независимость 1948 г. служило около 500 английских добровольцев. Около тысячи английских евреев жили в *кибуцах*; они основали три поселения из числа пользовавшихся в стране самым большим уважением: Кфар-Блюм, Кфар-ѓа-Наси и Бейт-ѓа-Эмек, и еще в одиннадцати таких хозяйствах выходцы из Великобритании составляли значительную часть населения. Большинство английских репатриантов предпочло не оставлять свои старые виды деятельности, типичные для среднего класса. Несколько тысяч человек занялись коммерческой деятельностью или интеллигентным трудом; примерно шестая часть всех выходцев из Великобритании нашла работу в правительственных учреждениях, Еврейском агентстве, банках и страховых компаниях. Отчасти они сыграли ту же роль, что и репатрианты из стран Центральной Европы в 1930-х гг., выполняя свои обязанности столь же упорядоченно, эффективно, скрупулезно и дисциплинированно.

Выходцы из Южной Африки, где в целом проживало около 120 тыс. евреев, в определенном смысле были еще более ревностными сионистами, чем английские евреи. Известно, что южноафриканских евреев всегда отличала особая преданность Израилю — в большей степени, чем прочих евреев диаспоры. По такому показателю, как численность членов сионистских организаций на душу населения общины, Южная Африка значительно опережала другие страны мира. По суммам вкладов в сионистские фонды южноафриканские евреи уступали только американским. Число южноафриканских добровольцев, служивших в *Махале* во время Войны за независимость 1948 г., составляло 700 человек. К 1967 г. в Израиле постоянно проживало около 4 тыс. репатриантов из Южной Африки, а к 1975 г. — 6 тыс., то есть это был тоже самый значительный показатель (в расчете на численность общины) в мире. Подобного рода не имеющая себе равных сионистская активность объяснялась отчасти сильными еврейскими идеалами общины, состоявшей в значительной степени из литовских эмигрантов, а отчасти ощущением нестабильности, характерным для общества с расовыми конфликтами. Как бы то ни было, выигрывал от этого в первую очередь Израиль.

Четверть репатриантов из Южной Африки предпочитали работать в сельском хозяйстве, и они основали целый ряд *кибуцев* и *мошавов*, а также присоединялись к уже существовавшим сельскохозяйственным поселениям. Несколько сот выходцев из Южной Африки, имевших медицинское обра-

зование, продолжили свою медицинскую и зубоврачебную практику. Некоторая часть южноафриканских репатриантов нашли себя на дипломатической и военной службе. Двое стали членами кабинета министров, один — членом *кнесета*, двое — мэрами. Однако по большей части репатрианты из Южной Африки занимались коммерческой деятельностью. Немало ведущих израильских компаний обязаны своим ростом и развитием южноафриканскому капиталу и деловому опыту — достаточно назвать основного авиаперевозчика страны *Эль-Аль*, ведущую компанию по производству готовой одежды *Ата* и еще целый ряд предприятий по пошиву одежды, а также банки, фирмы, специализирующиеся на операциях с ипотеками, страховые компании и еще целый ряд других компаний средней размерности и самого широкого профиля, включая производство холодильных установок и литейного оборудования. По-видимому, самым известным и впечатляющим вкладом южноафриканских евреев стало строительство средиземноморского города-курорта Ашкелона, начатое в 1953 г. частными инвесторами в сотрудничестве с Сионистской организацией Южной Африки и правительством Израиля. Через десять лет там вырос прекрасный город-сад, с населением 15 тыс. человек, — живое свидетельство привязанности евреев диаспоры к Израилю.

Преданность южноафриканского еврейства Израилю действительно не знала равных во всей диаспоре, но все же первыми — из числа “эмансипированных” евреев — поселились в Палестине выходцы из США и Канады. К 1900 г. более тысячи североамериканских евреев прибыло в Святую землю. За некоторым исключением, это были европейские уроженцы, в основном ортодоксальные евреи, а также беженцы из России, спасавшиеся от преследований царского правительства и выбравшие Америку как промежуточную станцию по пути в Сион. В годы Первой мировой войны 2 тыс. американских и канадских репатриантов служили в рядах Еврейского легиона, и треть из них осталась жить в Палестине, занявшись выращиванием цитрусовых, сделавшись пионерами мошавного движения, а также основателями общин Раананы и Герцлии. В середине 1920-х гг. около 3 тыс. представителей американского малого бизнеса прибыло на постоянное жительство в Эрец-Исраэль, и еще около тысячи в годы до начала Второй мировой войны. Затем, в годы “нелегальной иммиграции” (1945–1948 гг.), американские и канадские евреи снарядили десять судов и способствовали доставке 40% *Алии Бет* в Палестину. Во время Войны за независимость 1948 г. в *Махале* служило порядка 2 тыс. североамериканских евреев; из числа этих добровольцев было сформировано несколько армейских частей и практически все военно-воздушные силы.

И все-таки основной поток репатриантов из США и Канады начался со времени провозглашения независимости Израиля. Так, в период 1947–

1967 г. число североамериканских репатриантов достигло 15 тыс. человек; они основали 16 *кибуцев*, и сотни человек стали членами уже существовавших поселений. Однако большинство североамериканских, равно как и других “англо-саксонских” репатриантов работали в Израиле по своим прежним специальностям, типичным для представителей среднего класса: учителя, врачи, дантисты, инженеры, химики, агрономы, ботаники, техники высокой квалификации. Около тысячи стали сотрудниками Еврейского агентства, Еврейского национального фонда, Управления израильских государственных облигаций, а также правительственных учреждений. Из числа последних один стал премьер-министром, двое — членами кабинета министров, один был избран мэром Иерусалима и двое назначены судьями Верховного суда. Немало североамериканских репатриантов работало в банках, туристических агентствах, страховых компаниях и коммерческих организациях, выполняя различные административные функции.

Численность североамериканских репатриантов значительно увеличилась после Шестидневной войны. Около 10 тыс. человек приехало в Израиль для оказания помощи в чрезвычайных ситуациях, и половина из них остались на постоянное жительство. Затем, в период 1967–1973 гг., число репатриантов из США и Канады составляло в среднем 5 тыс. человек ежегодно, в результате чего североамериканская община Израиля к 1973 г. насчитывала более 40 тыс. человек. Мотивация этих репатриантов, за небольшим исключением, была по сути своей еврейской и сионистской. Несколько тысяч этих репатриантов прибыли в составе прекрасно организованных сионистских молодежных групп. Подобно членам российского движения *Ховевей Цион* (конец XIX — начало XX в.), эти североамериканские репатрианты представляли собой группу, в полной мере осознающую глубину своих еврейских корней. Репатрианты из Канады — точно так же, как и южноафриканские репатрианты, — получили воспитание в сплоченной общинной “семье”, усилиями сионистских партий, еврейских дневных школ и летних лагерей. Их ясно обозначенная и четко сформулированная цель состояла в том, чтобы жить полноценной еврейской жизнью в суверенном еврейском государстве.

Израиль: новое понимание сионизма

По мнению Бен-Гуриона и других израильтян, только такие евреи, живущие полноценной еврейской жизнью в суверенном еврейском государстве, имели право называть себя сионистами. Изначально, в первые годы существования Государства Израиль, роль сионизма была, по всей видимости,

почти исключительно функциональной, а именно: защита еврейского государства и разъяснение его сущности перед лицом мирового общественного мнения, а также мобилизация средств на благо Израиля во всех странах мира. Но довольно скоро проблемы определения и понимания сионизма вылились в затянувшийся спор между израильским правительством и лидерами сионистских организаций США. Одна из причин расхождения во мнениях была связана с типично израильским отношением к диаспоре в целом. Многие из числа тех, кто участвовал в Войне за независимость, полагали, что жители зарубежных общин — это неполноценные люди или, во всяком случае, евреи низшего сорта, предпочитающие тихо и комфортно существовать у себя дома, а не вести полную трудностей и опасностей жизнь в Израиле. Это ощущение нетерпимости усилилось благодаря распространению взглядов “поколения *Палмаха*” с его презрением ко всякой идеологии, в основе которой не лежат подлинные жертвы и свершения. Для многих молодых израильтян само понятие “сионист”, со всеми его смысловыми оттенками идеологического характера, было не более чем назойливым и к тому же устаревшим пустословием.

Сам Бен-Гурион был в числе первых, кто отказался от мысли, будто сионизм все еще может иметь какую-либо ценность, если он не сопряжен с репатриацией в Израиль. Его отношение к восприятию Ахад га-Амом и его единомышленниками еврейского народа как источника духовного обогащения многочисленной и разветвленной диаспоры было исключительно презрительным. Еврейская жизнь где бы то ни было вне пределов Израиля, по его мнению, потерпела банкротство. “Не знаю, как долго это продлится, — заявил он на симпозиуме в Иерусалиме, — может быть, десять лет, а может, и пятьдесят, но настанет время, и американцы станут единым народом, как и все другие народы”. И тогда, сказал он, еврейское самосознание в Новом Свете будет утеряно. “Однако в Израиле все обстоит иначе. Дороги в этой стране — это еврейские дороги, они построены евреями. Дома, которые мы видим, построены евреями. Наши деревья — это еврейские деревья, посаженные евреями. Железная дорога — это еврейская железная дорога, ее обслуживают еврейские рабочие, а паровоз ведет еврейский машинист. И газеты наши — тоже еврейские. Мы живем здесь не как часть населения, а как единый народ”.

Безоговорочно соотнося сионизм с жизнью в Израиле, Бен-Гурион при этом подчеркивал еще одно соображение, имеющее более практический и одновременно политический характер. “А вот и другое различие между израильским народом и еврейством диаспоры, — отмечал он. — Мы являемся независимым фактором международной жизни. Мы, как и любой другой свободный народ, состоим в ООН. Мы общаемся с представителями больших и малых государств на равных. Мы больше не нуждаемся в ходатаях

и заступниках”. Беспокойство премьер-министра относительно того, что зарубежные сионистские лидеры будут по-прежнему пытаться выступать от имени Израиля, отнюдь не было исключительно плодом его воображения. Собственно говоря, существовало единодушное мнение относительно того, что мировое еврейство по-прежнему будет нести нелегкую финансовую ношу, связанную с собиранием всех колен Израилевых. Именно по этой причине исполнительный комитет Всемирной сионистской организации в августе 1948 г. принял решение относительно того, что Еврейское агентство — большинство подразделений которого к тому времени перешло в израильскую правительственную структуру — тем не менее продолжит свое существование как независимый орган, чтобы и далее выполнять свою историческую миссию, связанную с доставкой в Израиль и расселением еврейских беженцев. Наряду с этим на Еврейское агентство были возложены и такие задачи, как пробуждение интереса к Израилю в среде мирового еврейства, поощрение духовных и культурных связей между диаспорой и Израилем, распространение информации о достижениях и чаяниях Израиля.

Бен-Гурион не имел ничего против такой разъясняющей пропаганды. Однако совсем иначе он относился к тому, чтобы поручить сбор денежных средств Еврейскому агентству и, тем самым, его вышестоящей структуре, Сионистской организации, где подавляющее большинство составляли американские евреи. Едва лишь была провозглашена независимость Израиля, как Нахум Гольдман, президент Сионистской организации, недвусмысленно дал понять, что его коллеги потребуют определенной доли участия в процессе определения будущего и судьбы еврейского государства. Бен-Гурион, премьер-министр независимого еврейского правительства, немедленно отверг какие бы то ни было притязания на управление страной извне. При этом он указал на одно обстоятельство, значимость которого не мог не признать даже Гольдберг. Партнерство, о котором вели речь сионистские лидеры диаспоры, не сводилось просто к обеспечению идеологического или морального единства. Речь шла также и о политике. Даже после 1948 г. в основе функционирования Сионистской организации лежала традиционная партийная структура. Соответственно, сохранял свое действие и такой не имеющий аналогов анахронизм, как созываемые раз в два года Сионистские конгрессы, делегаты которых выбирались партиями — *Мапай*, Общими сионистами, *Мизрахи* и другими — в США, Южной Африке, Бразилии и других странах, и они, в свою очередь, определяли состав исполкома Еврейского агентства, включая руководителей его подразделений и персонал, ответственный за денежные выплаты в Израиле. Бен-Гурион, посвятивший всю свою сознательную жизнь достижению суверенитета еврейского государства, твердо и однозначно отказался делить

теперь этот суверенитет даже с евреями и убежденными сионистами, живущими за рубежом.

Более того, премьер-министр был убежден, что финансовая поддержка Израиля — это компетенция не только и не столько Сионистской организации как таковой, сколько всех еврейских агентств по сбору средств во всех странах мира. Именно по этому вопросу у него возникли серьезные разногласия буквально в первые же месяцы существования независимого еврейского государства. Эммануэль Нойман, президент Сионистской организации США, и Аба-Гилель Сильвер, председатель Американского отдела Еврейского агентства, выступили с предостережением, что позиция Бен-Гуриона угрожает самому существованию сионистского движения в США. Они полагали, что самое важное — это создание системы еврейского образования и предоставление информации по широкому кругу вопросов. Без этого, утверждали они, практически невозможно убедить американских евреев увеличить их финансовую помощь Израилю. Когда в 1949 г. Бен-Гурион и его сионистские союзники в Иерусалиме высказались против таких утверждений, Нойман и Сильвер подали в отставку — что, впрочем, никак не повлияло на позицию премьер-министра. В мае 1951 г. Бен-Гурион отправился в США, чтобы начать кампанию по распространению израильских государственных облигаций среди евреев диаспоры. На протяжении всего своего визита он тщательно избегал даже упоминать слово “сионизм”, тем самым подчеркивая свое мнение относительно того, что истинными сионистами могут быть только евреи, живущие в Израиле, а также что сбор средств в пользу Израиля — это дело всего еврейского народа.

Неуступчивость Бен-Гуриона весьма беспокоила ветеранов сионистского движения, причем не только тех бессменных активистов, для которых место в президиуме было вопросом самолюбия, а также служило оправданием жизни в диаспоре. Так, самый влиятельный деятель мирового сионизма за пределами Израиля Нахум Гольдман неоднократно подчеркивал, что сионизм никогда не провозглашал в качестве одной из своих целей выезд всех евреев из диаспоры, но лишь стремился к укреплению рядов диаспоры. По его мнению, вряд ли возможно предположить, что развитие Израиля осуществимо исключительно силами самих израильтян; экономическая жизнь Израиля по-прежнему будет зависеть от помощи мирового еврейства. В своей автобиографической книге Гольдман также высказал мысль относительно того, что тесные связи с мировым еврейством жизненно необходимы и для культурного развития страны:

“Для Израиля существует серьезная опасность стать “малым народом” в плане культурного развития — то есть сделаться жертвой провинциализма и утратить

все, что он значит как для евреев всего мира, так и для всего человечества. Лишь благодаря психологической и духовной близости к мировому еврейству, лишь путем взаимообмена культурными ценностями между Израилем и диаспорой, евреи которой имеют много общего с культурой тех стран, где они живут, Израиль в состоянии стать “великой нацией””.

Однако процесс взаимного обогащения требует большего, чем обычное сентиментальное партнерство, настаивает Гольдман. Диаспора вправе сказать свое слово при формировании политики взаимного обмена.

Аргументация Гольдмана оказалась настолько убедительной, что *Мапай* и большинство *кнесета* в конечном итоге согласились предоставить Сионистской организации особый юридический статус, который аннулировал бы резолюцию исполнительного комитета от августа 1948 г. В результате был принят Закон о статусе Всемирной сионистской организации — Еврейского агентства, а также Соглашение, подписанное в 1954 г. правительством Израиля и исполкомом Сионистской организации. В этих документах утверждалось, что репатриация евреев и их абсорбция в Израиле по-прежнему остаются в сфере ведения Сионистской организации и ее органа, Еврейского агентства. Собственно говоря, подписание этих документов было скорее примирительным жестом в адрес сионистского руководства, знаком уважения его заслуг. При этом, однако, наделение Еврейского агентства исключительно гуманитарными функциями помощи и спасения, свойственными неправительственным учреждениям, гарантировало, что его действия, связанные со сбором средств, будут попадать под действие закона об освобождении от налогов в США (да и в ряде западноевропейских стран), что повышало эффективность деятельности Еврейского агентства в этой области.

Но даже при таких условиях возникал вопрос: была бы деятельность Еврейского агентства более эффективной, будь оно независимым от Сионистской организации и от влияния сионистских партий зарубежных стран? Дело заключалось в том, что эти партии по-прежнему продолжали продвигать своих людей на ключевые позиции в исполкоме Еврейского агентства и обеспечивать статус наибольшего благоприятствования тем проектам абсорбции в Израиле, которые пользовались поддержкой их собственной партии. Бен-Гурион как чувствовал, что дело кончится именно этим, и потому, приступая к реализации проектов, имеющих особое значение для страны, он старался по возможности действовать в обход Еврейского агентства. Израильские государственные облигации, инвестиционные фонды, немецкие репарации, частные пожертвования университетам — эти источники имели для него особое значение, и Еврейское агентство никак не должно было в это вмешиваться. Более того, он всяче-

ски старался не допускать руководителей Еврейского агентства к принятию важных решений на государственном уровне. Чем сильнее и увереннее в себе становилось еврейское государство, тем заметнее уменьшалась роль Еврейского агентства как органа, принимающего решения (не связанные со сбором средств) и тем больше оно превращалось в место почетной ссылки для отставных сионистских политиков стран диаспоры и вышедших на пенсию публицистов.

Интересно также заметить, что по окончании Шестидневной войны жесткое и решительное определение Бен-Гуриона, данное им сионистскому “партнерству”, стало предметом особого внимания со стороны израильтян, принадлежавших к самым различным политическим и социальным категориям. Оказавшись перед неотложной необходимостью увеличить число репатриантов для заселения новых территорий и охраны новых границ, израильские лидеры заговорили о новой *алие* как о моральном долге сионистов во всех странах диаспоры. Так, на Двадцать седьмом Сионистском конгрессе, проходившем в Иерусалиме зимой 1971 г., израильская делегация и ее сторонники активно продвигали резолюцию, обязывающую лидеров иностранных сионистских организаций взять на себя личную ответственность за увеличение числа репатриантов из их стран. Несколько американских делегатов (представлявших на конгрессе *Гадасу* и ряд других организаций), на которых такого рода максимализм произвел крайне неприятное впечатление, предупредили об опасности раскола в сионистском движении, если эта резолюция не будет исключена из повестки дня. В конечном итоге голосование было отменено, но требования стимулировать репатриацию, облачаемые, впрочем, в формулировки идеологического характера, продолжали звучать все настойчивее. К тому же после объединения Иерусалима все громче стали звучать высказывания религиозных деятелей, утверждавших, что недалек приход Мессии и что, соответственно, должно начинаться массовое возвращение евреев со всего мира в Иерусалим. Настойчивость и энергичность такого рода заявлений не могла не быть принята к сведению евреями диаспоры.

Кризис американского сионизма

В такой ситуации, когда Бен-Гурион и другие израильские деятели подвергли решительному пересмотру свои отношения с мировым сионизмом, евреи диаспоры, и в первую очередь евреи США, также ощутили необходимость пересмотреть свое отношение к Израилю. По сути дела, целый ряд американских общинных деятелей и представителей еврейской интеллигенции были вполне готовы к тому, чтобы признать данную Бен-

Гурионом оценку еврейского будущего вне Израиля. Например, Артур Херцберг³, раввин из Нью-Джерси и лидер Американского еврейского конгресса, рассматривал в очень мрачном свете возможность “нормального” существования евреев в окружении нееврейского большинства. В серии острых и язвительных статей он утверждал, что действия еврейского “истеблишмента” исторически основывались на предположении, будто еврейское самосознание может сохраняться и даже процветать в рамках плюралистического, демократического миропорядка. Однако факты, судя по всему, опровергают такое предположение. “Евреи вряд ли могут жить сами по себе, подобно другим народам, — утверждал Херцберг. — Когда еврей начинает осознавать, что по своему внутреннему самоощущению он приближается к состоянию согласия с большинством того общества, в котором он живет, его еврейское самосознание (вернее, то, что остается от этого самосознания) оказывается слишком незначительным и слишком личностным, чтобы поддерживать существование общины”. Херцберг подчеркивает, что логичный выход из этого ненормального состояния, “а также способ избежать опасности, которая грозит нашему собственному еврейскому самосознанию” — это “всерьез задуматься об *алие* — или, как минимум, об *алие* своих детей”.

Диаметрально противоположную позицию занимали те американские евреи, которые отвергали не только идею обязательной репатриации в Израиль (такого мнения как раз придерживалось большинство американского еврейства), но и вообще обоснованность идеи еврейского государства в контексте осуществления древних пророчеств. Эта антиссионистская фракция была в основном связана с деятельностью небольшой группы, известной под названием “Американский совет по иудаизму”⁴; основанный в

3 Херцберг Артур (Аврагам; 1921–2006) — американский раввин, историк и сионистский деятель. Эмигрировал с родителями в США в 1926 г. В 1943 г. получил *смиху* в Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке. Был раввином консервативной конгрегации в Филадельфии. Служил военным раввином в ВВС США. С 1956 г. — раввин в реформистской конгрегации “Иммануэль”. Преподавал на историческом факультете Колумбийского университета. С 1975 г. — вице-президент Всемирного еврейского конгресса. В своих трудах по истории сионизма, основным из которых является книга “Сионистская идея” (т. 1–2, 1959) утверждает, что сионизм — это самая радикальная в еврейской истории попытка покончить с узконациональными формами жизни и вписаться в общую историю человечества. Считает, что евреи не смогут жить в диаспоре и ассимилируются.

4 Американский совет по иудаизму — антиссионистская организация в США, основанная в 1943 г. группой реформистских раввинов в знак протеста против изменения позиции Центральной конференции американских раввинов, которая приняла резолюцию, поддержавшую формирование еврейской армии в Эрец-Исраэль. Организация относилась резко отрицательно к образованию Государства Израиль и по большин-

1940-х гг., Совет упорно отвергал национальный компонент в еврейской истории и религии. В 1960-х гг. появилась небольшая по численности, но очень четко формулирующая свою позицию группа еврейских студентов, близких к Новым левым, доктринерскому антиимпериалистическому движению, сторонники которого считали сам факт существования Израиля оскорблением для развивающихся стран третьего мира.

Впрочем, как антисионисты, так и Новые левые не относились к числу тех, кто подвергал крайний сионистский уклон американского еврейства наиболее резкой критике. Таковыми были скорее утонченные еврейские интеллектуалы, безусловно преданные идее благополучия Израиля, но высказывавшие сомнения относительно того, должно ли государство испытывать на прочность перспективы американской еврейской общинной жизни. В числе этих критиков были Яков Петуховский, реформистский раввин, и Яков Агус, консервативный раввин, оба — выдающиеся знатоки иудаизма, которые отвергали мысль о том, что убежденная поддержка Израиля и забота о его благосостоянии могут стать обоснованием содержательной еврейской жизни в диаспоре. Как отмечал Петуховский, потенциальная опасность сионизма для американского иудаизма заключалась в том, что он начал играть роль некой суррогатной религии. Действительно, сионистские идеи процветали именно потому, что классическая религия, которой он пришел на смену, была слабой и бесплодной — собственно говоря, она оказалась не в состоянии удовлетворить глубинные духовные потребности американского еврейства. Яков Нойзнер, пользовавшийся всеобщим уважением профессор классического иудаизма, сформулировал это положение следующим образом: “Государство Израиль зависит от определенных обстоятельств, оно полезно и служит важным целям. Народ Израиля ни от чего не зависит, он абсолютен, безусловен и он более чем просто полезен. Государство — это средство для достижения цели. Цель определяется еврейским народом” — живущим как в диаспоре, так и в Израиле.

Петуховскому, Агусу и Нойзнеру не потребовалось много времени, чтобы опровергнуть заявление Бен-Гуриона относительно того, что американские евреи, да и любая другая свободная община диаспоры, якобы живут “в изгнании”. Они обнаружили изъян даже в словах Пинскера, утверждавшего, что еврейское государство “нормализует” еврейскую жизнь в диаспоре. Израиль, несомненно, еще не выполнил эту функцию в Соединенных Штатах — ни в экономическом плане, ни в религиозном. Более

ству вопросов арабо-израильского конфликта занимает антиизраильскую позицию. Целью организации является развитие универсальных принципов иудаизма, свободных от национализма.

того, в некотором смысле Израиль скорее даже отчасти способствовал подрыву еврейской жизни в США. Американские евреи вынуждены были занять позицию безоговорочной поддержки Израиля — притом что евреям традиционно не по душе национализм и всяческого рода ура-патриотизм. А разве Израиль совершал некую “миссию” ради евреев диаспоры, спрашивали критики? Разве он исполнял роль пророка социальной справедливости в отношении своего собственного населения? А как Израиль относился к своим меньшинствам? В какой степени соображения этики и морали оказывали влияние на высшие круги израильских ортодоксов? Или на национальную политическую и деловую элиту? Ответы на все эти вопросы вряд ли можно было назвать обнадеживающими.

Нет никаких сомнений, признает Йеѓуда Шапиро, опытный и компетентный общинный деятель, что сионизм многое привнес в идеологию американского еврейства. Благодаря сионизму реформисты вернулись к ивриту, повысился уровень еврейского образования, в его рамках объединились самые разные социальные группы еврейского народа. Но тем не менее, продолжает Шапиро, сионизм как идеологическое движение в значительной степени утратил свою жизненную силу после провозглашения независимости Израиля. После 1948 г. материальные и финансовые требования, предъявляемые Государством Израиль, обрели в жизни американского еврейства первоочередное значение, отвинув на второй план моральные и этические аспекты сионистской философии; Израиль же после этого стал уделять основное внимание не идеологическому аспекту жизни диаспоры, а тому, насколько успешно идет мобилизация средств в его пользу. Американское еврейство заплатило за эти приземленные, одномерные отношения немалую цену: возросла активность произраильских филантропических организаций — в ущерб обоснованным культурным потребностям американского еврейства. В своей статье, опубликованной в “Джуиш франтиэр” (май 1969 г.), Шапиро предупреждал:

“Лишь при наличии культурной жизни в еврейской общине нашей страны могут существовать перспективы для развития настоящих отношений между Израилем и американским еврейством. Иными словами, только усилия, направленные на интенсификацию нашей еврейской жизни, пусть даже и никак не связанные со сбором средств, способны улучшить эти перспективы — а отнюдь не достижение консенсуса во имя успешного проведения ежегодной произраильской кампании. Во всяком случае, еврейская община США не может плясать под дудку израильских политиков. Истинная задача американского еврейства — заботиться о развитии еврейской жизни в США, причем таким образом, чтобы это было неразрывно связано с жизнью еврейской общины Израиля”.

В действительности не так много американских евреев, и уж, безусловно, не их сионистское большинство, считали, что диаспора пляшет под израильскую дудку. Во всяком случае, они рассматривали обе общины как собратьев по общей еврейской судьбе. И все-таки, если и существовали недопонимания между американскими и израильскими сионистами, благоразумнее всего было бы приложить максимум усилий для переоценки ситуации. Именно такую попытку и предпринял Мордехай Каплан, один из виднейших еврейских философов США, призвав к так называемому “новому сионизму”, который должен был стать, по сути дела, “современным иудаизмом в действии”. Для того чтобы сионистское движение могло обновиться, писал Каплан, необходимо, чтобы оно “рассматривало создание Государства Израиль как лишь первый и совершенно необходимый шаг на пути к спасению еврейского народа и возрождению его духа”. С этой целью Каплан предложил созвать Всемирную еврейскую конференцию, которая будет посвящена религиозной еврейской цивилизации с признанным центром в Израиле. По сути дела, “новый сионизм” Каплана должен был обратить историческое националистическое движение в общий еврейский форум. Несомненно, это был грандиозный и всеобъемлющий план, но при этом он не мог не вызвать раздражения и гнева у представителей целого ряда традиционных религиозных течений и особенно ортодоксов.

С учетом создавшегося положения вещей, Бен Гальперин, ведущий идеолог рабочего сионизма, предложил рассматривать сионизм просто как способ развития возрожденной светской еврейской культуры Америки. Новое самосознание может формироваться, с одной стороны, без лицемерного обращения к религии, которая в немалой степени утратила свою привлекательность в материалистическом обществе, а с другой стороны, без идеализации свойственных американскому еврейству и уже изрядно обветшалых восточноевропейских нравов и обычаев. Сионизм как таковой содержал в себе все необходимое для того, чтобы наполнить еврейскую культуру таким чувством взаимной привязанности, которое было бы безусловно еврейским и вместе с тем светским по своей сути. Поскольку основная часть еврейского народа, несомненно, продолжит жить в диаспоре, лишь идеология, признающая его, по сути дела, этнический характер, способна оградить этот народ от культурного распада. Сионизм и являлся именно такой идеологией — в большей степени, чем какое-либо иное мировоззрение.

Похоже, что это была справедливая оценка той роли, которую сионизм начинал на практике играть в жизни евреев стран Запада. Создаваемые музыкальные, драматические, поэтические и прозаические произведения западных евреев, и даже выражение религиозных настроений тех, кто продолжал придерживаться традиций, — все это придавало особый смысл этническому еврейству, еврейской народности в самом широком понимании этого слова.

Самосознание, несомненно, не могло служить заменой этике пророков, о которой говорили Петуховский, Агус и Нойзнер. С точки зрения Бен-Гуриона, оно вовсе не поощряло активную репатриацию в Израиль. Согласно критериям лидеров западных, в том числе и американских, общин, оно не было в состоянии способствовать достойному восприятию еврейской религиозной истории. Тем не менее одно было несомненным: чувство гордости, которое вызывали достижения израильских строителей и подвиги израильских солдат, а также содействие прогрессу и процветанию Израиля — все это пробудило энергию евреев диаспоры и вдохнуло в них новую жизнь. Один только пример: еврейские студенты американских университетов, принимавшие участие в летних еврейских лагерях и в поездках на каникулы в Израиль, тысячами записывались на академические курсы иудаики. В свойственной им непринужденной “западной” манере они тем самым отождествляли себя, без излишнего пафоса, с обновленным народом, благополучное существование которого они теперь были готовы обеспечивать и гарантировать.

Диаспора вносит свой вклад

В сущности, евреи США и других стран Запада были готовы предпринять все возможные усилия, чтобы гарантировать безопасное существование Израиля. Американские евреи, через посредство множества еврейских организаций — от таких крупных, как *Бней Брит* и *Гадаса*, и до Американско-израильского комитета по государственным делам, небольшой и четко структурированной группы произраильских лоббистов, возглавлявшейся деятельным и инициативным Исайей Кененом⁵, — делали все возможное, чтобы официальные лица, занимающие выборные посты, отчетливо представляли себе, чего именно община ожидает от них, когда в правитель-

- 5 Кенен Исайя-Лео (1905–1988) — журналист, еврейский общественный деятель. По образованию юрист. В 1925–1926 гг. — репортер в газете “Торонто стар”. В 1926 г. переехал из Канады в США. В 1926–1943 гг. — политический обозреватель, редактор “Кливленд ньюс”, в 1957–1975 гг. — главный редактор, издатель “Низер ист репорт”. В 1943–1947 гг. был исполнительным директором Американской еврейской конференции; в 1948–1950 гг. возглавлял информационную службу израильской делегации в ООН. В 1951–1953 гг. Кенен был представителем Американского сионистского клуба в Вашингтоне, занимался лоббированием израильских интересов перед президентской администрацией и конгрессом США. В 1945–1975 гг. был последовательно исполнительным директором, исполнительным вице-президентом, президентом Американско-израильского комитета по государственным делам, влиятельнейшей сионистской лоббистской организации.

ственных структурах рассматриваются ближневосточные вопросы. Мало кто из сенаторов или конгрессменов, особенно из числа представлявших штаты и округа с большой численностью городского еврейского населения, не получал постоянной и детальной информации о ситуации на Ближнем Востоке. Можно сказать, что не существовало в США другой такой этнической группы, сторонники которой столь же эффективно доводили бы до сведения властей свое мнение. Вместе с тем нельзя утверждать, что поддержка Израиля в конгрессе США обеспечивалась исключительно путем политического давления. Доброжелательное отношение к еврейскому государству в целом определялось как общественным мнением страны, так и государственной политикой. В свою очередь, симпатии рядовых американцев были завоеваны благодаря бесспорному мужеству израильтян, а не за счет той агрессивности, а порой и беззастенчивой истерии, с которой группы американских сионистов проводили демонстрации и публиковали газетные материалы (на правах объявлений) размером во всю газетную полосу.

Истинную помощь Израилю еврейство диаспоры оказывало не столько путем пропагандистских усилий, сколько за счет не очень бросающейся в глаза, но абсолютно необходимой финансовой поддержки. Богатые члены зарубежных общин жертвовали сотни миллионов долларов на образовательные и научные структуры Израиля, на строительство университетских зданий, больниц, культурных центров и мест отдыха. Они совместно платили свои членские взносы в рамках ряда произраильских организаций (“Друзья Еврейского университета в Иерусалиме”, “Друзья Тель-Авивского университета”, “Друзья Техниона”, Комитеты Университета Бар-Илан и Института Вейцмана, Американско-израильский культурный фонд) и таких организаций, как *Гадаса* (вне пределов США — ВИЦО), и различных сообществ рабочих и ортодоксальных сионистов, причем все эти организации финансировали определенные проекты в Израиле. Самый значительный израильский проект, связанный с развитием пустыни Негев, осуществлялся благодаря распространению израильских государственных облигаций среди евреев диаспоры. Впервые облигации были выпущены в 1951 г., и появление этих ценных бумаг сразу же было встречено с большим интересом. К июню 1967 г. было продано облигаций на сумму 922 млн долларов, причем 85% — в США. В одном только 1967 г. сумма продаж достигла 175 млн долларов. Именно эти деньги, равно как и немецкие репарации и займы, позволили финансировать строительство городов и промышленных предприятий на юге страны, соорудить водовод Иорданской долины, порты Эйлат и Ашдод, нефтепровод от Акабского залива до Средиземного моря, а также реализовать еще ряд проектов, включая расширение и реконструкцию предприятий Мертвого моря и Арадского нефтехимического комплекса (Гл. XVIII).

Однако наиболее значительным источником зарубежной финансовой помощи был Объединенный израильский призыв. Истоки этой известной филантропической организации восходят к *Керен га-Йесод* — Основному фонду — 1920-х гг. (Гл. VII). Собственно говоря, под названием *Керен га-Йесод* эта организация все еще была известна в странах диаспоры вне США. Американцы же знали эту структуру, через посредство которой в период 1948–1973 гг. было собрано 3 млрд долларов, как Объединенный еврейский призыв⁶. Сбор средств был отнюдь не новым мероприятием для американской еврейской общины. Еврейские федерации функционировали в городах США на протяжении уже десятилетий, хотя в начале XX в. их действия имели целью в основном удовлетворение местных потребностей и нужд нескольких еврейских общин на уровне страны. Затем, в годы Первой мировой войны и послевоенный период, благотворительные фонды стали все больше использоваться для нужд зарубежных евреев: Национальный координационный комитет помощи беженцам, Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов — “Джойнт” и, наконец, Объединенный палестинский призыв. Впоследствии, в 1930-х гг., когда нацисты захватили власть, было принято решение объединить деятельность этих заокеанских благотворительных организаций в рамках единой структуры по сбору средств, которая получила название “Объединенный еврейский призыв”. Даже в годы Второй мировой войны “Джойнт” по-прежнему играл роль основной благотворительной организации, тогда как Объединенный палестинский призыв оставался на вторых ролях. Со-

6 Объединенный еврейский призыв (“Юнайтед Джуиш Аппиал”) — американская еврейская благотворительная организация. Основана американской еврейской общиной США в 1939 г. как прямая реакция на события Хрустальной ночи в Германии (ноябрь 1938 г.). Американское еврейство создало централизованный фонд для оказания помощи пострадавшим евреям. В создании Объединенного еврейского призыва участвовали: “Джойнт”, Объединенный палестинский (с 1948 г. — израильский) призыв и Национальный координационный комитет помощи беженцам. Объединенный еврейский призыв стал центральной организацией по оказанию помощи евреям Европы, а также для репатриации евреев в Эрец-Исраэль (с 1948 г. в Израиль) и для помощи евреям в США. На деньги, собранные организацией, вывозились евреи из оккупированных стран Европы, оказывалась помощь евреям в лагерях перемещенных лиц после окончания Второй мировой войны, вывозились самолетами евреи из Йемена и Ирака. В 1967 г. в связи с Шестидневной войной был создан самый крупный из специальных еврейских фондов — Израильский чрезвычайный фонд, который собрал 322 млн долларов. В 1982 г. был создан Израильский специальный фонд, который финансирует деятельность Еврейского агентства по оказанию помощи жителям северных районов Израиля, подвергающимся атакам и обстрелам террористов с территории Ливана. Объединенный еврейский призыв сыграл большую роль в финансировании операции “Моше” по переправке евреев Эфиопии в Израиль и помощи в их абсорбции, в борьбе за выезд советских евреев и в сборе средств для их абсорбции в Израиле.

перничество также продолжалось между местными еврейскими федерациями, проводящими кампании по сбору средств, и Объединенным еврейским призывом, причем первые, как правило, собирали более значительные суммы. Этот дисбаланс остался даже тогда, когда обе организации приступили к объединению своих усилий в рамках единой кампании, известной в различных городах как Соединенный еврейский призыв, или Совместный еврейский призыв, или Благотворительная кампания еврейских федераций.

Но трагедия европейского еврейства и трудное положение перемещенных лиц в послевоенный период потребовали уделить значительно больше внимания ситуации в подмандатной Палестине. Этой смене приоритетов соответствовало и появление профессиональных сборщиков средств — людей, чей динамизм и буквально бульдожья хватка просто перевернули все понятия о еврейской филантропии. Первым из них следует назвать незабвенного администратора Генри Монтора. В молодости студент реформистской ешивы, затем агент Объединенного палестинского призыва, Монтор был назначен в 1939 г. первым исполнительным директором вновь созданного Объединенного еврейского призыва. К концу Второй мировой войны Монтор сумел существенно увеличить долю средств, выделяемых Объединенному палестинскому призыву в рамках Объединенного еврейского призыва, а также значительно повысить активность американского еврейства, участвующего в совместных кампаниях еврейских федераций и Объединенного еврейского призыва. Это Монтору принадлежала идея объявлять на ежегодных конференциях еврейских лидеров сумму, которая может быть собрана в течение ближайшего года. Так, в декабре 1945 г. он убедил сборщиков назвать цифру в 100 млн долларов в качестве цели Объединенного еврейского призыва на следующий год. В действительности сумма, собранная в 1946 г., составила 102 млн долларов — беспрецедентная величина за всю историю американской филантропии, как в еврейской общине, так и за ее пределами. Но Монтор не дал своим людям расслабиться. В 1947 и 1948 гг. он использовал такие методы, как личные обращения, публикация объявлений в общенациональной прессе, приглашение знаменитостей для выступлений на собраниях потенциальных спонсоров. Щедрость американских евреев была неподдельной, а ее размеры — удивительными. Это, разумеется, была не только реакция на профессиональные качества Монтора, но также искренний отклик на безграничность еврейской трагедии и радость по поводу рождения Государства Израиль.

Однако такой рекордный уровень пожертвований вряд ли можно было сохранять из года в год (разве что в пределах не имеющей себе равных южноафриканской общины), тем более что драматические события Войны за независимость сменились буднями государственного строительства и абсорбции репатриантов. Монтор ушел в отставку со своего поста в Объ-

единенном еврейском призыве в 1951 г., и его сменил на следующие четыре года д-р Джозеф Шварц, бывший исполнительный директор “Джойнта”. Но даже Шварц, человек, пользовавшийся всеобщим уважением и доверием, оказался не в состоянии достигнуть уровня, характерного для кампаний по сбору средств конца 1940-х гг. Новый подъем пришелся на середину 1950-х гг., когда сбор пожертвований велся под руководством молодого раввина Герберта Фридмана, чья настойчивость и административные навыки делали его равным Монтору. Так, в 1955 г., когда прием многочисленной *алии* из Марокко достиг своего пика, Фридман сумел убедить лидеров американского еврейства, что ситуация требует создания “Специального чрезвычайного фонда” Объединенного еврейского призыва — за счет проведения дополнительного сбора средств, помимо уже имевшего место в этом году. Поскольку Фридман обладал уникальным даром “разыгрывать” кризисные ситуации практически каждый год, то “Специальный чрезвычайный фонд” сделался составной частью повседневной еврейской благотворительной деятельности. Аналогичным образом ему удалось убедить администрацию в том, что соотношение между суммами, которые остаются в США, и теми, что предназначаются Израилю, должно быть раз и навсегда установлено в пользу последнего. В числе прочих новшеств Фридмана был Кабинет молодых лидеров, составленный из активистов обоего пола в возрасте до 40 лет, которых знакомили со спецификой текущей ситуации в Израиле и с методами сбора пожертвований, а также специальный Фонд израильского образования, который собрал за период с 1965 по 1973 г. 40 млн долларов, предназначенных для нужд средних школ и образовательных центров страны. Ирвинг Бернштейн⁷, сменивший Фридмана на его посту в 1969 г., был не столь яркой личностью, но человеком не менее способным и уважаемым; он разработал методiku “налоговой категоризации” пожертвований, демонстрируя спонсорам, на какую сумму списания налогов они могут рассчитывать благодаря своим пожертвованиям. Эта методика была вполне успешной: в 1973 г. общая сумма пожертвований составила 827 млн долларов, и в том числе тринадцать семизначных пожертвований, полученных благодаря предварительной “налоговой категоризации”.

7 Бернштейн Ирвинг (1921–1997) — американский еврейский общественный деятель. Учился в городском колледже Нью-Йорка. В 1942 г. был призван в армию, в ВВС США. Участвовал во Второй мировой войне. В 1945 г. вернулся в Нью-Йорк и поступил учиться в Колумбийский университет. В 1946 г. стал работать в Объединенном еврейском призыве. В 1969 г. был избран исполнительным вице-президентом Объединенного еврейского призыва, занимал этот пост до 1984 г. Сыграл большую роль в значительном увеличении сбора еврейских пожертвований. Являлся членом Совета попечителей Еврейского агентства, а также многих других еврейских общественных организаций.

Начиная с 1950-х гг., когда основные ассигнования Объединенного еврейского призыва стали направляться Объединенному израильскому призыву (бывшему Объединенному палестинскому призыву), последний должен был проявлять особую осмотрительность при распределении средств — через посредство Еврейского агентства — в рамках Израиля. Налоговое управление США запрещало налоговые льготы для зарубежных пожертвований, если фонды использовались для проектов, реализация которых входила в компетенцию национального правительства — в случае Израиля это расходы на оборону, на систему начального образования и на жилищное строительство для граждан страны, не являющихся новыми репатриантами. Таким образом, на протяжении первых лет существования Государства Израиль Еврейское агентство могло тратить фонды Объединенного израильского призыва только по таким статьям, связанным с новыми репатриантами, как транспортные расходы, питание, одежда, предоставление жилья и трудоустройство. Впоследствии, когда число репатриантов уменьшилось, эти фонды стали распространяться на такие проекты, традиционно не входившие в компетенцию правительства Израиля, как детские ясли, профессиональные и специальные средние школы, а также высшие учебные заведения. В конечном итоге, однако, общие результаты использования пожертвований, полученных от евреев диаспоры, оказались куда более значительными, чем результаты реализации отдельных проектов. Стране удалось обустроить полтора миллиона репатриантов — то есть большинство населения Израиля, превратив их из бездомных и нищих беженцев в экономически независимых граждан страны.

Интересно также отметить, что благотворительная кампания оказала не менее значительное воздействие и на самих спонсоров, причем заметнее всего это проявилось на примере США. Вне сомнения, там имелись критики политики Объединенного еврейского призыва, в большинстве своем лидеры еврейских общин Америки, занимавшиеся проблемами местного еврейства, которые выступали против того, чтобы основное внимание при распределении средств уделялось Израилю. Согласно их представлениям, Израиль имел довольно странный, суррогатный статус в еврейской жизни — статус исполнителя “грязной работы” по абсорбции еврейских беженцев и восстановлению еврейского достоинства за рубежом; при этом американским евреям оставалась лишь чистая работа: платить по счетам. Более того, эти критики высказывали недовольство тем, что помощь Израилю оказывалась (по их мнению) за счет культурных, религиозных и образовательных нужд американского еврейства, а также тем, что богатые спонсоры Объединенного еврейского призыва все в большей степени приобретали известность как лидеры еврейской общины США, заменяя традиционных лидеров — ученых, педагогов и раввинов.

В известной степени, однако, критика ориентированных на Израиль благотворительных программ была высосана из пальца, опровергнуть ее легко смогли бы сами критики. Существовали убедительные доказательства того, что Объединенный еврейский призыв становился важным источником еврейского образования в США. Благодаря реализации все большего числа учебных программ, лекционных курсов и симпозиумов Объединенный еврейский призыв предоставлял возможность ознакомления с еврейской историей и современной еврейской жизнью. Так, к началу 1970-х гг. “выпускники” программы Фридмана для молодых лидеров стали в своих общинах самыми ревностными сторонниками расширенных программ еврейского образования. Кроме того, внушаемая американским евреям идея относительно необходимости ежегодно совершать пожертвования на благо своего народа превращала подобного рода филантропическую деятельность в моральный долг, в некую разновидность светского иудаизма, не менее значимую с точки зрения духовных ценностей, нежели обряды и ритуалы традиционной религии. Более того, зададимся вопросом: насколько вообще справедливы были севотования относительно того, что культурная и образовательная деятельность американских евреев находится под угрозой из-за перевода значительных сумм в Израиль? В действительности положение было диаметрально противоположным. Именно потому, что кампании Объединенного еврейского призыва проводились одновременно с кампаниями местных федераций, увеличение масштаба пожертвований в рамках единого мероприятия шло на пользу обеим сторонам. Столь же важно отметить, что в рамках отдельных кампаний для нужд организаций и институтов американского еврейства — университетов, религиозных учебных заведений, больниц — деньги собирались примерно в той же пропорции, что и пожертвования для Объединенного еврейского призыва. Не могло быть никаких сомнений, что Объединенный еврейский призыв преподавал американскому еврейству урок поддержки еврейского дела; можно сказать и в более широком плане, что пробуждение ценностей еврейского самосознания и созидания в Израиле придало новый импульс еврейской жизни как в США, так и в других странах диаспоры.

Перестройка Еврейского агентства

Поддерживая Закон о статусе Всемирной сионистской организации — Еврейского агентства (1952 г.) и последующего Соглашения от 1954 г. (Гл. XXIII. Израиль: новое понимание сионизма), зарубежные лидеры сионистского движения полагали само собой разумеющимся, что фонды, распределяемые в Израиле Еврейским агентством, будут собираться в странах диаспоры го-

ловной организацией Еврейского агентства — Сионистской организацией. Разумеется, вскоре была продемонстрирована несостоятельность этого предположения. Как уже отмечалось, в США сбор средств для Израиля находился в руках Объединенного еврейского призыва и еврейских федераций, которые не имели никаких связей с Сионистской организацией. Разумеется, после перевода денег в Израиль их дальнейшим распределением занималось Еврейское агентство, на которое было возложено административное руководство проектами обустройства репатриантов. Однако по прошествии ряда лет Еврейское агентство как орган Сионистской организации начало постепенно утрачивать свое в прошлом исключительное право на распределение фондов.

Для того чтобы лучше уяснить этот процесс утраты влияния, вернемся в 1929 г., ко времени создания Еврейского агентства. Как отмечалось, в 1920-х гг. Вейцман и его сторонники приняли решение относительно того, что Сионистская организация уже не может считаться единственной структурой, подходящей для строительства еврейского национального дома. В рамках проведенной в 1929 г. реорганизации Еврейского агентства было достигнуто соглашение о разделе значительной части властных полномочий между сионистскими и несионистскими организациями всего мира (Гл. VII). По целому ряду причин, однако, оказалось, что это соглашение не может быть реализовано. Если Сионистская организация могла выбирать своих представителей на посты в Еврейском агентстве, то у несионистских организаций Европы и Америки не имелось такого механизма для проведения выборов. Таким образом, на практике Еврейское агентство довольно скоро превратилось в исполнительный орган Всемирной сионистской организации. И в самом деле, когда вопрос о разделе Палестины снова был поднят после войны, то в ООН по этому поводу от имени сионистов официально выступали члены исполкома Еврейского агентства. А когда в 1948 г. ушел в отставку Вернер Сенатор, последний “несионистский” член исполкома Еврейского агентства, то исполнительные комитеты Еврейского агентства и Сионистской организации — совсем как во времена до 1929 г. — снова стали исключительно сионистскими. Принятый *кнесетом* Закон от 1952 г. просто формальным образом санкционировал этот уже установившийся факт. Ирония судьбы заключается в том, что после того, как израильское правительство было сформировано и заявило о том, что политическая сфера находится исключительно в его юрисдикции, Еврейскому агентству были оставлены в основном вопросы благотворительности, которые, собственно говоря, повсеместно считались областью деятельности несионистских партий. Но к тому времени сотрудничество между сионистами и несионистами уже прекратилось, и роль несионистов сводилась исключительно к сбору средств для Еврейского агентства, которое распределяло их в Израиле.

Собственно говоря, именно эта непропорциональная финансовая ноша и побудила несионистов выступить с инициативой относительно реорганизации и расширения Еврейского агентства (в отличие от 1929 г., когда, напротив, подобная инициатива принадлежала именно сионистам). Нажим оказывали в основном лидеры еврейских федераций США, от которых Объединенный еврейский призыв из года в год требовал все более и более значительных сумм на нужды Израиля. В 1960 г. им удалось одержать свою первую значительную победу. В США была создана новая структура, которая должна была, среди прочего, контролировать соблюдение норм, введенных правительством страны в отношении налоговых льгот, предоставляемых благотворительным организациям. Ее целью был не сбор пожертвований для последующего распределения через каналы Еврейского агентства, а наблюдение за процессом распределения этих средств непосредственно в Израиле. После некоторой путаницы чисто семантического характера, в 1966 г. эта новая структура получила название “Объединенный израильский призыв, Инс.” — то есть “структура, зарегистрированная как корпорация” (Инс. было добавлено с тем, чтобы отличать ее от Объединенного израильского призыва как такового, занимающегося собственно сбором пожертвований). С этого времени ее представители взяли на себя мониторинг распределения американских благотворительных фондов, осуществляемых Еврейским агентством. Таким образом, была определена система дальнейшего сотрудничества между сионистами и несионистами. При “Объединенном израильском призыве, Инс.” был создан Совет попечителей в количестве 210 членов, половина которых представляла еврейские федерации США и благотворительные фонды, а другая половина — американские сионистские организации.

Несколько событий способствовало переходу от “Объединенного израильского призыва, Инс.” к обновленному Еврейскому агентству. Во-первых, это Шестидневная война, после которой Еврейское агентство буквально захлестнула волна пожертвований из стран диаспоры — на сумму не менее 346 млн долларов в течение шести месяцев. Это беспрецедентная финансовая помощь оказалась лишь малой частью той поддержки, которую зарубежные общины оказали Израилу после войны. Так, в апреле 1968 г. по инициативе премьер-министра Эшколя в Иерусалиме была созвана Международная экономическая конференция, в которой приняло участие 500 еврейских промышленников и бизнесменов со всего мира. Целью конференции было рассмотрение совместных проектов, которые способствовали бы развитию израильской экономики и внешней торговли. Одним из стратегических решений этого форума стало создание корпорации под названием “Израиль”, которая должна была мобилизовать 100 млн долларов для последующих вложений в израильские предприятия. За этой конференци-

ей вскоре последовала другая, Конференция по повышению уровня жизни, проводившаяся под эгидой Еврейского агентства. В Иерусалиме собралось около двухсот представителей Объединенного еврейского призыва, Совета еврейских федераций и благотворительных фондов США, а также учреждений *Керен ха-Иесод* из других стран для обсуждения стратегических программ, реализация которых должна быть ориентирована на удовлетворение неотложных потребностей Израиля в таких сферах, как репатриация и абсорбция, сельскохозяйственные поселения и города развития, а также социальное обеспечение, здравоохранение, образование и культура.

Царивший на этих конференциях дух еврейского единства послужил для Луи Пинкуса⁸, председателя исполкома Еврейского агентства, уроженца Южной Африки, тем стимулом, который побудил его принять решение относительно перестройки Еврейского агентства и расширения сферы его деятельности. По инициативе Пинкуса проходивший в 1968 г. Сионистский конгресс уполномочил Еврейское агентство приступить к переговорам с “организациями, занимающимися сбором средств для Израиля, и установить прямую связь между Еврейским агентством и этими организациями”. На протяжении следующих двух лет в ходе такого рода переговоров были выработаны принципы расширения сферы деятельности Еврейского агентства. В августе 1970 г. было парафировано и 21 июня 1971 г. подписано “Соглашение о перестройке Еврейского агентства”. Таким образом, осуществилась мечта Вейцмана, высказанная им 42 года тому назад, когда Агентство только создавалось. После перестройки высшим органом Еврейского агентства стала Ассамблея, которая избирает исполнительный комитет, назначающий, в свою очередь, правление Агентства для рассмотрения текущих вопросов. Было решено (что соответствовало духу принятого в 1929 г. устава Еврейского агентства, хотя и не совпадало с ним во всех деталях), что 50% членов всех этих руководящих структур будут представлять Всемирную сионистскую организацию, 30% — “Объединенный израильский призыв, Инс.” и 20% — общины диаспоры вне пределов США. Это же соотношение, 50–30–20, было решено применить к численности сионистов-несионистов и распределению по географическому признаку. Так, в правлении насчитывалось двадцать сионистов, двенадцать несионистов из США и восемь несионистов из других стран.

8 Пинкус Луи-Арье (1912–1973) — еврейский и израильский общественный деятель, изучал право и экономику в университете Йоханнесбурга. До репатриации в Израиль в 1948 г. — председатель Южноафриканской сионистской федерации и Сионистской социалистической партии Южной Африки. В 1949–1959 гг. директор авиакомпании *Эль-Аль*. С 1961 г. — казначей Еврейского агентства, с 1965 г. — исполняющий обязанности председателя исполкома Еврейского агентства. В 1966–1973 гг. Пинкус являлся председателем исполкома Еврейского агентства.

Однако это соотношение не могло не вводить в заблуждение — что, впрочем, можно было сказать при рассмотрении и предыдущего состава Еврейского агентства. Действительно, в свое время Сионистская организация и Еврейское агентство являлись независимыми и не связанными между собой структурами, причем Сионистская организация отстранилась от всех обязанностей, связанных со сбором средств, получив, таким образом, возможность сосредоточиться исключительно на информационной и культурной деятельности в странах диаспоры. Однако исполнительный комитет Еврейского агентства, занимающийся повседневной управленческой деятельностью, продолжал функционировать под председательством Луи Пинкуса; после его смерти этот пост занял Пинхас Сапир, которого, в свою очередь, сменил Йосеф Альмоги, — и все эти люди являлись должностными лицами Сионистской организации, проживавшими в Иерусалиме. Более того, было ясно, что руководящие посты в различных подразделениях Еврейского агентства также должны занимать израильтяне. Но что еще более важно: Еврейское агентство в его расширенном составе должно включать представителей, как выбранных Сионистской организацией, так и делегированных структурами, формально не входящими в состав Сионистской организации. Однако последних ни в коем случае нельзя было назвать несионистами — и не потому, что не имелось формального механизма для проведения выборов среди несионистов (как это было в 1929 г.), а просто потому, что к этому времени уже просто не существовало несионистов в традиционном понимании этого слова. Даже еврейские организации США, которые в 1930-х и 1940-х гг. противились самой идее создания еврейского государства (в частности, такие, как Американский еврейский комитет или “Джойнт”), с тех пор пересмотрели свои позиции и стали ревностными сторонниками существования Израиля. Сказанное в еще большей степени было справедливым относительно различных американских федераций и благотворительных фондов, чьи представители входили в состав правящих органов Агентства. Новые времена просто-напросто стерли былые идеологические различия. В известном смысле, обрел подтверждение давний тезис Бен-Гуриона относительно того, что в диаспоре “нет сионистов или несионистов, а есть только евреи”.

“Евреи молчания”

Не следует забывать, что далеко не все евреи — будь они “сионистами” или “несионистами” — имели завидную возможность свободно опре-

делять ту роль, которую они желали бы играть в процессе развития и процветания Израиля. Судьбы нескольких миллионов таких евреев по-прежнему оставались предметом заботы и беспокойства для Израиля. К их числу относилось примерно 100 тыс. человек, разбросанных по изолированным и уязвимым анклавам в арабских странах. В частности, по состоянию на 1967 г. около 30 тыс. евреев оставалось в Марокко и 8 тыс. — в Тунисе. Формально располагая одинаковыми с большинством враждебно настроенного мусульманского населения юридическими правами, они тем не менее жили в состоянии постоянного страха и неуверенности. В других арабских странах положение евреев, и без того бывшее ненадежным и опасным до 1967 г., резко ухудшилось после Шестидневной войны. Известно, например, что в Египте оставалось менее тысячи евреев, и 200 человек из этого числа были брошены в концентрационный лагерь под Каиром. В Сирии положение трех с половиной тысяч оставшихся там евреев напоминало нескончаемый кошмар. Власти страны наложили строгий запрет на эмиграцию, и при этом они проводили регулярные аресты среди еврейского населения безо всяких на то оснований, а спустя некоторое время, также без объяснений, выпускали арестованных из заключения. В их удостоверениях личности стоял штамп “еврей”, и им было запрещено удаляться более чем на три мили от своего дома. Никто не мог быть уверенным в своем завтрашнем дне — в плане не только экономической, но и чисто физической безопасности. Известны были случаи, в 1973–1974 гг., когда сирийские полицейские насильовали, а потом убивали еврейских девушек.

К 1973 г. в Ираке оставалось менее 3 тыс. евреев. После Шестидневной войны в стране был объявлен бойкот еврейским торговцам; сотни известных членов еврейской общины подверглись аресту на различные сроки. Точно так же, как в Египте и Сирии, иракские евреи систематически становились жертвами клеветнических измышлений, состряпанных правительственными учреждениями, а в случаях нападений на них или на их жилища они не могли рассчитывать на защиту полиции. “Нам не до еды и не до сна, — писал один иракский еврей в письме, нелегально переправленном за границу в августе 1967 г., — ... и днем, и ночью нас не отпускает страх. Мы боимся ареста или обыска в доме... Людей связывают цепями, избивают палками, бьют по лицу... Каждый день приходят все новые и новые слухи: они нас вышлют из страны, они нас всех убьют... Они хватают людей, бросают их в полицейские машины и увозят — а там говорят, что сожгут нас живьем, или оставят умирать в пустыне, или расстреляют, одного за другим. Они не допускают в страну представителей Красного Креста — а если бы и пустили, то кто же решится рассказать иностранцу правду о происходящем...”

Четырнадцать человек — девять из них евреи — были повешены 27 января 1969 г. на центральной площади Багдада как “шпионы”. Мимо виселиц прошло не менее 200 тыс. иракцев — посмотреть на повешенных, а тем временем громкоговорители разносили по площади рассказы о “предательстве” евреев.

Преследования евреев с новой силой возобновились и в Ливии. После Шестидневной войны, как и в 1945 г., были сожжены сотни еврейских магазинов и лавок. Но тут, к счастью, был отменен запрет на эмиграцию, и две трети из общего числа оставшихся 4 тыс. ливийских евреев уехали в Европу, а остальные в Израиль.

Из других стран за пределами свободного мира в Румынии проживало около 100 тыс. евреев. На протяжении многих лет румынское правительство не чинило особых препятствий желающим покинуть страну. Однако румынские евреи были в массе своей немолодыми людьми. Немногие из них изъявляли желание уехать из страны, где, при всем несоблюдении демократических норм, им тем не менее был обеспечен равный правовой статус, а также возможность отправлять религиозные обряды и доступ к национальной культуре. Численность польских и венгерских евреев была в 1967 г. значительно меньше — 30 тыс. и 75 тыс. человек соответственно. В Венгрии рамки возрастного состава еврейской общины были шире, чем в Польше, где преобладали, как и в Румынии, пожилые люди, придерживавшиеся довольно устаревших традиционных взглядов. Помимо этого, на протяжении почти всего десятилетия польским евреям не был разрешен выезд в Израиль. И только после Шестидневной войны, когда плохо скрываемый полуофициальный польский антисемитизм снова поднял голову⁹,

9 В 1967–1968 гг. в Польше развернулась антисемитская кампания. Правительство, напуганное тем, что широкие слои населения были разочарованы режимом В. Гомулки, решило объявить всех недовольных сионистскими агентами. Поводом к началу кампании послужила сочувственная реакция как евреев, так и поляков на победу Израиля в Шестидневной войне. В июне 1967 г. на съезде польских профсоюзов В. Гомулка назвал евреев, приветствовавших победу Израиля, “пятой колонной”. Была проведена чистка в армии: всех высших офицеров, евреев по происхождению, заставили выйти в отставку. Начались увольнения в партийном и государственном аппаратах. Кампания возобновилась в марте 1968 г. Запрет постановки в одном из театров Варшавы пьесы по поэме А. Мицкевича “Дзяды” вызвал митинги и демонстрации протеста во всех польских университетах. Многие участники демонстраций были арестованы полицией. Хотя большинство из них были поляками, волнения были объявлены сионистской провокацией. В. Гомулка заявил, что часть польских евреев — люди, связанные с Израилем и еврейством идейно и эмоционально, — должны немедленно покинуть страну. После этого заявления антисемитская кампания приобрела массовый характер. На каждом заводе, в каждом учебном заведении проводились собрания, на которых выявлялись просионистские элементы и принимались антисемитские резолюции.

режим Гомулки¹⁰ разрешил эмиграцию ограниченного числа “избыточных евреев”. С июля 1967 г. по май 1969 г. из страны уехало около 5 тыс. евреев, и в их числе значительное количество интеллигенции и государственных служащих. Но и после мая 1969 г., когда польское правительство объявило об отказе от либеральной эмиграционной политики, неофициальный исход евреев тем не менее продолжался, и с середины 1967 г. по середину 1972 г. из страны уехало 11 тыс. человек. Примерно 40% из них репатриировались в Израиль.

При всей трудности положения польских евреев их участь была значительно лучшей, чем участь евреев советских. Согласно переписи населения 1970 г., в Советском Союзе проживало 2 150 700 евреев. Эта категория населения отличалась высоким образовательным уровнем, и, несмотря на многочисленные ограничения, эти люди играли непропорционально большую роль в интеллектуальной и научной жизни страны. В 1945–1948 гг. советские евреи имели возможность вести довольно активную культурную жизнь. В стране имелись издательства, выпускавшие книги на идише, ряд литературных журналов, а также несколько театров очень высокого класса.

Еврейская культурная жизнь в СССР прекратила свое существование в 1948 г., когда начался период жесточайших сталинских репрессий. По-

Начались повальные увольнения евреев. Изгоняли и тех, кто был крещен в детстве, и даже родившихся в семьях, принявших католицизм. Стремясь расправиться со всеми своими противниками, власти уволили как евреев многих неудобных им поляков, а также всех евреев-коммунистов, занимавших высокие посты. Массовые увольнения евреев нанесли тяжелый ущерб польской науке. Закрывались целые отделения в лабораториях и университетах. Ликвидировались все еврейские школы, клубы, молодежные лагеря; деятельность международных еврейских организаций на территории Польши вновь была запрещена.

- 10 Гомулка Владислав (1905–1982) — польский государственный деятель. В 1926 г. вступил в Компартию Польши. В 1926–1932 гг. — один из руководителей профсоюза рабочих химической промышленности. В 1932 г. приговорен к четырем годам тюремного заключения, но в 1934 г. освобожден по болезни. В 1934–1935 гг. жил в Москве. Учился в Международной ленинской школе. В 1936 г. вернулся в Польшу, но был вскоре арестован и находился в тюрьме до начала Второй мировой войны. После оккупации Польши германской армией эмигрировал в СССР. В 1942 г. нелегально вернулся в Польшу, принимал участие в организации Польской рабочей партии (ППР), секретарь Варшавского комитета ППР. В 1943–1948 гг. — генеральный секретарь ЦК ППР, фактический правитель Польши, но по распоряжению И. Сталина в ноябре 1949 г. выведен из состава ЦК и снят со всех занимаемых постов. В 1951–1955 гг. находился в заключении. В обстановке кризиса, массовых демонстраций против коммунистического режима в Польше в октябре 1956 г. был избран первым секретарем ЦК ПОРП. Сыграл большую роль в развязывании и проведении антисемитской кампании 1968–1970 гг. (см. предыдущую сноску).
- * В результате массовых забастовок рабочих в 1970 г. отправлен в отставку.

сле недавнего разрыва с маршалом Тито¹¹ одержимый ненавистью Сталин, в поисках врагов внутри страны, начал преследование тех, на кого можно было легко свалить вину за необыкновенно тяжелую жизнь в Советском Союзе. Как уже говорилось (Гл. XVI), евреи подвергались преследованиям в большей степени, чем другие национальные меньшинства, — но не только по причине “классического” российского антисемитизма (хотя сам Сталин и был к этому склонен) и не потому, что они играли значительную роль в культурной жизни СССР. Существенно важным являлось то обстоятельство, что евреи представляли единственную национальную группу в составе Советского Союза, большинство которой проживало вне пределов СССР — и при этом не в социалистических, а в западных странах. И ко всему прочему, усиление прозападной ориентации Израиля порождало подозрения коммунистических правителей, что советские евреи — это “сионистские и империалистические” агенты. Кульминацией последних пяти лет сталинского правления стали события печально известного “дела вра-

- 11 Тито Иосип Броз (1892–1986) — государственный, политический и военный деятель Югославии, президент Югославии в 1953–1986 гг. Родился в хорватской крестьянской семье. В 1910 г. вступил в Социал-демократическую партию Хорватии и Словении. Участвовал в рабочем и профсоюзном движениях. Осенью 1913 г. призван в австро-венгерскую армию, весной 1915 г. во время Первой мировой войны взят в плен русскими войсками. Участвовал в Гражданской войне в России на стороне большевиков. В сентябре 1920 г. вернулся в Югославию, вступил в Компартию. В феврале 1928 г. становится секретарем Загребского комитета КПЮ. В 1928 г. арестован и приговорен к пяти годам каторжных работ. В 1934 г. освобожден, вернулся к нелегальной партийной работе, избран членом ЦК КПЮ. В 1935–1936 гг. жил в Москве, работал в Коминтерне. В декабре 1936 г. Тито нелегально вернулся в Югославию. В декабре 1937 г. — генеральный секретарь КПЮ. После разгрома и оккупации Югославии войсками нацистской Германии и фашистской Италии в апреле 1941 г. Тито сыграл выдающуюся роль в создании Народно-освободительной армии Югославии, самого успешного партизанского движения в годы Второй мировой войны. В 1945 г. возглавил правительство Югославии. Югославия во главе с Тито успешно противостояла идеологическому и политическому давлению со стороны Советского Союза и выдвинула собственную модель построения социализма. В 1948 г. Югославия вышла из социалистического лагеря и разорвала все межгосударственные и межпартийные связи с СССР. В Югославии еврейская общинная жизнь развивалась в условиях относительной свободы. До середины 1950-х гг. между Югославией и Израилем существовали дружественные отношения. Во время Войны за независимость Тито разрешил самолетам и кораблям, перевозящим в Израиль оружие, пользоваться аэропортами и портами Югославии. Но с середины 1950-х гг. по мере укрепления влияния Тито, как одного из лидеров движения неприсоединения и укрепления тесных связей с Г. Насером, эти отношения резко ухудшились. В 1956 г. Тито выступил с решительным осуждением Израиля во время Синайской кампании, а во время Шестидневной войны Югославия, как и другие социалистические страны, разорвала отношения с Израилем.

чей”, вспоминаемые потом всеми советскими евреями как самые страшные дни их жизни при коммунистическом режиме.

Самый страшный период террора, несомненно, кончился в 1953 г. со смертью Сталина. Однако евреи с тех пор так и не смогли вернуть себе чувство безопасности и спокойствия. Официальная дискриминация стала постоянным фактором их существования. В сфере духовной жизни они были лишены основных прав и возможностей языкового и культурного самовыражения — школ, театров, газет и журналов, традиционно предоставлявшихся всем национальным группам коммунистической империи. Что касается религиозной жизни, то, хотя все конфессии в СССР и вынуждены были безропотно сносить засилье антирелигиозной пропаганды в той или иной форме, иудаизм подвергался особым притеснениям. В 1966 г. в СССР функционировали 62 синагоги, причем большинство из них находилось в неудовлетворительном состоянии, и было невозможно получить разрешение от властей на проведение ремонта. Представители других религиозных общин Советского Союза — православные, баптисты, мусульмане — имели право общаться со своими зарубежными единоверцами, но это право не распространялось на евреев. В 1959 г. в СССР стали вводиться ограничения на выпечку *мацы*. В 1961 г. производство *мацы* в пекарнях при общинах было запрещено повсюду, за исключением Москвы, Ленинграда, Центральной Азии и Закавказья. В 1963 г. запрет был распространен на Москву и Ленинград. После снятия Н. Хрущева в октябре 1964 г. все ограничения на выпечку *мацы* были отменены. Антисемитизм находил свое выражение и в таких “традиционных” областях, как трудоустройство и образование. Благодаря своим способностям и квалификации евреи все еще занимали позиции среднего уровня в экономике, культуре и сфере интеллигентного труда, но для них было практически невозможным получение должностей на дипломатической службе, в армии или в аппарате Коммунистической партии, и существовали большие ограничения для желающих преподавать в высших учебных заведениях. Политика советского государства ставила евреев в безвыходное положение. Они не могли ни ассимилироваться, ни жить полноценной еврейской жизнью, ни эмигрировать (впрочем, последний выход был невозможен для всех советских людей).

Несмотря на все препоны и ограничения (а ведь не следует забывать, что существовала еще и проблема смешанных браков!), властям не удавалось изжить еврейский этноцентризм. В Грузии, например, евреи общины, насчитывавшей около 80 тыс. человек, прослеживали свои корни вплоть до древних времен. Грузинские евреи, жившие вдали от административных центров, в окружении грузин, которым был чужд антисемитизм, сохраняли явно выраженное чувство преданности своему народу. Дети изучали иврит, взрослые регулярно посещали синагогу. И, за малым исключением, все

они были убежденными, страстными сионистами. Но рождение Государства Израиль, несомненно, оказало весьма значительное воздействие и на евреев, живших в европейской части СССР. Конечно, тот восторженный прием, который советские евреи оказали Голде Меир, первому послу Израиля в СССР, уже не повторялся в последующие годы, характеризующиеся ужесточением антиизраильской политики Советского Союза. Но тем не менее существовал неиссякаемый интерес к новостям израильской жизни, к книгам и газетам, изданным в еврейском государстве. Религиозные и национальные праздники также были достойным поводом для того, чтобы выразить свою любовь к Израилю и еврейскому народу. В 1964 г. писатель Эли Визель стал свидетелем того, как тысячи молодых евреев отмечали праздник *Симхат Тора* у московской синагоги — танцевали *хору*, пели песни на идише и на иврите.

Хотя советское правительство долгое время противилось эмиграции в любой ее форме, бывали периоды в конце 1950-х и в 1960-х гг., когда Кремль изъявлял готовность разрешить отъезд ограниченного числа советских евреев в Израиль. Это были в основном пожилые люди, уже не способные к производительному труду, да к тому же их число в любом случае редко превышало полторы-две тысячи человек в год. В середине 1960-х гг. смогло выехать небольшое число молодежи. Со своей стороны, израильское правительство придерживалось “негласной договоренности” с Москвой не очень афишировать эти периодические послабления (чтобы арабские страны не задавали Советскому Союзу неудобных вопросов). В конце 1966 г., однако, этот “договор молчания” неожиданно оказался под угрозой, когда молодежные группы в Израиле и США начали, от имени советского еврейства, все чаще критиковать Москву за ее политику дискриминации и официального запрета на эмиграцию. Правительство Израиля, строго соблюдая существующую договоренность, воздерживалось от поддержки этих выступлений — хотя, будучи демократическим правительством, вряд ли могло запретить эти протесты или подвергнуть их цензуре. Однако Москва, склонная ко всем подходить со своей собственной меркой, сочла израильское правительство ответственным за критику, исходящую из его страны, и потому в сентябре 1966 г. советские власти с негодованием отменили планировавшиеся гастрольные выступления Израильского филармонического оркестра и ответный приезд в Израиль Большого симфонического оркестра. Несколько месяцев спустя Кремль в очередной раз ужесточил ограничения, связанные с “воссоединением семей”. В обычных обстоятельствах правительство Израиля могло бы, по обыкновению, промолчать — но события 1967 г. и последующую ситуацию вряд ли можно было назвать обычными, даже в контексте постоянно ухудшавшихся советско-израильских отношений. Как уже отмечалось, победа Израиля в Шестидневной войне ста-

ла крупнейшим провалом советской внешней политики. Придя буквально в ярость от невозможности повернуть ход событий на Ближнем Востоке, советское правительство развернуло в стране антиссионистскую кампанию, сопоставимую по накалу злобы со сталинскими временами. К 1969 г. ненависть к Израилю и сионизму выплеснулась на первые страницы советских газет, вытесняя темы, связанные с положением в Китае и Вьетнаме, Берлинский вопрос¹² и проблемы международного контроля над вооружениями. Пропагандистские усилия не ограничивались рамками официальных средств массовой информации. Подчиняясь нажиму властей, видные советские евреи представляли перед иностранными корреспондентами и выражали свою поддержку правительственной антиссионистской политике. Порой клеветническая кампания достигала едва ли не нацистского размаха. Так, в повсеместно пропагандируемой книге Юрия Иванова “Осторожно: сионизм” (первое издание — 1969 г.) утверждалось, что “еврейские Ротшильды” “паразитируют на экономике многих стран мира”, что Израиль — через посредство Ротшильдов — занимался финансированием “контрреволюции” в Чехословакии, что раскрыт новый антисоветский заговор “католической церкви, выступающей в союзе с иудаизмом”. Выходили в свет антисемитские романы, в которых евреи неизменно изображались как торгаши и барышники, развратники или (чаще всего) сионистские предатели¹³.

- 12 После того как была образована Федеративная Республика Германия (сентябрь 1949 г.) и 1 октября 1950 г. вступила в силу западноберлинская конституция, Советский Союз установил блокаду Западного Берлина. Все снабжение города осуществлялось по воздуху американскими и английскими военно-транспортными самолетами. После смерти И. Сталина блокада была значительно ослаблена, но власти Советского Союза и ГДР, недовольные массовым бегством граждан ГДР на Запад через Западный Берлин (в 1949–1961 гг. из ГДР бежало 2,6 млн человек), свободным распространением в Восточном Берлине западной литературы, газет и т. д., решили создать границу внутри города. В августе 1961 г. была сооружена стена из бетона и колючей проволоки, снабженная сторожевыми вышками. Все попытки жителей Восточной Германии перебраться через стену на Запад безжалостно пресекались. За 28 лет существования стены при попытках преодолеть ее было убито 193 человека и ранено 200. В ноябре 1989 г. был открыт проход в стене через Брандербургские ворота. Стена была демонтирована в январе 1990 г. в преддверии официального объединения Германии.
- 13 Шестидневная война привела к большим изменениям во внутренней и внешней политике советских властей. Сионизм и Государство Израиль стали рассматриваться как главный враг на международной арене. Антисемитская кампания затронула все сферы жизни, но особенно средства массовой информации. В 1968–1980 гг. число антиизраильских, антииудаистских публикаций в советской прессе составило 2262, в 1981–1988 гг. — 48 997, то есть выросло более чем в 22 раза. Под воздействием Советского Союза Международное совещание коммунистических и рабочих партий призвало бороться “с политикой расизма... против сионизма и антисемитизма”. В книге сотрудника международного отдела ЦК КПСС Ю. Иванова “Осторожно,

Эта поразительная вспышка злобы может быть объяснена отчасти слепой яростью, вызванной унижением на Ближнем Востоке, а отчасти желанием отвести внимание от проблем и недостатков советской экономической системы при помощи классической методики отвлекающего удара. Была, несомненно, и еще одна причина: советские власти были по-настоящему встревожены и сбиты с толку вспышкой национального самосознания советских евреев, вызванной победой Израиля в Шестидневной войне. Вот что писал советский еврей Анатолий Декатов в статье, опубликованной в 1970 г. в “Джерузалем пост”:

“Победа крошечного еврейского государства над многочисленными арабскими врагами наполнила трепетом восторга сердца евреев в СССР и, как я думаю, евреев во всем мире. Чувство огромного беспокойства за судьбу Израиля, с которым советские евреи следили за ходом военных действий, сменилось чувством безграничной радости и гордости за свой народ. У многих из нас, и особенно у молодых, впервые пробудилось еврейское самосознание... Антиизраильская кампания, развязанная советскими средствами массовой информации, только способствовала укреплению сионистского чувства в душах евреев”.

Пробуждение еврейского самосознания и чувства национальной гордости привело к беспрецедентному росту желающих получить разрешение на выезд в Израиль. Один репатриант из Риги писал впоследствии: “Сегодня, стоит только встретиться двум евреям, они немедленно задают друг другу стандартный вопрос, ставший уже еврейской присказкой: “Как, ты еще здесь?” Нет такого города, большого или маленького, где евреи, пусть и немногие, не собирались бы уезжать”.

Однако с того момента, когда советский еврей обращался за разрешением на получение израильской визы, для него начинались такие суровые испытания, по сравнению с которыми вся его предыдущая жизнь казалась райскими кущами. В числе документов, которые ему предстояло собрать

сионизм” (1969) встречаются откровенные антисемитские утверждения. Он обвиняет сионистов во всех мыслимых преступлениях, в том числе в сотрудничестве с немецкими нацистами и итальянскими фашистами. Советские власти активно использовали высокопоставленных евреев в антисемитской кампании. Так, 4 марта 1970 г. состоялась пресс-конференция “граждан еврейской национальности”, среди которых были генералы, государственные деятели, ученые, артисты, выступившие с резкими антиизраильскими заявлениями. Участники пресс-конференции подписали письмо, осуждавшее сионизм и “агрессивный Израиль”. Усилилась тенденция ограничения приема евреев в высшие учебные заведения. Евреев перестали принимать на работу во многие академические институты, их почти не осталось в высшем командном составе Советской армии.

для подачи в Отдел виз и регистраций Министерства внутренних дел, были: нотариально заверенный оригинал приглашения от родственников из Израиля; справка с места жительства, где указывался его адрес и лица, проживающие в его квартире; автобиография и детальный список всех близких родственников с указанием их места жительства и работы. Но самым неприятным из всех документов была характеристика с места работы. После обращения с такой просьбой к администрации сотрудники государственных учреждений могли лишиться своей должности или их начинали склонять к уходу по собственному желанию. Увольнение грозило тем, кто работал на крупных промышленных предприятиях, — инженерам, техникам или даже мелким чиновникам. Если в семье подавших заявление на выезд были студенты, их исключали из института, после чего немедленно призывали в армию на три года; а после армейской службы они не имели права эмигрировать в течение пяти лет — по соображениям сохранения государственной тайны. Короче говоря, сам факт подачи заявления автоматически превращал еврея во врага Советского Союза. При этом значительному количеству подавших заявления отказывали в выдаче визы. Что же касается того меньшинства, которое «имело право» на эмиграцию, то они должны были заплатить за свои визы значительную сумму и к тому же не могли вывезти из СССР почти ничего из своего имущества.

Однако никакие препятствия не могли сдержать решившихся на отъезд. В числе первых были грузинские евреи, известные своим традиционным этноцентризмом. Вдохновленные исходом Шестидневной войны, они подавали заявления тысячами — по некоторым сведениям, общее число решившихся на отъезд составило 40 тыс. Получившие отказ объявляли голодные забастовки, сидячие забастовки, выезжали группами в Москву, чтобы устроить там демонстрации протеста, зная при этом, что обязательно будут подвергнуты аресту. Десятки тысяч заявлений было подано на территории европейской части СССР, главным образом в Прибалтике и на Украине, где еврейские настроения были традиционно сильны — так же как и антисемитизм. Натолкнувшись на противодействие властей, они следовали примеру грузинских евреев: демонстрации, голодовки, заявления, письма высшим советским государственным лицам, телеграммы в Израиль. Советское правительство, хотя и застигнутое врасплох такой активностью, тем не менее не предприняло практически никаких мер по изменению эмиграционной политики. За период 1969–1970 гг. всего лишь 4006 советских евреев получили разрешение на выезд. Эта цифра, хотя и свидетельствующая о некотором увеличении числа репатриантов по сравнению с предыдущими годами, все равно была незначительной.

Одним из самых известных эпизодов борьбы за репатриацию стала попытка похищения самолета группой евреев, к которой примкнули также и

двое неевреев. Планировалось угнать самолет в Швецию и там организовать пресс-конференцию, рассказав всему миру о тяжелом положении евреев в СССР и об их готовности пойти на смертельный риск ради выезда в Израиль. Об этом плане стало известно властям, участники были арестованы, и двое из них приговорены судом к смертной казни за “измену родине”. В ходе судебных заседаний обвинители много говорили о “присках международного сионизма”. Один из обвиняемых, А. Хнох, выступил с разоблачением антиеврейской государственной политики и потребовал, чтобы ему было позволено жить как еврею. С аналогичными требованиями соблюдения “элементарных прав евреев” выступили и некоторые другие подсудимые. Эти демонстративные заявления привели суд в бешенство. В декабре 1970 г. двое из одиннадцати подсудимых были приговорены к смертной казни, а остальные к различным срокам принудительных работ, от четырех до пятнадцати лет. Однако взрыв негодования, вызванный приговором, привел к неожиданным для Москвы последствиям. Начались демонстрации протеста в Израиле, в странах Европы и в США, а также выступления видных западных деятелей. Свое возмущение, в неофициальном порядке, выразил и Госдепартамент США. В конечном итоге, увидев реакцию мировой общественности, власти заменили смертный приговор на 15 лет заключения¹⁴.

Эта лавина протестов привела также к коренным изменениям в тактике еврейских действий и вне СССР — в частности, изменился подход израильского правительства. Выступая в *кнесете* в ноябре 1967 г., премьер-министр Эшколь впервые рассказал и о скрываемой от общественности репатриации

14 Многочисленные необоснованные отказы в разрешении на выезд из СССР в Израиль привели группу еврейских активистов к мысли о похищении самолета. Летчик М. Дымшиц предложил одному из руководителей Ленинградской сионистской организации Г. Бутману сесть с группой на небольшой самолет в Ереване и заставить пилота посадить самолет в Турции. Но руководство организации было против этой акции. Ее решила осуществить группа еврейских активистов во главе с Э. Кузнецовым, планировавшая захватить небольшой самолет во время рейса в Приозерск. Затем М. Дымшиц должен был пилотировать самолет в Швецию. 15 июня 1970 г. в аэропорту “Смольное” под Ленинградом сотрудниками Комитета государственной безопасности были арестованы 11 человек по подозрению в попытке захвата самолета. Вслед за тем в Риге, Ленинграде, Кишиневе и других городах были арестованы десятки еврейских активистов. 24 декабря 1970 г. Э. Кузнецов и М. Дымшиц были приговорены к смертной казни за “измену родине”. Другие обвиняемые были приговорены к длительным срокам заключения. Бурная волна протестов, в которых приняли участие и коммунистические партии ряда стран свободного мира, вынудили власти заменить смертный приговор М. Дымшицу и Э. Кузнецову на 15 лет заключения. Другим осужденным срок заключения был сокращен. На втором Ленинградском и Рижском процессах (май 1971 г.) и на Кишиневском процессе (июнь 1971 г.) были осуждены многие люди, имевшие весьма отдаленное отношение к попытке угона самолета.

советских евреев, и о недавнем решении Москвы практически полностью прекратить дальнейшую эмиграцию. В свете последних действий СССР против Израиля и против собственных граждан-евреев Эшколь решил, что вряд ли что-либо может быть достигнуто путем дальнейшего сохранения покровов секретности. Его решение было встречено *кнесетом* с одобрением. Два года спустя преемница Эшколя на посту премьер-министра Голда Меир информировала *кнесет*, что ее правительство отныне будет решительно выступать в поддержку свободного выезда из СССР всех советских евреев, которые пожелают репатриироваться в Израиль. И она сдержала свое слово. С тех пор она не упускала случая заклеить политику советских властей, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства, а израильское правительство содействовало развертыванию кампании в пользу советских евреев, привлекая к этому еврейские организации США, международные объединения ученых, музыкантов и других лиц интеллигентного труда, обращаясь к ООН и к политическим лидерам других стран, не исключая и коммунистов. Специальные молитвы за советских евреев возносились у Западной стены. Устраивались демонстрации, в том числе и круглосуточные, у зданий посольств СССР в Вашингтоне и других западных столицах. Не был оставлен без внимания ни один способ обращения к общественному мнению свободного мира.

Не было никаких сомнений, что задача, которую Израиль ставил перед собой в ходе этой кампании, состояла не столько в улучшении статуса советского еврейства, сколько в возрождении самосознания советских евреев и побуждении их к репатриации в Израиль — с тем чтобы в конечном итоге использовать их способности и возможности на благо еврейского государства. Этот вполне обоснованный интерес стал более чем очевидным, когда в конце декабря 1971 г. Нахум Гольдман, президент Сионистской организации (получивший, как предполагается, некоторые заверения от советского правительства), объявил о своем намерении пересмотреть порядок приоритетов на предстоящем заседании Всемирного еврейского конгресса. Теперь, заявил он, основное внимание должно уделяться не *алие* из Советского Союза, а скорее защите прав советских евреев; ведь, как указал Гольдберг, большинство евреев все равно будут продолжать жизнь в диаспоре, и потому следует вести борьбу за обеспечение им равных прав с местным населением. Возмущенное таким заявлением, сионистское руководство Всемирного еврейского конгресса немедленно отменило ранее направленные Гольдману приглашения выступить на конгрессе. Луи Пинкус, председатель исполкома Еврейского агентства, выразил израильскую точку зрения, заявив, что приоритетным направлением на 1970-е гг. становится не борьба за гражданские или национальные права евреев диаспоры, а борьба за репатриацию в Израиль, причем из всех общин мира. Для того

чтобы облегчить эту репатриацию, *кнесет* за несколько месяцев до этого принял поправку к Закону о гражданстве, согласно которой израильское гражданство может быть предоставлено всякому еврею, который выразил свое “намерение” поселиться в Израиле, но которому это было запрещено сделать. Это юридическое положение было чревато опасными последствиями, поскольку в принципе давало — автоматически — израильское гражданство евреям, еще не покинувшим Советский Союз; собственно говоря, эта поправка на практике была применена считанное число раз. Тем не менее явственно прозвучало предупреждение Израиля, что он готов — в случае необходимости — провести широкомасштабную кампанию на международном уровне.

Кремль не мог оставаться безразличным к этой кампании. При всем своем возмущении “наглым и вызывающим вмешательством во внутренние дела и внешнюю политику Советского Союза” со стороны Израиля и мирового еврейства, СССР был обеспокоен и смущен тем, как он выглядит в глазах мировой общественности — особенно в то время, когда делались первые шаги по достижению разрядки международной напряженности. По всей видимости, советские власти решили, что, отпустив некоторое количество “внутренних” еврейских активистов, они смогут несколько улучшить образ Советского Союза в глазах мировой общественности, который сильно пострадал из-за преследования советских евреев — о чем все время напоминали миру многотысячные еврейские демонстрации в США, Канаде, Австралии и Западной Европе. Из СССР по приглашениям из Израиля выехало: в 1971 г. — 12 900 человек, в 1972 г. — 31 668, в 1973 г. — 34 773. Таким образом, с 1971 г. Москва начала, осторожно и выборочно, снимать свои запреты на еврейскую эмиграцию. В качестве официального обоснования было заявлено, что у евреев, как у национального меньшинства, в Советском Союзе действительно нет своего дома. Ожидая получить от США статус страны наибольшего экономического благоприятствования, советская сторона в завуалированной форме дала знать Вашингтону, что в 1974 г. СССР готов еще больше увеличить свою эмиграционную квоту и рассмотреть возможность отмены требования к отъезжающим относительно оплаты диплома о высшем образовании; таким образом, разрешение на выезд смогут получить 60 тыс. человек. Однако даже еще до того, как планы подписания советско-американского торгового соглашения потерпели неудачу, в январе 1975 г., московские власти отлично понимали, что в их распоряжении остаются и другие меры, посредством которых можно воспрепятствовать выезду большого числа советских евреев в Израиль (Гл. XXIV). Они просто-напросто тянули время. После 1967 г. в Израиль выехало 80 тыс. человек, и почти половина из них — грузинские евреи. Мало кто из них имел высшее образование или высокую производственную квалификацию; многие были

пожилыми или больными людьми. Впрочем, в числе остальных было несколько тысяч человек интеллигентных профессий, специалисты высокого класса, и среди них — немало выдающихся фигур, составлявших гордость советской науки и техники.

Представители Еврейского агентства встречали их в Вене, куда они прибывали поездом. Затем прямым рейсом компании *Эль-Аль* их доставляли в Израиль. Там они размещались в одном из 82 центров абсорбции и ожидали предоставления постоянного жилья и работы. К 1974 г. Еврейское агентство и правительство Израиля расходовали 250 млн долларов ежегодно на прием советских репатриантов — весьма значительная сумма, намного превышавшая ту, что расходовалась на прием более многочисленных волн *алии* в предыдущие годы. Это различие нельзя отнести только за счет таких факторов, как инфляция, освобождение от налогов за привезенные с собой вещи или фонд заработной платы вновь прибывших. Объясняется это различие тем, что советские репатрианты были не похожи на репатриантов предыдущих лет. Прибывшие из европейской части СССР, они принадлежали к категории обеспеченных людей, привыкших к хорошим условиям жизни в больших городах и к тому, что их работа и доходы соответствуют их уровню образования и квалификации. Они ожидали, что в Израиле им будут предоставлены аналогичные возможности плюс лучшие школы и университеты для их детей.

В свою очередь, правительство Израиля и Еврейское агентство не хотели их разочаровывать. Они понимали, что было бы серьезной ошибкой потерять вновь прибывших и подать повод для разочарования следующей волне репатриантов, не менее одаренных и потенциально ценных для страны. Поэтому они дали советским евреям сравнительно хорошие квартиры, как правило, в крупных городах страны. Им были предоставлены — а зачастую и искусственно созданы — хорошо оплачиваемые должности, чтобы не допустить утечки умов. Для учебы их детей были выделены значительные стипендии. Все эти расходы легли тяжелым бременем на национальный бюджет. По мнению репатриантов прежних лет из стран Востока, все еще ютившихся в крошечных квартирках, в городских трущобах или городах развития, живших на минимальную зарплату или перебивавшихся случайными заработками, такое распределение благ было несправедливым — о чем они заявляли вслух, не скрывая своего чувства обиды и негодования (Гл. XIX).

С другой стороны, к 1970-м гг. у израильского правительства переменялась система ценностей и приоритетов. Население соседних арабских стран становилось все более многочисленным, а сами страны — все более воинственными. Темпы роста численности арабского населения — живущего как в Израиле, так и на территориях, — представляли, в долгосрочной

перспективе, угрозу еврейскому характеру Израиля. Тысячи евреев — уроженцев Израиля отправлялись в страны Запада в поисках более безопасной и комфортной жизни. Видя грозящую стране демографическую и военную опасность, израильтяне, в стратегической перспективе, осознавали, что критически важным для них является обеспечение выживания еврейского островка в арабском океане. Каким же образом можно обеспечить свое выживание? Здесь и израильские политики, и лидеры мирового сионистского движения пришли к единому мнению, против которого не имели возражений даже еврейские доброжелатели в странах диаспоры. Деньги, технологии, моральная твердость и идеологическая поддержка — всего этого недостаточно. Точно так же, как в ранние и самые тяжелые годы становления *ишув*, лишь непрекращающийся приток новых людей из-за рубежа в состоянии обеспечить будущее страны. Имеется немало факторов, которые своим влиянием могут определить облик маленького сионистского государства. Но ничто не сможет гарантировать самого его существования — только численный рост еврейского населения, только сам факт его присутствия на этой земле.

Глава XXIV.

Война Судного дня

Политика самоуспокоенности

“Линия Бар-Лева. Мир установлен на берегах Суэцкого канала, в Синайской пустыне, в секторе Газа, на Западном берегу, в Иудее, Самарии и на Голанских высотах. Границы безопасны. Мосты открыты. Иерусалим объединен. Строятся новые поселения, и наша политическая ситуация стабильна. Все это — результат сбалансированной, смелой и дальновидной политики... Всем известно, что добиться этого смог только блок Партии труда”.

Перед выборами в *кнессет* восьмого созыва, назначенными на 31 октября 1973 г., эти кричащие и самодовольные плакаты бросались в глаза израильтянам со стен и афишных тумб во всех больших и малых городах страны. Все эти внушительные заявления представляли собой отнюдь не обычное предвыборное бахвальство — они скорее отражали реально царившее в обществе ощущение безопасности. И ведь в самом деле все так и было. На границах действительно царило спокойствие. Террор арабских боевиков, правда, продолжался и даже усиливался — но ведь не на территории Израиля, а за рубежом. Расходы на оборону, правда, были значительными — однако государство могло себе это позволить. Да и вряд ли кто мог превзойти Блок в его непреклонности, когда речь шла о расходах на оборону. Вопреки возражениям Эвена и Сапира, центральный комитет Партии труда в августе 1973 г. одобрил “компромиссную” программу, представленную Израэлем Галили, которая, по сути дела, символизировала решительный сдвиг в сторону “ястребов”. В рамках плана Галили миллиард с четвертью израильских лир выделялся на развитие Западного берега и Газы и на интеграцию арабского сельского хозяйства и промышленности в израильскую эко-

номическую инфраструктуру. Налоговые льготы и правительственные займы, предоставлявшиеся иностранным инвесторам, вкладывавшим средства в израильскую экономику, теперь распространялись и на израильских бизнесменов, открывающих промышленные предприятия на контролируемых территориях.

Что касается деталей, то план предусматривал, помимо новых еврейских поселений на оккупированных территориях, строительство промышленного центра на Голанских высотах, регионального торгово-промышленного центра в Иорданской долине, еще одного промышленного комплекса на северо-востоке Синая, рядом с Рафияхом, а также новых промышленных зон рядом с Восточным Иерусалимом, Неби-Самвил, Калькилией и Туль-Карем. Впервые евреи получали возможность покупать арабские земельные участки и недвижимость на Восточном берегу и в Газе, “при условии, что такие сделки совершаются в интересах развития деловых проектов, а не в спекулятивных целях”. Принимая во внимание все сказанное, можно утверждать, что программа Партии труда по вопросам территорий мало чем отличалась от программ религиозных партий или правого блока *Гахаль*. Правда, разница состояла в том, что *Гахаль* выступал с требованиями прямой аннексии Западного берега и Голан, а также, по меньшей мере, части Синая, тогда как религиозные партии основывали свое аналогичное требование на том соображении, что необходимо сохранить “историческую территорию Эрец-Исраэль”. Не будь этих различий, в чисто практическом смысле план Галили можно было бы назвать аннексионистским. Согласившись на программу Галили, руководство Блока давало понять, что не намерено медлить с решением вопроса о границах. Левые потеряли некоторое количество голосов на выборах в *кнесет* 1965 и 1969 гг. и решили, что неудача была в известной степени связана с неоднозначностью их позиции по вопросам внешней политики. Следовало всеми силами избежать повторения этой ошибки.

Теперь *Гахаль* оказался перед серьезной дилеммой: план Галили буквально выбил у него почву из-под ног. Хотя этот союз правых и центра добился определенных успехов на выборах 1969 г., получив 26 мест в *кнесете*, этого все-таки было недостаточно для победы над Партией труда. Теперь оптимальным выходом для *Гахалья* был бы политический “брак по расчету”. Разумеется, религиозные партии для такой цели не годились — этот лагерь всегда был верным партнером Партии труда. С другой стороны, Независимые либералы, Свободный центр и Государственный список получили 7,5% голосов на выборах 1969 г. и, соответственно, десять мест в *кнесете*. Хотя сам по себе союз *Гахалья* с этими партиями все равно не мог бы превзойти 56 мест, имевшихся у Блока, это хотя бы стало шагом в верном направлении.

Проблема заключалась в том, чтобы убедить эти небольшие партии войти в союз, где главную роль будет играть такой сторонник жесткой политики, как Менахем Бегин. К тому же Шмуэль Тамир, лидер Свободного центра, был личным врагом Бегина. Государственный список, состоявший из бывших членов *Рафи*, был ориентирован на Партию труда. Независимые либералы скорее относились к числу “голубей”. Но, вместе с тем, в прежних коалициях сходились и более странные партнеры — здесь необходим был подходящий катализатор. И вот в конце лета 1973 г. на политическом горизонте появилась фигура генерала “Арика” Шарона, решительного и харизматического командира десантников, чья дивизия во время Шестидневной войны овладела на Синае мощной оборонительной системой Абу-Агейла, сооруженной под руководством советских военных специалистов. Склонный к крайнему индивидуализму, не принадлежащий ни к какому лагерю, резкий в общении с сослуживцами и начальством, Шарон недавно узнал, что у него нет шансов быть назначенным начальником Генштаба Армии обороны Израиля. В гневе оставив пост командующего Южным фронтом, Шарон созвал пресс-конференцию и объявил о своем намерении активно заняться политической деятельностью. Он сказал, что готов присоединиться к правоцентристам — при условии, что они откажутся от фракционных разногласий и объединят свои усилия. Хотя такое условие и было трудновыполнимым, возможность пополнить в свои ряды героя войны, пользующегося широкой известностью, стала серьезным стимулом для противников Блока. Лидеры правоцентристов приступили к совещаниям. Поначалу переговоры проходили без особых успехов, но все же к началу сентября новый объединенный правоцентристский блок был сформирован, и в него отказались войти только Независимые либералы. Новое политическое образование получило название *Ликуд* (“Единство”). *Гахаль* и другие члены этого объединения сохраняли свои партийные структуры, но на выборы все шли единым списком. Строго говоря, и в *Ликуде*, и в Блоке было почти одинаковое соотношение “ястребов” и “голубей”, либералов и технократов. И все-таки, по мере того как Израиль накапливал опыт политической деятельности и терпимого отношения к различным точкам зрения, становилось ясно, что обе ведущие коалиции приближаются к американской модели достижения компромисса.

Во всяком случае, было похоже на то, что правый лагерь вряд ли сумеет за недолгий предвыборный период подорвать авторитет правительства и умалить его достижения в области обороны и международных дел. Слабая надежда оставалась в сфере внутренней политики, где действия Партии труда представлялись несколько более уязвимыми. Так, в последние годы группы молодых людей — выходцев из стран Востока, живших в ие-

русалимском квартале бедноты Мусрара, — время от времени устраивали беспорядки, именуя их “выступлениями против системы”. Сознательно подражая аналогичным выступлениям американской молодежи, они взяли себе их название — “Черные пантеры”. Дети разведенных родителей, с низким образовательным уровнем, зачастую хорошо известные полиции, эти молодые люди были нетипичны даже для неблагополучной части выходцев из стран Востока (тем более, что, как уже отмечалось, уровень жизни израильтян этой категории в целом значительно повысился за последнее время). Тем не менее выступления “Черных пантер” против неравенства и несправедливости заслуживали того, чтобы к ним отнеслись с достаточной серьезностью. Протестующие были возмущены тем, что правительство, озабоченное привлечением новых репатриантов, предоставляло вновь прибывшим — в основном выходцам из Советского Союза и стран Запада — более качественное жилье и лучшие рабочие места. Подчеркивалось также, что репатрианты при покупке автомобилей и бытовых электроприборов освобождаются от разорительного налога на продажу, который вынуждены платить все остальные граждане страны. И наконец, новые репатрианты получают ипотечный кредит на большую сумму и на более выгодных условиях — а это обстоятельство является особенно важным для восточных евреев с их большими семьями. Надо подчеркнуть, что от такого двойного подхода страдали все старожилы Израиля — но именно “Черные пантеры” привлекли внимание общественности к этим вопросам, сделав это в свойственной им жесткой и бесцеремонной манере.

Их протесты действительно напомнили народу, что на протяжении последних семи лет правительство уделяло значительно больше внимания развитию поселенческой деятельности на оккупированных территориях, чем повышению качества жизни тех десятков тысяч евреев, которые уже жили в Израиле. Тем временем, при поддержке министра финансов Пинхаса Сапира, стала открываться подоплека того стремительного подъема деловой активности, который наблюдался в стране после 1967 г. Немало широко разрекламированных достижений израильской социал-демократии в области социальной справедливости в действительности оказывались не столь уж впечатляющими и часто раздутыми, в то время как масса нуворишей, многие из которых разбогатели на государственных субсидиях, привнесла в жизнь страны идеологию безграничного потребительства. Разумеется, экономический подъем положительно сказался на всех слоях общества, в том числе и на выходцах из стран Востока. Однако пропасть между богатыми и бедными продолжала углубляться, и уже порядка 70 тыс. семейств оказались за чертой бедности. И, что печальнее всего, именно социалистическое правительство занималось изъятием обще-

ственных фондов для обогащения небольшой категории населения. Ицхак Бен-Агарон¹, генеральный секретарь *Гистадрута*, заметил, что, хотя 95% земель страны и находится в общественной собственности, но остающиеся 5% — главным образом, земельные участки в больших городах — стали предметом безумной спекуляции, из-за чего наблюдается ничем иначе не объяснимый рост цен на жилье. Обвинив правительство в молчаливом соучастии в этом неблагоприятном деле, Бен-Агарон подверг сокрушительной критике бесстыдный протекционизм, процветавший в аппарате Партии труда, благодаря чему аппаратчики приобретали самые роскошные виллы и самые дорогие автомобили, путешествовали первым классом и останавливались в лучших гостиницах. За исключением Голды Меир и еще нескольких, причем очень немногих, высокопоставленных чиновников, мало кто смог не поддаться искушению и не тратить на личные нужды партийные или государственные фонды. И Бен-Агарон задался тогда риторическим вопросом: где же возвышенный идеализм Агарона-Давида Гордона и Берла Кацнельсона, Давида Бен-Гуриона и Ицхака Бен-Цви? Все эти рассуждения стоили генсеку *Гистадрута* его поста, потерянного на выборах 11 сентября 1973 года.

Однако налицо было очевидное нарушение социальных норм, и его нельзя было игнорировать. Слишком явными были и рост коррупции, и присущая израильтянам любого происхождения и положения тенденция обходить систему обременительного налогообложения — и это не говоря уж о взяточничестве и растратах на самых высших уровнях: на таких государственных предприятиях, как нефтепромыслы в Абу-Рудейсе или национальная компания по эксплуатации водных ресурсов *Мекорот*. Один из самых громких скандалов — растрата десятков миллионов израильских лир — был связан с созданной в апреле 1968 г. правительством Эшколя корпорацией под названием “Израиль”, которая занималась мобилизацией денег еврейских вкладчиков со всего мира. К 1974 г. проект рассыпался как картонный домик, а капитал был растрочен на неудачные вложения в ев-

1 Бен-Агарон (Нуссенбаум) Ицхак (1906–2006) — деятель израильского рабочего движения. Высшее образование получил в Берлинском университете, где изучал экономику и общественные науки. Возглавлял *Га-Шомер га-цаир* в Германии. С 1928 г. жил в Эрец-Исраэль, с 1932 г. — член *кибуца* Гиват-Хаим. После начала Второй мировой войны поступил добровольцем в британскую армию, в 1941–1945 гг. был в немецком плену. Один из лидеров партии *Ахдут га-авода*, ее представитель в *кнесете* различных созывов. В 1956–1962 гг. Бен-Агарон занимал должность министра связи и транспорта. Сторонник объединения всех израильских рабочих партий. В 1969–1973 гг. — генеральный секретарь *Гистадрута*. Требовал преодоления резкого расслоения израильского общества и усиливающегося социального неравенства. В 1995 г. — лауреат Государственной премии Израйля.

ропейских странах. Газеты с гневом освещали этот скандал и вернулись к нему во время избирательной кампании. Таким образом, основное противоречие между двумя блоками переместилось от внешней политики к внутренней. И тем не менее у *Ликуда* было мало шансов преуспеть, даже при наличии таких, столь дискредитирующих соперника, материалов. Допустим даже, что Партия труда и в самом деле стала бессильной и коррумпированной — но какое решение проблемы могла предложить оппозиция? В конце концов, вряд ли в задачи Бегина или Шарона входило возрождение утопии рабочего сионизма. Обещания правого лагеря качественно улучшить управленческую деятельность и повысить ее эффективность выглядели бы не очень тактично на фоне баснословных прибылей, загибаемых строительными подрядчиками, а также бесчисленных дел о налоговых мошенничествах бизнесменов, юристов и врачей, которые буквально затопили израильские суды.

К тому же опросы общественного мнения показывали, что Голде Меир доверяют 76% респондентов, а Моше Даян по-прежнему пользуется безусловным уважением и любовью всей страны. Столь значительная популярность этих политических деятелей вряд ли могла объясняться одной только непреклонной позицией Партии труда по вопросам внешней политики. Сказать по правде, среднего избирателя вполне устраивала ситуация внутри страны. Осенью 1973 г. продолжился экономический рост Израиля, ВНП по-прежнему увеличивался на 10% ежегодно, число рабочих мест было столь велико, что даже 130 тыс. арабских рабочих, приехавших с оккупированных территорий, не могли оказать негативного воздействия на уровень занятости в стране. Свидетельства экономического бума и процветания были налицо: многоэтажные жилые дома, роскошные новые виллы, лес телевизионных антенн, толпы покупателей в магазинах, забитые автомашинами шоссе (число машин, находившихся в частной собственности, в 1973 г. составило 370 тыс., притом что население страны составляло менее 3 млн человек). И ко всему прочему — неизвестное доселе ощущение полной безопасности. Неудивительно, что избирательная кампания проходила в обстановке полной уверенности в собственном благополучии, граничившей с самодовольством.

Переоценка военной стратегии

Аналогичным образом, царящая в стране атмосфера самоуверенности находила отражение в военной стратегии Израиля и оказывала на нее соответствующее воздействие. Страна жила спокойно, имея надежные оборо-

нительные рубежи благодаря захваченным территориям, и в особенности благодаря Синаю. Даже если бы противник нанес удар первым, военные действия все равно не угрожали бы крупным населенным пунктам Израиля. Со своей стороны, противник, в случае начала им военных действий, рисковал получить массированный ответный удар по городам в зоне Суэцкого канала, по Дамаску и Амману. Впрочем, такая оборонительная стратегия имела и оборотную сторону, поскольку на юге египетские и израильские войска находились лицом к лицу, по обе стороны Суэцкого канала, и потому для Израиля критически сокращалось время заблаговременного предупреждения. В такого рода ситуации Генеральный штаб после 1967 г. стоял перед выбором: либо отвести войска к востоку, в район пустыни, либо укрепить синайские оборонительные сооружения. Вопрос был решен в рамках как политического, так и военного консенсуса: страна не была настроена на тактическое отступление. Таким образом, Министерство обороны приступило к сооружению детально проработанной линии укрепленных оборонительных позиций, с включением танков и артиллерии, со своей дорожной сетью, ремонтными мастерскими, авиационными базами и тыловыми пунктами управления.

Как уже говорилось, во время Войны на истощение по указанию генерала Хаима Бар-Лева, начальника Генштаба Армии обороны Израиля, был сооружен рубеж обороны непосредственно вдоль синайского берега Суэцкого канала. Ни при каких обстоятельствах не предполагалось, что эта “линия Бар-Лева” может стать препятствием в случае полномасштабного вторжения противника. Она должна была выполнить функцию заграждения, стать своего рода средством оповещения и привести в действие части, расположенные в глубине Синая. Однако в ходе Войны на истощение, в период 1968–1970 гг., командование приняло решение укрепить этот рубеж, чтобы он обеспечивал защиту от обстрелов египетской артиллерии. С этой целью на Синай было доставлено более сотни тракторов, и силами нескольких тысяч саперов крыши оборонительных сооружений “линии Бар-Лева” были укреплены с использованием кусков рельсов, взятых с египетской железной дороги, проходившей по Синаю, после чего был положен дополнительный слой бетона. В бункерах были оборудованы центры связи, командные пункты и даже госпитали. Около тридцати опорных пунктов были в конечном итоге оборудованы вдоль Суэцкого канала, на неодинаковом расстоянии один от другого, и общая стоимость проекта составила 2 млрд израильских лир.

Однако решение об усилении “линии Бар-Лева” подверглось резкой критике со стороны ряда авторитетных военачальников. В их числе были генералы Исраэль Таль и “Арик” Шарон, которые, признавая эффективность бункеров во время Войны на истощение, отмечали, что теперь самим

фактом своего существования они сделались желанной мишенью для египетской артиллерии. Но, что еще более неприятно, их наличие порождало и в армии, и в стране комплекс “линии Мажино”, психологию позиционной обороны, чуждую израильским традициям наступательного боя и ответных ударов. Никогда прежде не сооружались такие мощные фортификации, даже для защиты основной территории Израиля. Командующий ВВС генерал Биньямин Пелед указал, что на эти деньги можно было бы приобрести полторы тысячи танков или сто самолетов. Отвечая на эту критику, Бар-Лев и его сторонники подчеркивали, что израильское присутствие вдоль побережья Суэцкого канала является в высшей степени важным — для того в первую очередь, чтобы предотвратить проникновение египтян через канал. Ведь в случае их успешного проникновения на территорию Синайского полуострова у советского командования может возникнуть искушение последовать за ними, что способно привести к прямому столкновению СССР и Израиля. Споры сторонников и противников “линии Бар-Лева” не прекращались, и потому, когда генерал Давид Элазар был назначен на пост начальника Генерального штаба в январе 1973 г., одним из первых его действий стал поиск компромиссного решения этого спора. В конечном итоге он распорядился просто уменьшить число функционирующих укреплений и дислоцированных вдоль канала войск. В ряде случаев число военнослужащих в бункере было сокращено до двадцати, а то и менее того. Благодаря такому “компромиссу” линия раздела между противостоящими сторонами перестала выполнять свою функцию по раннему обнаружению противника. Неясно было, чем теперь стала “линия Бар-Лева” — стационарным оборонительным сооружением или “натяжной проволокой” раннего оповещения; и именно за это отсутствие функциональной ясности Израиль заплатил столь высокую цену ранним утром 6 октября 1973 г.

Неопределенность военной стратегии усугублялась неопределенностью структуры вооруженных сил. После Шестидневной войны израильский Генштаб пребывал в уверенности, что и последующие победы могут быть одержаны благодаря аналогичной концепции использования авиации и танковых войск, с прекрасно обученными экипажами и высоким уровнем технического оснащения. И в последующие годы военное командование уделяло основное внимание танкам и самолетам, в ущерб пехоте. В Генштабе считали невероятным — и это несмотря на события последнего этапа Войны на истощение — что египтянам удастся нейтрализовать израильскую авиацию с помощью зенитных управляемых ракет. Недостаточное внимание уделялось артиллерии. Недооценивалась эффективность тепловизионных прицелов, что снижало действенность традиционных для израильской пехоты ночных атак и внезапного нападения. Даже методика мобилизации утратила былую гибкость.

Смещение целей напрямую сказывалось на участии штатских лиц в руководстве вооруженными силами. Когда Даян был назначен на пост министра обороны в июне 1967 г., остальные члены правительства были довольно скоро отстранены от непосредственной вовлеченности в вопросы национальной безопасности — чего не бывало при Эшколе. Прославленный командир взял все вопросы исключительно в свои руки, и его престиж был столь велик, что ни правительство, ни *кнесет* даже не пытались не то чтобы контролировать, а хотя бы осмыслить военную политику страны. Но в последующие годы Даян посвящал основную часть своего времени решению административных вопросов на оккупированных территориях и уделял недостаточно внимания реальному положению дел в армии. Административно-хозяйственные вопросы были ему неинтересны, и он передоверял их подчиненным.

Более того, вследствие попустительства Даяна в офицерский корпус проник вирус политизации. После победы 1967 г. генералы стали новыми героями Израиля и в известном смысле объектами поклонения. Они оказались в самом центре ничем не сдерживаемого водоворота лести, и политические партии стали широко использовать их в качестве приманки для электората. Уходя в отставку, они сразу же оказывались в самой гуще политической жизни, не пройдя даже элементарного курса обучения этому новому ремеслу. Например, Бар-Лев, едва успев снять мундир, незамедлительно стал членом кабинета министров. Точно так же, впрочем, как и Агарон Ярив², и затем

2 Ярив Агарон (Рабинович; 1920–1994) — израильский военный и политический деятель. В 1935 г. его семья переехала из Латвии в Эрец-Исраэль. Окончил сельскохозяйственную школу в Пардес-Хане. С 1938 г. — член *Гаганы*. С начала Второй мировой войны Ярив служил в британской армии, окончил офицерские курсы. Службу проходил в палестинском подразделении британской армии, а после создания Еврейской бригады был офицером в ее составе. Вскоре после начала Войны за независимость был назначен заместителем командира бригады Александрони, затем командовал бригадой Кармиэли. В начале 1950-х гг. руководил операциями Возмездия Армии обороны Израиля. В 1954–1956 гг. возглавлял Высший штабной колледж. В 1964–1972 гг. возглавлял военную разведку Генерального штаба, которая сыграла выдающуюся роль в сборе информации об арабских армиях накануне Войны за независимость. В 1972–1973 гг. — советник по борьбе с террором при премьер-министре Голде Меир. Был одним из руководителей операции по уничтожению палестинских террористов, организовавших убийства израильских спортсменов в Мюнхене в 1972 г. В начале Войны Судного дня был призван в армию и назначен помощником начальника Генштаба. На выборах в *кнесет* восьмого созыва (1973 г.) был избран по списку Израильской партии труда. В марте 1974 г. назначен министром связи в правительстве Голды Меир, в июне 1974 г. — министром информации в правительстве Ицхака Рабина, но вышел в отставку в январе 1975 г. В 1977 г. под его руководством был создан Центр стратегических исследований им. А. Яффе, который Ярив возглавлял до конца жизни.

Ицхак Рабин. Эзер Вейцман³, бывший командующий ВВС, стал министром от *Гахала* в правительстве национального единства, и вот теперь Шарон собирался играть аналогичную роль, представляя вновь сформированный *Ликуд*. Число старших офицеров, присоединявшихся к различным партиям, все увеличивалось. Таким образом, барьеры, препятствовавшие влиянию военных на политику, которые с таким тщанием возводил Бен-Гурион в свою бытность министром обороны, стали рушиться. То же можно сказать и о строжайших этических принципах, традиционно характерных для израильского офицерства. Моральный склероз, поразивший жизнь в стране после войны 1967 года, не обошел и армию. Поддаваясь на лесть, принимая приглашения на банкеты, генералы стали позволять себе прежде неслыханные вещи — обедать в самых шикарных ресторанах, относя расходы на счет Министерства обороны, покупать дорогие автомобили, использовать своих персональных водителей в качестве домашней прислуги. Бен-Гурион пресек бы все это в зародыше — но Даян ничего такого не сделал; более того, он и сам во многом подавал пример.

Прошло не так уж много времени, и атмосфера вседозволенности воцарилась во всей системе обороны страны. Нередки были случаи сговора офицеров с фирмами-подрядчиками с целью получения личной выгоды. Участились кражи военного имущества. Когда разразилась война в октябре 1973 г., выяснилось, например, что у целого танкового батальона похищены бинокли — не говоря уж о таком имуществе, как армейские одеяла.

3 Вейцман Эзер (1924–2005) — израильский военный и государственный деятель. В 1939 г. вступил в *Гахану*. По окончании средней школы с 1942 г. служил в британских ВВС, участник Второй мировой войны. Во время Войны за независимость был одним из первых израильских летчиков-истребителей, командовал первой эскадрильей ВВС. В 1950–1958 гг. — начальник отдела ВВС в Генштабе. В 1958–1969 гг. в чине бригадного генерала командовал ВВС Израиля. Вейцман занимал должность начальника оперативного отдела Генштаба в 1966–1969 гг. и сыграл выдающуюся роль в разработке плана действий *Цагала* во время Шестидневной войны и в его осуществлении. С 1969 г. в отставке, вступил в партию *Херут*. В 1969–1970 гг. — министр транспорта. В 1977 г. возглавил предвыборный штаб партии *Херут* и сыграл большую роль в победе партии на выборах. В 1977–1980 гг. — министр обороны, многое сделал для заключения мира с Египтом (1979 г.). В 1980 г. вышел из правительства из-за его неготовности предоставить автономии арабскому населению на контролируемых территориях. На выборах в *кнессет* 11-го созыва (1984) возглавил список *Яхад*, получивший три мандата; *Яхад* вошел в состав Израильской партии труда. В 1984–1988 г. — министр без портфеля. В 1988–1990 гг. — министр науки и технологии. В 1993 г. был избран на пост президента страны от Израильской партии труда. В 1998 г. был вторично переизбран президентом, но в июне 2000 г. был вынужден выйти в отставку после того, как стало известно, что в 1980-х гг. он получал большие денежные суммы от французского миллионера еврейского происхождения Э. Сарусси, о чем не сообщил в израильские налоговые органы.

Впрочем, подобного рода прямые злоупотребления были не столь частыми. Значительно более губительным стал начавшийся после 1967 г. развал дисциплины. Так, несколько вопиющих случаев имели место буквально за несколько часов до начала Войны Судного дня. Прибыв в свои части, резервисты обнаруживали, что невозможно запустить двигатели боевых машин, и причиной тому было их неудовлетворительное техническое обслуживание. Приказы о пополнении частей на позициях не выполнялись. Солдаты покидали пункты сбора, не получив полного обмундирования. Сам Даян обычно не занимался делами, не связанными непосредственно с военными действиями. Считалось, что вопросы дисциплины не могут стать причиной непоправимого ущерба: ведь в любом случае арабы вряд ли рискнут развязать новую полномасштабную войну. А если что и произойдет, так с ними легко будет справиться — ведь Шестидневная война послужила для них хорошим уроком.

Садат принимает решение

Уверенность Израиля в своих силах только укрепилась после смерти Насера в сентябре 1970 г., и уж никак ее не мог поколебать выбор вице-президента Египта Анвара Садата в качестве его преемника. Садат был сослуживцем Насера, во время Второй мировой войны они вместе сотрудничали с Германией, в 1952 г. были активными участниками Революции полковников. Затем, в качестве судьи революционного трибунала, он продемонстрировал безусловную готовность к осуждению “предателей”, с легкостью посылая их в тюрьму и на виселицу. Но впоследствии Садат был известен в основном как преданный соратник Насера, занимавший ряд номинальных, хотя и внешне почетных постов, не требовавших никаких убеждений и не имевших никакого веса или значения. Собственно говоря, он и избран был преемником Насера в первую очередь как человек, не имевший настоящих врагов и обладавший общепризнанным талантом к компромиссам и умением находить со всеми общий язык. Темнокожий, наполовину суданец, пятидесяти одного года от роду (во время принятия на себя президентских обязанностей), Садат с виду был истинным воплощением добродушия и традиционализма. Его часто фотографировали таким образом, чтобы явно была видна шишка на лбу от многочисленных земных поклонов во время молитвы; он любил также сниматься в простой крестьянской галабии⁴. Благода-

4 Галабия (*амхар.*) — просторная верхняя одежда африканских крестьян, большой кусок белой ткани, который оборачивают вокруг тела.

ря своим спокойным манерам он обрел репутацию милосердного лидера, действующего в интересах всей страны, чему способствовала также его политическая уступчивость. В частности, он пошел навстречу египетским горожанам, принадлежавшим к среднему классу, отменив целый ряд введенных Насером бюрократических положений, сняв определенные ограничения на импорт и значительно расширив номенклатуру разрешенных к вывозу потребительских товаров. Об отходе от так называемого насеровского “социализма” свидетельствовал также объявленный новым президентом десятилетний план экономического развития, в рамках которого были сняты экономические ограничения и поощрялось участие европейских и американских инвесторов.

Более мягкая и гибкая политика Садата, явное отсутствие у него стремления к поощрению панарабского авантюризма, склонность заниматься преимущественно внутренними делами — все это могло служить добрым предзнаменованием мира на Ближнем Востоке. Однако при всей его доброжелательности и отсутствии агрессивности, новый президент с самого начала своего пребывания в должности уже закладывал основы своей конфронтации с Израилем. Во-первых, экономическая ситуация и демографический взрыв в Египте настоятельно требовали возобновления судоходства по Суэцкому каналу и реконструкции городов в зоне канала. Кроме того, существование в стране военной экономики при отсутствии военного положения и пребывание на воинской службе тысяч выпускников военных учебных заведений, которые не участвовали в военных действиях и в то же время не демобилизовывались, — все это подталкивало к освобождению оккупированного Синайского полуострова. Садат, еще не обретя устойчивого политического фундамента в стране, сознавал, что надежной основой его власти может быть только армия и что ему нельзя не уступить давлению военных кругов. Таким образом, уже в октябре 1971 г. он дал указание египетскому военному командованию готовиться к форсированию Суэцкого канала еще до конца текущего года. Вышло так, что ему пришлось “отложить” этот план на пару месяцев, из-за участия Советского Союза в индо-пакистанской войне⁵. Ничуть не обескураженный, президент объявил своим соотечественникам, выступая с речью в день празднования Первого мая

5 Третья индо-пакистанская война — вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном, происшедший в декабре 1971 г. Причиной войны стало вмешательство Индии в гражданскую войну, шедшую в Восточном Пакистане. Для того чтобы покончить с этим вмешательством, 3 декабря 1971 г. ВВС Пакистана подвергли внезапной бомбардировке ряд индийских авиабаз, но индийская армия, снабженная новейшим советским оружием, при помощи повстанцев в Восточном Пакистане к 17 декабря разгромила пакистанскую армию. Командующий пакистанскими войсками в этом районе подписал акт о капитуляции своей группировки.

1972 г., что столкновение с Израилем неизбежно и что он готов “принести в жертву миллион человек” в грядущей войне.

Мало кто в Израиле придал значение угрозам Садата, тем более после того, как в июле 1972 г. он распорядился выслать из Египта советский военный персонал. Почему-то ни израильские, ни западные эксперты не придали значения тому обстоятельству, что египетские вооруженные силы при этом никуда не делись — точно так же, как и огромные запасы советского оружия. Более того, отстранив советских военных, Садат тем самым освободился от их сдерживающего влияния. Всячески подстрекаемый главой Ливии, полковником Муамаром Каддафи⁶, Садат предпринял широко пропагандированное “последнее дипломатическое усилие”, чтобы обеспечить отвод израильских войск от Суэцкого канала. В феврале 1973 г. он направил своего советника по вопросам национальной безопасности генерала Хафеза Исмаила в Вашингтон. Никсон принял Исмаила 23 февраля. Встреча была сердечной, но не привела к конкретным результатам. Американский президент не дал никаких обещаний оказать давление на Израиль. Разгневанный полученным отказом, Садат заявил в интервью журналу “Ньюсвик” (март 1973 г.), что разговоры о мире закончились и что неизбежно возобновление военных действий. “Все на Ближнем Востоке впали в спячку, — заметил он с горечью. — Но скоро они проснутся”.

К этому времени Садат уже преуспел в формировании общей стратегии с остальным арабским миром. С президентом Сирии Хафезом Асадом у него не возникало никаких проблем. Баасистская хунта никак не могла смириться с утратой Голанских высот, и к тому же ее лидеры неустанно по-

6 Каддафи Муамар (р. 1942) — государственный, военный и политический деятель Ливии. Родился в бедуинской семье. Окончил исторический факультет Ливийского университета и военное училище (1965), проходил военную переподготовку в Великобритании в 1966 г. В 1967 г. создал и возглавил организацию “Свободных офицеров-юнионистов”. Активный участник революции 1 сентября 1969 г., свергнувшей монархию. В 1969–1972 гг. — председатель Совета революционного командования (высшего органа власти). С сентября 1979 г. — главнокомандующий, с октября 1969 г. — верховный главнокомандующий вооруженными силами. В 1970–1972 гг. — премьер-министр и министр обороны. По его инициативе в 1977 г. Всеобщий народный конгресс (высший орган законодательной власти) принял декларацию об установлении народной власти, упразднившую общепринятые органы государственной власти. В стране установился режим диктатуры Каддафи. Во внешней политике занимал крайнюю антиизраильскую позицию и много лет поддерживал международный террор. Агенты ливийских спецслужб неоднократно осуществляли террористические акты. Тяжелое экономическое положение страны, в условиях экономической блокады со стороны США и ряда стран свободного мира, вынудили Каддафи в середине 2000-х гг. значительно ослабить помощь террористическим организациям, но в политике по отношению к Израилю не произошло никаких изменений.

вторяли, что их задачей является не просто “ликвидация всех последствий сионистской агрессии”, а “полное и окончательное решение палестинского вопроса”. Эта максималистская политика была типичной для сирийских ультранационалистических настроений еще до прихода к власти партии Баас. Разумеется, в первые годы после Шестидневной войны правительство Дамаска вряд ли могло всерьез помышлять о возобновлении военных действий против Израиля. Любопытно, что позиции Асада укрепились именно благодаря высылке советских военных специалистов из Египта. В укор Садату, а также намереваясь укрепить свои позиции в другом секторе Ближнего Востока, СССР принял решение поставить Сирии вооружения в беспрецедентных масштабах, включая около 300 новых танков, 300 истребителей “Миг-21” и несколько сот ЗУР-6, зенитных комплексов новейшей модификации. В результате Сирия стала самой вооруженной (в расчете на душу населения) страной арабского мира. Поэтому, когда Садат направил в марте 1973 г. своих эмиссаров в Сирию с целью обсуждения совместных военных действий против Израиля, те встретили в Дамаске самый восторженный прием. Асад заявил им напрямую, что теперь он готов к войне. За этим последовал ряд консультативных встреч между начальниками генеральных штабов Египта и Сирии. Была достигнута договоренность о нанесении удара на двух направлениях под стратегическим командованием Египта. В мае и июне Садат лично посетил Дамаск и подтвердил достигнутые соглашения.

Наряду с этим египетский президент добивался расположения и других союзников, в первую очередь короля Саудовской Аравии Фейсала, который никогда не скрывал своего враждебного отношения к “социалистическому” империализму покойного Насера. Чтобы развеять опасения Фейсала, Садат прибыл с визитом в Эр-Рияд в августе 1973 г. и с максимальной почтительностью заверил короля, что панарабский авантюризм Насера давно уже исключен из политического арсенала Египта. В результате Садату удалось добиться обещания саудовского короля, что он введет эмбарго на поставки нефти странам Запада, если военные действия против Израиля не будут успешными. Затем Садат отправился налаживать отношения с королем Иордании Хусейном. Это была значительно более трудная задача, поскольку враждебное отношение хашимитского монарха к его арабским соседям усугубилось после вторжения Сирии три года тому назад и недавней гибели премьер-министра Иордании в Каире от рук арабских террористов. Тем не менее на протяжении июня и июля Садат проводил секретные политические переговоры с представителями иорданского правительства, и в конечном итоге ему удалось развеять опасения Хусейна. Таким образом, 10 сентября Хусейн и Асад прибыли в Каир, и была достигнута тактическая договоренность о намечающихся

военных действиях. Хусейн, со своей стороны, сказал, что его страна не в состоянии вести полномасштабные военные действия, но согласился хотя бы имитировать наступление через реку Иордан, связав тем самым некоторую часть израильских сил на Западном берегу. После этого решения договор был подписан.

Теперь оставалось только заручиться советской военной поддержкой. Оказание такой поддержки, впрочем, вовсе не было само собой разумеющимся делом. После высылки военных советников за год до того СССР относился с настороженностью к новым шагам в пользу режима Садата, но главное — у него не было уверенности, что в данное время египетская армия изменилась в лучшую сторону по сравнению с 1967 г. С другой стороны, советское руководство посчитало, что, при наличии соответствующей технической и военной помощи, у египтян имеется хотя бы какой-то шанс закрепиться на другой стороне Суэцкого канала, притом что сирийцы смогут отвоевать у Израиля пусть даже небольшой участок на Голанских высотах. Если таким образом будет найден выход из военного тупика, это может повести к политическому решению. Еще один довод в пользу этой операции — возможность причинить военный и экономический ущерб Израилю, поскольку эта страна, несмотря на свои малые размеры, стала серьезной помехой для беспрепятственного осуществления советской внешней политики. Кремлевское руководство было возмущено тем, с каким размахом проводились еврейские демонстрации в поддержку репатриации в Израиль. Опасность заключалась не только в том, что действия еврейских активистов могли послужить примером для других внутренних противников советского режима, но и в том, что это угрожало ожидаемой с таким нетерпением возможности получить от США статус страны наибольшего экономического благоприятствования. По инициативе сенатора Генри Джексона⁷ уже была предложена поправка к Закону о торговой реформе (1973 г.), которая увязывала предоставле-

7 Джексон Генри Мартин (1912–1983) — американский политический деятель. В 1935 г. закончил юридический факультет Университета штата Вашингтон. Был принят в ассоциацию адвокатов и стал работать в юридической конторе. С 1937 г. служил в органах прокуратуры штата. Во время Второй мировой войны был призван в армию. В 1944–1952 гг. — член палаты представителей конгресса, член Демократической партии. В 1952–1983 гг. — сенатор от штата Вашингтон. Активно поддерживал борьбу советских евреев за право репатриации в Израиль. Конгресс США 20 декабря 1974 г. принял разработанную им поправку Джексона–Вэника (Чарльз Вэник — член палаты представителей) и закон о торговой реформе, запрещавшие правительству предоставлять статус наибольшего благоприятствования в двусторонних коммерческих связях тем странам, которые не обеспечивают своим гражданам свободы эмиграции. Поправка была направлена против советских властей, препятствующих еврейской эмиграции.

ние такого статуса с ослаблением запрета Советского Союза на репатриацию. И уж во всяком случае, возобновление военных действий между Израилем и арабскими странами могло экономически ослабить еврейское государство, что, в свою очередь, затруднило бы прием большого числа советских евреев.

Таким образом, на протяжении всего лета Советский Союз поставлял оружие в Сирию, а в начале осени начал масштабную программу поставок вооружений в Египет. В числе поставленных вооружений были новейшие зенитные ракеты, от мобильных комплексов ЗУР-6 до запускаемых с плеча ЗУР-7 (“Стрела”), а также некоторое количество ракет класса “земля–земля” для обстрела израильских населенных пунктов. Были также разработаны планы воздушных мостов для пополнения запасов во время военных действий. За неделю до 6 октября СССР запустил пять новых спутников серии “Космос” для получения снимков израильских оборонительных сооружений на севере и на юге страны. В это время к берегам Египта подошел советский корабль электронной разведки, а из Египта и Сирии были оперативно эвакуированы семьи советских военных специалистов.

Садат завершил свою подготовку

Хотя Садат и Асад достигли принципиального согласия о совместных военных действиях еще в марте 1973 г., они пока не приняли решения относительно точной даты. Сначала египетский президент собирался назначить операцию на май, но изменил дату, узнав, что в этом месяце намечена встреча Никсона с Брежневым, — Садат не хотел ставить в неловкое положение своих советских патронов. Наконец, было решено остановиться на 6 октября. Уровень воды в Суэцком канале в это время низок, луна стояла высоко в небе, что было удобно для ночного форсирования канала. Это время также являлось благоприятным с точки зрения политической и дипломатической. Позиции Израиля в Африке оказались подорванными (Гл. XXV. Израиль снова в изоляции), Европа была занята своими делами, администрация Никсона находилась в эпицентре Уотергейтского скандала⁸.

8 Уотергейтский скандал — политический скандал в США, связанный с попыткой установления прослушивающего устройства в штаб-квартире Демократической партии в отеле “Уотергейт” в Вашингтоне комитетом Республиканской партии по переизбранию Р. Никсона на президентский пост в период избирательной кампании в 1972 г. В ходе дальнейшего развития скандала вскрылись многочисленные нарушения закона (подкуп, взятки, лжесвидетельства и др.) со стороны должност-

Израильтянам предстояло заниматься своей предвыборной кампанией, а в этот день — *Йом Кипур* — они к тому же должны были молиться и поститься; помимо всего прочего, они не могли ожидать, что правоверные мусульмане начнут военные действия в месяц рамадан⁹.

С приближением назначенной даты высшее командование Египта, компетентный и пользующийся большим уважением военный министр генерал Ахмед Исмаил Али и очень популярный начальник Генштаба генерал Саад Шазли, высказывали осторожный оптимизм по поводу того, что на этот раз им удастся успешно начать операцию, несмотря на имеющиеся трудности. Они тщательно изучили все ошибки Шестидневной войны (основываясь на составленных израильскими экспертами детальными отчетах о военных действиях) и постарались принять все возможные превентивные меры. Исмаил и Шазли понимали, что им следует сконцентрироваться на достижении какой-либо одной цели. Речь шла о форсировании Суэцкого канала силами бронетанковых войск и пехоты, после чего следовало занять позиции на восточном берегу канала. Они не намеревались начинать немедленного и быстрого продвижения в глубь Синайского полуострова, за пределы зоны, которая могла быть защищена египетскими ракетами. Такой оперативный план был разработан с учетом лучших качеств египетских солдат — их умеренной храбрости при выполнении ограниченных по масштабам и тщательно отработанных задач — и последующего ведения боевых действий на оборудованных позициях. Именно в этом плане и осуществлялась подготовка личного состава, простая по сути, однако напряженная и изнурительная, под наблюдением советских офицеров. Были сооружены детальные модели израильских укреплений, и проводились бесконечные учения, имитирующие их штурм. Одно подразделение, например, начиная с 1971 г. все время занималось отработкой одной-единственной задачи: переправка шланга для подачи горючего через водную преграду. Пехотные подразделения, отобранные для стрельбы по танкам с использованием противотанковых управляемых ракет советского производства “Малютка”, изо дня в день выполняли только эту задачу, пока их действия не были доведены до автоматизма.

ных лиц Белого дома. Президент Никсон под угрозой обвинения в причастности к скандалу и привлечения к ответственности в порядке импичмента вышел в отставку в августе 1974 г.

- 9 Рамадан (*араб.*) — девятый месяц мусульманского лунного календаря, в который Мухаммеду было ниспослано Аллахом первое откровение. В течение этого месяца верующие мусульмане обязаны соблюдать уразу (*тюрк.* “мусульманский пост в течение месяца рамадан”): от восхода до захода солнца нельзя пить, есть, курить и заниматься сексом. В странах, где пост строго соблюдается, нарушителей уразы привязывают на площади к столбам и наказывают палочными ударами.

Общая численность египетских и сирийских вооруженных сил под ружьем составляла приблизительно 750 тыс. человек (то есть втрое больше, чем численность израильских вооруженных сил после полной мобилизации), но арабскому командованию было хорошо известно, что израильтяне рассчитывают на авиацию для нейтрализации численного преимущества противника. ВВС Египта были довольно значительными в количественном отношении — 550 самолетов для нанесения ударов по переднему краю противника, и плюс к ним еще 310 сирийских самолетов — против 480 израильских самолетов, причем можно было предположить, что в боевых действиях будут также участвовать иорданская, ливийская и иракская авиация. Но даже такое численное превосходство в технике не могло компенсировать арабским ВВС качественного превосходства израильских пилотов. Таким образом, следуя советской военной доктрине, египтяне рассчитывали не столько на самолеты, сколько на зенитные ракеты, чтобы ослабить израильское превосходство в воздухе. Комплексы зенитных управляемых ракет уже продемонстрировали свои возможности на исходе Войны на истощение. Их роль должна была стать еще более значительной в предстоящей войне. А затем настанет время боевых действий на суше. И тут, помимо превосходства в живой силе, у египтян имелось 2 тыс. советских танков новейшей модели, плюс 1200 сирийских. В танковых войсках Израиля имелось 1700 машин, многие из которых были устаревшими моделями “Супершерман”¹⁰. Далее, египетская и сирийская армии имели 3300 орудий всех видов, что в четыре раза превышало численность израильской артиллерии. Имея в своем распоряжении всю эту живую силу и технику и действуя в пределах незначительных по протяженности внутренних коммуникаций, арабские военачальники имели основания рассматривать прогноз военных действий как вполне для них благоприятный.

Все, однако, зависело от таких факторов, как инициатива и внезапность. В 1967 г. преимущество было на стороне израильтян. Садат и Асад были убеждены, что на этот раз ситуация переменится. В конце весны 1973 г. только Садат и генерал Исмаил знали точную дату, на которую назначено наступление, — 6 октября. Затем дату сообщили Асаду и начальникам египетского и сирийского генштабов. Но лишь 2 октября Исмаил прилетел в Дамаск и сказал Асаду, что час “Ч” определен как четырнадцать часов 6 октября. Всем же остальным, как солдатам, так и офицерам, говорилось, что вся их подготовка — не более чем учебные мероприятия. Эти “учения” продолжались вплоть до 6 октября, причем египтяне каждый день на гла-

¹⁰ “Супершерман” М-51 — израильский танк с 105-мм орудием; создан в 1953 г. на базе среднего танка “Шерман” армии США периода Второй мировой войны.

зах у израильтян бригадами подходили к береговой линии Суэцкого канала, а к вечеру, по всей видимости, возвращались в казармы. В действительности же некоторые подразделения оставались на берегу и после наступления темноты, укрываясь за береговым валом канала. Израильтяне не могли не обратить внимания на масштабы этих маневров, а также на значительное количество живой силы и техники, накапливавшееся вдоль берега. Точно так же не могли они не заметить того, что происходило на севере страны, где сирийцы методично наращивали численность танков и артиллерии вдоль трех оборонительных линий, сооруженных ими в Голанской долине, вплоть до окрестностей Дамаска. Однако израильский Генштаб до поры до времени убеждал себя, что все эти маневры и прочие действия являются оборонительными по своей сути (Гл. XXIV. Провал израильской разведки). На юге это расценивалось как начало очередной войны нервов, из числа ежегодно проводимых Садатом. На севере эта демонстрация силы могла быть ответом Асада на воздушный бой 13 сентября в районе порта Латакия, когда израильские самолеты сбили 13 сирийских “Мигов”, причем израильские потери составили всего один самолет.

Садат и его советники делали все возможное для того, чтобы поддержать иллюзии израильтян. Ведь египетский президент столь часто объявлял о наступлении “решающего момента” на протяжении последних двух лет, что и его последние предупреждения трудно было воспринимать всерьез. Теперь же, с приближением октября, Садат придал новый импульс своей дезинформационной кампании. Происходила якобы утечка информации о растущей “напряженности отношений” между Египтом и Советским Союзом, о нежелании Москвы предоставлять Египту новейшие виды вооружений в отместку за высылку в июле 1972 г. советских военных специалистов из страны. В Израиле все это принималось всерьез. Абдель аль-Сатар аль-Тавила, военный корреспондент “Рус аль-Юсуф”, впоследствии так описывал стратегию президента:

“Блестящий план политических уловок был основан на имитации масштабной дипломатической активности. Время от времени видные лица вылетали, в качестве личных представителей Садата, в Вашингтон, Лондон, Москву, Нью-Дели, Пекин или африканские столицы. Арабская пресса на первых страницах, под большими заголовками, сообщала об этих визитах, называя происходящее знаменательными дипломатическими или политическими событиями. Появлялись сообщения о поездках бывших министров иностранных дел Египта, д-ра Мурада Халеба и д-ра Мухаммеда Хасана аль-Заята, бывшего специального советника по вопросам национальной безопасности Хафеса Исмаила и других известных лиц, в том числе Хасана Сабри аль-Холи и Ашрафа Маврана”.

В рамках этой дезинформационной кампании, например, министры иностранных дел арабских стран, прибывшие в Нью-Йорк, на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, встретились 25 сентября с Государственным секретарем США Генри Киссинджером¹¹ для проведения “свободной и откровенной” беседы. Министры, не имея представления о планируемом начале военных действий, по поручению глав своих государств договорились о следующей встрече с Киссинджером — точная дата должна была быть определена после проведения выборов в Израиле — для того, чтобы “проработать правила процедуры”, на основе которых можно будет приступить к рассмотрению существенных вопросов, связанных с ближневосточными переговорами. Принципы дипломатического подхода были подтверждены 5 октября в ходе беседы с глазу на глаз между Киссинджером и тогдашним министром иностранных дел Египта Мухаммедом аль-Заятом. За несколько дней до этого Египет подписал договор с американской компанией о сооружении нефтепровода вдоль Суэцкого канала — от Красного моря до Средиземного.

В те же предвоенные дни в газету “Аль-Ахрам” была передана информация о том, что группа египетских офицеров отправляется в дни рамадана в Мекку; было сообщено также, что на 8 октября запланирован визит в Каир министра обороны Румынии. На своем еженедельном заседании 3 октября египетский кабинет министров большую часть времени обсуждал давно уже ставший неактуальным вопрос о союзе между Египтом и Ливией. Ни

11 Киссинджер Генри Альфред (р. 1923) — американский государственный деятель, ученый в области политических наук. Родился в Германии в ортодоксальной еврейской семье, которая в 1938 г. переехала в США. Во время Второй мировой войны служил в армии США; по окончании войны — в американской военной администрации в Германии. В 1947–1954 гг. учился в Гарвардском университете, с 1957 г. преподавал в нем на отделении международной политики; с 1962 г. — профессор. В 1956–1960 гг. Киссинджер — руководитель исследовательской группы “Ядерное оружие и внешняя политика”; в 1958–1969 гг. возглавлял программу по изучению военной концепции США. В опубликованных книгах и статьях критиковал доктрину массированного возмездия Дж. Даллеса и рекомендовал “дифференцированное реагирование” с применением тактического ядерного оружия в случае конфликта с Советским Союзом. В 1969–1975 гг. Киссинджер был советником по вопросам национальной безопасности при президентах Р. Никсоне и Д. Форде. В 1973–1977 гг. — Государственный секретарь США. Один из инициаторов политики разрядки напряженности в отношениях между Советским Союзом и США. За решающую роль в заключении Парижских соглашений о прекращении войны во Вьетнаме Киссинджеру была присуждена Нобелевская премия мира. Во время Войны Судного дня решительно поддержал Израиль против угроз со стороны Советского Союза. Много сделал для подписания соглашений между Египтом и Израилем о разделении войск и подготовил почву для будущего мирного договора между Израилем и Египтом.

в Каире, ни в Дамаске атмосфера ничем не напоминала военную; горели уличные фонари, и на улицах было много народу. Буквально за полчаса до запланированного начала военных действий египетские солдаты расхаживали по берегу Суэцкого канала без оружия и без касок.

Провал израильской разведки

В свое время израильский Генштаб решительно отреагировал на кризисы в сентябре 1970 г., декабре 1972 г. и мае 1973 г.; в последнем случае это была гражданская война в Ливане, которая могла спровоцировать вторжение Сирии на ливанскую территорию. Тогда Израиль объявил масштабную мобилизацию, и израильские войска были дислоцированы на Голанах. Тревога оказалась ложной, и она стоила государственной казне 11 млн израильских лир. Надо сказать, что финансовые соображения были не последними в числе тех, что объясняли нежелание Израиля провести мобилизацию осенью 1973 г. Более того, хотя египетская и сирийская армии в сентябре и начале октября планомерно укрепляли свою линию фронта, проводили крупномасштабные учения и подтягивали тяжелое вооружение, израильский Генштаб сознательно воздерживался от публичных высказываний по этому поводу. Газетные материалы, посвященные арабским военным приготовлениям, подвергались цензуре. Голаны были открыты для туристов. Короче говоря, делалось все для того, чтобы не упоминать о видимых признаках кризиса и не провоцировать арабских соседей на ответные действия. Возможно, для сдержанного поведения правительства имелось еще одно объяснение. В стране был самый разгар предвыборной кампании — а, как было уже сказано, Партия труда более всего гордилась тем, что благодаря ее усилиям на границах страны царят спокойствие и безопасность.

Помимо всего прочего, правительство было озабочено другими проблемами безопасности, главным образом действиями арабских террористов против израильтян и евреев за рубежом. Совсем недавно, в ходе борьбы с террористами, Израилю был нанесен очень чувствительный удар. Трое вооруженных арабов проникли 28 сентября в советский поезд, следовавший в Вену, пока он еще находился на территории Чехословакии. В одном из вагонов ехала группа еврейских репатриантов из СССР, направлявшихся в транзитный центр в замке Шёнау под Веной. Когда поезд пересек австрийскую границу, террористы захватили пятерых евреев и таможенника в качестве заложников, потребовав обеспечить им вылет в одну из арабских стран. К их сильному удивлению, они получили больше, чем запрашивали. Бруно

Крайский¹², федеральный канцлер Австрии (первый еврей, занявший этот пост), опасаясь, что его страна может стать ареной арабо-израильских столкновений, объявил, что в дальнейшем запрещает использование замка Шённау Еврейским агентством в качестве транзитного центра, в котором собирались репатрианты из Советского Союза перед отправкой в Израиль. Голда Меир спешно вылетела в Вену для встречи с Крайским, но ей так и не удалось его переубедить. Вернувшись в Израиль, она собрала 3 октября заседание кабинета министров — но для того, чтобы обсудить итоги своей встречи с Крайским, а не сосредоточение арабских вооруженных сил у границ страны. Правда, за несколько часов до заседания правительства в полном составе она провела встречу с членами “кухонного кабинета” — Моше Даяном, Игалем Алоном, Исраэлем Галили, на которую было приглашено высшее военное командование страны. Участники встречи пришли к единодушному мнению, что непосредственной угрозы войны с арабами не существует.

В сущности, израильская разведка располагала всей необходимой информацией о перебросках и дислокации арабских сил. Ее провал объяснялся неверной интерпретацией происходящего. Трудности были отчасти связаны с оргструктурой разведывательной службы. Основную деятельность в этой сфере осуществлял *Мосад* (“Ведомство разведки и особых заданий”), чей директор напрямую подчинялся премьер-министру. Репутация *Мосада* как одной из лучших спецслужб мира сложилась благода-

12 Крайский Бруно (1911–1990) — австрийский государственный деятель, один из лидеров Социалистического интернационала. Родился в богатой еврейской семье. С 15 лет — активный член Союза социалистической молодежи Австрии. За подпольную социалистическую деятельность был в 1935 г. арестован и приговорен к двухлетнему тюремному заключению. После аншлюса Австрии Германией бежал в Швецию (сентябрь 1938 г.). В 1951 г. вернулся в Австрию. Становится одним из руководителей Социалистической партии. В 1951–1952 гг. — помощник и политический советник президента Т. Кернера. В 1953–1959 гг. — статс-секретарь МИДа; в 1959–1966 гг. — министр иностранных дел. В 1967 г. Крайский был избран председателем Социалистической партии. В 1970–1983 гг. — канцлер (глава правительства) Австрии. Во внутренней политике был инициатором принятия всеобъемлющего социального законодательства и закона о сокращении срока военной службы. Эти меры сделали его очень популярным в Австрии. Стремился повысить международный престиж страны, при этом поддерживал тесные отношения с самыми радикальными арабскими режимами (напр., с Ливией). Неоднократно резко критиковал Израиль и даже допускал антисемитские высказывания в отношении израильских государственных деятелей, например М. Бегина. Хотя Австрия и в годы канцлерства Крайского продолжала служить транзитной страной для евреев Восточной Европы, а затем Советского Союза, направлявшихся в Израиль, он неоднократно предпринимал попытки положить этому конец. Многолетний заместитель председателя правления Социалистического интернационала.

ря успешному осуществлению целого ряда операций, включая похищение Адольфа Эйхмана и акций, направленных против немецких ученых, работавших на Египет; однако на счету *Мосада* были и серьезные неудачи. Бойня в аэропорту Лода (май 1972 г.) стала свидетельством ужасающего провала системы израильской безопасности. То же самое можно сказать и про трагедию на Мюнхенской олимпиаде. О возмутительном пренебрежении мерами предосторожности свидетельствовал инцидент в Таиланде (декабрь 1972 г.), когда боевики “Черного сентября” взяли в заложники сотрудников израильского посольства в Бангкоке. В июле 1973 г. в Лиллехаммере (Норвегия) израильские агенты, преследуя арабского террориста, по ошибке убили не причастного к делу человека. В Мадриде и Брюсселе террористам удалось заманить в ловушку и убить израильтян, находившихся там с официальной миссией. Еще один пример провала израильских спецслужб — проникновение арабских террористов в поезд, следовавший в Вену, когда в заложники были взяты советские еврей-репатрианты.

Однако все эти неудачи с лихвой перекрывались поразительными успехами военной разведки Генштаба, связанными с событиями Шестидневной войны. После 1967 г., таким образом, военные постепенно заняли высшие посты в *Мосаде* и с тех пор не обращали особого внимания на информацию, исходящую из других разведывательных источников. Осенью 1972 г. военную разведку Генштаба возглавил генерал-майор Элиягу Зейра. Зейра был способным и даже блестящим офицером, но новичком в разведке, и к октябрю 1973 г. он пробыл на этом посту всего лишь год. Его заместитель, бригадный генерал Арье Шалев, отвечавший за разведку на египетском фронте, также был новым человеком в этой должности. Они оба полагались в основном на информацию, поступающую по каналам радиоэлектронной разведки. Разумеется, объем этой информации был достаточно большим. Так, в частности, для слежения за подготовкой египетской армии использовались новейшие системы радиоперехвата, причем их эксплуатацией занимались не только израильские специалисты, но и отставные сотрудники Службы безопасности армии США, работавшие в Израиле по контракту. Кроме того, США предоставляли Израилю данные своей радиоэлектронной разведки, получаемой с использованием спутников-шпионов серии SAMOS и высотных разведывательных самолетов. Однако даже самое современное электронное оборудование было не в состоянии полностью заменить аналитические оценки, основанные на понимании арабской ментальности, тогда как Зейра и Шалев уделяли явно недостаточное внимание материалам, предоставлявшимся исследовательскими центрами, работавшими под эгидой *Мосада*. Шефы разведки для себя уже решили, что Сададу и Асаду, разумеется, ясно — как ясно и израильтянам: крупномасштабная наступательная операция немыслима при отсутствии господства в воздухе,

но арабы вряд ли будут располагать эффективно действующей бомбардировочной авиацией на протяжении еще нескольких лет. Такова была “концепция” разведки, и она воспрепятствовала проведению трезвой и всесторонней оценки ситуации, с учетом таких факторов, как мстительность и злопамятство арабов.

Таким образом, реакция на концентрацию арабских войск оказалась сильно запоздалой — фактически, она последовала только в канун *Йом Кипура* 5 октября. Только тогда Генштаб, ввиду наличия неоспоримых доказательств крупномасштабных приготовлений противника, согласился объявить боевую готовность категории “С”. Этот уровень боевой готовности, однако, не предусматривал проведения мобилизации резервистов, а только оповещал командование регулярной армии. В дальнейшем старшие офицеры должны были действовать по обстановке, и некоторые из них отреагировали весьма решительно. Генерал Пелед¹³, командующий ВВС, отдал приказ всем пилотам оставаться на авиабазах. Генерал Аврагам Мендлер, командующий танковыми войсками на Синайском полуострове, распорядился отменить все увольнения на *Йом Кипур*. Однако в целом Генштаб по-прежнему действовал, исходя из концепции, что противник не решится атаковать, не имея убедительного превосходства в воздухе. Но вот в четыре утра 6 октября Зейра был разбужен телефонным звонком одного из своих заместителей. Израильские и американские службы радиоперехвата зафиксировали переговоры, свидетельствовавшие о том, что арабские армии находятся на последней стадии подготовки к началу военных действий. Даян и генерал Элазар, начальник Генштаба, были незамедлительно проинформированы о ситуации и извещены, что час “Ч”, по всей видимости, определен как восемнадцать часов. Разбудили Голду Меир, и она назначила на восемь утра экстренное заседание своего “кухонного кабинета”. В пять утра все старшие офицеры Генштаба собрались на совещание в Министерстве обороны в Тель-Авиве. Элазар потребовал начать всеобщую мобилизацию и нанести упреждающий авиационный удар. Даян вы-

13 Пелед Биньямин (1928–2002) — израильский военный деятель. По окончании гимназии *Герцлия* вступил в 1946 г. в *Гагану*. Один из первых израильских военных летчиков. Принимал участие в Войне за независимость и в Шестидневной войне. В чине генерал-майора в 1973–1977 гг. командовал ВВС Израиля. Накануне Войны Судного дня заявил главе правительства Голде Меир, что ВВС Израиля готовы нанести упреждающий удар по египетской и сирийской армиям. Успешно осуществлял руководство израильской авиацией во время войны, несмотря на наличие новейших ракетных комплексов противовоздушной обороны у Египта и Сирии. Получил вторую степень по авионавтике в Технионе. После выхода в отставку в 1978 г. в течение многих лет занимал пост генерального директора компании “Элбит компьютерс”.

ступил против этого предложения и в конечном итоге дал согласие на то, чтобы рекомендовать премьер-министру объявить мобилизацию резервистов танковых войск. Даже для таких действий требовалось получить согласие премьер-министра.

В восемь утра Даян и Элазар прибыли в тель-авивскую канцелярию Голды Меир. Снова Элазар выступил с требованием упреждающего удара, и снова это предложение было решительным образом отвергнуто — на этот раз премьер-министром, Алоном и Галили. Израиль не может позволить себе пойти на риск и подвергнуться дипломатическому карантину, предостерегли они; нам следует выдержать первый удар и полагаться на глубокую оборону. Спор относительно мобилизации был более продолжительным и резким. Даян утверждал, что даже мобилизация в ограниченных масштабах сопряжена с неоправданными затратами. Наконец по настоянию премьер-министра было принято “компромиссное” решение: резервисты танковых войск должны немедленно прибыть в свои части. По ходу заседания Голда Меир связалась с послом США Кеннетом Китингом, поставила его в известность относительно происходящего и попросила, чтобы Вашингтон удержал арабов от столь катастрофического ложного шага. Китинг незамедлительно известил Киссинджера, которые направил срочные послания Садату и Асаду. Что касается Израиля, то послание Киссинджера Голде Меир было твердым и недвусмысленным: “Не наносите упреждающего удара!” Впрочем, Голда Меир сама уже приняла решение на этот счет.

В Израиле началась мобилизация 100 тыс. танкистов. К счастью, в *Йом Китур* основную часть резервистов удалось разыскать либо дома, либо в си-нагоге. Кроме того, в такой день на дорогах не было движения. Однако все равно более суток должно было пройти, прежде чем все призванные танкисты доберутся до своих частей. Тем временем генерал Шмуэль Гонен, командующий Южным фронтом, связался с Аврагамом Мендлером, командующим танковыми войсками на Синайском полуострове, и сообщил ему, что атака противника назначена на шесть вечера. Мендлеру было приказано, чтобы его части находились в состоянии боевой готовности в районе укреплений в зоне Суэцкого канала, но не начинали развертывания до четырех дня. “Я не хочу, чтобы египтяне обнаружили какое-то движение до этого времени, — пояснил Гонен, — а иначе они могут начать свои действия раньше намеченного срока”. Это была ошибка, имевшая катастрофические последствия. Вопреки всем своим предчувствиям, Мендлер вынужден был приказать танкистам на “линии Бар-Лева” укрыться в бункерах и находиться в состоянии готовности. Они выполнили приказ, не будучи уверенными в том, что действительно идет речь о серьезной атаке противника. Многие из них были необстрелянными молодыми резервистами. Ге-

нерал Ицхак Хофи¹⁴, командующий Северным фронтом, также отдал приказ о приведении своих частей в состояние боевой готовности. Но и ему было запрещено выдвинуть на позиции свою танковую бригаду, укомплектованную бойцами регулярной службы, чтобы сирийцы не расценили это как провокацию. На севере приказ о боевой готовности также не соблюдался должным образом — что свидетельствовало об общем упадке воинской дисциплины после 1967 г. Даже важнейший наблюдательный пункт на горе Хермон не был укомплектован опытными бойцами из боевой части. Должно быть, даже старшие офицеры не осознавали, что предстоящие военные действия — это полномасштабная война на два фронта. Максимум, чего ожидали на Голанах, — это боевых действий на протяжении одного дня. В районе Суэцкого канала думали о столкновениях с немногочисленными египетскими командос, которым удастся перебраться через канал. И на севере, и на юге ожидали начала военных действий ближе к вечеру. И вот, когда в два часа дня израильский кабинет министров собрался на свое экстренное заседание, в комнату неожиданно вошел военный адъютант премьер-министра и что-то поспешно прошептал ей на ухо. Неприятельское наступление началось.

Лавина с севера

Неприятельское наступление обрушилось как лавина — разрывами тысяч снарядов и бомб на восточном берегу Суэцкого канала и вдоль всей линии прекращения огня на Голанских высотах. Самолеты противника с ревом пронеслись на бреющем полете далеко за израильскими передовыми позициями — и в глубине Синая, и в районе Шарм-аш-Шейха.

На севере страны сирийские командос, высаженные с десантных вертолетов, под прикрытием дымовых завес и тумана приблизились к израиль-

14 Хофи Ицхак (р. 1927) — израильский военный деятель. В 1947 г. вступил в *Палмах*. Участвовал в Войне за независимость, командир роты. Военное образование получил в Американской военной академии. В 1956–1957 гг. — заместитель командира парашютно-десантной бригады, принимавшей активное участие в операциях возмездия против арабских террористов и в Синайской кампании. В 1962–1964 гг. командовал парашютно-десантной бригадой, в 1968–1972 гг. был начальником отдела подготовки личного состава Генштаба; в 1972–1974 гг. командовал войсками Северного округа, в том числе и во время Войны Судного дня. В 1974 г. уволен в отставку в чине генерал-майора. В 1974–1982 гг. Хофи возглавлял *Мосад* — службу внешней разведки Государства Израиль. В 1982–1990 гг. — генеральный менеджер Израильской электрической компании, затем президент компании *Тадиран*.

скому укреплению, расположенному на вершине горы Хермон, на высоте шести тысяч футов, откуда осуществлялось радиолокационное наблюдение. Израильские солдаты, спасшиеся после серии бомбовых ударов по вершине, укрылись в сталебетонном бункере, считая себя в безопасности. Но разведка противника знала местонахождение запасного выхода, и сирийские командос, взорвав люк, проникли в бункер и взяли в плен тех, кто не погиб при взрыве. Теперь сирийцы могли вести наблюдение из бункера за Голанскими высотами. Перед ними открылась передовая линия израильской обороны, состоящая из 17 сооружений, по 15–20 солдат в каждом, а также один-единственный танковый взвод, два батальона пехоты и четыре артиллерийские батареи в качестве поддержки. Далее, в тылу, располагалась танковая бригада, в составе которой было около 150 машин. В случае заблаговременного предупреждения она была бы выдвинута на передовые позиции, и ей было бы придано несколько тысяч пехотинцев-резервистов. Но из-за ошибок разведки танки и пехота оставались далеко от передовых позиций; более того, на момент сирийской атаки значительная часть личного состава еще не была мобилизована.

Атака сирийцев напоминала стихийное бедствие. После артиллерийской подготовки продолжительностью пятьдесят пять минут две сирийские танковые дивизии (800 танков) и три пехотные дивизии в бронетранспортерах с лязгом и грохотом пересекли линию прекращения огня. Танки обходили передовые израильские бункеры и, просачиваясь сквозь бреши в обороне, неумолимо двигались на израильские поселения (гражданское население удалось спешно эвакуировать). Израильский фронт был прорван на двух участках. На северном фланге, на подходах к Кунейтре, наступала первая волна, 200 танков. В центре и на южном фланге, у Рафида, танки, войдя в прорыв, двигались в двух направлениях. Одна сирийская дивизия захватила перекресток Рафид, после чего направилась к базовому лагерю Нафах, где располагался штаб командующего израильскими силами на Голанах генерала Рафаэля “Рафуля” Эйтана¹⁵. Сирийские танки держали на-

15 Эйтан Рафаэль (Рафуль; 1929–2004) — израильский военный и политический деятель. С 1946 г. служил в *Палмахе*. Участвовал в Войне за независимость, был заместителем командира пехотной роты на Южном фронте. В 1949 г. демобилизовался, но в 1951 г. вернулся в *Цайаль*, окончил курсы офицеров-десантников. В 1953 г. был назначен командиром пехотной роты, осуществлявшей операции возмездия против палестинских террористов. В сентябре 1956 г. подполковник Эйтан был назначен командиром десантного батальона, который во время Синайской кампании 1956 г. был высажен у входа в ущелье Митла. В 1960–1961 гг. учился в “Маринос” — Высшем командном училище корпуса морской пехоты США. В 1961–1963 гг. служил в оперативном отделе Генштаба и изучал в Хайфском университете историю и географию Ближнего Востока. В 1964 г. был назначен командиром танковой бригады, которая под его ко-

правление на мост Бнот-Яаков через реку Иордан, намереваясь вступить на территорию Израиля. Вторая танковая дивизия повернула к югу, в направлении Рамат-Магшимим и Эл-Ала, а оттуда — к устью реки Иордан и мосту Арик. На этом направлении действовало 600 танков. Сирийцы продолжали свое движение до конца светового дня.

Впрочем, наступление не прекратилось с темнотой, поскольку сирийские танки были оборудованы системами тепловидения. К рассвету танки обрушились на последний израильский оборонительный рубеж в юго-восточном районе Голан. Безнадежно уступая противнику в численном отношении, бойцы последней остающейся танковой роты сражались, как древние герои, нанося сирийцам значительный урон. Из своего бункера в Нафахе генерал Эйтан, не колеблясь, распределял свои скудные ресурсы, направляя группы танков в решающие места боя, со всей решимостью и умением стараясь приостановить вал арабской атаки до прибытия израильских резервов. Но сирийцы уже приблизились на расстояние выстрела башенного орудия к мосту Бнот-Яаков и главной насосной станции Всеизраильского водовода к северу от *кибуца* Гиносар. Сирийские снаряды и “скады” рвались уже на западном берегу озера Кинерет. У подножия Голан, в долине Хула и Иорданской долине, кибуцники спешно эвакуировали своих жен и детей, готовясь противостоять противнику с легким стрелковым оружием в руках — как они это делали в 1948 году.

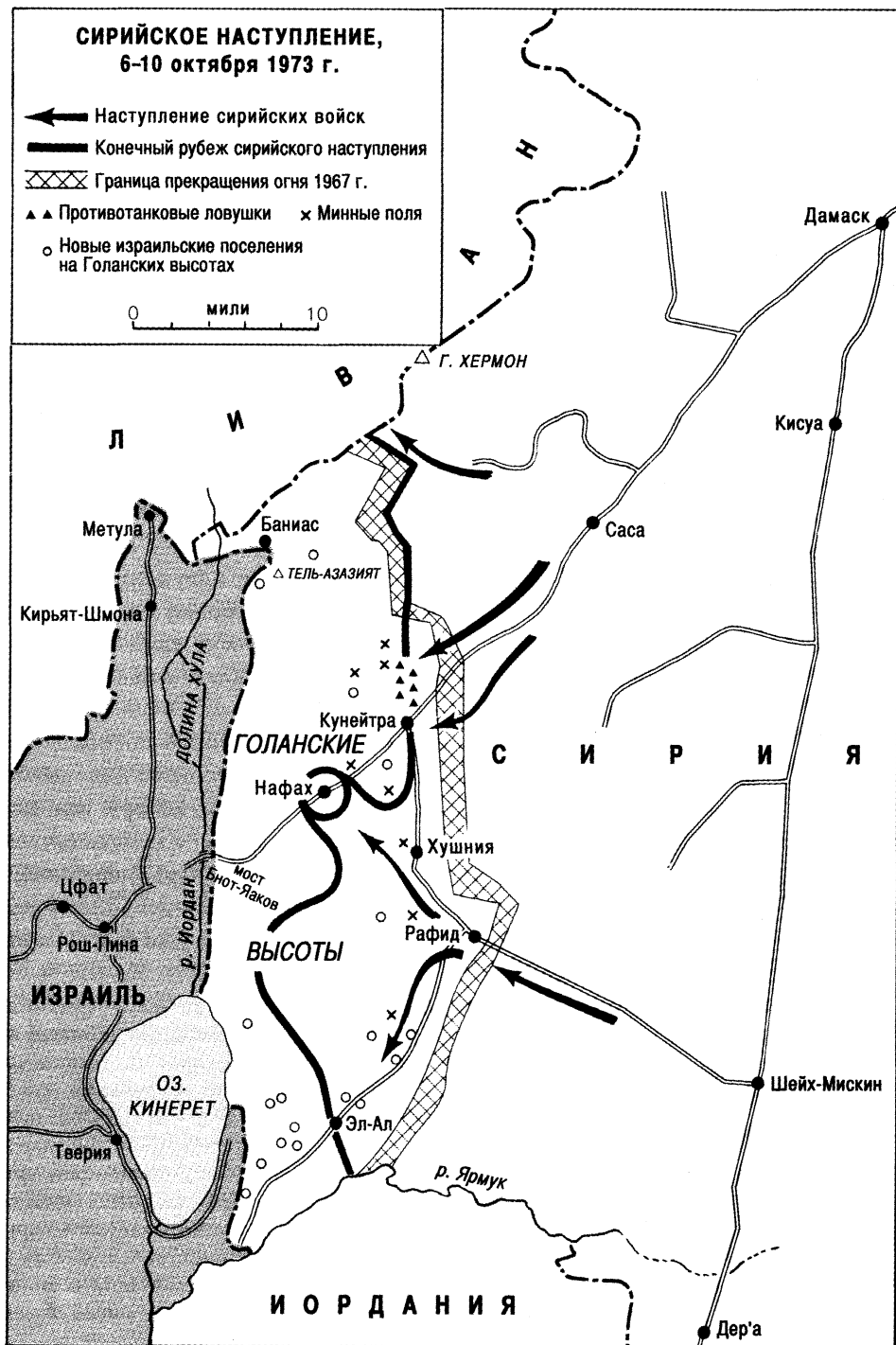
В первой половине дня 7 октября Даян на вертолете прибыл на командный пункт Эйтана, где его проинформировали о положении дел. Даян уже знал, что израильские ВВС, на всем протяжении от Голан до Суэца, несут потери, как от зенитных управляемых ракет, так и от зенитной артиллерии. По возвращении в Генеральный штаб Даян согласился с Элазаром, что в

мандованием участвовала в Шестидневной войне на Южном фронте в составе дивизии И. Талья. В 1968 г. был назначен старшим офицером десантных и пехотных войск в звании бригадного генерала. Во время Войны на истощение 1968–1970 гг. занимался планированием и осуществлением операций израильских войск. Под командованием Эйтана израильские спецподразделения уничтожили самолеты арабских авиакомпаний в аэропорту Бейрута в ответ на нападения арабских террористов на самолеты компании *Эль-Аль*. Осенью 1972 г. Эйтан был назначен командиром резервной танковой дивизии на Голанских высотах, которая сыграла основную роль в отражении внезапного сирийского удара в начальный период войны Судного дня 1973 г. В 1974–1977 гг. командовал Северным округом в звании генерал-майора. В 1977–1978 гг. — начальник военной разведки. В 1978–1983 гг. Эйтан в звании генерал-лейтенанта был начальником Генерального штаба. Под командованием Эйтана *Цаба́ль* участвовал в 1982 г. в Ливанской войне. После выхода в отставку в 1983 г. возглавил созданную по его инициативе партию *Цомет*. В 1984–1999 гг. — депутат *кнесета*. В 1990–1991 гг. — министр сельского хозяйства; в 1996–1999 гг. — министр сельского хозяйства и охраны окружающей среды.

**СИРИЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ,
6-10 октября 1973 г.**

- ← Наступление сирийских войск
- Конечный рубеж сирийского наступления
- ▨ Граница прекращения огня 1967 г.
- ▲ Противотанковые ловушки × Минные поля
- Новые израильские поселения на Голанских высотах

0 мили 10

сложившейся ситуации вся авиация, несмотря ни на что, должна использоваться на Северном фронте. “Под угрозой сейчас судьба Третьего храма [то есть возрожденного народа Израиля]”, — сказал он командующему ВВС генералу Биньямину Пеледу. Затем Даян позвонил Голде Меир и упавшим голосом завел речь о том, чтобы, с целью сокращения военных потерь, вывести войска из центрального района Голан и занять новую линию обороны на откосе Иорданской долины. Потрясенная тем, что у Даяна сдали нервы, Голда Меир никак не отреагировала на это предложение — не приняв его и не отвергнув.

В северном секторе Голан, в районе Кунейтры, исход боев буквально висел на волоске. Здесь Седьмая танковая бригада под командованием полковника Авигодора Бен-Галя¹⁶, неся значительные потери, тем не менее смогла нанести серьезный урон противнику в долине между горой Хермонит и Масадой. К рассвету 8 октября израильские танкисты подбили 130 сирийских танков и значительное количество бронетранспортеров. Сирийцы тем не менее продолжали вводить в бой свежие силы и новые танки, в том числе и самые современные, советские “Т-62”. Танкисты Бен-Галя к этому времени вели бой на протяжении двух дней и двух ночей без перерыва. От всей бригады оставалось не более 40 танков, и не было экипажа, который не потерял бы командира — убитым или раненым. Каждая следующая атака противника, казалось, была ожесточеннее предыдущей.

К вечеру 8 октября, после очередного сокрушительного артобстрела, сирийцы бросили в бой еще 600 тяжелых танков, за которыми шла новая волна бронетранспортеров. Израильцы приняли бой, но вскоре, при попытке перегруппироваться, Бен-Галь с ужасом осознал, что у него осталось шесть боеспособных танков — всего лишь шесть танков теперь сдерживали продвижение противника в глубь территории Израиля. И тут Эйтан, человек со стальными нервами, который находился с командиром бригады на

16 Бен-Галь Авигодор (Януш; р. 1936) — израильский военный деятель, родился в Польше. После начала Второй мировой войны оказался в СССР. Приехал в Израиль в 1943 г. вместе с большой группой еврейских детей-сирот из Польши через Иран (т. н. “дети Тегерана”). Принимал участие в Синайской кампании 1956 г. В 1962–1964 гг. учился во Французской военной академии. В 1973 г. в звании полковника командовал Седьмой танковой бригадой, остановившей сирийский удар в районе Голанских высот. После окончания войны был назначен командиром танковой дивизии на Голанских высотах. В 1976 г. — заместитель начальника отдела Генштаба. В 1977–1981 гг. в звании генерал-майора командовал Северным округом. В 1982 г. командовал корпусом, участвующим в Ливанской войне. С 1983 г. уволен в отставку. В 1988–1996 гг. — генеральный директор Управления военными ресурсами. В 1996–1999 гг. — президент концерна “Израильская авиационная промышленность”.

постоянной радиосвязи, принял решение пойти на отчаянный риск. Он отдал приказ контратаковать и взять высоту. Бен-Галь подчинился приказу, и его последние танки оказались на гребне этой высоты. Там к ним присоединилось еще несколько танков, оставших в ходе боя от своих разбитых частей, и в общей сложности их теперь стало пятнадцать. Эту маленькую группу буквально захлестнул огонь сирийских танков, когда противник пошел на решающий прорыв. Бен-Галь сообщил Эйтану, что у него нет возможности продолжать бой, и тогда командующий попросил продержаться еще хотя бы полчаса. Это было делом не военной тактики, а человеческой психологии. У Эйтана не было никакой уверенности в том, что подкрепление придет через полчаса. Или через три часа. Тень новой Катастрофы нависла над Израилем.

Приливная волна захлестнула берег Суэцкого канала

Примерно в 230 милях к юго-западу, в те же мрачные часы 6–7 октября, израильцы вступили в столкновение с одной из самых многочисленных регулярных армий мира. Вдоль Суэцкого канала были размещены пять египетских пехотных дивизий, три мотопехотные дивизии и двадцать две отдельные пехотные, десантно-диверсионные и воздушно-десантные бригады. Общая численность сил противника составляла, включая летный состав, не менее 600 тыс. человек, 2 тыс. танков, 2300 артиллерийских орудий, 160 батарей ЗУР и 550 боевых самолетов. Всей этой военной силе противостояли, на протяжении 110 миль вдоль побережья Суэцкого канала, ровным счетом 436 израильских солдат, находившихся в укреплениях, расположенных на расстоянии от семи до десяти миль одно от другого, а также три танка и семь артиллерийских батарей. Генерал Мендлер¹⁷, командующий танковыми войсками Южного фронта, имел в своем распоряжении 177 танков, в основном находившихся в пяти милях за линией обороны, на рокадной

17 Мендлер Аврагам (Альберт; 1929–1973) — израильский военный деятель. После аншлюса Австрии Германией в 1938 г. его семья репатриировалась в Эрец-Исраэль. В 1946 г. вступил в *Гагану*. Участвовал в Войне за независимость в бригаде *Ливати*. В 1962 г. был назначен командиром бригады в звании полковника. Во время Шестидневной войны командовал Восьмой бригадой на Южном фронте. 10 июня бригада была переброшена на Северный фронт и сыграла активную роль в боях на Голанских высотах и в занятии Кунейтры. В 1970 г. был назначен командующим дивизией на Синае. Был убит 13 октября 1973 г. во время Войны Судного дня в результате прямого попадания египетской ракеты в бронетранспортер, в котором он находился.

дороге. Еще на 20 миль глубже в тыл находилась израильская танковая дивизия, охранявшая перевалы Митла и Гиди. Генерал Гонен намеревался начать движение резервных танков, как только силы противника приступят к форсированию канала, приближаясь к “линии Бар-Лева”, этой “натяжной проволоке минного взрывателя”, срабатывание которой должно было привести в действие части, расположенные в глубине Синая. Такой план вроде бы отвечал своему назначению, однако египтяне, благодаря масштабности и эффективности своего наступления, сорвали его реализацию.

6 октября, в два часа дня, египетские самолеты атаковали авиабазы и радиолокационные станции, расположенные далеко за израильскими позициями, а египетская артиллерия обрушила на эти позиции по всему фронту всю свою мощь, включая залповый огонь оперативно-тактических ракетных комплексов “Луна”. На протяжении пятидесяти трех минут немногочисленный личный состав израильских оборонительных сооружений подвергался смертоносному обстрелу противника. Когда огонь достиг своего пика, первая волна египетских пехотинцев (из общего числа 8 тыс.) начала форсировать Суэцкий канал на фиброгласовых (стекловолоконных) лодках. Взамен упреждающего бомбового удара, который не мог быть осуществлен в сложившихся обстоятельствах, генерал Пелед отдал приказ о бомбардировке амфибийных сил вторжения¹⁸. Однако египтяне начали форсирование Суэцкого канала одновременно по всей его длине, и потому летчики Пеледа вынуждены были рассредоточиться по всему фронту; кроме того, десятки израильских самолетов были сбиты ракетными залпами.

Немногочисленные резервисты, к тому же пострадавшие после часового артобстрела “линии Бар-Лева”, вряд ли могли остановить египетский удар. Достигнув восточного берега Суэцкого канала, египетские солдаты начали закладывать подрывные заряды под израильские укрепления и поливать их защитников сквозь амбразуры из огнеметов. Однако основная часть наступающих египтян просто обошла укрепления. К наступлению темноты не менее 30 тыс. египетских пехотинцев закрепилось на восточном берегу Суэцкого канала, причем некоторые части продвинулись на глубину до трех миль. Тем временем египетские инженерные части, используя мощные водяные насосы советского производства, промыли проходы в песчаных насыпях, расчистив путь для танков. Этой же ночью было сооружено одиннадцать понтонных мостов, и на восточный берег пош-

18 Амфибийные силы — в военно-морских силах некоторых государств обобщенное название десантных кораблей, десантно-высадочных средств, кораблей боевого обеспечения и управления, предназначенных для перевозки десанта и высадки его на побережье, занятом противником. Так же называется оперативное соединение, предназначенное для проведения морской десантной операции.

ли танки. Израильские самолеты, несмотря на огонь зенитных реактивных установок и дымовые завесы, наносили понтонным мостам повреждения — которые, впрочем, с легкостью устранялись. На протяжении первых двадцати четырех часов наступательных действий пять египетских пехотных и танковых дивизий закрепились на восточном берегу, на расстоянии трех миль от Суэцкого канала, с легкостью обойдя “линию Бар-Лева”. Это был поразительный успех. По расчетам генерала Шазли¹⁹, планировавшего операцию, потери его армии могли составить не менее 10 тыс. человек. Фактически египтяне потеряли на первом этапе операции всего 180 человек убитыми.

Когда по прошествии полутора часов боевых действий стало ясно, что противник наступает большими силами, генерал Мендлер отдал приказ танкам двигаться в направлении Суэцкого канала для защиты береговых укреплений. Однако на подходах к передовым позициям танки израильтян были атакованы — и не египетскими танками, которые еще находились на западном берегу Суэцкого канала, а египетскими пехотными частями, в чем распоряжении имелось смертоносное оружие — противотанковые управляемые ракеты советского производства “Малютка”. Пехотинцы сотнями запускали эти ракеты из засады, и каждое попадание стоило жизни всему экипажу

19 Шазли Саад Эль Махмуд (1922–2011) — египетский военный деятель. По окончании военного училища в 1941 г. служил в египетской армии. В составе англо-египетских войск в 1941–1942 гг. в звании лейтенанта сражался против наступающей на Египет немецко-итальянской танковой группы Э. Роммеля. Отличился в ходе боев. В 1954 г. по его инициативе были созданы парашютно-десантные войска в египетской армии. Командовал Первым парашютным батальоном. В 1960 г. командовал объединенным арабским подразделением в Конго, входившим в состав сил ООН. В 1961–1963 гг. — заместитель египетского военного атташе в Лондоне. Во время Шестидневной войны командовал войсками специального назначения в центральной части Синайского полуострова; потеряв связь с командованием египетской армии в результате израильского наступления, он сумел вывести свои войска из-под удара с незначительными потерями. В 1967–1969 гг. командовал войсками специального назначения. В 1970–1971 гг. — командующий египетскими войсками в районе Красного моря. В мае 1971 г. был назначен начальником Генштаба египетской армии. Сыграл основную роль в планировании и проведении операции египетской армии по форсированию Суэцкого канала во время Войны Судного дня. В ходе войны у него возникали резкие разногласия с А. Садатом относительно продолжения операции после форсирования канала. Шазли был сторонником решительного продвижения собранных в кулак бронетанковых войск в глубь Синая, но победила более умеренная точка зрения Садата. В декабре 1973 г. был уволен в отставку и назначен послом Египта в Великобритании, а затем в Португалии. В 1978 г. уволен с государственной службы в результате публичной критики Кэмп-Дэвидских соглашений. В 1980 г. после публикации книги “Форсирование Суэца” был приговорен к трехлетнему заключению, а затем, после освобождения, выслан из страны.

танка. Израильское танковое подкрепление понесло тяжелейшие потери, и к утру 7 октября в распоряжении генерала Мендлера оставалось не более 30 боеспособных танков. К этому времени стало ясно, что основной египетский удар направлен к югу от Большого Горького озера, и туда продвигалась Третья армия, которой командовал генерал Абдель Монеим аль-Бассел. Действуя согласно советской военной доктрине, египтяне намеревались в течение нескольких дней закрепиться на местности, переправить на восточный берег и дислоцировать тяжелые танки; затем их целью становились израильские дороги, ведущие к основным магистралям через перевалы Митла и Гиди. Тем временем Вторая египетская армия под командованием генерала Сада Мамуна закреплялась в центральном секторе, в районе Исмаилии, тогда как части меньшей численности проникали в северном направлении, в район Кантары.

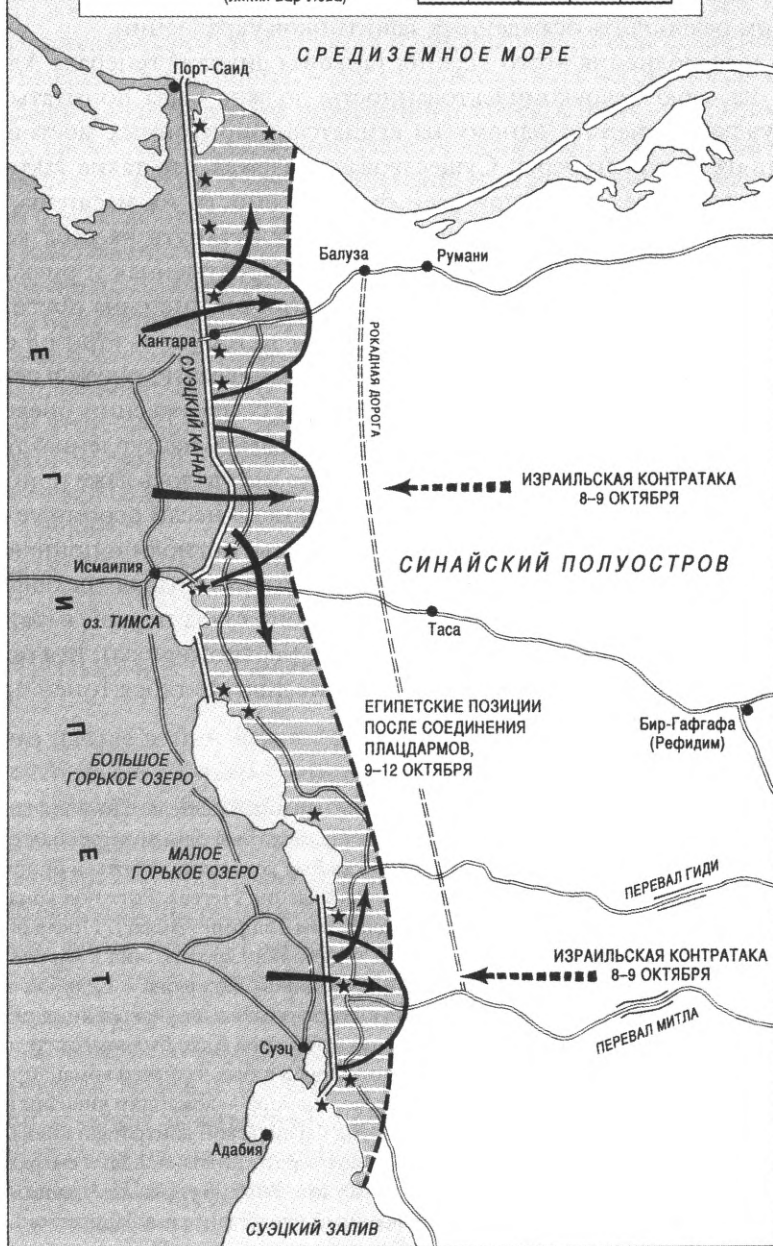
На протяжении первых 36 часов боевых действий генерал Гонен, командующий Южным фронтом, прилагал все усилия к тому, чтобы укрепить оборону перевалов Митла и Гиди. Однако если с мобилизацией запоздали даже на сравнительно близко расположенных к центру страны Голанах, то что уж говорить о тех значительных трудностях, которые возникли на отдаленном Синае. Прошел не один день, пока резервные танковые части были доставлены на этот южный полуостров. Ввиду отсутствия достаточного количества транспортных средств для перевозки боевых машин, многие танки вынуждены были покрыть расстояние в 150 миль по пустыне своим ходом, что стало немалой нагрузкой на моторы и гусеницы. Артиллерия прибыла на Синай через три дня после начала войны, поскольку дороги были забиты колоннами, двигавшимися в южном направлении. Согласно классическому оперативному плану израильских вооруженных сил, регулярная армия должна сдерживать противника до тех пор, пока к месту действий не придут резервы. И только потом уже, после разворачивания в боевой порядок, армия переходит в контрнаступление. На первом этапе Войны Судного дня командование Южного фронта, будучи захваченным врасплох, вынуждено было осуществлять сдерживающие действия с участием прибывающих резервистов, вводя их в бой мелкими подразделениями и зачастую не обеспечивая в полной мере необходимым снаряжением. Это были не стратегические военные действия, а скорее чрезвычайные меры, напомиравшие тушение пожара, в ходе которых недоукомплектованные израильские части участвовали в плохо координируемых действиях, при этом нередко попадая под огонь "Малюток".

Ожидая подхода резервистов, чтобы затем распределить свои силы и средства для организации боевых действий, Гонен тем временем попытался выиграть время и при этом не допустить отхода войск. С этой целью 7 октября он приказал единственной бывшей в его распоряжении бронетанковой

ЕГИПЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ, 6-12 октября 1973 г.

- ← Первоначальные египетские плацдармы
- - - Египетские позиции после соединения плацдармов
- ★ Израильские укрепления (линия Бар-Лева)

0 мили 25

дивизии, находившейся к западу от перевалов, вести оборонительные действия. Однако, по мере того как обстановка стала резко ухудшаться и положение защитников “линии Бар-Лева” выглядело безнадежным, Гонен вынужден был отказаться от своего плана. Вместо этого он направил 250 танков дивизии генерала Аврагама Адана²⁰ на центральный участок действий с приказом освободить осажденных защитников укреплений.

После выполнения этого задания танковая дивизия генерала Адана, несмотря на свою недоукомплектованность, должна была попытаться пересечь Суэцкий канал по одному из египетских понтонных мостов и проникнуть на западный берег. Существовала надежда, что такие тактические наступательные действия, при всей ограниченности их масштаба, внесут замешательство в действия египтян и смогут оттянуть на себя какую-то часть их сил. Это была опрометчивая, плохо продуманная и рискованная операция, в основе которой лежали противоречившие одна другой цели: спасение осажденных и наступление. Как бы то ни было, утром 8 октября Адан приступил к выполнению задания — и немедленно ощутил всю мощь египетского ракетно-артиллерийского огня. На протяжении боевого дня египтяне выводили из строя один танк за другим. К наступлению темноты ни одно из укреплений не было освобождено, не удалось даже приблизиться ни к одному из понтонных мостов, а танкисты несли огромные потери. Командиры большинства экипажей были убиты, погибли и принявшие командование их заместители. Один экипаж, потеряв подряд трех офицеров, отказался продолжать бой (Война Судного дня стала первой израильской войной с большим числом пострадавших от нервного шока). Вся операция на глазах разваливалась на куски. К середине дня 9 октября Гонен приказал всем оставшимся танкам отступить.

20 Адан Аврагам (Брен; р. 1926) — израильский военный деятель. По окончании средней школы в Тель-Авиве в 1943 г. вступил в *Палмах*. Был одним из основателей *кибуца* Нирим. Во время Войны за независимость был командиром роты в бригаде *Негев*. Принимал активное участие в боях за освобождение Негева. Рота под командованием Адана 10 марта 1949 г. первой ворвалась в Умм-Ращраш (Эйлат). После окончания войны служил в танковых войсках. В 1952 г. демобилизовался, жил в *кибуце*. В 1956 г. вернулся на военную службу. Назначен командиром батальона в Седьмой танковой бригаде. Во время Синайской кампании батальон захватил укрепленные египетские позиции в Абу-Агейла. Во время Шестидневной войны Адан был заместителем командира дивизии А. Иоффе на Южном фронте. В 1968 г. был назначен командиром танковых войск на Синае. В 1973 г. в звании генерал-майора — командир дивизии на Синае. 8 октября в ходе Войны Судного дня во время израильской контратаки дивизия Адана понесла тяжелые потери. На последнем этапе войны дивизия Адана сыграла решающую роль в окружении Третьей египетской армии. В 1973–1974 гг. командовал Южным округом. В 1975–1977 гг. — израильский военный представитель в Вашингтоне. С 1977 г. в отставке. В 1985–1993 гг. — генеральный инспектор полиции Израиля.

После отхода израильтян египтяне наконец занялись вплотную тем, что оставалось от “линии Бар-Лева”. Пять укреплений были захвачены во время первой атаки, шесть были оставлены, и их гарнизон с невероятным трудом смог пробраться к своим. Девять укреплений еще держались. Их защитники сообщали по радио о непрекращающихся обстрелах и о том, что раненые истекают кровью. Штабные офицеры Гонена едва сдерживали слезы, осознавая, что все попытки организовать спасение оказывались тщетными. Защитники получили разрешение сдаться в плен, что они и сделали — все, кроме гарнизона одного укрепления возле Порт-Фуада, который продержался до конца войны. Египетские и европейские журналисты наперебой фотографировали израильских солдат, входивших в тюремные ворота, — изможденных, в окровавленной одежде; одни несли в руках свитки Торы, другие помогали идти своим раненым товарищам.

У Гонена не оставалось выбора, кроме как перегруппировать свои силы и отойти на расстояние порядка девяти миль от Суэцкого канала. Тем временем Даян сообщил на пресс-конференции вечером 9 октября, не вдаваясь в детали, что Синайской армии, возможно, придется отступить еще дальше, ко второй линии обороны, на 20–25 миль. Хотя Элазар, в свою очередь, категорически отверг такую возможность, израильтяне были потрясены до глубины души.

Переоценка приоритетов

С самого начала войны важнее всего для египтян было то, что они смогли преодолеть не столько “линию Бар-Лева”, сколько свой собственный страх, свое чувство беспомощности, которое из года в год укреплялось в их сознании действиями израильтян под началом Бен-Гуриона и Даяна, израильскими беспощадными ответными ударами и крупномасштабными наступательными операциями. Мало кто в Израиле мог бы предположить, что арабы вновь обретут мужество и присутствие духа. После молниеносной войны 1967 г. руководство страны отвергало малейшую возможность того, что чувство гордости арабов способно оказаться сильнее их страха, вызываемого самой мыслью о возобновлении военных действий против евреев. А между тем египтяне прямо заявляли, что месть врагу стала самой главной мотивацией, побудившей их начать эту войну. Таким образом, 8 октября, на пике египетского успешного наступления, начальник Генштаба Шазли в приказе по войскам имел все основания заявить: “Эта война восстановила арабскую честь. Даже если мы потом и потерпим неудачу, никто не сможет отрицать, что египетский солдат — это превос-

ходный боец”. В отличие от ситуации в 1967 г., в октябре 1973 г. не было слышно пустой похвальбы и обещаний одержать великую победу. После завершения блестящей операции по форсированию Суэцкого канала египтянам было сказано, что страну ожидает трудная и долгая война (собственно говоря, длительные военные действия на истощение представляли собой основу египетской стратегии). Общее настроение как в Египте, так и в Сирии было довольно сдержанным. Лишь только потом, после первой недели военных действий, когда Израилю уже удалось переломить ход войны, из Каира и Дамаска стали доноситься громогласные заявления о скорой победе, столь типичные для этой стадии их предыдущих войн с сионистским врагом.

Для Израиля же, напротив, эта война началась в ядовитой атмосфере смятения и неправды. Первая реакция правительства Меир — а именно сокрытие фактов — была ориентирована на достижение сразу нескольких целей: замаскировать свои собственные промахи, поддержать моральный дух народа и по возможности подорвать боевой дух противника. Во второй половине дня 6 октября правительство опубликовало лишь краткое и довольно расплывчатое сообщение о начале военных действий. К вечеру Голда Меир обратилась к народу по радио и телевидению:

“Граждане Израиля! Сегодня, примерно в два часа дня, войска Египта и Сирии совершили нападение на нашу страну. Армия обороны Израиля ответила ударом на удар и отразила атаки противника. Неприятельские силы несут значительные потери... Враг рассчитывал застать народ Израиля врасплох в Судный день, когда евреи молятся в синагогах... Но наша армия была должным образом приведена в боевую готовность и во всеоружии встретила врага. Мы не сомневаемся в нашей победе... Новая египетско-сирийская агрессия — это, несомненно, акт крайнего безрассудства”.

После премьер-министра с краткой речью выступил исполненный уверенности Моше Даян: “Мы разобьем врага наголову... Наши войска понесли потери, но эти потери были ожидаемы в первый день сражения — которое через несколько дней завершится нашей победой. Благодарю вас”. На следующее утро Даян снова заявил, что Израиль нанесет скорое поражение противнику. Гонен, выступая 7 октября, также сказал, что египтянам не удалось добиться успеха по всему фронту. Мендлер в своем приказе по танковым частям Южного фронта также пообещал, что в течение нескольких часов неприятель будет “полностью разгромлен”. На следующий день, 8 октября, начальник Генштаба Элазар сказал на пресс-конференции, что решающий час близок. “Наша задача — дать арабам хороший урок, одержав решительную и весомую победу, — короче говоря, переломать им все кости”.

Это цветистое и совершенно нетипичное для израильских военачальников бахвальство не особо впечатлило израильтян; и еще меньшее впечатление оно произвело на мировое общественное мнение. Если же при этом ставилась также цель оказать воздействие на противника, то она тем более не была достигнута. У арабов имелись свои источники информации, и на данном этапе военных действий они были более правдивыми, чем израильские. В самом деле, благодаря прямым репортажам иорданского телевидения израильтяне узнали о прорыве египетскими войсками “линии Бар-Лева” и увидели египетские флаги на израильских укреплениях. Благодаря сирийским фотоаппаратам, чьи снимки были опубликованы в западной прессе, израильтяне узнали, что позиции на горе Хермон были захвачены противником в первый же день войны. Лишь после 9 октября израильское правительство, пусть и с запозданием, приняло более откровенную информационную политику. Вечером 9 октября генерал Ярив, бывший начальник разведывательной службы Израиля, сменил министра обороны перед телевизионными камерами и сказал со всей откровенностью, что в зоне Суэцкого канала Израиль оставил основную часть укреплений, что армии еще предстоят тяжелые бои и что “не следует тешить себя мечтаниями о быстрой и легкой победе”.

Опыт, накопленный в ходе предыдущих конфликтов, позволил израильтянам незамедлительно и без особого труда втянуться в военные будни. Был введен режим светомаскировки. Автобусы ходили только до шести вечера. На донорских пунктах выстраивались очереди желающих сдать кровь. Были отменены все забастовки и принято решение отложить всеобщие выборы. Занятия в школах были прекращены 7 октября, хотя и возобновлены на следующий день. Для работ в городском хозяйстве вызвалось множество добровольцев — в частности, два отставных генерала сели за руль тель-авивских мусоровозов, а видные ученые сортировали почту на иерусалимском главпочтамте. Большинство авиакомпаний отменили свои рейсы, но самолеты *Эль-Аль* летали строго по расписанию. Из-за рубежа стали прибывать добровольцы. Среди израильских арабов не наблюдалось никаких беспорядков или волнений. После недели первоначального замешательства жизнь гражданского населения страны вернулась в относительно нормальное русло.

К полудню 9 октября, после трехдневных боев, Генеральный штаб принял принципиально важное решение: направить значительную часть резервов, первоначально предназначенных для действий на Синае, на Голанский фронт. Это означало полный пересмотр стратегии, принятой во всех предыдущих войнах (кроме Войны за независимость 1948 г.). В качестве определяющих факторов здесь следовало рассматривать не только угрожающую опасность прорыва сирийских танков на территорию Израиля, но и неуда-

чу израильского контрнаступления на египетском фронте. Во всяком случае, победа на юге должна была потребовать значительно больше времени — не начав нести тяжелые потери, арабы вряд ли согласились бы пойти на прекращение огня, а скорейшее достижение такой ситуации представлялось значительно менее вероятным на Синае, чем на Голанах. Известно было также, что союзники оказывали на короля Иордании Хусейна постоянный нажим, принуждая его вступить в войну, и единственное, что могло бы удержать его от открытия третьего фронта, — это пошатнувшееся положение арабов на первых двух фронтах. И ко всему прочему, были получены сведения, что иракские силы — 16 тыс. человек и 200 танков — двинулись в сторону Сирии. Таким образом, Израиль был просто вынужден одержать быструю и убедительную победу на Голанах. Такое решение принял генерал Элазар, и это было правильное решение.

Давид Элазар (Гл. XXI), первый в истории государства сефард, ставший начальником Генштаба Армии обороны Израиля, приехал в Палестину в 1940 г. из Югославии. Он воспитывался в *кибуце*, служил в *Палмахе* и завоевал репутацию отважного бойца, принимая участие во всех войнах Израиля. Под командованием Элазара части Армии обороны Израиля в 1967 г. разгромили иорданские и сирийские войска и завоевали Голаны. Не будучи блестящим тактиком типа Шарона, Элазар пользовался всеобщим уважением за свою рассудительность и бесстрашие. Его ошибочные действия в период, предшествовавший Войне Судного дня, дорого обошлись ему после войны (Гл. XXV. Политическая жизнь: смена караула), но сейчас, в самый разгар военных действий, Элазар, с его целеустремленностью и умением мгновенно оценить стратегические приоритеты, был идеальным начальником Генштаба.

Уже на второй день военных действий, когда сирийцы начали обстреливать израильские населенные пункты ракетами “Скад”, Элазар добился согласия кабинета министров нанести бомбовые удары по сирийским невоенным целям. Сразу же после того, как было дано это разрешение, израильские летчики получили соответствующие боевые задачи и выполнили их с неумолимой точностью. Были разрушены или серьезно повреждены такие объекты, как здание Министерства обороны Сирии, радиостанция Дамаска, теплоэлектростанция Хомс вместе с хранилищем горючего, главный нефтяной терминал в Баниасе, основные подстанции сирийской энергосистемы. В ходе этой операции израильские ВВС потеряли немало пилотов и самолетов. Однако операция, помимо всего прочего, способствовала тому, что сирийцы вынуждены были оттянуть зенитные комплексы из фронтальной полосы, а это, в свою очередь, открыло оперативный простор для действий израильской авиации над Голанами.

Как уже говорилось, Седьмая танковая бригада вела на центральном участке Голанского фронта яростные бои с сирийскими танками, которые

грозили прорвать фронт и войти в долину Хулы и Иорданскую долину. Несмотря на все усилия и приказы генерала Эйтана, танкисты Бен-Галя были уже явно не в состоянии сдерживать противника. После последней сирийской атаки в бригаде оставалось всего шесть боеспособных машин, и казалось, что конец сражения близок. Однако к рассвету 9 октября на поле боя стали появляться отдельные израильские танки, отставшие от своих частей (главным образом, из числа входивших в состав бригады Барака), и они пополнили остатки бригады Бен-Галя. Вскоре начали подтягиваться и новые пополнения резервистов. И тут стало ясно, что последняя атака сирийцев и в самом деле оказалась последней. После того как машины сирийского резерва были, одна за другой, подбиты точными выстрелами израильских танкистов, противник неожиданно обратился в бегство. Изумленный этим чудесным исходом, Бен-Галь стряхнул усталость, собрал воедино около двадцати танков и организовал преследование отступающих сирийцев, нанося урон и танкам, и бронетранспортерам противника. Через несколько часов дорога Кунейтра—Манара, последняя израильская магистраль центрального района Голан, была освобождена от сирийских войск. Этан послал Бен-Галю короткую и выразительную радиogramму: “Твои ребята спасли народ Израиля!” И сказанное отнюдь не было преувеличением. Своим бесстрашием эта горстка юношей, едва державшихся на ногах от усталости, отвела нависшую над страной тень новой Катастрофы.

Накануне, когда ситуация на южном участке Голанского фронта, казалось, висела на волоске, Голда Меир велела Хаиму Бар-Леву, бывшему начальнику Генштаба и нынешнему члену кабинета министров, побывать на Голанах и оценить обстановку — с точки зрения высказанного Даяном предложения об отходе на новые позиции. Бар-Лев проинспектировал все зоны боевых действий, передавая окружающим присущую ему невозмутимость и чувство уверенности в себе. Этой ночью, по возвращении, он высказал свою точку зрения, получившую полную поддержку Элазара и Хофи, командующего Северным фронтом: об отступлении не может быть и речи. Напротив, израильские войска завтра утром начнут наступление в районе Рафида. Ожидается, что к этому времени резервная танковая бригада генерала “Мусы” Пеледа²¹ будет развернута в боевой порядок и гото-

21 Пелед Йосеф (Муса; р. 1941) — израильский военный и политический деятель. Родился в Бельгии. Родители вскоре после его рождения были заключены нацистами в лагерь уничтожения. До шести лет воспитывался в христианской семье. В 1948 г. вместе со спасшейся из лагеря матерью репатриировался в Израиль. Жил в *кибуце* Негба. С 1959 г. служил в *Цабаль*, в танковых частях. Во время Шестидневной войны командовал ротой; во время Войны на истощение был командиром танкового батальона на Синае. Во время Войны Судного дня командовал танковой бригадой; сражавшейся на Голанских высотах. Военное образование получил в Высшем штаб-

ва к атаке. Дальнейшие события развивались согласно этому плану. Хотя часть танков доставлялась к месту назначения с задержками, а некоторые и вовсе прибывали своим ходом, бригада Пеледа, едва только ее численность достигла полного боевого состава, немедленно двинулась в направлении Рафида.

Вот так, ранним утром 9 октября, началась контратака на южном участке Голанского фронта. Танки Пеледа пошли в направлении Эл-Ал — Рафид. Это было тяжелое продвижение с боем, под огнем сирийских танков и артиллерии. Старые израильские “Супершерманы” — против новейших советских “Т-62”. И в который раз решающим фактором стали боевой дух израильских солдат и их искусство боевой стрельбы. Несмотря на тяжелые потери, Пелед неуклонно продвигался в северном направлении, а его силы пополнялись по мере подхода новых резервов — и живой силы, и техники. Вскоре на Голаны прибыла израильская танковая дивизия под командованием генерала Дана Ланера²² и двинулась рядом с бригадой Пеледа. К вечеру 9 октября танкисты и мотопехота Ланера разрезали пути снабжения крупнейшей сирийской группировки в районе Хушнии, а танки Пеледа завершили окружение противника. Поначалу ведя боевые действия едва ли не вслепую, израильтяне постепенно восстановили свойственные им согласо-

ном колледже *Цаїаль* и в Высшем военном колледже британской армии. Изучал в Тель-Авивском университете всеобщую историю. В 1974–1982 гг. последовательно командовал Центральной тренировочной базой *Цаїаль*; резервной дивизией; регулярной дивизией; был заместителем начальника Военного колледжа. В 1983–1986 гг. руководил отделом подготовки личного состава в Генштабе. В 1986–1990 гг. в звании генерал-майора командовал Северным округом. В феврале 2009 был избран в *кнессет* 18-го созыва по списку движения *Ликуд*.

- 22 Ланер Дан (1922–1988) — израильский военный деятель. Родился в Австрии, участвовал в молодежном сионистском движении. После аншлюса Австрии Германией в 1938 г. бежал из страны. С 1940 г. жил в Эрец-Исраэль. Один из основателей *кибуца* Неот-Мордахай. В 1940 г. вступил в *Палмах*, был направлен в “германский” отдел. В 1944 г. по согласованию с командованием *Гаганы* был направлен английским командованием в Югославию, в партизанскую армию И. Тито для организации спасения евреев (был выброшен с парашютом). По окончании войны вернулся в Израиль. В 1946 г. окончил курс командиров отделений *Палмах*. После начала Войны за независимость был назначен командиром батальона в бригаде *Ифтах*. В 1950 г. Ланеру было присвоено звание полковника, и он был назначен командиром бригады *Голани*. В 1951 г. уволился из армии и вернулся в *кибуц*. С 1965 г. вернулся в армию и был назначен начальником штаба Северного округа. Во время Шестидневной войны командовал израильскими войсками, прорвавшими сирийскую оборону в северной части Голанских высот. В 1970 г. Ланеру было присвоено звание генерал-майора, и он был назначен командиром дивизии на Синае. В 1972 г. уволился в отставку. Сразу же после начала Войны Судного дня был призван в армию и назначен командиром танковой резервной дивизии, сражавшейся на Голанских высотах. После окончания войны находился в отставке.

ванность действий и нетривиальность тактических решений. Солдаты ощущали естественную усталость, но они начинали осознавать происходящие перемены.

На рассвете 10 октября Пелед усилил натиск и, несмотря на отчаянное сопротивление все еще сильных и дисциплинированных сирийцев, взял под контроль дорогу Хушния—Рафид. Израильские войска снова вошли в Кунейтру, столицу Голан, которую сирийцам удалось отвоевать в первые сутки военных действий — о чем мало кто знал в Израиле. Дивизия Пеледа остановилась для отдыха и переформирования, а дивизия Ланера продолжила наступление. Примерно к двум часам дня, через четверо суток после начала сирийского вторжения, в пределах Пурпурной линии, обозначающей границу прекращения огня 1967 г., вряд ли можно было найти хотя бы один сирийский танк в боеспособном состоянии. На обочинах дорог, по которым наступали израильтяне, оставалось 867 подбитых танков противника, более 3 тыс. бронетранспортеров, сотни противотанковых пушек, горы прочей боевой техники. Сирийское командование бросило в наступление против Израиля все свои ресурсы, имея несомненное преимущество в живой силе и технике — не говоря уже о факторе внезапности; и вот теперь цвет их вооруженных сил был разбит, искорежен и разбросан по всей территории Голанских высот.

Схватка покровителей

Египетская военная кампания вышла далеко за пределы района боев в зоне Суэцкого канала. Боевые действия распространились более чем на тысячу миль к югу от Суэца, до Баб-эль-Мандебского пролива, находящегося между восточным выступом Африканского континента и юго-западной оконечностью Аравийского полуострова и соединяющего Красное море и Индийский океан. Там египтяне арендовали у Народной Демократической Республики Йемен остров Перим, используя его с той же целью, с какой Насер использовал Шарм-аш-Шейх в 1967 г. — то есть расположив там гарнизон, блокировавший движение судов, направлявшихся в израильский порт Эйлат. Тем самым Израиль оказался отрезанным от поставок иранской нефти, а транспортировка нефти, добываемой на промыслах Абу-Рудейса, стала слишком опасным делом; таким образом, израильтянам пришлось использовать стратегические нефтяные запасы и направлять танкеры в средиземноморские порты вокруг мыса Доброй Надежды. Все это представляло серьезную угрозу для экономики страны.

К этому времени военные действия на Суэцком полуострове и Голанских высотах стали приобретать международный резонанс и потребовали реакции

Великих держав. США были готовы вмешаться в конфликт, и уже через два часа после начала арабских наступательных действий Вашингтон призвал к прекращению огня и возвращению сторон к положению до 6 октября. Правда, Государственный секретарь США Генри Киссинджер не особо надеялся, что египтяне или сирийцы, добившись успехов на первом этапе, согласятся на прекращение огня и возврат на предыдущие позиции. Не оставил никаких сомнений по этому поводу и сам Садат, встретившийся вечером 6 октября с послом Великобритании в Каире. Египетский президент подчеркнул, что единственный приемлемый вариант прекращения огня мог быть основан на претворении в жизнь Резолюции ООН № 242 (в той интерпретации, которую давали этому документу арабские страны). Если арабы и были заинтересованы во вмешательстве ООН, то разве что на уровне Генеральной Ассамблеи, созвать которую в кратчайшие сроки не представлялось возможным — не говоря уже о том, что в рамках этого международного форума страны афро-азиатского блока имели значительное численное превосходство.

Впрочем, у Египта и Сирии не было никаких оснований опасаться решения Совета Безопасности. По просьбе США Совет собрался 8 октября на заседание, длившееся менее часа, и не принял никакого решения; затем заседание было возобновлено на следующий день, прошло в бесполезных дебатах и также не дало никаких результатов. Представитель США Джон Скали потребовал прекращения огня и безотлагательного возвращения войск на позиции 6 октября. Усилия эти, впрочем, как и предполагал Киссинджер, оказались тщетными. Франция и Великобритания, открыто потворствуя арабам (Гл. XXV. Израиль снова в изоляции), выступили с требованиями, согласно которым стороны конфликта должны были оставаться на местах, занимаемых ими на момент прекращения огня. Представитель СССР Я. А. Малик пошел еще дальше, решительно поддержав условия прекращения огня, выдвинутые арабскими странами, — речь шла о полном отходе Израиля к границам до 1967 г. Он обрушился с критикой на “грязную политику и варварство” израильских лидеров, охарактеризовав правительство Израиля как гнездо “кровожадных гангстеров”. На этом Совет, чьи действия были парализованы вследствие тупиковых позиций, занятых СССР и США, прекратил свои заседания, которые возобновились уже в период между 12 октября и 21 октября. Пока что и Москва, и арабы были вполне удовлетворены отсутствием прогресса в сфере дипломатии. Они полагали, что время работает против Израиля.

Между тем, поскольку военная ситуация отчасти стабилизировалась к 10 октября — на Голанах Израиль вернулся на свои довоенные позиции, а египетские войска понемногу продвигались на восток от Суэцкого канала, — Киссинджер переменял свою политическую линию и предпринял попытку убедить израильтян, чтобы те согласились на прекращение огня при

условии, что стороны конфликта должны будут оставаться на местах, занимаемых ими по состоянию на момент прекращения военных действий. Сначала Израиль с возмущением отверг такое предложение. Но через два дня израильтяне обратились с просьбой о безотлагательной военной помощи (Гл. XXIV. Схватка покровителей), и Киссинджер решил, что ему удастся настоять на своем. На следующий день Голда Меир, выступая по телевидению, дала понять, что израильтяне готовы приступить к переговорам, если арабские страны согласятся на прекращение огня. И тут сомнения возникли у советской стороны: смогут ли сирийцы удержаться на занимаемых ими позициях и сумеют ли египтяне продвинуться еще дальше в глубь Синая? Киссинджер надеялся, как ему дал понять А. Ф. Добрынин²³, посол СССР в США, что Садат (с одобрения Москвы) может в конце концов согласиться на предложение о прекращении огня, при том условии, что стороны останутся на местах по состоянию на момент прекращения военных действий. Но Садат на это не согласился. После первых дней войны он ощущал себя на вершине успеха. И вышло так, что, сам того не подозревая, он этим отказом лишил себя плодов своей победы.

Тем временем Советский Союз всячески демонстрировал, что решительно настроен на то, чтобы обеспечить арабам сохранение уже завоеванного к тому времени на полях сражений. Когда председатель Революционного совета Алжира Хуари Бумедьен²⁴ прибыл 9 октября с визитом в Москву, министр обороны СССР маршал А. А. Гречко публично призвал все арабские страны оказать помощь Египту и Сирии живой силой и транспортными средствами. Гречко вообще зашел очень далеко, заявив, что араб-

23 Добрынин Анатолий Федорович (1919–2010) — советский государственный и политический деятель. В 1942 г. окончил Московский авиационный институт, в 1946 г. — Высшую дипломатическую школу МИДа. В 1947–1952 гг. работал в аппарате МИДа. В 1952–1955 гг. — советник, затем советник-посланник посольства СССР в США; в 1955–1957 гг. — помощник министра иностранных дел СССР. В 1957 — марте 1960 гг. — заместитель Генерального секретаря ООН. В 1960–1966 гг. — зав. отдела МИДа СССР, в 1962–1986 гг. — посол СССР в США. Член ЦК КПСС с 1971 г. В 1986–1989 гг. — секретарь ЦК КПСС.

24 Бумедьен Хуари (1925–1978) — алжирский военный, политический и государственный деятель. Высшее образование получил в университетах Зитуна (Тунис) и Аль-Асхара (Египет). По профессии учитель. Преподавал арабский язык в Каире. В 1955 г. нелегально вернулся в Алжир и стал участвовать в партизанском движении против французских властей. В 1957 г. получил звание подполковника. В 1958 г. был назначен командующим повстанческими войсками провинции Оран. В 1960–1962 гг. был членом Национального совета Алжирской революции и начальником Генштаба Армии национального освобождения. С сентября 1962 г. — министр национальной обороны Алжира, в 1963–1965 гг. занимал также пост первого заместителя председателя Совета министров. После отстранения в июне 1965 г. от власти президента Алжира А. Бен Белы — председатель Революционного совета и Совета министров. В 1976–1978 гг. — президент Алжира.

ские армии не должны останавливаться, даже когда они пересекут границы с Израилем 1967 г. В то же время газета “Правда” выступила с призывом к арабским странам в самой полной мере использовать нефтяную блокаду и даже изъять свои многомиллиардные вклады из западных банков. Впрочем, военная помощь, оказываемая Советским Союзом, значительно превосходила всю его дипломатическую и моральную поддержку. У восточных берегов Средиземного моря находилось впечатляющее число кораблей ВМС СССР, и под их защитой одно за другим входили в порты Александрии и Латакии и вставали под разгрузку советские суда, оправившиеся в путь еще задолго до начала египетско-сирийского наступления и доставившие тысячи тонн оружия и боеприпасов. Кроме того, 9 октября началась переброска вооружений по воздуху. С авиабаз, расположенных в Венгрии, гигантские транспортные самолеты Ан-12 доставляли на военный аэродром около Пальмиры, к северо-западу от Дамаска, танки, артиллерийские орудия и истребители в частично демонтированном виде. Транспортные самолеты дальнего действия Ан-22 “Антей” совершали рейсы из СССР в Каир. К 12 октября перевозки достигли своего пика, и каждый час садилось 18 самолетов. В период 9–22 октября в среднем прилетало 30 самолетов в день.

Как беззастенчивость, так и масштабы советского вмешательства стали буквально потрясением для Госсекретаря США Генри Киссинджера. Бывший профессор Гарварда пользовался репутацией архитектора разрядки; это был человек, который обеспечил участие СССР в прекращении Вьетнамской войны, организовал переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ)²⁵, заложил основы “новых и конструктивных отношений” с Москвой и Пекином. Переоцененные в свое время, эти достижения предстали в истинном свете именно тогда, когда Советский Союз принялся активно раздувать пламя ближневосточной войны. В Кремле были твердо уверены, что если Садат и Асад продолжат военные действия после 12 октября, им больше не придется сталкиваться с Израилем на поле боя. Москва поставила на карту свой престиж и доверие к себе.

Однако то же самое можно было сказать и про Вашингтон. Теперь, когда президент США увяз в Уотергейтском скандале, многое зависело от дей-

25 Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ). ОСВ I — временное соглашение между СССР и США, подписанное в Москве 26 мая 1972 г. сроком на пять лет. ОСВ I устанавливает контроль над ограничением согласованного числа соответствующих типов ракет. 24 сентября 1972 г. стороны заявили о намерении не предпринимать действий, несовместимых с этим соглашением, — при условии, что другая сторона будет проявлять такую же сдержанность. ОСВ II — договор между СССР и США, подписанный в Вене 18 июля 1979 г. сроком действия до 31 декабря 1985 г. В силу не вступил из-за того, что сенат США отказался его ратифицировать. Фактически же обе стороны придерживались предусмотренных договором ограничений.

ствий Киссинджера. Ранее, будучи советником президента по вопросам национальной безопасности, Киссинджер старался по возможности занимать сдержанную позицию в ближневосточных делах. Отдавая себе отчет в том, что его личная точка зрения, как еврея, достаточно уязвима, он предпочитал передоверять вопросы арабо-израильских отношений Госдепартаменту. Впрочем, он никогда не скрывал своего мнения относительно того, что у США имеются “исторические обязательства” перед Израилем и что обеспечение безопасности Израиля — в интересах США. В конечном итоге ведь именно он, а не Госсекретарь США Роджерс в 1970 г. убедил Никсона продать “Фантомы” Израилю. И в сентябре того же года, во время сирийского вторжения в Иорданию, Киссинджер оказался более действенным политиком, чем Роджерс. Он спросил генерала Ицхака Рабина, бывшего тогда послом Израиля в Вашингтоне, обеспечит ли правительство Голды Меир поддержку иорданцам. Рабин ответил утвердительно. И вот в рамках этой негласной договоренности были организованы крупномасштабные маневры израильских танковых частей вблизи иорданской границы, а корабли Шестого флота США вполне недвусмысленно подошли к восточному берегу Средиземного моря. Ободренный этой демонстрацией американо-израильской мощи, король Хусейн начал решительную контратаку против сирийских частей. Танковые войска и ВВС Иордании нанесли значительный урон сирийским танкам и вытеснили захватчика за пределы страны (Гл. XXII. Усиление арабского сопротивления). Кризис закончился. Киссинджер и Рабин обменялись рукопожатиями. С тех пор израильтяне прониклись доверием к Киссинджеру.

Это доверие подверглось серьезному испытанию в дни Войны Судного дня. Получив информацию о крайне неблагоприятном развитии событий, посол Израиля в США Симха Диниц²⁶ обратился 8 октября к Киссинджеру с просьбой о военной помощи. Он напомнил Госсекретарю о том, что Голда Меир согласилась не наносить упреждающего удара по противнику, и эта сдержанность стоила Израилю больших потерь в живой силе и технике; теперь Израилю жизненно необходимы поставки вооружений, в первую оче-

26 Диниц Симха (1929–2003) — израильский политический деятель. По окончании средней школы вступил в *Гагану*, в рядах *Цагаля* участвовал в Войне за независимость. Высшее образование получил в области международного права в Джорджтаунском университете в Вашингтоне. В 1960 г. был назначен заместителем генерального директора МИДа Израиля; в 1962 г. — генеральный директор МИДа, в 1963–1966 гг. — политический секретарь министра иностранных дел. В 1966–1968 гг. — израильский посланник в Италии, в 1968–1969 гг. — в США. В 1969–1973 гг. занимал должность главы канцелярии премьер-министра Голды Меир. В 1973–1979 гг. — посол Израиля в США. В 1979–1984 гг. — вице-президент Еврейского университета. В 1987–1994 гг. — председатель Еврейского агентства и Всемирной Сионистской организации.

редь истребителей, танков и артиллерийских боеприпасов. Киссинджер положительно отнесся к сказанному, но его реакция была очень осторожной. Ему вовсе не хотелось вызывать ответную реакцию Советского Союза или арабских нефтедобывающих стран. Он знал также, что общественное мнение в стране противится новой вовлеченности США в зарубежные дела. Более того, Джозеф Сиско и другие эксперты ближневосточного отдела Госдепартамента высказывались в пользу невмешательства в ситуацию на Синайском полуострове: Египет был основной страной региона, от которой зависело, быть ли миру на Ближнем Востоке, и, после того как он восстановил свою воинскую честь, не следовало способствовать его новому унижению. Киссинджер с пониманием отнесся к этим рассуждениям и аргументам.

Но наряду с этим Госсекретарь располагал достоверной информацией о проблемах Израиля, в частности о значительных потерях авиации, вызванных огнем советских ракетных установок ЗУР-6. Еще 8 октября Киссинджер дал разрешение на отправку (самолетами компании *Эль-Аль*) боеприпасов и запчастей с авиабаз США. На следующий день они вместе с президентом приняли решение о пополнении боевых сил авиации Израиля. А вскоре стала поступать информация о поставках советского оружия — и не только морским путем. Американская станция радиотехнической разведки на Кипре сообщила о регулярных перебросках советских вооружений по воздушному мосту в Сирию. Появились донесения о том, что СССР подстрекает другие арабские страны, призывая их принять участие в военных действиях. В свете всех этих новостей Киссинджер принял 11 октября принципиальное решение: необходимо воспрепятствовать действиям Советского Союза на Ближнем Востоке, и не только ради безопасности Израиля, но и для того, чтобы продемонстрировать силу США в этом регионе. Значительные поставки американского оружия помогут Израилю повернуть ход войны, восстановят баланс вооружений и тем самым обеспечат Вашингтону возможность оказывать дипломатическое влияние в ходе послевоенных переговоров. Необходимо было продемонстрировать всем арабским странам, что никто не в состоянии одержать победу в регионе, пользуясь исключительно советской поддержкой.

И вот к ночи 12 октября Никсон лично дал распоряжение Пентагону начать переброску американских вооружений в Израиль воздушным путем. Какова бы ни была позиция Министерства обороны США по этому вопросу, выполнение президентского приказа началось незамедлительно. На следующее утро первые «Фантомы» вылетели в Израиль, с дозаправкой на Азорских островах. С военных аэродромов в Нью-Джерси и Делавере стартовали военно-транспортные самолеты большой дальности С-130 «Геркулес» и С-5 «Гэлэкси» с грузом боевой техники, включая танки, запасные танковые трансмиссии, бомбы, снаряды, вертолеты, системы

радиоэлектронного подавления средств ПВО; воздушный мост работал в круглосуточном режиме. Когда первые американские самолеты 14 октября заруливали на стоянку в аэропорту Лод, их пилотов приветствовали девушки — военнослужащие Армии обороны Израиля с букетами цветов. Доставленные грузы немедленно переправлялись к местам боев. В таком режиме, за период с 14 октября по 14 ноября, Соединенные Штаты организовали 566 рейсов и перевезли 22 тыс. тонн различных видов вооружений. Кроме того, были осуществлены и поставки морским транспортом. В общей сложности США поставили Израилю вооружений на сумму 825 млн долларов, не считая затрат на транспортировку. Никсон 19 октября запросил у конгресса ассигновать 2,2 млрд долларов для покрытия этих расходов, а также в счет последующей военной помощи Израилю — “с тем, чтобы сохранить баланс сил и тем самым обеспечить стабильность положения на Ближнем Востоке”. Упоминание относительно “баланса сил” было более чем уместным. Военная помощь США способствовала перелому хода военных действий.

Стабилизация ситуации и контрнаступление

Результаты проведенной наконец-то, хотя и с запозданием, полной мобилизации стали очевидными прежде всего на Северном фронте. К 9–10 октября израильские войска уже оттеснили сирийцев за старую линию прекращения огня. Тем не менее Элазар подчеркнул, что нельзя дать Сирии возможность прийти в себя и воспользоваться новым оружием, продолжавшим поступать из СССР, и уж тем более не следует упускать шанс нанести своему северному врагу решающий удар. Таким образом, вечером 10 октября в Генштабе было принято решение проникнуть не меньше чем на 12 миль за Пурпурную линию (линию прекращения огня 1967 г.) и тем самым полностью исключить сирийскую опасность. Кабинет министров одобрил это решение. Генерал Хофи, не теряя времени, отдал приказ о начале наступления от границы северного сектора Голан, откуда расстояние до Дамаска по прямой являлось кратчайшим. Дивизия Ланера должна была двигаться по шоссе Кунейтра—Дамаск, причем танкисты Бен-Галя — на острие клина. Час “Ч” был назначен на следующий день, на одиннадцать утра.

Тем временем израильские технические подразделения спешно ремонтировали вышедшие из строя танки. Был восстановлен боевой потенциал нескольких бригад, в том числе и бригады Барака, потерявшей значительную часть техники, не говоря о потерях 90% взводных командиров. Теперь заметно возросли и боевая мощь, и моральный дух израильских частей.

Главной оперативной задачей стал безопасный проход по холмистой и поросшей лесом местности, через минные поля. Седьмая танковая двигалась точно по графику. Первое сопротивление оказала марокканская танковая бригада, но ее удалось с легкостью рассеять. Столкновение с сирийскими частями потребовало более значительных усилий, но танки и пехота Ланера, вбив клин в оборону противника, продолжили движение по шоссе в направлении Дамаска. Меньше чем через сутки сирийское командование стало проявлять признаки паники, а руководство страны обратилось с отчаянными призывами о помощи ко всем странам арабского мира.

Угрозы, которые прозвучали из Москвы, отразили степень паники, царившей также и в советском руководстве: «Советский Союз не может оставаться безразличным к преступным действиям израильской армии». Посол Добрынин в Вашингтоне 12 октября проинформировал Киссинджера о том, что две советские воздушно-десантные дивизии находятся в состоянии боевой готовности для переброски в Дамаск с целью защиты города. (Собственно говоря, израильская разведка уже доложила, что штабным офицерам этих дивизий предоставлены рабочие помещения в здании сирийского Генштаба.) Американский ответ был твердым и решительным. С одной стороны, в поддержку Шестому флоту были направлены дополнительные соединения ВМС США. С другой же стороны, Киссинджер в категорической форме заявил израильскому послу Диницу, что израильские войска должны остановить свое продвижение. Впрочем, этот запрет был излишним — правительство Меир и без того уже приняло решение не идти на риск штурма сирийской столицы, тем более что Дамаск сам по себе не имел никакой военной значимости. Вместо этого Ланер, преодолевая сопротивление противника, овладел дорогами, ведущими к Дамаску; в ходе боев были уничтожены две иракские танковые бригады. Тем временем баасистский режим, не зная о планах Израиля, продолжал свои отчаянные призывы о помощи. И такую помощь они в известном смысле получили — от Иордании.

Король Хусейн не ожидал подобного развития событий. Хашимитский правитель не рисковал ввязываться в полномасштабные военные действия — разве что израильтяне форсируют Иордан или подвергнут бомбардировкам иорданские города. Кстати, Израиль, в отличие от ситуации в 1967 г., практически не имел никаких войск на своей восточной границе. Не располагая этой информацией, Хусейн решил 13 октября начать военные действия — хотя и не напрямую и в ограниченных масштабах. Он отдал приказ Четвертой танковой бригаде не атаковать израильские позиции, а двигаться в северном направлении с целью усиления арабских частей на сирийском фронте. Через три дня иорданские танки вступили в боевое соприкосновение с израильтянами и понесли серьезный урон от превосходя-

щих их в тактическом отношении израильских танкистов. На следующий день иорданцы еще раз вступили в бой, поддерживая с фланга атаку иракских танков — в результате и те и другие понесли значительные потери. Израильское командование решило не делать иорданские неудачи достоянием гласности — было известно, что Хусейн, в целом приверженец умеренной политики, был втянут в войну против своей воли. Разумнее было не подрывать его авторитет — тем более что на Восточном и Западном берегах Иордана по-прежнему царил мир и спокойствие и мосты через реку были открыты в обоих направлениях.

К 18 октября бригада Пеледа контролировала равнинную местность, простиравшуюся вплоть до окраин Дамаска, и израильские танки отделились от города расстояние всего в 22 мили. Пригороды Дамаска находились в пределах досягаемости огня израильской артиллерии. На этой удобной позиции можно было укрепиться и перегруппироваться. Несмотря на то что сирийцы ежедневно пытались контратаковать израильтян, те не предпринимали никаких действий по захвату Дамаска. А ночью 20 октября Хофи отдал приказ о взятии вершин Хермона. Парашютисты-десантники были переброшены вертолетами для организации атаки на сирийские позиции, в то время как бойцы бригады *Голани* должны были отвоевать станцию радиолокационного наблюдения, оставленную израильтянами в первые часы войны. Вертолеты с десантниками взлетели в два часа ночи 21 октября. Им предстояло продвинуться на расстояние в пять миль под огнем сирийской артиллерии. Сирийцы прекратили сопротивление к ночи, и на рассвете 22 октября гребень горы был захвачен израильтянами. Тем временем бойцы бригады *Голани* с большим трудом продолжали свое движение по трем направлениям при поддержке пяти танков. Им противостояли сирийские командос, укрывшиеся в хорошо оборудованных окопах и имевшие стрелковое оружие с прицелами ночного видения. Израильтяне несли тяжелые потери, но неуклонно шли вперед. К десяти утра они захватили высоту, на которой была расположена станция радиолокационного наблюдения; победа далась дорогой ценой: 41 человек был убит и 100 ранено. Эта операция вернула Израилю его “зрение”.

Успешные боевые действия вели и другие рода войск Израиля. Как только началась война, был полностью мобилизован личный состав ВВС. Нельзя не признать, что план боевых действий авиации не предусматривал мер тактико-оборонительного характера на тот случай, если противник будет форсировать Суэцкий канал по всему фронту. Кроме того, пилоты не имели достаточных сведений относительно плотности огня и дальности советских установок ЗУР, бывших на вооружении египетских сил ПВО. Вследствие этого суммарные потери Израиля составили 114 самолетов, то есть порядка 20% всех истребителей-бомбардировщиков израиль-

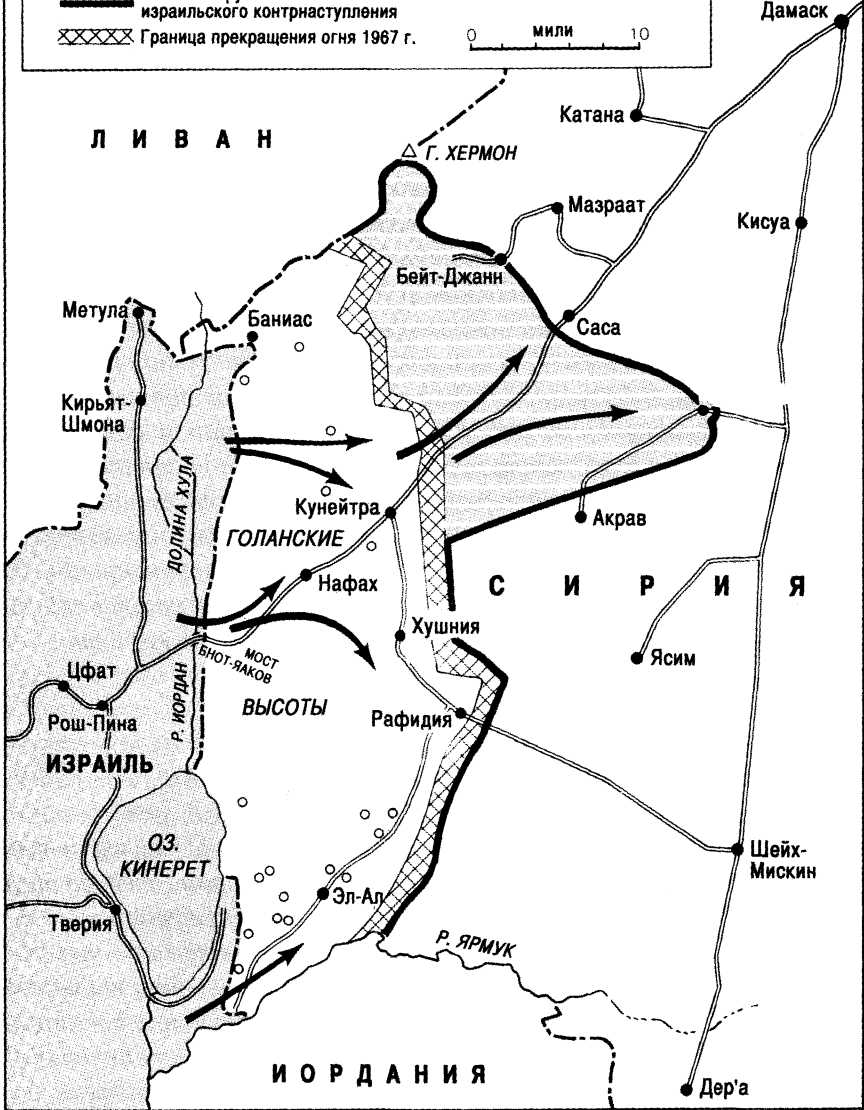
ских ВВС, что более чем вдвое превышало число сбитых израильских самолетов в Шестидневную войну. Однако боевые потери были, в относительном выражении, меньше, чем в 1967 г., поскольку общее число боевых вылетов в 1973 г. было значительно больше. Несмотря на потери, ВВС обеспечили Израилю — включая значительную часть Синайского полуострова и Голанских высот — надежную защиту от воздушных налетов противника. Не менее 450 арабских самолетов было сбито в воздушных боях, и еще 48 самолетов уничтожили средства противовоздушной обороны. Израильтяне потеряли в воздушных боях 20 самолетов. Ближе к концу войны случилось, что сирийцы и египтяне бросали в бой практически все имевшиеся у них самолеты, и в такие дни их суммарные потери достигали численности целой эскадрильи. Сбитый арабский самолет обычно означал гибель летчика и штурмана (в отличие от 1967 г., когда большинство арабских самолетов было уничтожено прямо на аэродромах), и нехватка обученного летного персонала ощущалась арабами на протяжении еще многих лет.

Израильские ВМС особенно хорошо проявили себя во время октябрьских боев. В 1967 г. вооружение израильских судов было несовершенным, а их участие в боевых действиях минимальным. Но, возможно, именно вследствие столь незначительных успехов военный флот стал единственным родом войск Израиля, который готовился к следующей войне без оглядки на прошлое. Уделив ключевое внимание электронным системам вооружений и тактической маневренности, ВМС после 1967 г. приступили к созданию принципиально нового флота, основой которого стали быстроходные ракетные катера. Большинство этих судов было построено во Франции (и тайно уведено оттуда, несмотря на французское эмбарго, наложенное по следам Шестидневной войны), но впоследствии катера стали строиться на израильской верфи; все корабли имели на вооружении израильские противокорабельные ракеты “Габриэль”. Как и ВВС, ВМС были полностью мобилизованы в октябре 1973 г., и утром 6 октября контр-адмирал Биньямин Телем вывел весь флот в море. Сразу же после начала военных действий оперативное соединение в составе пяти ракетных катеров было направлено к берегам Сирии. Там, на выходе из порта Латакия, в ночь с 6 на 7 октября, они вступили в бой с тремя сирийскими ракетноносцами. Обе стороны открыли беглый огонь, и после получасового боя все три сирийских корабля были потоплены. Стало ясно, что после 1967 г. израильские специалисты сумели разработать средства радиоэлектронного подавления систем управления противокорабельными ракетами советского производства “Термит”. В то же время израильские противокорабельные ракеты “Габриэль”, имевшие меньшую дальность, создавались как ракеты с предельно малой высотой полета над водной поверхностью, и помехи, создаваемые морскими волнами, дезорганизовывали работу советских средств радиоэлектронного подавления.

**ИЗРАИЛЬСКОЕ КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ
ДО ПРЕКРАЩЕНИЯ ОГНЯ 22-24 ОКТЯБРЯ 1973 г.**

- ← Израильское контрнаступление
- Конечный рубеж израильского контрнаступления
- ⊗ Граница прекращения огня 1967 г.
- Новые израильские поселения на Голанских высотах

0 мили 10

Той же ночью другое соединение ракетных катеров подошло к Порт-Саиду, и израильские моряки, потопив один египетский ракетносец, обратили в бегство два других корабля. В ночь с 8 на 9 октября шесть израильских ракетных катеров обстреляли египетские береговые сооружения. Затем, вступив в бой с четырьмя египетскими ракетными катерами, они в течение получаса потопили три корабля противника. И в дальнейшем, на протяжении всего периода военных действий, израильские моряки непрерывно атаковали береговые сооружения Египта и Сирии — все более дерзко и практически безнаказанно.

Израильские сторожевые и ракетные катера обстреливали сирийские пристани и нефтехранилища, разрушали сирийские и египетские береговые батареи и даже взлетно-посадочные полосы сирийских аэродромов, атаковали и топили корабли противника. А 21 октября три израильских ракетных катера серии “Решеф” бесстрашно вошли в дельту Нила и неподалеку от Александрии уничтожили два египетских радиолокационных дозора. Военно-морские силы Египта и Сирии были полностью деморализованы, и корабли противника опасались выходить за пределы акватории своих портов. Более того, когда египтяне блокировали Баб-эль-Мандебский пролив, израильтяне оперативно предприняли аналогичные меры в Суэцком заливе, препятствуя движению танкеров, направлявшихся в Египет. За время войны немногочисленный и быстроходный израильский военно-морской флот не только обеспечил надежную охрану торговых судов, следовавших в средиземноморские порты Израиля, но и нанес серьезный урон инфраструктуре сирийского и египетского побережья, а также потопил 19 арабских судов, в том числе и 10 ракетносецев, не потеряв при этом ни единого своего корабля.

Перемена ситуации на Южном фронте

В тот самый день, 11 октября, когда израильские танковые части взломали линию сирийской обороны, Генштаб по инициативе Элазара принял решение сосредоточить теперь основные силы на Южном фронте. К этому времени на восточном берегу Суэцкого канала находилось уже 70 тыс. египетских солдат, и противник создал сильную линию обороны глубиной до шести миль. Все попытки атаковать египетский плацдарм 8 и 9 октября окончились для израильтян неудачно и привели к тяжелым потерям. Действуя согласно советской военной доктрине, египтяне готовились ко второй стадии операции, оперативно-тактическому прорыву. Вопрос был только в выборе времени. Начальник Генштаба Египта Шазли предлагал немедленно перевести все танковые войска с западного берега Суэцкого канала и

начать движение двумя колоннами в глубь Синайского полуострова, в сторону Суэцкого залива. Военный министр Исмаил, однако, склонялся к более осторожному развитию событий. Он хотел расширить фронт и с этой целью отдал Шазли приказ усилить танковые и артиллерийские части; вопрос о новом наступлении министр предложил рассмотреть позже.

Тем временем генерал Гонен, командующий израильским Южным фронтом, избрал стратегию, зеркально отображающую египетский план, и с 9 октября решил вести войну на сдерживание противника, чтобы блокировать его попытки выйти к ключевым перевалам полуострова. Следующие несколько дней израильтяне использовали в своих интересах. По мере проведения мобилизации части пополнялись за счет призванных резервистов и одновременно проводился ремонт техники, поврежденной в ходе боевых действий. В период 9–13 октября дивизия Адана, которая вынесла основную тяжесть злополучной контратаки 8–9 октября, полностью восстановила свой численный состав. Колонны танков и бронетранспортеров начали прибывать не только из центра страны, но и с Голанских высот. Перед перевалами Митла и Гиди стала выстраиваться стена бронетехники.

Вместе с тем в намерения израильского Генштаба не входило завязнуть в трясине еще одной войны на истощение. Все планы военных операций, начиная еще с 1968 г., предусматривали быструю контратаку с форсированием Суэцкого канала и перенесение боевых действий на территорию Египта. На протяжении нескольких предыдущих лет Южным округом командовал Шарон, и он планировал именно такой порядок действий. Под его руководством создавалось оборудование для переправы и выбирались подходящие места на берегу. Одно из таких оптимальных мест было определено на стыке канала и Большого Горького озера. Озеро обеспечивало естественную защиту южного фланга амфибийных десантных сил, и здесь Шарон распорядился расчистить бульдозерами две дороги вдоль восточного берега Суэцкого канала. Тут же была сооружена площадка для стоянки техники, 150 на 400 ярдов, защищенная высоким земляным валом. Вся эта зона, предназначенная для накопления техники перед началом форсирования канала, получила название «Лагерь». Насыпь вдоль берега канала в одном месте была более узкой, и Шарон собственноручно обозначил это место красными кирпичами — здесь должно было начаться форсирование канала.

В первые, тяжелые дни войны мало что могло быть сделано для претворения этого плана в жизнь. Но утром 6 октября Шарон был отозван из резерва и получил предложение возглавить поспешно сформированную дивизию из числа мобилизованных резервистов. После начала военных действий он возглавил участок фронта в районе Исмаилии, и 8–9 октября совместно с Аданом проводил неудачную контратаку на египетский плацдарм. Именно в ходе этой безуспешной операции один из батальонов ди-

визии Шарона оказался на перекрестке поблизости от стыка Суэцкого канала и Большого Горького озера. Хотя израильтяне и не вышли к берегу канала, разведка обнаружила нечто очень важное. По чистой случайности выяснилось, что между северным флангом египетской Второй армии и южным флангом Третьей армии генерала Бассела имелась брешь — прямо у “Лагеря”, сооруженного Шароном несколько лет тому назад.

Той же ночью 9 октября Шарон доложил об этом в Генштаб и попросил разрешения приступить к подготовке своей дивизии для незамедлительного форсирования Суэцкого канала. Гонен не дал на это согласия. Если, в дополнение к разгрому дивизии Адана, та же участь постигла бы части Шарона, ничто уже не смогло бы воспрепятствовать египетскому наступлению на Синае. Было также известно, что у египтян имеются в резерве на западном берегу Суэцкого канала две танковые дивизии и что в высшей степени желательно уничтожить их до переправы на восточный берег. Гонен, однако, настаивал на том, что эти резервные дивизии не следует атаковать на западном берегу, но следует позволить им переправиться через канал, где они окажутся без артиллерийской и ракетной поддержки, и тогда можно будет нанести по ним фронтальный удар. Шарон решительно возражал против такого плана. Помимо всего прочего, он не намерен был выслушивать возражения от Гонена, который еще каких-то три месяца тому назад был его подчиненным. Этот конфликт, принявший к тому же личный характер, не был решен до вечера 10 октября, когда на Южный фронт прибыл Бар-Лев в качестве специального “представителя” Элазара с особыми полномочиями. Бар-Лев, действуя от имени Элазара, также не поддержал идею форсировать Суэцкий канал. Продолжая спор и находясь уже на грани неподчинения приказу, Шарон собрался было обратиться прямо к Даяну, но на следующий день ситуация была разрешена благодаря действиям египтян.

Отвечая на отчаянные призывы Асада о помощи и с целью уменьшения израильского давления на разваливающийся Голанский фронт, военный министр Египта утром 11 октября отдал приказ о переправке оставшихся на западном берегу Суэцкого канала 500 танков на Синайский полуостров. Израильские военачальники сразу же согласились, что готовящееся наступление следует встретить фронтальным ударом и что египетские танки надо выманить за пределы зоны их ракетного прикрытия. Точно в соответствии с предположениями Элазара, Бар-Лева и Гонена, египтяне в течение следующих двух дней переправляли войска, включая танки, по понтонным мостам, начав тем самым подготовку ко второй стадии своего прорыва к перевалам Синайского полуострова. Израильтяне в это время активнейшим образом укрепляли свои позиции, передислоцировав 430 танков к западу от перевалов Гиди и Митла. Спустя недолгое время почти тысяча танков была сосредоточена в западной части Синае — больше, чем

участвовало в битве при Эль-Аламейне 31 год тому назад. Наконец, на рассвете 14 октября, после девяностоминутной артиллерийской подготовки, египтяне начали движение на восток; острое атаки было направлено на перевал Гиди. Тяжелый бой продолжался полдня; за первые два часа действий было выведено из строя более 250 египетских танков. Когда египтяне попытались подключить к атаке пехоту, израильтяне уничтожили несколько сот бронетранспортеров. Более опытные израильские танкисты затем отрезали пути отступления одиночным египетским танкам, оторвавшимся от своих частей и пытавшимся выйти из зоны боя, и уничтожили еще 55 машин противника, потеряв при этом всего лишь несколько танков. Бой постепенно прекратился к трем часам дня. Израильтяне выиграли это танковое сражение, итог которого по значимости превзошел победу Монтгомери над Роммелем в 1942 г.

После этого Бар-Лев в полной мере занялся рассмотрением плана, предложенного Шароном. Вечером 14 октября вопрос был обсужден на заседании кабинета министров. Этой же ночью в Израиль прибыл первый американский военно-транспортный самолет "С-5", и начал работать воздушный мост по переброске вооружений. Киссинджер тем временем вел переговоры о прекращении огня, пытаясь оказать нажим на СССР — а там, в свою очередь, ожидали сведений из Каира относительно исхода танкового сражения. Учитывая развитие событий, израильтяне приняли решение не терять времени и немедленно переходить в наступление. В десять вечера Элазар и Бар-Лев одобрили план форсирования Суэцкого канала, назначив операцию на следующий вечер и поручив Шарону представить детальный оперативный план. Согласно этому плану, дивизия Адана должна была с боем пробиваться к району переправы, выходя на "Лагерь" с севера и одновременно осуществляя отвлекающий маневр. Батальоны Шарона начинали переправу первыми, а за ними следовала основная часть дивизии Адана. Предложенный план получил одобрение, и 15 октября, в семнадцать часов, пехота и саперы начали движение от Тасы в направлении Суэцкого канала. В это же время одна из танковых колонн Адана начала отвлекающую атаку в северном направлении, в сторону Исмаилии. Благодаря этому бою удалось отвлечь египетскую Двадцать первую танковую дивизию в направлении дороги Таса—Исмаилия.

Тем временем, в сгущающихся сумерках, солдаты Шарона двинулись в юго-западном направлении, потом в западном, пробираясь по песчаным дюнам к Большому Горькому озеру. Они прошли сквозь брешь между Второй и Третьей египетскими армиями. И тут, когда основная часть оперативной группы Шарона находилась уже на расстоянии нескольких сот метров от Большого Горького озера, она была неожиданно встречена сильным огнем египтян. Начался ожесточенный танковый бой, которому суждено

было продолжаться в течение следующих двух дней. Хотя одной из колонн Шарона удалось выйти во фланг египтянам на дороге Таса, прорвавшись к “Лагерю” по самому берегу Суэцкого канала, основные подразделения Шарона не смогли переправиться через канал и присоединиться к передовым частям, тем более что в наступившей темноте первоначальная схема движения оказалась безнадежно нарушенной. Тогда Шарон решил не ждать установки понтонного моста, а переправляться, как он и планировал на самой ранней стадии разработки операции, с помощью надувных резиновых плотов и малых понтонов. К девяти вечера 200 десантников поплыли через канал и, не замеченные противником, благополучно добрались до западного берега.

Главные трудности ждали израильтян не на западном, а на восточном берегу. Здесь следовало расширять зону переправы, то есть место, где должны были монтироваться понтонные мосты. К несчастью, египтяне устроили в этой зоне несколько засад и одну, наиболее значительную, — в двух милях от намеченного места переправы, на территории бывшего японского сельскохозяйственного центра, известного в Израиле как Китайская ферма. Укрепившись на Китайской ферме и имея в своем распоряжении танки и артиллерийские орудия, египтяне вели непрерывный огонь и не давали возможности частям Шарона продвигаться к назначенному месту. С восходом солнца 16 октября египетская артиллерия повела прицельный огонь по грузовым платформам, на которых доставлялись части мостов. Лишившись возможности использовать понтоны, израильские саперы принятовили танки к баржам и принялись медленно перевозить их через канал. К девяти утра западного берега достигли всего 30 танков и 2 тыс. человек. В это время, с самого рассвета, две израильские танковые бригады, которые также должны были принять участие в форсировании канала, вели яростный бой на подходе к зоне переправы — танки обеих противоборствующих сторон находились буквально на расстоянии десятков метров один от другого. Ракеты, запускаемые с территории Китайской фермы, препятствовали подходу израильских подкреплений. Как ни невероятно это звучит, но египтяне не осознали смысла израильской десантной операции в районе “Лагеря” — они полагали, что это всего лишь попытка выбить их с захваченного плацдарма. Тем не менее, по всем общепринятым военным нормам, попытка Шарона закрепиться на западном берегу окончилась неудачей. Операцию начинала бригада, а через 14 часов через канал переправился всего лишь неполный батальон и незначительное число танков. Не удалось навести ни единого моста. Если бы египтяне атаковали “Лагерь” достаточными силами, да еще и с использованием танков, ситуация была бы еще хуже.

Сам же Шарон, однако, излучал оптимизм. Будучи в числе тех, кто переправился на западный берег, он обнаружил, что египетские части в районе

переправы находятся в состоянии полного замешательства — никто не ожидал от израильтян действий подобного рода. Высшее военное руководство Египта, получив информацию о том, что некоторое количество танков и ракетных установок было уничтожено на западном берегу, предположило, что речь идет о рейде небольшого по численности израильского подразделения. Генералы Генштаба заверили Садата, что для тревоги нет особых причин. Тем более что Садату в тот момент было не до того — он принимал высокого, хотя и нежданного гостя. В Египет прилетел председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. В Советском Союзе возникли опасения, что война достигла критической точки — после разгрома сирийцев на Голанах и израильской победы в танковом сражении 14 октября, и потому Косыгин 15 октября отправился в Каир, чтобы самому на месте разобраться в ситуации. Однако, несмотря на свою многочисленную команду ближневосточных военных советников и наблюдателей, московские гости ничего не знали о том, что израильские войска форсируют Суэцкий канал.

В сложившейся ситуации Шарон рассудил, что необходимо воспользоваться отсутствием реакции Каира на происходящее. Он решил, что переправит солдат и боеприпасы на плотках, лодках и вообще на всем, что может плавать, не задерживаясь ни для расширения зоны переправы на восточном берегу, ни для наведения мостов. К счастью, на следующий день, 17 октября, израильтяне стали одерживать верх в тяжелом бою за подходы к зоне переправы на восточном берегу. Дорогой ценой, ведя бои буквально за каждый метр, танкисты Адана постепенно стали отеснять египтян от дороги к северному окончанию Большого Горького озера. С трудом удалось одержать верх над египтянами, засевшими на территории Китайской фермы. К восьми утра израильские танки пробились к берегу Суэцкого канала, буксируя первые понтоны моста. Через несколько часов удалось подвезти еще понтоны. Мост сооружался под сильным огнем, и израильские саперы несли большие потери. Несмотря ни на что, им удалось завершить свою работу. В полдень к зоне переправы совершила попытку прорыва еще одна египетская танковая бригада, но ее атака была отбита. На протяжении дня было отбито еще несколько танковых атак. Наконец танки Адана начали переправляться на западный берег.

К этому времени в Каире осознали, что переправа израильских войск на западный берег — это не просто краткосрочный рейд и что речь идет о реальной опасности. У египтян на западном берегу оставалась одна единственная мотопехотная дивизия и еще бригада десантников, охранявшая Каир. Генерал Шазли обратился с просьбой к Садату относительно отвода 200 танков из Синая. Президент колебался в течение 36 часов, прежде чем согласился пойти на такое унижение. Пока что Шазли приказал Второй и Третьей армиям совместно атаковать зону переправы на восточном

берегу канала. Ситуация, однако, уже стала необратимой — как на восточном, так и на западном берегу. На восточном берегу израильские подкрепления расширили проход к зоне переправы. На западном берегу 150 танков Адана, переправившиеся туда к наступлению темноты 18 октября, приступили к систематическому уничтожению египетских ракетных батарей, благодаря чему в сети ПВО образовались прорехи. Этим немедленно воспользовались израильские ВВС, обеспечивая тактическую поддержку наземных войск на обоих берегах канала и нанося значительный ущерб противнику. К двадцати трем часам 18 октября был готов второй понтонный мост через канал и сразу было налажено снабжение войск. Две танковые бригады дивизии Шарона, переправившись на западный берег, двинулись в южном направлении, уничтожая на своем пути ракетные батареи ПВО и отдельные встречающиеся танки, а также временные оборонительные сооружения.

В СССР проявляют беспокойство

На протяжении более чем недели военных действий в Советском Союзе наблюдали за развитием событий на Ближнем Востоке со все большим и большим беспокойством. Наконец, 12 октября, Москва выступила с первым демаршем, что вызвало немедленную реакцию США, и корабли Шестого флота получили приказ подойти ближе к берегам Сирии (Гл. XXIV. Стабилизация ситуации и контрнаступление). Затем, 15 октября, как уже было сказано, в Каир вылетел Косыгин для срочных переговоров с Садатом; советский руководитель пробыл в Египте до вечера 18 октября, проведя с Садатом пять продолжительных бесед. Согласно информации югославского телеграфного агентства ТАНЮГ, Косыгин представил египетскому президенту план окончания военных действий из четырех пунктов. Его условия предусматривали прекращение огня при условии, что стороны конфликта остаются на местах, занимаемых ими по состоянию на момент прекращения огня; отход Израиля к границам 1967 г., при незначительных изменениях; созыв международной мирной конференции для проведения переговоров об окончательном урегулировании ближневосточного конфликта; и — самое важное — предоставление “гарантий” по всем пунктам соглашения, включая прекращение огня, со стороны СССР и США.

Однако если Москва, с таким запозданием, предлагала прекращение огня, то Израиль, перехватив инициативу, вряд ли стремился закончить военные действия. Надо подчеркнуть, что и Садат упорствовал во время первых бесед с Косыгиным, все еще не осознавая серьезности своего положения. Тем временем израильское наступление набирало темпы. Уже Третья

танковая дивизия, под командованием генерала Кальмана Магена, углубилась на 16 миль на территорию Египта. И лишь к 18 октября Садат понял, что означает для Египта развитие израильского контрнаступления. Тогда он задал Косыгину весьма существенный вопрос: а что будет, если Египет согласится на прекращение огня, а Израиль — нет? Косыгин заверил египетского президента, что Москва готова самостоятельно обеспечить прекращение огня. После этого Садат парафировал советское предложение. Через два часа Косыгин вылетел в Москву. Теперь ему предстояло получить согласие США.

Той же ночью 18 октября Добрынин представил Киссинджеру советское предложение о прекращении огня, предусматривающее отход Израиля со всех контролируемых территорий, включая Иерусалим. Такая инициатива, безусловно, была обречена на провал, и Киссинджер отверг ее. На следующее утро, однако, Добрынин передал Киссинджеру приглашение Брежнева немедленно прилететь в Москву “для неотложных консультаций”. Ясно было, что невозможно игнорировать едва завуалированную советскую угрозу решить ближневосточный вопрос в одностороннем порядке. Как сказал Киссинджер Никсону, ситуация представляется “смертельно опасной”. Президент США согласился с ним, и Госсекретарь сообщил советской стороне, что вылетает на следующее утро. Отправляясь в Москву на рассвете 20 октября, Киссинджер вез с собой “доверенность” Никсона на подписание любого соглашения от имени президента США. Следует также подчеркнуть, что Киссинджер согласился сам лететь в Москву, вместо того, чтобы Громыко прилетел в Вашингтон, — тем самым он давал Израилю лишние 72 часа для расширения своего плацдарма в Египте.

Самолет Государственного секретаря приземлился в советской столице в девятнадцать тридцать по московскому времени, а через полтора часа Киссинджера уже вводили в кабинет Брежнева. В ходе первой продолжительной беседы Госсекретарь ознакомил советскую сторону с условиями прекращения огня (Гл. XXIV. В СССР проявляют беспокойство). Похоже, что у Брежнева не возникло возражений, и на следующее утро, 21 октября, была назначена вторая встреча, с участием советников и экспертов. Тем временем израильтяне не теряли времени даром. Они осознавали, что до принятия Советом Безопасности ООН резолюции о прекращении огня остается не более двух дней. Поэтому дивизии Магена и Адана полным ходом двинулись по тылам Третьей армии на западном берегу, уничтожая все запасы материальных средств. К этому времени был уже готов третий мост, что еще больше облегчило и ускорило доступ на западный берег, и израильтяне успели переправить туда более половины своих танков. Элазар и Бар-Лев рассчитывали ко времени прекращения огня взять под израильский контроль весь западный берег Суэцкого канала и тем самым полностью вытеснить египтян из Синая.

Тем временем Киссинджер, находясь в Москве и осознавая, что советская сторона не хуже его представляет себе обстановку в районе боев, занимался выработкой деталей соглашения о прекращении огня, которое должно было основываться, в качестве обязательного условия, на прямых переговорах между арабскими государствами и Израилем. СССР согласился на эти условия. В Израиле о результатах советско-американских переговоров узнали из послания, направленного Никсоном Голде Меир. Послание было получено в полночь 21 октября, когда кабинет министров Израиля проводил чрезвычайное заседание, и в нем Никсон со всей искренностью, но вместе с тем и с несомненной твердостью убеждал израильское правительство принять условия меморандума Киссинджера—Брежнева о взаимопонимании, в котором отражена позиция США по всем ключевым вопросам. Он подчеркивал, что в соглашении предусматривается формулировка требования Совета Безопасности ООН прекратить огонь при том условии, что стороны конфликта остаются на местах, занимаемых ими по состоянию на момент прекращения военных действий, и потому оно может быть принято Израилем с позиции силы — ведь ситуация на поле боя в конечном итоге изменилась в пользу Израиля. Тем временем американские поставки вооружений Израилю будут продолжены и после того, как Израиль согласится на прекращение огня. В заключение Никсон особо подчеркнул, что впервые и СССР, и Садат согласились с идеей прямых переговоров между сторонами конфликта, так что это соглашение является выгодным для Израиля, и упускать такой случай было бы неразумно. Всесторонне обсудив послание Никсона с членами своего кабинета, Голда Меир известила Вашингтон о согласии Израиля. Не теряя времени, Киссинджер дал указание сотрудникам Госдепартамента организовать созыв чрезвычайной сессии Совета Безопасности, и СССР присоединился к просьбе США.

Заседание Совета Безопасности состоялось утром 22 октября, и на нем единогласно (при одном воздержавшемся — КНР) была одобрена советско-американская резолюция о прекращении огня, при том условии, что стороны конфликта остаются на местах, занимаемых ими по состоянию на момент прекращения огня; резолюция должна вступить в действие не позднее двенадцати часов с момента ее принятия Советом. Эта Резолюция Совета Безопасности ООН № 338 призывала стороны конфликта “начать, немедленно после прекращения огня, выполнение Резолюции Совета Безопасности ООН № 242 (от 1967 г.) во всех ее частях”. Далее Резолюция № 338 требовала, чтобы “немедленно и одновременно” с прекращением огня начались переговоры между Египтом и Израилем “под соответствующей эгидой”, целью которых должно было стать установление “справедливого и прочного мира” на Ближнем Востоке. Строго говоря, израильская сторона с неодобрением восприняла ссылку на неоднозначную Резолюцию № 242,

но одобрила следующий параграф, где нашли отражение основные достижения Киссинджера, благоприятные для Израиля. Помимо этого, в неофициальном порядке как США, так и СССР дали понять, что они приветствовали бы решение сторон относительно обмена военнопленными (это вопрос имел особое значение для Израиля).

Таким образом, хотя резолюция Совета и помешала израильским военным довершить разгром египетской армии, в ее тексте было отражено военное превосходство Израиля. Что же касается прекращения огня, то Израиль согласился на это в тот же день. Такой же была реакция Египта и Иордании. Отвергли резолюцию самые воинственно настроенные страны, расположенные при этом вдалеке от района реальных боевых действий, — Ирак и Ливия. Сирия не реагировала на решение Совета Безопасности в течение двух дней; когда же, наконец, баасистское правительство в своем послании от 24 октября согласилось на прекращение огня, оно обусловило свое согласие требованием к Израилю “уйти со всех территорий, оккупированных в июне 1967 г. и ранее этого времени”. Израиль, в свою очередь, никак не отозвался на это заявление.

Кто с нескрываемым недовольством отреагировал на решение о прекращении огня, так это израильский Генеральный штаб. Армия была предельно близка к тому, чтобы нанести египтянам окончательное поражение — возможно, самое сокрушительное за всю историю четырех войн между этими странами. Оставалось крайне мало времени для того, чтобы предпринять неотложные действия на западном берегу Суэцкого канала, прежде чем соглашение о прекращении огня войдет в силу — 22 октября в восемнадцать пятьдесят по израильскому времени. На северном участке дивизия Шарона, продвигаясь по имеющей ключевое значение дороге Исмаилия—Суэц, столкнулась с сильным сопротивлением противника. Более удачливыми оказались Адан и Маген, чьи дивизии на южном участке, захватывая противника в клещи, двигались к месту слияния Суэцкого канала с Малым Горьким озером, чтобы затем нанести удар в направлении города Суэц. Хотя израильские танки и не дошли до Суэцкого залива, но в Третьей египетской армии ситуация к окончательному сроку прекращения огня выглядела следующим образом: боевые части отрезаны от основных источников снабжения, солдаты в беспорядке спасаются бегством, и 8 тыс. уже сдались в плен, на западном берегу блокированы целые подразделения, а основная группировка на восточном берегу, 20 тыс. человек, находится в безнадежном положении.

В такой ситуации египетские командос и пехотные подразделения на южном участке восточного берега, игнорируя прекращение огня, совершили в ночь с 22 на 23 октября несколько нападений на бивачные расположения израильских танкистов в отчаянных попытках пробиться в расположение Третьей армии. После этого Гonen отдал приказ Адану и Магену про-

должить движение на юг и еще плотнее сжать кольцо окружения. Танкисты с явным удовлетворением приступили к выполнению приказа. Начав последнее наступление в полдень 23 октября, бригада Адана прорвалась сквозь очаги сопротивления египетских танковых частей на юго-западе, намереваясь овладеть подъездными путями к городу Суэц. Аналогичным образом, атакуя, двинулись и резервисты Магена; они, прорываясь сквозь одиночные оборонительные сооружения египтян и преодолевая сопротивление вновь прибывшей марокканской части, вышли к порту Адабия, самой южной точке западного берега канала. Вскоре после полудня гарнизон Адабия сдался. Таким образом, Третья армия оказалась в кольце блокады, а израильские войска закрепились на берегу Суэцкого залива.

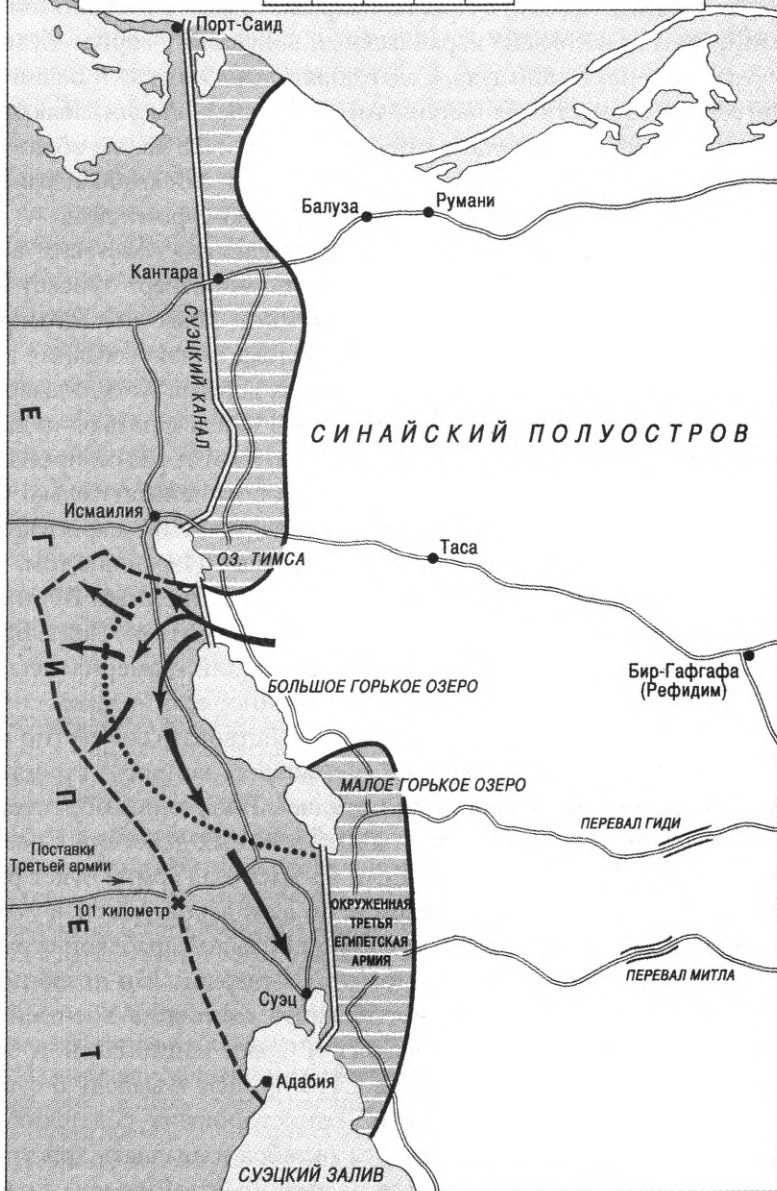
В то же время, на протяжении всего утра 23 октября, Садат выступал с отчаянными призывами к своим соотечественникам встать на защиту Каира, с оружием в руках и “не щадя своих жизней”. Впрочем, основные надежды он все-таки возлагал на советских руководителей, к чьей помощи он взывал с еще большим отчаянием, и те ответили на его призывы. Тем же утром 23 октября, после всего нескольких часов сна, Киссинджер (только что вернувшийся из Москвы и Тель-Авива, где он остановился на обратном пути для трехчасового совещания с израильским руководством) был разбужен в своей Вашингтонской квартире звонком Добрынина. Советский посол пожаловался на многочисленные израильские нарушения соглашения о прекращении огня. Если израильтяне не отступят немедленно к линии прекращения огня по состоянию на 22 октября, предостерег Добрынин, то последствия могут быть “самыми серьезными”. Строго говоря, никто не мог с уверенностью сказать, где именно проходила эта линия 22 октября в восемнадцать пятьдесят и кто именно первым нарушил резолюцию Совета Безопасности. Тем не менее Государственный секретарь немедленно связался с послом Израиля Диницем и заявил, что Соединенные Штаты ожидают от Израиля “строгого и неукоснительного” соблюдения условий прекращения огня. Киссинджер осознавал, что в данном случае речь идет о значительно большем, чем просто нарушение перемирия. Если окруженная египетская армия будет отрезана от источников снабжения, это приведет к срыву договоренности о прекращении военных действий, за которым должны были последовать конструктивные переговоры. Это, в свою очередь, негативно скажется на репутации Киссинджера как посредника между сторонами ближневосточного конфликта.

К вечеру 23 октября Киссинджер с Добрыниным подготовили текст нового предложения о прекращении огня. Эта Резолюция, получившая номер 339, была принята Советом Безопасности вечером того же дня; в ней содержалось требование к Египту и Израилю прекратить военные действия с момента принятия документа и вернуться на позиции, которые стороны занимали

**ИЗРАИЛЬСКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ
ДО ПРЕКРАЩЕНИЯ ОГНЯ 22-24 ОКТЯБРЯ 1973 г.**

- ← Израильское контрнаступление
- Израильский плацдарм, первое прекращение огня 22 октября
- - - Израильский плацдарм, второе прекращение огня 23-24 октября
- Египетский плацдарм по состоянию на конец войны

0 мили 25

по состоянию на 22 октября, в восемнадцать пятьдесят. Кроме того, Совет Безопасности санкционировал немедленное направление в район конфликта наблюдателей ООН, которые должны были следить за тем, как соблюдается прекращение огня. Тем не менее резолюция не решала проблему, связанную с определением точных позиций на момент прекращения огня. Боевые действия в южном секторе Суэцкого канала также не прекратились. Утром 24 октября автоколонна Красного Креста, направлявшаяся в расположение Третьей армии, была остановлена израильскими войсками у города Суэц. Полностью утратив присутствие духа, Садат обратился в Москву и Вашингтон с просьбой создать совместные советско-американские силы для наблюдения за претворением в жизнь резолюции о прекращении огня. Таким образом, уже в третий раз на протяжении менее чем двух десятилетий арабо-израильский кризис привел США и СССР на грань открытой конфронтации.

Последовательно проводя политику недопущения советских войск в ближневосточный регион, Киссинджер решительно отверг просьбу Садата. Однако в семь часов вечера 24 октября Добрынин позвонил Госсекретарю и проинформировал его, что Москва поддерживает идею создания группы наблюдателей из числа представителей Великих держав. Киссинджер снова ответил, что считает саму идею неприемлемой. Но в двадцать один двадцать пять последовал еще один звонок Добрынина, и на этот раз он произвел эффект разорвавшейся бомбы. Посол сообщил о полученном только что послании Брежнева Никсону. Это было короткое, в четыре параграфа, заявление, выдержанное в жестких тонах и обвинявшее Израиль в том, что он “бесстыдно бросает вызов Советскому Союзу и Соединенным Штатам”, нарушая положения резолюции ООН “целиком и полностью”. Далее Брежнев предлагал немедленно направить в Египет советский и американский контингенты, после чего заявлял: “Скажу откровенно: если в такой ситуации Соединенные Штаты не сочтут возможным действовать совместно с нами, мы будем вынуждены безотлагательно рассмотреть вопрос о принятии соответствующих мер в одностороннем порядке”. Речь, таким образом, шла о весьма вероятной угрозе полномасштабных военных действий Советского Союза по спасению Третьей армии. Если 20-тысячная армия будет разбита, это приведет к падению режима Садата и, по всей вероятности, к утрате советского престижа и авторитета в этой самой большой арабской стране.

Реакция Киссинджера была решительной и твердой. Он позвонил Никсону и порекомендовал немедленно объявить состояние военной готовности. Президент согласился. Согласился и Совет национальной безопасности США (СНБ); группа экспертов СНБ пришла к выводу о существовании “высокой степени вероятности” односторонних советских шагов того или иного рода. Таким образом, 24 октября в двадцать три тридцать во всех воинских частях США по всему миру была объявлена полная го-

товность вооруженных сил. В Средиземное море был направлен еще один авианосец. Шестьдесят тяжелых бомбардировщиков с авиабазы на острове Гуам были передислоцированы на аэродромы США, и личному составу Восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии, базирующейся в Форт-Брэгге (Северная Каролина), была объявлена готовность к вылету. Киссинджер ничего не сказал Добрынину о принимаемых мерах, поскольку знал, что советские станции прослушивания перехватят этот радиообмен. Так оно и случилось, после чего кризис разрешился мгновенно и сам собой. В час дня 25 октября Брежнев дал указание Я. А. Малику, постоянному представителю СССР при ООН и в Совете Безопасности, больше не поднимать вопрос о создании советско-американских миротворческих сил. Затем Советский Союз согласился с американским предложением относительно того, что не следует включать представителей “большой пятерки” в состав миротворческих сил ООН. Эта формула была принята Советом Безопасности во второй половине дня 25 октября, и в Вашингтоне вздохнули с облегчением.

На следующий день Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм²⁷ выступил с предложением об использовании 7 тыс. военнослужащих Чрезвычайных вооруженных сил ООН на протяжении шестимесячного срока, а также сообщил, что первый контингент, в состав которого вошли представители Австрии, Финляндии и Швеции из состава миротворческих сил ООН на Кипре, уже прибыл в Египет. Миротворцы были направлены на патрулирование зоны военных действий на всем протяжении Суэцкого фронта. Израильяне тем временем продолжали бои до последнего момента, до самого начала второго прекращения огня 24 октября, предпринимая попытки захватить город Суэц (тщетные попытки, сопряженные с больши-

27 Вальдхайм Курт (1918–2007) — австрийский государственный деятель. В 1937–1939 гг. учился в Венской консульской академии. С 1938 г. — офицер вермахта. В 1942–1945 гг. служил в штабе армейской группы и, видимо, был причастен к преступлениям нацистов на Балканах, в частности к депортации евреев Греции в лагеря смерти. Был обвинен в этом преступлении Всемирным еврейским конгрессом, однако его прямое участие в подобных акциях не доказано. В 1944 г. окончил Венский университет. С 1945 г. — сотрудник австрийского МИДа. Занимал последовательно должности: начальника управления кадров МИДа, постоянного наблюдателя от Австрии при ООН, посла в Канаде, политического директора МИДа. В 1964–1968 гг. — постоянный представитель Австрии при ООН. В 1968–1970 гг. Вальдхайм занимал пост министра иностранных дел Австрии. В 1972–1981 гг. стал Генеральным секретарем ООН. Находясь на этом посту, способствовал принятию 10 ноября 1975 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, объявившей сионизм формой расизма (отменена в декабре 1991 г.). В 1986–1990 гг. Вальдхайм — президент Австрийской Республики. После избрания Вальдхайма президентом Израиль отозвал посла из Австрии, заменив его временным поверенным в делах. Руководители стран Западной Европы и Америки бойкотировали главу австрийского государства.

ми потерями). Когда же бои прекратились, дивизии Адана, Магена и Шарона прошли на 25 миль от Суэцкого канала в глубь египетской территории, заняв господствующее положение на западном берегу канала от Исмаилии до Суэцкого залива. На восточном берегу канала египетские силы были размещены вдоль “линии Бар-Лева” на глубину от трех до пяти миль, за исключением широкого коридора к северо-востоку от Большого Горького озера, находившегося в руках израильтян.

Израиль склоняется к уступкам

Хотя Никсон запросил у конгресса 19 октября ассигнования на сумму 2,2 млрд долларов для военной помощи Израилю, его аргументация сводилась к тому, что необходимо “сохранить баланс сил и тем самым обеспечить стабильность положения на Ближнем Востоке” — и эта аргументация прозвучала для Израиля как предупреждение: президент США ставит своей целью достижение оперативной паузы в военных действиях, за которой должен последовать ближневосточный дипломатический компромисс. К концу октября Никсон и Киссинджер недвусмысленно дали понять Израилю, что ожидают от него обеспечения доступа к частям Третьей египетской армии, которая после 21 октября оказалась отрезанной от поставок продовольствия и медикаментов. Садату было ясно, что судьба его солдат находится, главным образом, в руках американцев, тем более что Киссинджер дал понять, что не допустит их гибели. И в самом деле, Госсекретарь настойчиво требовал от израильской стороны разрешить подвозку продовольствия и медикаментов окруженным египтянам.

У израильтян же имелась своя система приоритетов. Разумеется, следовало сделать так, чтобы Садат, как это было сформулировано Голдой Меир, “в полной мере ощутил горький привкус своего поражения”. Но первоочередным для Израиля являлся вопрос возвращения на родину военнопленных. Киссинджер, во время своего краткого пребывания в Тель-Авиве по пути из Москвы домой, заверил израильских руководителей, что обмен военнопленными планируется произвести в течение 72 часов после прекращения огня. Но, зная о том, что после первого прекращения огня 22 октября израильские силы взяли египтян в более тесное кольцо окружения, Госсекретарь США поддержал требование Египта относительно необходимости пополнения запасов Третьей армии. Собственно говоря, особого выбора тут и не было: Каир отказывался даже обсуждать вопрос о военнопленных до тех пор, пока в распоряжение Третьей армии не будет допущен транспорт с предметами первой необходимости. Что касается военнопленных,

то Израиль с самого начала военных действий ставил представителей Красного Креста в известность об арабских пленных; египтяне сообщали лишь о некоторой части пленных, сирийцы — вообще ни о ком. Арабы, значительно превосходящие по численности израильтян и менее чувствительные к вопросам жизни и смерти, давно поняли, что могут эксплуатировать уязвимость евреев в тех случаях, когда речь идет о взятых в плен военнослужащих. Согласно данным израильских правительственных структур, общее число военнопленных израильтян составляло не менее 400 человек, причем половина попали в плен в ходе действий на сирийском фронте. Было также известно о тех зверствах, которые творили сирийцы на Голанах. Там были найдены тела израильских солдат, застреленных в упор, с завязанными глазами и связанными руками. В Иерусалиме не решались даже предположить, что могло случиться с попавшими в плен на египетском фронте, — оставалось только надеяться, что их жизни не угрожает опасность.

Тем временем, 26 октября Третья египетская армия предприняла последнюю отчаянную попытку прорвать окружение. Под прикрытием артиллерийского огня ее танки атаковали израильские понтонные мосты к югу от Малого Горького озера. После трехчасового боя танки были отброшены от канала. Полностью деморализованные, египтяне начали в массовом порядке сдаваться в плен — и тут многие были убиты своими же товарищами, которые с западного берега канала открыли огонь по изменникам. Киссинджер связался напрямую с израильскими и египетскими представителями, и после четырехчасовых трехсторонних переговоров было достигнуто согласие, что колонна грузовиков Красного Креста с продовольствием и медикаментами будет пропущена в распоряжение Третьей армии. Для выработки детального плана офицеры обеих армий, при участии представителей ООН, собрались рано утром 27 октября у дорожного указателя “101 километр” на шоссе Суэц—Каир, в 63 километрах от Каира, на территории, занимаемой израильскими войсками на западном берегу Суэцкого канала. Египет представлял Абдаль Гани аль-Гамази, командующий Суэцким фронтом, Израиль — генерал Аѓарон Ярив, бывший начальник военной разведки. Переговоры были быстрыми и эффективными. Утром 28 октября первые грузовики колонны из ста машин, с сотрудниками ООН за рулем, были досмотрены израильскими военными и допущены на египетскую сторону. Отныне можно было не сомневаться, что солдатам Третьей армии не грозит гибель. Можно было не беспокоиться и за судьбу израильских военнопленных в Египте. И можно было надеяться, что военные действия между Египтом и Израилем не возобновятся.

Теперь стало возможным подвести предварительные итоги Войны Судного дня, рассмотреть ее военные уроки и последствия. Значительные потери Израиля в живой силе и технике были следствием ряда грубых ошибок.

Наиболее серьезной из них являлась концепция, согласно которой увеличение расстояния от границы до центральных районов само по себе могло заменить раннее предупреждение о нападении противника. Она привела к опасным просчетам в ходе оценки разведывательной информации. И когда, буквально в последнюю минуту, командование получило предупреждение о намерениях противника, малочисленные гарнизоны на линии прекращения огня 1967 г. не были усилены за счет проведения всеобщей мобилизации. Во всяком случае, вся израильская военная доктрина была ориентирована на нанесение быстрого контрудара. Командование не рассчитывало на ведение продолжительных боев. Не существовало планов экстренной переброски танков к местам боевых действий, а также не имелось достаточного количества транспортных средств для этой цели.

Война преподала израильским военным еще один урок: сухопутные войска не в состоянии действовать с достаточной эффективностью без полного превосходства в воздухе израильской авиации и без необходимой поддержки танковых частей. Противник научился нейтрализовать — во всяком случае, частично — силу этих родов войск благодаря применению зенитных и противотанковых управляемых ракет. Не будучи ориентированными на одновременное выполнение нескольких видов боевых задач, израильские танкисты атаковали позиции противника без поддержки минометным огнем и без подключения пехоты, что не позволяло им добиваться необходимых результатов. К тому же стрелковое оружие израильской пехоты не шло ни в какое сравнение с оружием советского производства, которое было на вооружении у арабских армий. Так, не имея приборов ночного видения, израильские десантники и командос были не в состоянии должным образом использовать преимущества своей профессиональной подготовки. Только один раз, отвоевывая станцию радиолокационного наблюдения, расположенную на горе Хермон, израильские десантники смогли в полной мере проявить свои возможности. Многие из названных недостатков объяснялись не только и не столько ослаблением дисциплины в Армии обороны Израиля, сколько отсутствием достаточного количества офицеров с большим опытом в составе высшего армейского командования. После 1967 г. ротация комсостава стала едва ли не самоцелью, и немало старших офицеров, прекрасно знающих свое дело, на пике их возможностей было отправлено в отставку.

Но имелась и другая сторона медали: сразу же после начала военных действий и офицеры, и рядовые на всех уровнях продемонстрировали высочайшие моральные качества, профессиональные навыки и личную храбрость. В конечном итоге именно эти свойства в самой полной мере компенсировали и грубые ошибки разведки, и недостатки общей подготовки вооруженных сил — в результате Армия обороны Израиля одержала в этой

войне самую выдающуюся победу в своей истории. Следует особо подчеркнуть, что арабские армии, напавшие на Израиль, по численности живой силы и техники в общей сложности превосходили войска европейских стран НАТО, тогда как население Израиля, маленькой страны, не было готово к войне, не была проведена мобилизация. По советскому воздушному мосту арабским странам было доставлено в течение десяти дней 8 тыс. тонн вооружений — сверх того, что у них уже имелось; это были самые большие воздушные перевозки вооружений за всю историю — до тех пор, пока их не превзошли, пусть и начатые с опозданием, американские перевозки. Масштабы сражений в этой войне также были весьма значительны. В частности, танковое сражение в Синае 12–14 октября по числу участвовавших в нем танков уступало только битве на Курской дуге (сражению под Прохоровкой²⁸) между советскими и немецкими войсками во Второй мировой войне. Израиль в Войне Судного дня — несмотря на внезапное нападение противника, ведение боевых действий на два фронта, безусловное преимущество противника в живой силе и в технике — выстоял; в конечном итоге его войска в Сирии прошли далеко за Пурпурную линию, а в Египте заняли плацдармы на западном берегу Суэцкого канала, более чем компенсировав захват египтянами “линии Бар-Лева”. Египтяне потеряли в этой войне 7700 человек убитыми в ходе боевых действий, сирийцы — 3500 человек. Израильяне взяли в плен 9 тыс. человек, в том числе 8 тыс. египтян. Суммарные потери арабских войс составили порядка 2 тыс. танков и более 500 самолетов, а израильские — 804 танка и 114 самолетов.

Однако победа далась Израилю дорогой ценой. За 18 дней боев страна потеряла 2552 человека убитыми и более 3 тыс. человек ранеными, причем наибольшие потери пришлось на долю офицерского состава. Это были очень тяжелые потери для маленькой страны. На вершине горы Хермон полковник Аврагам Аялон, воевавший в бригаде *Гивати* с 1948 г., нашел после боя тело своего старшего сына. Генерал-майор Амос Хорев ночью, в окопе, на линии боев с Третьей египетской армией, разыскал своего погибшего зятя. Генерал Хаим Бар-Лев проводил инструктаж в штабе, когда ему сообщили о гибели его племянника. Немало семей потеряли несколько сыновей, потери были более тяжелыми, чем в 1967 г. А если говорить о потерях материальных, то к концу войны их еще не смогли в полной мере осознать. Четыре миллиарда долларов составили только потери оборудования

28 12 июля 1943 г. во время битвы на Курской дуге между советскими и немецкими войсками в поселке Прохоровка Белгородской области произошло одно из самых крупных танковых сражений Второй мировой войны. Навстречу наступающей немецкой танковой группе были брошены советские танковые войска. В сражении одновременно участвовало до 1200 танков. Немецкая танковая группировка, понесла большие потери, 16 июля стала возвращаться на исходные позиции.

и ущерб, нанесенный имуществу. Если к этому добавить потери, связанные со спадом производства и уменьшением экспорта вследствие мобилизации работников, то общая цифра достигала 7 млрд долларов — сумма, эквивалентная годовому ВВП Израиля.

Можно сказать, что достигнутая победа не вызвала особого энтузиазма у народа, привыкшего побеждать одним ударом, без промедления. Народ стал задавать вопросы — впрочем, не всегда в полный голос. Четыре жестокие и кровавые войны — и это на протяжении столь краткой истории государства, фактически на памяти одного поколения. Существует ли мирная жизнь и на что она похожа? Сколько же можно терпеть эти бесконечные мучения, уносящие и человеческие жизни, и ресурсы страны? Можно ли добиться хотя бы временной победы над противником, особенно после того, как Советский Союз дал явственно понять, что больше не допустит, чтобы арабам было нанесено решающее поражение на поле боя? Перспективы на будущее выглядели самым безрадостным образом. И вот теперь, в последнюю неделю октября, когда стихла стрельба и начинались переговоры относительно обеспечения поставок в распоряжение Третьей египетской армии, израильтяне со всей определенностью осознали: страна вступила в другую эпоху. В известном смысле этот переход обозначился в начале ноября, когда у восьмидесятисемилетнего Давида Бен-Гуриона, жившего в *кибуце* Сде-Бокер, произошел инсульт. Бывшего премьер-министра спешно доставили в иерусалимскую больницу *Гадаса*, где он, после двух с половиной мучительных недель, скончался 1 декабря. Всеобщие и самые искренние изъявления горя на его похоронах, равных которым не знала страна, несомненно означали, что народ оплакивал не одну только смерть старого льва.

После землетрясения

Израиль снова в изоляции

И снова все двинулось по замкнутому кругу: дипломатический тупик, из которого не видно выхода; попытки добиться безопасности, хотя бы относительной, которая, казалось, уже была завоевана на поле боя — причем столь дорогой ценой. Подчинившись американскому нажиму, Израиль не без колебаний позволил грузовикам Красного Креста проехать в расположение окруженной Третьей египетской армии. Но на дальнейшие уступки правительство Меир идти не собиралось, пока египтяне не предоставят список израильских военнопленных. Не могло также идти и речи об отходе израильских войск на позиции, которые они занимали 22 октября на западном берегу Суэцкого канала, — как того требовали египтяне. Уступки должны быть взаимными, настаивала Голда Меир. Как вскоре стало ясно, основные трудности израильскому премьер-министру создавали не столько египтяне, сколько американцы. Госсекретарь США Киссинджер принял в Вашингтоне 27 октября Исмаила Фахми, внешне благодушного, но умного и хитрого египетского дипломата, который вскоре стал министром иностранных дел. На Киссинджера произвела большое впечатление подчеркнутая сдержанность Фахми, его настойчивое желание возобновить связи Египта с США, его ярко выраженная заинтересованность в развитии мирного процесса, и Госсекретарь заверил своего египетского собеседника, что не только сделает все от него зависящее, дабы обеспечить египтянам постоянный коридор для снабжения Третьей армии (хотя это фактически было равнозначно отходу Израиля на позиции прекращения огня 22 октября), но и постарается убедить Израиль приступить к постепенной эвакуации из Синая в обмен на стабильный мирный договор. И Киссинджер сделал пер-

вый шаг в этом направлении, обратившись к Израилю с просьбой проявить “гибкость” в вопросе снабжения Третьей армии.

После такого обращения Голда Меир поняла, что нельзя терять драгоценное время, и 31 октября вылетела в Вашингтон для личных переговоров с Киссинджером и Никсоном. В ходе беседы с Госсекретарем она определила основные претензии ее правительства. На каком моральном основании, спросила она, Израиль должен платить более высокую цену в ходе улаживания этого конфликта? Разве не египтяне развязали эту войну, хотя и не смогли ее выиграть? Киссинджер признал обоснованность доводов Голды Меир, однако и его аргументация выглядела не менее убедительной. В самом деле, согласился он, Израиль одержал победу на поле боя. Его армия продвинулась далеко на территорию противника, а его потери составили менее одной пятой потерь арабских стран. Но вместе с тем Госсекретарю было хорошо известно, что победа далась Израилю весьма дорогой ценой. Слишком велики были человеческие жертвы и материальные потери. Более того, Израиль оказался фактически в состоянии дипломатической изоляции. Арабов поддержали не только страны коммунистического блока, но и почти весь третий мир, в том числе такие крупные азиатские страны, как Индия, Пакистан, Шри-Ланка и Бирма, Турция и Иран и даже Япония.

Особенно серьезный урон был нанесен отношениям Израиля со странами Африки — притом что в 1960-х гг. было приложено столько усилий по выстраиванию и налаживанию этих отношений. Правда, следует признать, что охлаждение между Израилем и прежними африканскими колониями началось уже несколько лет тому назад, и оно отчасти явилось отражением общего разочарования африканских стран в контактах со странами Запада, которые будто бы прилагали недостаточные усилия для спасения разваливающейся африканской экономики. Израильские программы технической помощи также начали сворачиваться, поскольку после победы в Шестидневной войне израильские советники и специалисты занялись реализацией аналогичных программ на оккупированных арабских территориях. Что же касается тех *мадрихим* (советников), которых направляли в Африку, то они не отличались высокими профессиональными качествами, и не случайно некоторые из них способствовали созданию образа “гадкого израильтянина”.

Впрочем, охлаждению стран Африки по отношению к Израилю во многом способствовало и вмешательство арабских стран. В ряде случаев нажим осуществлялся экономическими методами — так, ливийский лидер Муамар Каддафи просто-напросто заплатил руководителям Уганды и Чада за разрыв дипломатических отношений с Израилем. Впрочем, зачастую ситуация бывала не столь однозначной, и это можно рассмотреть на примере бывшего лучшего друга Израиля, Эфиопии. У властей Аддис-Абебы существовали

две неразделимые проблемы: сепаратизм Эритреи и территориальные претензии Сомали. И арабы предложили императору Эфиопии Хайле Селассие I призвать к порядку как Народный фронт освобождения Эритреи², так и воинственных сомалийцев — при условии, что он пойдет на разрыв с Израилем. После определенных колебаний император согласился, как раз во время Войны Судного дня. Свою роль сыграл и рост влияния исламских стран Африки в рамках Организации африканского единства. Необходимость достижения африканской солидарности в рамках ОАЕ привела к тому, что африканские страны заняли общую позицию с мусульманскими странами по вопросам, связанным с Израилем, и голосовали за резолюции, содержавшие требования о безоговорочном выводе израильских войск с оккупированных территорий. Своих целей арабы достигали также путем откровенного запугивания — в частности, угрозами покушения на президентов Либерии и Берега Слоновой Кости.

Был, однако, еще один фактор — более значимый, нежели арабское влияние. Речь идет об изменении имиджа Израиля после Шестидневной войны. Еврейское государство обрело черты империалистической державы, и африканцы стали рассматривать его в одном ряду с Родезией, Южной Африкой и Португалией. В самом деле, для жителей Африки фраза из Резолюции Совета Безопасности № 242 о “недопустимости приобретения территории с при-

- 1 Хайле Селассие I (1892–1975) — император Эфиопии (1930–1974 гг.). Провел ряд прогрессивных реформ в области образования, здравоохранения и других сферах. Провозгласил первую в стране конституцию, отменил рабство и работорговлю. Добился принятия Эфиопии в Лигу Наций. Хорошо относился к эфиопским евреям. В 1936 г., после оккупации Эфиопии итальянскими войсками, сам Селассие, его семья и двор бежали в Иерусалим, где император провел около года. В 1961 г. между Израилем и Эфиопией были установлены дипломатические отношения в полном объеме. Успешно развивалось экономическое сотрудничество. Израиль оказывал помощь Эфиопии в подготовке специалистов в различных областях. Но после окончания Войны Судного дня, выполняя решения Организации африканского единства, Эфиопия разорвала дипломатические отношения с Израилем. В 1974 г. Селассие был свергнут в результате военного переворота. Убит солдатами диктатора Менгисту Хайле Мариам.
- 2 Народный фронт освобождения Эритреи (НФОЭ) — политическая и военная организация, созданная в 1971 г. путем объединения ряда христианских и прогрессивных мусульманских групп — борцов за освобождение Эритреи, покинувших Фронт освобождения Эритреи, развалившийся из-за противоречий между христианами и радикально настроенными мусульманами. После создания новой организации многие городские жители вступили в ее ряды. В контролируемых им районах НФОЭ сумел создать прогрессивную систему просвещения и здравоохранения, оказания социальной помощи. В 1987 г. НФОЭ начал широкое наступление для освобождения Эритреи от эфиопских войск. В 1991 г. повстанцы освободили столицу страны — город Асмэра. Было создано временное правительство, которое провело референдум в апреле 1993 г., провозгласивший независимость Эритреи.

менением силы” имела весьма и весьма глубокий смысл. В свое время европейские правители определяли границы между своими африканскими колониями по большей части без учета соображений демографического или хотя бы топографического характера. Унаследовав эти границы, новые независимые государства стали относиться с особой чувствительностью к любым попыткам изменить их с применением силы, особенно если это могло способствовать созданию прецедента. И вот когда израильяне во время Войны Судного дня, форсировав Суэцкий канал, вошли на территорию африканской страны Египет, они тем самым нанесли смертельный удар по былой дружбе. Последовала волна разрывов дипломатических отношений; первыми это сделали Танзания, Мадагаскар, Дагомея, Верхняя Вольта, Камерун и страны Экваториальной Африки. К ним присоединились даже такие верные друзья Израиля, как Берег Слоновой Кости и Кения. В общей сложности дипломатические отношения с Израилем разорвали 32 африканские страны. Для Израиля это стало сокрушительным дипломатическим поражением.

Но значительно более прискорбным для Израиля — как и для США — стало резкое сокращение европейской поддержки. Во время войны общественное мнение в странах Европы было скорее на стороне Израиля, что, впрочем, не оказывало особого воздействия на внешнюю политику этих стран. Вскоре после начала военных действий Мишель Жобер³, министр иностранных дел Франции, выразил позицию своего правительства посредством язвительного замечания: “Разве мы можем называть совершенно неожиданной агрессией попытку государства вернуть себе свою землю?” Тем временем Лондон не только наложил эмбарго на предусмотренные контрактом поставки запасных частей к танкам, но и запретил доставку в Израиль лекарств, закупленных евреями Великобритании для раненых израильских солдат. Защищая политику своего правительства в палате общин, министр иностранных дел сэр Алек Дуглас-Хьюм⁴ заверил — не без неко-

3 Жобер Мишель (1921–2002) — французский государственный и политический деятель. Родился во французской семье в Марокко. После начала Второй мировой войны был призван в армию. Воевал в Северной Африке и Италии. Окончил Свободную школу политических наук в Париже. Работал в правительственных учреждениях. По своим политическим взглядам был левым голлистом. В 1962–1968 гг. при премьер-министре Ж. Помпиду руководил работой его кабинета. После избрания Ж. Помпиду президентом Франции Жобер стал генеральным секретарем президента. С 4 апреля 1973 г. по 28 мая 1974 г. занимал пост министра иностранных дел. После избрания Валери Жискар д’Эстена президентом Франции создал политическую партию Движения демократов, которая выступала против традиционного деления на правых и левых. Движение поддержало представителя социалистов Ф. Миттерана на президентских выборах в 1981 г. В 1981–1983 гг. занимал пост министра внешней торговли. Написал ряд книг, в т. ч. “Воспоминания о будущем” (1974) и “Да здравствует свободная Европа” (1975).

4 Дуглас-Хьюм Алек (1903–1995) — английский государственный и политический дея-

того смущения — своих критиков, что “правительство может пересмотреть свою позицию относительно эмбарго, если существование Израиля окажется под угрозой”. Канцлер ФРГ Вилли Брандт выразил твердое намерение не ставить под угрозу свою новую восточную политику, ориентированную на установление дружественных отношений со странами Восточной Европы, покровителями арабов. Таким образом, правительство ФРГ с самого начала всячески воздерживалось от того, чтобы занять определенную позицию в арабо-израильском конфликте.

Более того, стремясь к разрядке напряженности с Советским Союзом, почти все западноевропейские государства приступили к значительному сокращению своих вооруженных сил — рассчитывая тем самым предупредить развитие новых международных кризисов. Министры иностранных дел один за другим определяли американскую помощь Израилю как негативный фактор, объясняемый исключительно особым статусом еврейской общины в жизни США. В этой атмосфере стремления к разрядке практически любой ценой солидарность членов НАТО рухнула как карточный домик — что стало очевидным на примере отношения к воздушным перевозкам вооружений на Ближний Восток, осуществлявшимся СССР и США. С одной стороны, Турция на протяжении многих дней позволяла советским самолетам, направлявшимся в Сирию, нарушать свое воздушное пространство; с другой стороны, премьер-министр Великобритании Эдуард Хит' отклонил личную просьбу Никсона предоставить американским самолетам право посадки на Кипре. Греция запретила американцам использовать ее воздушное пространство. Бонн сначала позволил Соединенным Штатам использовать

тель. Происходил из аристократической шотландской семьи. Среднее образование получил в Итоне, высшее — в Оксфорде. В 1931 г. был избран в палату общин; член Консервативной партии. В 1937–1939 гг. — парламентский личный секретарь премьер-министра Н. Чемберлена. В 1951 г. унаследовал титул графа Хьюма, перешел в палату лордов. В 1955–1960 гг. — министр по делам Содружества; в 1960–1963 гг. — министр иностранных дел; в 1963–1965 гг. был лидером Консервативной партии; в 1963–1964 гг. Дуглас-Хьюм занимал пост премьер-министра. После победы консерваторов на парламентских выборах 1970 г. занимал посты министра иностранных дел и министра по делам Содружества в 1970–1974 гг.

- 5 Хит Ричард Джордж Эдуард (1916–2005) — английский государственный и политический деятель. Высшее образование получил в Оксфорде, принимал активное участие в студенческих организациях Консервативной партии. После начала Второй мировой войны служил в армии, в артиллерийских частях. Окончил войну в звании подполковника. С 1950 г. — член палаты общин; консерватор. В 1959–1960 гг. — министр труда, в 1960–1963 гг. — лорд-хранитель печати; в 1963–1964 гг. — министр торговли. В 1965 г. был избран лидером Консервативной партии; в 1965–1970 гг. — лидер оппозиции. После победы консерваторов на выборах, в 1970–1974 гг, Хит занимал посты премьер-министра и первого лорда казначейства. Автор книг: “Единая нация — подход консерваторов к социальным проблемам” (1950); “Старый свет — новые горизонты” (1970).

порт Бремерхафена для погрузки американских вооружений, хранившихся на складах ФРГ, но затем, под нажимом арабских стран, отменил свое разрешение. Лиссабон в конечном итоге предоставил американским самолетам право посадки на аэродромах Азорских островов — но лишь при условии, что взамен США поддержат Португалию в ходе основных дискуссий по вопросу о португальской колониальной политике на Африканском континенте. В результате всех этих ограничений восемнадцать американских истребителей-бомбардировщиков “Фантом” во время перелета в Израиль вынуждены были дозаправляться над Атлантикой в воздухе.

И все-таки такое поведение европейских союзников Америки вряд ли можно было объяснить исключительно политикой разрядки. Следовало скорее говорить о самом мощном арабском оружии — нефтяном эмбарго. Западная Европа получала почти 85% необходимой нефти из арабских стран (а Япония — и все 90%) — в отличие от США, чья зависимость от арабской нефти составляла лишь 7%. Именно эта уязвимость западной экономики и была использована арабами во время Войны Судного дня. Благодаря своим дипломатическим усилиям Садат добился того, что арабские нефтедобывающие страны оказали поддержку Каиру и Дамаску. Министры нефтяной промышленности этих стран собрались в отеле “Шератон” в Кувейте 17 октября 1973 г. и в течение нескольких часов приняли решение об уменьшении добычи нефти, идущей на экспорт, на 5%, с тем чтобы в последующие месяцы еще уменьшить объем добычи, “если этого потребует ситуация, которая будет складываться на Ближнем Востоке”. В дальнейшем министры установили ряд категорий для стран Европы, в зависимости от того, в какой степени те поддерживают арабский мир в борьбе против Израиля, и соответствующим образом увеличивали или уменьшали квоты приходившейся на их долю нефти. После того как американцы начали воздушные переброски вооружений в Израиль, все страны Персидского залива, включая и традиционно дружественную Саудовскую Аравию, полностью прекратили поставки нефти в США. Вскоре полный запрет на поставки был введен и для Нидерландов, вследствие того что Гаага выразила безусловную поддержку Израилю. Более того, под предлогом кризиса, вызванного военным положением, арабские страны не упустили возможности взвинтить цены на нефть. Ливия объявила 18 октября, что цена ее нефти поднимается на 28% — вне зависимости от ситуации на фронтах и действий Израиля. Тут же Ирак объявил о повышении цен на 70%, и то же самое сделал Кувейт. Вскоре примеру арабских нефтедобывающих стран последовали и другие страны — экспортеры нефти.

Сомнительно, впрочем, чтобы даже самые бескомпромиссные арабские националистические режимы могли предвидеть, что нефтяное оружие окажется столь эффективным. В Великобритании, Франции, Италии и Бельгии реакция на уменьшение поставок и повышение цен была близка к ис-

терической: последовало немедленное введение строжайшего контроля над потреблением нефти. В Великобритании рабочая неделя на заводах и фабриках была сокращена до четырехдневной. Итальянские лайнеры простаивали в портах из-за нехватки горючего. Нидерланды, пострадавшие сильнее других стран ввиду полного прекращения поставок, вынуждены были обратиться к партнерам по Общему рынку за экстренной помощью. Министры иностранных дел стран ЕЭС собрались 6 ноября в Брюсселе для обсуждения сложившегося положения. Не было объявлено ни о каких официальных мерах помощи Нидерландам; напротив, собравшиеся министры, с целью умиротворения арабов, опубликовали заявление, в котором призвали Израиль отступить со всех территорий, оккупированных после 1967 г., и “соблюдать права палестинского народа”. Арабы были довольны — но ни в коей мере не удовлетворены. Они по-прежнему снижали объем нефтедобычи; ситуация в Европе продолжала ухудшаться, что лишь усугубляло дипломатическую изоляцию Израиля. Ясно, что надеяться можно было только на Соединенные Штаты.

Вот каковы были обстоятельства, в которых Киссинджер пытался добиться от правительства Голды Меир смягчения израильской позиции — и преуспел в своих усилиях. Затем, по пути на Дальний Восток, Госсекретарь, в поисках компромисса, посетил пять ближневосточных столиц в период между 5 и 9 ноября. Арабские лидеры оказали ему хороший прием как “посланцу мира” — ведь, в конце концов, он был единственным человеком, который мог бы убедить израильтян вернуть оккупированные земли. В ходе доверительной беседы с Садатом 7 ноября Киссинджер уговорил египетского лидера пересмотреть его требования относительно незамедлительного отхода израильтян к линии прекращения огня 22 октября — с тем чтобы рассматривать этот вопрос в более широком контексте общего разъединения израильских и египетских войск. Собственно говоря, обе стороны уже осознали, что существующая линия прекращения огня слишком сложна и запутанна для того, чтобы на ее основе можно было вести конструктивные переговоры. Тем временем Киссинджер заверил Садата, что в ходе мирной конференции, которую надлежит созвать в недалеком будущем, он, Государственный секретарь США, использует все свое влияние, чтобы убедить израильтян согласиться на более значительное отступление на Синае.

Израилю пришлось пойти на определенные уступки и на этом этапе — главным образом, по вопросу снабжения Третьей армии. Для того чтобы обеспечить согласие правительства Голды Меир, заместитель Госсекретаря Джозеф Сиско посетил Израиль и там параллельно обсуждал соответствующие вопросы. Переговоры оказались непростыми, но после многочасовой дискуссии удалось найти компромиссное решение, которое затем было одобрено и египтянами. В документе говорилось о том, что обе стороны будут

“самым тщательным образом” соблюдать соглашение о прекращении огня; что они немедленно приступят к переговорам относительно возвращения к позициям 22 октября “в рамках соглашения о разъединении войск под эгидой ООН”; что город Суэц и Третья армия на восточном берегу Суэцкого канала будут ежедневно получать продовольствие, воду и медикаменты; и что, как только Израиль установит контрольно-пропускные пункты на дороге Каир—Суэц, будет произведен обмен военнопленными. Было также достигнуто неофициальное взаимопонимание (хотя в документе об этом напрямую и не упоминалось), что будет снята блокада Баб-эль-Мандебского пролива. Итак, основные положения этого документа предусматривали, что Израиль предоставляет Египту гуманитарный коридор для осуществления поставок в интересах Третьей армии, а Египет готов к проведению мирной конференции с Израилем в Женеве. Соответственно, 15 ноября, как только первые грузовики направились в город Суэц и вдоль Суэцкого канала, в расположение Третьей армии, египтяне освободили 238 израильских военнопленных, а израильтяне — около 8 тыс. пленных египтян.

Челночная дипломатия и первая стадия разъединения

А пока приближалась дата начала мирной конференции, израильский генерал Ярив, египетский генерал Гамази и их штабные офицеры продолжали встречи на 101-м километре шоссе Суэц—Каир (Гл. XXIV. Израиль склоняется к уступкам), в надежде найти возможные пути разъединения двух армий, чьи позиции оказались столь опасно переплетенными. На переговорах царила непростая обстановка, иногда они были на грани срыва, но впервые за двадцать лет со времен Смешанной комиссии по вопросам мира это были прямые переговоры. Гамази требовал отступления израильтян в глубь Синая. Ярив настаивал на территориальном обмене, с тем чтобы хотя бы часть египетской армии отошла на западный берег Суэцкого канала. К началу декабря стало ясно, что заключение соглашения пока даже не предвидится, и потому переговоры на 101-м километре были прекращены.

После этого Киссинджер приступил к реализации следующего этапа ближневосточной миссии; он был решительно настроен сохранить темпы своих дипломатических усилий и любыми силами усадить враждующие стороны за стол переговоров в Женеве к концу текущего месяца. (Если США возлагали большие надежды на эту Женевскую конференцию, то что уж говорить о европейских странах, всемерно стремившихся положить конец нефтяному кризису.) В ходе этого этапа Киссинджеру еще предстояло убе-

дить израильтян приступить к поэтапному отводу войск с арабской территории, пусть даже в рамках промежуточного процесса размежевания. После нескольких остановок в Европе и Северной Африке Госсекретарь 13 декабря прибыл в Каир. Долгие переговоры с Садатом вечером первого дня и на следующее утро привели к важным уступкам со стороны Египта. Садат подтвердил, что египетский представитель примет участие в Женевской мирной конференции и даже готов сидеть в одном помещении с израильтянами — хотя это и не будет считаться прямыми переговорами с Израилем.

Ободренный такими достижениями, Киссинджер вылетел в Дамаск, где провел изнурительную шестичасовую беседу с президентом Сирии Хафезом Асадом. Здесь все усилия оказались напрасными. С самого начала сирийский лидер настаивал на том, что единственным условием переговоров должно стать предварительное согласие Израиля на полный отход со всей территории Голанских высот. Позиция Асада относительно военнопленных была еще более жесткой. Он не собирался ни предоставить списки военнопленных, ни позволить посещение представителей Красного Креста, ни согласиться на обмен ранеными до тех пор, пока Израиль не даст согласие на полный отвод своих сил. После того как в Иерусалиме решительно отклонили такое предварительное условие, Асад объявил 18 декабря о своем решении бойкотировать Женевскую конференцию. Киссинджер философски отнесся к этому, поскольку шансы на результативные переговоры при отсутствии сирийцев были более значительными. На протяжении следующих восемнадцати часов Госсекретарь посетил Иорданию, Ливан и Израиль, и везде ему сопутствовал успех. Король Хусейн согласился послать в Женеву министра иностранных дел. Израильтяне также согласились участвовать в работе конференции, получив предварительно следующие заверения: роль ООН на конференции будет чисто формальной, в Женеву не придут представители ООП, а арабо-израильские дискуссии будут вестись “лицом к лицу”. Существовало мнение, что размежевание должно предусматривать значительные израильские отступления, но Киссинджеру удалось убедить Голду Меир и ее советников, что целесообразно пойти на определенный риск ради беспрецедентной возможности достигнуть окончательного мирного соглашения.

И вот 22 декабря министры иностранных дел Египта, Иордании, Израиля, США и СССР собрались в женевском Дворце наций. Заседания проходили под номинальным председательством Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма, с минимальной торжественностью и с соблюдением максимальных мер безопасности. Общая атмосфера была холодной. Арабские и израильские министры действительно находились в одном помещении, но делегации входили через разные двери, и начало первого заседания было отложено на сорок пять минут, пока участники убедились, что их размещение в самом деле обеспечивает возможность сторонам конфлик-

та не сидеть рядом друг с другом. Когда конференция приступила к работе, Фахми начал свое выступление в агрессивно-пропагандистском тоне, обвинив Израиль в захвате арабских территорий и заявив, что тот обязан немедленно вывести оттуда свои войска. Эвен ответил ему в таком же бескомпромиссном духе. Но после того как члены делегаций приступили к работе по секциям, работа конференции стала более продуктивной. На следующий день, в полном соответствии с предварительным планом, работа конференции была “временно” прекращена; при этом имелось в виду, что Египет и Израиль пока что начнут переговоры на уровне военных представителей с целью обсуждения вопроса о разъединении сил как следующего этапа на пути к достижению мира. Это была в высшей степени непродолжительная “конференция”, и ее повестка дня не знала себе равных по краткости. Тем не менее это была первая прямая встреча арабских и израильских государственных деятелей со времен переговоров на Родосе в 1949 г., и имелись все основания предполагать, что ее работа продолжится в Женеве в более позднее время. Это, несомненно, стало серьезным достижением Киссинджера.

На следующей стадии генералы Ярив и Гамази возобновили переговоры на 101-м километре. Не существовало ясности даже относительного этого “первого шага” на пути к миру. В Израиле возобновилась отложенная в связи с войной избирательная кампания. К этому времени в Израильской партии труда уже осознали неуместность максималистских положений представленной всего несколько месяцев тому назад программы Галили (Гл. XXIV. Политика самоуспокоенности). Дорогая цена, которую пришлось заплатить за победу, многочисленные человеческие и материальные жертвы, дипломатическая изоляция — все это связывало руки сторонникам жесткой, бескомпромиссной политики. И вот в предвыборной платформе Блока, опубликованной 28 ноября после горячих внутрипартийных споров, вполне недвусмысленно была сделана ставка на веру в искреннее стремление Садата к миру. В документе подчеркивалась как необходимость добиваться в ходе Женевской конференции “обороняемых границ, которые позволяют Израилю эффективно обеспечивать свою безопасность”, так и надежда на достижение мира, основанного на “территориальном компромиссе”.

В этот же день было опубликовано коммюнике проходившей в Алжире встречи глав арабских государств, и этот документ отнюдь не был проникнут аналогичным духом примирения. В качестве “двух основополагающих и неизменных” условий мирного соглашения там были названы полный уход Израиля со всех оккупированных арабских территорий, включая Иерусалим, и “обретение палестинским народом своих неотъемлемых национальных прав”. Впрочем — разве может арабский мир диктовать Садату его политику? Он теперь независимый государственный деятель, он получил значительную свободу действий благодаря захвату “линии Бар-Лева”.

Более того, демонстрируя свою гибкость, он может — благодаря вмешательству Киссинджера — добиться того, чего не смогли сделать его генералы на поле боя. Как заявил его министр иностранных дел Фахми: “Кто же еще, кроме США, сможет принудить Израиль к отступлению?”

Таким образом, несмотря на неспособность израильских и египетских военных достигнуть соглашения о разъединении войск в ходе переговоров, ни Иерусалим, ни Каир не считали, что все возможности в этом направлении исчерпаны. По просьбе правительств обеих стран Киссинджер вылетел из Вашингтона 10 января 1974 г. для проведения третьего раунда своей челночной дипломатии. Его первой остановкой стал Асуан, известный своим умеренным климатом, где Садат восстанавливал силы после бронхита. Беседа между ними проходила весь день 12 января. Киссинджер предложил своему собеседнику для рассмотрения израильские предложения о размежевании, которые привез ему в Вашингтон Моше Даян, — и ответы Садата позволили Госсекретарю сделать вывод, что стороны движутся к взаимопониманию, пусть и очень медленно. Затем, к вечеру 12 января, Госсекретарь вылетел из Асуана в Тель-Авив, а оттуда, в снегопад — редкое для этих мест явление, — отправился в Иерусалим, на рабочий ужин с израильскими руководителями.

Именно на переговорах, проходивших этим вечером, обозначились серьезные сдвиги в ближневосточной ситуации. Киссинджер информировал израильское руководство о том, что Садат предложил вариант немедленного разъединения войск при личном посредничестве Государственного секретаря — в качестве альтернативы переговорам на 101-м километре. Все соображения и детали могут быть обсуждены впоследствии, в ходе Женевской конференции, когда она возобновит свою работу. Израильцы были поставлены перед непростым выбором: продолжать прямые переговоры или нет. С одной стороны, возможность вести переговоры непосредственно с противной стороной стала для Израиля основным побудительным мотивом для прекращения огня, а затем основным фактором, приведшим к согласию относительно открытия гуманитарного коридора для снабжения окруженной Третьей армии. Но, возможно, еще более привлекательной представлялась возможность разрядить при помощи Киссинджера опасную ситуацию, связанную с противостоянием двух армий. Ведь в ходе прямых переговоров не было достигнуто практического никакого прогресса — и еще меньший успех мог ожидать на Женевской конференции, когда в переговорах будут участвовать враждебно настроенные советские представители и арабские министры иностранных дел. Израильцы приняли решение не подвергать угрозе жизни своих солдат, и, как и ожидалось, их выбор вскоре дал ощутимые результаты. Курсируя между Асуаном и Тель-Авивом в президентском самолете, Киссинджер вскоре смог навести мосты между противостоящими сторонами. И вот 17 января он сообщил Никсону, что

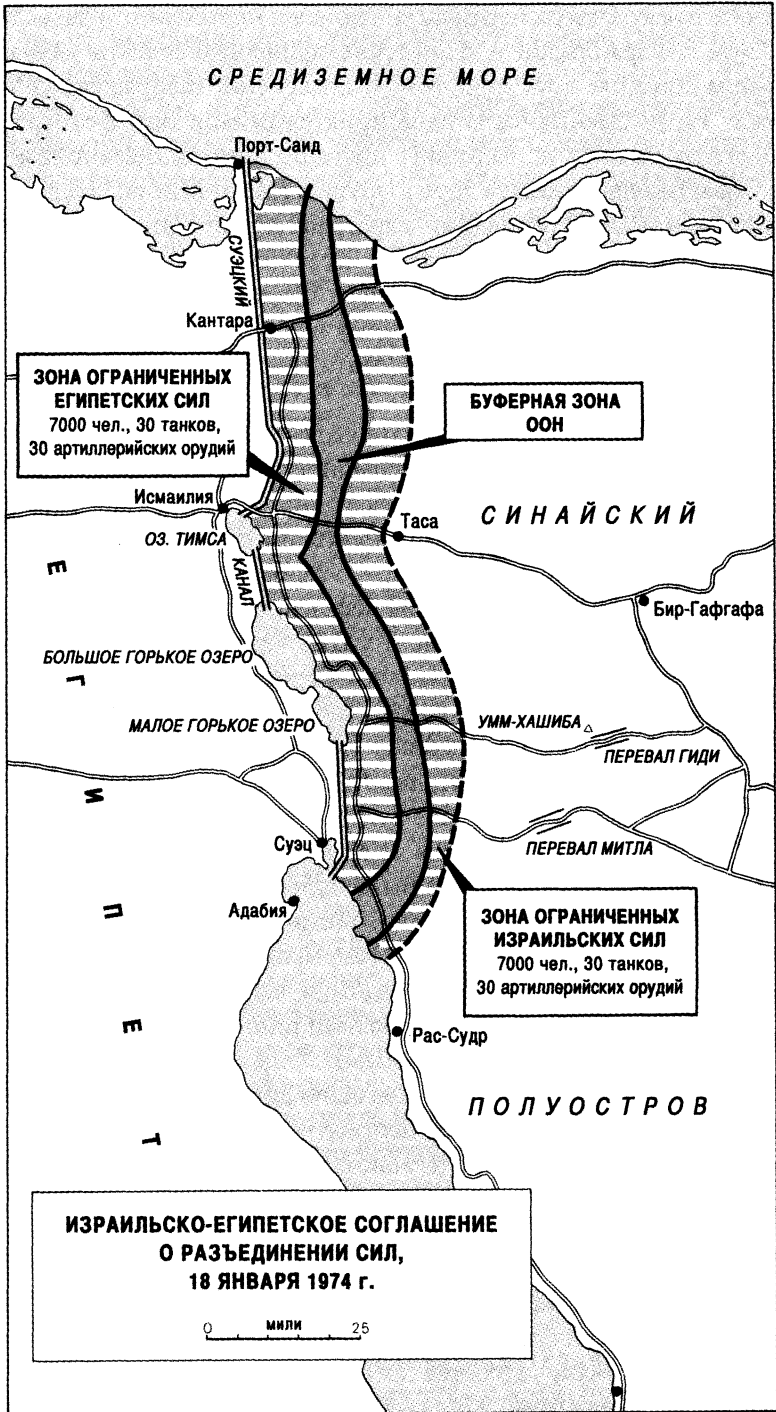
документ о разъединении войск готов, и на следующий день генералы Элазар и Гамази должны подписать его на 101-м километре.

Как преамбула, так и основной текст соглашения явственно несли следы того давления, которое США и весь мир оказывали на Израиль. Израильтяне должны были отойти не только с западного берега Суэцкого канала, но и со своих позиций на восточном берегу, на 6–7 миль в глубь Синая, а в общей сложности на 15 миль от самого Канала. Хотя при этом позиции Израиля не подвергались существенному ослаблению — перевалы Гиди и Митла оставались в их руках, — но в целом все это выглядело как одностороннее отступление. Впрочем, этот отход обуславливался согласием Садата на значительное сокращение египетского военного присутствия на восточном берегу канала — всего лишь 7 тыс. человек, 36 артиллерийских орудий и 30 танков, причем в определенной и ограниченной зоне. Египетские ракеты, размещенные на западном берегу, будут относиться исключительно к категории оборонительных. Среднюю — буферную — зону займут войска ООН, а в третьей зоне будут расположены израильские силы — на тех же условиях, что и египетские силы по другую сторону канала. Помимо официального двустороннего соглашения, пакет документов включал одиннадцать “частных” посланий Никсона, адресованных Садату и Меир, причем оба ближневосточных лидера также подписали восемь из них — и это означало, что как Египет, так и Израиль принимали на себя обязательства по отношению не только друг к другу, но и к третьей стороне — Соединенным Штатам. Самое важное из этих “частных” посланий содержало обязательства Садата приступить к очистке Суэцкого канала и восстановлению городов в зоне канала, что делало всю зону Суэцкого канала своего рода гарантом мира; кроме того, грузам невоенного характера из Израиля и в Израиль предоставлялось право свободного прохода через канал — хотя и не на израильских судах. И наконец, Соединенные Штаты принимали на себя обязательства осуществлять воздушную разведку в зоне разъединения войск, а также “в полной мере удовлетворять потребности Израиля в различных видах вооружений на долгосрочной основе”. В целом, соглашение нельзя было назвать невыгодным для Израиля.

Ко всему прочему, нельзя было и утверждать, что челночная дипломатия Киссинджера полностью заменила все прямые переговоры. Разработка детальных планов реализации соглашения была поручена генералам Яриву и Гамази в ходе их встреч на 101-м километре. На протяжении полутора недель генералы определили стадии разъединения, после чего взаимный отвод войск проходил без особых трудностей. Обе стороны строго выполняли свои обязательства. Немаловажно отметить и то обстоятельство, что на протяжении четырех с половиной месяцев, со времени начала переговоров на 101-м километре о снабжении египетской армии в конце октября 1973 г. и

до окончательного отвода израильских войск к новой линии разъединения в марте 1974 г., израильские и египетские офицеры и солдаты находились в ежедневном контакте друг с другом, и постепенно напряженные отношения между ними сменились вполне приятельскими: они фотографировались вместе на память, хлопали друг друга по плечу и обменивались адресами, договариваясь приехать друг к другу в гости. Многие со всей серьезностью воспринимали последний параграф соглашения о разъединении: “Египет и Израиль не рассматривают настоящее соглашение как окончательный мирный договор. Этот документ представляет собой первый шаг на пути к окончательному, справедливому и прочному миру в соответствии с положениями Резолюции № 338 Совета Безопасности и в рамках решений Женевской конференции”.

К этому времени Киссинджер пользовался и в Египте, и в Израиле репутацией “чудотворца”. Именно его успешное посредничество при разъединении египетских и израильских войск, равно как и его обещание предпринять аналогичные усилия для разъединения противостоящих сил Израиля и Сирии, побудило арабские страны — экспортеры нефти отменить свое эмбарго с 18 марта — хотя рост цен на нефть при этом не прекратился. Промышленные предприятия в Европе и США вернулись к нормальному режиму работы, транспорт — к нормальному графику движения. Похоже, что складывалась благоприятная атмосфера для начала переговоров между Израилем и Сирией. Как Садат, так и король Саудовской Аравии Фейсал призывали Дамаск довериться Киссинджеру. Было очевидно, что переговоры о судьбе Голанских высот будут нелегкими. Сирийцы завоевали репутацию самых твердолобых националистов во всем арабском мире. Враждебное отношение к израильтянам в Сирии было более непримиримым и упорным, чем в любой другой арабской стране. Помимо всего прочего, правители Сирии были по большей части алавитами, меньшинством в стране, и народ относился к ним с недоверием — вследствие чего они, безусловно, не имели возможности свободно маневрировать и принимать компромиссные решения. Ко всему этому следовало добавить еще и личные качества Хафеза Асада. По словам Киссинджера, за всю свою дипломатическую карьеру ему не доводилось иметь дело с более неприятным и озлобленным человеком, чем этот сорокавосемилетний отставной генерал ВВС. С виду абсолютно невозмутимый и бесчувственный, он имел раздражающую манеру время от времени что-то напевать про себя в самый разгар переговоров. И еще одно важное обстоятельство: Москва активно поддерживала Асада в его упорстве. Опасаясь, что Сирия может попасть под американское влияние, Советский Союз всячески старался сформировать неуступчивый и бескомпромиссный “фронт отказа”, в состав которого должны были входить Сирия, Ирак, Ливия и палестинцы. Пользуясь советской поддержкой, Дамаск на-

стаивал на том, что Израиль должен вернуть часть Голанских высот немедленно, еще до начала переговоров, и взять при этом на себя обязательство в ходе переговоров полностью уйти с Голан.

Израильтяне поначалу проявили аналогичное отсутствие гибкости. Из всех уроков войны они хорошо усвоили два следующих: их северные враги фанатично жестоки, а на Голанах и в самом деле нет места для территориальных уступок. Всего лишь 60 миль отделяют западный склон Голанских высот от промышленного сердца Израиля, района Хайфа—Ако, и израильтяне осознали, что им жизненно необходим плацдарм на Голанах, который обязательно должен включать наблюдательный пункт на горе Хермон, и что без такого плацдарма время для предупреждения о нападении противника, равно как и размеры оборонительной буферной зоны, сокращаются до критической величины. Следует подчеркнуть, что это знание далось им дорогой ценой. Вместе с тем министры правительства Голды Меир понимали, что на некоторые уступки Израилю придется пойти и на Северном фронте. И дело было не только в американском нажиме. Сирийцы явно намеревались сохранять состояние напряженности вдоль линии прекращения огня. На протяжении марта и апреля они регулярно подвергали израильские поселения артиллерийскому обстрелу, и время от времени сирийские командос устраивали вылазки на территорию Израиля. Масштабы насилия увеличивались изо дня в день, становясь невыносимыми. За время с марта по май 1974 г. израильские вооруженные силы потеряли 37 человек убитыми и 158 ранеными.

Но существовал еще более значимый фактор, способствовавший изменению позиции правительства по вопросу Голан,— это судьба израильских военнопленных. Армия обороны Израиля насчитывала более 200 человек, без вести пропавших на Северном фронте, и не имелось никакой возможности выяснить их судьбу. Дамаск решительно отказывался предоставить список военнопленных или допустить к ним сотрудников Красного Креста. Но после наступления на Голанах были найдены тела израильских военнослужащих, изрешеченные пулями и со связанными руками, и можно было без труда представить себе судьбу тех солдат, кто все еще оставался в руках сирийцев. Каждый новый день их пребывания в плену был истинным кошмаром для всего израильского народа. Семьи пропавших без вести проводили демонстрации перед *кнесетом* и у канцелярии премьер-министра. Если бы удалось склонить сирийцев к малейшему проявлению гибкости, Израиль был бы готов сделать встречный шаг.

У Киссинджера имелся свой, и достаточно эффективный, план, с помощью которого можно было убедить Асада пойти на переговоры. СССР мог предложить сирийцам только оружие для дальнейших военных действий, при этом не давая никаких гарантий того, что отобранные Израилем территории будут возвращены. От США можно было ожидать большего, а

именно помощи, причем не только финансовой, но и технической. Нельзя сказать, что такого рода перспективы были абсолютно безразличны сирийскому президенту. И вот в середине февраля 1974 г. Асад наконец дал свое принципиальное согласие предоставить список из 65 израильских военнопленных — при условии, что “чудотворец” Киссинджер согласится председательствовать на этих трехсторонних переговорах. Госсекретарь согласился и вернулся на Ближний Восток на следующей за тем неделе. Тем временем сирийские власти позволили представителям Красного Креста посетить пленных (после чего стало известно, что не менее 42 человек были убиты сирийцами прямо на Голанах и еще 11 умерли в плену от ран). Ряд коротких визитов в Дамаск и Тель-Авив убедили Киссинджера, что правительства двух стран могут прийти к некоторой договоренности. Вернувшись в Вашингтон, он продолжил переговоры с представителями сторон — Моше Даяном и руководителем сирийской разведки бригадным генералом Хикматом Шехаби. Постепенно позиции сторон начали сближаться.

Наконец, в конце октября, Киссинджер снова отправился на Ближний Восток — это был его шестой визит в регион с октября прошлого года. Челночные полеты продолжались на протяжении 32 дней, причем последний визит оказался самым продолжительным и напряженным в его практике. Недоверие обеих сторон было столь очевидным, что выведенный из терпения Госсекретарь дважды выступил с угрозой вернуться в США. Наконец 31 мая генерал-майор Герцль Шафир от Израиля и генерал Аднан Ваджи Таяра от Сирии подписали текст соглашения в Женеве (тем самым подчеркивалось, что данный документ принят в рамках Женевской мирной конференции). После 81 дня практически непрерывной стрельбы наконец замолчали орудия на Голанских высотах. В общих чертах соглашение напоминало аналогичный договор, ранее заключенный между Израилем и Египтом. Пакет документов включал основной документ, подписанный в Женеве, протокол, определявший статус войск ООН, и несколько “частных” американских посланий, адресованных Сирии и Израилю и содержавших заверения Никсона и Киссинджера и их разъяснения по ряду ключевых вопросов.

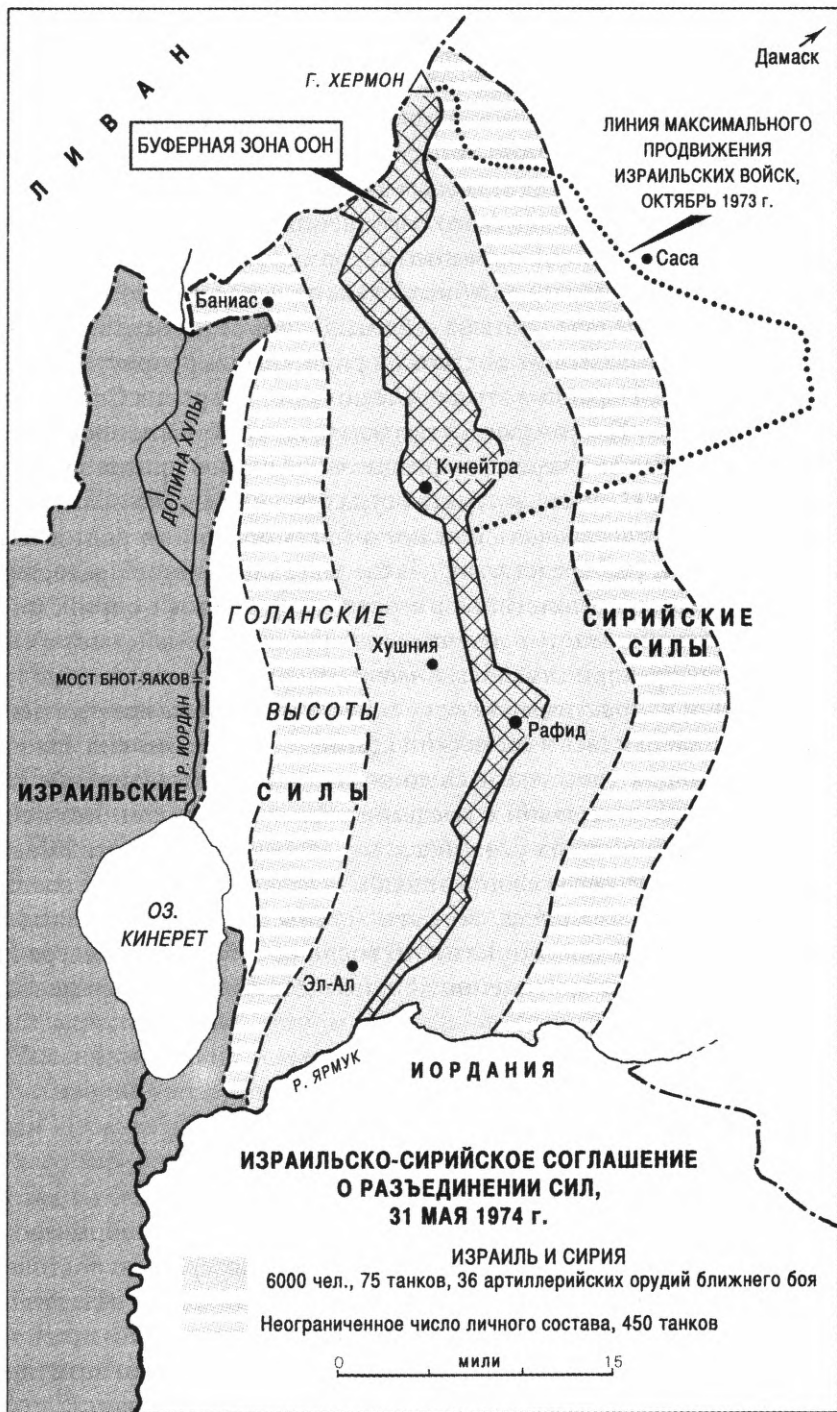
Соглашение устанавливало новые договоренности о прекращении огня, причем Израиль и Сирия обязывались “воздерживаться от любых действий военного характера, направленных друг против друга”. Израильские войска должны были отойти несколько западнее ранее признанной Пурпурной линии, а сирийские силы продвигались несколько восточнее прежней границы. Кунейтра снова отходила к Сирии вместе с несколькими соседними деревнями, но за Израилем были оставлены близлежащие стратегически важные высоты и ключевые позиции на горе Хермон. Как и на Южном фронте, отход израильских войск не приводил к ослаблению их оборонительных возможностей. Между позициями двух армий устанавливалась

демилитаризованная буферная зона, шириной от одной до четырех миль, с двумя равными и параллельными “зонами ограниченного размещения войск и вооружений” на каждой из сторон. Патрулирование в буферной зоне должны были осуществлять 1250 наблюдателей ООН. 31 мая Совет Безопасности одобрил создание этих сил на полугодовой срок, с тем чтобы их мандат в дальнейшем возобновлялся каждые полгода.

В рамках израильско-сирийского соглашения 1949 г. обе стороны согласились, что никаким “военизированным формированиям” не будет позволено вести “военные или враждебные” действия против другой стороны. На этот раз Дамаск не стал брать на себя аналогичное обязательство, не желая публично отказываться от поддержки различных террористических организаций. Правда, Израиль в этом плане получил заверения Соединенных Штатов: в послании Киссинджера утверждалось, что “рейды вооруженных групп или отдельных лиц через демаркационную линию противоречат идее прекращения огня; Израиль, в рамках осуществления своего права на самооборону, вправе предотвращать или прекращать подобного рода действия всеми доступными ему средствами”. Такое завуалированное предостережение должно было воспрепятствовать действиям федаинов с сирийской территории, и в течение многих лет никаких враждебных действий с сирийской стороны не предпринималось. *Кнесет* утвердил это соглашение (73 голосами против 35). Практически тут же были освобождены военнопленные, многие из них находились в состоянии крайнего истощения сил. На протяжении последующих трех недель было осуществлено разъединение как таковое, в строгом соответствии с предварительным графиком. Хотя сирийцы не предприняли никаких усилий к тому, чтобы восстановить Кунейтру, которую израильтяне перед своим отходом, в качестве “меры предосторожности”, полностью разрушили, все-таки можно было рассчитывать, с довольно высокой долей вероятности, что военные действия на севере Израиля не возобновятся на протяжении достаточно длительного времени.

Политическая жизнь: смена караула

Тем временем выборы в *кнесет* восьмого созыва, отложенные на два месяца из-за войны и затем назначенные на новую дату — 31 декабря, проходили в атмосфере, омраченной тяжелыми военными потерями и постоянной угрозой возобновления военных действий. Партии Блока (Партия труда — *Мапам*) не могли не утратить некоторых своих позиций; причинами тому были скандалы на правительственном уровне и вспышки возмущения в обществе, вызванные усугубившимся классовым неравенством (Гл. XXIV).

Однако, с учетом последствий войны, особую значимость снова приобрели проблемы, связанные с ходом боевых действий, а также территориальные вопросы. Падение “линии Бар-Лева” и разгром израильских войск в ходе сирийского наступления повергли страну в состояние шока. Впрочем, при всем недовольстве политикой Блока, мало кто в стране сомневался в способности правительства, возглавлявшегося Голдой Меир, с Моше Даяном в качестве министра обороны, обеспечить национальную безопасность, также как никто не ставил под сомнение непобедимость Армии обороны Израиля, отношение к которой было просто благоговейным. И вот теперь эта уверенность оказалась подорванной. Предыдущие три войны Израиля не закончились мирными договорами, но они, во всяком случае, приносили ощущение сравнительной стабильности. И вот это ощущение оказалось сведенным на нет. В 1973–1974 гг. советское давление, при молчаливом американском согласии, не позволило армии одержать окончательную победу и достичь стратегических целей, насущность и неотложность которых были очевидными. Последствия такого исхода могли стать очень тревожными.

Травма прошедшей войны, зловещий призрак будущих, возможно, еще более кровопролитных военных конфликтов с неясным исходом — все это решительным образом изменило отношение народа к вопросу об оккупированных территориях. Опрос, проведенный 12–13 ноября израильским Институтом социальных исследований, показал, что три четверти респондентов были готовы, в обмен на мир, отказаться от всех, или почти всех, территорий, взятых в 1967 г. Такие настроения в народе способствовали внесению значительных изменений в партийные платформы накануне предстоявших выборов. Как уже было сказано, Блок в представленном документе от 28 ноября в значительной степени переработал первоначальный план Галили и дал понять, что готов к определенным компромиссам касательно контролируемых территорий. *Ликуд* сохранял более твердую позицию, настаивая на “прямых переговорах” с арабами. Собственно говоря, *Ликуд* не высказывал своего безусловного несогласия с мыслью об отходе с территорий, но лишь указывал на “неприемлемость такого отхода, который может поставить под угрозу мир и безопасность страны”. Однако если говорить о Бегине, Шароне и других лидерах правой ориентации, то, изменив форму выражения своих идей, они не изменили их сути и тем самым своего имиджа. Действительно, имелось немало людей, голосовавших за *Ликуд* в отместку правительству Голды Меир, допустившему ошибки в прошедшей войне, но общество в целом еще не было готово к сдвигу вправо. Мало кто верил, что сторонникам жесткой политики из *Ликуда* можно доверить поиски альтернативных путей достижения мира.

Таким образом, декабрьские выборы не привели к принципиальным переменам на политическом небосклоне страны. *Ликуд* получил дополни-

тельных восемь мест в *кнесете*, хотя это случилось в основном благодаря появлению новых фракций в составе *Ликуда* — Свободного центра, Государственного списка и Движения за неделимый Израиль, но по-прежнему оставался в меньшинстве, набрав значительную часть своих голосов за счет избирателей, недовольных неоднозначным исходом войны. Большинство политических обозревателей полагало, что *Ликуд* достиг пика своей популярности и влиятельности. Блок Партия труда — *Мапам*, потеряв шесть мест в *кнесете*, мог считать себя “должным образом наказанным”. Впрочем, имея 51 место из 120, он по-прежнему оставался доминирующей силой в *кнесете*. В известном смысле ослабив свои позиции и вступив при этом в недостойную перепалку с традиционными партнерами — Национальной религиозной партией и Независимыми либералами, Блок, тем не менее, в очередной раз смог сформировать коалиционный кабинет, который Голда Меир представила на утверждение *кнесету* 10 марта. После десятичасовых дебатов новое правительство получило вотум доверия 62 голосами против 46, при девяти воздержавшихся. Вскоре после этого новое правительство Меир поставило на голосование план разъединения израильских и египетских войск, и он был единогласно одобрен *кнесетом*.

Однако оказалось, что этому правительству было суждено пробыть у власти самый короткий период за всю историю страны, и оно пало три недели спустя после своего вступления в должность. Причиной его падения стал “официальный отчет” о ходе Войны Судного дня. Уже 29 октября, сразу же после прекращения огня, пресса и представители всех политических партий начали настаивать на своем праве знать, по каким причинам Вооруженные силы Израиля потерпели тяжелое поражение в самом начале военных действий. В ответ на эти требования правительство 18 ноября объявило о создании специальной комиссии, которая должна была расследовать обстоятельства провала израильской разведки и общей неподготовленности армии к войне. Главой комиссии был назначен д-р Шимон Агранат⁶, председатель Верховного суда Израиля, американец по рождению, который, в свою очередь, приступил к подбору членов комиссии. Все это были неполитические фигуры, пользовавшиеся уважением в обществе: Моше

6 Агранат Шимон (1906–1992) — израильский юрист. После окончания юридического факультета Чикагского университета в 1930 г. репатриировался в Эрец-Исраэль. С 1931 г. занимался адвокатской практикой в Хайфе. В 1940 г., отказавшись от гражданства США, стал мировым судьей. В 1948–1949 гг. — председатель Хайфского окружного суда. В 1950 г. Агранат был назначен членом Верховного суда; в 1960–1965 гг. — заместитель председателя; а в 1965–1976 гг. — председатель Верховного суда. В 1954–1960 гг. читал курс уголовного права в Еврейском университете. В 1973 г. возглавил комиссию по расследованию упущений, предшествовавших Войне Судного дня.

Ландой, судья Верховного суда, д-р Ицхак Небенцаль⁷, государственный контролер, профессор Игаэль Ядин, видный археолог, и генерал Хаим Ласков, возглавлявший отдел жалоб Армии обороны Израиля, а в прошлом, как и Ядин, занимавший пост начальника Генерального штаба.

К началу апреля комиссия уже провела 140 заседаний, заслушала 58 свидетелей (все давали показания на закрытых заседаниях), а также ознакомилась с большим количеством документов. Когда стало ясно, что работа комиссии может продлиться еще как минимум полгода, Агранат и его коллеги решили опубликовать в начале весны промежуточный отчет. Обсуждение велось уже несколько месяцев и могло потребовать еще столько же времени, если не больше, — до тех пор, пока не будут выяснены все вопросы, связанные с безопасностью страны. Между тем всенародное обсуждение Войны Судного дня вылилось в неконтролируемое всеобщее возмущение. Комиссия Аграната представила правительству 2 апреля (и опубликовала на следующий день) “промежуточный” отчет по следующим вопросам: (1) сбор и оценка разведывательной информации в предвоенный период, (2) дислокация вооруженных сил по состоянию на час “Ч”, то есть на четырнадцать часов 6 октября. Остальные вопросы, связанные с оценкой как общей степени подготовленности вооруженных сил к войне, так и действий армии до того момента, когда наступление противника было остановлено, предполагалось осветить позже, в заключительном отчете. Полный текст отчета был опубликован в январе 1975 г., но к тому времени настроение общества уже не было таким напряженным, и заключительный отчет имел значительно меньшую политическую значимость. А вот промежуточный отчет произвел впечатление разорвавшейся бомбы.

Члены комиссии Аграната пришли к выводу, что информация, которой располагали Вооруженные силы Израиля, была более чем достаточной для того, чтобы осознать наличие у Сирии и Египта намерений начать военные действия против Израиля, однако лишь утром 6 октября руководитель военной разведки сообщил о готовящемся начале военных действий противника — причем назвал в качестве часа “Ч” не четырнадцать, а восемнадцать

7 Небенцаль Ицхак-Эрнст (1907–1992) — израильский юрист и государственный деятель. Высшее юридическое образование получил в университетах Берлина, Фрейбурга и Франкфурта. В 1929 г. получил степень доктора юриспруденции в университете Франкфурта. В 1930–1932 гг. преподавал на кафедре гражданского права Франкфуртского университета. С 1932 г. жил в Эрец-Исраэль. В 1933–1946 гг. был юридическим советником банка *Яфет*. Во время Войны за независимость служил офицером в Генеральном штабе. В 1949–1950 гг. занимал пост руководителя департамента Еврейского агентства. В 1954–1956 гг. — президент Израильского почтового банка. В 1961–1981 гг. Небенцаль занимал пост государственного контролера Израиля. Член комиссии Аграната.

часов. Такая ошибочная интерпретация фактов объяснялась, по мнению членов комиссии Аграната, упрямой и доктринерской приверженностью “концепции”, согласно которой египетские ВВС не в состоянии обеспечить стране ведение полномасштабной войны, а Сирия не начнет военные действия в одиночку, без Египта. Даже утром 5 октября израильская разведка заверяла Генштаб, что вероятность начала военных действий — “ниже минимального уровня”. В этой связи комиссия рекомендовала сместить с занимаемых должностей генерала Зейру, руководителя военной разведки, и всех троих его заместителей (рекомендации были приняты к сведению и немедленно претворены в жизнь). Комиссия также отметила следующие ошибки: в стране не существовало плана оборонительных действий на случай внезапного нападения противника; частичную мобилизацию следовало объявить как минимум за неделю до 6 октября; танковые войска не были должным образом развернуты даже после объявления тревоги утром 6 октября. Сочтя начальника Генерального штаба Элазара лично ответственным за первые две ошибки, комиссия с прискорбием рекомендовала сместить его с этой должности, а также отстранить от должности генерала Гонена, командующего Южным фронтом, который не отдал приказа о развертывании танковых частей.

Что же касается вопроса личной ответственности на правительственном уровне, то здесь выводы комиссии не были столь решительными. В отчете было высказано мнение только относительно прямой ответственности Голды Меир и Моше Даяна за их действия. “Мы не считаем, что в наши задачи входило выражение мнения относительно ответственности на уровне *кнессета*”, — гласил отчет. С учетом своей ограниченной сферы компетенции, члены комиссии во главе с Агранатом отказались не только рассуждать, но даже строить предположения по вопросу, требующему особой осмотрительности: “Не могли ли профессиональные качества или личный опыт одного из министров — а именно Моше Даяна, министра обороны, который располагал соответствующей квалификацией и опытом в силу того обстоятельства, что в свое время он сам занимал пост начальника Генерального штаба... привести данного министра к выводам... противоположным тем, что были единодушно представлены ему” военными экспертами? Заявив, что этот вопрос “выходит за рамки настоящего расследования”, комиссия просто указала: “С учетом критериев разумного поведения... министр обороны не был обязан принимать дополнительные меры предосторожности сверх тех, что были рекомендованы ему Генеральным штабом...” Не были также высказаны обвинения и в адрес лично Голды Меир, хотя и прозвучал упрек относительно того, что на чрезвычайном заседании кабинета министров 3 октября она ограничилась обсуждением итогов своей встречи с канцлером Австрии Крайским и не рассмотрела вопрос о сосредоточении арабских вооруженных сил у границ страны.

После того как отчет комиссии Аграната был 2 апреля представлен на рассмотрение правительства, начальник Генштаба Элазар официально объявил о своей отставке. Однако в ходе заседания правительства в полном составе, с участием также и Даяна, Элазар высказался в том смысле, что с ним обошлись несправедливо, и дал понять, что министр обороны должен как минимум разделить с ним ответственность за все, происходившее накануне войны. Один из членов кабинета заметил впоследствии не без горечи, что Даян всегда был готов разделить успех, как в 1967 г., но не признать свою ответственность в случае неудачи. Начиная буквально со следующего дня все слышнее становились критические голоса в прессе и в народе. Особенное возмущение вызывало то обстоятельство, что наказанию подверглись профессиональные военные, тогда как с Даяна сняли ответственность за состояние вооруженных сил, хотя именно это и входило в сферу его компетенции. Уже стали всеобщим достоянием разговоры о том, что у министра обороны не выдержали нервы в ходе военных действий (хотя в отчете об этом напрямую не говорилось). И вот после 3 апреля эти народные настроения нашли свое отражение в том, что демобилизованные солдаты начали организовывать публичные выступления, призывая Даяна уйти в отставку; аналогичные призывы слышались и в рядах Партии труда. Даже орган *Гистадрута*, газета *Давар*, обвинила комиссию Аграната в том, что она оказалась не в состоянии проявить равное беспристрастие по отношению к Даяну и Элазару. Студенты, представители академических кругов, писатели и творческая интеллигенция выступали на страницах газет, призывая к отставке Даяна. *Лихуд* тем временем потребовал созыва внеочередного заседания *кнесета* для рассмотрения вопроса о вотуме недоверия правительству.

В ожидании этого заседания, назначенного на 11 апреля, напряженность отношений в самой Израильской партии труда достигла высшей точки. Дело в том, что вот уже на протяжении нескольких лет, еще до того, как разразился данный кризис, ситуация в лагере социалистов определялась во все большей степени борьбой между *Рафи* и *Ахдут ѓа-авода* за наследие партии *Манай*. Это соперничество не прекратилось и после того, как *Рафи* и *Ахдут ѓа-авода* объединились в Израильскую партию труда. Все громче высказывалось мнение членов партии, и в первую очередь сторонников министра обороны, бывших членов *Рафи*, что если Даян и должен уйти в отставку, то не один, а вместе с Голдой Меир и ее доверенными лицами, бывшими членами *Ахдут ѓа-авода* Галили и Алоном. Взаимные обвинения звучали со все большей язвительностью и резкостью, причем ни одна из сторон явно не намеревалась отступать. Таким образом, чем меньше времени оставалось до 11 апреля, тем явственнее обозначался внутривнутрипартийный раскол, и ситуация становилась еще хуже, чем в начале 1960-х гг., во времена “дела Лаво-

на”. Трудно было сказать с достаточной степенью определенности, намерены ли члены *кнесета* от Партии труда сомкнуть ряды во время голосования по вотуму недоверия и выступить в поддержку правительства. Вне себя от негодования, изнуренная внутрипартийной борьбой, Голда Меир решила не идти на риск голосования в *кнесете* и подала в отставку — что означало также падение ее правительства (при этом она оставалась во главе временной администрации до результатов новых выборов).

Теперь у Израильской партии труда возникла неотложная задача: найти преемника этой необыкновенной женщине, внушавшей одновременно страх и восхищение. Проблема выбора была весьма непростой. До войны в политических кругах полагали, что преемником Голды Меир станет либо Даян, либо Алон. Но репутация Даяна оказалась подмоченной, да и ситуация с Алоном была не вполне однозначной. Возможно, приемлемой кандидатурой мог стать Пинхас Сапир, который пользовался поддержкой центра партии *Манай* (представлявшей все еще около 60% всего социалистического движения), но он заявил о том, что устал и намеревается вообще уйти из правительства. В сложившихся обстоятельствах у партии *Манай* оставалась еще кандидатура Абы Эвена, чопорного аристократа; однако он не пользовался особой любовью у широких масс, и потому его кандидатура отпала практически с самого начала. Таким образом, основными соперниками стали бывший протеже Бен-Гуриона, очень способный и пользующийся всеобщим уважением Шимон Перес, занимавший в данное время пост министра информации, и Ицхак Рабин, начальник Генштаба во время Шестидневной войны, затем посол Израиля в Вашингтоне и теперь министр труда. Перес был кандидатом от крыла *Рафи*, но пользовался также самой широкой поддержкой всех членов партии *Манай*. Рабин, бывший палмаховец и член *Ахдут ха-авода*, фактически никогда не играл активной роли в левом движении и, по сути дела, не был членом никакой политической организации до тех пор, пока Партия труда не оформилась как объединенная политическая сила. Обладая, таким образом, репутацией человека почти аполитичного, героя Шестидневной войны, не запятнанного к тому же неудачами недавних военных действий, Рабин мало-помалу стал кандидатом, наиболее подходящим для всех фракций Партии труда. И вот 22 апреля его кандидатура была одобрена центральным комитетом партии — впрочем, число поданных за него голосов не было подавляющим.

После этого началась новая эра в израильской политике, вызвавшая в народе смешанные чувства надежды и недобрых предчувствий. С одной стороны, можно было говорить о плавном переходе власти от поколения отцов-основателей (и матерей-основательниц), поколения Бен-Гуриона, Шарета, Эшколя и Голды Меир, к поколению уроженцев (или почти уро-

женцев) страны. Рабина, первому в истории страны премьер-министру, родившемуся в Израиле, был 51 год; Перес, получивший пост министра обороны, был на год моложе его; Алону, герою *Палмаха*, ставшему министром иностранных дел в этом правительстве, было 56 лет; Аѓарону Яриву, министру информации, — 54 года; Аѓарону Ядлину⁸, министру образования и культуры, — 58 лет; Авраѓаму Оферу, министру жилищного строительства, — 47 лет; Гаду Яакоби⁹, министру транспорта, — 39 лет. В народе переход власти в руки молодого поколения был встречен с одобрением. Впрочем, в связи с этими переменами возникали и определенные вопросы. Речь шла не только об отсутствии у Рабина политического опыта и даже не о тех непомерных суммах, которые он назначал в качестве гонораров за свои публичные выступления во время пребывания на посту посла в Вашингтоне. Опасения возникали в связи с тем, что как Партия труда, так и *Ликуд* в поисках лидеров все чаще обращались к героям с военным прошлым (Гл. xxiv. Переоценка военной стратегии), к таким деятелям, как Бар-Лев и Рабин, Эзер Вейцман, Шломо Лаѓат¹⁰ (мэр Тель-Авива от партии *Ликуд*), само-

- 8 Ядлин Аѓарон (р. 1926) — израильский политический деятель. В молодости вступил в *кибуц* Хацерим, был избран секретарем *кибуца*. В 1950–1952 гг. был членом исполнительного комитета *Гистадрута*. В 1955–1957 гг. работал директором *Бейт Берл* — учебно-воспитательного центра партии *Мапай*. С 1961 г. — член *кнесета* от партии *Мапай*. В 1966–1972 гг. — заместитель министра просвещения. В 1972 г. Ядлин был избран секретарем Израильской партии труда. В 1974–1977 гг. занимал пост министра образования и культуры. В 1977 г. был избран в *кнесет* седьмого созыва, но, в соответствии с решением руководства *кибуцного* движения о ротации членов *кнесета* — *кибуцников*, был отозван из *кнесета* и вернулся в *кибуц*.
- 9 Яакоби Гад (1935–2007) — израильский государственный и политический деятель. В молодости присоединился к рабочему движению. Получил первую степень в области государства и права в Тель-Авивском университете в 1958 г. и вторую степень в области экономики в 1960 г. В 1958–1959 гг. — секретарь движения *мошавов*, в 1960–1961 гг. — пресс-атташе министерства сельского хозяйства. В 1962–1963 гг. — специальный помощник министра, в 1963–1966 гг. — глава Центра сельскохозяйственного развития и планирования. Автор статей, опубликованных в израильской прессе, о сельском хозяйстве и экономическом развитии. С 1969 г. — депутат *кнесета* от партии *Мапай*. В 1974–1977 гг. Яакоби занимал пост министра транспорта, в 1984–1988 гг. — министра экономики и планирования, в 1989–1990 гг. — министра связи. В 1992–1996 гг. был послом Израиля в ООН. В 1996–1998 гг. — президент Электрической компании, в 2000–2003 гг. был председателем объединения израильских портов. Написал несколько книг, в т. ч. “Качество власти” (1972); “Свобода выбора” (1975).
- 10 Лаѓат Шломо (прозвище “Чич”; р. 1927) — израильский военный и общественный деятель. В 1933 г. семья Лаѓат переехала из Берлина в Эрец-Исраэль. Во время Войны за независимость был командиром взвода. В 1952–1955 гг. учился на юридическом факультете Еврейского университета; в 1956–1957 гг. — в Высшем штабном колледже армии США. Участвовал в Шестидневной войне; военный губернатор Восточного Иерусалима. В 1968–1969 гг. в звании генерал-майора командовал израильскими

надежный “Арик” Шарон. Нельзя было забыть, как во время избирательной кампании в декабре 1973 г. Шарона, героя суэцкого контрнаступления, встречали на ликудовских митингах, особенно в районах, населенных выходцами из стран Востока, громогласным кличем: “Арик, Мелех Исраэль!” — “Арик, Царь Израильский!”

Однако, по мере развития событий, Рабин проявил себя отнюдь не простодушным политиком. Это стало очевидным в ходе формирования новой коалиции, когда его тотчас же подвергли испытанию мастера политического оппортунизма, представители религиозных партий. Появление на политической сцене новичка Национальная религиозная партия восприняла как отличный повод для того, чтобы поразмять свои мускулы. Лидеры ортодоксов высказались против вхождения в правительство, если Рабин не согласится отказаться от формулы, принятой постановлением Верховного суда в январе 1970 г. (Гл. XX. Кого считать евреем?). Национальная религиозная партия заявила, что впредь *гиюр*, пройденный за рубежом, будет признаваться в Израиле только в тех случаях, если он был совершен согласно ортодоксальной процедуре. Молодые и решительно настроенные руководители НРП заняли также более жесткую позицию по вопросу об оккупированных территориях — речь шла главным образом о Самарии и Иудее. Они предупредили, что не согласятся отдать неевреям эти районы Эрец-Исраэль, имеющие историческое значение и связанные с библейскими событиями. С другой стороны, они дали понять Рабину, что “компромисс” возможен при условии, если будет сформировано коалиционное правительство Национального единства, куда войдет также *Ликуд*, — в таком случае они готовы отложить рассмотрение вопросов *гиюра*. Однако, к немалому удивлению Национальной религиозной партии, Рабин категорически отказался от разговоров о “компромиссе”, не сомневаясь, что предлагаемая коалиция, имея свободу голосования, станет саботировать все попытки мирного решения проблем. Он решил пока не включать НРП в правительство, полагая, что, лишившись доступа к государственному пирогу, лидеры этой партии рано или поздно захотят вернуться к власти. Это был тонкий и дальновидный ход, и меньше чем через год такая стратегия принесла свои плоды.

Тем временем Рабин восполнил недостающее число партнеров, пригласив в коалицию Независимых либералов, партию с умеренными требова-

силами на Синае. В 1970–1972 г. возглавлял отдел кадров Генштаба. В 1972 г. вышел в отставку. В 1974 г. Лагат был избран мэром Тель-Авива от Либеральной партии. Переизбирался на этот пост от движения *Ликуд* в 1978, 1983 и 1989 гг. Много сделал для развития культурной жизни города и осуществил ряд проектов, способствовавших улучшению его внешнего облика. С конца 1990 г. солидаризируется с позицией Израильской партии труда в отношении палестинской проблемы.

ниями, а также новое и немногочисленное Движение за права гражданина (*Рац*). Эта партия стала одним из сюрпризов последних выборов; ее основала, буквально накануне выборов, Шуламит Алони¹¹, сорокачетырёхлетняя мать троих детей, юрист по специальности. Движение провозглашало такие принципы, как отделение религии от государства, прямые выборы в *кнесет*, равные права для женщин и еще ряд либеральных реформ; в области внешней политики движение было готово на значительные территориальные уступки. Сторонники *Рац* удивили страну, добившись трех мест в *кнесете*, и Рабин пригласил их в правительство. После того как Алони вошла в состав кабинета, коалиция получила большинство в *кнесете*, и 3 июня Рабин официально стал пятым премьер-министром Израиля.

Хотя коалиция имела всего лишь 61 место в *кнесете*, потенциал нового правительства был значительным. Правительство Голды Меир завершило обсуждение соглашений о разъединении с Египтом и Сирией, так что Рабин занял свой пост, когда все ожесточенные дебаты по этому вопросу уже остались позади. До острой полемики по вопросам, подлежащим рассмотрению на возобновляющейся Женевской конференции, оставались еще месяцы. Далее, если целый ряд сторонников правительственной поли-

11 Алони Шуламит (урожд. Адлер; р. 1928) — израильский политический и общественный деятель. В составе *Палмаха* участвовала в Войне за независимость. Окончила Учительскую семинарию и юридический факультет Еврейского университета. В 1965 г. была избрана в *кнесет* 6-го созыва по списку партии *Манапай*. В 1972 г. Алони стала основательницей Движения за права гражданина (*Рац*) и вышла из *Манапай*. На выборах в *кнесет* 8-го созыва (дек. 1973 г.) движение *Рац* получило три мандата. В 1974 г. Алони вошла в правительство И. Рабина в качестве министра без портфеля; но после присоединения к правительственной коалиции Национально-религиозной партии в октябре 1974 г. вышла из правительства. На выборах в *кнесет* 13-го созыва в 1992 г. движение *Рац* в составе блока *Мерец* получило 12 мандатов; Алони стала министром образования и культуры. Находясь в составе коалиционного правительства, выступала с резкой критикой действий израильской армии на контролируемых территориях, а также позволила себе ряд высказываний, где использовались имена библейских персонажей, что воспринималось религиозными кругами как кошунство. В результате кризиса портфель министра просвещения и культуры был передан другому представителю блока *Мерец*, А. Рубинштейну, а Алони была назначена министром связи, науки и технологии. После поражения на выборах 1996 г. учредительный съезд, преобразовавший блок *Мерец* в партию, избрал Алони председателем партии. Но вскоре (1996 г.) из-за усилившихся внутренних партийных разногласий Алони подала в отставку с поста председателя партии и вышла из состава партийной фракции в *кнесете*. В течение многих лет вела колонки в газете *Йедиот ахаронот* и еженедельнике *Ла-Иша*. Написала ряд книг, в т. ч. “Гражданин и государство” (1958), “Соглашение” (1970). Пользуется широкой известностью как бескомпромиссный борец за свободу национальных и сексуальных меньшинств, выступает против религиозного засилия, за отделение религии от государства и за равноправие женщин.

тики отрицал возможность решения территориального спора с арабами, то наряду с этим имелось немало членов оппозиции, разделявших позицию Рабина по этому вопросу. Таким образом, существовала реальная возможность того, что либерально настроенные члены *Ликуда* смогут проголосовать вместе с премьер-министром, если будет рассматриваться вопрос о заключении подлинного мира с соседними странами. Собственно говоря, Рабин и получил свой мандат в первую очередь для достижения такой цели.

Цена неокончательной победы

Портфель министра финансов в правительстве Рабина получил Йеѓошуа Рабинович¹², сведущий и квалифицированный экономист, бывший мэр Тель-Авива, и этим выбором Рабин в самой полной мере продемонстрировал свое чутье и умение руководителя. И Рабин, и Рабинович осознавали настоящую и неотложную необходимость проведения политики жесткой экономии. Как уже было сказано, материальные и финансовые потери страны в Войне Судного дня составили порядка 7 млрд долларов — величина всего ВВП Израиля за 1973 г. Одни только производственные потери в 1973 г. оценивались в 400 млн долларов, и эта величина могла удвоиться в 1974 г., поскольку часть трудоспособного населения страны была призвана на дополнительные сроки резервистской службы. Рост оборонных расходов сказывался на состоянии национальной экономики самым тягостным образом. До 1973 г. существовало единодушное мнение, что Израиль, с его развитой экономической инфраструктурой, в состоянии самостоятельно нести расходы, связанные с гонкой вооружений в масштабах ближневосточного региона. Но ситуация изменилась коренным образом после того, как страны Персидского залива начали вливать беспрецедентные сум-

12 Рабинович Йеѓошуа (1911–1979) — израильский государственный и общественный деятель. По окончании средней школы в Вильнюсе работал учителем в школе, был членом движения *Ѓе-Халуц*. В 1934 г. репатриировался в Палестину. Изучал экономику в Тель-Авивской высшей школе права и экономики. Член *Ѓаганы*, участвовал в Войне за независимость. В 1955–1959 гг. — член тель-авивского городского совета. В 1959–1969 гг. — заместитель мэра, ответственный за городские финансы. В 1969 г. был избран мэром Тель-Авива, занимал этот пост до 1974 г. В марте 1974 г. премьер-министром Голдой Меир был назначен министром жилищного строительства, не будучи депутатом *кнессета*. После отставки Голды Меир в апреле 1974 г. новый премьер-министр И. Рабин назначил Рабиновича министром финансов, и ему удалось добиться сокращения бюджетного дефицита и увеличения государственных запасов валюты. Был избран в *кнессет* 9-го созыва в 1977 г. по списку Израильской партии труда.

мы нефтедолларов в экономику Египта и Сирии. Только на протяжении первых полутора лет после окончания Войны Судного дня Египет и Сирия получили оружие советского и французского производства на сумму почти 3 млрд долларов, и финансирование осуществляли в основном Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. Израиль был вынужден делать соответствующие приобретения, хотя бы в соотношении один к трем. Таким образом, ближневосточная гонка вооружений совершила количественный скачок. Даже в довоенное время, в 1972 г., расходы Израиля на оборону достигали полутора миллиардов долларов, что составляло 21% ВВП. В дальнейшем, в 1974 г., с учетом постоянного наращивания своей военной мощи арабскими соседями, Израиль был вынужден увеличить оборонный бюджет до 3,6 млрд долларов, что составило невероятную величину — 33% от всего ВВП. И ко всему прочему, основное количество вооружений Израилю приходилось закупать за рубежом, расплачиваясь иностранной валютой.

А ведь существовали и другие товары, приобретение которых требовало иностранной валюты, — в числе прочего, горючее, пшеница, сахар, семена, мясопродукты, и все это при ценах, стремительно повышающихся в условиях мировой инфляции. Нельзя не отметить в этой связи, что за первую четверть века существования страны экспорт Израиля увеличился примерно в 80 раз, тогда как импорт — всего в 12 раз. После Войны Судного дня эта тенденция коренным образом изменилась — в первую очередь из-за роста расходов на оборону. Разрыв между импортом и экспортом, составлявший около 1 млрд долларов в 1972 г., достиг в 1974 г. величины в 3,5 млрд долларов. Каким же образом можно было компенсировать эту разницу? Традиционным источником обычно была иностранная помощь. Действительно, в 1974 г. США впервые за всю историю Израиля профинансировали его оборонные закупки на сумму 1,5 млрд долларов, и к тому же оказали дополнительную экономическую помощь на сумму 300 млн долларов; еще 600 млн долларов предоставили Объединенный израильский призыв и *Керен га-Йесод*. Однако, при всей значимости этой помощи, она вряд ли могла способствовать выравниванию дефицита платежного баланса. К первому кварталу 1974 г. израильские резервы иностранной валюты сократились до 1 млрд долларов, приблизившись, таким образом, к “красной черте”, сигнализирующей об опасной ситуации. Следовало прибегнуть к иностранным займам. Размеры полученных кредитов составили 700 млн долларов, и примерно половина этой суммы была выручена за счет распространения израильских государственных облигаций среди евреев диаспоры. В конечном итоге, по состоянию на сентябрь 1974 г., долг Израиля достиг 5,5 млрд долларов, причем только накопленные проценты превысили 1 млрд долларов, то есть сумму, эквивалентную половине национального экспорта. Издержки на обслужива-

ние иностранных долгов, а также импорт с использованием сокращающихся валютных резервов подстегивали инфляционный процесс; цены только в 1974 г. подскочили на 56%, чего никогда не бывало в истории страны.

Для радикального лечения этой инфляционной “раковой опухоли” правительство объявило о принятии самых жестких фискальных мер со времен политики строгой экономии периода 1949—1953 гг. Еще до окончания войны были подняты налоги на горючее, а также объявлен обязательный государственный заем на общую сумму в 1 млрд израильских лир. Затем, в январе 1974 г., были резко снижены правительственные субсидии на 14 основных товаров — от нефтепродуктов до продуктов питания. Принять такое решение было очень непросто для социалистической системы; практически немедленно подскочили цены: хлеб подорожал на 80%, молоко и сыр — на 70%, яйца — на 50%, маргарин — на 100%, и в дальнейшем расходы населения продолжили увеличиваться. Через полгода, по мере того как правительство продолжило урезать внутренний бюджет, было объявлено о прекращении государственного строительства и снова повысились налоги. В ноябре 1974 г. прошла девальвация израильской лиры — от 4,20 за доллар до 6,00 за доллар. В феврале 1975 г., чтобы обеспечить выполнение рекордного бюджета, составившего 9,4 млрд долларов, правительство в очередной раз увеличило налоги: 7,4% на треть потребительских товаров и 7,5% на фонд заработной платы. “Лазейки” в налоговом законодательстве были прикрыты благодаря принятию в июле 1975 г. нового всеобъемлющего закона (Гл. XXVI. Электоральный переворот). Затем, в начале следующего года, налог на добавленную стоимость (НДС) был введен на все компоненты всех видов продукции, продаваемой в Израиле. Впрочем, к середине 1975 г. ставка налогового обложения в Израиле уже составляла около 65%, не имея равных себе в мире. Ситуация стала еще более тяжелой после того, как израильская лира была в очередной раз девальвирована, на этот раз на основе гибкой системы курса лиры, с периодической фиксацией порядка 2% в месяц. Когда же эта система продемонстрировала свою неэффективность, правительство в сентябре 1975 г. снова провело девальвацию — еще на 10%.

Все эти меры, будучи невыносимо тяжелыми для населения страны, тем не менее оказались весьма действенными. К апрелю 1975 г. запасы иностранной валюты в стране поднялись до 1,3 млрд долларов, и этого было достаточно для того, чтобы удовлетворить израильские потребности в импорте хотя бы на два месяца. Разумеется, все эти жесткие меры не могли не оказать воздействия на моральное состояние евреев как в Израиле, так и за рубежом. Началась цепная реакция забастовок, распространившаяся по всем секторам экономики, хотя следует отметить, что лишь немногие из этих забастовок получали — во всяком случае, на начальном этапе — поддержку *Гистадрута*. Что касается репатриации, то она сократилась в весь-

ма значительной степени. Отчасти это, разумеется, можно было объяснить политикой советского правительства, резко уменьшившего квоты на выдачу евреям выездных виз. Был период, когда казалось, что поправка Джексона–Вэника к Закону о торговле США (Гл. XXIV. Садат принимает решение) вынудит Кремль снять ограничения на выезд евреев из СССР. В октябре 1974 г. была достигнута негласная “джентльменская договоренность” между Вашингтоном и Москвой установить квоту в 60 тыс. еврейских эмигрантов ежегодно. Но когда конгресс отказался увеличить верхний предел предоставляемых Советскому Союзу пролонгированных кредитов, Кремль в отместку отказался от реализации торгового соглашения. Первой жертвой этого конфликта стала еврейская эмиграция.

Сомнительно, впрочем, что Израиль смог бы абсорбировать 60 тыс. репатриантов в год, если учесть те экономические проблемы, с которыми страна столкнулась после Войны Судного дня. К тому же и советские евреи, будучи осведомленными как о политике жесткой экономии в Израиле, так и о вероятности возобновления вооруженного конфликта на Ближнем Востоке, не столь активно стремились репатриироваться, как в предыдущие годы. При этом многие, получив разрешение на выезд в Израиль и покинув СССР, направлялись в страны Западной Европы или в США. Что касается евреев из западноевропейских стран, то их стремление совершить *алию* также стало существенно менее настойчивым. Начали закрываться израильские репатриационные центры в городах США. Помимо всего прочего, и сами израильяне в 1974–1975 гг. стали проявлять явно выраженную тенденцию к эмиграции на Запад (Гл. XXVI. Электоральный переворот).

Успехи Египта и Сирии на начальном этапе Войны Судного дня оказали немалое воздействие на умонастроения израильских и палестинских арабов. Так, на выборах 31 декабря беспрецедентное число участвовавших в голосовании израильских арабов — 32% — отдали свои голоса партии *Раках*, благодаря чему эта коммунистическая (иными словами, арабская националистическая) партия получила дополнительные голоса и заняла четвертое по величине место в *кнесете*. В Нацрате (Назарете), в частности, за *Раках* проголосовало 59% участвовавших в выборах. Такой националистический сдвиг был еще более очевидным на контролируемых территориях. У израильян ранее сложилась иллюзия, что арабы Восточного Иерусалима стали мало-помалу абсорбироваться и приспособливаться к новым условиям жизни и что они, таким образом, начали принимать более активное участие в выборах, имея право — как израильские жители — голосовать за местных кандидатов. Но если в выборах 1969 г. доля голосовавших иерусалимских арабов составила всего лишь 22%, то на последних выборах она и вовсе сократилась до 11%. Это нежелание участвовать в выборах, безусловно, следовало рассматривать как протестное голосование.

На Западном берегу и в Газе прокатилась волна террористических актов — впервые за почти четыре года. Здесь, точно так же, как и в Иерусалиме, израильтяне выглядели уже не столь устрашающими, а их оккупационный режим казался значительно менее устойчивым, чем до Войны Судного дня. Военная администрация отреагировала на эти действия высылкой в Иорданию нескольких лидеров националистического движения, включая *мухтар* Аль-Биры и члена Мусульманского совета. В ответ прошли демонстрации протеста в Восточном Иерусалиме и в нескольких городах на Западном берегу, а весной и осенью 1974 г. беспорядки возобновились с новой силой. Выступления были направлены не только против израильского правления, но и против легкомысленных заявлений короля Хусейна, показавших свою несостоятельность после Войны Судного дня, — о том, что он один способен вернуть арабам захваченные Израилем территории. Все большее число молодых арабов Западного берега утверждалось в мысли, что лишь силой, а вовсе не путем иорданско-израильских переговоров, можно освободиться от израильского присутствия. Националисты убеждались также, что воплощением этой идеи являются действия Ясира Арафата и ООП.

Для израильтян же сама мысль о том, что следует иметь дело с Арафатом как с “представителем” палестинского народа, 75% которого жило под израильским или хашимитским правлением, казалась после Войны Судного дня столь же неприемлемой, как и до того, в период, наступивший после 1967 г. А поскольку не существовало сомнений, что председатель ООП пробьется в правители государства, которое может возникнуть на Западном берегу, то практически все в Израиле были уверены в том, что идее создания независимого палестинского режима следует противиться изо всех сил и любой ценой. Помимо всего прочего, вряд ли Арафат намеревался создать на Западном берегу такое государство, которое смогло бы жить в мире и добрососедстве с Израилем. Если на этот счет и существовали какие-либо сомнения, они были рассеяны самой ООП в июне 1974 г., когда на встрече в Каире Палестинский национальный совет выступил с категорическим заявлением, в котором было выражено безусловное несогласие с Резолюцией Совета Безопасности № 242, поскольку в этом документе от 1967 г. шла речь о немыслимом — о мире между Израилем и его соседями.

Подобным же образом, в полном соответствии с позицией ООП, алжирская встреча руководителей арабских государств в ноябре 1973 г. единогласно признала ООП “единственным представителем палестинского народа”. В конце февраля 1974 г. аналогичная резолюция была принята Исламской конференцией в Лахоре, а затем, в октябре 1974 г., на встрече руководителей арабских государств в Рабате. К этому времени Арафат и его соратники из ФАТХ, принимая активные меры для улучшения своего имиджа, уже заявляли, что цель ООП — создание “демократического,

светского палестинского государства”. Давая интервью журналистам из западных СМИ, они умышленно определяли свои намерения и планы лишь в самых общих чертах. Зато, общаясь с представителями арабской прессы, они не считали нужным скрывать, что гражданами такого государства смогут стать лишь те евреи, которые уже проживали в Палестине “до начала сионистского вторжения”. Арабские страны, со своей стороны, выступая в защиту “прав палестинского народа”, выдвинули новый лозунг, полностью отвечавший их целям. Если в 1950–1960-х гг. они имели обыкновение говорить о “невыносимом положении арабских беженцев”, то в 1970-х гг. требование “обеспечить права палестинского народа” стало тем универсальным препятствием, которое возводилось на пути любых попыток заключить постоянный мир с Израилем. Когда в СССР осознали, в чем именно заключается основная задача ООП, то Кремль, ранее сторонившийся контактов с террористическими организациями, изменил свою позицию. У советских руководителей возникли опасения, что ближневосточный кризис может быть решен при содействии одного лишь Киссинджера, и потому они пригласили Арафата в Москву, пообещали ему поддержку и убедительно порекомендовали принять участие в работе Женевской конференции.

Для израильтян планы террористов не представляли секрета. После Войны Судного дня федаины возобновили свою деятельность фактически на регулярной основе. Так, в апреле 1974 г., с целью срыва челночных визитов Киссинджера, три члена “Народного фронта освобождения Палестины — Главного командования” проникли в Израиль через ливанскую границу и далее, в израильский приграничный город Кирьят-Шмона. Там террористы ворвались в жилой дом и открыли беспорядочной огонь из автоматов по жителям, убив 18 человек, в том числе женщин и детей, прежде чем были уничтожены подоспевшим армейским патрулем. Через несколько недель, в середине мая, три вооруженных террориста, члены Народного фронта освобождения Палестины, снова пробрались через ливанскую границу и на этот раз проникли в Маалот, сельскохозяйственное поселение на севере Израила. Ворвавшись в школу, они захватили в заложники 120 детей и заявили, что взорвут школьное здание, если не будут освобождены 26 арабских террористов, находившихся в израильских тюрьмах. Для штурма школы были вызваны войска. Во время операции все три федаина были уничтожены, но погибли двадцать школьников-подростков, в основном девочки, а также один израильский спецназовец. Затем, 19 июня 1974 г., несколько членов Народного фронта освобождения Палестины подвергли атаке *кибуц* Шамир в Верхней Галилее и убили трех женщин. Неделю спустя трое палестинских террористов, высадившись с лодки в приморской Нагарии, ворвались в жилой дом и убили женщину с двумя детьми, а также

израильского солдата, и ранили восьмерых израильтян, прежде чем их удалось уничтожить. В том же году, 18 ноября, трое террористов также ворвались в жилой дом в Бейт-Шеане, убив четверых и ранив 23 человека.

Этому насилию, казалось, не было конца. В марте 1975 г. группа из восьми членов ФАТХ высадилась с наддувной лодки на тель-авивском побережье. Ворвавшись в захудалую приморскую гостиницу, они убили восьмерых заложников и ранили еще восемь человек; в ходе штурма семеро террористов были уничтожены — ценой жизни троих израильских спецназовцев. Два месяца спустя, 4 мая, в жилом доме в Иерусалиме взорвалось подложенное взрывное устройство — один израильтянин погиб и трое были ранены. В Кфар-Юваль, на севере страны, 15 июня от рук террористов погибли три члена одной семьи, и еще шестеро были ранены. В центре Иерусалима 4 июля 1975 г. взрывное устройство с часовым механизмом, подложенное в грузовик-рефрижератор, унесло жизни 14 человек, и еще 75 человек получили ранения. Через четыре месяца, 13 ноября, в первую годовщину выступления Арафата в ООН, на той же иерусалимской улице сработало еще одно взрывное устройство; погибли шесть подростков, и еще тридцать человек было ранено. В стране воцарилась крайне напряженная обстановка; израильтяне, и особенно родители маленьких детей, начали организовывать дежурства у школьных зданий и детских площадок.

Власти страны не оставляли эти теракты без ответа. Несколько раз базы террористов на юге Ливана — часть из которых была расположена внутри лагерей беженцев или в непосредственной близости к ним — подвергались бомбардировкам. Были убиты десятки арабов — в их числе и немало ни к чему не причастных мирных жителей. Части Армии обороны Израиля не раз переходили ливанскую границу, прочесывали территорию сплошного проживания палестинцев вблизи границы с Израилем, взрывали дома террористов, захватывали их пособников. Такого рода упреждающие меры, несомненно, способствовали снижению активности фedaинов; однако они создавали негативное впечатление в странах Западной Европы, нанося ущерб репутации Израиля. При этом размах террористических действий не оказывал заметного воздействия на уверенность европейцев, что Арафат умерил свои требования и готов ограничиться созданием своего государства на Западном берегу, и что после образования этого государства палестинский вопрос (“основа основ арабо-израильского конфликта”) будет решен. Поразительно, что мало кто воспринимал в полной мере суть лозунга ООП — “демократическое, светское палестинское государство” на всей территории Израиля. К 1975 г. ООП получила, в той или иной форме, признание более чем ста государств, причем отнюдь не все они принадлежали к коммунистическому лагерю или относились к числу “нейтральных”. Немалое число западных политических деятелей встречались с Арафатом и беседовали с ним.

В конце октября 1974 г. ООП добилась поразительного дипломатического успеха. Страны — члены ООН, из числа принадлежавших к коммунистическому и афро-азиатскому блоку и составлявших большинство в ООН, проголосовали за то, чтобы пригласить Арафата выступить с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, хотя такое решение напрямую противоречило Уставу ООН, поскольку ООП не являлась ни государством, ни неправительственной организацией. Более того, это решение было в принципе одобрено и Западом. Все то, что происходило впоследствии, было воспринято как конфронтация арабской и еврейской пропаганды. Обе стороны бездарно использовали представившиеся им возможности. Не сумев верно оценить перемены в общественном мнении Запада, которое наделило фedaинов и их дело тем же духом трагического благородства, что был присущ сионизму и сионистам за 27 лет до того, многие еврейские общинные организации США принялись публиковать в газетах призывы (на правах платных объявлений) и устраивать массовые демонстрации, протеста против приглашения “убийцы женщин и детей” выступить в ООН. Своими неумело спланированными действиями руководители американского еврейства способствовали возрождению в глазах общественности того образа, ради разрушения которого не жалели сил граждане нового суверенного Израиля: образа народа-заговорщика, который стремится оказать негативное воздействие на общенациональный консенсус — в данном случае, вознамерившись не допустить на трибуну человека, желающего выступить от имени беженцев, лишенных своего крова. Но и Арафат, со своей стороны, разочаровал западных либералов, развеяв мнение о себе как о миротворце, о человеке, желающем жить в согласии с израильянами, если только его народ получит свой национальный дом на Западном берегу. 13 ноября, широко улыбаясь, руководитель ФАТХ проследовал к трибуне Генеральной Ассамблеи ООН, даже не пытаясь скрыть висевший у него на поясе пистолет в кобуре; в своей речи он дал явственно понять, что его требования включают всю Палестину и что само существование Израиля как таковое не укладывается в его схему. В Соединенных Штатах после этого выступления мало кто из негодующих телевизионных комментаторов и авторов передовиц сказал хотя бы слово в защиту ООП.

Впрочем, сам факт появления Арафата на трибуне ООН значил существенно больше, чем любая одобрительная либо неодобрительная реакция Запада. Его выступление стало символом опасного и саморазрушительного курса, принятого этой международной организацией. Идею пригласить лидера ФАТХ поддержало подавляющее большинство стран коммунистического и афро-азиатского блоков. ООН в ее теперешнем виде разительно отличалась от вполне прагматичной и в целом умеренной организации образца 1940–1950-х гг. Теперь в состав ООН входило 138 государств-членов,

и большинство из них составляли бедные, развивающиеся страны третьего мира. Практически все они, за незначительным исключением, были готовы, в обмен на те или иные благодеяния, выступить в поддержку арабского дела и арабских устремлений, вне зависимости от того, насколько правыми и справедливыми они являлись (Гл. XXV. Израиль снова в изоляции). В данной конкретной ситуации речь шла о решении ЮНЕСКО от 20 ноября 1974 г., требующем наложить санкции на Израиль. Причиной тому стало якобы нарушение Израилем «[ранее принятых] резолюций относительно сохранения культурного наследия Иерусалима». В ходе проведения раскопок в Восточном Иерусалиме израильские археологи прилагали все возможные усилия к тому, чтобы не нанести ущерб или повреждение местам, имеющим историческую или культурную ценность, — что было, в частности, засвидетельствовано экспертами ЮНЕСКО. Однако представителей «нейтрального» лагеря мало интересовали официальные отчеты и свидетельства. Они убедительно продемонстрировали свою пристрастную позицию летом 1975 г., когда, по инициативе арабских стран, Израиль едва не был лишен членства в ООН, и этого не произошло только благодаря тому, что Соединенные Штаты резко воспротивились их попытке. Упомянутый инцидент уже в который раз продемонстрировал израильтянам, насколько глубока их дипломатическая изоляция. Относительно благоприятный период 1950–1960-х гг., когда маленькое еврейское государство пользовалось расположением западноевропейского сообщества, отдалился, казалось, на расстояние многих световых лет. Теперь, похоже, Израиль мог с полным основанием рассчитывать на дружественное отношение и поддержку всего лишь одной из Великих держав.

Кризис челночной дипломатии

Оценивая все аспекты своей ближневосточной политики в их совокупности, Соединенные Штаты со всей очевидностью должны были принимать во внимание и другие проблемы, помимо благополучия Израиля. Одной из таких проблем, имевших особо важное значение для Киссинджера, была нефть. На протяжении ряда месяцев он прилагал значительные усилия — впрочем, без особых результатов — к тому, чтобы обратить вспять процесс роста цен на нефть, начало которому положили страны — члены ОПЕК. Особенно Киссинджера угнетали непрекращающиеся опасения, что очередная вспышка арабо-израильских военных действий способна привести к немедленному возобновлению арабского нефтяного эмбарго. Для того чтобы избежать такого развития событий любыми путями, Киссинджер

весной 1975 г. принялся зондировать настроения руководителей в Каире и Иерусалиме, чтобы выяснить возможности возобновления переговоров — разумеется, непрямых — о дополнительном разъединении сторон.

Ответ был положительным. Садат к тому времени не очень-то стремился вернуться в Женеву. Возобновление работы конференции не могло не поднять взрывоопасный вопрос относительно участия в ней ООП, а израильские представители предупредили, что в таком случае они, безусловно, не придут. Советский Союз, со своей стороны, принимал все меры к тому, чтобы всячески поддерживать в своих арабских союзниках дух непримиримости, сводя тем самым к нулю даже малейшую вероятность израильского отступления на Синайском полуострове. Посредничество Киссинджера в складывающейся ситуации представлялось более приемлемой альтернативой, и правительство Рабина было с этим согласно — хотя это и было сопряжено с известным риском. Как уже было сказано, одной из основных причин среди тех, по которым правительство Голды Меир согласилось с прекращением огня начиная с 22 октября 1973 г., стало заверение Киссинджера, воплощенное в Резолюции Совета Безопасности ООН № 338, относительно того, что противоборствующие стороны должны приступить к переговорам, ведущим к “справедливому и прочному миру на Ближнем Востоке”. Перед сторонами, таким образом, открывались самые широкие дипломатические перспективы. Однако с самого начала работы этой собравшейся не в полном составе конференции в декабре 1973 г. стало очевидно, что “переговоры” превращаются в не что иное, как обмен пропагандистскими заявлениями. Помимо всего прочего, египтяне постоянно повторяли, что они ведут переговоры исключительно с председательствующим на конференции Генеральным секретарем ООН Куртом Вальдхаймом, но отнюдь не с израильской делегацией. В таких обстоятельствах израильские представители согласились в конце концов положиться на челночную дипломатию Киссинджера, с тем, чтобы добиться первоначального разъединения воюющих сторон. Вот и теперь они объявили о готовности к аналогичному развитию событий.

Эта готовность была немедленно встречена рядом возражений. Аба Эвен, который в ходе формирования правительства Рабина был весьма бестактно выставлен из своего министерского кабинета (после чего, исполненный обиды, уехал из страны), обрушил из Нью-Йорка на своих бывших коллег град критических замечаний, суть которых сводилась к тому, что Израилю не следовало соглашаться на второй раунд переговоров об отводе войск, а вместо этого надо вернуться в Женеву для достижения всеобъемлющего соглашения. Все, уступающее по масштабам мирному договору, утверждал Эвен, является не чем иным, как тактикой “постепенного, или поэтапного, урезывания”, причем терять на каждом из этапов предстоит только Израилю. По мнению Эвена, Израиль смог бы извлечь определенную выгоду

даже в случае полного провала женевских переговоров. Как минимум, ему удалось бы в полной мере разоблачить ни на чем не основанные заявления арабов об их мирных намерениях и нежелание правительств арабских стран согласиться с самим фактом существования Израиля на карте. Такого рода аргументация была характерна для Эвена в бытность его министром иностранных дел, когда эффективность усилий, направленных на защиту позиций Израиля на международной арене, определялась не столько практическими достижениями и переговорами, сколько возвышенными речами перед аудиторией государственных деятелей или филантропов.

Не вызывало особых сомнений, что в Женеве арабы будут всячески демонстрировать свою непреклонность. Но четыре войны на протяжении недолгой истории Израиля и призрак пятой были достаточным аргументом бесполезности решений пропагандистского характера. Рабин, человек военный, теперь хотел добиться осязаемых результатов, которые могли бы способствовать уменьшению угрозы новой войны. Трехсторонняя дипломатия представлялась наилучшим путем для достижения таких результатов. Во всяком случае, если даже каким-то чудом в Женеве и удалось бы заключить мирное соглашение, такой документ сам по себе вряд ли мог служить достаточной гарантией мирной жизни. Арабские страны за всю свою историю заключили немало договоров между собой, однако судьба этих соглашений всем достаточно хорошо известна. Первоначальной задачей Рабина и его министра иностранных дел Игаля Алона являлось подписание документа, который мог бы и не иметь статуса мирного договора, но благодаря своей надежности способствовал бы созданию атмосферы взаимного доверия, в которой могли бы, постепенно и на протяжении ряда лет, возникнуть предпосылки для мирных отношений. Концепция, которую разработали Рабин с Алоном, заключалась в том, что мера израильского отступления на Синайском полуострове должна соотноситься с мерой египетских политических уступок — иными словами, она формулировалась как “часть территорий в обмен на некоторую долю мира”. Каждый шаг должен быть тщательно выверен и при этом осуществляться под пристальным наблюдением.

Речь шла в первую очередь о перевалах Митла и Гиди. Находясь на расстоянии 20 и 28 миль от Суэцкого канала, эти два прохода обеспечивали единственную возможность доступа в восточную часть Синайского полуострова. Через эти перевалы лежал путь к большой израильской авиабазе в Рефидиме (Бир-Гафгафе), а также к нефтяному месторождению Абу-Рудейс. Владея перевалами Митла и Гиди, Израиль мог организовывать оборону сравнительно малыми силами. С учетом всех этих соображений, сразу же после победы в 1967 г. израильские инженерные войска занялись тщательным укреплением этих перевалов, создав там сеть траншей, оборонительных сооружений, танковых стоянок. Только со времен Войны Суд-

ного дня Израиль затратил дополнительные 150 млн долларов на сооружение дорог, систем связи, сторожевых постов и минных полей для укрепления оборонительной линии Митла—Гиди. Еще дорожке могли обойтись работы по продолжению этой линии в глубь Синайского полуострова, туда, где прежде вообще не существовало опорных пунктов.

Эти перевалы предоставляли Израилю еще одно преимущество: благодаря установленным там радарам и оборудованию радиоперехвата можно было осуществлять слежение за египетскими силами — в случае, если они начнут движение в восточном направлении. На пике Умм-Хашиба высотой 750 метров, находящегося у западного входа на перевал Гиди, Израиль еще в 1969 г. соорудил систему дальнего обнаружения стоимостью в несколько миллионов долларов. С этого стратегически важного пункта можно было осуществлять наблюдение за пустыней, Суэцким каналом и даже за египетскими базами на расстоянии нескольких сотен миль — с целью обнаружения признаков враждебной активности. Так, например, установленные на башнях тепловые и акустические датчики могли распознавать включение двигателей реактивного самолета еще на взлетно-посадочной полосе, причем на аэродроме, расположенном на территории Египта. Сейсмические датчики, установленные в почве на определенной глубине, могли распознавать передвижение войск, причем не только танков или автомашин, но и пехоты. Основная часть оборудования этой системы работала в автоматическом режиме, и для управления ею было достаточно менее 200 человек, располагавшихся в тылу, на расстоянии нескольких миль в глубине территории Синая.

Правительство Рабина было готово отказаться от всего этого оборудования ради достаточно значительных политических уступок. Собственно говоря, Рабин, Алон и Перес были бы готовы оставить и нефтяное месторождение Абу-Рудейс, и другое, меньших размеров, Рас-Судр, которые обеспечивали более чем половину потребностей Израиля в нефти, а также и ключевые базы, и дорожные развязки в Синае. Взамен они просили предоставить надежное египетское обязательство об отказе от военных действий. К этому времени Киссинджеру было известно, что Садат не готов принять на себя подобное обязательство; тем не менее, воодушевленный своими предыдущими успехами, Госсекретарь отправился на Ближний Восток, чтобы начать новый этап челночной дипломатии. Он прибыл в Асуан 8 марта 1975 г. и немедленно приступил к переговорам с президентом и министром иностранных дел Египта. По ходу переговоров Киссинджер, обсудив соответствующий вопрос с Садатом и Фахми, затем вылетал в Тель-Авив, порой оставаясь там не более дня, после чего возвращался в Асуан — иногда посещая по пути Амман и Дамаск, чтобы сообщить о ходе переговоров другим участникам конфликта. Изначальные рамки переговоров были за-

даны участниками весьма жестко. Израильцы требовали от Садата, чтобы тот сделал однозначное и не подлежащее отмене заявление о принятии принципа мирного разрешения всех споров и конфликтов. Такого рода заявление должно было не только обеспечить отказ от использования силы в отношениях между странами, но также объявить недопустимыми любые попытки препятствовать свободному проходу судов через международные водные пути, включая Суэцкий канал, равно как и прекратить экономическую и пропагандистскую войну против Израиля.

Требования Садата, с другой стороны, были в основном территориальными. Он и его советники представили Киссинджеру карту, согласно которой Египет требовал значительно больше, чем названные два перевала. Речь шла о приблизительно 40% всего Синайского полуострова, на протяжении двух третей расстояния до Эль-Ариша, всего расстояния до Ат-Тура и половины расстояния от береговой линии Суэцкого канала, начиная от нефтяного месторождения Абу-Рудейс. Эти требования значительно превышали то, на что рассчитывал Израиль еще до начала переговоров. Впрочем, если все равно предстояло поступиться перевалами, то лишние несколько миль уже не представлялись столь принципиальными, и притом оставались возможности для ведения дальнейших переговоров. Речь шла о других сложностях. Египтяне выступали против полной демилитаризации территории, которую оставлял Израиль, включая и перевалы; более того, они требовали права выдвинуть свою армию, как только будут отведены израильские силы. Впрочем, поскольку по этому вопросу Киссинджер был согласен с израильской позицией, то здесь существовала определенная возможность сближения точек зрения. В чем египтяне оставались непреклонными, так это в своем подходе к принципу мирного разрешения всех споров и конфликтов — о чем Киссинджер предупреждал Рабина с самого начала переговоров. Принцип мирного разрешения всех споров и конфликтов, настаивал Садат, может быть приемлемым лишь при условии, что Израиль уйдет со всех оккупированных территорий на всех трех фронтах — египетском, сирийском и иорданском.

Максимум, что смог предложить Садат, да и то после напряженных переговоров, — это не вполне однозначная формулировка, имеющая к тому же военный оттенок: “неприменение силы” в рамках непрекращающегося состояния войны. В сущности, это предложение стало повтором обязательства, данного Египтом в январе 1974 г., в рамках соглашения о разъединении — то есть обязательства воздерживаться от применения в отношении Израиля действий военных и военизированных сил. На данном этапе переговоров израильская сторона испытывала искушение прервать все контакты с Египтом. В этой связи Киссинджер, исходя из своего опыта недавних переговоров с КНР, подчеркнул, что главное — это не словесное выражение,

а внутренняя сущность принципа мирного разрешения споров и конфликтов, и что израильтяне смогут найти пути приспособления к иной формулировке. Рабин и Алон тогда согласились отказаться от требования к Египту публично осудить практику разрешения споров и конфликтов военным путем, но продолжали настаивать, чтобы, по крайней мере, были названы конкретные принципы и элементы мирного разрешения конфликтов.

Что касается этих элементов, то в Израиле существовал их конкретный перечень. Израильтяне хотели получить заверения относительно свободного прохода через Суэцкий канал — если не для израильских судов, то хотя бы для израильских грузов (Садат, в сущности, дал на это согласие год тому назад, в рамках исходного соглашения о размежевании). Аналогичным образом израильтяне ожидали разрешения на проход через Суэцкий канал не израильских судов со смешанной командой, часть которой могли бы составлять израильские моряки. Должны быть разрешены туристические поездки израильтян в Египет и египтян в Израиль, организованные третьей стороной, а также прямые авиарейсы между двумя странами (на самолетах, принадлежащих авиакомпаниям третьих стран). Кроме того, египтяне должны были дезавуировать, причем не только на словах, но и на деле, деятельность всех террористических организаций, посягающих на безопасность Израиля, а также методы их деятельности. И — что было важно в высшей степени — израильтяне требовали заверений относительно того, что мандат Чрезвычайных сил ООН в буферной зоне будет регулярно продлеваться каждые полгода и что действие этого мандата не будет прекращено путем наложения вето одной из Великих держав. И наконец, Рабин потребовал создания смешанных израильско-египетских подразделений для патрулирования буферной зоны. Таким образом, могли быть установлены, пусть хотя бы на уровне военных, личностные контакты, прервавшиеся ввиду того, что не была возобновлена Женевская конференция.

Ни по одному из названных пунктов Израиль не получил удовлетворительного ответа. Садат категорически отказался от того, чтобы разрешить проход через Суэцкий канал судов со смешанной (частично израильской) командой. Он высказал готовность исключить из черного списка египетских властей всего лишь четыре американские и европейские компании, поддерживавшие деловые отношения с Израилем. Он безусловно отказался разрешить туристические поездки израильтян в Египет и египтян в Израиль, организованные третьей стороной, а также прямые авиарейсы между двумя странами. Не был он готов и прекратить пропагандистскую войну, ведущуюся египтянами против еврейского государства. Что касается формулы пребывания в буферной зоне Чрезвычайных сил ООН, то он согласился на продление срока их пребывания с полугодия до года, после чего не давалось никаких гарантий, что СССР не наложит вето на действие этого

мандата. И относительно египетско-израильских контактов Садат в лучшем случае соглашался на создание смешанного комитета армейских офицеров, встречи которого должны проводиться на периодической основе, как это было в случае давно отмененной Смешанной комиссии по вопросам перемирия; однако этот комитет не имел ничего общего с предлагавшимися постоянно действующими смешанными израильско-египетскими патрулями.

Придерживаясь своей политики неуступчивости, египетский президент полагался на американскую поддержку — и по большей части он ее получил. Киссинджер использовал в Иерусалиме все свое красноречие и дипломатические навыки, чтобы обеспечить “гибкость” израильской позиции. Под нажимом Киссинджера Рабин в конечном итоге согласился отказаться от нефти Абу-Рудейса, от идеи судов со смешанной командой в Суэцком канале и даже от совместных израильско-египетских патрулей; он, однако, не пошел на компромиссы по другим позициям. Тогда, по просьбе Киссинджера, Джеральд Форд¹³, сменивший Никсона в августе 1974 г. на посту президента США (после “Уотергейтского дела”), направил Рабину личное послание. Если Израиль будет и далее проявлять такую неуступчивость, говорилось в послании, то у Соединенных Штатов не останется другого выхода, кроме как “пересмотреть” свою ближневосточную политику. С другой стороны, президент указывал, что его правительство готово предложить Израилю бессрочное соглашение относительно военной помощи с целью компенсировать все израильские территориальные уступки на Синайском полуострове. Надо, однако, подчеркнуть, что в Вашингтоне выбрали не лучшее время для такого обращения к маленькой стране, полагавшейся исключительно на американскую поддержку. В то время как челночные переговоры Киссинджера на Ближнем Востоке зашли в тупик, на Дальнем

13 Форд Джеральд Рудольф (наст. имя Лесли Кинг; 1913–2006) — американский государственный деятель. Получил юридическое образование в Мичиганском и Йельском университетах, которые окончил соответственно в 1935 и 1941 гг. В 1941 г. занимался частной юридической практикой. В 1942–1946 гг. служил в ВМС США, в морской авиации. В 1948–1949 гг. занимался юридической практикой. В 1949–1973 гг. — член палаты представителей конгресса США, республиканец. В 1965–1973 гг. — лидер республиканского меньшинства в палате представителей. После отставки вице-президента США С. Агню в результате Уотергейтского скандала президент США Р. Никсон в октябре 1973 г. назначил Форда на пост вице-президента. По мере дальнейшего развития скандала, после отставки Никсона с поста президента, Форд 9 августа 1974 г. принес президентскую присягу и стал 38-м президентом США. Принял и частично реализовал программу мер по борьбе с экономическим спадом и безработицей. Во внешней политике стремился к продолжению политики разрядки и подписал в 1975 г. Хельсинкский договор о незыблемости послевоенных границ в Европе. На президентских выборах 1976 г. потерпел поражение от представителя Демократической партии Дж. Картера. Написал книгу “Время залечивать раны. Автобиография Джеральда Р. Форда” (1979).

Востоке достиг печальной кульминации другой конфликт. Армия коммунистического Северного Вьетнама перешла в решительное наступление, ситуация в Южном Вьетнаме резко изменилась к худшему, и правительство Сайгона обратилось к США за дополнительной экономической и военной помощью — которая была ему обещана Никсоном во время Парижских переговоров за два года до того. Но Никсон ушел в отставку, а конгресс, под влиянием совокупности противоречивых мотивов, отказался от ранее принятых обязательств и не направил в Южный Вьетнам не только ни единого самолета, но и в буквальном смысле ни ящика боеприпасов, ни цента денег. И американские законодатели, не шевельнув пальцем, наблюдали, как еще одна азиатская страна переходит на коммунистическую орбиту.

Каковы бы ни были соображения и обстоятельства, определившие такое решение США относительно Вьетнама, многие израильские руководители и немалая доля израильской общественности восприняли эту дальневосточную ситуацию как зловещий намек. Политические лидеры всех партий и граждане всех взглядов и убеждений с редким единодушием приняли решение не отказываться от естественной защиты синайских горных перевалов ради американских обещаний оказать Израилю поддержку в будущем. Таким образом, в последнюю неделю марта, когда обе стороны явственно оказались в тупике, Садат объявил Киссинджеру, что не видит смысла в продолжении переговоров. Было очевидно, что Госсекретарю не удалось “сдать” израильтян. Вернувшись напоследок в Израиль, Киссинджер совершил символическую поездку в Масаду, после чего отправился в аэропорт Лода, где и распрощался, едва ли не со слезами на глазах, с Рабином и Алоном.

Разъединение и передышка

По пути в США, беседуя в самолете с журналистами, Киссинджер с трудом мог скрыть свое разочарование израильской “близорукостью” и “неуступчивостью”. По прибытии в Вашингтон Госсекретарь также стал высказывать в адрес иерусалимских руководителей критические замечания из категории “не для печати”. По его настоянию президент Форд заявил на пресс-конференции, что настало время для того, чтобы США “пересмотрели” свою ближневосточную политику. В рамках такого “пересмотра”, а также с тем, чтобы побудить Рабина заново осмыслить свое положение, США начали задерживать обещанные Израилю поставки вооружений. Но даже в такой ситуации, находясь в политической изоляции и став заложником американского и мирового общественного мнения, израильтяне испытывали чувство коллективного облегчения, осознавая, что они не променя-

ли свою территориальную безопасность на “пустые уступки”. Если Рабин стал премьер-министром, имея минимальную поддержку в народе, то теперь твердость, проявленная им в ходе челночных переговоров, обеспечила ему беспрецедентный вотум доверия в *кнессете* — девяносто два голоса к четырем. Человек военной дисциплины и порядка, поддерживаемый такими союзниками, как Алон и Перес, знающими не понаслышке, что такое кризисные ситуации, Рабин был не из тех людей, кто ломается под международным давлением. Ко всему прочему, он и его коллеги понимали, что Египту мир нужен не менее, чем Израилю.

И они не ошибались. За участие в войне Египет заплатил высокую цену — несмотря на все вливания нефтедолларов. В 1974 г. инфляция в стране достигла угрожающего уровня в 40% и продолжала расти. Экономика изнемогала под грузом военных расходов, составлявших пятую часть ВВП, а Каир захлестнула волна беженцев из городов, расположенных в зоне Суэцкого канала, — их количество исчислялось сотнями тысяч. К концу года правительство Садата расходовало на одни только продовольственные субсидии 900 млн долларов. Экономика страны страдала от недопроизводства; система коммунальных услуг, транспорт, водопровод и канализация, службы здравоохранения — все находилось на грани краха. Тем временем Советский Союз, разгневанный возобновлением египетских контактов с США, отклонил просьбу Садата о пересмотре условий выплаты долга (достигшего почти 7 млрд долларов). Каир, нуждавшийся в американской помощи для оказания дипломатического нажима на Израиль и с этой целью возобновивший контакты с США, в еще большей степени испытывал потребность в американской поддержке для спасения и перестройки своей экономики. На первых порах Садат решил приступить к разминированию Суэцкого канала и очистке его русла от накопившегося за это время мусора. К весне 1975 г., благодаря значительной помощи США и Великобритании, эта задача была практически выполнена. И вот теперь, буквально через три дня после провала мартовской челночной миссии Киссинджера, египетский президент решил сделать заявление пропагандистского характера о начале экономического обновления страны. Он объявил, что Суэцкий канал откроется для судоходства 5 июня, а затем начнется восстановление городов в зоне канала. И в самом деле, у Садата не было другого выхода. Египтяне не имели больше ни ресурсов, ни силы воли для возобновления военных действий, и в Израиле это поняли раньше, чем в США. Сам Садат практически в открытую сказал об этом президенту Форду 1 июня в Зальцбурге. В ходе откровенной и доверительной беседы египетский лидер дал понять Форду, что не исключена возможность определенных “подвижек” в отношениях с Израилем.

Между тем, в качестве жеста доброй воли, израильтяне объявили 2 июня, что готовы, в ответ на решение Египта открыть судоходство по Суэцко-

му каналу, отвести половину своих разрешенных (в рамках израильско-египетского соглашения о разъединении сил) танков и войск, а также всю артиллерию на расстояние от 18 до 24 миль от берега канала. Такой жест способствовал и смягчению напряженности в отношениях между Иерусалимом и Вашингтоном. Вскоре после этого, на второй неделе июня, Рабин прилетел в Бонн, где встретился с Фордом и Киссинджером, прибывшими на сессию НАТО. Их беседа была откровенной и плодотворной. Израильский премьер-министр, учитывая, что его популярность на родине значительно возросла, дал понять, что готов к дополнительным уступкам в отношениях с Египтом. При этом он не стал скрывать, что обеспокоен задержками в поставках американского оружия. В заключение Рабин, как и Садат, подтвердил, что предпочел бы путь непрямых переговоров.

Таким образом, постепенно возобновились трехсторонние дипломатические контакты. С самого начала они были лишены оттенка сенсационности, и Киссинджер не стал возобновлять регулярные челночные визиты в ближневосточные столицы. Все контакты осуществлялись непосредственно в Вашингтоне, где послы Израиля и Египта передавали Госсекретарю предложения своих правительств и реакции на предложения другой стороны. Медленно, но верно разрыв между позициями двух стран стал уменьшаться. Несомненно, израильские уступки Египту были более значительными — угроза США “пересмотреть” свою ближневосточную политику оказывала свое воздействие. В немалой степени, однако, этот дисбаланс компенсировался Вашингтоном (Гл. XXV. Разъединение и передышка). И вот, когда осталось лишь уточнить несколько последних спорных моментов, Киссинджер 20 августа 1975 г. снова отправился на Ближний Восток, надеясь завершить эту вторую, затянувшуюся стадию разъединения. На этот раз его надежды сбылись. Еще полторы недели он провел в полетах между Тель-Авивом и Александрией, чтобы окончательно выверить все “уточнения” и “разъяснения”, но вот, наконец, 1 сентября текст соглашения был парафирован Садатом и Рабином.

Точно так же, как и в предыдущих случаях, пакет документов включал основной текст соглашения между сторонами конфликта и частные послания, которыми обменялись Египет и США, а также Израиль и США. Территориальные и военные аспекты договоренности были включены в основной текст и приложение. Функции технического наблюдения, возлагавшиеся на американских гражданских специалистов в демилитаризованной зоне, были просто сформулированы в американском предложении, вошедшем в качестве одной из составных частей в основной текст, и скреплены подписями египетского и израильского представителей. Согласно этой договоренности, Рабин был вынужден согласиться на требование Садата отвести израильские силы примерно на 18 миль к востоку от их

тогдашнего расположения. Ключевые позиции, подлежавшие эвакуации, включали перевалы Митла и Гиди, а также юго-западную часть Синайского полуострова с нефтяными месторождениями Абу-Рудейс и Рас-Судр.

Однако вся эвакуация сопровождалась существенными оговорками, благодаря чему израильские оборонительные позиции пострадали лишь в минимальной степени. Прежде всего, египетские силы должны были занять только незначительную часть (от двух до четырех миль) территории, оставляемой израильскими силами на восточном берегу Суэцкого канала. Вся остальная территория, включая перевалы, переходила под контроль войск ООН, став, таким образом, новой буферной зоной — за исключением узкого коридора протяженностью 88 миль вдоль берега канала, ведущего к нефтяным месторождениям Абу-Рудейс и Рас-Судр. Сами месторождения были переданы под контроль египетской гражданской администрации и, таким образом, объявлены полностью демилитаризованными зонами — при этом сохранялось расположение израильских частей по всей длине коридора. Положения соглашения были сформулированы таким образом, чтобы не задевать самолюбие египтян; в частности, перевалы объявлялись находящимися полностью в зоне контроля сил ООН. На деле же израильские части получили возможность дислоцироваться на возвышенностях, господствующих над восточными входами в зону перевалов. Египетские части не имели таких преимуществ — они располагались на расстоянии почти двух с половиной миль от западных входов.

Еще более важными были не столько территориальные, сколько военные ограничения. Обе стороны получали право на размещение ограниченных сил — 8 тыс. человек личного состава, 75 танков и 60 артиллерийских орудий или минометов крупного калибра, радиус действия которых должен быть таким, чтобы позиции другой стороны не попадали в зону их действий. Что касается египетских ракетных установок на западном берегу Суэцкого канала, то они могли быть только оборонительными — то есть являться системами ПВО. Помимо всего прочего, израильтяне получали время для сооружения новых оборонительных рубежей. Согласно условиям, изложенным в приложении к основному документу, представители сторон должны были сформировать рабочую группу военных специалистов для выработки детального протокола отвода израильских войск. Отход израильтян из зоны нефтяных месторождений Абу-Рудейс и Рас-Судр должен был начаться через две недели и завершиться не позднее восьми недель после подписания протокола. Передислокация израильских войск к востоку от перевалов Митла и Гиди должна была завершиться через пять месяцев со дня подписания документа — это давало им время для того, чтобы снять заграждения из колючей проволоки и минные поля, а также демонтировать прочие оборонительные

сооружения. Новый израильский рубеж обороны был, несомненно, более растянутым, чем прежний, — около 220 миль по сравнению со 110 милями по состоянию на март 1974 г., но это компенсировалось более широкой буферной зоной, контролируемой войсками ООН. Очень важным было то обстоятельство, что Израиль сохранял за собой возможность эксплуатировать систему дальнего обнаружения, расположенную на вершине Умм-Хашиба у западного входа на перевал Гиди, то есть в пределах буферной зоны. С учетом этого обстоятельства, правительство Рабина было готово предоставить египтянам возможность иметь аналогичную систему дальнего обнаружения также в пределах буферной зоны, к северу от перевала Гиди и к западу от большой израильской авиабазы в Рефидим (Бир-Гафгафе).

В рамках нового соглашения, однако, Израиль не смог добиться удовлетворения самого важного для себя требования — чтобы Египет формальным и официальным образом заявил о своем принятии принципа мирного разрешения всех споров и конфликтов. Тем не менее удалось получить от Египта ряд других, тоже весьма существенных, обязательств. Каждая из сторон согласилась избегать “угроз использования силы, или использования силы, или военной блокады”, направленных против другой стороны — это положение нового соглашения в значительной степени минимизировало вероятность возобновления не только военных действий на Синайском полуострове, но и египетской блокады израильских портов или международных водных путей, таких, как Тиранский пролив или Баб-эль-Мандебский пролив (причем это положение было особо подчеркнуто в ходе обмена посланиями между США и Израилем, а также США и Египтом). Каждая из сторон согласилась “строго и добросовестно соблюдать соглашение о прекращении огня на суше, на море и в воздухе, а также воздерживаться от любых действий вооруженных сил и военизированных формирований”, направленных против другой стороны. Была воссоздана структура, функционально сходная со Смешанной комиссией по вопросам перемирия (существовавшей в первые годы после образования Израиля), в задачу которой входило оказание содействия Чрезвычайным силам ООН при выполнении миссии, предусмотренной их мандатом; в рамках этой структуры представлялось возможным осуществлять, хотя бы в минимальной степени, контакты между израильянами и египтянами на долгосрочной основе. К числу наиболее значимых положений следует также отнести египетское заявление о том, что “грузы невоенного характера, направляемые в Израиль или из Израиля”, будут иметь право прохода через Суэцкий канал. В послании, адресованном Соединенным Штатам, Садат также пообещал пересмотреть ограничения, наложенные Египтом на контакты с рядом зарубежных компаний, имеющих деловые отношения с Израилем, и, кроме того, умерить нажим, оказываемый правительством

Египта на те, в первую очередь африканские, страны, которые изъявляют намерения возобновить дипломатические отношения с Израилем. Соглашение предусматривало нерасторжимость мандата ООН; в ходе обмена посланиями между Египтом и Соединенными Штатами подтверждалось, что мандат будет возобновляться ежегодно, в течение минимум трех лет.

Что касается Израиля, то для него самым важным аспектом нового соглашения была активная вовлеченность Соединенных Штатов, гарантировавшая как прекращение огня, так и поддержание баланса сил на Ближнем Востоке. Это стало особенно очевидным при рассмотрении всей совокупности мер, направленных на обеспечение дальнего обнаружения в районе перевалов. Системы дальнего обнаружения не ограничивались израильской станцией на вершине Умм-Хашиба и намеченной к строительству аналогичной египетской станцией напротив израильской авиабазы в Бир-Гафгафе. У израильтян имелась также цепь станций радиоперехвата, которые входили в сеть национальной системы дальнего обнаружения. Вряд ли следовало ожидать, что египтяне согласятся на присутствие израильского персонала, обслуживающего эти станции (помимо той, что расположена на вершине Умм-Хашиба). Сомнительно было также, чтобы Рабин согласился передать это оборудование силам ООН, известным своей ненадежностью. Кстати, и Садат не был склонен доверить ооновскому персоналу защиту своих городов в зоне Суэцкого канала. Вот почему во время встречи с президентом Фордом в Зальцбурге египетский президент сам предложил, чтобы американские технические специалисты обслуживали станции радиоперехвата на перевалах. Эта достойная удивления инициатива, разумеется, получила немедленное одобрение израильской стороны. По мнению израильтян, такая расстановка сил была бы в состоянии обосновать заинтересованность США в стабильности на Ближнем Востоке. Когда эта идея была представлена на рассмотрение Киссинджера, Госсекретарь какое-то время колебался. Однако после здравого рассуждения он решил, что несколько сот технических специалистов из США на Синайском полуострове — это нечто более значительное, чем просто стимул к принятию соглашения о разъединении сторон. Это — беспрецедентная возможность усиления американского влияния и присутствия на Ближнем Востоке, что означало бы серьезный импульс к достижению мира в регионе.

Таким образом, эта инициатива, после соответствующей доработки, была включена в текст соглашения о разъединении, в раздел “Предложения США”, и сформулирована следующим образом: для того, чтобы “обеспечить тактическое заблаговременное предупреждение и контролировать доступ” к израильской станции дальнего обнаружения на вершине Умм-Хашиба и египетской станции напротив израильской авиабазы в Бир-Гафгафе, США установят три дополнительных поста наблюдения в

пределах буферной зоны Чрезвычайных сил ООН, на перевалах Митла и Гиди. Эти посты, обслуживаемые гражданским персоналом США, будут подкреплены тремя дополнительными автоматическими электронными полями обнаружения. В случае начала несанкционированного движения на любой из сторон американский персонал незамедлительно сообщит об этом представителям Египта, Израиля и Чрезвычайных сил ООН. Кроме того, ограниченное число американских технических специалистов будет размещено на израильской станции на вершине Умм-Хашиба и на египетской станции напротив израильской авиабазы в Бир-Гафгафе; они должны будут контролировать действия персонала станций, который должен заниматься исключительно техническим наблюдением. Американские технические специалисты, в количестве не более 200 человек, будут пользоваться свободой передвижения, необходимой для выполнения их профессиональных обязанностей; срок их пребывания на Синайском полуострове продлится до тех пор, пока настоящее соглашение остается в силе, если только правительство США не сочтет необходимым эвакуировать их из соображений безопасности или их эвакуации не потребует одна из сторон.

Эти американские гарантии были очень важны для израильтян; однако США взяли на себя и еще несколько обязательств, даже более важных по своей сути. После того как в марте 1975 г. потерпел неудачу первоначальный раунд челночной дипломатии, правительство Рабина предупредило Киссинджера, что Израиль потребует разумную компенсацию за оставленные им перевалы и нефтяные поля. Поскольку Египет отказался предоставить необходимую компенсацию, выполнение соответствующих обязательств легло на США, и Госсекретарь в принципе согласился с таким положением вещей. Какова бы ни была цена обязательств США перед Израилем, провал переговоров означал существенно более мрачную перспективу: возобновление военных действий, возможную конфронтацию США с Советским Союзом и практически неизбежное объявление нефтяного эмбарго арабскими нефтедобывающими странами. Можно было уплатить любую цену, чтобы только избежать такого зловещего развития событий. Вот почему в ходе своих последующих переговоров весной и летом 1975 г. Киссинджер уделял равное внимание как трехсторонним переговорам, так и улучшению американско-израильских отношений.

За исключением вопроса о технических специалистах, все остальные положения американско-израильских договоренностей не были включены в текст соглашения. Обязательства, взятые на себя Соединенными Штатами, содержались в ряде "частных", не предназначенных для публикации посланий президента Форда и Госсекретаря Киссинджера израильскому правительству. Это было в первую очередь заверение о бесперебойном снабжении современными видами вооружений, включая новейшие истребители

“F-15”, а также обещание запросить у конгресса значительные ассигнования, оцениваемые как 2–3 млрд долларов ежегодно на ближайшие пять лет, чтобы помочь Израилю нести непосильное бремя военных и гражданских расходов. Эти расходы включали стоимость закупок нефти, поскольку нефтяные месторождения Абу-Рудейс и Рас-Судр пришлось вернуть Египту. Кроме того, в случае объявления нефтяного эмбарго иранскими или другими поставщиками, США обязались снабжать Израиль соответствующим количеством нефти — если понадобится, из американских стратегических запасов. Не менее важным было и заверение президента, данное им правительству Рабина, что по окончании срока действия существующего соглашения с Египтом о разъединении правительство США не выступит с требованием к Израилю о дополнительном одностороннем отводе войск. Отныне существовала негласная договоренность, что выходом из египетско-израильского — как, впрочем, и из иорданско-израильского — тупика может быть только формально заключенный двусторонний мирный договор. Аналогичным образом было оговорено, что Вашингтон не прибегнет к финансовым санкциям или военному эмбарго, чтобы добиться от Израиля дополнительного отвода войск на сирийском фронте. Кроме того, США не признают ООП и не будут вступать с палестинцами в переговоры до тех пор, пока те не признают права Израиля на существование.

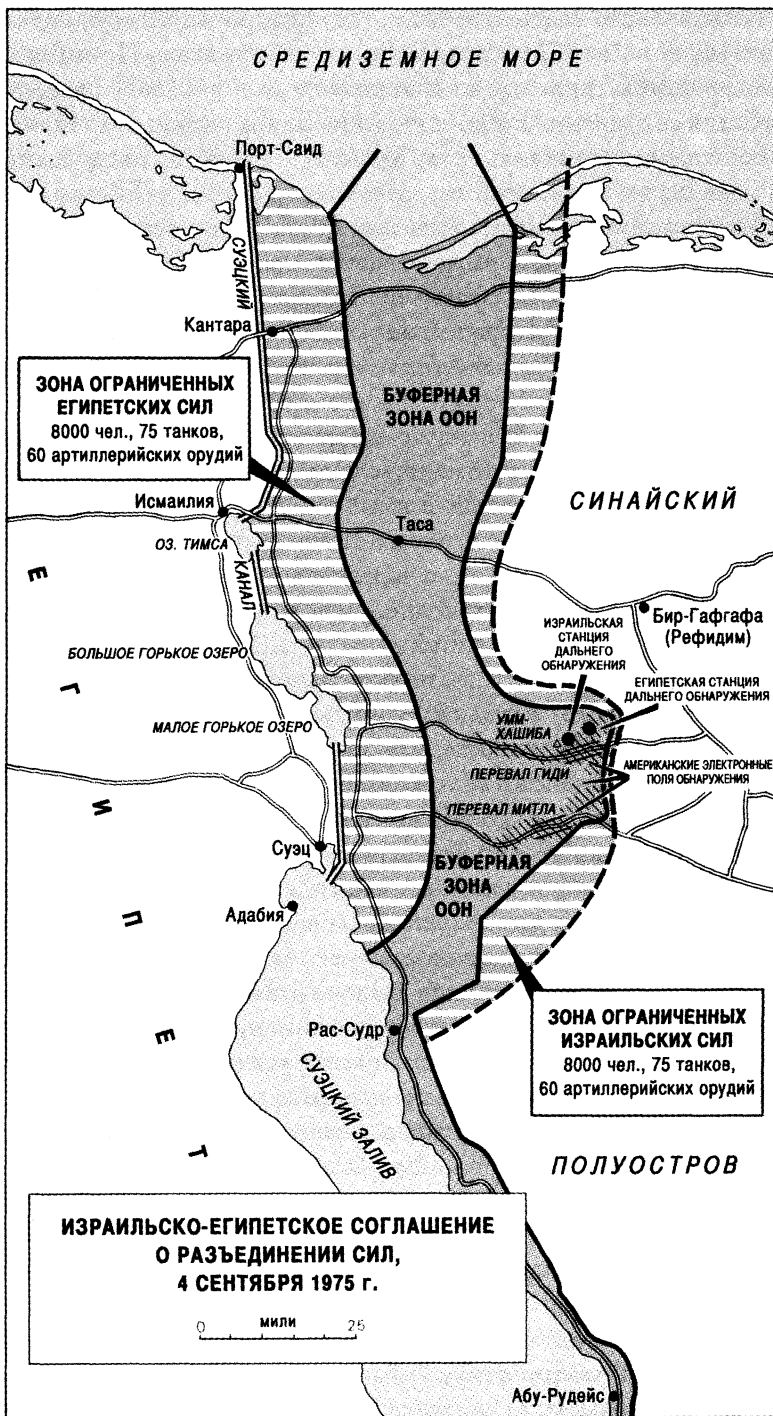
Однако самым важным для израильтян стало обязательство американских руководителей относительно того, что в случае возникновения какой бы то ни было угрозы миру на Ближнем Востоке со стороны либо Египта, либо “внешних сил” Соединенные Штаты в тесном контакте с Израилем рассмотрят возможные контрмеры. Это чрезвычайное заверение расценивалось в Иерусалиме как не подлежащее толкованиям или разночтениям. Речь шла о чем-то большем, нежели просто дипломатическая поддержка или обещание немедленных поставок вооружений в случае неспровоцированного египетского наступления. Это было еще и обязательство США защитить Израиль в случае военных действий Советского Союза. Такое предупреждение могло показаться излишним: Белый дом, и тем более конгресс, вряд ли смогли бы смириться с откровенным вмешательством Советского Союза в ближневосточные военные действия. Во всяком случае, все финансовые и дипломатические обязательства США по отношению к Израилю, вкуче с менее масштабной финансовой и технической помощью Египту, не оставляли никаких сомнений в том, что США придерживались своего обычного курса великой и богатой страны. Они финансировали — а по сути дела, покупали — некий период тишины и спокойствия, исходя из своих стратегических соображений.

Благожелательное в целом отношение американцев и их вклад в процесс разъединения на Синайском полуострове служили контрастным фоном для

недоброжелательного поведения египетской стороны. По сути дела, за отвод израильских войск Садат дал минимум возможного. Принцип мирного разрешения всех споров и конфликтов не был упомянут даже в черновых вариантах соглашения о разъединении. Точно так же не были включены в текст соглашения ни вопрос о продаже Израилю нефти из месторождения Абу-Рудейс, ни туристические поездки израильтян в Египет и египтян в Израиль, организованные третьей стороной, ни смешанные израильско-египетские патрули в буферной зоне. Действительно, были разрешены грузоперевозки из Израиля и в Израиль по Суэцкому каналу, но это стало лишь повторением пункта из предыдущего соглашения о разъединении от января 1974 г. Исключительно военный, аполитичный характер нового соглашения был подчеркнут и во время процедуры его подписания 4 сентября 1975 г. в Женеве. Садат направил в Женеву армейских офицеров, причем далеко не высшего ранга. Отказавшись обменяться воинскими приветствиями с израильскими офицерами, они лишь кивком головы поздоровались с членами израильской делегации, сидевшими за столом у противоположной стены. Последовавший за этим чисто протокольный обмен репликами проходил в атмосфере, значительно более холодной, чем во время переговоров на 101-м километре, сразу после окончания Войны Судного дня.

Немаловажно также отметить, что согласие Каира уменьшить (хотя и в незначительной степени) число компаний, которые Египет подвергал бойкоту в отместку за их сотрудничество с Израилем, а также умерить тон дипломатических и пропагандистских нападок на еврейское государство было зафиксировано не в основном документе, а в ходе обмена посланиями с США. И действительно, Садат неоднократно повторял в последующие годы, что он никогда не вел переговоров с израильтянами, а только с американцами и что сама мысль о достижении окончательного политического урегулирования с противником представлялась ему по меньшей мере преждевременной.

Все эти недостатки соглашения были очевидны для Бегина, Даяна и других противников соглашения о разъединении. Они предупреждали, что Израиль отказывается от стратегически важных оборонительных позиций в обмен на уступки, причем выгодные даже не египтянам, а американцам. Можно ли в полной мере доверять американским гарантиям, спрашивали они? Ведь уже тогда, опасаясь быть вовлеченными во “второй Вьетнам”, американские сенаторы ставили под вопрос целесообразность отправки американских технических специалистов на Синайский полуостров. Президентский запрос о предоставлении Израилю многомиллиардной финансовой помощи также не встретил одобрения — как в конгрессе, так и у американской общественности. Многие израильтяне сомневались, продолжит ли Америка свою финансовую помощь после 1975 г., а тем более спустя еще год-два. Если будет объявлено новое нефтяное эмбарго

странам Запада и Израилю, возможно ли будет рассчитывать, что США станут регулярно снабжать Израиль горючим? Что же касается обещания Киссинджера о “взаимных консультациях” в случае возобновления ближневосточного кризиса, то *Ликуд* и другие противники соглашения о разъединении напоминали об аналогичных обещаниях Эйзенхауэра в 1957 г. относительно гарантированного права Израиля на свободный проход через Тиранский пролив. А если сложится так, что президент Форд сдержит свои обещания, данные Соединенными Штатами Израилю, и при этом (на что надежды значительно меньше) свои обязательства будет выполнять Садат, то какой будет реакция Сирии, которой не удастся прийти к аналогичному соглашению относительно отвода израильских войск с Голанских высот? Ведь Асад может, как минимум, возобновить регулярный артиллерийский обстрел и вылазки своих командос, причем одновременно террористы ООП, при сирийской поддержке, будут проникать на территорию соседнего Ливана в попытках установить там свой контроль. А если на севере начнется полномасштабная война, то не поддастся ли Садат давлению извне и изнутри и не присоединится ли он к борьбе своих братьев-арабов? Рискнут ли Соединенные Штаты в такой ситуации выступить против всего арабского мира для того только, чтобы сдержать свои военные и дипломатические обязательства, данные Израилю в “частном” порядке?

Все эти опасения и критические замечания были отнюдь не безосновательными, и израильтяне — во всяком случае, немалая часть — приняли их к сведению. *Ликуд* и Национальная религиозная партия провели 2 сентября масштабную демонстрацию против соглашения. Порядка 25 тыс. человек выразили свое негодование, пройдя мимо *кнесета* и канцелярии премьер-министра, — столь массового выражения протеста не бывало со времен демаршей, связанных с немецкими репарациями 23 года тому назад. Впрочем, как и в те времена, ни масштабы протеста, ни накаленная обстановка отнюдь не соответствовали настроениям в народе. Соглашение было поставлено на голосование в *кнесете* 3 сентября и одобрено неожиданным большинством голосов — семьдесят против сорока трех. К этому времени стало очевидно, что желание большинства израильтян пойти на известный риск ради мира значительно более велико, чем могли себе представить израильские “ястребы”.

Опасность не миновала...

Израиль принес в жертву немалую часть территорий в обмен на “некоторую долю мира”, но по-прежнему оставался без ответа вопрос: способны ли эта и все последующие уступки побудить арабов согласиться на заклю-

чение, в том или ином виде, формального мирного договора. Даже сторонники Рабина не в состоянии были обнаружить убедительные доказательства того, что Египет или другие арабские страны всерьез заинтересованы в том, чтобы прекратить состояние войны. Похоже, что и сам Садат развеял все иллюзии на этот счет, когда в своем интервью корреспонденту газеты “Монд” от 22 января 1974 г. он подчеркнул, что “мне нечего предложить” за возвращение оккупированных территорий. И далее он добавил: “Я оставляю следующему поколению проблемы, связанные с принятием решения относительно того, возможно ли не только сосуществовать с еврейским государством, но и сотрудничать с ним”. Можно ли вообще говорить о мире, задавал он риторический вопрос, “пока еще не решена палестинская проблема”? Высказывания египетского президента свидетельствовали о том, что он следовал классической исламской доктрине, основанной на идее джихада, предусматривающей если не постоянное ведение военных действий, то, во всяком случае, непрекращающееся состояние войны. Возможным представлялось прекращение огня и даже перемирие, но только не подлинный мир. В сущности, слова Садата очень точно отражали настроения, превалировавшие в его стране. Американская журналистка Джоан Петерс взяла интервью у многих египетских политических деятелей и людей интеллигентного труда в период после окончания Войны Судного дня и на протяжении 1974 г.; подводя итоги, она писала в журнале “Комментэри”:

“Можно задаться вопросом: что означает слово “умеренный” в сегодняшнем ближневосточном контексте? Называя египтянина умеренным, мы, казалось бы, должны иметь в виду, что он готов к мирному сосуществованию с Израилем. Однако мне не удалось обнаружить такого рода готовности в моих собеседниках. Для них для всех “умеренность” означала не примирение, но всего лишь согласие с отводом израильских войск к границам, существовавшим до июня 1967 г., без каких бы то ни было компенсирующих уступок со стороны арабов, и уж тем более без признания Израиля. Для многих египтян это означало сначала отход израильтян к границам 1967 г., а затем дальнейший отход к границам 1947 г., с одновременным созданием Палестинского государства; такой была, например, позиция Мухаммеда Хейкала и египетского министра иностранных дел Исмаила Фахми... Эта позиция подразумевала, в явном, хотя и невысказанном виде, что Израиль, загнанный в такие границы, съезится, усохнет, и тогда воплотится арабская мечта: страна, благодаря войне или невоенному нажиму, прекратит свое существование”.

Однако эта египетская “умеренность” была прямо-таки воплощенным пацифизмом по сравнению с сирийской злобой и ненавистью к “сионистскому образованию”. Абсолютно типичным в этом смысле было выступление

баасистского министра обороны Мустафы Тласа¹⁴ в сирийской Национальной ассамблее 19 декабря 1973 г.: “Вот история о замечательном солдате из Алеппо, который своими руками убил двадцать восемь израильских солдат. Он прикончил их как баранов. Он убил троих израильтян топором и отрубил им головы. Нет, он не застрелил их, он взял топор и оттаял их головы... Сойдясь с одним из израильтян в схватке один на один, он нанес ему удар топором, разрубил шею, вырвал кусок мяса и съел его на глазах своих товарищей. Это исключительный боец. Он, несомненно, заслужил Медаль Республики. Я дам эту награду любому солдату, который сможет убить двадцать восемь евреев. Я высоко ценю его доблесть и отвагу”. Два года спустя, когда было, наконец, подписано второе соглашение о разъединении между Египтом и Израилем, в Дамаске отреагировали на него с откровенной враждебностью. Участники многолюдных демонстраций заклеили “предательство” Садата.

Израильтяне превосходно осознавали, в каком окружении им придется жить. Для них это был не просто вопрос тактического примирения под американским нажимом, но оценка того, насколько эффективно они смогут защитить свою страну в случае возобновления военных действий. И эта оценка была отрезвляющей. Важнейший урок Войны Судного дня состоял в том, что даже необразованные арабские солдаты способны хорошо воевать, если их как следует обучить использованию современных и эффективных видов вооружений. Со всей очевидностью, египтяне и сирийцы освоили применение средств радиоэлектронной борьбы, причем настолько хорошо, что израильтяне даже не могли ранее себе этого представить. Не будучи в состоянии одержать победу над евреями, арабы тем не менее продемонстрировали свою способность нанести им тяжелые потери. Более того, использование ракет давало им возможность, в случае ново-

14 Тлас Мустафа (р. 1931) — сирийский государственный и военный деятель. Мусульманин-суннит. С 1951 г. состоял на военной службе. В 1954 г. окончил Хомский общевоинской колледж, в 1966 г. — Командно-штабную академию. Учился в Академии Генштаба Вооруженных сил СССР им. К. Ворошилова. В 1980 г. защитил в Академии докторскую диссертацию. В 1959–1961 гг., во время существования Объединенной арабской республики, объединившей Сирию и Египет в одно государство, служил в танковых войсках в Египте. С 1965 г. — член регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (Баас). В 1968–1972 гг. — начальник сирийского Генштаба; в 1968–1972 гг. — первый заместитель министра обороны, корпусной генерал. В 1972–2004 гг. Тлас занимал пост министра обороны и заместителя главнокомандующего вооруженными силами; в 1984–2004 гг. был также заместителем председателя Совета министров Сирии. Даже среди сирийского руководства выделялся антиизраильскими и антисемитскими взглядами. В ряде книг и статей утверждал справедливость обвинения евреев в использовании крови христиан и мусульман в ритуальных целях. С 2004 г. находится в отставке.

го конфликта, наносить удары по израильским городам. В складывающихся обстоятельствах израильская стратегическая концепция становилась во все большей степени ориентированной на оборону. Так, после Синайской кампании 1956 г. Насер старался использовать ооновские силы для защиты и потому предоставил свою территорию для их размещения. И о многом говорит тот факт, что теперь именно Израиль потребовал разместить войска ООН в буферной зоне. Настаивая на предоставлении Чрезвычайным силам ООН мандата на длительный срок, израильцы тем самым признавали, что отчасти утратили веру в сдерживающую мощь своей армии.

Если говорить об экономических аспектах грядущих конфликтов, то и здесь арабы имели преимущество. Закупки новых вооружений и восстановление разрушенной инфраструктуры осуществлялись в значительной степени за счет нефтедобывающих стран Персидского залива. Их деньги, вкуче с советской технической помощью, помогли Сирии всего за два года восстановить все нефтеперерабатывающие заводы, электростанции и промышленные предприятия, разрушенные израильской армией во время войны. Однако дело не ограничилось поддержкой только братских арабских стран, которая заключалась в перекачке нефтедолларов и переброске оружия, закупленного у других государств. Как уже говорилось, поддержку оказывал весь третий мир, все развивающиеся страны. Казалось, не существовало ни одного международного форума, на котором Израиль не подвергался бы все более интенсивному дипломатическому давлению. Так, в начале июля 1975 г. конференция ООН, посвященная Международному году женщины, приняла декларацию, предложенную 77 “неприсоединившимися” странами, призывавшую к искоренению сионизма как одного из “тяжелейших зол мира, наряду с колониализмом, неоколониализмом, империализмом, иностранным господством и оккупацией, апартеидом и расовой дискриминацией”. Летом 1975 г. арабским странам и их сторонникам не удалось исключить Израиль из состава ООН, но уже осенью этого года они значительно преуспели в дипломатической изоляции Израиля. Всего лишь 28 лет спустя после голосования в ООН в поддержку образования еврейского государства, а именно 10 ноября 1975 г., Генеральная Ассамблея ООН одобрила резолюцию, называвшую Израиль “расистским режимом оккупированной Палестины” и заклеймившую сионизм как “одну из форм расизма и расовой дискриминации”. В преамбуле резолюции сионизм был назван “угрозой миру и безопасности во всем мире” и содержался призыв ко всем странам “противостоять этой расистской и империалистической идеологии”. Непосредственно перед этим Генеральная Ассамблея приняла еще две резолюции, обе в высшей степени антиизраильские как по содержанию, так и по стилю изложения. Первая требовала участия ООП в работе Женевской конференции. Вторая призывала к созданию комитета, по типу Комитета ООН против апартеида, который

должен был “способствовать реализации неотъемлемых прав палестинского народа”. В рамках своего мандата этот комитет получал право “собирать и рассматривать предложения и рекомендации от любых государственных и межгосударственных региональных организаций и от ООП”.

Хотя потенциальная значимость этих мер и была изначально переоценена потрясенными и пришедшими в смятение израильянами и друзьями Израиля в странах Запада, которые восприняли названные резолюции как очередную попытку арабского мира лишить легитимации Государство Израиль, несомненно, тем не менее, что результаты голосования Генеральной Ассамблеи ООН способствовали болезненному унижению еврейского государства. Общая ситуация еще более усугубилась через месяц, 5 декабря, когда Генеральная Ассамблея дошла до того, что потребовала от Израиля вернуть все оккупированные арабские территории “безусловно”, то есть не требуя взамен заключения мирных договоров, а также “восстановить законные права палестинского народа”. Очевидно, что в будущем можно было ожидать дальнейших дипломатических поражений.

Усиливалось и враждебное отношение к Израилю со стороны Советского Союза. В основе этой враждебности лежал не только непреодолимый и неотступный страх, вызываемый тем, что Израиль обретает все большую притягательность в глазах евреев всего мира, но также и неуклонное стремление Москвы стратегически закрепиться в ближневосточном регионе. Последняя цель была в немалой степени достигнута к 1970-м гг., когда стремительно растущий советский флот положил конец западному превосходству в Средиземном море. К этому времени СССР уже распространял свои амбиции и в восточном направлении, вплоть до Персидского залива. Основным районом сосредоточения советских сил стал Ирак, а основной путь снабжения шел через сирийский порт Латакию. Соответственно, Москва вкладывала значительные средства в эти две страны, намереваясь выйти во фланг восточной оконечности НАТО в Турции и создать контругрозу постоянно усиливающейся, благодаря помощи США, армии Ирана. При этом СССР оказывал Сирии и Ираку не только финансовую помощь, но и снабжал эти страны в изобилии оружием, которое могло быть использовано ими против Израиля.

Где же Израиль мог искать союзников? Европа продемонстрировала свою полную ненадежность во время кризиса. Впрочем, не только европейские страны уступили арабскому нефтяному шантажу. Выступая перед японским парламентом в январе 1975 г., премьер-министр Японии Такэо Мики¹⁵, традиционный друг еврейского государства, призвал Израиль вы-

15 Мики Такэо (1907–1988) — политический и государственный деятель Японии. Окончил юридический факультет Университета Мэйдзи в Токио. В 1937–1976 гг. — депутат палаты представителей парламента Японии. В 1947–1948 гг. — министр связи, в

вести свои войска с оккупированных арабских территорий и потребовал признания “законных прав палестинского народа”. Что касается Великих держав, то дружественное отношение к Израилю сохраняли только США. Израильтяне приободрились, когда в июне 1974 г. Ричард Никсон посетил их страну — это был первый официальный визит американского президента, состоявшийся в рамках его турне по странам Ближнего Востока. Правда, значимость этого визита несколько умалялась тем обстоятельством, что он происходил в разгар Уотергейтского скандала и Никсон явно использовал пребывание в Израиле для того, чтобы восстановить свою пошатнувшуюся репутацию. Кроме того, не следовало забывать о другом, значительно более важном факторе: Киссинджер, как и Даллес за двадцать лет до того, вдруг ощутил, что возрождение дружественных отношений с арабским миром имело бы большое значение для США.

Обеспокоенность Вашингтона относительно антиамериканских настроений в арабском мире определялась не только соображениями стратегическими, то есть стремлением противостоять успешному проникновению СССР в ближневосточный регион, но, как уже говорилось, также и опасениями относительно возобновления арабского нефтяного эмбарго. Последствия такого эмбарго для США были бы достаточно серьезными, хотя, возможно, и не столь значительными, как для европейских стран или Японии. Между тем арабские правители не скрывали своих решительных намерений использовать нефтедоллары в качестве оружия не только против Израиля, но и против евреев, живущих в странах Запада. Выяснилось, в частности, что министерства финансов Кувейта и еще ряда арабских стран запретили более чем десяти инвестиционным банкам, принадлежащим евреям, работать с ближневосточными ценными бумагами. Продолжался также бойкот компаний, поддерживавших деловые связи с Израилем. Хотя такая политика шантажа и создания черных списков вызывала возмущение не только американских СМИ, но всех граждан страны, включая президента, тем не менее, судя по всему, не существовало достаточного количества эффективных юридических мер для борьбы с нею.

1954–1955 гг. — министр транспорта, в 1955 г. вступил в Либерально-демократическую партию (ЛДП). Был генеральным секретарем ЛДП, председателем совета по разработке политики ЛДП. В декабре 1974 г. — декабре 1976 г. — председатель ЛДП. В 1958–1959 гг. и в 1961–1962 гг. — государственный министр; в 1965–1966 гг. занимал пост министра внешней торговли и промышленности. В 1966–1968 гг. — министр иностранных дел. В 1972–1974 гг. Мики был заместителем премьер-министра Японии. В декабре 1974 г. — декабре 1976 г. — премьер-министр Японии. Был вынужден подать в отставку после того, как парламентские выборы 1976 г. показали значительное сокращение поддержки избирателей ЛДП, которая, тем не менее, осталась правящей партией.

Рабин: годы терпеливого ожидания

А тем временем, хотя небольшое еврейское государство и продолжало существовать в условиях непрестанного давления извне, непосредственная опасность военных действий все-таки исчезла, начиная с того момента, когда Садат открыл судоходство по Суэцкому каналу и восстановил города в зоне канала, сделав их, тем самым, залогом соглашения о прекращении огня. Экономика Египта находилась в критическом состоянии, и египетский президент без тени стеснения обратился к американцам, предложив им вполне прагматичную компенсацию за финансовую и техническую помощь. Ответ из-за океана был достаточно ободряющим, и к весне 1974 г. около ста американских компаний, включая банк “Чейз Манхэттен”, владельцем которого был Дэвид Рокфеллер¹⁶, согласились финансировать проект по модернизации Суэцкого канала. Все американские капиталовложения, несомненно, зависели от стабильности обстановки в ближневосточном регионе. Таким образом, приняв ориентированную на западные капиталы программу экономического развития, египтяне уже не решались совершать в зоне канала какие-либо опрометчивые действия и тем самым ставить под угрозу свои планы и надежды.

Что касается израильской экономики, то она начала реагировать на меры финансовой политики Рабина, включавшие изменения системы налогообложения и девальвацию. Кроме того, весьма многообещающими оказались два важных международных соглашения. Первое из них было подписано в мае 1975 г. с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС); согласно его условиям, тарифы ЕЭС на израильскую промышленную продукцию снижались на 60%, а к 1977 г. полностью отменялись. Это обеспечило значительный рост эффективности израильского промышленного производства. Но экономические советники Рабина на этом не остановились, и в том же мае 1975 г. был подписан еще один договор об экономическом сотрудничестве, на этот раз с США. Для того чтобы поощрить экономическое развитие еврейского государства, вашингтонская администрация санкционировала снижение налогов на прибыли американских инвесторов в Израиле по

16 Рокфеллер Дэвид (р. 1915) — американский финансист и общественный деятель. Родился в известной семье финансистов-миллиардеров. Окончил Гарвардский (1936 г.) и Чикагский (1940 г.) университеты. Изучал экономику и право. В 1942–1945 гг. служил в Вооруженных силах США. В 1946–1955 гг. занимал различные посты в руководстве принадлежащего Рокфеллерам “Чейз нейшл бэнк”. С 1955 г., после слияния “Чейз нейшл бэнк” и “Бэнк оф Манхэттен”, стал исполнительным директором банка “Чейз Манхэттен”. В 1969–1981 гг. — председатель правления банка “Чейз Манхэттен”. С 1975 г. — президент Рокфеллеровского университета. Член Республиканской партии. Продолжает участвовать в общественной жизни. Один из руководителей Совета по международным отношениям.

сравнению с аналогичными инвестициями в странах Общего рынка. Оба этих договора в известной степени нейтрализовали последствия арабского бойкота. Практически немедленно некоторые из крупнейших американских корпораций открыли новые или расширили действующие предприятия в Израиле — в их числе такие гиганты, как “Моторола”, “Контрол Дэйта Корпорэйшн”, “Интернэшнл Пэйпер”, “Уито Кемикалз”, “Интернэшнл Телефон энд Телеграф”, “Дженерал Телефон энд Электроник”.

В середине 1970-х гг. произошел еще ряд событий, положительно отразившихся на общей и экономической ситуации в стране. Одно из них — увеличение числа репатриантов из Советского Союза. Несмотря на то что Москва отвергла положения поправки Джексона–Вэника к Закону о торговле США (Гл. XXV. Цена неокончательной победы), советское руководство, по всей видимости, не теряло надежды получить доступ к передовым американским технологиям в рамках режима наибольшего благоприятствования. Таким образом, Брежнев разрешил постепенно увеличивать количество выдаваемых виз для выезда в Израиль — до 14 тыс. в 1976 г. и до 17 тыс. в 1977 г.; причем немалую долю репатриантов составляли выходцы из европейской части СССР, имевшие высокий образовательный уровень.

В 1976 г. произошло событие, в высшей степени способствовавшее восстановлению чувства национальной гордости евреев всего мира и уверенности израильтян в своих силах. Началось все с того, что в июне один из лидеров радикального Народного фронта освобождения Палестины, д-р Вадей Хаддад, собрал на частной квартире в Адене группу террористов для обсуждения дерзкой операции по захвату самолета. Был выбран самолет компании “Эр Франс”, следовавший рейсом Тель-Авив — Париж. Утром 27 июня самолет совершил промежуточную посадку в Афинах, и там сели новые пассажиры, в том числе немецкая “супружеская пара” и двое палестинцев, с поддельными паспортами. Через восемь минут после вылета из афинского аэропорта четверо вооруженных террористов захватили самолет с 254 пассажирами и велели экипажу лететь в Бенгази (Ливия). Оттуда, после дозаправки, самолет по распоряжению террористов вылетел в Уганду и через шесть часов приземлился в аэропорту Энтеббе близ столицы Уганды Кампалы, где террористов ждали их сообщники.

Пассажиров — 83 из них были израильтяне — отвели в старое здание аэровокзала. Роль посредника между похитителями и израильским правительством принял на себя проарабски настроенный угандийский диктатор Иди Амин, который 29 июня огласил требования похитителей. Израиль должен был освободить 52 палестинских террористов, находившихся в израильских тюрьмах и тюрьмах других стран, и доставить этих “борцов за свободу” в Энтеббе — иначе всем заложникам грозила смерть. Премьер-министр Рабин и министр обороны Перес объявили о своем

согласии вести переговоры — хотя на деле они лишь старались выиграть время, пока военные разрабатывали план операции по спасению заложников. По счастью, террористы согласились на трое суток ожидания, и к тому же, в качестве “жеста доброй воли”, освободили около 150 заложников. Имея в своем распоряжении трое суток, израильский спецназ смог должным образом подготовиться к операции. Помимо всего прочего, восемь освобожденных пассажиров вернулись в Париж, и офицеры израильской разведки *Мосад* смогли получить от них детальную информацию о месте нахождения заложников, террористов и угандийских солдат, охранявших аэропорт.

Утром 3 июля военные представили Рабину и Пересу план освобождения заложников, который получил одобрение на правительственном уровне. В три часа дня 3 июля четыре транспортных самолета “Геркулес” израильских ВВС и “Боинг-707”, на борту которого был размещен командный пункт операции, вылетели из Шарм-аш-Шейха. После семичасового полета вдоль восточного побережья Африки пять израильских самолетов вошли в зону радиоприема аэропорта Энтеббе. Согласно плану, первый “Геркулес” должен был сесть “на хвосте” прибывавшего по расписанию английского транспортного самолета. После посадки английского самолета израильский транспортник сел по той же траектории снижения, чтобы его не засек радар аэропорта. Израильские десантники, выскочив из первого самолета, разместили вдоль полосы переносные посадочные огни для обеспечения посадки следующих трех самолетов. Затем были выгружены “мерседес”, точная копия личного лимузина Иди Амина, и два “ленд-ровера”, на которых обычно передвигалась его охрана. Не вызвав ни малейшего подозрения, три автомобиля подъехали к зданию, где содержались заложники. Проникнув внутрь здания, спецназовцы уничтожили шестерых террористов, стоявших в охране, и провели ошеломленных происходящим заложников к самолету.

Тем временем, по команде с “Боинга-707”, летавшего по кругу над аэродромом, приземлились остальные три “Геркулеса” с десантниками и бронетранспортерами, в чью задачу входило уничтожение угандийской охраны у нового здания аэропорта. Через пятьдесят семь минут после приземления первый “Геркулес”, взявший на борт освобожденных заложников, уже был в воздухе. Через сорок две минуты после его вылета взлетел последний, четвертый, “Геркулес”. Вскоре все четыре “Геркулеса” приземлились в аэропорту Найроби (Кения) для дозаправки (на это было получено личное разрешение Джомо Кениаты, президента Кении, считавшего Иди Амина своим злейшим врагом). Через полчаса все самолеты снова были в воздухе и взяли курс на Израиль. Из 104 заложников погибли двое. Третья — Дора Блох, помещенная ранее в больницу в Уганде, после освобождения залож-

ников была жестоко убита по приказу Иди Амина. Военные потеряли всего одного человека — подполковника Йонатана Нетаниягу¹⁷.

Когда информация о проведенной операции стала достоянием широкой общественности, все в Израиле вздохнуло с облегчением, и страна преисполнилась чувством гордости. Это стало своего рода психологической компенсацией за Войну Судного дня, за бесконечный экономический кризис, за непрекращающуюся арабскую вражду. Немаловажно также, что операция “Энтеббе” послужила примером для многих антитеррористических операций, осуществленных впоследствии не только израильским спецназом, но также бойцами спецназа других стран в Германии, Франции, даже Египте, где власти до тех пор действовали с большой осторожностью и не предпринимали действенных мер против политических террористов и угонщиков самолетов. Теперь же, вдохновленные примером Израиля, они стали наносить террористам ответные удары с ранее не свойственной им решительностью. Таким образом, маленькое еврейское государство еще раз дало всему миру урок мужества.

17 Нетаниягу Йонатан (1946–1976) — подполковник Армии обороны Израиля. Сын известного израильского историка Бен-Циона Нетаниягу. Окончил среднюю школу в США, где его отец был профессором средневековой еврейской истории и литературы в университете Филадельфии. Вернулся в Израиль и был призван в *Цагаль* в парашютно-десантные войска. Участвовал в Шестидневной войне, был ранен. В 1968–1971 гг. учился в Гарварде и Еврейском университете. В 1972 г. вернулся в армию. Офицер подразделения особого назначения при Генштабе. Во время Войны Судного дня командовал отрядом особого назначения на Северном фронте. В апреле 1974 г. — мае 1975 г. — командир танкового батальона. В 1975 г. был назначен командиром подразделения особого назначения при Генеральном штабе. Погиб 4 июня 1976 г. во время операции “Энтеббе”.

Глава XXVI.

Начало эры Ликуда

Эпитафия Партии труда

Как показал дальнейший ход событий, соглашение о разъединении с Египтом (подписанное в 1975 г.) и вошедшая в историю операция “Энтеббе” (1976 г.) ознаменовали пик популярности и политического господства Партии труда в общественной жизни Израиля. Однако проблема контролируемых территорий практически парализовала эффективность правительства Рабина. Сразу после победы в июне 1967 г. в стране господствовало мнение, что надо будет отдать основную часть оккупированных территорий в обмен на мир. Но время шло, израильские руководители напрасно ждали “телефонного звонка” из арабских столиц, и тогда правительство, все еще пребывая в состоянии неопределенности, стало мало-помалу поощрять поселенческую деятельность евреев, поначалу в ограниченных масштабах, на Западном берегу, на Голанских высотах, и даже в секторе Газа, придерживаясь “плана Алона”.

Постепенно, к концу 1970-х гг., процесс начал принимать необратимый характер ввиду целого ряда экономических факторов. Взаимодействие между Израилем и территориями стало структурно напоминать общий рынок, причем его аграрная составляющая, представленная в основном палестинской стороной, оказалась фактически включенной в высокоразвитую израильскую экономику. И в самом деле, практически 16% всего израильского “экспорта” находило сбыт на территориях, которые вскоре стали крупнейшим рынком для реализации израильских товаров, превзойдя по объему рынки Великобритании и Германии, вместе взятых, и составив половину рынка израильских товаров в США (Гл. XXII. Израильский “общий рынок” на контролируемых территориях). В 1976 г. арабы, как израильские, так и

проживающие на территориях, составляли четвертую часть рабочей силы на промышленных предприятиях Израиля и более половины всей рабочей силы, занятой в строительстве и сфере услуг (гостиничное дело, автосервис, коммунальные службы). Именно дешевые трудовые ресурсы не только способствовали снижению инфляции в стране, но и уменьшили потребности в экстенсивных капиталовложениях.

Поэтому неудивительно, что будущее Западного берега и сектора Газа было тем вопросом, который вызывал самые острые споры среди членов Блока. Ицхак Рабин, представляя меньшинство Блока, в основном разделял взгляды своего наставника Игаля Алона, то есть относился к числу сторонников раздела. При этом, однако, будучи всецело занятым задачей уменьшения напряженности на египетском фронте и мобилизацией национальной поддержки дополнительного отступления на Синае, премьер-министр просто не мог себе сейчас позволить перейти к такому чувствительному вопросу, как палестинский. Национальная религиозная партия, в ходе переговоров относительно присоединения к правительственной коалиции, настаивала на том, чтобы любое предложение относительно вывода израильских войск из Иудеи и Самарии было представлено на общенациональный референдум. Для Рабина сама идея проведения голосования по этому вопросу представлялась неприемлемой.

Нерешительность Партии труда по территориальному вопросу проявилась еще в апреле 1968 г. в Хевроне, маленьком городе на Западном берегу. Именно там, как уже было сказано (Гл. XXII. Израиль закручивает гайки), группа еврейских религиозных активистов провозгласила себя авангардом возрожденного еврейского поселенческого движения. Вместо того чтобы выселить самовольных поселенцев, правительство Эшколя согласилось построить “альтернативное” поселение, Кирьят-Арба, на окраине Хеврона. Эта “альтернатива” стала чем-то большим, чем временный форпост. В последующие годы число поселенцев продолжало расти, достигнув к середине 1970-х гг. 2 тыс. человек. Подъездные пути к поселению и коммунальные сооружения были фактически созданы за государственный счет. Собственно говоря, религиозные жители поселения Кирьят-Арба являлись, по большей части, сторонниками поселенческого движения *Гуш Эмуним* (“Союз верных”). Члены движения *Гуш Эмуним* были в основном выпускниками

1 *Гуш Эмуним* (“Союз верных”) — религиозно-политическое поселенческое движение. Возникло в начале 1974 г. в поселении Кфар-Эцион. Вслед за раввином Аврагамом Куком, члены движения считали, что создание Государства Израиль — это “начало избавления”, а массовое поселение евреев на Западном берегу реки Иордан — продолжение этого процесса. Основное ядро поселенцев составили жители религиозных поселений — ученики раввина Кука. Главная цель движения — создание новых поселений на контролируемых территориях. В 1974 г. группа поселенцев из *Гуш*

государственных религиозных школ и принадлежали к молодежному движению *Бней Акива*. Многие из них всегда являлись ревностными сторонниками поселения в Хевроне; другую часть составляли выпускники иерусалимской ешивы раввина Кука, известные своей бескомпромиссностью. Все они считали, что права еврейского народа на Иудею и Самарию очевидны и не подлежат обсуждению.

Члены движения *Гуш Эмуним* обрели все большую решимость по мере того, как все нерешительнее становилась политика социалистического правительства. В 1974–1975 гг. они основали несколько новых поселений на Западном берегу, в центре арабских анклавов. В одном из районов Самарии, где плотность арабского населения была особенно велика, возникло поселение Элон-Море. И опять, как и в случае с хевронскими поселенцами, реакция правительства была непоследовательной. В это время как раз Перес и Рабин вступили в соперничество за лидерство в партии, и у каждого из них в окружении были влиятельные члены движения *Гуш Эмуним*. По указанию Переса подразделение инженерных войск провело в Элон-Море электричество и воду. Что касается Рабина, то он, несмотря на свое возмущение агрессивностью *Гуш Эмуним*, счел целесообразным одобритель-

Эмуним предпринимала попытки создания поселений в Самарии. В 1974–1975 гг. было предпринято шесть подобных попыток, но каждый раз *Цагал* по распоряжению премьер-министра И. Рабина удалял поселенцев. В декабре 1975 г. на праздник *Ханука* тысячи сторонников движения заняли здание заброшенной железнодорожной станции близ деревни Себастья в Самарии и оставались там в течение восьми дней. В результате переговоров правительство дало разрешение на создание поселения в военном лагере Кдумим в 10 км восточнее Шхема. В мае 1975 г. с разрешения министра обороны Ш. Переса было основано поселение Офра. Хотя после прихода к власти в 1977 г. М. Бегина он обещал всяческую поддержку созданию новых поселений, грандиозные планы *Гуш Эмуним* по увеличению численности еврейского населения в Иудеи и Самарии (включая Восточный Иерусалим) до 1 млн в течение 20 лет и еще более грандиозные планы тогдашнего министра сельского хозяйства А. Шарона по созданию сети автострад, нескольких городов и увеличению числа еврейских жителей до 2 млн не были осуществлены. К концу 1981 г. было создано более 20 поселений, причем некоторые из них основывались без поддержки правительства. В 1980 г. была создана организация поселений Иудеи, Самарии и сектора Газа. Активисты *Гуш Эмуним* боролись против отступления израильских войск из Синая, выступали против мирного соглашения между Израилем и палестинцами в 1993 г., устраивали массовые демонстрации протеста против отступления из сектора Газа в августе 2005 г. и активно сопротивлялись его осуществлению. Недовольная политикой израильских коалиционных правительств, в 1980-х гг. группа членов *Гуш Эмуним* создала еврейское подполье, которое осуществило ряд террористических актов против арабов. Активисты *Гуш Эмуним* составляют основу ультранационалистических движений *Зо арцейну* (“Это наша страна”) и *Зо га-дерех* (“Это наша дорога”).

но отозваться о “присущем им энтузиазме первопоселенцев” и в конечном итоге вынужден был признать возникновение Элон-Море свершившимся фактом. Первоначально поселенцы обосновались в бывшем армейском лагере Кдумим. К началу 1977 г., таким образом, на Западном берегу уже существовало пять поселений движения *Гуш Эмуним*, и трудно было сказать, кто испытывает более негативные чувства по отношению к кабинету Рабина — “голуби”, выступавшие за отход из районов с многочисленным арабским населением, или “ястребы”, безошибочно предугадавшие отсутствие у социалистического правительства не только согласованной позиции, но хотя бы самого общего представления о планах, связанных с будущим Иудеи и Самарии.

Результаты экономической политики правительства были еще менее впечатляющими, чем достижения на территориях. Правда, следует признать, что целый ряд бюджетных затрат был вызван исключительными обстоятельствами. Правительству пришлось удвоить оборонный бюджет страны, чтобы компенсировать поставки советского и французского оружия в Египет и Сирию после Войны Судного дня. Десятки тысяч израильтян, будучи призванными на воинские сборы, срок которых по необходимости пришлось увеличить, тем самым оказывались выведенными из сферы экономической деятельности. В целом, доля расходов на оборону в израильском ВВП резко возросла — с 21% в 1972 г. до 47% в 1976 г.; к тому же рост мировых цен на нефть и другие предметы израильского импорта способствовали росту бюджетного дефицита страны, который к 1976 г. превысил 4 млрд долларов. Основную долю этого дефицита приходилось покрывать за счет займов из американских и других источников; затраты на обслуживание и покрытие этих долгов способствовали росту инфляции, которая составила в 1973 г. 30%, а в 1974 и 1975 гг. — 40%. Ко всему прочему, именно в это время деятельность предприятий коммунальных услуг была парализована забастовками, которые, одну за другой, объявляли находящиеся на государственной службе и входящие в *Гистадрут* инженерно-технические работники, врачи, учителя. Правительство, как правило, удовлетворяло требования бастующих.

Отдельно следует сказать о негативном воздействии на израильскую экономику коррупции, которая разъедала не только сферу бизнеса и профессиональных сообществ, но также проникала и в высшие эшелоны государственной власти. Один из самых грандиозных скандалов был связан с деятельностью корпорации “Израиль”, основанной в 1968 г. правительством Эшколя, в финансировании которой принимали участие евреи со всего мира. В 1975 г. бывший директор-распорядитель корпорации был обвинен (и затем признан виновным) по делу о присвоении средств корпорации на сумму в миллионы долларов. Год спустя директор таможенной

службы был осужден за то, что незаконно освобождал товары, ввозимые в страну его приятелями, от пошлин и сборов. В 1976 г. высокопоставленный чиновник Банка Израиля был арестован за то, что пользовался служебной информацией в целях обогащения. Бывший управляющий израильской нефтедобывающей корпорации на Синае был осужден за использование в личных целях фондов, которыми он распоряжался в служебном порядке. Генеральный директор страховых программ *Гистадрута* был признан виновным в получении взяток от поставщиков. Министр жилищного строительства покончил жизнь самоубийством после того, как началось следствие по делу о присвоении им фондов Партии труда. Общая атмосфера казнокрадства и злоупотребления служебным положением, казалось, становилась более и более характерной для всей партийной иерархии.

И сам премьер-министр не избежал обвинений. К концу 1976 г. политическое соперничество и личная неприязнь между Рабином и Пересом настолько обострились, что это проявлялось даже в ходе заседаний кабинета министров. Собственно говоря, Перес уже принял решение вступить в борьбу с Рабином за власть в партии еще до выборов, назначенных на ноябрь 1977 г. Рабин, в свою очередь, решил, что у него имеется возможность обойти своего соперника. В декабре 1976 г. он присутствовал на церемонии в аэропорту по поводу прибытия в Израиль новых американских истребителей, и этот день пришелся на субботу. Узнав о таком «нарушении святости субботы», ультраортодоксальная партия *Агудат Исраэль* объявила правительству вотум недоверия. Большинство в *кнессете* не поддержало это предложение, однако несколько членов Национальной религиозной партии, партнеры Рабина по коалиции, нарушили фракционную дисциплину и воздержались при голосовании. Рабин счел это подходящим поводом для того, чтобы объявить об отставке правительства и перенести выборы с ноября 1977 г. на май. Он рассчитывал, что кризис и назначение выборов на более ранний срок приведут к тому, что центральный комитет Партии труда теснее сплотится вокруг своего теперешнего лидера. Действительно, Рабин получил поддержку — но лишь незначительным большинством голосов, и почувствовал себя публично униженным.

В начале года, уже в ходе избирательной кампании, разразилось несколько финансовых скандалов, один из которых, как уже было сказано, закончился самоубийством министра жилищного строительства. А в марте 1977 г. одна израильская газета опубликовала результаты своего журналистского расследования: оказалось, жена Рабина имела два тайных долларовых счета в вашингтонском банке, что было запрещено израильским законодательством. Будучи совладельцем счета, Рабин также подвергся общественному осужде-

нию и в начале апреля подал в отставку с поста как премьер-министра, так и главы партии. Вскоре после этого центральный комитет Партии труда выдвинул Переса в качестве кандидата на пост премьера. К этому времени в стране царило замешательство, моральное состояние народа Израиля было подорвано в ходе расследования итогов Войны Судного дня, арабские страны продолжали уверенно наращивать свой военный потенциал, а существование израильской экономики зависело от американских подачек, как жизнь больного — от аппарата искусственного дыхания. Создавалось впечатление, что эрозия, разъедавшая основы общественной морали, не только загнала израильских руководителей в болото коррупции, но и лишила их возможности управлять страной.

Электоральный переворот

При всей запутанности избирательной кампании соперничающие партии, как и на предыдущих выборах, образовали традиционный треугольник: блок Израильская партия труда — *Мапам*, затем *Ликуд* (коалиция, в которую входили *Херут*, Либеральная партия и еще несколько небольших партий) и все религиозные партии (в диапазоне от центристской Национальной религиозной партии и до фундаменталистской *Агудат Исраэль*). Весной 1977 г., по мере обострения предвыборных политических страстей, Израильская партия труда выступила со своим давним предупреждением относительно того, что победа *Ликуда* несет в себе угрозу демократии и правам трудящихся. Предвыборная же кампания *Ликуда*, которой руководил Эзер Вейцман, бывший командующий ВВС Израиля, была организована много лучше и изобретательнее. Подчеркивая свое твердое намерение не идти на территориальные уступки арабам, *Ликуд* при этом уделял меньше внимания вопросам внешней политики, а сосредоточился на коррупционных скандалах в Израильской партии труда и на слабостях ее экономической программы. Опросы общественного мнения, предсказывавшие очевидную победу Израильской партии труда, оказались ошибочными. После окончательного подсчета голосов оказалось, что *Ликуд* увеличил свое представительство в *кнессете* с 39 до 43 мандатов, а Национальная религиозная партия — с 10 до 12 мандатов (*Агудат Исраэль* сохранила свои 5 мандатов). Однако подлинной сенсацией выборов стал не успех правых партий, а сокрушительное поражение блока левых: имея 51 мандат в 1973 г., теперь он получил всего 32 мандата — то есть Блок потерял голоса более трети своих приверженцев. Столь же впечатляюще выглядели и потери других, менее крупных, левых партий.

Ключевую роль в этом электоральном перевороте сыграла новая центристская группа, Демократическое движение за перемены (ивритская аббревиатура — *Даш*). Группа *Даш* сформировалась в ходе демонстраций протеста, волна которых захлестнула Израиль после Войны Судного дня. В числе как демобилизованных солдат, так и гражданских лиц, которые выступали с резкими протестами в адрес Даяна и всего правительства Голды Меир, критикуя их за грубые ошибки, было немало осознававших, что основная проблема Израиля заключается в политической системе страны — а именно в давно устаревшей системе выборов, при которой приходится голосовать за партийные списки, во главе которых неизбежно стоят олигархические центральные комитеты. Недовольные таким положением дел критики системы (в массе своей лица с достаточно высоким образовательным уровнем, представители верхушки среднего класса, выходцы из европейских стран) были решительно настроены голосовать как против инерции Израильской партии труда, так и против шовинизма *Ликуда*.

Такая возможность представилась в 1976 г., когда *Даш* возглавил профессор Игаэль Ядин, известный археолог и военачальник времен Войны за независимость. Сопредседателем партии *Даш* стал Амнон Рубинштейн², декан юридической школы Тель-Авивского университета и основатель партии *Шинуй*³ (“Перемена”), вошедшей в состав *Даш*; в числе других руково-

2 Рубинштейн Амнон (р. 1931) — израильский ученый-правовед, политический и государственный деятель. В 1957 г. окончил Еврейский университет. Степень доктора получил в Лондонском университете. Преподавал на юридическом факультете Тель-Авивского университета, с 1968 г. — профессор, в 1968–1973 гг. — декан факультета. В 1974 г. создал и возглавил движение *Шинуй*. В 1977 г., после того как *Шинуй* и Демократическое движение объединились и образовали Демократическое движение за перемены (*Га-Тнуа ха-демократит ле-шинуй*, сокр. *Даш*), Рубинштейн был избран в *кнесет* девятого созыва, в котором после раскола *Даш* в 1978 г. возглавил самостоятельную и оппозиционную правительству М. Бегина фракцию *Шинуй*. Инициатор принятия *кнесетом* двух основных (конституционных) законов о правах человека. В 1984–1987 гг. — министр связи в правительстве национального единства. В 1992 г. избран в *кнесет* тринадцатого созыва от блока *Мерец*. В июле 1992 г. — июне 1993 г. — министр энергетики, науки и технологии. В июне 1993 г. — мае 1996 г. — министр просвещения и культуры. После того как в 1996 г. блок *Мерец* был преобразован в единую партию, Рубинштейн, во главе части членов *Шинуй*, вошел в новую партию. В 2000 г. ушел из политической жизни. Написал ряд работ по проблемам права и законодательства, в т. ч. “Моральное принуждение в обществе вседозволенности” (1975), “От Герцля к Гуш Эмуним и обратно” (1977), “Конституционное право Государства Израиль” (1992).

3 *Шинуй* (“Перемена”) — центристская, либеральная партия, основана в марте 1974 г. под влиянием Войны Судного дня Амноном Рубинштейном. Партия *Шинуй* выступила с требованием всесторонней реформы израильской политической системы, принятия конституции и либерализации экономики страны. Партия настаивала на

дителей новой партии были пользующиеся всеобщим уважением бывшие лидеры Партии труда, военные, представители интеллигенции и промышленных кругов — все они выступали за проведение реформ. И сами кандидаты, и их программа произвели большое впечатление на избирателей. *Даш* получила 15 мандатов, став третьей по численности партией *кнесета*; при этом следует особо подчеркнуть, что две трети голосовавших за нее были в 1973 г. сторонниками Блока.

Впрочем, весьма впечатляющей была и победа правого лагеря сама по себе — к такому волеизъявлению народа следовало отнестись со всей серьезностью. Ясно было, что личность Менахема Бегина уже не вызывала у избирателей прежних опасений. Входя в состав правительства национального единства в период 1967–1970 гг., Бегин смог избавиться от закрепившегося за ним образа демагога и политика. Собственно говоря, его позиция по вопросу аннексии территорий, по крайней мере внешне, не очень отличалась от тщательным образом сбалансированных предложений, выдвигавшихся многими членами Израильской партии труда. Можно сказать, что Бегин выражал свое восприятие “неделимой Эрец-Исраэль” историко-мистическим языком библейских аналогий. Как бы то ни было, но значительное ослабление позиций Израильской партии труда говорило не столько о переменах в настроении электората относительно территориальных уступок, сколько представляло собой социальный протест, свидетельствовавший об изменении политической лояльности сотен тысяч евреев — выходцев из мусульманских стран. На протяжении всего периода 1960-х гг. се-

расширении гражданских прав, противодействовала религиозному диктату и призывала к переговорам с палестинцами. В 1977 г. *Шинуй* и *Даш* объединились и вместе получили на выборах в *кнесет* 1977 г. 15 мандатов. Присоединение *Даш* к правительству М. Бегина привело к выходу *Шинуй* из объединения *Даш*. После выборов 1984 г. партия *Шинуй* поддержала правительство национального единства; но в 1986 г. она вышла из правительственной коалиции из-за несогласия с политикой премьер-министра И. Шамира в вопросе израильско-арабских переговоров. В 1992 г. *Шинуй*, *Рац* и *Мапан* образовали блок *Мерец*, основанный на общности взглядов в вопросах прав человека и урегулирования арабо-израильского конфликта, притом что сохранялось различие между приверженностью членов *Шинуй* либеральным принципам экономики — и социал-демократическими взглядами в этой области других участников блока. После преобразования в 1996 г. блока *Мерец* в партию часть членов *Шинуй* во главе с А. Поразом приняли решение о воссоздании партии. В марте 1999 г. *Шинуй* возглавил журналист Й. (Томи) Лапид и придал ей ярко выраженный антиклерикальный характер. На выборах в *кнесет* в мае 1999 г. партия *Шинуй* получила 6 мандатов, а в январе 2003 г. — 15 мандатов и вошла с ними в правительственную коалицию. Лапид получил портфель министра юстиции. Усиливающиеся внутрипартийные конфликты и неспособность партии добиться осуществления своей программы привели *Шинуй* к поражению на выборах в феврале 2006 г., когда партия не прошла в *кнесет*.

фарды, выходцы из стран Востока, в подавляющем большинстве голосовали за Израильскую партию труда, и даже в конце 1960-х гг. Блок получил 55% их голосов. Затем, в 1973 г., эта величина уменьшилась до 38%. И вот теперь, в 1977 г., она упала до непредставимого ранее уровня в 32%. Несомненно, налицо была социальная революция.

Причиной того, что израильтяне неевропейского происхождения отошли от Израильской партии труда, стало чувство негодования и обиды по отношению к ашкеназской элите. Несмотря на то что к 1977 г. благосостояние израильтян из восточных общин возросло в весьма значительной степени, их доля в категории “белых воротничков” не составляла и половины числа ашкеназских евреев. То же самое можно было сказать и о положении дел в правительственных учреждениях, *Гистадруте*, высших учебных заведениях, аппарате политических партий, в офицерском составе вооруженных сил. На протяжении эры Бен-Гуриона Партия труда делала достаточно много для того, чтобы обеспечить рост благосостояния евреев из восточных общин и тем самым гарантировать их электоральную поддержку. Однако к 1970-м гг. стало выясняться, что патернализм и чисто символические действия ашкеназов по обеспечению социального равенства более не гарантируют лояльности сефардов. К тому же негативные чувства, испытываемые сефардами по отношению к ашкеназам, сопровождались также и глубоким подсознательным недоверием к арабам — ведь предки сефардов еще в давние времена испытали на себе все тяготы жизни в мусульманских странах. Расширение контактов со своими старинными гонителями на территории Израиля после Шестидневной войны лишь способствовало пробуждению старинной обиды. Таким образом, сефарды в значительно большей степени, чем остальные израильтяне, оказались восприимчивыми к харизматическому стилю выступлений и националистической риторике Бегина. Выборы 1977 г. стали для них долгожданной возможностью самоутвердиться и отомстить европейскому истеблишменту.

Израиль уходит вправо

Однако еще более долгожданной стали выборы 1977 г. для Менахема Бегина. Человек 64 лет, неприметной наружности, в очках, слабого телосложения, не очень здоровый физически, Бегин как политик был движим не столько честолюбием или стремлением к славе, сколько не оставившим его всю жизнь видением единого Израиля. Это было видение, присущее Владимиру Жаботинскому. В 1925 г., будучи студентом юри-

дического факультета Варшавского университета, Бегин впервые встретился с “великим ревизионистом” и был потрясен этой встречей. Однако сильное впечатление на него произвели как стиль и манера поведения Жаботинского, так и его внутренняя сущность, его динамизм, выдающееся ораторское искусство и блестящее владение демагогическими приемами. Бегин многое почерпнул у Жаботинского, пользуясь всем перенятым на протяжении своего жизненного пути, — сначала как лидер польского *Бетара*, молодежного ревизионистского движения, затем как командир подпольной еврейской военной организации *Эцель*, действовавшей на территории подмандатной Палестины, и, наконец, как председатель партии *Херут* в Государстве Израиль (Глава XIV. Кризис израильской демократии).

И все-таки к 1960-м гг. Бегин стал более умеренным. Будучи не в состоянии провозглашать старые ревизионистские лозунги в годы мира и сравнительного спокойствия, он изменил свой прежний облик настолько эффективно, что ему удалось привлечь в общий блок с партией *Херут* Либеральную партию. А в кризисные дни мая–июня 1967 г. Бегин продемонстрировал истинную широту души, выступив с предложением, чтобы его старый соперник Бен-Гурион был приглашен занять пост премьер-министра. Однако по окончании военных действий, завершившихся победой Израиля, Бегин снова стал говорить не о национальном выживании, а о присоединении территорий. Он оставался членом правительства национального единства на широкой основе лишь потому, что это правительство, где основные посты занимали члены Израильской партии труда, присоединило Иерусалим и занималось строительством поселений на Западном берегу. Бегин также установил удовлетворительные рабочие отношения с Моше Даяном, и в рамках кабинета они составляли ядро союза “ястребов”, стоявшего над межпартийными границами.

В августе 1970 г. израильское правительство приняло план Роджерса, предусматривавший соблюдение требований Резолюции Совета Безопасности ООН № 242 относительно отвода войск “с территорий, оккупированных в ходе настоящего конфликта”, после чего Бегин вывел свою партию из правящей коалиции. Он не намеревался идти на компромисс по вопросу, связанному с Эрец-Исраэль, — ни тогда, ни когда бы то ни было. В ходе подготовки к выборам весной 1977 г. Бегин и его партия сформулировали жесткие положения своей внешней политики. “Права еврейского народа на Эрец-Исраэль являются вечными и неотъемлемыми, — гласило их заявление. — Вся земля от моря до Иордана принадлежит исключительно евреям”. И вот, под знаменем этого непреклонного заявления, Менахем Бегин после победы на майских (1977 г.) выборах приступил к формированию своего правительства.

Новый кабинет министров был приведен к присяге 20 июня. Помимо депутатов *кнесета* от *Ликуда*, правительство поддерживали два депутата от партии Ариэля Шарона *Шломцион*, а также Моше Даян, вышедший из Партии труда и провозгласивший себя “независимым”, двенадцать депутатов Национальной религиозной партии и пять депутатов правой партии *Азудат Исраэль*. Однако это минимальное большинство было недостаточным для принятия значительных политических решений, и потому Бегин обратился к Игаэлю Ядину, лидеру Демократического движения за перемены (*Даш*), которое имело 15 мандатов. Премьер-министр пока не был готов согласиться на основное требование Ядина — относительно отмены выборов в *кнесет* по партийным спискам. Тем не менее в знак доверия Бегину руководство *Даш* согласилось пойти на риск и принять его предложение. Четыре члена *Даш* получили министерские портфели, а сам Ядин — пост заместителя премьер-министра.

В рамках блока *Ликуд* всегда существовало согласие относительно того, что основные экономические посты получает Либеральная партия. Председатель партии Симха Эрлих⁴ взял портфель министра финансов, другие члены этой партии получили, помимо поста министра торговли и промышленности, еще директорские посты в ряде государственных корпораций. Опытные бизнесмены, они приступили к реализации “Новой экономической политики”, основанной на таких принципах, как поощрение инвестиций, борьба с инфляцией и коррупцией, снижение национального долга, введение автоматической прибавки к заработной плате с учетом роста стоимости жизни, ограничение бюрократических вмешательств в рыночную деятельность. Эти меры действительно доказали свою эффективность, и благодаря им прекратил свое существование пресловутый израильский долларový черный рынок. Однако, по ходу дела, они породили

4 Эрлих Симха (1915–1983) — израильский бизнесмен и политический деятель. В юности принимал участие в молодежном движении Общих сионистов в Польше. С 1934 г. жил в Эрец-Исраэль. Создал в стране первую фабрику по производству оптической продукции. На своих предприятиях использовал новейшие научные открытия. Играл активную роль в партии Общих сионистов. По списку партии был избран в Тель-авивский муниципальный совет, в 1955–1962 гг. — заместитель мэра Тель-Авива. После объединения в 1961 г. Прогрессивной партии и Общих сионистов в Либеральную партию был избран председателем партии. После вступления в 1965 г. в блок *Гахаль* был избран в *кнесет* седьмого созыва в 1969 г. После победы в 1977 г. *Ликуда* на парламентских выборах в июне 1977 г. был назначен министром финансов и заместителем премьер-министра. Хотя его экономическая политика имела частичный успех, но стремительный рост инфляции и социального неравенства вызвал отставку Эрлиха в 1979 г. с поста министра финансов; однако он остался заместителем премьер-министра. Во втором правительстве М. Бегина, созданном в 1981 г., Эрлих вновь получил пост заместителя премьер-министра.

ряд других, довольно неожиданных, проблем. Одной из них стало получение непредвиденных прибылей лицами, располагающими иностранной валютой — в первую очередь 100 тыс. получателей платежей по немецким реституциям. Более того, разрешив свободное конвертирование иностранной валюты, Эрлих невольно поощрил неконтролируемый обмен долларовых займов на шекели (новую израильскую валюту), что подстегнуло инфляцию, доведя ее до угрожающих размеров.

Еще один важный пункт экономической программы Эрлиха заключался в создании свободных предприятий путем продажи с аукциона государственных корпораций частным инвесторам. Этот план также был обречен на провал. Со времен образования Государства Израиль государственные компании доминировали в таких областях, как энергетика, банковское дело, транспорт, добывающая промышленность, водоснабжение и туризм. Главной задачей первых лет существования Израиля считалось укрепление государственных структур, а отнюдь не получение прибылей. При этом, однако, такие компании, с их переходящими из года в год пассивными балансами, вряд ли представляли интерес для частных инвесторов. За время пребывания Эрлиха на министерском посту удалось продать лишь одну-единственную структуру — ипотечный банк. Аналогичным образом оказалось нереализованным обещание *Лихуда* национализировать систему здравоохранения, отобрав у *Гистадрута* медицинское страхование — все попытки сделать это были похоронены в соответствующей комиссии. А когда правительство начало уменьшать традиционные субсидии на продукты питания, транспорт и жилье, цены на соответствующие товары и услуги настолько возросли за двадцать месяцев, что началась волна протестов и демонстраций. Все эти экономические меры привели только к одному: бедные стали еще беднее.

Пагубность результатов Новой экономической политики, рост цен и углубление социального неравенства вынудили Эрлиха в 1980 г. уйти в отставку. Его сменил на министерском посту Игаль Ёрвиц⁵, бизнесмен

5 Ёрвиц Игаль (1918–1994) — израильский государственный деятель и бизнесмен. В молодости играл активную роль в социалистических организациях. После начала Второй мировой войны вступил в британскую армию. После образования Еврейской бригады служил в ее рядах, после демобилизации занимался бизнесом. Приобрел несколько предприятий, занимающихся производством молочных продуктов и находившихся в тяжелом положении, и превратил их в преуспевающую компанию. В 1961–1965 гг. — член руководства партии *Мапай*. В 1965 г. вступил в *Рафи*. После объединения *Рафи* и других израильских рабочих партий в Израильскую партию труда был в числе тех, кто отказался вступить в новую партию. Он участвовал в создании партии Государственный список во главе с Д. Бен-Гурионом. В 1969 г. был избран в *кнесет* от Государственного списка. В 1973 г. Государственный список присоединился к блоку *Гахаль*. После созда-

с большим стажем, который начал с того, что выдвинул требование относительно сокращения как субсидий, так и доходов от прироста капитала, причем повсеместно и без исключений. Он не получил согласия на такие меры и продержался на своем посту немногим более года, постоянно угрожая уйти в отставку. В январе 1981 г. в стране началась общенациональная забастовка учителей, требовавших значительного повышения заработной платы — что противоречило одному из ключевых предвыборных обязательств *Ликуда* ввести обязательный арбитраж трудовых конфликтов в основных отраслях национальной экономики. Несколько ранее правительству удалось прекратить неофициальную (то есть не получившую одобрения профсоюза) забастовку персонала авиакомпании *Эль-Аль*, но в данном случае, когда учителя не вышли на работу, кабинет высказался против позиции Горвица и согласился на увеличение заработной платы бастующим. Тогда Горвиц подал в отставку, которая была принята.

Следует, однако, особо отметить, что правительство провело в жизнь ряд популистских решений, ориентированных на малоимущие слои населения и на выходцев из стран Востока, составлявших важную категорию электората *Ликуда*. Бегин проявлял личную заботу об этих людях — ведь они привели его к власти. Он пообещал “революцию” в строительстве жилья для молодых пар, предоставив финансовые гарантии частным подрядчикам, строившим многоквартирные дома для сдачи жилья в наем. Благодаря настойчивости министра жилищного строительства Давида Леви⁶ соот-

ния *Ликуда* был избран в *кнесет* десятого созыва по списку *Ликуда*. После образования в июле 1977 г. правительства М. Бегина Горвиц получил пост министра торговли и промышленности. Но в 1977 г. из-за разногласий с М. Бегиним в отношении мирного договора с Египтом подал в отставку. После отставки Эрлиха в 1979 г. был назначен министром финансов. Повел решительную борьбу с инфляцией, всячески сокращая государственные расходы. Вынужден был уйти в отставку в январе 1981 г. после того, как отказался повысить зарплату бастующим учителям, что не было поддержано правительством. В 1984 г. создал движение *Омец*, получившее на выборах в *кнесет* одиннадцатого созыва одно место. Министр без портфеля в 1984–1992 гг. После того как на выборах в *Кнесет* тринадцатого созыва в 1992 г. *Омец* не получил ни одного места, Горвиц ушел из политической жизни.

- 6 Леви Давид (р. 1938) — израильский общественный и государственный деятель. В 1957 г. репатриировался из Марокко в Израиль. Поселился в Бейт-Шеане, где работал строительным рабочим. Выдвинулся как рабочий лидер и стал активным членом партии *Херут*. Возглавил фракцию *Херут* в *Гистадруте*. В 1981 г. выдвигался на пост генерального секретаря *Гистадрута*. С 1969 г. — депутат *кнесета*. В правительстве М. Бегина в 1977–1981 гг. — министр строительства и министр *алии* и абсорбции; в 1981–1988 гг. — министр строительства и заместитель премьер-министра; в 1990–1992 гг. — министр иностранных дел. После поражения *Ликуда* на парламентских выборах 1992 г. и отставки И. Шамира с поста председателя партии выставил свою кандидату-

ветствующий закон был принят правительством, и его претворение в жизнь оказалось достаточно успешным. В ходе предвыборной кампании *Ликуд* обещал три года бесплатного образования в старших классах средней школы, и это обещание также было выполнено. Несмотря на то что реализация этих двух начинаний нанесла немалый ущерб государственной казне, они относятся к числу немногих мероприятий эры Бегина, получивших искреннее одобрение в народе.

То же можно сказать и о мерах по реконструкции районов городских трущоб. Для оказания помощи этому заброшенному сектору премьер-министр решил обратиться к евреям диаспоры и попросить, чтобы они приняли участие в “Проекте обновления”. В рамках детального плана социального обновления трущобных районов, разработанного при активном содействии Еврейского агентства, каждому из 82 таких районов в Израиле была подобрана зарубежная община-спонсор; проект (в реализации которого приняли участие 32 зарубежные общины) предусматривал перестройку обветшалого жилищного фонда, создание фондов для предоставления займов и ипотечных ссуд, ремонт и реставрацию общинных центров, школ, детских и медицинских учреждений. По состоянию на ноябрь 1983 г. общие расходы по “Проекту обновления” составили порядка 130 млн долларов. Хотя значительная доля этих фондов была растрачена впустую — из-за инфляции, неэффективности и политических конфликтов, тем не менее в целом проект был реализован успешно. Следует только подчеркнуть, что “Проект обновления”, равно как и строительство жилья на сьем, и увеличение срока бесплатного школьного образования были абсолютной противоположностью самой сути Новой экономической политики. Ведь нельзя не признать, что реализация экономической политики, в полной мере отвечающей принципам правого лагеря, была в принципе невозможна в государстве, чьей основной миссией является “возвращение евреев в страну отцов”.

ру, но в 1993 г. проиграл внутрипартийные выборы Б. Нетаниягу. Вышел из *Ликуда* и создал движение *Гешер*. В 1996 г. был создан единый межпартийный список *Ликуд—Гешер—Цомет*. В сформированном летом 1996 г. Б. Нетаниягу правительстве Леви получил портфель министра иностранных дел. Но из-за напряженных отношений с премьер-министром в 1998 г. вышел из состава правительства. На выборы в *кнессет* пятнадцатого созыва в мае 1999 г. *Гешер* шел в составе блока *Израэль Ахад* под руководством лидера Израильской партии труда Э. Барака. Д. Леви получил портфель министра иностранных дел. В 2000 г. вышел в отставку из-за несогласия с Э. Бараком по поводу его уступок на переговорах с палестинцами, но остался в правительстве в качестве министра без портфеля. Весной 2002 г. присоединился к правительственной коалиции А. Шарона и был назначен министром без портфеля. Он не был избран в *кнессет* семнадцатого созыва в марте 2006 г. и ушел из политической жизни.

“Внутренний враг”

В начале 1970-х гг. большинство израильских арабов еще продолжали голосовать за списки, “связанные” с Партией труда. Однако в 1977 г. “арабский” список Блока получил лишь один мандат в *кнесете*. Причины таких перемен в значительной степени были связаны со сменой поколений. В ранние годы существования Государства Израиль по спискам Израильской партии труда избирались уважаемые и пожилые члены арабской общины, главы кланов, зачастую даже мухтары. Теперь же молодые и разочарованные арабы отдавали свои симпатии и голоса партии *Раках*⁷, коммунистам. *Раках*, официально все еще оставаясь израильской политической партией, чье руководство было по-прежнему в основном еврейским, в 1970-х гг. обращалась в основном к арабскому электорату, для которого она была единственным — из числа законных — средством выражения протеста против сионистского правления. Так, в 1965 г. *Раках* получила 24% арабских голосов, в 1969 г. — 30%, в 1973 г. — 37% (Гл. XXV. Цена неокончательной победы). В 1977 г. *Раках* получила 50% арабских голосов.

В целом численность арабского населения в 1977 г. уже превысила 600 тыс. человек. Если учитывать еще 130 тыс. арабов Иерусалима, то общее число составляло 730 тыс. человек (через 20 лет оно превысит 800 тыс. человек), то есть более чем одна шестая всего четырехмиллионного населения Израиля. Несмотря на то что “объективно” уровень жизни арабского населения непрерывно повышался, столь же неуклонно и постоянно увеличивался экономический разрыв между ними и евреями. Даже к концу 1970-х гг. арабы в основном оставались группой населения, занятой исключительно сельскохозяйственным трудом, тогда как евреи были заняты главным образом в промышленности и торговле. При этом, однако, объем сельскохозяйственной продукции израильских арабов в 1977 г. снизился до 4% от общенационального объема сельскохозяйственного производства. Такой разрыв объяснялся в первую очередь неравным объемом

7 *Раках* (аббр. *Га-Решима Га-коммунистит хадаша* — “Новый коммунистический список”) — коммунистическая партия в Израиле, созданная в 1965 г. после того, как арабы — члены коммунистической партии и группа коммунистов-евреев, недовольных стремлением лидеров партии (Ш. Микуниса и М. Снэ) и большинства евреев-партийцев считаться с национальными интересами Израиля и не следовать слепо всем указаниям советского руководства, вышли из партии *Маки* и образовали новую партию во главе с М. Вильнером. Партия *Раках* полностью поддерживала палестинцев во всех аспектах израильско-палестинского конфликта. С начала 1990-х гг. *Раках* превратилась фактически в арабскую партию, которая является одной из самых влиятельных среди израильских арабов. На выборах в феврале 2009 г. в *кнесет* восемнадцатого созыва *Раках* получила четыре мандата.

получаемых коммунальных услуг. Помощь правительственных структур и Еврейского агентства арабскому сельскохозяйственному сектору была явно недостаточной. Не имея (до 1985 г.) доступа к *Гистадруту* сельскохозяйственных работников, арабские фермеры были вынуждены пользоваться услугами своих (зачастую малоэффективных) кооперативов по сбыту. Помимо всего прочего, арабская молодежь не желала оставаться на земле. Еще в 1955 г. в сельском хозяйстве было занято 59% всей арабской рабочей силы; к 1977 г. эта величина уменьшилась до 11%. И хотя тысячи арабов продолжали заниматься обработкой земли, делали они это в качестве наемных работников на фермах и плантациях, принадлежавших евреям.

В то же время примерно четвертая часть всей арабской рабочей силы была занята на арабских предприятиях, главным образом в каменоломнях и в текстильных и швейных мастерских. Впрочем, в плане эффективности и рентабельности арабские предприятия тоже не могли сравниться с еврейскими. Таким образом, к началу 1980-х гг. около 160 тыс. израильских арабов работали на еврейских фабриках и предприятиях сферы обслуживания, и к этому времени они составляли третью часть всей малоквалифицированной и низкооплачиваемой рабочей силы страны (еще четвертую часть составляли арабские рабочие, проживавшие на территориях и приехавшие на работу в Израиль). Половина этих работников была вынуждена, ко всему прочему, совершать ежедневные длительные и утомительные поездки из своих деревень к месту работы. Мало кому удавалось оставаться на ночлег в городе — домовладельцы неохотно сдавали жилье арабам. Неравенство положения этих двух народов было очевидно во многих сферах. Даже в 1977 г. детская смертность в среде израильских арабов все еще оставалась вдвое более высокой, чем среди еврейского населения. Качество школьного образования в арабском секторе страдало от неудовлетворительного состояния школьных зданий в арабских деревнях и от изменений в учебных программах. На протяжении целого ряда лет в школах уделялось больше внимания ивриту и иудаике, чем арабскому языку и арабистике. То же самое можно было сказать и относительно экзаменов на аттестат зрелости. К 1977 г. не более 2 тыс. арабов были студентами израильских высших учебных заведений. Получив высшее образование, мало кто из них — даже из числа принадлежавших к арабской элите — мог найти работу в еврейском экономическом секторе (Гл. XIV. Общинная структура в иностранном государстве).

С учетом всего сказанного, неудивительно, что недовольство израильских арабов, начавшее заметно расти после 1967 г., резко усилилось после Войны Судного дня. С неслыханной до сих пор страстностью арабские газеты вновь принялись перечислять обиды: конфискация арабских земель, прекращение деятельности арабских структур, сокращение возможностей арабской экономической деятельности. Надо отметить, что форма выра-

жения этих обид и протестов на газетных страницах явно свидетельствовала о качественном повышении уровня арабской журналистики и литературы — что, несомненно, стало следствием культурных контактов израильских арабов с остальным арабским миром, начавшихся после 1967 г. Вскоре большинство старых арабских авторов ушло в небытие. Такие поэты, как Михаэль Хадад, Махмуд Дервиш и Сами аль-Оазим, (Гл. XX. Становление арабской интеллигенции) в значительной степени обновили и оживили свой поэтический язык, который еще в недавнем прошлом был — как и у многих из числа их предшественников — не более чем плоским журналистским жаргоном. Тематика политической скорби осталась неизменной, но теперь для ее выражения авторы прибегали к новым аллюзиям и метафорам — взять хотя бы стихотворение Михаэля Хадада “Дефект речи”:

Но вот они добавили еще ступеньку,
и мне стало труднее подниматься по лестнице
моего старого дома.
Я запнулся о ступеньку,
и я не смог переступить порог,
новый порог их самодовольства и высокомерия,
я поскользнулся на их новом гладком полу,
упал и выбил себе зуб.
И вот теперь я не в состоянии
выговаривать некоторые буквы.
Я говорю “Тферия” — вместо “Тверия”,
“Тапха” — вместо “Табха”...
Теперь мне придется приложить немало усилий
и потребуется вся моя решительность,
если я хочу добиться того, чтобы меня понимали...

При всем обновлении и оживлении стиля и формы, литература израильских арабов сохранила свойственные периоду до 1967 г. большие темы: утраченный язык, утерянная родина, положение беженцев, страдания, вызываемые социальной и экономической дискриминацией, и главное — утрата национального самосознания. В стихотворении “Поэт-узник” Сами аль-Оазим, со всей страстью и прямотой, взывал к своим скорбящим соотечественникам:

Пусть тебя заточили в тюрьму.
Но кому по силам сломить дух неповиновения?
Выкрикни это в лицо надменному тюремщику!
Терзайте мое тело бичами,

Окрасьте мою грудь и мои щеки моей кровью,
Сломайте мне руки и ноги, вы, сыны шакалов!
Мой несломленный дух не успокоится в стремлении к свободе.
Мятежный поток снесет стены моей темницы.

Однако эмоциональный накал “новой” арабской литературы и ее настойчивый протестный дух в наибольшей степени нашли свое отражение в прозаическом произведении — в романе “Необыкновенные записки Саида-оптипессимиста”, опубликованном в 1972 г. Его автор — Эмиль Хабиби⁸, депутат *кнесета* трех созывов, главный редактор издаваемого партией *Раках* журнала “Аль-Иттihad” (“Единство”); по форме роман — это письма недавно умершего журналиста Саида, которые он пишет с того света своему коллеге. Саид, изливая всю свою горечь, рассказывает о том, как евреи оскорбляют и унижают национальную гордость арабов; вместе с тем он призывает проклятия и на головы своих соотечественников-арабов за их пассивность и безразличие. При этом он не питает никаких иллюзий по поводу того, какой резонанс получают его протесты. Саид заканчивает свои письма печальным признанием, что все обвинения, выходящие “из-под его усов”, будут услышаны не в большей степени, чем “кошачье мяуканье”. “Саид-оптипессимист”, весьма удачный образец прозы такого рода, был признан выдающимся литературным произведением — сначала во всем арабском мире, а потом и в израильских литературных кругах. За этот роман, ставший делом всей его жизни, Хабиби был удостоен Премии Израиля за 1992 г.

Протесты израильских арабов, выражаемые как на журнальных страницах, так и в ходе частных разговоров, служили для них своего рода отдушиной, поскольку другого выхода у них не было. Община не имела ни своих финансовых или коммерческих структур, ни банков, ни независимых профсоюзов, ни телевидения, ни радиовещания, ни даже периодических изданий, которые не были бы связаны с израильскими политическими партиями (*Раках* “формально” не являлась арабской партией). Ее антисоциалистский настрой делал невозможным коалиционное партнерство с еврейскими партиями и тем самым лишал ее какого-либо значительного влияния в *кнесете*. С первых дней существования Государства Израиль советниками “по арабским делам” израильского премьер-министра неизменно были

8 Хабиби Эмиль (1922–1996) — израильский писатель и политический деятель. Родился в Хайфе в христианской семье, вступил в Коммунистическую партию Израиля (*Маки*). В 1951–1972 гг. — депутат *кнесета*, в 1951–1965 гг. от *Маки*, а после раскола *Маки* в 1965–1972 гг. — от *Раках*. Был главным редактором коммунистического журнала “Единство”. Известный писатель, автор коротких новелл и двух романов, один из которых, “Саид-оптипессимист”, принес ему славу. В 1992 г. был награжден Государственной премией Израиля.

ответственные сотрудники государственной секретной службы *Шин-Бет* (*Шабак*). Вряд ли требовалось какое-нибудь иное доказательство недоверия, существовавшего на государственном уровне.

И все-таки самым решающим фактором, коренным образом изменившим арабо-еврейские политические взаимоотношения, стала Война Судного дня. Впервые в истории государства израильская неуязвимость оказалась под вопросом, причем по обе стороны государственной границы. Забастовки, демонстрации, волнения, вспыхнувшие на Западном берегу (Гл. XXVIII. Новые палестинцы), вызвали похожую, правда, несколько более умеренную, реакцию и израильских арабов. Не следует забывать и о выступлении Ясира Арафата перед Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г. В том же году в Израиле был сформирован Национальный совет руководителей арабских органов самоуправления, который должен был возглавить борьбу за равные права; затем был создан Национальный совет учащихся средней школы, а затем, по инициативе партии *Раках*, Национальный совет охраны арабских земель. Свою роль в обострении кризисной ситуации сыграло и неразумное поведение государственных структур. Как уже говорилось, Галилея была тем районом, где значительное арабское большинство являлось, в долгосрочной перспективе, фактором демографического риска для израильской безопасности. В годы, когда Рабин занимал пост премьер-министра, продолжалась практика экспроприации арабских участков земли для оборонных нужд. Наконец, в 1976 г., отреагировав на эти действия, Национальный совет охраны арабских земель объявил в “День земли”, 30 марта, всеобщую забастовку, в которой приняла участие, по оценкам, десятая часть всего арабского самодеятельного населения страны; в таких городах, как Нацрат и Шфарам, численность вышедших на улицы участников оценивалась в 50 тыс. человек. Когда выступавшие спровоцировали толпу на беспорядки, пришлось вызывать войска. При разгоне демонстрантов шесть человек были убиты, десятки ранены. С этого дня слова “умеренность” и “спокойствие” вышли из употребления израильских арабов.

Как и в других случаях, связанных с беспорядками на этнической почве, в первых рядах арабского националистического лагеря выступали студенты высших учебных заведений. В 1975 г. арабские студенты Еврейского университета в Иерусалиме с негодованием отказались выполнять распоряжение администрации относительно дежурств в общежитии. В 1978 г. арабский студенческий комитет университета Хайфы провел акцию против мирной инициативы Садата, которая, с их точки зрения, воспрепятствовала решению палестинского вопроса (Гл. XXVIII. Новые палестинцы). Полицейские преследования и аресты не могли сдерживать этих молодых активистов — ни на территории университетов, ни за ее пределами. На всеобщих выборах 1973 г. 23% кандидатов в арабские органы местного самоуправле-

ния были моложе 40 лет. Доля кандидатов этой возрастной группы на выборах 1977 г. практически удвоилась, причем большинство новичков были сторонниками партии *Раках*.

На протяжении всего срока пребывания у власти правительство Рабина проявляло нерешительность в случаях как арабского неповиновения, так и еврейской непримиримости. После событий “Дня земли” в марте 1976 г. кабинет министров подверг коренному пересмотру политику в отношении национальных меньшинств. Вскоре после принятия соответствующего решения в руки прессы попал один документ, предназначенный исключительно для служебного пользования; в нем шла речь о принятии политики “кнута и пряника” по отношению к арабской элите. Занимающие лояльную позицию мухтары, равно как и жители их деревень, могли рассчитывать на благосклонное отношение и предоставление всего спектра коммунальных услуг; что касается деятелей партии *Раках* и “всех негативно настроенных по отношению к Израилю активистов”, распространяющих клеветнические и подстрекательские заявления, то к ним должны быть приняты соответствующие меры. Этот документ вызвал столь сильные протесты и негодование, как среди арабов, так и среди евреев, что правительство сочло целесообразным выступить с опровержением газетных публикаций. Тем не менее эти публикации были встречены с вниманием и настороженностью. С одной стороны, многие еврейские интеллектуалы говорили о чувстве вины по отношению к палестинским беженцам (Гл. xx. Духовный кризис), с другой стороны, большинство евреев продолжали относиться с неизменным подозрением к арабам, проживающим в их среде. Не желая вступать в более тесные отношения со своими старинными врагами, они полагали, что будет лучше, если правительство возьмет это “в свои руки”.

Менахем Бегин был готов взять все это на себя. По вступлении в должность Бегин и его советники категорически отвергли смесь поощрений и наказаний, предложенных Партией труда. Новый подход *Ликуда* был прямым и бескомпромиссным. Основной архитектор этой политики, Амнон Линн, заведовал в свое время арабским отделом Партии труда, но затем перешел в *Ликуд*. Согласно новым и жестким установкам Линна, все субсидии на развитие арабских деревень подлежали незамедлительному сокращению, и все арабские общины Израиля, вне зависимости от лояльности их позиций, должны быть подвергнуты более значительному налогообложению. Арабской молодежи, известной своими “радикальными” взглядами, должно быть отказано в приеме в высшие учебные заведения Израиля; арабские учителя, поддерживающие *Раках*, должны быть подвергнуты “административному аресту”; все арабские демонстрации должны немедленно и бескомпромиссно разгоняться с использованием силы. Кабинет министров назначил Ариэля Шарона ответственным за практическую реализацию подхода Линна. От-

ставной генерал, занимавший в это время пост министра сельского хозяйства и возглавлявший межминистерский комитет по вопросам сельскохозяйственных поселений, стал центральной фигурой в правительстве, ответственной за контакты с арабами — по большей части людьми, занятыми в сельском хозяйстве, — как в самом Израиле, так и на оккупированных территориях.

В самом Израиле Шарон выбрал в качестве “испытательного полигона” Галилею. Для того чтобы сделать этот стратегически важный северный район “более еврейским”, он, не медля, приступил к созданию на холмах, доминирующих над ключевыми арабскими деревнями, тридцати небольших еврейских поселений. На реализацию такого проекта ушло три года. Хотя к 1981 г. число жителей этих еврейских форпостов было невелико, они успешно выполняли возложенную на них функцию, препятствуя развитию соседних арабских общин. Наряду с этим, чтобы не дать возможности растущему населению арабских деревень расселиться в округе, Шарон запретил строительство новых жилых домов за пределами административных границ их деревень. Нельзя сказать, что арабы безропотно восприняли все эти ограничения. Их реакция была такой же, как и в 1976 г.: они встретили ликудовские ограничения демонстрациями, которые сопровождались столкновениями с полицией. В январе 1979 г. руководители ООП в Ливане призвали израильских арабов играть ключевую роль в деле борьбы палестинского народа. Вслед за этим 28 глав местных органов арабского самоуправления, то есть более половины арабских мэров Израиля, а также почти сто ведущих активистов партии *Раках* подписали воззвание, приветствовавшее “борьбу палестинского народа под руководством ООП за создание независимого палестинского государства”. На декабрь 1980 г. руководители *Раках* наметили созыв съезда в поддержку ООП, который должен был пройти в Северном Негеве.

Реакция израильского премьер-министра не заставила себя ждать. Запретив, безо всяких объяснений, намеченное мероприятие, Бегин пригрозил объявить вне закона любую партию или организацию, которая посмеет заявить о созыве аналогичного собрания в будущем. Ни одно израильское правительство не объявляло такого безоговорочного и всеобъемлющего запрета — с тех пор, как была распущена военная администрация на арабских территориях тринадцать лет тому назад. Но и ни одно израильское правительство до сих пор не возглавлял такой человек, как Менахем Бегин. Идеологический наследник Владимира Жаботинского, Бегин почувствовал, что настало время бросить вызов арабам на всех фронтах. К востоку ли, к западу от бывшей линии перемирия, еврейскому народу предстояло вернуть себе землю, которая составляла его неотъемлемое наследие. Заполучив наконец в свои руки все рычаги власти, Бегин полагал немислимым, что какая бы то ни было сила в арабском мире в состоянии противостоять столь долгожданному воплощению этой вечной мечты ревизионистов.

Глава XXVII.

Примирение с Египтом

Садат в поисках мира

Перемены в политическом и экономическом курсе Израиля в 1977 г. поразительным образом совпали с подобного же рода переориентацией, произошедшей в Египте. Египетские перемены были спланированы и осуществлены лично Анваром Садатом. Значительно укрепив свою репутацию после октября 1973 г., президент Египта счел свое положение достаточно надежным, чтобы приступить к совокупности далеко идущих мероприятий по “либерализации” национальной экономики. Тем более что имелись все подтверждения неотложности подобных действий. Население Египта составляло 42 млн человек, и его численность увеличивалась на 750 тыс. человек в год. Критический дефицит продуктов питания и нехватка жилья стали причиной многочисленных демонстраций протеста, доходивших порой до массовых беспорядков. Садату все яснее становилось, что спасение Египта заключается в том, чтобы порвать с арабским социализмом Насера и согласиться на капитализм западного образца. Для перехода на капиталистический курс стране был необходим мир.

Президент осознавал, что его народ устал от войны. Общая численность убитых и раненых во всех войнах с Израилем превысила, согласно оценкам, 100 тыс. человек. Это были очень серьезные потери для страны, в которой семейные ценности занимают высокое место на шкале общенациональных приоритетов. Садат так вспоминал о военных действиях 1973 г.: “Мой младший брат, который был мне как сын, погиб буквально через пять минут после начала октябрьской войны. А сколько я повидал молодых людей, обреченных всю жизнь быть прикованными к инвалидному креслу”. Может, это и странно звучит, но успешное форсирование Суэцкого канала, по всей видимости, способствовало усилению мирных настроений в Египте. Садат так

объяснял этот феномен в своей автобиографической книге “Поиски национального самосознания”:

“Мы вновь обрели нашу гордость и уверенность в себе после боев в октябре 1973 г. — и армия, и весь народ. Мы больше не страдаем от комплексов — ни от комплекса неполноценности, ни от тех, что вызваны ненавистью и подозрением... В боях мы и израильтяне научились уважать друг друга”.

Тем временем в Белом доме появился новый президент — Картер¹, и стремление к миру обрело новый импульс. Картер, знаток Библии, считал себя добрым другом еврейского народа и Израиля. В июне 1977 г., в первое лето своего пребывания у власти, он с энтузиазмом поддержал прохождение через конгресс закона Уильямса–Проксмайера, благодаря которому, наконец, американские компании обрели защиту от последствий бойкота, объявляемого им арабскими деловыми кругами за связи с израильскими предприятиями или с прочими американскими (либо еврейскими) компаниями, попавшими в арабский “черный список”. Вместе с тем Картер был убежден, что поэтапный подход Киссинджера к разрешению арабо-израильского конфликта утратил свою эффективность. Положение дел на Ближнем Востоке требовало заключения нового, более широкого мирного соглашения, которое могло быть достигнуто лишь в рамках возобновленной Женевской конференции. Общие направления действий были разработаны для Картера группой экспертов Брукингского института². Согласно этим рекоменда-

- 1 Картер Джеймс (Джимми) Эрл (р. 1924) — американский государственный и политический деятель. Окончил Юго-Западный колледж и Технологический институт в Атланте, Военно-морскую академию в Аннаполисе (штат Мэриленд) в 1946 г. В 1946–1953 гг. служил в ВМС США, вышел в отставку в звании лейтенанта и по возвращении в родной город Плейпс (штат Джорджия) начал заниматься предпринимательской деятельностью; одновременно активно включился в местную политическую жизнь, был членом Демократической партии. С 1961 г. — член сената от штата Джорджия, в 1971–1975 гг. — губернатор этого штата. В 1976 г. избран 39-м президентом США (1977–1980). Сыграл выдающуюся роль в заключении мирного договора между Израилем и Египтом 26 марта 1979 г., в достижении соглашения с Панамой о Панамском канале. Выдвигая во внешней политике США вопрос прав человека, Картер после советского вторжения в Афганистан выступил с предложением к спортсменам стран свободного мира бойкотировать Московскую олимпиаду 1980 г. После ухода в отставку создал в 1982 г. в университете Эмори в Атланте Центр урегулирования конфликтов им. Дж. Картера. За свою миротворческую деятельность был награжден Нобелевской премией мира за 2002 г. В палестино-израильском конфликте в последние два десятилетия занимает антиизраильскую позицию. В своих статьях, книгах, публичных выступлениях позволяет себе антисемитские высказывания.
- 2 Brookings Institution — исследовательский институт в США, основанный в 1916 г.. Находится в Вашингтоне. Один из важнейших аналитических центров страны, спе-

циям, израильтяне должны были заранее дать обязательство относительно ухода с оккупированных территорий, а арабская сторона (включая представителей ООП) должна также заранее согласиться на подписание официального мирного договора с еврейским государством.

Первоначально Картер ознакомил с этими рекомендациями Ицхака Рабина, который в марте 1977 г. прибыл в Вашингтон с официальным визитом. Реакция израильского премьер-министра была прохладной; он предупредил, что Израиль никогда не согласится вернуться к линии перемирия, существовавшей до 1967 г., и не откажется от “контроля безопасности” над Западным берегом; что же касается участия представителей ООП в Женевской конференции, то Рабин категорически отверг такую мысль. Последующее избрание Менахема Бегина оказалось и вовсе холодным душем для американского президента и его советников. Прибыв в Вашингтон в июле 1977 г., Бегин особо подчеркнул, что все участники Женевской конференции изначально должны согласиться на соблюдение Резолюций ООН №242 (Гл. XXI. Объединение дипломатических усилий) и №338 (Гл. XXIV. В СССР проявляют беспокойство), предусматривающих наличие у всех сторон конфликта права жить в мире и безопасности. Добиться такого согласия от арабских стран, и особенно от Сирии, представлялось невероятным.

Если на Джимми Картера наличие препятствий на пути к возобновлению переговоров произвело отрезвляющее впечатление, то Садат отнюдь не утратил надежду. Египетский президент уже продемонстрировал свое намерение достигнуть мирного *modus vivendi* с Израилем. Он принял условия соглашения 1974–1975 гг. и в июне 1976 г. возобновил, в одностороннем порядке, судоходство по Суэцкому каналу. Однако, согласившись на все сказанное, Садат вряд ли был готов к тому, чтобы его усилия утонули в процедурной трясине Женевской конференции. Подобно Бегину, он не испытывал никаких иллюзий относительно той обструкционистской роли, которую СССР намеревался сыграть в Женеве, загнав Египет в угол и заставив его плясать под дудку Сирии и арабских стран, которые впоследствии составили Фронт отказа³.

циализируется на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике.

3 Фронт отказа. В декабре 1977 г. в столице Ливии Триполи собралась конференция глав некоторых арабских государств, отказавшихся принять участие в переговорах с Израилем. На встрече присутствовали лидеры Сирии, Алжира, Ливии, Южного Йемена, Ирака и ООП. Была принята резолюция с резким осуждением А. Садата за ведение мирных переговоров с Израилем. Был объявлен бойкот заседания Арабской лиги в Каире и любой египетской компании, имеющей дело с Израилем. Было принято решение “заморозить отношения с Египтом”. Египет разорвал дипломатические отношения с этими странами и лишил ООП своей поддержки. Под давлением Фронта

Ранее Москва уже была, усилиями Киссинджера и самого Садата, исключена из переговоров о разъединении. И вот теперь, в октябре, американский президент продемонстрировал свою доверчивость, пригласив Кремль опубликовать совместное с Белым домом коммюнике, которое призывало бы стороны конфликта вернуться в течение трех месяцев к прерванным в 1973 г. женевским переговорам. Собственно говоря, сделав такое предложение, с неизбежностью ведущее к провалу контактов, Картер — сам того, быть может, не желая — подтолкнул Садата к конкретным действиям. У египетского президента теперь не оставалось иного выхода, кроме как действовать самостоятельно, на свое усмотрение.

Определяя курс страны на будущее, Садат не мог не воспользоваться неожиданной благоприятной возможностью, которую предоставили израильтяне. Формируя свой кабинет, Менахем Бегин буквально поразил коллег выбором министра иностранных дел. Им стал Моше Даян. Отставной генерал не был членом правящего блока во главе с *Ликудом* (он предпочитал называть себя “независимым”). Тем не менее он пользовался полным доверием Бегина. Во-первых, Даян был самым бескомпромиссным ястребом во всем лейбористском лагере и убежденным сторонником удержания Западного берега под израильским контролем. Вместе с тем будучи в высшей степени прагматичным политиком, он не придавал никакой мистической значимости Синаю. Действительно, в период 1967–1973 гг. Даян был единственным членом кабинета министров, возглавляемого Партией труда, который не считал безусловно необходимым удерживать захваченные территории на Синайском полуострове. И до Войны на истощение, и в ее ходе он давал понять, что согласился бы на отход из зоны Суэцкого канала в обмен на обязательство Египта придерживаться мирного подхода к разрешению всех споров и конфликтов между двумя странами. Заняв пост премьер-министра, Бегин также проявил интерес к такого рода компромиссу. Однако новый премьер-министр намеревался получить взамен не столько обязательство Египта относительно его мирной политики в целом, сколько согласие на свободу действий Израиля в Иудее и Самарии, что являлось своего рода идеологическим наваждением Бегина на протяжении всей его жизни. Даян, с его репутацией “голубя” в Синае и “ястреба” на Западном берегу, был в этом смысле незаменимым политиком, который мог бы склонить к такой мысли сначала египтян, а затем и израильтян. Таким образом, премьер-министр изложил свою стратегию Даяну, и тот выразил свое со-

отказа в 1979 г. Египет был исключен из Арабской лиги, и все арабские страны, за исключением Судана и Омана, разорвали с ним дипломатические отношения. В 1990–2000 гг., после подписания мирных соглашений между Израилем и ООП (1993) и Израилем и Иорданией (1994), действия Фронта отказа фактически сошли на нет.

гласие. После этого Бегин выдвинул кандидатуру Даяна на пост министра иностранных дел и затем приложил немало усилий, убеждая *кнесет* одобрить свое предложение.

Таким образом, уже в первые недели своего пребывания на посту премьер-министра Бегин начал подавать сигналы Каиру о своей готовности к переговорам. Одним из шагов в этом направлении стал четырехдневный визит израильского премьер-министра в Бухарест в конце августа 1977 г. Президент Румынии Николае Чаушеску⁴, стремившийся обрести репутацию видного деятеля Движения неприсоединения, не скрывал своих намерений принять участие в урегулировании ближневосточного конфликта, взяв на себя роль посредника. С этой целью Чаушеску организовал в Бухаресте тайную встречу Бегина с Саидом Мерей, членом национального собрания Египта. В ходе этой встречи, как и ранее в беседах с Чаушеску, Бегин заявил о своей готовности решить Синайский вопрос к “полному удовлетворению” Египта и даже рассмотреть возможность создания некоторой структуры для Газы и Западного берега, которая имела бы статус органа арабского самоуправления. Мерей, в свою очередь, пообещал передать Садату предложения Бегина. Следующий шаг в этом направлении сделал Даян. В начале сентября он дал указание Меиру Розену, юридическому советнику Министерства иностранных дел, подготовить черновой вариант мирного договора между Египтом и Израилем. Розен составил документ из 46 пунктов на основе тех общих принципов, которые Бегин изложил в Румынии; этот документ был немедленно отправлен в Вашингтон Государ-

4 Чаушеску Николае (1918–1989) — государственный и политический деятель Румынии. С 1936 г. — член Румынской коммунистической партии (РКП). В 1939–1940 гг. — секретарь Бухарестского райкома Коммунистического союза молодежи. В 1940–1944 гг. находился в заключении. После прихода к власти коммунистов (1944 г.) занимал руководящие государственные и партийные посты: с 1952 г. — член ЦК РКП, с 1954 г. — секретарь ЦК, с 1955 г. — член Политбюро. В марте 1965 г. был избран первым секретарем ЦК, в июне 1965 г. — генеральным секретарем, с декабря 1977 г. — председатель Государственного совета Румынии, с 1977 г. — президент. Проводя во внутренних делах жесткий курс подавления любых форм недовольства режимом, а также политику сверхиндустриализации при резком ухудшении жизненного уровня широких слоев населения (в большей степени, чем в любой другой стране Восточной Европы), Чаушеску в то же время во внешней политике демонстрировал определенную независимость от Москвы. Это выразилось в отношении к Израилю и румынским евреям. Румыния была единственной из стран советского блока, отказавшейся разорвать дипломатические отношения с Израилем после начала Шестидневной войны. Чаушеску сыграл значительную роль в подготовке египетско-израильских мирных переговоров. В годы его правления успешно развивалась еврейская религиозно-общинная жизнь и продолжалась *алия* в Израиль. Режим Чаушеску был свергнут в ходе народного восстания в декабре 1989 г., а сам он вместе с женой были расстреляны.

ственному секретарю Сайрусу Вэнсу⁵ и произвел на него благоприятное впечатление. Затем документ был представлен Картеру, который и переправил его в Каир. Вместе с черновиком мирного договора Картер направил личное послание Садату, содержащее убедительную просьбу оценить искренность позиции Бегина, согласившись на скорейшее возобновление работы Женевской конференции (похоже, что этот форум сделался для Картера чем-то вроде навязчивой идеи).

Хиджра⁶ в Иерусалим

Реакция Садата на эту инициативу была обусловлена, помимо всего прочего, еще рядом событий в регионе. Начиная с 1975 г. ливийский диктатор Муамар Каддафи прилагал регулярные усилия к тому, чтобы вывести Египет из-под американского влияния и вернуть его на прежние антиизраильские позиции. У Садата были к тому времени уже другие планы, и потому призывы Каддафи оставались без внимания. Взбешенный таким безразличием, ливийский правитель начал сосредоточивать свои войска у границы с Египтом. И вот в это время, в мае 1977 г., израильской разведке стали известны детали ливийского плана покушения на жизнь Садата. Группа террористов, на которую была возложена реализация этого заговора, состояла из палестинских боевиков, давно и хорошо известных израильским спецслужбам. Когда генерал Ицхак Хофи, глава *Мосада*, сообщил об этом Бегину, тот выступил с нетривиальным предложением: поделиться информации

- 5 Вэнс Сайрус Робертс (1917–2002) — американский государственный деятель и дипломат. В 1939 г. окончил Йельский университет, защитил докторскую диссертацию в области юриспруденции. В 1942–1946 гг. служил в ВМС США, участвовал в боевых действиях. В 1946–1960 гг. занимался юридической практикой. В 1961–1962 гг. — генеральный директор Министерства обороны. В 1964–1967 гг. — заместитель министра обороны США. С 1967 г. вернулся к юридической практике, выполнял дипломатические поручения. В 1967 г. — специальный представитель США, посредник на переговорах между Турцией и Грецией об урегулировании спора вокруг Кипра; в 1968–1969 гг. — заместитель главы делегации США на парижских мирных переговорах по Вьетнаму. В 1977–1980 гг. — Государственный секретарь США в администрации Дж. Картера. Сыграл большую роль в израильско-египетских мирных переговорах. В 1968–1980 гг. — председатель совета директоров корпораций: ИБМ, “Юнайтед Стейтс стил”, издательского концерна “Нью-Йорк таймс” и др. В 1991–1993 гг. представлял ООН на переговорах по бывшей Югославии.
- 6 Хиджра (*араб.* букв. “бегство”, “выселение”, “эмиграция”) — переселение. Исламский термин, относящийся к 622 г., когда идолопоклонники решили убить пророка Мухаммеда в Мекке и он был вынужден бежать в Медину, куда к этому времени уже

ей с египтянами. “Это может способствовать улучшению наших отношений”, — заметил премьер-министр.

В качестве наиболее подходящего посредника для передачи информации египтянам был выбран король Марокко Хасан. Относясь с большим уважением к “еврейскому гению”, Хасан проводил в своей стране политику хорошего отношения к марокканским евреям. Более того, он негласно прибегал к помощи Израиля в борьбе с членами Фронта Полисаро, действовавшими в Западной Сахаре и пользовавшимися поддержкой Алжира. Начиная с 1975 г. король Марокко лелеял план создания регионального антирадикального блока, с участием Египта и Израиля. Время от времени он даже приглашал видных израильтян североафриканского происхождения в Марокко в качестве личных гостей; в 1975 г. в Марокко побывал с тайным визитом сам Рабин, чтобы обратиться к Хасану за содействием в установлении контактов с Садатом. Но тогда, видимо, время еще не было подходящим. Теперь же, в июне 1977 г., по просьбе Израиля, Хасан устроил в Касабланке встречу между главой *Мосада* генералом Хофи и шефом египетской военной разведки генералом Камалем Хасаном Али. Хасан Али был потрясен информацией о заговоре с целью убийства Садата, тем более что израильтяне предоставили ему все детали, включая имена и каирские адреса террористов. Действуя на основе полученных данных, египетская полиция арестовала заговорщиков; затем, в июле, египетские вооруженные силы нанесли мощный превентивный удар по основной ливийской военной базе, расположенной в 22 милях от западной границы Египта.

Садат был искренне благодарен израильтянам. На него произвела крайне неблагоприятное впечатление недавняя победа Бегина на выборах, равно как и то обстоятельство, что он включил в свой кабинет таких “ястребов”, как генералы Даян, Шарон и Вейцман. Однако он отреагировал соответствующим образом и на информацию, полученную в Касабланке, и на израильские обращения, переданные через Чаушеску и Саида Мерей. Вот почему египетский президент ответил, через посредство Марокко, что готов выслушать серьезные израильские предложения. В начале сентября 1977 г. Даян отправился с секретной миссией в Фес (через Париж) на личном самолете короля Марокко. Хасан проинформировал своего израильского гостя, что Садат и в самом деле заинтересован в заключении двустороннего соглашения. Через две недели, 16 сентября, Даян снова вылетел в Марок-

переселилась значительная часть мусульман. Год хиджры стал первым годом исламского лунного календаря. С 637 г., в период правления халифа Умара ибн аль-Хаттаба, по повелению халифа с хиджры начали вести исламское летоисчисление. Автор хочет показать, что на Ближнем Востоке с визитом А. Садата в Иерусалим началась новая эра.

ко. Там, в Рабате, его ждал заместитель премьер-министра Египта Хассан аль-Тохами.

Тохами сообщил Даяну о готовности Садата, вместо нежелательной для обеих сторон Женевской конференции, начать секретные двусторонние переговоры о разрешении израильско-египетского конфликта мирным путем. Однако Израиль должен будет, в качестве предварительного условия, вернуть Египту весь Синайский полуостров, а также достигнуть “договоренности” по палестинскому вопросу, в рамках которой Западный берег и Газа будут связаны с Иорданией. Со своей стороны, Садат готов предоставить Израилю любые возможные гарантии безопасности, включая даже размещение контингентов ООН по обе стороны границы в Синае. Даян отреагировал на это предложение с присущей ему прямоотой. Израиль, разъяснил он, готов к восстановлению полного египетского суверенитета над Синаем, за исключением ключевых авиабаз у Акабского залива и поселений на Синае, в северо-восточной части полуострова. Кроме того, Израиль не намерен эвакуировать свои поселения, расположенные на Западном берегу. При этом Даян заметил, что эти и другие вопросы могут быть “уточнены” в будущем. Реакция Тохами на это была уклончивой. Во всяком случае, перед отъездом по домам они договорились через две недели вернуться в Марокко с более конкретными предложениями.

На следующий день, уже в Иерусалиме, Даян сообщил Бегину о результатах встречи. Премьер-министр выразил свое несомненное удовлетворение. Теперь он мог позволить себе прекратить разговоры о столь ожидаемой Картером Женевской конференции. Ответ из Каира прозвучал более чем внятно, свидетельствуя о появлении новых — и лучших — возможностей. Так оно и было. Садат со всей очевидностью проявлял готовность к новому курсу отношений между двумя странами. Позже он писал: “Именно тогда я, едва ли не бессознательно, обратился к внутреннему источнику своей силы, которую я обнаружил в себе, еще будучи узником камеры № 54 в Центральной тюрьме Каира [при англичанах], — силы, которую можно назвать талантом, или способностью, к осуществлению перемен”. Он решил принять новую стратегию, которая должна рассеять все сомнения Израиля. И вот 30 октября египетский президент вылетел в Бухарест, чтобы обсудить ситуацию в частном порядке с Чаушеску. “Я спросил Чаушеску, какое впечатление на него произвел Бегин. Он ответил мне: “Бегин хочет найти решение””. Как Даян дал понять Тохами, израильский премьер-министр мог и смягчить свою позицию по Синаю. На следующий день Садат вылетел из Бухареста в Тегеран. Шах Ирана Мухаммед Реза Пехлеви⁷, сторонник уме-

7 Мухаммед Реза Пехлеви (1919–1980) — последний шах Ирана (1941–1978). В 1925–1930 гг. учился в Персидском кадетском корпусе; в 1931–1935 гг. — в школе-пансионе

ренной позиции в арабо-израильском конфликте (Гл. XXXII. Иран — контраст: израильский след), также настоятельно рекомендовал Садату вступить в прямые переговоры с Бегинном. Именно в ходе этой своей поездки Садат принял эпохальное решение: он отправится с визитом в Израиль.

Это действительно стало решением огромной важности — и притом полностью в духе Садата. Стремление к эффективным ходам было у него в крови — взять хотя бы его шпионские действия в пользу нацистской Германии, участие в покушениях на английских и египетских официальных лиц, не говоря уж о высылке советских военных специалистов из Египта и решении открыть в 1975 г. судоходство по Суэцкому каналу. Но эта, последняя, инициатива Садата была поистине ни с чем не сравнимой. Он вознамерился предложить всем арабским лидерам отправиться вместе с ним в израильский *кнесет*. Правда, дальше намерения дело не пошло. От своей инициативы в полном объеме Садату пришлось отказаться уже после первых ее обсуждений с королем Саудовской Аравии Халедом⁸ и королем Иордании Хусейном. Тем не менее Садат решил не отступать от задуманного и отправиться в Иерусалим в одиночку. И вот 9 ноября, выступая перед Народным собранием Египта, Садат сказал: “Я готов отправиться в израильский парламент и там обсудить с ними этот вопрос [израильского отвода войск]”.

в Швейцарии; в 1936–1938 гг. учился в офицерском училище в Тегеране. На престол возшел в сентябре 1941 г. после оккупации Ирана советско-английскими войсками и вынужденного отречения его отца от престола. До 1949 г. мало вмешивался в управление страной. После покушения на его жизнь в феврале 1949 г. Учредительное собрание внесло изменения в конституцию, предоставив шаху широкие полномочия в управлении страной, в том числе право распускать парламент. В результате программы радикальных экономических и социальных реформ “Зеленая революция”, проводившихся шахом с 1963 г., ускорились темпы экономического роста, половина иранских крестьян получила земельные участки. Но попытки шаха осуществить ряд секулярных преобразований вызвали резкую оппозицию исламского духовенства. При шахе Иран осуществлял политику сотрудничества с Израилем в различных областях. Положение еврейской общины в стране значительно улучшилось. Под напором массовых выступлений шах был вынужден в конце 1978 г. уехать из страны. В 1979 г. к власти в Иране пришли исламские фундаменталисты во главе с аятоллой Хомейни. После отъезда из Ирана шах жил сначала в Египте, затем в Марокко и на Багамских островах. Исламские власти требовали его выдачи. Умер в Каире.

- 8 Халед ибн Абд аль-Азиз ас-Сауд (1913–1982) — король Саудовской Аравии (1975–1982 гг.). Получил религиозное образование. Занимал различные административные посты: заместитель министра иностранных дел в 1934–1962 г.; заместитель главы правительства с 1962 г. по 25 марта 1975 г., после убийства его брата, короля Саудовской Аравии Фейсала, провозглашен королем. Занимал непримиримую антиизраильскую и антисемитскую позицию.

Эффект этого заявления был ошеломляющим. Исмаил Фахми⁹, министр иностранных дел Египта, немедленно подал в отставку. Джимми Картер смеялся и не нашел что сказать. Первая реакция Белого дома, выразившаяся в несколько растерянной поддержке инициативы Садата, последовала лишь несколько дней спустя. Впрочем, не меньшую растерянность проявил и Бегин — хотя он-то как раз сумел собраться и тут же направил (через посольство США в Тель-Авиве) официальное приглашение египетскому лидеру посетить Израиль и выступить в *кнесете*, назначив дату 20 ноября. Садат немедленно ответил согласием (через посольство США в Каире). Правда, перед этим, 16 ноября, он посетил Дамаск, чтобы разъяснить ситуацию Хафезу Асаду, но это была пустая трата времени. Сирийский лидер объявил по этому поводу день национального траура, и его чувства разделяли во всех странах арабского мира. В Израиле же, на фоне всеобщего естественного возбуждения, началась подготовка к визиту. Была приглашена первая группа египетских представителей, чтобы незамедлительно приступить к работе по обеспечению мер безопасности. Десять тысяч израильских полицейских были приведены в состояние полной готовности. Врачи в больницах дежурили в режиме неотложной помощи, и были сделаны запасы крови для переливания — с учетом групп крови Садата и его сопровождающих. Военные оркестры срочно разучивали египетский национальный гимн.

И наконец, 19 ноября 1977 г., в субботу к вечеру, Садат отбыл в Израиль. После того как президентский самолет вошел в воздушное пространство Израиля, почетный эскорт из четырех израильских истребителей сопровождал его до аэропорта имени Бен-Гуриона. Миллионы израильтян у телеэкранов смотрели, как египетский президент и его сопровождающие шли по красному ковру, под звуки артиллерийского салюта наций, обмениваясь рукопожатиями с израильскими государственными деятелями. Потом президентский кортеж направился в иерусалимскую гостиницу “Царь Давид”. На следующее утро египетская делегация молилась в мечети Аль-Акса, где их тепло приветствовали видные представители иерусалимской

9 Фахми Исмаил (1922–1997) — египетский государственный деятель. После окончания в 1945 г. Каирского университета работал в МИДе Египта. В 1957–1959 гг. входил в состав постоянного представительства при ООН. В 1956–1967 гг. работал советником, а затем директором департамента международных организаций МИДа Египта. На 22-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был избран председателем политического комитета. В 1968–1971 гг. — посол Египта в Австрии; в 1971–1972 гг. — заместитель министра иностранных дел. В марте—ноябре 1973 г. Фахми занимал пост министра туризма Египта, в ноябре 1973 г. — ноябре 1977 г. — министр иностранных дел. Подал в отставку сразу же после выступления А. Садата в Народном собрании Египта, когда он заявил о своем желании приехать в Иерусалим для ускорения мирного процесса.

арабской общины, а затем прибыла в *Яд ва-Шем*¹⁰, Мемориал Катастрофы европейского еврейства (который, согласно протоколу, посещают все высокие гости Государства Израиль). Наконец, вскоре после полудня, президент Египта торжественно прибыл в *кнесет* — под звуки фанфар, приветственный долгими, несмолкающими аплодисментами.

В ходе своей сорокаминутной речи Садат подчеркнул широту задач своей миссии. Мы говорим не о начале переговоров относительно заключения сепаратного мира между Израилем и Египтом, уточнил он, но о мире между Израилем и всеми его арабскими соседями. При этом Садат особо отметил важность полного отвода израильских сил с контролируемых территорий. Закончил он свое выступление предложением, которое народ Израиля хотел услышать в течение тридцати лет: “Со всей искренностью я говорю: мы хотим, чтобы вы жили здесь в безопасности... Я заявляю всему миру, что мы хотим жить с вами в постоянном мире, основанном на справедливости”. После продолжительных аплодисментов на трибуну поднялся Бегин, который тепло поблагодарил гостя, но при этом подчеркнул, что Иерусалим никогда больше не будет разделен, как не будет Западный берег превращен в государство Организации освобождения Палестины. Премьер-министр также пригласил всех “законных” выразителей чаяний арабского народа, живущих в “Земле Израиля”, встретиться с ним и президентом Садатом для свободной дискуссии. Нельзя сказать, что Садат был потрясен таким ответным словом. Впрочем, вечером этого дня, в ходе доверительной беседы, они с Бегинем достигли согласия по как минимум двум ключевым позициям: война “исключается” как средство решения спорных вопросов,

10 *Яд ва-Шем* — израильский Национальный институт памяти жертв *Шоа* (Катастрофы) и героизма, расположен в Иерусалиме на горе Памяти. 19 августа 1953 г. *кнесет* принял закон об учреждении *Яд ва-Шем*: “...в Иерусалиме учреждается мемориальный институт *Яд ва-Шем* для увековечения памяти: 1) шести миллионов представителей еврейского народа; 2) еврейских семей, которые были уничтожены преступниками; 3) общин, синагог и организаций... которые были уничтожены в намерении стереть с лица земли культуру и само имя Израиля; 4) стойкости евреев, отдавших жизнь ради своего народа; 5) героизма евреев-военнослужащих, а также борцов-подпольщиков... которые рисковали жизнью в борьбе с нацистскими преступниками и их пособниками; 6) героического сопротивления отрезанных от всего мира жителей гетто и борцов... 9) благородных неевреев, которые рисковали жизнью для спасения евреев”. Основными направлениями деятельности *Яд ва-Шем* являются: сбор имен и свидетельств *Шоа* и героизма; исследование и публикация материалов; разъяснение уроков происшедшего. В состав *Яд ва-Шем* входят: Архив, Библиотека, Центр исследований и публикаций, Всемирный центр преподавания *Шоа*, Отдел праведников народов мира, а также ряд музейных учреждений (Исторический музей, Музей искусства, Зал имен, Зал памяти, Зал памяти детей, Долина уничтоженных общин). *Яд ва-Шем* в год посещают более двух миллионов человек, в том числе все правительственные делегации, приезжающие в Израиль.

а Египет восстанавливает свой суверенитет над Синайским полуостровом. Заверив друг друга в том, что их встречи продолжатся в ближайшее время, Садат и Бегин на этом закончили беседу. На следующий день, 21 ноября после полудня, Садат вернулся домой.

Холодный свет зари

В Каире около миллиона человек встречали Садата по пути из аэропорта. На волне всенародной поддержки он собрался было созвать свой международный форум — имея при этом в виду, чтобы он мог бы стать альтернативой Женевской конференции. С этой целью он разослал приглашения арабским странам, а также Израилю, Советскому Союзу и Соединенным Штатам. Бегин оценил важность этого приглашения и немедленно ответил согласием. Однако СССР, арабские страны и ООП ответили отказом. Более того, арабские лидеры, собравшись на чрезвычайной сессии в Триполи, столице Ливии, осудили инициативу Садата и приняли решение заморозить дипломатические отношения с Каиром. И Садат был вынужден признать реальность ситуации: переговоры теперь будут вестись только между Египтом, Израилем и (надо надеяться) США. Без особого энтузиазма президент Картер был вынужден согласиться на эту трехстороннюю формулу.

Тем временем, в декабре 1977 г. Моше Даян и заместитель премьер-министра Египта Тохами снова встретились в Марокко. В ходе этой встречи Даян ознакомил собеседника с деталями предложений его правительства по Синаю. Речь шла о возвращении полуострова Египту на основе предлагаемого израильянами графика, причем отвод войск предполагалось завершить в 2000 г. Тохами высказал свое возмущение таким предложением и холодно поинтересовался, уж не считают ли израильяне, что ради такого растянутого графика отступления Садату стоило навлекать на себя проклятия всего арабского мира. И еще один аспект: соглашение по Синаю не может быть достигнуто без параллельного решения палестинского вопроса. Участники встречи вернулись домой в мрачном настроении; Бегин и его советники принялись за разработку предложений по Западному берегу и Газе, которые были бы в большей степени приемлемыми для обеих сторон. Однако новый план, сформулированный юридическим советником премьер-министра Аѓароном Бараком¹¹, оказался еще менее приемлемым, чем изначальный план

11 Барак Аѓарон (р. 1936) — израильский юрист. В 1941–1943 гг. был с родителями в гетто Каунаса, семье удалось спастись. После двухлетних скитаний по Европе в 1947 г.

Даяна-Розена (Гл. XXVII. Садат в поисках мира). Согласно этому документу, Палестинская автономия получала в свое ведение только такие вопросы, как культурная и религиозная деятельность, а также здравоохранение, социальное обеспечение, торговля и туризм. Вопросы безопасности и поддержания общественного порядка — что, в сущности, означало также землепользование и землеустройство — оставались в ведении Израиля. Жителям-арабам предоставлялся выбор: израильское гражданство или иорданское подданство, но речи не могло идти о “палестинском” гражданстве. Единственная уступка Бегина Садату сводилась к тому, что он согласился “временно” отложить решение вопроса о суверенитете. Что же касается Синайского полуострова, то израильские предложения по-прежнему предусматривали отвод войск в два этапа, причем эвакуация поселений в Рафияхе (Ямит) и ключевых авиабаз у Акабского залива откладывалась до конца столетия.

Прежде чем предложить эту формулу Садату, Бегин решил опробовать ее на Джимми Картере, и с этой целью он вылетел в Вашингтон в середине декабря, чтобы ознакомить с документом президента США и Государственного секретаря Вэнса. Американская реакция на документ была как минимум сдержанной, и общая оценка была сформулирована следующим образом: “Документ представляет собой приемлемую основу для дальнейших переговоров”. Интересно, что резкий отпор Бегин получил не в Вашингтоне, а в Иерусалиме. Многие члены его кабинета восприняли этот план как откровенную рекомендацию к созданию, в конечном итоге, Палестинского государства. Бегин и Агарон Барак, находясь в полной растерянности, немедленно пересмотрели формулу, указав, что Израиль оставляет за собой не только вопросы публичного права и поддержания общественного порядка на Западном берегу, но также и обеспечение “постоянной безопасности” границ региона. Беженцы, покинувшие свои дома после Шестидневной войны, получают разрешение вернуться лишь в “разумных” количествах и на основе единогласного решения совместной

семья прибыла в Эрец-Исраэль. В 1958 г. Барак окончил юридический факультет Еврейского университета; в 1963 г. получил степень доктора, в 1968 г. — звание профессора, в 1974 г. стал деканом юридического факультета. В 1975–1978 гг. занимал пост юридического советника правительства. В 1978 г. стал членом Верховного суда; в 1993–1995 гг. был заместителем председателя Верховного суда, в 1995–2005 — председателем Верховного суда. Сыграл важную роль в выработке текста мирного договора с Египтом. Известный ученый-правовед и юрист-практик, автор нескольких книг и около 200 статей, в основном по специальным вопросам имущественных отношений и по теоретическим проблемам юриспруденции. Барак — активный сторонник превращения Верховного суда в главного гаранта демократического и светского характера еврейского государства. В период его председательства в Верховном суде произошло усиление влияния судебно-юридических органов на принятие решений в общественной и политической сферах.

израильско-иорданско-палестинской комиссии. Такое же единогласное решение будет необходимо и для передачи властных полномочий совету Западного берега. И этот, пересмотренный и переработанный, план Бегин взял с собой на встречу с Садатом в Исмаилии, которая была намечена на 25 декабря 1977 г.

До сих пор встречи между египтянами и израильтянами проходили в дружественной обстановке. Встреча в Исмаилии стала первым исключением из правила. Садат холодно проинформировал своего гостя, что план по Синаю не годится даже как основа для обсуждения; что же касается палестинской формулы, то ее следует “изучить”. Отнюдь не обескураженный, Бегин по пути домой в самолете все еще пребывал в уверенности, что примирение между двумя странами является вполне возможным. Следовало только выделить в самом процессе проведения переговоров два направления — военное и политическое. Вопросы, связанные с первым направлением, будут обсуждаться израильской и египетской переговорными группами в Каире, а по второму направлению аналогичные группы будут работать в Иерусалиме. Израильскую военную делегацию первоначально возглавил министр обороны Эзер Вейцман. Живой и общительный человек, Вейцман буквально с первого взгляда достиг взаимопонимания с Садатом. Именно ему египетский президент и высказал свое крайнее удивление позицией, занятой Израилем по вопросу Синайского полуострова. В Бухаресте он, Садат, получил заверения, что Синайский полуостров будет возвращен под египетский суверенитет. Но, удивился президент, о каком же суверенитете сейчас идет речь? На это Вейцман ответил, что авиабазы в Синае обеспечивают защиту внутренних районов Израиля, причем не столько от египетской опасности, сколько от угрозы со стороны Ирака и Саудовской Аравии, а также что только Синайский полуостров дает израильским ВВС необходимое пространство для развертывания подразделений боевых самолетов. Но на Садата вся эта аргументация не произвела ровным счетом никакого впечатления. В середине января 1978 г. заседания египетско-израильской переговорной группы по военным вопросам были временно приостановлены.

Переговорная группа по политическим вопросам начала свою работу в Иерусалиме на четыре дня позже, при участии Государственного секретаря Сайруса Вэнса. Египетскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Ибрагим Камил. Обе стороны заранее договорились не тратить времени на пустую риторику и воздерживаться от взаимных обвинений. Эта договоренность, однако, не помешала Бегину на банкете, устроенном в честь начала переговоров, посвятить свою речь восхвалению положительных сторон объединенного Иерусалима, а также Иудее и Самарии, навсегда вошедшим в состав Эрец-Исраэль. Вечером этого дня Камил по-

звонил Садату и сказал, что Бегин своим выступлением предрешил неудачный исход переговоров. Президент согласился с мнением своего министра иностранных дел и отозвал египетскую делегацию через 48 часов после ее прибытия в Израиль. Садат буквально впал в отчаяние, однако в июне 1978 г. он обратился к Эзеру Вейцману как к человеку, с которым у него сложились хорошие отношения. Оба политика договорились о встрече в Австрии, где у Садата в Зальцбурге была зимняя резиденция. Египетский президент предупредил своего собеседника, что если к октябрю не удастся достигнуть положительных результатов, то он будет вынужден уйти в отставку. Затем Садат повторил, что рассчитывает на полный отвод израильских сил с Синайского полуострова; что же касается Западного берега, то он готов принять более скромную программу для палестинской квазиавтономии. Во всяком случае, в качестве предварительного и одностороннего жеста доброй воли он хотел бы получить от израильтян Эль-Ариш или гору Синай. Вейцман внимательно выслушал своего собеседника; по возвращении же домой на следующий день министр обороны объявил своим коллегам по кабинету, что Садат просит всего лишь “большой фиговый листок” для прикрытия палестинской проблемы — неужели правительство не может пойти ему навстречу? Однако пять дней спустя, пока Бегин обдумывал пути удовлетворения этой “необременительной” просьбы, Даян встретился в Великобритании с египетским министром иностранных дел Камилом, и тот не выразил никакого энтузиазма по поводу прикрытия “фиговым листком” ни синайской проблемы, ни проблемы Западного берега. Тогда Бегин дал единственный, по его мнению, возможный ответ. “Ничего в обмен на ничто”, — заявил он на пресс-конференции. Как непреклонная суть, так и бесцеремонная форма ответа вызвали возмущение Садата, и он прекратил переговоры с израильской военной делегацией в Каире. После этого все контакты должны были осуществляться при американском посредничестве.

Тем временем прошло уже восемь месяцев со дня памятного визита Садата в Иерусалим. Египетский президент поставил на карту свою репутацию в арабском мире ради того, чтобы добиться скорейших результатов. Но и потом, когда прямые переговоры явно стали терпеть неудачу, он не терял надежды, рассчитывая на сторонников мирного курса в Израиле. В марте 1978 г. около 350 старших офицеров запаса подписали открытое письмо Бегину, пытаясь убедить его в целесообразности принятия идеи “территории в обмен на мир”. Этим письмом заявило о своем создании движение “Мир сейчас” (*Шалом ахшав*¹²), которое поддержали университетские профессора,

12 *Шалом ахшав* (ивр. “Мир сейчас”) — внепарламентское общественное движение в Израиле, требующее территориальных и политических уступок во имя мира.

руководители кибуцного движения и многие видные общественные деятели, принадлежавшие к среднему классу, с высоким образовательным уровнем, преимущественно ашкеназы по происхождению; кроме того, в поддержку идей движения высказались 30 членов *кнесета*, представлявшие шесть партий, и шесть видных генералов запаса (в том числе Хаим Бар-Лев и Узи Наркис). Следует отметить, что именно генералы ставили под сомнение мнимые военные преимущества сохранения Западного берега под израильским контролем. В случае возникновения критической ситуации, подчеркивали они, может возникнуть необходимость в разделении воинских подразделений с тем, чтобы обеспечить защиту каждого из разрозненных поселений. Более того, рост еврейского присутствия на территории с высокой плотностью арабского населения увеличивал опасность террора, что, в свою очередь, требовало введения еще более многочисленных воинских контингентов. И, ко всему прочему, сторонники движения “Мир сейчас” боялись, что Бегин, находясь в плену своих ревизионистских догм, способен принести в жертву уникальную возможность положить конец тридцатилетнему периоду насилия и кровопролития. Именно опасения такого исхода делали выступления сторонников движения необыкновенно бурными; в некоторых из демонстраций *Шалом ахшав* принимало участие до 30 тыс. человек.

Известия о растущем давлении на Бегина внутри страны, возможно, действовали на Садата ободряюще. Впрочем, он понимал, что подписывать соглашение ему предстоит все-таки с правительством Бегина — а это правительство по-прежнему пользовалось поддержкой большинства израильтян, которые, памятуя долгие годы жизни под угрозой уничтожения, сохраняли недоверие к враждебно настроенным арабским соседям. Даже Соеди-

Движение было создано в марте 1978 г. Его первым действием было письмо большой группы офицеров-резервистов и студентов к М. Бегину с призывом заключить мир с Египтом на основании принципа “мир в обмен на территорию”. К движению присоединились многочисленные представители интеллигенции, в поддержку его идей высказались ряд генералов запаса и политических деятелей из левых партий. В марте движение *Шалом ахшав* организовало демонстрацию в Тель-Авиве (более 20 тыс. участников); оно также начало активно проводить кампанию протеста против нерешительных действий правительства на мирных переговорах. 2 сентября 1978 г., накануне встречи в Кэмп-Дэвиде, движение *Шалом ахшав* организовало в Тель-Авиве демонстрацию, во время которой около 100 тыс. человек призывали М. Бегина пойти на компромисс. Движению удалось добиться поддержки среди ряда еврейских ученых и общественных деятелей за рубежом и превратиться в еврейское международное движение. В ходе Ливанской войны 1982 г. оно организовывало многотысячные демонстрации протеста против осады Бейрута и требовало расследования событий в Сабре и Шатиле. В 1990–2000 гг. активисты движения выступали против расширения поселений на контролируемых территориях; однако откровенно пропалестинская позиция движения привела к резкому сокращению числа его сторонников.

ненные Штаты были не в состоянии развеять это недоверие. К лету 1978 г. администрация Картера выдвинула целый ряд предложений относительно решения проблем Сина и Палестины, включая представляющий интерес план пятилетнего переходного периода для Западного берега и Газы, который не произвел на Бегина и его советников никакого впечатления.

С другой стороны, именно отсутствие значимых успехов в переговорах способствовало достижению, буквально в последнюю минуту, процедурного соглашения между израильтянами, египтянами и американцами. Садат и Бегин 8 августа 1978 г. публично ответили согласием на приглашение Джимми Картера прибыть в США 5 сентября и совместно обсудить остающиеся разногласия в президентской резиденции Кэмп-Дэвид. И такая спешка была вполне оправданной. Средства массовой информации превратили взаимные упреки, которыми обменивались Иерусалим и Каир, в бурю обвинений и контробвинений. Картер, Садат и Бегин одновременно осознали, что движение к миру может быть восстановлено лишь благодаря решительному дипломатическому вмешательству самой сильной державы мира.

Отход и прорыв

Итак, 5 сентября 1978 г. делегации Египта и Израиля, возглавляемые Садатом и Бегоном, прибыли порознь в Кэмп-Дэвид (штат Мэриленд). Несмотря на то что организаторы встречи всячески поощряли атмосферу неформальности (в частности, всем участникам было предложено носить спортивную одежду), вскоре стало очевидным, что переговоры будут нелегкими. На следующий день, после обеда, Садат зачитал вслух Картеру и Бегину свой меморандум. Документ содержал все те жесткие требования, которые арабская сторона когда-либо предъявляла Израилю — от возвращения беженцев 1948 г. и до отхода Израиля к “Зеленой черте” 1967 г. и отмены объединения Иерусалима. Бегин пришел в ярость и вознамерился немедленно покинуть Кэмп-Дэвид. Моше Даяну едва удалось его успокоить. Однако две последующие встречи, полные разногласий и прошедшие в тяжелой обстановке, отнюдь не способствовали сближению позиций, занимаемых сторонами. Не улучшили положения и последующие четыре дня трехсторонних встреч между членами делегаций. В ходе частных бесед Картера с гостями Бегин проявлял такую же неуступчивость, как и Садат. Не может быть и речи, сказал он, об эвакуации израильских авиабаз или израильского анклава на Синае, а также израильских поселений в Иудее и Самарии. Будучи не в силах выносить его упрямство, Картер предостерег Бегина, что отноше-

ния между Вашингтоном и Иерусалимом могут “стать напряженными”. “Я попрошу вас, господин президент, воздержаться от угроз”, — не без резкости ответил Бегин.

Картер и его советники настойчиво предлагали один вариант за другим. Все возможные сферы соглашений были пересмотрены и уточнены при участии Агарона Барака и д-ра Осамы аль-База, ближайшего советника Садата. Наконец, 12 сентября, в ходе частной беседы с Садатом, Даян наметил выход из непростой ситуации. Вернувшись к себе, он изложил свои соображения группе советников: “Надо сосредоточиться на проблемах Синая, — сказал им министр иностранных дел. — Я уверен, что Садат хочет именно этого”. И в самом деле, инстинкт в свое время не подвел Эзера Вейцмана: египтяне действительно были готовы согласиться на “большой фиговый листок” для прикрытия палестинской проблемы в обмен на гибкий подход Израиля к проблемам Синайского полуострова. Картер, в свою очередь, заметив перемены в позиции Даяна, пошел на разделение этих двух проблем и сосредоточил свое внимание на достижении двух разных соглашений: мирного договора между Египтом и Израилем и имеющей более общий характер договоренности об урегулировании палестинского вопроса.

Со своей стороны, Бегин продолжал настаивать на сохранении как синайских авиабаз, так и поселений. Картер, однако, дал ему понять (через Даяна), что в том случае, если результатом продолжающейся израильской оккупации Синая станет новая война, Израилю не следует рассчитывать на американскую поддержку. В ходе встречи с глазу на глаз с Даяном Садат также высказался в ультимативном тоне. Утомленный, на грани нервного срыва, египетский президент уже попросил, чтобы приготовили вертолет, — он не намеревался оставаться в Кэмп-Дэвиде, если не наметится выход из тупика. “И будьте добры, передайте от меня Бегину, — перешел он на крик, — что я никогда не соглашусь на сохранение поселений! Зачем вы говорите о вещах, на которые, как вам хорошо известно, я не соглашусь? Зачем нам и дальше мучить президента Картера?” И тут Садат неожиданно подсластил пилюлю. Если Израиль согласится полностью уйти с Синайского полуострова, то через девять месяцев после подписания мирного договора можно будет установить дипломатические отношения в полном объеме между двумя странами. И при этом — ни слова о Палестине. Даян поспешил к премьер-министру с этими новостями, и Бегин внимательно его выслушал.

Во время следующей встречи с Картером Бегин продолжил упорствовать, и тогда президент США усилил нажим. Если не будет достигнуто никакого прогресса на следующий день, предупредил Картер, он прекратит работу конференции и представит полный отчет конгрессу — возложив всю вину за ее срыв на Израиль. Однако вслед за угрозой прозвучало и стиму-

лирующее предложение. Если Израиль согласится демонтировать авиабазы на Синайском полуострове, то Соединенные Штаты готовы взамен соорудить в пустыне Негев, полностью за свой счет, две авиабазы “значительных размеров и оборудованные по последнему слову техники”. В этот вечер, под нажимом Даяна, Вейцмана и Шарона (которого Вейцман специально попросил позвонить Бегину из Иерусалима), премьер-министр Израиля сдался. Он не только смягчил свою позицию относительно Синайского полуострова, но и согласился удовлетворить просьбу Садата подписать соглашение о палестинском урегулировании до соглашения о Синайском полуострове — чтобы не сложилось впечатления, будто сепаратная израильско-египетская сделка совершена за счет палестинцев. Что касается Бегина и его советников, то для них главное было — суть, а не форма.

ОСНОВЫ СОГЛАШЕНИЙ

Два предназначенных к подписанию документа были названы “Принципы мира на Ближнем Востоке” и “Принципы для подписания мирного договора между Египтом и Израилем”. При всем сходстве названий, второй документ рассматривал исключительно египетско-израильские отношения, и в нем шла речь о поэтапной эвакуации всех израильских баз и поселений из Синая. Египет, в свою очередь, признавал право Израиля на свободный проход через Суэцкий канал, Тиранский пролив и Акабский залив. Отдельные параграфы определяли вывод израильских войск с Синайского полуострова на протяжении трехлетнего периода; ограниченное присутствие египетских подразделений в некоторых ключевых местах, а также сил ООН в других, конкретно определенных, точках; установление дипломатических отношений между Египтом и Израилем по истечении девятимесячного периода. Это было соглашение, учитывающее интересы обеих сторон. Египтянам гарантировалось возвращение всех их земель. Израильцы получали возможность на протяжении трех лет после ратификации договора сохранять 40% территории Синайского полуострова, что давало им возможность оценить серьезность египетских обязательств.

Однако перед подписанием израильско-египетского договора предстояло разобраться со значительно более сложным документом, подразделяющимся на три части и регламентирующим ситуацию на Западном берегу и в секторе Газа. Для начала Египет, Израиль и Иордания (если последняя согласится принять в этом участие) должны будут приступить к переговорам относительно основополагающих правил формирования “органов самоуправления” на территориях. После того как они начнут функциониро-

вать, Израиль, на протяжении переходного периода продолжительностью в пять лет, должен будет ликвидировать систему военного правления и отвести войска в конкретные места, определяемые соображениями своей безопасности. Тем временем, не позднее чем через год после начала переходного периода, должны будут начаться переговоры между Израилем, Египтом, Иорданией и выбранным местным органом палестинского самоуправления, в ходе которых будет определен постоянный статус территорий и обсуждены условия мирного договора между Израилем и Иорданией.

Для Садата и Бегина Кэмп-Дэвидские соглашения стали личным дипломатическим триумфом. Возвращение Синайского полуострова в полной мере восстанавливало репутацию египетского президента. Впрочем, Садат был склонен интерпретировать и соглашение по Западному берегу и сектору Газа как значительную израильскую уступку палестинцам. Разве документ не обещал “полную автономию” и уважение “законных прав палестинского народа”? Тем более что Израиль до сих пор упорно воздерживался от официального употребления таких формулировок. В документе также говорилось, что аналогичные мирные соглашения должны быть заключены между Израилем и другими арабскими государствами, бывшими противниками Израиля, — что, в свою очередь, предупреждало какие-либо обвинения в адрес Египта относительно того, что он будто бы вернул себе Синайский полуостров, не позаботившись об интересах Иордании и Сирии.

И все-таки, если рассматривать ситуацию в истинном свете, то вряд ли можно было утверждать, будто Садат достиг (или, как настойчиво повторял Вейцман, “рассчитывал достичь”) чего-то большего, чем “фиговый листок” для прикрытия палестинской проблемы. Он согласился на весьма запутанную — предложенную, главным образом, израильской стороной — формулу, согласно которой вопрос об отводе израильских войск откладывался до последующих переговоров. Характер и рамки палестинского самоуправления также предстояло определить в ходе переговоров между Египтом, Иорданией и Израилем. Каждая из стран, по сути дела, сохраняла за собой право вето относительно определения тех полномочий, которые могли быть предоставлены палестинскому “органу самоуправления”. Бегин вряд ли был склонен к чрезмерному расширению таких полномочий. То же самое можно было с уверенностью сказать и относительно иорданской позиции. Помимо всего прочего, было зафиксировано право Израиля принимать “все необходимые меры” для обеспечения “своей безопасности на протяжении всего переходного периода и за его пределами”. Что значит — за его пределами? Сверх пятилетнего периода? Бегин, несомненно, был склонен настаивать на праве Израиля размещать свои войска на постоянной основе в ключевых с точки зрения безопасности пунктах как на территории Западного берега, так и в секторе Газа, тем самым ограничивая возможность

маневра для будущих органов палестинского самоуправления. И наконец, требующий особой осмотрительности вопрос относительно статуса Иерусалима практически не нашел отражения в основном тексте документа. По настоянию Даяна этот вопрос рассматривался в специальных посланиях Садата и Бегина Картеру, причем израильский премьер-министр настаивал на том, что объединенный Иерусалим является столицей Израиля, тогда как египетский президент высказывался в пользу арабского правления в восточной части города.

Хотя Садат и ограничился, по сути дела, “фиговым листком” для Палестины, его-то страна, несомненно, получила благодаря Кэмп-Дэвидским соглашениям конкретную и вполне ощутимую пользу. Теперь он мог позволить себе по меньшей мере вдвое сократить численность египетской регулярной армии. Кроме того, Соединенные Штаты выразили свою готовность создать западный экономический консорциум для осуществления значительных капиталовложений в экономику Египта. Вот какие блага ожидали Садата и весь народ Египта после Кэмп-Дэвида: мир и уверенность в том, что уровень жизни в стране, впервые за долгие годы, станет нормальным. Не было, следовательно, ничего удивительного в том, что 17 сентября 1978 г., после двенадцатидневных переговоров, проходивших в непростой обстановке, постоянно на грани срыва, Садат все же предстал, вместе с Картером и Бегинем, перед телекамерами на процедуре подписания договора в Белом доме. На следующий день трое лидеров выступили на совместном заседании сената и палаты представителей США, и тогда телезрители, смотревшие эту передачу, удостоились незабываемого зрелища: Бегин и Садат, обнимающиеся перед аудиторией аплодирующих конгрессменов. Теперь путь к миру стал, по всей видимости, значительно более близким.

Бегин сразу же сделал первый шаг в этом направлении, представив привезенные из Америки документы *кнесету*. Законодатели, после семнадцатичасового обсуждения, одобрили соглашения — 84 голосами против 19. При этом, однако, из числа 43 членов *кнесета* от *Ликуда* “за” проголосовали лишь 29 человек. Именно таким образом ликудовцы наиболее правых взглядов высказали неодобрение своему лидеру; итак, становится понятным, почему Бегин действовал с особой осторожностью, обсуждая эти документы в Кэмп-Дэвиде. Собственно говоря, и у Садата в Кэмп-Дэвиде имелись отнюдь не безосновательные дурные предчувствия. Больше всего он опасался недоброжелательной реакции арабского мира. Даже Хасан, король Марокко, бывший его самым искренним и верным сторонником, на этот раз отреагировал более чем сдержанно и уклончиво. То же самое можно сказать и о короле Иордании Хусейне. Что же касается Халеда, короля Саудовской Аравии, то он вовсе никак не отреагировал, и это молчание было весьма зловещим. Однако в Каире вернувшегося из США Сада-

та встретили восторженные толпы, и народное ликование было сравнимо с тем днем, когда Садат прилетел из Иерусалима. Несомненно, народ разделял точку зрения своего лидера: их всех ожидают мир и благосостояние. Надежды на благополучный исход получили особое подтверждение, когда Садат и Бегин были удостоены Нобелевской премии мира за 1978 г.

В своем стремлении укрепить эти надежды Садат решительно взялся за искоренение антиизраильской кампании, активно проводимой в египетских средствах массовой информации и учебных заведениях. Сразу же после заключения Кэмп-Дэвидских соглашений в Египет стали приглашать израильских журналистов, преподавателей высшей школы, ученых и прочих лиц интеллигентного труда. Там они встречали самый сердечный прием со стороны не только своих египетских коллег, но и простых египтян. В Израиле тоже явственно ощущалось освобождение от гнета военной опасности, от бесконечных потерь и утрат. Правда, хорошо помнившие горький опыт разочарований после Шестидневной войны и Войны Судного дня, израильтяне были более сдержанными в проявлении своих эмоций. Никто не решался искушать судьбу.

Садат маневрирует, Картер играет свою игру

Согласно условиям Кэмп-Дэвидских соглашений, Египет и Израиль обязались в течение трех месяцев завершить обсуждение последних деталей мирного договора. В середине октября 1978 г. переговорные группы обеих стран собрались в Вашингтоне. Египетскую делегацию возглавляли министр обороны Хасан Али и исполняющий обязанности министра иностранных дел Бутрос Бутрос-Гали¹³, израильскую делегацию — Даян и Вейцман; в переговорах, как обычно, принимал участие Государственный секретарь США Сайрус Вэнс. Изначально атмосфера переговоров была многообещающей. Однако по мере того, как один черновой вариант документа за другим от-

13 Бутрос-Гали Бутрос (р. 1922) — египетский государственный деятель, дипломат. Копт-христианин. Высшее образование получил в Каирском и Парижском университетах. С 1949 г. преподавал право в Каирском университете. В 1967–1969 гг. — директор Центра исследований Гаагской академии международного права. С 1965 г. — главный редактор журнала “Аль-Ахрам аль-Ихтисауи”. С декабря 1984 г. член секретариата правящей в Египте Национально-демократической партии. С октября 1977 г. — государственный министр иностранных дел, участник египетской делегации на израильско-египетских мирных переговорах. В 1992–1996 гг. — Генеральный секретарь ООН; находясь на этом посту, часто занимал антиизраильскую позицию. Автор ряда книг по международным проблемам.

вергались участниками, все яснее становилось, что серьезным препятствием является не ситуация на Синайском полуострове, а поселения на Западном берегу. Перед подписанием рамочного соглашения 17 сентября Картер исходил из предположения, что Бегин прекратит строительство новых поселений до тех пор, пока палестинцы не закончат формирование своего “органа самоуправления”. Однако буквально через несколько дней после Кэмп-Дэвида израильский премьер-министр, стараясь сохранить лояльность по отношению к сторонникам твердой линии в своем кабинете, выступил с “уточнением” своей позиции. Замораживание строительства поселений, разъяснил он, распространяется лишь на трехмесячный (или даже меньший) период, необходимый для окончания работы над текстом египетско-израильского мирного договора. Такое заявление привело Картера в сильнейшее замешательство, и он направил Бегину частное послание, содержащее убедительную просьбу не чинить препятствий мирному процессу. Израильский премьер-министр, однако, продолжал стоять на своем.

Впрочем, у Садата оснований для беспокойства было еще больше, чем у Бегина. В Египте начала сгущаться атмосфера недовольства. И сторонники линии Насера, и религиозные фанатики, включая оставшихся на свободе “Братьев-мусульман” (чья группировка была объявлена в стране вне закона) начали выступать против Кэмп-Дэвидского рамочного соглашения. Недовольство зрело и в дипломатических кругах; министр иностранных дел Камил ушел в отставку в знак протеста. В начале ноября 1978 г. посланцы арабских стран снова собрались на совещание в Багдаде. Реагируя на давление, оказываемое палестинскими террористическими группировками, собравшиеся арабские лидеры подготовили список санкций, которые они намеревались наложить на Египет в случае, если тот подпишет мирный договор с Израилем. На Садата эти угрозы произвели впечатление; он осознал, что все-таки следовало настоять на том, чтобы заключение египетско-израильского мирного договора и выборы в палестинский “орган самоуправления” были взаимообусловлены в тексте соглашения. Хотя договаривающиеся стороны и видели здесь наличие несомненной внутренней связи, тем не менее в ходе рассмотрения результатов Кэмп-Дэвидского договора как израильтяне, так и египтяне признавали, что оба соглашения — палестинское и синайское — являются независимыми документами. Теперь же Садат ощутил насущную необходимость внести соответствующие изменения, и вот 2 ноября исполняющий обязанности министра иностранных дел Египта Бутрос-Гали выступил с требованием определить строгий временной график палестинских выборов еще до официального подписания мирного договора с Израилем; кроме того, он заявил, что дипломатические отношения в полном объеме между двумя странами могут быть установлены только через месяц после выборов.

Бегин и члены его кабинета отвергли новое предложение без колебаний. Взаимосвязь синайского и палестинского соглашений никак не входила в их планы. Ко всему прочему, Каир начал выдвигать дополнительные требования о внесении изменений в черновой вариант договора. Для начала египтяне поставили вопрос о “пересмотре” мер по обеспечению безопасности на Синайском полуострове через пять лет после заключения договора. Далее, они обратились к Израилю с просьбой, в качестве жеста доброй воли, начать промежуточный отвод войск с Синайского полуострова не через девять, а через шесть месяцев после подписания договора. Затем они потребовали, чтобы египетские представители “присутствовали” в Газе во время выборов в палестинский “орган самоуправления”. На каждую из этих просьб Израиль отвечал категорическим отказом. Кроме того, ощутив растущее недоверие к Садату, кабинет Бегина, со своей стороны, выступил с новыми требованиями. В Кэмп-Дэвиде было достигнуто понимание того, что египетско-израильский договор никак не будет связываться с теми договорами о взаимной обороне, которые Египет ранее заключил с другими арабскими странами (и которые были направлены против Израиля). Теперь же египетское правительство выступило с утверждением, что заключенные ранее межарабские договора будут иметь приоритетную силу по отношению к договору с Израилем. Придя в смятение, Бегин выдвинул встречное требование: внести в текст договора положение о приоритетной значимости настоящего договора по отношению ко всем прочим обязательствам Египта. Второе израильское требование было связано с синайской нефтью. С учетом неблагоприятных событий, происходивших в Иране¹⁴, стране, обеспечивавшей 40% израильского потребления нефти, правительство Бегина хотело получить гарантии, что Израиль и в дальнейшем сможет покупать нефть из синайских скважин — собственно говоря, тех скважин, которые израильские инженеры пробурили, реконструировали и эксплуатировали на протяжении одиннадцати лет, пока Синайский полуостров был в руках Израиля. На оба свои требования Израиль получил отрицательный ответ.

К декабрю 1978 г. вероятность заключения мирного договора по-прежнему была невелика, а между тем истекал трехмесячный срок, определенный в Кэмп-Дэвиде для окончательной выработки текста. И тогда, 11 декабря, Госсекретарь Вэнс и его советники начали раунд усиленной чел-

14 Массовые народные выступления в Иране в 1978 г. под мусульманскими лозунгами привели к свержению шахского режима и установлению диктатуры мусульманского шиитского духовенства в 1979 г. Они вызвали сильную озабоченность в Израиле, у которого с Ираном существовали дружественные отношения и который играл основную роль в поставках нефти в Израиль.

ночной дипломатии продолжительностью в месяц, предложив в Каире и Иерусалиме не менее десяти вариантов договора. Однако выход из тупика так и не обозначился. Решение оставшихся проблем не было найдено и в ходе второй встречи министров иностранных дел, состоявшейся в конце февраля 1979 г. в Кэмп-Дэвиде. К этому времени редакционные статьи египетских и израильских газет были полны неутешительных прогнозов. Неужели визит Садата в Иерусалим стал всего лишь краткой передышкой в ряду бесчисленных дипломатических неудач: перемирие, достигнутое на Родосе в 1949 г., переговоры, организованные Согласительной комиссией ООН по Палестине, проходившие в апреле—сентябре 1949., заседания Смешанной комиссии по вопросам перемирия в 1950-х гг., Резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и № 338, соглашения о разъединении войск в 1974—1975 гг.? Не стал ли Кэмп-Дэвид всего лишь очередной вехой на пути поисков недостижимого мира, которой также суждено забвение?

Паломничество на Ближний Восток

В марте 1979 г. Джимми Картер неожиданно объявил о новой запланированной инициативе — впоследствии он признает, что это было “актом отчаяния”. Президент США сам отправился в Египет и Израиль с целью достижения прорыва в мирном процессе. Как выяснилось, Картер намеревался предложить решение двух проблем, представлявшихся до сего времени неразрешимыми. Что касается проблемы “увязки” двух соглашений, то американцы порекомендовали добавить к тексту договора “дополнительный документ”, в рамках которого Израиль должен был просто согласиться на завершение “переговоров” по вопросу о выборах на Западном берегу и в секторе Газа в течение одного года после подписания договора. Если же выборы будут отложены вследствие отказа от сотрудничества с иорданской или палестинской стороны, то Израиль в таком случае не будет нести за это никакой ответственности. Были также внесены уточнения в положение относительно приоритетности египетских договоров с Израилем и с другими странами. Договор между Египтом и Израилем будет считаться имеющим обязательную силу, но при этом не будет указываться его приоритетная значимость по отношению к договорным обязательствам с другими арабскими странами. Израильцы положительно отреагировали на эти американские предложения. Египтяне также их не отвергли.

Итак, 7 марта Картер и сопровождающие его лица отправились на Ближний Восток и на следующий день прибыли в Каир. Египтяне оказали им теплый прием, а сам Садат проявил полную сговорчивость. “Садат поло-

жительно отреагировал на предложенные нами изменения, — писал впоследствии Картер, — и в течение часа мы с ним решили все [оставшиеся] вопросы”. В приподнятом настроении американцы вылетели 10 марта в Израиль. Однако в Иерусалиме их ожидал значительно менее воодушевленный прием. Толпы встречающих были настроены не очень восторженно. Президенту и его советникам было указано, что ключевые проблемы по-прежнему остаются нерешенными, и в их числе вопрос гарантированных прав на закупки синайской нефти и график обмена послами, причем израильская сторона настаивала на соблюдении первоначального плана, то есть это должно было произойти по прошествии примерно половины срока с момента начала вывода израильских сил из Синая. Даже обещание Картера о строительстве двух авиабаз для израильских ВВС в Негеве не смягчило позиций Бегина. Ему требовались дополнительные доказательства американской поддержки. Здесь Госсекретарь Вэнс увидел возможность для маневра. Бегину был представлен список боевой техники, предназначавшейся Израилю, а также обещана дополнительная военная и экономическая помощь на сумму порядка 3 млрд долларов в год (Египту было обещано 2 млрд долларов). На следующий день Бегин заявил о своем предварительном согласии. Картер немедленно отбыл в обратный путь, совершив незапланированную остановку в Каире, где прямо в аэропорту они с Садатом обсудили новейшие израильские уступки. Признает ли Садат их приемлемыми? Несмотря на оговорки своих советников, египетский президент дал утвердительный ответ.

Соглашение, достигнутое на протяжении этих пяти изматывающих дней в Каире и Иерусалиме, включало два пересмотренных текста договоров, три дополнения, одно приложение, протоколы и шесть посланий. Как и в Кэмп-Дэвиде, второй документ представлял собой собственно египетско-израильский мирный договор. Что же касается первого документа, то он, имея формально вид “дополнительного документа”, содержал всеобъемлющие положения о мире с палестинцами; согласно его условиям, оба лидера соглашались начать переговоры по вопросу арабского самоуправления через месяц после ратификации египетско-израильского договора и сделать все зависящее от них, чтобы добиться в течение года соглашения о создании независимого палестинского государства (хотя при этом и не брали на себя формальных обязательств достигнуть этой цели). В случае достижения взаимопонимания по этому вопросу и после проведения выборов в палестинский “орган самоуправления” Израиль соглашался, через месяц после выборов, объявить о прекращении полномочий военной администрации на территориях и вывести свои войска в заранее оговоренные зоны. Затем, согласно Кэмп-Дэвидским соглашениям, должен был начаться пятилетний переходный период. Что касается статуса Иерусалима, то этому вопросу в новом варианте соглашения особого внимания не уделялось.

После того как проблема “увязки” двух соглашений была решена, открылись пути для достижения компромисса относительно египетско-израильского договора. Статья VI договора в новой редакции выглядела следующим образом: “Настоящий договор не оказывает никакого воздействия... на права и обязательства сторон в рамках Устава ООН”. Эта формула позволяла Садату заявить о своей обязанности соблюдать ранее принятые обязательства в рамках региональных оборонительных договоров — в случае, если бы Израиль напал на какую-либо арабскую страну. Соответственно, Израиль получал заверения, что “в случае конфликта между обязательствами сторон в рамках настоящего договора и какими-либо [иными] их обязательствами, обязательства настоящего договора считаются имеющими приоритетное значение”. Далее, был подтвержден трехлетний график поэтапного отхода израильских сил, составленный еще в Кэмп-Дэвиде. Согласно строго определенной последовательности, израильские силы предполагалось отвести в течение девяти месяцев после ратификации договора к линии Эль-Ариш—Рас-Мухаммед. Собственно говоря, следуя предложенной Картером инициативе, Бегин выразил готовность пойти на большее: израильский премьер-министр объявил, что армия Израиля завершит отход к этой промежуточной линии в течение двух месяцев, то есть на семь месяцев раньше графика. После этого Садат “в неофициальном порядке” заверил Картера, что согласится на обмен послами через месяц после завершения израильского промежуточного отступления.

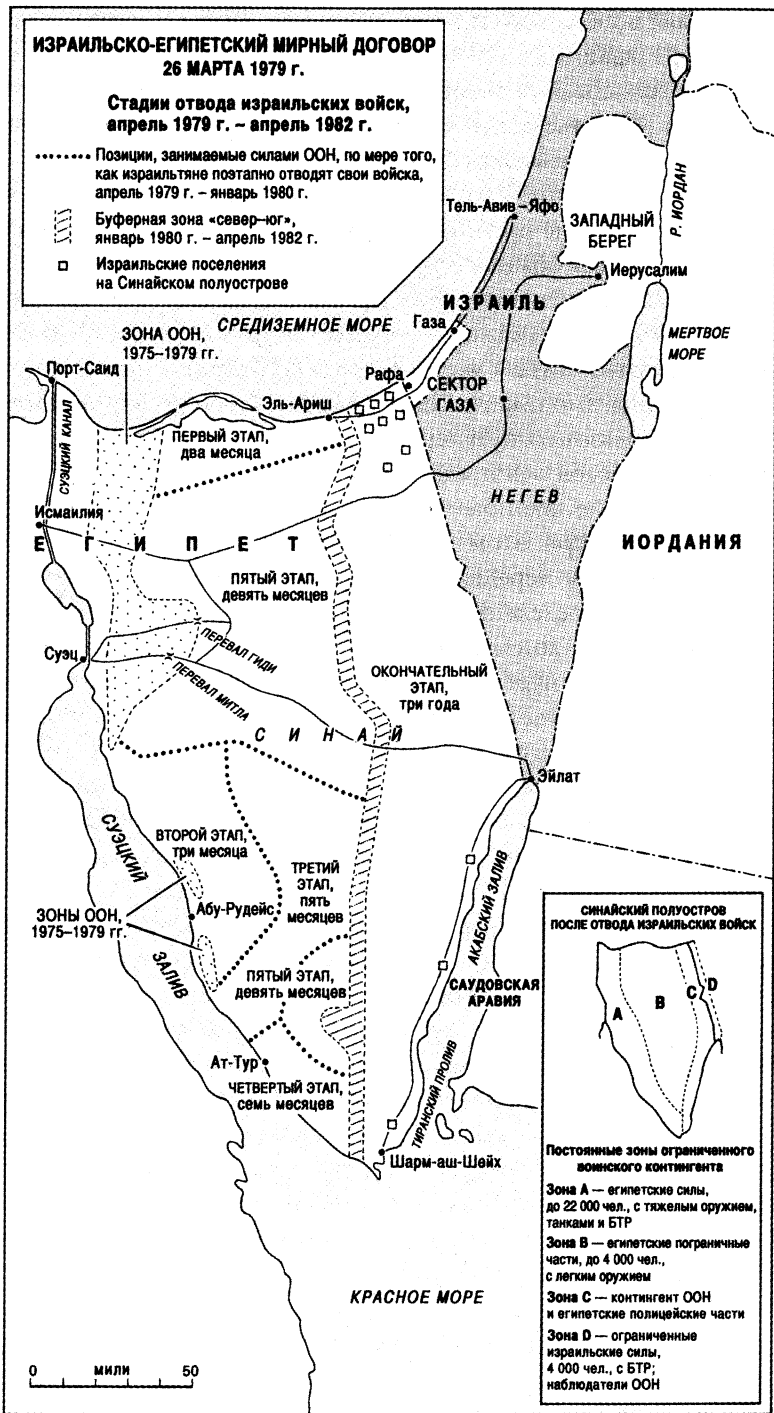
Нефтяной вопрос был разрешен буквально накануне церемонии подписания договора. В прилагаемом к договору протоколе египтяне выразили согласие продавать Израилу нефть “в рамках обычных коммерческих операций” на тех же условиях, что и другим потребителям. Это согласие было подкреплено американским меморандумом, который обещал обеспечивать израильские потребности в нефти (в случае объявления нефтяного бойкота) на протяжении не менее чем 15 лет. В этом же меморандуме Соединенные Штаты брали на себя еще более значительные обязательства, подтверждая свою готовность — в случае, если нарушение договора поставит под угрозу безопасность Израиля — рассмотреть “такие меры, как усиление присутствия США в регионе, предоставление Израилу чрезвычайной [военной] помощи и использование Военно-морских сил США для обеспечения безопасности, которая оказалась поставленной под угрозу в результате нарушения договора”.

Меморандум также содержал обязательство Вашингтона как накладывать вето на любые действия ООН, которые могли бы содержать угрозу мирному договору, так и блокировать поставки американских вооружений третьей стороне, если они могут быть использованы против Израиля (речь со всей очевидностью шла о Саудовской Аравии и Иордании). Этот меморан-

**ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР
26 МАРТА 1979 г.**

**Стадии отвода израильских войск,
апрель 1979 г. – апрель 1982 г.**

- Позиции, занимаемые силами ООН, по мере того, как израильские войска поэтапно отводятся, апрель 1979 г. – январь 1980 г.
- ▨ Буферная зона «север-юг», январь 1980 г. – апрель 1982 г.
- Израильские поселения на Синайском полуострове

**СИНАЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
ПОСЛЕ ОТВОДА ИЗРАИЛЬСКИХ ВОЙСК**

**Постоянные зоны ограниченного
воинского контингента**

- Зона А** — египетские силы, до 22 000 чел., с тяжелым оружием, танками и БТР
- Зона В** — египетские пограничные части, до 4 000 чел., с легким оружием
- Зона С** — контингент ООН и египетские полицейские части
- Зона D** — ограниченные израильские силы, 4 000 чел., с БТР; наблюдатели ООН

дум представлял собой, в сущности, односторонние оборонные обязательства по защите Израиля.

Кнесет проголосовал за ратификацию мирного договора 22 марта, 95 голосами против 18. Четыре дня спустя, на церемонии в Белом доме, проходившей под председательством Джимми Картера, Бегин и Садат скрепили своими подписями мирный договор между Израилем и Египтом. Израиль вывел все свои воинские части и гражданские поселения с Синайского полуострова. Египет дал обязательство использовать оставленные израильскими аэродромы исключительно в мирных целях. Договаривающиеся стороны обязались взаимно уважать суверенитет друг друга, территориальную целостность и право жить в мире, в пределах “безопасных и признанных границ” (еще одна дипломатическая победа Израиля: эту формулировку можно будет использовать при переговорах о восточных границах). Каждая из сторон взяла на себя обязательства установить и поддерживать нормальные дипломатические, экономические и культурные отношения с другой стороной, устраняя при этом все дискриминационные барьеры, препятствующие свободному передвижению людей и товаров. В рамках мирного договора были определены четыре постоянные зоны дислокации ограниченного воинского контингента на Синайском полуострове и в узкой полосе на территории пустыни Негев, пограничной с Синаем (благодаря уступке Израиля), а также разрешено размещение контингента и наблюдателей ООН в двух восточных зонах С и D (см. карту на стр. 619) Следует особо подчеркнуть, что ооновские силы теперь можно было эвакуировать только при единодушном согласии всех стран — членов Совета Безопасности ООН. Ситуация накануне Шестидневной войны 1967 г. не должна была больше повториться. Израильским судам и грузам был гарантирован беспрепятственный проход через Суэцкий канал и другие морские пути в египетских территориальных водах. Чтобы избежать инцидентов и недопониманий, между египетским Бюро по связям в Эль-Арише и израильским Бюро по связям в Беэр-Шеве была установлена прямая телефонная связь.

Не позднее чем через полгода после промежуточного отвода израильских войск между обеими странами должны были начаться деловые и торговые отношения, сопровождаемые свободным передвижением населения через границы, установлением почтовой и телефонной связи; кроме того, проектировалось сооружение шоссе в районе Эйлата, которое соединяло бы Египет, Израиль и Иорданию. И наконец, в особых посланиях Бегина и Садата Картеру подчеркивалось, что ближневосточные лидеры ожидают от американского президента активного участия США в переговорах, связанных с образованием Палестинской автономии, равно как и в процессе слежения за претворением в жизнь египетско-израильского договора. Картер подтвердил свое согласие, пообещав контролировать работу средств связи в зоне Синай-

ского полуострова на протяжении трехлетнего периода вывода израильских войск. Также, в случае, если Совету Безопасности не удастся сформировать контингент ООН для размещения на Синайском полуострове, Вашингтон пообещал оказать содействие в формировании “альтернативных”, то есть в основе своей американских, многонациональных сил. Американские обязательства, предоставленные как Израилю, так и Египту — экономические, военные и дипломатические — в своей совокупности лишь подчеркивали, какое большое значение придают Иерусалим и Каир роли, которую играет Вашингтон в организации ближневосточного мирного процесса.

И вот 26 марта 1979 г., на устроенной в Белом доме церемонии, с участием израильской и египетской делегаций, Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма, видных американских государственных и общественных деятелей и почетных гостей (среди которых был Генри Киссинджер), Садат и Бегин скрепили своими подписями официальный мирный договор между своими странами.

Через неделю после подписания мирного договора Менахем Бегин нанес свой первый официальный визит в столицу бывшего враждебного государства. В аэропорту Каира его встретил вице-президент Египта Хосни Мубарак¹⁵. Торжественная церемония длилась не более десяти минут, а собравшиеся на каирских бульварах приветствовали Бегина со значительно меньшим энтузиазмом, чем израильтяне приветствовали Садата 17 месяцев тому назад. Впрочем, премьер-министр выглядел совершенно невозмутимым. Большую часть своего первого каирского дня, 3 апреля 1979 г., Бегин провел, осматривая основные туристические достопримечательности.

15 Мубарак Мухаммед Хосни (р. 1928) — египетский государственный и военный деятель. Окончил летную школу в Египте, в 1957 г. — Военную академию им. М. Фрунзе в Москве. В 1967–1969 гг. — начальник Египетской Военно-воздушной академии; в 1969–1972 гг. — начальник штаба ВВС; в 1972–1975 гг. — командующий ВВС, заместитель военного министра. Принимал участие в разработке планов Войны Судного дня. В 1976–1980 гг. — заместитель председателя правящей Национал-демократической партии (НДП); в 1980–1982 гг. — генеральный секретарь НДП. 6 октября 1981 г. находился рядом с А. Садатом на трибуне во время убийства Садата террористами из организации “Братья-мусульмане”. В 1981–2006 гг. Мубарак — президент Арабской Республики Египет; хотя он придерживается политики Садата в отношении Израиля, но после его прихода к власти египетско-израильские отношения ухудшились. Даже официальные египетские пресса и телевидение в 1980–2000 гг. неоднократно позволяли себе грубые антиизраильские и антисемитские нападки. Египетские власти недостаточно активно борются с террористическими атаками против израильских граждан в Египте, с проникновением террористов на израильскую территорию, со снабжением террористических организаций в Газе большими партиями оружия. В результате массовых народных волнений в Египте в феврале 2011 г. подал в отставку. В апреле 2011 г. был арестован.

В синагоге *Шаарей Шамаим* его ждала трогательная встреча с менее чем двумястами пожилыми каирскими евреями — никого больше не осталось из некогда многочисленной еврейской общины. Вечером Бегин присутствовал на официальном обеде, данном в его честь Садатом. Собравшиеся, видные государственные и общественные деятели, приветствовали Бегина учтиво, но сдержанно. В речи, с которой Бегин обратился к присутствующим, прозвучали явные нотки примирения. Он воздал хвалу египетскому народу, отваге и доблести египетских солдат. Его слова были встречены продолжительными аплодисментами. Садат в своей ответной речи проявил больше сердечности к Израилю (и к самому Бегину), чем за все время со дня своего визита в Иерусалим.

В ходе этого визита продолжительностью в двадцать восемь часов оба государственных деятеля публично подтвердили свою прежнюю “неофициальную” договоренность относительно того, что Израиль освободит Эль-Ариш 26 мая 1979 г., то есть на семь месяцев раньше согласованного графика. В совместном коммюнике было также заявлено, что Садат и Бегин встретятся в этот день в Эль-Арише, а оттуда вместе отправятся в Беэр-Шеву. Тогда же они торжественно объявят египетско-израильскую границу открытой и еще сообщат о начале действия воздушного коридора между Каиром и Тель-Авивом. Оба лидера также договорились провести в Эль-Арише торжественную арабскую церемонию сулха¹⁶, знаменующую подлинное примирение. С этой целью министры обороны Вейцман и Хасан Али организовали символическую встречу ветеранов обеих армий, привезя 27 мая в этот приморский город сто египтян и израильтян, получивших ранения в ходе военных действий. В этой трогательной церемонии приняли участие Садат, Бегин и Госсекретарь Вэнс. Садат, обратившись к собравшимся, сказал: “Премьер-министр Бегин и я решили сделать все возможное для того, чтобы побудить народы нашего региона к мирной жизни, чтобы прекратились мучения всех здесь живущих... Ваши страдания не были напрасными. Путь к миру открыт”. Ответ Бегина был выдержан в том же ключе; он призвал свой народ к миру и прочел молитву *Ше-йехяну*: “Благословен Ты, Господь, Бог наш... что защитил нас и дал нам дожить до этого дня...”

16 Сулха (араб. “примирение”) — в арабско-мусульманском мире это понятие означает проведение процедуры немедленного заключения мира со вчерашним непримиримым врагом.

УДК 94(596.4)
ББК 63.3 (5 Изр)
С 15

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ СИОНИЗМА
ДО НАШИХ ДНЕЙ. ТОМ 2. 1952–1978

Говард М. Сакер

Первое издание на русском языке

Перевод ВИКТОРА ГОПМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО “КНИЖНИКИ”
127055, Москва, ул. Образцова, д. 19, стр. 9
тел. (495) 663-21-06; e-mail: info@knizhniki.ru
Интернет-магазин: WWW.KNIZHNIKI.RU

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ЛЕХАИМ”
127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., д. 5а
Тел. (495) 710-88-03; e-mail: lechaim@lechaim.ru
Интернет-сайт: WWW.LECHAIM.RU

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ТЕКСТ”
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7
Тел./факс: (499) 150-04-82; e-mail: text@textpubl.ru
Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 312-52-63
Интернет-сайт: WWW.TEXTPUBL.RU

Подписано в печать 17.03.2011. Формат 70×100/16
Усл.-печ. л. 50,56. Тираж 3 500 экз. 1-й завод 1500 экз. Заказ № 683

Отпечатано в ОАО Типография “Новости”
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ISBN 978-5-9953-0146-2

9 785995 301462 >